ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ А. А. ЖДАНОВА

И. П. ПЕТРУШЕВСКИЙ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ АЗЕРБАЙДЖАНЕ И АРМЕНИИ В XVI - НАЧАЛЕ XIX ВВ.

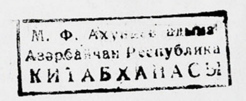
ЛЕНИНГРАД — 1949

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
УНИВЕРСИТЕТ им. А. А. ЖДАНОВА

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

И. П. ПЕТРУШЕВСКИЙ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ И АРМЕНИИ В XVI — НАЧАЛЕ XIX ВВ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОРДЕНА ЛЕНИНА УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ А. А. ЖДАНОВА
ЛЕНИНГРАД
1949

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая монография не ставит своей задачей освещение и разработку всех сторон социально-экономической истории двух стран Закавказья, Азербайджана и кавказской (ныне советской) Армении XVI — начала XIX в. Несмотря на выдающиеся успехи советской востоковедной историографии, в области научной разработки социально-экономической истории стран советского и зарубежного Востока все еще сделано недостаточно. Вопросы периодизации феодального развития этих стран, его специфики, наличия здесь тех или иных укладов и т. д. еще очень далеки от удовлетворительного разрешения.

Некоторые общие вопросы социально-экономической истории, как например, вопрос о производительных силах, о причинах хозяйственного упадка этих стран в XVII—XVIII вв., также пока почти не разработаны. Разрешение таких проблем может быть результатом лишь общих усилий коллектива советских востоковедов.

Поэтому мы и не ставили своей целью разработку в предлагаемой работе всех проблем феодального развития двух названных стран. Нам думается, что в области социальной истории позднего средневековья названных стран, время для таких обобщающих исследований пока не наступило. Мы ограничились рассмотрением в данной работе лишь отдельных институтов, связанных с феодальным землевладением названных стран. Изучение производительных сил в сельском хозяйстве Азербайджана и Армении в данный период — проблема пока почти не разработанная. Мы имеем в виду сделать ее предметом самостоятельного исследования.

Особенное внимание, нам казалось, необходимо уделить вопросам терминологии социальных отношений. Эта терминология сложна, запутана и изменчива для разных районов и периодов. Один и тот же термин в разные периоды и в различной среде обозначал различные институты, виды налогов

и повинностей, разные социальные категории. С другой стороны, нередко одни и те же социальные явления, в зависимости от периода и местности, обозначались различными терминами. Поэтому сопоставление данных источников о терминах и их расшифровку мы считаем первостепенной задачей нашего исследования.

Нам хотелось бы подчеркнуть здесь один важный момент. Как ни мало изучены феодальные отношения в странах Закавказья отмеченного периода, данные источников позволяют сделать вывод, что на территории закавказских ханств, т. е. на территории нынешних Азербайджанской ССР и Армянской ССР, а также южного Азербайджана, господствовал в основном общий тип феодальных отношений.

Указанные соображения дают нам основание трактовать кавказскую Армению и Азербайджан как страны господства в основном одного типа феодальных отношений, одинаковой их специфики. В кавказской Армении с XV в. уже почти не заметно следов порядков, существовавших в период нахарарской Армении и армянских царств IX—XI вв. Рассматривать в этот период Азербайджан и Армению отдельно чрезвычайно трудно. Ереванское ханство, сложившееся на территории Армении, примыкало к тому же типу государственных образований, какой мы видим и в азербайджанских ханствах. Все эти моменты побуждают нас рассматривать феодальное развитие этих стран не порознь, а вместе. Эти же соображения определили и хронологические рамки исследования.

Предлагаемая монография была закончена в первоначальном варианте в 1941 г., в бытность автора старшим научным сотрудником Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР; 1 июля 1941 г. работа была защищена как диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук в заседании Ученого Совета Института Востоковедения Академии наук СССР. Из-за условий военного времени работа лишь в 1948 г. могла быть сдана для печати в Издательство Ленинградского университета. После столь долгого промежутка времени понадобилась значительная переработка монографии, которая сейчас выходит из печати в новом, несколько сокращенном варианте.

Мы не считаем свои выводы окончательными и бесспорными. Некоторые вопросы трактуются в порядке постановки проблемы, по некоторым вопросам мы решаемся выставить рабочие гипотезы.

Мы называем Азербайджаном обе части страны, населенные народом, говорящим на азербайджанском языке, поясняя в каждом отдельном случае, имеем ли мы в виду северный (ныне советский, в XVI—XVIII вв. — Ширван и Карабаг) или южный (ныне иранский) Азербайджан. Под кавказской Арменией мы понимаем ту часть исторической Армении, которая в начале XVI в. вошла в состав Кызылбашского государства, позже — в состав Ереванского и отчасти Нахчеванского ханств.

Терминами «иранский» и «персидский» в лингвистическом смысле мы пользуемся в значении, принятом советскими востоковедами, — как родовым и видовым понятиями.

Под выражением «тюрки» мы понимаем всю совокупность тюркоязычных племен и народов, в числе их и тех, которые позднее слились с азербайджанцами. Говоря о кочевых племенах стран Закавказья, Ирана и Малой Азии, мы пользуемся этим условным термином в тех случаях, когда невозможно установить, идет ли речь об азербайджанских или о других кочевых тюркоязычных племенах. По техническим причинам пришлось сократить до минимума цитированные в работе персидские тексты, оставив лишь немногие тексты особо характерных по содержанию официальных документов, данные в виде клише. Технические же причины побудили нас также принять упрощенную транскрипцию имен и терминов.

Автор считает своим приятным долгом принести благодарность акад. И. Ю. Крачковскому, чл.-корр. АН СССР проф. Е. Э. Бертельсу, чл.-корр. АН СССР проф. А. Ю. Якубовскому и ныне покойному проф. П. П. Иванову за консультацию по ряду вопросов, затронутых в работе. Автор считает необходимым отметить значительную помощь, оказанную ему проф. Ю. Н. Марром, а также Институтом истории и материальной культуры АН Грузинской ССР, предоставившим в свое время возможность работы над фотокопиями персидских официальных документов из коллекций б. Эчмиадзинского хранилища.

И. Петрушевский

Ленинград,
январь 1949 г.

Глава I

ИСТОЧНИКИ И НАУЧНАЯ РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМЫ

Среди источников по проблеме феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. на первом месте назовем персоязычные документальные источники. Языком официальных актов не только в Кызылбашском государстве, но и в полунезависимых закавказских ханствах вплоть до эпохи присоединения их к России и даже некоторое время после него[1] был ново-персидский (фарси). Этот язык, непонятный массе азербайджанского и армянского, так же как и татского, талышского, курдского крестьянства, в закавказских ханствах играл роль классового литературного языка феодальной верхушки.

Можно выделить две группы персоязычных официальных документов, относящихся к Азербайджану и Армении отмеченной эпохи: 1) ферманы и другие документы, исходившие от центрального (шахского) правительства Ирана и его ведомств (диванов); 2) указы и документы, вышедшие из диванов местных ханов. Ценность этих двух групп документальных источников не вполне одинакова.

Из документов первой группы на первом месте следует упомянуть неопубликованную доныне[2] серию сефевидских и афшарских ферманов, относящихся главным образом к кавказской Армении и отчасти к Азербайджану (главным образом, к районам Карабага, Ганджи и к некоторым местностям южного Азербайджана), хранившихся в Архиве б. Эчмиад-

---

[1] До 30—40-х гг. XIX в. отдельные акты на персидском языке, относящиеся к Эриванской (Ереванской) губернии, встречаются еще в 1870 г.

[2] Серия эта подготовлялась к публикации Институтом имени акад. Н. Я. Марра Грузинского филиала АН СССР совместно с Институтом истории Армянского филиала АН СССР, однако, сколько нам известно, в связи с Отечественной войной издание было задержано.

зинского монастыря [1], в общем до 110 документов. Наиболее ранний из документов датирован месяцем зу-л-ка'да 955 г. х. (2—31 декабря 1548 г. н. э.), наиболее поздний — месяцем мухарремом 1162 г. х. (22 декабря 1748 г. — 12 января 1749 г. н. э.). Документы данной серии, таким образом, освещают более чем двухсотлетний период. Кроме того, в серию вошло несколько каджарских ферманов, наиболее поздний из которых датирован месяцем шаввалем 1264 г. х. (31 августа — 28 сентября 1848 г. н. э.).

В данную серию вошло очень немного документов XVI в. Большинство документов относится к XVII в.; главным образом, к периоду правления шахов Аббаса II (1642—1667) и Сулеймана (1667—1694). К первой половине XVIII в. относится сравнительно немного документов. Незначительное число документов, оставшихся от XVI в., быть может, объясняется тем, что пожалование каждого шаха, как правило, подтверждалось его преемником, издававшим новый ферман, в котором приводилась ссылка на ферманы предыдущих шахов, иногда с точным указанием даты и с кратким изложением содержания этих ферманов. Например, ферман шаха Хусейна, изданный в месяце раби' II 1124 г. х. (8 мая — 5 июня 1712 г. н. э.), вновь подтверждает права и привилегии армянских общин в Кызылбашском государстве со ссылкой на указы и фетвы (богословско-юридические заключения) шиитских улемов, изданные в месяце ша'бане 1023 г. х. (6 сентября — 4 октября 1614 г.), раджабе 1068 г. х. (4 апреля— 3 мая 1658 г. н. э.), джумаде II 1069 г. х. (24 февраля — 24 марта 1659 г. н. э.), ша'бане 1071 г. х. (1—29 апреля 1661 г. н. э.), зу-л-ка'де 1079 г. х. (2 апреля—1 мая 1669 г. н. э.) и джумаде II 1089 г. х. (21 июля—18 августа 1678 г. н. э.). При этом приведено вкратце содержание перечисленных указов. [2] Повидимому, держатели ферманов, имея на руках более поздние ферманы, не слишком старались сберегать более ранние, коль скоро они были подтверждены царствовавшим шахом. В фермане шаха Сулеймана, изданном в месяце рамазане 1082 г. х. (1—30 января 1672 г. н. э.) [3] и содержащем подтверждение прав Эчмиадзинского монастыря на владение селением Учь-Килисийя, т. е. Вагаршапат, как вакфным имуществом, изложено вкратце содержание вакфной грамоты,

[1] Указанная серия в настоящее время находится в Государственном хранилище Армянской ССР «Матенадаран». Опись документов этой серии составлена в 1935 г. Ин-том имени Н. Я. Марра Грузинского филиала АН СССР (ныне АН Груз. ССР). Нумерация этой описи в дальнейшем и приводится нами при ссылках.

[2] Эчм., док. № 3/37.

[3] Эчм., док. № 15.

составленной в месяце мухарреме 854 г. х. (14 февраля — 15 марта 1450 г. н. э.), т. е. еще во время владычества туркменской чернобаранной (Кара-койюнлу) династии Барани. Самой вакфной грамоты, однако, в данной серии документов нет.

Шахские ферманы данной серии выданы на имя эчмиадзинского армянского патриарха-католикоса, армянских епископов и разных лиц — христиан и мусульман, в частности представителей кызылбашской знати, — с которыми Эчмиадзинский монастырь находился в тех или иных сношениях, наконец, на имя сельских общин. Многие документы состоят из трех частей, писанных на одном большом листе: 1) прошения на имя шаханшаха (шаха), 2) фетвы шиитских богословов-законоведов, содержащей юридическое заключение на основе шариата по предмету прошения, и 3) собственно фермана шаханшаха, заключающего в себе резолюцию на прошение.

Большая часть документов написана смешанным почерком — насталик с сильными элементами шикестэ; почерк немногих документов — насх, смешанный с шикестэ и отчасти с рик'а. В деталях почерка разных документов заметно большое разнообразие; в немногих документах пунктуация совершенно отсутствует. Большинство документов — подлинники. На них имеются заменяющие подписи печати шаханшаха, высокого садра (главы мусульманского шиитского духовенства, в ведении дивана которого находились вакфные имущества), шейх-ал-ислама данной области (вилайета), иногда и других сановников. Меньшинство документов — копии: в них место шахской печати или тугры (монограммы) отмечено словами «место благословенной печати его священнейшего величества государя» или просто «место тугры». Подлинность копий удостоверена печатями ереванского или других беглербегов (шахских наместников областей), равно как и ссылками на данные ферманы в других документах.

Язык и стиль документов эчмиадзинской серии, не в пример ханским ярлыкам государств Ильханского (1256—1344) и Джелаиридского (1340—1410), не отличаются чрезмерной цветистостью, вычурностью и растянутостью. Прошения, фетвы и шахские ферманы писаны по определенным трафаретам. Любое прошение на имя шаха, будь то и прошение эчмиадзинского католикоса, писалось от имени «ничтожнейшего из рабов», просящего о пожаловании «справедливого указа в виде милостыни благословенной, благороднейшей, священнейшей, возвышеннейшей высочайшей главы» и завершается заверением, что «это деяние (т. е. шахская «милость») перед аллахом и посланником аллаховым (Мухаммедом) не будет напрасным». Все шахские ферманы начинаются сло-

вами: «высочайший ферман последовал о том, что...» или «указ того, кому подчиняется мир, последовал о том, что...»[1]

Что касается содержания, то около половины документов эчмиадзинской серии (целиком или отчасти) касаются аграрных отношений и землевладения. Здесь мы найдем документы, содержащие утверждение шаханшахами (шахами) прав на владение землями, изложение судебных тяжб из-за владения землею,[2] пожалование армянским монастырям права взимать в свою пользу и те подати, которые крестьяне должны были вносить в казну, и освобождение от других податей, иначе говоря, пожалование монастырям привилегии налогового иммунитета (ма'афи, му'афи).

Ценность документов данной серии заключается в том, что они дают подробный и довольно полный перечень земельных владений Эчмиадзинского монастыря. Документы эчмиадзинской серии устанавливают, что Эчмиадзинскому монастырю принадлежали не только вакфные имущества, которые нельзя было продавать, закладывать и передавать в частное владение, но и недвижимости на правах мулька, т. е. частной собственности. Из фермана шаха Аббаса II, изданного в месяце раджабе 1068 г. х. (4 апреля — 3 мая 1658 г. н. э.),[3] видно, что Эчмиадзинский монастырь покупал и продавал мульки, и приложенная к фергану фетва шиитских законоведов признавала эти сделки законными.

Многие документы говорят о захвате земель — монастырских и сельских общин — сильными представителями военной и чиновной знати, главами кочевых племен и управителями поместий знатных людей.[4] Некоторые ферманы содержат пожалование налогового иммунитета — му'афи армянским монастырям. Из таких ферманов наиболее интересен ферман шаха Адиля из династии Афшаров 1162 г. х. (1748/9 г. н. э.) на имя армянского монастыря Кара-Килисийя,[5] представляющий подтверждение иммунитетной привилегии, выданной еще Надир-шахом.[6] Многие документы содержат ряд данных для выяснения налоговой системы эпохи.

---

[1] В отличие от этого указы закавказских полунезависимых ханов открываются более скромным вступлением: «Высокий указ последовал о том, что...»

[2] В этом отношении особенно интересны два документа: Эчм. № 3/15 и Эчм. № 3/24.

[3] Эчм. № 3/72.

[4] См., например, Эчм. № 3/90 — ферман шаха Тахмаспа I, изданный в месяце раджабе 967 г. х. (28 марта — 26 апреля 1560 г. н. э.) о присвоении «сборищем захватчиков» пахотных полей селений Кудук-Ангурак и Кырх-Булаг; ср. Эчм. №№ 3/72, 3/18, 3/86 и др. — См. об этом подробнее в гл. VI настоящей работы.

[5] Эчм. № 3/38.

[6] Эчм. № 3/29.

Для истории Эчмиадзинского монастыря, как феодального поместья, данная серия документов является главным источником,[1] наряду с «Джамбром», составленным около 1768 г. н. э. католикосом Симеоном Ереванским (1763—1780) и содержащим описание поместий Эчмиадзина, основанное прежде всего на переводах тех же сефевидских и афшарских документов.

Упомянем далее небольшую серию Ереванского исторического архива Центрального архивного управления Армянской ССР. Серия эта содержит 8 чрезвычайно интересных сефевидских ферманов XVII — начала XVIII в., касающихся пожалований тиула.[2]

Азербайджанский исторический архив Азербайджанского архивного управления не содержит сколько-нибудь значительного числа сефевидских ферманов. Можно отметить лишь одну значительную коллекцию грамот иранских шахов и разных местных ханов (и то в русском переводе), выданных на имя меликов карабагского округа Варанды, из династии Шах-Назарян.[3]

Из документов, характеризующих вакф, как вид феодального землевладения, и сойюргал, как вид наследственного лена, следует отметить небольшую, но чрезвычайно интересную серию жалованных ферманов на имя наследственных шейхов суфийско-дервишской обители (ханэках) при особо почитавшемся шиитами мазаре (гробнице) Биби-Эйбат, сестры восьмого шиитского имама Али-Ризы близ Баку, в селении того же имени (ныне Биби-Эйбатский нефтяной район). Серия составилась из копий, снятых акад. Б. Дорном с подлинных документов, представленных в 1261 г. х. (1845 г. н. э.) в Бакинский уездный суд наследниками биби-эйбатских шейхов— ахундом Нур-Мамедом и др. для обоснования своих владельческих прав. Документы эти, повидимому, предназначавшиеся акад. Б. Дорном для публикации, хранятся в Рукописном отделении ИВАН.[4] Серия содержит 9 ферманов Сефевидов; самый ранний из них датирован месяцем мухарремом 954 г. х. (21 февраля — 22 марта 1547 г. н. э.), самый поздний — месяцем раби' II 1078 г. х. (20 сентября — 18 октября

---

[1] Подробнее о документах Эчмиадзинской серии см. И. П. Петрушевский, Персидские официальные документы XVI — начала XIX в. как источник для истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении, «Проблемы источниковедения», III, 1940, стр. 15—29; там же приведены выдержки из текстов.

[2] Подробности см. в упомянутой нашей статье, стр. 29—31.

[3] АзЦАУ, ист. арх. ф. военно-окр. нач-ка, д. 14, лл. 341—348; наиболее ранний из документов — ферман шаха Аббаса II 1060 г. х. (1650 г. н. э.), наиболее поздний — указ Мехди-кули-хана карабагского 1221 г. х. (1806/7 г. н. э.).

[4] ИВАН, Рукописное отд., из архива, ф. 15, № 44/584/8.

1667 г. н. э.); кроме того, один указ, датированный месяцем джумадой II 1204 г. х. (16 февраля — 16 марта 1790 г. н. э.), судя по печати, принадлежит Ахмед-хану II кубинскому (1789—1791), под верховной властью которого в то время находилось и ханство Бакинское. Документы содержат данные относительно порядка наследования биби-эйбатских шейхов, налогов, взимавшихся в Ширване, налогового иммунитета (му'афи) и института сойюргала. Бросается в глаза сходство между техническими выражениями грамот и существом вакфных пожалований Сефевидов, выданных на имя как мусульманских, так и христианских религиозных учреждений.[1]

Из опубликованных персоязычных ферманов можно отметить серию жалованных грамот, выданных на имя наследственных владетелей Элису и Цахура (в сев.-зап. части Азербайджана). Наиболее ранний из этих документов датирован 970 г. х. (1562 г. н. э.). Документы опубликованы в Актах Кавказской археографической комиссии под редакцией известного кавказоведа Ад. Берже.[2]

Таково содержание и трех ферманов Надир-шаха на имя меликов шекинских; тексты (плохо воспроизведенные клише фотоснимков персидского текста) и русские переводы опубликованы в приложении к изданной в Баку хронике по истории Шеки Абд-ал-Хамида.[3]

Интересный ферман шаха Хусейна 1113 г. х. (1701 г. н. э.) на имя Байяндур-султана, наследственного владетеля Караджа-дага в южном Азербайджане, опубликован Н. Ханыковым.[4] По содержанию близко примыкают к сефевидским документам два фермана правителей Ак-койюнлу — султана Я'куба 893 г. х. (1488 г. н. э.)[5] и царевича Қасима ибн Джихангира 903 г. х. (1498 г. н. э.).[6] Эти документы трактуют об

[1] Пишущий эти строки имеет в виду опубликовать указанную серию документов с переводом и примечаниями. В настоящей же работе см. подробнее об этих документах в гл. IV.

[2] АКАК, т. II, дополнение II, №№ 1—22; в серию включены и ферманы турецких султанов времени турецкого владычества в странах восточного Закавказья (1508—1606 и 1723—1735 гг.).

[3] Об этой хронике см. ниже.

[4] Lettre de M. Khanykov à M. Dorn précédée d'un rapport de cet Académicien, Mélanges Asiatiques, 1857, t. III, livr. 1, texte pers., pp. 71—74, trad. franç., pp. 74—76.

Об этом документе см. И. П. Петрушевский, К вопросу об иммунитете в Азербайджане в XVII—XVIII вв., „Исторический сборник", IV, 1935, стр. 58—66; см. также в гл. IV настоящей работы. — V. Minorsky, A Soyurghal of Qasim Aq qoyunlu, BSOS, vol. IX, part. 4. Lond. 1939, pp. 958—959.

[5] Персидский текст приведен в «Фарс-намэй-и Насири» Хасана Фаса'и, техранск. литогр. изд. 1313 г. х., стр. 81—83.

[6] Персидский текст с английским переводом, комментарием и вступительной статьей опубликован В. Минорским в 1939 г.

институтах сойюргала и вакфа и приводят перечень податей и феодальных повинностей, существовавших накануне создания Кызылбашского государства. Как видно из других источников, большая часть этих податей и повинностей существовала и при Сефевидах. Уже одно это обстоятельство придает обоим упомянутым ферманам значительную ценность для исследования периода XVI—XIX вв.

Известным ученым XVIII в. и историографом Надир-шаха Мирза Мехди-ханом Астерабади составлен «инша» — сборник копий официальных документов — ферманов, вакфных грамот, дипломатической переписки с Россией и Турцией, а также трафаретов документов разного характера и писем шаха к различным лицам времени шахов Хусейна (1694—1722), Тахмаспа II (1722—1732) и Надира (1736—1747).[1] Сборник этот не имеет прямого отношения к странам Закавказья, но представляет интерес для изучения существовавших при иранском владычестве в этих странах феодальных институтов.[2]

Ферманы Сефевидов и их преемников, как источник, нуждаются в критическом отношении со стороны исследователей. Сефевидское правительство, особенно при шахе Аббасе I и его ближайших преемниках, стремилось к созданию централизованного деспотического государства. Шахское правительство было заинтересовано в сокрушении или, по крайней мере, в ослаблении остатков старинных владетельных феодалов, уцелевших в ряде областей Кызылбашского государства, в частности, в прикаспийских странах, от до-сефевидских времен.

Уже со времени шаха Тахмаспа I (1524—1576) шахскому правительству приходилось опасаться усиления могущества той самой новой кызылбашской военно-кочевой знати, при поддержке которой Сефевиды пришли к власти. Центробежные тенденции, междоусобия и мятежи этой кызылбашской знати, начало которым положило восстание эмиров племени устаджлу 1526 г., несли определенную опасность для шахской власти. Шах Аббас I, при поддержке гражданской бюрократии, начавшей складываться при нем новой военной аристократии из выслужившихся гулямов и других кадров созданного этим шахом постоянного войска, и крупного купечества,

[1] Имеется персидское литографированное издание Акаджана ибн-Мухаммед-Ризы Тебризи, Техран 1294 г. х. Рукопись инша Мирзы Мехди-хана есть и в Рук. отд. ИВАН; см. также V. Rosen, Manuscrits persans, SPb. 1886, p. 169, № 26; ср. Schéfer, Chrestomatie persane, t. II, p. 235.

[2] См., например, в упомянутом литографированном издании стр. 31, 108 — указы о назначении областных правителей; стр. 30 — о назначении садра государства; стр. 28 — о назначении назира ведомства собственных доменов шаха (хассэ); стр. 15 и 16 — вакфные грамоты и т. д.

принял решительные меры к ослаблению кызылбашской знати и владетельных феодалов, добился известных успехов в борьбе с феодальной раздробленностью и в деле укрепления центральной власти. Но полностью осуществить задачу создания централизованного государства сефевидскому правительству не удалось. А в конце XVII в., в связи с перемещением главных путей европейско-азиатской торговли и с общим хозяйственным упадком стран Передней и Средней Азии, Кызылбашская держава пережила новый упадок центральной власти и ее аппарата и новое торжество феодальной раздробленности, которая, впрочем, и в пору наибольшего могущества Сефевидов никогда не была вполне преодолена.

В шахских ферманах игнорировалось существование феодальной раздробленности. В этих ферманах не говорится о наследственных феодальных владетелях, официально они рассматривались лишь как назначенные шахом хакимы (правители), как чиновники шахского правительства. В действительности в Кызылбашской державе феодальная раздробленность в полной мере никогда не была ликвидирована, и реальная власть местных владетельных феодалов была неизмеримо больше власти простых чиновников. Равным образом, в шахских ферманах феодальные институты тиула, сойюргала и т. п. официально толковались по сравнению с тем, чем они были в реальной действительности, в гораздо более ограниченном смысле. Поэтому шахские ферманы, выражая централистические тенденции шахского правительства, не дают точного отображения существовавших в живой действительности феодальных отношений. Историк, пользуясь этими ферманами, как источником, должен отнестись к ним критически. Сличение их условного бюрократического языка с грамотами местных ханов и с данными нарративных источников помогает нам избежать буквального истолкования выражений шахских ферманов и выявить несоответствие юридической формы и жизненной практики.

Вторая группа персоязычных официальных документов, относящихся к странам Закавказья, — грамоты, вышедшие из диванов местных полунезависимых ханов XVIII в. и, в отличие от шахских ферманов, обозначавшиеся термином «хукм» (ар. «указ») или «та'лика» (ар., в азерб. произношении — талага, от ар. та'лик — «привешивание» печати). Эти указы, отражавшие центробежные стремления местных владетельных феодалов, превратившихся после гибели Надир-шаха в 1747 г. и внутреннего развала Иранской державы в полунезависимых ханов, как нам кажется, рисуют менее искаженную в угоду централистическим тенденциям шахов и менее условную картину общественных отношений, нежели ферманы

шахов Ирана и потому в общем ценнее их как источник для изучения феодальных отношений в Азербайджане и в Армении.

Язык и стиль документов, вышедших из диванов местных ханов, гораздо более прост и лаконичен, а вместе с тем и менее условен, нежели язык сефевидских и афшарских документов. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить любой из таких документов с любым из документов, например, упомянутого нами сборника «Инша» Мирзы Мехди-хана.

Из документов этой группы отметим прежде всего обнаруженную в 1935 г. в Нахичевани (Нахчеване) и изданную в 1936 г. Институтом имени акад. Н. Я. Марра Грузинского филиала АН СССР серию «Нахичеванских рукописных документов».[1] В нашу задачу не входит оценка данной публикации. Заметим лишь, что чтение текста, проредактированного покойным советским иранистом проф. Ю. Н. Марром, не вызывает сомнений.

Среди документов данной серии мы встречаем разнообразные акты: указов ханов нахчеванских — 7, ферманов Фетх-Али-шаха Каджара — 2, указов его сына Аббас-мирзы, наместника южного Азербайджана — 6, прошений на имя Керим-хана зенда (1750—1779) — 2, актов о продаже имений, об оросительных каналах, а также других актов — 7. Наиболее ранний документ, датирован 15 зу-л-ка'ды 1058 г. х. (1 декабря 1648 г. н. э.), наиболее поздний — 26 раджаба 1251 г. х. (17 ноября 1835 г. н. э.). Выдающийся интерес представляют документы №№ 1—7, характеризующие отношения между азербайджанским полукочевым племенем кенгерлю (ветвь устаджлу, одного из крупнейших кызылбашских племен) и вышедшей из среды этого племени нахчеванской ханской династией.

Другие документы этой серии касаются аграрных отношений — пожалования тиулов местным ханом, выполнения крестьянами их повинностей по отношению к землевладельцам,[2] купли-продажи мульков.[3]

Не меньшую ценность для трактуемой нами темы представляет и другая серия официальных персоязычных документов местного происхождения, также изданная Институтом имени акад. Н. Я. Марра Грузинского филиала АН СССР, —

---

[1] Нахичеванские рукописные документы. Перс. текст и русск. перевод под ред. Ю. Н. Марра, изд. Ин-та им. акад. Н. Я. Марра Грузинского филиала АН СССР, Тбилиси 1936. Пишущий эти строки пользовался вошедшими в данную публикацию документами в рукописи. Документы писаны смешанным почерком — насталик с шикестэ. Перевод их приводим наш.

[2] Нах., №№ 12, 13, 16, 17, 18.

[3] Нах., №№ 10, 11, 22, 23, 24.

указы ханов Кубы и Дербенда XVIII в.[1] Серия эта состоит из 23 ханских указов (хукм), 4 документов, исходящих от знатных и чиновных людей Кубинского ханства, и 2 та'лик царских комендантов Кубинской провинции. Наиболее ранний из документов датирован месяцем зу-л-хиджжа 1117 г. х. (16 марта — 14 апреля 1706 г. н. э.), а наиболее поздний — месяцем раджабом 1235 г. х. (14 апреля — 13 мая 1820 г. н. э.). Документы, собранные, повидимому, случайно царскими властями при проверке владельческих прав разных кубинских беков, были обнаружены еще в 20-х годах XX в. в Азербайджанском историческом архиве в г. Баку доц. Абдулла Субханвердихановым. Документы были написаны смешанным почерком — насх с элементами шикестэ.[2]

Ценность этих документов тем более значительна, что Кубинское ханство в один из периодов своего существования (при Фатх-Али-хане, 1758—1789) объединило под своей властью добрую половину северного Азербайджана. Политическое влияние кубинских ханов всегда было велико.

Содержание документов этой серии более однообразно, нежели содержание рассмотренных нами ранее. Указы касаются исключительно земельных пожалований, пожалований людей в личную зависимость беков и повинностей крестьян. Зато в этой области кубинские документы дают очень богатый материал. Ряд документов говорит о пожалованиях тиула,[3] зимних и летних пастбищ.[4] Три документа первой половины XVIII в. касаются права налогового иммунитета (му'афи || ма'афи), предоставленного кубинскими ханами местечку Худад.[5] Особенностью кубинской серии является обилие в ней документов, говорящих о пожаловании в личную зависимость бекам не только селений и пастбищ, но и отдельных людей, без земли; о таких пожалованиях говорится в 10 указах.[6] В некоторых указах речь идет о пожаловании бекам и другим лицам ранджбаров. Этим термином (перс.), имевшим разное значение, в Кубинском ханстве обозначалась особая категория крепостных крестьян, занятых работой исключительно в личном хозяйстве землевладельца.[7]

[1] Указы кубинских ханов, перс. текст, русск. перевод и примечания, изд. Ин-та им. акад. Н. Я. Марра Грузинского филиала АН СССР, Тбилиси 1937. К изданию приложена обширная библиография.

[2] Данная коллекция содержала и вторую часть, заключавшую в себе переписку кубинских ханов с соседними владетелями. Поскольку эта переписка представлялась малосодержательной, Ин-т имени акад. Н. Я. Марра Грузинского филиала АН СССР ограничился опубликованием первой части данной коллекции.

[3] Куб. №№ 4, 7, 19, 23, 27.

[4] Куб. №№ 9, 12, 13, 20.

[5] Куб. №№ 1—3.

[6] Куб. №№ 8, 10, 11, 17, 18, 21, 24—26, 29.

[7] О ранджбарах см. в гл. VII настоящей работы.

Другие указы кубинских ханов, не вошедшие в упомянутую коллекцию, равно как и указы и жалованные грамоты других ханов Азербайджана и Армении, сохранились в небольшом количестве. Некоторые грамоты карабагских, шекинских, ширванских, талышских ханов разрознены по разным фондам Азербайджанского исторического архива, есть они также и в Рукописном отделении Государственного музея Грузии. Лишь часть из них сохранилась в персидских подлинниках, часть же только в русских казенных переводах. Подробное перечисление их нам здесь представляется ненужным. Больше всего сохранилось жалованных грамот карабагских ханов из династии Джеваншир: Панах-хана (1747—1760), Ибрахим-Халил-хана (1760—1806) и больше всего Мехди-кули-хана (1806—1822).[1] Русские переводы этих документов, сделанные или проверенные переводчиком Графом, значительно лучше и точнее других русских казенных переводов. Затем довольно много указов кубинских ханов, особенно Фатх-Али-хана (1758—1789), Ахмед-хана II (1789—1791) и Шейх-Али-хана (1791—1810), сохранилось частью в подлиннике, частью в ужасающих казенных переводах.[2]

Почти все они касаются пожалований бекам и другим служилым людям пастбищ, селений, ранджбаров и по содержанию ничем не отличаются от упомянутых уже нами указов местных ханов. Отметим лишь один действительно важный момент, который мы встречаем в грамотах карабагских ханов: указание на существование прикрепления крестьян — ра'ийятов к земле. Этот же момент довольно хорошо освещен и в относящейся к первому десятилетию XIX в. переписке ханов ереванского, ганджинского и ширванского с царскими главнокомандующими в Грузии.[3]

Следует отметить, что персоязычные документальные источники XVI—XVIII вв. выявлены и изучены еще далеко недостаточно, поэтому оценка их значения и особенностей в полной мере была бы преждевременной.

Материалы персоязычной эпиграфики данного периода почти совсем не изучены и слабо выявлены, хотя некоторые надписи являются настоящими документами. Не останавливаясь специально на вопросе о персоязычной эпиграфике как об источнике по феодальным отношениям стран Закавказья, укажем лишь на две персидских надписи исключительного значения, опубликованные в изданном Н. Ханыковым сборнике

[1] АзЦАУ, ист. арх., в фонде Бак. бек. к-ии, д. №№ 2, 3, passim и в некоторых других фондах.

[2] АзЦАУ, ист. арх., фонды кубинского коменданта, дагестанского военного губернатора, кубинского уездного начальника и др.

[3] АКАК, т. II, passim. — См. об этом подробнее в гл. VII настоящей работы.

мусульманских надписей Кавказа;[1] надпись 1016 г. х. (1607/8 г. н. э.) над порталом соборной мечети города Ордубада, воспроизводящая ферман шаха Аббаса I о предоставлении прав налогового иммунитета (му'афи) этому городу,[2] и надпись 1145 г. х. (1732/3 г. н. э.) на стене мечети в селении Вананд, рисующая тяжелое положение крестьянства, разоренного войнами и междоусобиями.[3]

Переходя к обзору нарративных источников на персидском языке, отметим прежде всего полное отсутствие среди них местных хроник и вообще сочинений, предметом которых была бы исключительно местная история стран Закавказья. Если, например, соседний Гилян богат произведениями местной историографии, то такие же произведения на персидском языке по странам Закавказья отсутствуют[4] или по крайней мере пока не обнаружены; местные персоязычные хроники сохранились лишь от XIX в.[5] Источниками по историографии Закавказья могут служить лишь большие исторические сочинения типа «всеобщих историй», либо специальные исторические сочинения, посвященные истории Кызылбашского государства и отдельных его частей, либо специальные труды по истории одного периода, или, наконец, изображению деяний того или иного лица (шаха Аббаса I, Надир шаха и т. д.),[6] написанные авторами из разных народностей, в их числе и азербайджанцами.

Деление персоязычных нарративных источников по истории Ирана на указанные две группы является обычным в трудах буржуазных востоковедов — историков и литературоведов.[7] Однако классификация по такому признаку тех же исторических трудов, как источников по феодальным отношениям в Азербайджане и Армении, оказалась бы далеко не во всех случаях удачной. Источники обеих групп не дают систематического изложения истории стран Закавказья, а обращаются к этим странам лишь по временам, обычно в связи с происходящими там событиями крупного масштаба. При этом некоторые авторы сочинений типа «всеобщих историй», например, Хондемир, Хуршах, уделяют странам Закавказья не меньше места и внимания, нежели авторы специальных исторических сочинений.

[1] N. Khanykov, Mémoires sur quelques inscriptions musulmanes du Caucase, Paris, 1863.

[2] Там же, перс. текст, стр. 94, 95; франц. перевод, стр. 95, 96.

[3] Там же, перс. текст, стр. 96, 97; франц. перевод, стр. 97, 98.

[4] Это обстоятельство отмечено акад. В. В. Бартольдом, Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира, стр. 122.

[5] См. о них ниже.

[6] Подробнее о них см.: И. П. Петрушевский, Иранекие источники по истории Азербайджана, «Известия АзФАН» за 1942 г., № 8.

[7] Например один из новейших трудов по истории персидской литературы (C. A. Storey, Persian Literature, a bio-bibliographical Survey, London, 1935—1936), посвященный историческим сочинениям, разделен на 2 части по указанному выше признаку: ч. I — сочинения типа „всеобщих историй“ (general history), ч. II — специальные исторические труды (special histories of Persia, Central Asia etc.).

Следует отметить, что нарративные персоязычные источники XVI—XVIII вв. вообще изучены еще далеко недостаточно, во всяком случае в несравненно меньшей степени, нежели персидские исторические источники X—XV вв. В еще меньшей степени эти источники привлекались для изучения истории стран Кавказа, в частности феодальных отношений в этих странах. Некоторые из этих источников, например продолжения Искендера Мунши, совсем не привлекались к изучению с точки зрения интересующей нас проблемы. Часть нарративных источников до сих пор продолжает оставаться лишь в рукописях, и некоторые из этих рукописей являются уникальными (например рукопись ценнейшего источника XVIII в. Мухаммед Казима). Рукописей некоторых источников XVI—XVIII вв. в хранилищах СССР не имеется, рукописи других, напротив, имеются только в хранилищах СССР. Из опубликованных источников большинство издано в виде литографий в странах Востока, и эти издания далеко не удовлетворительны. Научно-критических изданий персоязычных нарративных источников XVI—XVIII вв. сравнительно немного. Поэтому классификация этих источников на основании их внутреннего содержания, политических ориентаций авторов и других признаков была бы на данном уровне научной разработки преждевременна. Правильнее всего было бы расположить эти источники в нашем обзоре в хронологическом порядке, оставляя в стороне остальные особенности их. В то же время период XVI—XVIII вв. исключительно богат персоязычными историческими сочинениями, более богат, нежели период монгольского владычества, бывший настоящим золотым веком персидской исторической литературы. Поэтому историк, занимающийся периодом XVI — XIX вв., «испытывает затруднения не от недостатка, но от обилия материала, разбросанного по большому числу библиотек, требующего критического рассмотрения, прежде всего критического издания».[1] Эти слова были сказаны акад. В. В. Бартольдом о периоде Тимуридов (1370—1500), но они с еще большим правом могут быть повторены и относительно рассматриваемого нами периода.

Персоязычные нарративные источники, за редкими исключениями, отличаются цветистым и изысканным языком многословным и растянутым изложением, изобилующим образными

[1] В. В. Бартольд, Мир-Али-Шир, Л. 1928, стр. 100; Его же, Новый источник по истории Тимуридов, «Записки ИВАН», V, 1935, стр 3.

2*

выражениями и метафорами, изложением, нередко блестящим со стороны формы, но во многих местах мало содержательным. Текст обычно более или менее обильно пересыпан стихами. Фактам социально-экономического порядка эти источники опять-таки за редкими исключениями (например, Мухаммед Казим) уделяют место лишь временами, от случая к случаю. Чаще всего исследователю приходится путем долгих и кропотливых поисков разыскивать крупицы такого рода сведений среди материала совсем иного рода — описаний битв, шахских охот и т. д. Тем не менее, в общей сумме, фактов социально-экономического порядка, извлеченных из нарративных источников, оказывается очень много. Эти сведения являются важным и полезным дополнением к данным документальных источников.[1]

Переходим к обзору отдельных нарративных источников.

Беннаи. Первым по времени персоязычным нарративным источником рассматриваемого нами периода является Шахан-шах-намэ («Книга царя царей») — хроника царствования первого шаха из династии Сефевидов — Исмаила I, доведенная до 918 г. х., приписываемая поэту и историку Кемаль-ад-дину Беннаи (1512/3 г. н. э.), хотя авторство его вызывает большое сомнение. Написана рифмованной прозой.[2] По политической истории стран Закавказья этот источник дает немало подробностей и деталей, не упоминаемых в других источниках,[3] фактов же социально-экономического порядка приводит крайне мало.

Тарих-и шах-и Исмаил-и Сефеви («История шаха Исмаила Сефевида»). Неизвестным автором составлена хроника событий периода ранней юности шаха Исмаила I, от времени его выступления в роли вождя кызылбашей до восшествия на престол.[1] Изложение во многих частях почти совпадает с изложением Хондемира. Хроника эта обстоятельно освещает политическую обстановку, сложившуюся в прикаспийских областях и в Азербайджане накануне создания Кызылбашского государства, и рисует борьбу кызылбашей с их противниками. Сведений социально-экономического порядка хроника сообщает немного.

Хондемир. Одним из крупнейших историков является таджик Гийяс-ад-дин ибн Хумам-ад-дин ал-Хусейни, по прозванию Хондемир, бывший внуком со стороны матери прославленного автора большой исторической компиляции «Раузат-ас-сафа» («Сад чистоты») Мирхонда. Хондемир родился около 1475 г., состоял на службе у царевича Бади'-аз-замана, сына тимуридского султана Хорасана Хусейна (1469—1506 гг.). Пользуясь покровительством везира этого султана, великого узбекского поэта Мир Алишера Навои, Хондемир около 1500 г. составил историческую компиляцию «Хулясат-ал-ахбар» («Краткий экстракт известий»), посвященную Навои. Хондемиром же составлен и VII том «Раузат-ас-сафа». После разрушения государства Тимуридов шейбанидскими узбеками (1507) Хондемир оставался в столице Хорасана г. Херате и в период узбекской оккупации (1507—1510), и после перехода Херата под власть Кызылбашского государства. Здесь около 1524 г. он закончил свой большой труд типа «всеобщих историй» — «Хабиб-ас-сийяр» («друг жизнеописаний»); труд был озаглавлен так в честь тогдашнего покровителя Хондемира, ходжи Хабибуллаха Саведжи, шахского везира (гражданского правителя) Хорасана, которому и был посвящен труд. После того как потомок низложенной династии Тимуридов Бабур утвердился в Индостане, положив здесь основание так называемой державе Великих Моголов (1526), Хондемир прибыл на службу к Бабуру в Агру и умер в Индии в 942 или 943 г. х. (1535—1537 гг. н. э.).

Получивший широкую известность «Хабиб-ас-сийяр» состоит из трех больших томов (муджалляд), каждый из которых состоит из четырех частей (джуз). Несмотря на цветистый и крайне вычурный язык, изложение Хондемира отличается точностью и обилием фактического материала. «Хабиб-ас-сийяр» выдержал несколько литографских изданий на Востоке,[2] но полного научно-критического издания до сих пор

---

[1] Общие труды по персоязычной исторической литературе XVI—XVIII вв.; Е. Э. Бертельс, Очерк истории персидской литературы, Л. 1928; акад. А. Е. Крымский, История Персии, ее литературы и дервишеской теософии, т. III, М. 1914—1917; А. А. Ромаскевич, Иранские источники по истории туркмен XVI—XIX вв., „Материалы по истории Туркмении и туркмен", т. II, М.-Л., 1938. — содержит и общую характеристику персидских нарративных источников данного периода; И. П. Петрушевский, Иранские источники по истории Азербайджана, „Известия АзФАН" 1942, № 8; B. Dorn, Das Asiatische Museum, SPb. 1846; Ch. Rieu, Catalogue of the Persian Manuscripts in the British Museum, Lond. 1895; E. G. Browne, A literary history of Persia A. D. 1500—1924, Cambridge 1930 (то же в первом изд. под заглавием History of Persian Literature in Modern Times, A. D. 1500—1924, Cambridge 1924); C. A. Storey, Persian Literature, a bio-bibliographical Survey, section II, fasciculus 1 (General history), L. 1935, fasciculus 2 (Special histories of Persia etc.), L. 1936. В дальнейшем изложении мы не приводим ссылок на эти общие работы, ссылаемся лишь на специальные работы, посвященные отдельным источникам.

[2] Рук. ЛГПБ. Каталог Дорна, № 301, под заглавием «Шаханшах-намэ», писана четким насталиком, на 235 двойных листах, с иллюстрациями.

[3] Там же, рук., лл. 61а—67а.

[1] Рукописей этого труда в хранилищах СССР не имеется; перечень рукописей в заграничных хранилищах см. Storey, op. cit., sect. II, fasc. 2, p. 304. — Обширный экстракт из этого труда опубликован Денисон Россом (персидский текст, англ. перевод и комментарий, см. библиографию).

[2] Мы пользовались бомбейским литографированным изданием 1273 г. х. (1857 г. н. э.)

нет, хотя имеется много европейских изданий отрывков из этого труда и их переводов. Рукописи этого труда также имеются в различных хранилищах в большом количестве. [1]

Особенно ценными считаются части «Хабиб-ас-сийяр», посвященные царствованиям султана Хусейна Тимурида и шаха Исмаила I Сефевида. Последняя и является источником для изучаемого нами периода; изложение в ней доведено до 930 г. х. (1524 г. н. э.), т. е. до смерти шаха Исмаила I. [2] В этой части Хондемир стоит на точке зрения сторонника кызылбашей и Сефевидов, рассказ о деяниях шаха Исмаила I выдержан в стиле панегирика. Шах Исмаил I обычно именуется «государем обитаемой четвертой части (мира)» (т. е. всемирным государем), «государем обитателей мира» [3] (т. е. всемирным государем), [4] «государем, которому подчиняется мир», [5] «наследником халифата» [6] и т. д. Другие государи называются у Хондемира чаще всего только «правителями» (хаким, вали). [7] Государи, ведшие войну с шахом Исмаилом, рассматриваются Хондемиром как «мятежники». [8] Конечно, такую условную терминологию можно встретить и у ряда других представителей персидской историографии, но у Хондемира она более выдержана и резче подчеркнута.

Было бы напрасно ожидать от Хондемира объективности в изображении событий. Хондемир в довольно ярких выражениях говорит о тяжелом положении народных масс в государстве Ак-койюнлу, но не сообщает каких-либо конкретных данных о положении тех же масс во вновь созданном Кызылбашском государстве. О некоторых из местных владетельных феодалов Хондемир говорит, как о тиранах и притеснителях ра'ийятов, однако этими тиранами всегда оказываются те местные владетели, которые проявляли себя мятежниками по отношению к шаху Исмаилу и не платили ему дани. [9] Эту тенденцию Хондемира исследователь должен постоянно иметь в виду.

И все же «Хабиб-ас-сийяр» остается ценным источником для трактуемой нами темы, поскольку он сообщает немало вкрапленных в его рассказ отдельных подробностей о со-

---

[1] Библиографию изданий и перечень рукописей см. у Storey, op. cit., sect. II, fasc. 1, pp. 104—109.

[2] Хабиб-ас-сийяр. цит. изд., т. III, ч. 4.

[3] Там же, т. III, ч. 4, стр. 3, 34, 79, 105 и др.

[4] Там же, стр. 32.

[5] Там же, стр. 24.

[6] Там же, стр. 34.

[7] Там же, стр. 77, см., например, о турецком султане Селиме I Грозном — «правитель Рума»; ср. там же, стр. 103.

[8] Там же, стр. 35.

[9] Там же, см., например, стр. 85.

циально-экономическом положении Азербайджана и Армении в конце XV — в начале XVI в. Очень ценны сообщаемые Хондемиром в третьей и четвертой частях третьего тома сведения о положении эксплоатируемых классов при владычестве султанов Ак-койюнлу и о податных реформах Узун-Хасана и Ахмеда белобаранных, [1] а также о кызылбашском движении в прикаспийских областях во второй половине XV — начале XVI вв. Сведения Хондемира о деятельности первых Сефевидов — ардебильских шейхов Сефи-ад-дина и Садр-ад-дина — почти целиком основаны на рассказе источника XIV в. — «Сафват-ас-сафа». [2] Содержательны также приводимые Хондемиром биографические данные о деятелях времени правления шаха Исмаила I.

А л и Л а х и д ж и. Труд гилянского историка Али ибн Шамс-ад-дина Лахиджи «Тарих-и хани» («Ханская история») принадлежит к категории местных хроник. Он дает очерк истории обоих гилянских ханств — Бийэ-пас (Рештское ханство, династия Исхакидов) и Бийэ-пиш (Лахиджанское ханство, династия сейидов Кийя). Изложение охватывает период 880—920 г. х. (1475/6—1514 гг. н. э.). Данная хроника, следовательно, служит отчасти продолжением трудов известного историографа прикаспийских стран сейида Захир-ад-дина Мар'аши «История Гиляна и Дейлемистана» (доведена до 894 г. х.— 1489 г. н. э.) [3] и «История Табаристана, Руйяна и Мазендерана» (доведена до 881 г. х. — 1476/7 г. н. э.). [4] «Тарих-и хани» Али Лахиджи известна в очень небольшом количестве рукописей. [5] Персидский текст издан русским академиком Б. Дорном. [6] В этом труде имеются немногие, но содержательные отрывки, относящиеся к истории Ширвана и южного Азербайджана. [7]

М и р Я х ь я К а з в и н и. Мир Яхья ибн Абд-ал-Лятиф ал-Хусейни ас-Сейфи ал-Казвини родился в 1481 г. Был отцом и дедом ряда выдающихся представителей персидской образованности и литературы в Индии. В 1552/3 г. н. э. Мир Яхья пал жертвой шиитского фанатизма, обвиненный как глава тайной суннитской общины в Казвине и по приказу шаха

---

[1] Там же, т. III, ч. 4, стр. 14, 21. См. также: И. П. П е т р у ш е в с к и й, Внутренняя политика Ахмеда Ак-койюнлу, «Известия АзФАН» за 1942 г., № 2.

[2] Х о н д е м и р, т. III, ч. 4, стр. 5—11.

[3] Перс. текст издан в Реште H. L. R a b i n o 1330 г. х. (1912 г. н. э.).

[4] Перс. текст издан акад. Б. Д о р н о м, в серии MQ Theil 1 под заглавием „Sehir eddin's Geschichte von Tabaristan, Rujan und Masanderan".

[5] См. о них S t o r e y, op. cit., sect. II. fasc. 2.

[6] Aly ben Schems eddin's Chanisches Geschichtswerk, Persischer Texts, herausgegeben von B. Dorn. MQ, Theil II, SPb 1857. — Там же во введении см. описание этого труда (стр. 5—36).

[7] Там же, стр. 101—106, 394, 395 и др.

Тахмаспа I осужденный на пожизненное заключение, в котором и умер в 1555 г. Он составил краткий труд типа всеобщих историй под заглавием «Любб-ат-таварих» («Сердцевина историй»), посвященный четвертому сыну шаха Тахмаспа I, царевичу Бахрам-мирзе и сохранившийся в большом количестве рукописей.[1] Труд этот состоит из четырех разделов (кисм), из которых для трактуемой нами темы имеет значение четвертый кисм, посвященный истории Сефевидов и доведенный до 948 г. х. (1542 г. н. э.). Суннитские симпатии автора не отразились в этом труде; в нем автор, напротив, выступает как сторонник шиизма и кызылбашей. Изложение носит строго хронологический характер и отличается немногосложностью, сухостью, точностью и сравнительно простым языком. Несмотря на свою краткость, эта часть «Любб-ат-таварих» в достаточной мере насыщена фактами. Интересны данные о ленных пожалованиях шаха Исмаила I,[2] об его эмирах и кызылбашских племенах. Интересны и некоторые биографические подробности о шахе Исмаиле I и деятелях времени его правления. Упоминания о прикаспийских областях довольно часты. Последние листы четвертого кисма посвящены восхвалению шаха Тахмаспа I, бедны фактами и малосодержательны. Издания текста нет; имеется старый (XVII в.) латинский перевод.[3]

Хуршах. Хуршах ибн Кубад ал-Хусейни, по происхождению перс из Ирака персидского, эмигрировал в Индию (в Декан), где состоял на службе у султана Бурхана Низамшаха (1508—1553), второго государя из династии Низамшахов, правившей в Ахмеднагаре (1490—1599). По поручению султана Бурхана Хуршах был отправлен в качестве посла в Иран, куда прибыл в 1546 г.; он известил шаха Тахмаспа I о принятии его повелителем шиитского исповедания и представил подарки ценностью в 1000 туманов. При дворе шаха Тахмаспа I Хуршах оставался по меньшей мере полтора года и сопровождал этого шаха во время его походов в Грузию (1546) и в Ширван (1547), где незадолго до того шахский брат и наместник Алкас-мирза объявил было себя независимым. Возможно, отчасти в связи с этим Хуршах обнаруживает хорошее знакомство с закавказскими странами и их историей. После этого Хуршах оставался в Иране до 971 г. х. (1563/4 г. н. э.), временами пребывая при шахском дворе, но не видно, чтобы он при

[1] Мы пользовались рукописью ИВАН № В — 660, писанной разновидностью насталика на 173 двойных листах и датированной 1038 г. х. (1628/9 г. н. э.).

[2] Та же рук., л. 162а и сл.

[3] Lubb-it-Tavarich sive Medulla historiarum auctore Ommia Jahhia Kasbinensis interpretibus e persico Gilberto Gaulmino et Antonio Gollando, Paris 1690; изд. 2, Halle 1783, Büsching's Magazin für die neue Historie, Theil 17, SS. 1—180.

этом исполнял какие-либо дипломатические функции. Повидимому, он не был постоянным послом Низамшаха, а выполнил лишь единичное дипломатическое поручение. Вернувшись в Индию в конце своей жизни, Хуршах спустя год умер в Голконде в 972 г. х. (1565 г. н. э.). В составленном им труде типа «всеобщей истории» под заглавием «Тарих-и ильчий-и Низамшах» («История низамшахова посла») — шестая часть («макалэ» — «беседа») посвящена туркменским султанам Кара-койюнлу и Ак-койюнлу, первым двум Сефевидам и падишахам Рума (турецким султанам). «Тарих-и ильчи» известна в небольшом числе рукописей; в хранилищах СССР этих рукописей нет или они пока не выявлены. Обширный экстракт из шестой макалэ «Тарих-и ильчи», относящийся к истории прикаспийских областей — Ширвана, Гиляна, Мазендерана, Рустемдара и Хазарджериба, — опубликован Шефером.[1]

В «Тарих-и ильчи» имеются ссылки на «Хабиб-ас-сийяр» Хондемира и другие источники. Упомянутый экстракт из истории Ширвана и других областей очень содержателен. Автор выступает в качестве сторонника Сефевидов и кызылбашей, однако политические и религиозные симпатии автора проявляются в сравнительно умеренной форме. По истории Ширвана и отчасти южного Азербайджана Хуршах сообщает ряд деталей и подробностей, которых нет у других историков XVI в. (например у Хасан-бека Румлу). В частности, он сообщает подробности о народном восстании в Ширване в 1537 г. под предводительством некоего самозванца-каляндара (дервиша).

Хуршах хвалит ширваншахов за разумную и осторожную политику и справедливость по отношению к подданным (ра'айя ва берайя).[2] Указанный отрывок из «Тарих-и ильчи» содержит много подробностей о ленных пожалованиях, институте тиула, о порядке уплаты дани шаху местными вассальными владетелями и о том бремени, каким эта дань ложилась на подданных последних.[3]

Гаффари. Ахмед ибн Мухаммед ал-Гаффари-ал-Казвини, известный законовед и историк, занимал пост казия в Казвине при шахе Тахмаспе I, которому посвятил свой составленный в 959 г. х. (1552 г. н. э.) «Нигаристан» («Картинная галлерея»). Труд этот, сохранившийся в большом количестве рукописей,[4] представляет собою сборник и 330 истори-

[1] Schéfer, Chrestomatie Persane, t. II, texte pers., pp. 55—104.

[2] Там же, стр. 56.

[3] См., например, там же, стр. 82, 83.

[4] Описание их см. Storey, op. cit., sect. II, fasc. I, pp. 114, 115. Мы пользовались рукописью ЛГПБ, каталог Ханыкова № 69, датированa месяцем мухарремом 1008 г. х. (24 июля — 22 августа 1599 г. н. э.), писана разновидностью насталика, на 344 листах.

ческих анекдотов, относящихся к различным династиям мусульманского Востока. Текст обильно пересыпан стихами. Для нашей темы представляет некоторый интерес лишь раздел, посвященный династии Ак-койюнлу. Моментов социально-экономического порядка Гаффари касается лишь вскользь и в незначительной мере. Имеются литографированные издания.[1]

Другое сочинение Гаффари — хроника типа «всеобщей истории» под заглавием «Нусах-и джихан арай» («Списки украшателя мира»), также посвященная шаху Тахмаспу I и доведенная до 972 г. х. (1564/5 г. н. э.). Сочинение это известно в сравнительно небольшом количестве рукописей; в хранилищах СССР этих рукописей не имеется.[2]

Так называемая Тазкирэй-и шах-и Тахмасп. О памятной записке, составленной лично шахом Тахмаспом I и содержавшей изложение событий его царствования, упоминает Хуршах ал-Хусейни, по словам которого экземпляр этой тазкирэ был послан шахом в числе подарков, отправленных в 1563 г. с посольством к Али-Адиль-шаху биджапурскому в Индостане. Хуршах использовал это сочинение как один из источников для своей «Истории низамшахова посла». «Тазкирэй-и шах-и Тахмасп» была впервые издана в 1885 г. персидским ученым XIX в. Мухаммед-Хасан-ханом Мараги, известным под титулом Сани'ад-доулэ, включившим этот источник под именем дневника (рузнамэ) Тахмаспа I в свой большой труд «Матла'-аш-шамс» («Место восхода солнца»),[3] посвященный историко-географическому описанию Хорасана и изложению путешествия Насир-ад-дин-шаха в Хорасан. Несколько позднее немец П. Хорн издал это же сочинение под заглавием «Подвиги шаха Тахмаспа I персидского» как дневник или записки этого шаха.[4] Позднее «дневник» выдержал еще два издания.

Вслед за изданием текста и перевода «дневника» П. Хорном русский иранист В. А. Жуковский выступил с уничтожающей критикой издания Хорна.[5] В. А. Жуковский, ссылаясь на петербургскую рукопись того же сочинения,[6] более полную, нежели использованные Хорном рукописи, приходит к выводу, что упомянутое сочинение — не «дневник» и не «по-

[1] Бомбей 1275 г. х. — 1859 г. н. э. Акад. Б. Дорном опубликован отрывок в MQ, Theil IV, SS. 423—425.

[2] Перечень рукописей: Storey, op. cit., sect. II, fasc. 1, p. 116.

[3] Матла'-аш-шамс, т. II, стр. 165—213.

[4] P. Horn, Denkwürdigkeiten des Schah Tahmasp von Persien, ZDMG, Bd. 44, 1890, SS. 563—649 (персидский текст), под тем же заглавием П. Хорном издан и немецкий перевод.

[5] В. Жуковский, Рецензия на Die Denkwürdigkeiten... von P. Horn, ЗВОРАО, т. VI, 1892, стр. 377—383.

[6] Рук. ЛГПБ, каталог Дорна № 302.

двиги» шаха Тахмаспа I, а протокол беседы (китаб-и сухан) шаха с турецкими послами. Послы эти прибыли к шахскому двору в 1561 г. добиваться выдачи шахом Турции мятежного царевича Байязида, искавшего убежища в Иране. Действительно, «тазкирэ» касается лишь событий, связанных так или иначе с ирано-турецкими отношениями, изложена простым разговорным языком, о турецком султане упоминает в почтительном тоне, совсем не свойственном персидской историографии этого периода.

Тенденция замалчивания русских востоковедных исследований слишком укоренилась в буржуазной востоковедной литературе Запада. Рецензия В. А. Жуковского, как и многие труды русских востоковедов, осталась намеренно «незамеченной» западноевропейскими иранистами, продолжавшими и после появления этой рецензии видеть в упомянутом сочинении дневник или мемуары шаха Тахмаспа I.[1]

Некоторые части «Тазкирэ» почти текстуально воспроизведены поздним персидским хронистом конца XVIII в. Мухаммед-Мехди-ибн Хади Ширази в его «Тарих-и Тахмаспийэ» («Тахмаспова история»). Эти части также изданы Хорном как самостоятельная версия «Тазкирэ».[2]

«Тазкирэ», или, как вернее, протокол речи шаха Тахмаспа, произнесенной перед турецкими послами, конечно, не может содержать сколько-нибудь объективного изложения событий. Тем не менее, этот источник отнюдь не лишен ценности для трактуемой темы. События, происходившие в странах Закавказья, поскольку последние граничили с Турцией, излагаются подробно. Интересны некоторые подробности о восстании племени текелю в южном Азербайджане в 1531 г., о завоевании Ширвана в 1538 г. и т. д. Приводятся подробные данные о назначении правителей областей, о ленных пожалованиях шаха, предоставленных эмирам; ценны сведения, дающие представление о том, чем был на практике феодальный институт тиула.[3]

Хасан-бек Румлу происходил из знати азербайджанского кочевого племени румлу и был племянником владетеля округов Казвина и Соуджбулака Амир-султана Румлу. Хасан-бек родился в 938 г. х. (1531/2 г. н. э.), с десятилетнего возраста воспитывался при дворе шаха Тахмаспа I и сопровождал этого шаха в его походах; в 1547 г. участвовал в походе в Грузию; он был еще жив в 1578 г. Биографические данные об этом авторе скудны.

[1] См. библиографию.

[2] ZDMG, Bd. 45, 1891, 245—291, под тем же заглавием «Die Denkwürdigkeiten. . .» etc. (перс. текст).

[3] См. об этом подробнее в гл. V настоящей работы.

Хасан-бек Румлу составил двенадцатитомный труд типа «всеобщей истории» на персидском языке, но с арабским заглавием «Ахсан-ат-таварих» («Лучшая из историй»). Известно около десятка рукописей этого сочинения,[1] но все они содержат либо только XII том (посвященный периоду 900—985 гг. х. — 1494—1578 гг. н. э.), либо томы XI (период 807—899 гг. х. — 1405—1493 гг. н. э.) и XII этого труда; рукописи остальных томов пока не обнаружены. Одна из рукописей, содержащих два последних тома, находится в Ленинграде.[2] Двенадцатый том, в котором излагается история царствований первых трех шахов — Сефевидов, издан в 1931—1934 гг. в Индии.[3] Эта публикация содержит персидский текст, сокращенный английский «перевод», в действительности скорее пересказ текста,[4] краткую вступительную статью и комментарий. Отрывки, относящиеся к Гиляну, Мазендерану и Талышскому краю, изданы акад. Б. Дорном (персидский текст).[5]

Двенадцатый том «Ахсан-ат-таварих» содержит описание царствований шаха Исмаила I (стр. 1—184 упомянутого издания персидского текста), шаха Тахмаспа I (стр. 184—475 и 487—490), шаха Исмаила II (стр. 475—487 и 490—496) и событий, связанных с восшествием на престол шаха Мухаммеда Худабендэ (стр. 496—505); изложение событий строго хронологическое, по годам и доведено до 985 г. х. (1577/8 г. н. э.) включительно; под каждым годом даны биографические сведения о знатных людях, богословах, ученых и поэтах, умерших в этом году. Язык Хасана довольно прост и отличается чаще всего сжатостью и точностью выражений; только при описании битв автор прибегает к цветистому и образному языку, обычному в персидской историографии данного периода. По сравнению с текстом упомянутого издания Седдона текст ленинградской рукописи Б. Дорна имеет некоторые отличия; например, в рукописи участники восстания ремесленников и городской бедноты в Тебризе в 981 г. х. (1573 г. н. э.) названы сербедарами (перс. «висельники» — обычное со времени хорасанского восстания 1337 г. именование участников антифеодальных восстаний); в издании Седдона этого выражения нет. События времени шаха Исмаила I Хасан Румлу излагает по другим источникам, для периодов же царствований шаха Тахмаспа I (1524—1576) и шаха Исмаила II (1576—1578) сочинение Хасана Румлу является первоисточником, и притом первоисточником первоклассной ценности.

Сведения об Азербайджане в «Ахсан-ат-таварих» приводятся чаще всего в связи с шахскими походами туда и восстаниями в этой стране. Тем не менее, эти сведения очень обильны и содержательны, особенно сведения о народных восстаниях в стране; исключительный интерес представляет подробный рассказ об упомянутом восстании ремесленников и городской бедноты в Тебризе.[1] Азербайджан, по словам Хасана Румлу, относился к числу неспокойных и мятежных областей Кызылбашского государства.[2] Значительно меньше сведений сообщает автор об Армении. О христианском населении — армянах и грузинах — автор говорит мало и скупо. Хроника Хасана Румлу дает очень обильные и точные данные о кызылбашских племенах, их взаимоотношениях, их эмирах, их ополчениях (кошун), о ленных пожалованиях, об институте тиула, о притеснениях, чинимых местными владетелями и правителями по отношению к податному населению, и т. д. О повинностях ра'ийятов автор почти не говорит. О ряде событий Хасан Румлу говорит как очевидец.

В качестве представителя кызылбашской военной знати и шахского придворного Хасан Румлу, разумеется, выказывает себя преданным приверженцем Сефевидской династии и шиитского исповедания. Тем не менее, он сохраняет достаточную долю объективности и по отношению к противникам Сефевидов. Он отдает, например, должное мужеству и стойкости «ширванских храбрецов», боровшихся с шахом Исмаилом I.[3] Этим изложение Хасана Румлу выгодно отличается от изложения Хондемира. В виде примера можно сравнить рассказы обоих.[4] Хасан Румлу, сохраняя тон почтительности и преданности по отношению к шаху Тахмаспу I, не скрывает многих слабостей и недостатков этого шаха; положим, идеализация этой отнюдь не героической фигуры была бы задачей исключительно трудной. Говоря о восстаниях «черни» и «сброда», т. е. о народных восстаниях, Хасан Румлу теряет

---

[1] Перечень их см. у Storey, op. cit., sect. II, fasc. 2, pp. 307, 308. — А. Ромаскевич, цит. статья, стр. 9, 10.

[2] Рук. ЛГПБ, каталог Дорна, № 287. — Б. Дорн называет эти два тома IX и X частями.

[3] Под заглавием A Chronicle of the early Safawis being the Ahsanu't-tawarikh of Hasan-i Rumlu, edited by C. N. Seddon в серии «Gaekwad's Oriental series», №№ LVII (перс. текст), LXIX (англ. перевод), Baroda, 1931, 1934.

[4] В настоящей работе повсюду ссылки на данное издание означают ссылки на персидский текст.

[5] MQ, Theil IV, SPb. 1858, SS. 375—431.

[1] Ахсан-ат-таварих, цит. изд. перс. текст, стр. 455—457. См. также: И. П. Петрушевский, Восстание ремесленников и городской бедноты в Тебризе в 1573 г., «Известия АзФАН» за 1942 г., № 3.

[2] Ахсан-ат-таварих, стр. 489.

[3] Там же, стр. 42, 43.

[4] Там же, стр. 46, 47; ср. Хабиб ас-сийяр, цит. изд., т. III, ч. 4, стр. 30, 31.

обычную сдержанность и осыпает участников этих восстаний бранью.

Шереф-хан Бидлиси происходил из фамилии глав курдского племени рузеки и наследственных владетелей округа Бидлис (Битлис) в южной Армении. Отец Шереф-хана, эмир Шамс-ад-дин-хан, был лишен своего лена турецким султаном Сулейманом I (1520—1566), эмигрировал в Кызылбашское государство, вступил на шахскую службу и женился на дочери одного из кызылбашских эмиров. Поэтому-то и наш автор увидел свет в Керехруде близ Кума в Иране в 949 г. х. (1543 г. н. э.). С девятилетнего возраста он воспитывался при дворе шаха Тахмаспа I, вместе с прочими сыновьями кызылбашской знати и с сыновьями самого шаха. Двенадцати лет от роду Шереф-хан был назначен номинальным правителем (хаким) округов Махмудабад и Сальян в Муганской степи, в Ширванской области; при этом, по обычаю того времени, к нему был приставлен «воспитатель» (лялэ) из кызылбашской знати, который и был действительным управителем пожалованными округами. Впоследствии Шереф-хан управлял различными областями. Позднее он снова управлял частью Ширвана. Шах Исмаил II вызвал его ко двору и назначил «эмиром эмиров» (эмир-ал-умара) всех курдских племен Ирана, но вскоре вследствие придворных интриг удалил его от двора и послал правителем в Нахчеван. Неудачи Кызылбашской державы во вновь начавшейся войне с Турцией (1578—1590) побудили Шереф-хана перейти на турецкую службу после того, как султан Мурад III (1574—1595) снова отдал ему округ Бидлис в наследственное владение, утвердив за ним и ханский титул. В Бидлисе Шереф-хан закончил свой большой исторический труд «Шереф-намэ» («Книга Шерефа») в 1005 г. х. (1596 г. н. э.); год смерти его неизвестен.

Персидский текст «Шереф-намэ» издан русским востоковедом В. Вельяминовым-Зерновым;[1] имеются французский перевод Шармуа[2] и ряд турецких переводов; некоторые отрывки изданы отдельно;[3] рукописи «Шереф-намэ» имеются и в Ленинграде. Том I «Шереф-намэ» содержит историю курдов («Тарих-и-акрад»), точнее историю династий курдского происхождения, в четырех отделах (сахифэ).

Для нашей темы наибольший интерес представляет отдел третий, содержащий обширные сведения по истории династий

---

[1] Schéref-nameh ou histoire des Kourdes par Schéref, prince de Bidlis, publiée par V. Veliaminof-Zernof, texte pers., vol. I—II, SPb. 1860—1862.

Есть также новое издание текста — каирское 1931 г. н. э.

[2] Chéref-nameh ou fastes de la Nation Kourde par Chéref'ouddine, traduits et commentés par F. B. Charmoy, vol. I—II. SPb. 1868—1875.

[3] См. библиографию.

глав курдских племен мукри, берадуст, махмуди, думбули, пазуки и др., бывших в XVI—XVIII вв. наследственными владетелями ряда округов в южном Азербайджане и кавказской Армении.[1] Для исследователя феодальных отношений в южной Армении, вошедшей в XVI в. в состав османской Турции, отдел четвертый, излагающий историю Бидлисского эмирата — наследственного лена предков автора книги — и сообщающий данные о производительных силах и доходах с данной территории,[2] мог бы служить одним из основных источников, наравне с армянскими источниками.

Том II «Шереф-намэ» содержит рассказ «об изъяснении обстоятельств украшенных великолепием султанов династии Османской и падишахов Ирана и Турана, бывших их современниками» — летопись событий, происходивших в Турции, Иране, Средней Азии и сопредельных странах, с 689 по 1005 г. х. (1290—1596/7 гг. н. э.). Рассказ о событиях, происходивших до XVI в., является сжатой компиляцией данных ряда ранних первоисточников. События XVI в. излагаются более подробно, и здесь автор, наряду с данными, заимствованными из других источников, сообщает немало и оригинального материала. Являясь в период составления своего труда вассалом турецкого султана, Шереф-хан считал себя обязанным уделить во втором томе своего труда центральное место деяниям турецких султанов, но автор, воспитанный в Иране, знал историю Турции поверхностно, и разделы, посвященные Турции, — наиболее слабая и наименее оригинальная часть его труда.

В обоих томах своего труда Шереф-хан придерживается турецкой ориентации, вынужденный к тому своим официальным положением вассала Турции во вторую половину своей жизни. Однако энтузиазма и фанатизма в отстаивании своей официальной политической позиции он не проявляет и при изложении событий, происходивших на территории Кызылбашского государства, оказывается в достаточной мере объективным. Отсутствие в его труде официальной шиитско-кызылбашской точки зрения, более или менее общей всей персоязычной историографии XVI в., создававшейся в Иране, делает «Шереф-намэ» особенно ценным источником для нас. Его сведения о событиях отличаются точностью. Если большинство персидских нарративных источников касается истории Азербайджана и Армении лишь от случая к случаю, в связи с теми или иными событиями истории Ирана, то для автора «Шереф-намэ» местная история отдельных районов Азербайджана и Армении представляет самостоятельный интерес. Внутренняя

---

[1] Изд. Вельяминова-Зернова, т. I, стр. 162—334

[2] Там же, стр. 334—457.

жизнь вассальных княжеств, существовавших на территории обеих упомянутых стран, ни в одном источнике не изображается с такой тщательностью, как в «Шереф-намэ». Много конкретного материала относительно взаимоотношений этих династов с шахским правительством, организации военно-кочевой знати, ленных пожалований и феодальных институтов мы находим именно в этом источнике. И хотя автор говорит лишь об эмиратах, управляемых династиями курдского происхождения, приводимые им данные достаточно характерны и для наследственных владений династов не курдского происхождения в тех же странах.

Шереф-хан не проявляет специального интереса к изображению положения народных масс, но, излагая историю курдских племенных глав, являвшихся наследственными владетелями определенных округов, он по временам касается и положения ра'ийятов. Необходимость официально держаться турецкой ориентации не помешала автору изобразить турецкую административную и налоговую систему в Азербайджане и кавказской Армении в период турецкой оккупации этих стран [1] в мрачных тонах. Сообщаемые Шереф-ханом в данной области сведения, [2] объективность которых подтверждается сообщениями армянского хрониста Аракела Тебризского, [3] представляют большой интерес.

Искендер-бек-Туркеман, по прозванию Мунши («секретарь»). Этот крупнейший из представителей сефевидской придворной историографии родился около 968 г. х. (1560/61 г. н. э.) и происходил из азербайджанского кочевого племени туркеман. [4] О социальном происхождении его ничего неизвестно, да и биографические сведения о нем довольно скудны. [5] В юности он получил хорошее литературное образование, в возрасте 24—25 лет состоял на службе у шаха Мухаммеда Худабендэ в гвардейском корпусе конных гулямов, формировавшемся в то время из свободных людей, а не из рабов, как позднее в XVII в. В 1001 г. х. (1592/3 г. н. э.) он был включен в число «великих секретарей (муншиан-и изам) высочайшего дивана». Затем он служил под начальством первого везира («и'тимад-ад-доулэ»—«доверие державы») Хатим-бека, а после его смерти — под начальством его сына и преемника, мирзы Абу-Талиб-бека. Оба они происходили из знатной

---

[1] В кавказской Армении — 1578—1606 гг., в Азербайджане — 1588—1607 гг.

[2] См., например, Шереф-намэ, цит. изд., т. I, стр. 287, 288, 294, 315—317.

[3] Аракел Тебризский, Coll., т. I, стр. 274—276.

[4] Этот термин в данном случае обозначает не туркменские племена вообще, а специально одно из кызылбашских племен.

[5] См. библиографию.

фамилии Насирийэ Тусийэ, потомков знаменитого ученого XIII в. Насир-ад-дина Туси, наследственных калантаров (старшин) города Ордубада и местных меликов (в южном Азербайджане). Под покровительством этих везиров, пользуясь доступом к шахским архивам и являясь очевидцем и участником ряда событий, Искендер Мунши составил свою большую историю царствования шаха Аббаса I, закончив этот труд в год смерти шаха (1038 г. х. — 1628/9 г. н. э.). Умер Искендер Мунши, повидимому, в 1043 г. х. (1633/4 г. н. э.).

Труд Искендера Мунши, озаглавленный «Тарих-и алем арай-и'Аббаси» («История украшателя мира 'Аббаса») состоит из введения (мукаддамэ) и двух отделов (сахифэ); первый излагает события от рождения до восшествия на престол шаха Аббаса I (978—996 гг. х. — 1571—1587 гг. н. э.); второй состоит из двух частей (максад), излагающих: 1) период первых 30 лет царствования шаха Аббаса I до 1025 г. х. — 1616 г. н. э. и 2) период до смерти этого шаха (24 джумады II 1038 г. х. — 19 января 1629 г. н. э.). Труд этот сохранился в большом количестве рукописей, но научно-критического издания текста до сих пор не появлялось. [1] Есть лишь тегеранское литографированное издание, [2] не имеющее научного аппарата. Отрывки из труда Искендера Мунши, относящиеся к южному прибрежью Каспия, опубликованы акад. Б. Дорном. [3] Переводов текста не существует. Научная литература о «Тарих-и'алем ара» пока не велика, [4] хотя труд этот бесспорно является важнейшим источником для полувекового периода (1578—1628). Труд Искендера Мунши высоко ценил акад. В. В. Бартольд. [5] Вышедшая недавно монография Л. Беллана о периоде шаха Аббаса I [6] представляет в сущности сжатый пересказ Искендера Мунши. По истории стран Закавказья труд Искендера Мунши все еще очень мало использован исследователями.

Мы пользовались как литографированным изданием, так и одной из рукописей Института Востоковедения АН СССР. [7] Между ними можно отметить значительные расхождения в от-

---

[1] Перечень рукописей см. у Storey, op. cit., sect. II, fasc. 2, pp. 310—312.

[2] Техран 1314 г. х. (1896/7 г. н. э.), 765 страниц in folio.

[3] MQ, Theil IV, SS. 238—421.

[4] См. библиографию.

[5] В. В. Бартольд, Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира, стр. 123.

[6] L. L. Bellan, Chah Abbas I, sa vie, son histoire, Paris, 1932.

[7] Рук. ИВАН № С-444. Рукопись эта закончена переписчиком Мухаммед Мукимом 7 раби' II 1064 г. х. (25 февраля 1654 г. н. э.). Рукопись написана четким насталиком, на полях сохранились пометки А. Х. Френа, состоит из 2 частей — 455—1060 листов, ряд листов — двойные, пагинация новая и, повидимому, принадлежит А. Х. Френу.

дельных местах текста. Так, в упомянутой рукописи мы находим специальный раздел, трактующий о лицах, поднимавших мятежи против «прибежища мира» — шаха Тахмаспа I.[1] В литографированном издании этот раздел опущен. Список эмиров, находившихся в живых ко времени смерти шаха Тахмаспа I, в литографированном издании[2] в общем значительно подробнее, нежели в упомянутой рукописи;[3] однако в последней все же названо 26 имен эмиров из кызылбашского племени устаджлу, а в литографированном издании — только 15 имен. Имеющийся в литографированном издании раздел «о великих юзбашиях, благородных курчиях, ишык-агасиях, ясаулах, сановных людях (арбаб-и манасиб) и прочих мулязимах дворца» времени шаха Тахмаспа I[4] в рукописи опущен, как и разделы, трактующие о везирах, мустуфиях и сейидах времени шаха Тахмаспа I.[5] Ввиду этих и других расхождений мы предпочли ссылаться одновременно и на литографированное издание и на рукопись.[6]

Во введении (мукаддамэ) Искендер Мунши пользуется многими первоисточниками, в частности «Ахсан-ат-таварих» Хасан-бека Румлу.[7] Вся остальная часть «Тарих-и алем ара» является первоисточником первоклассной ценности для периода 1578—1628 гг. Искендер Мунши не пренебрегает всеми типичными приемами сефевидской придворной историографии. В частности, имена шахов заменены условным титулованием их: шах Исмаил I — «достойный Сулеймана (библейского царя Соломона) государь» (или «государь, равный по достоинству Сулейману»), шах Тахмасп I — «ныне обитающий в раю шах» (букв. «шах, место обитания коего — рай»), шах Мухаммед Худабендэ — «достойный Сикендера (Александра Македонского) государь», шах Аббас I — «высочайшее шахское величество, тень аллахова».

И все же Искендер Мунши во многом отличается от других представителей придворной историографии. В его труде вопросам местной истории, в частности истории Азербайджана, Армении и Грузии уделено большое место, и притом нередко независимо от походов шахских войск в эти страны. Истории кавказской Армении уделено больше места, нежели в любом из персидских источников данного периода, кроме Шереф-

[1] Рук. ИВАН № С-444, ч. I, лл. 176—179.

[2] Литогр. изд., стр. 104—106.

[3] Цит. рук., ч. I, л. 208.

[4] Литогр. изд., стр. 104—106.

[5] Там же, стр. 106—112.

[6] При ссылках на Тарих-и алем ара в настоящей работе мы будем применять сокращения: лит. — тегеранское литографированное издание 1314 г. х., цит. рук. — цитированная рукопись.

[7] Ссылку на этот труд в Тарих-и алем ара см., например, лит., стр. 87; цит. рук., ч. I, л. 179.

намэ. При этом автор говорит не только о территории, но и об ее населении — армянском народе. Еще больше внимания уделено истории родного автору Азербайджана, событиям в котором посвящена значительная часть книги. Нередко автор оказывается в известной мере объективным. Правильность и точность сообщаемых Искендером Мунши сведений в ряде случаев подтверждается сообщениями армянского историка XVII в. Аракела Тебризского. Например, в рассказах о насильственном переселении шахом Аббасом I жителей армянского города Джульфы (арм. Джуга, перс. Джулах) в Исфахан, о массовых выселениях политически неблагонадежных элементов из Азербайджана и Армении при том же шахе, об опустошении и почти полном обезлюдении кавказской Армении (Ереванского вилайета) в 1605—1606 гг. н. э., об отмене подати со скотоводства (чобан-беги) в Ираке персидском[1] и др. сообщения обоих названных источников совпадают даже в некоторых деталях. Между тем, едва ли можно сомневаться в том, что Аракел Тебризский не был знатоком персоязычной историографии и не пользовался трудом Искендера Мунши.

Искендер Мунши сообщает ряд сведений о внутренней жизни Азербайджана и Армении. Особенно ценен его подробный рассказ о распространении восстания джелалиев на территорию этих стран.[2] Из персидских историков только у Искендера Мунши мы находим ясные сведения о социальном составе и о двух основных группах движения джелалиев: верхушке, состоявшей из разоренных деклассированных турецких ленников-тимариотов («эмиры джелали»),[3] и массе примкнувших к движению крестьян и городской бедноты, которую наш автор называет «толпою черни и сброда» («гурух- и аджамирэ ва оубаш»).[4] Подробно рассказывает Искендер Мунши и о некоторых других восстаниях, например о восстаниях в Грузии (кахетинский царь Теймураз) и в Ширване в 1614 г.[5] Разумеется, в качестве представителя феодальной историографии Искендер Мунши проявляет к этим восстаниям крайне враждебное отношение. Приведено много данных о налоговой политике шаха Аббаса, о пожалованиях земель, об институте тиула. Приведенные Искендером списки эмиров 983 и 1039 гг. х. (1576 и 1628 гг. н. э.)[6] в сравнении с разбросан-

[1] Ср. Тарих-и алем ара, лит., стр. 465, 622, 520, 521, 405: цит. рук. ч. II, лл. 359, 725—726, 411а — 411б, 285 и соответственно у Аракела Тебризского Coll, т. I, стр. 296—303, 307—314, 351—355, 488—489.

[2] Тарих-и алем ара, лит., стр. 539—548, 556—558, 559—561, 566—569; цит. рук., ч. II, лл. 431б — 442б, 452а—453б, 455а—458а, 464а—466а.

[3] Там же, лит., стр. 548; цит. рук., ч. II; л. 442б.

[4] Там же, лит., стр. 540; цит. рук., ч. II, л. 432б.

[5] Там же, лит., стр. 626—627; цит. рук., ч. II, лл. 736—739.

[6] Там же, лит., стр. 104—106; 761—764; цит. рук., ч. I, л. 208, ч. II, лл. 1050—1056.

ными в разных местах книги сведениями о местных династах и их предках позволяют составить довольно полное представление о том, какие наследственные владетельные феодалы существовали в Азербайджане и Армении в конце XVI — начале XVII вв.

Продолжения «Тарих-и алемарай-и Аббаси». Труд Искендера Мунши получил признание и высокую оценку еще при жизни автора. Последний получил предложение, повидимому, официальное, — написать продолжение «Тарих-и алем ара», посвященное истории царствования шаха Сефи (1629—1642). После некоторых колебаний, вызванных преклонным возрастом, Искендер Мунши начал новый труд, но через несколько лет работа была прервана смертью автора. В обнаруженной акад. Б. Дорном рукописи [1] этот неоконченный труд Искендера Мунши объединен, под общим заглавием «Хулясат-ас-сийяр» («Экстракт жизнеописаний»), с дальнейшим продолжением, написанным Мухаммед-Ма'сумом ибн-Ходжаги Исфахани, занимавшим пост везира (гражданского правителя) при наследственном беглербеге Ганджи и Карабага Муртаза-кули-хане Зийяд-оглы каджар; известна, однако, другая рукопись без заглавия, содержащая только изложение событий до 1043 г. х. (1634 г. н. э.), т. е. ту часть, которая составлена, повидимому, самим Искендером Мунши. Неизвестно, кем объединены в одно целое продолжение Искендера Мунши и труд Мухаммед-Ма'сума. В Техране была издана в 1317 г. х. солнечн. (1939 г. н. э.) Сухейли Хансари публикация под заглавием «Зейл-и тарих-и алем арай-и Аббаси» — «Продолжение истории мироукрашателя Аббаса». В этой публикации, в основу которой легли две рукописи, обнаруженные издателем Сухейли Хансари в 1315 г. х. солнечн. (1937 г. н. э.), объединены: а) собственно продолжение Тарих-и алем ара (стр. 1—146), доведенное до 1043 г. х. (1633/4 г. н. э.), написанное, согласно изысканиям издателя, Искендером Мунши; б) шестая часть восьмого тома большого труда типа «всеобщей истории» «Хульд-и барин» Мухаммед-Юсуфа, содержащая окончание истории царствования шаха Сефи до 1052 г. х. (1642 г. н. э.) (стр. 146—299 публикации Сухейли Хансари).

В упомянутой рукописи Дорна особую ценность представляет краткий, но содержательный экскурс Мухаммед Ма'сума по истории династии ганджинских и карабагских беглербегов Зийяд-оглы, из племени каджар, крупнейших владетельных феодалов Азербайджана. [2] Рассказ Мухаммед Ма'сума о фамилии Зийяд-оглы носит характер панегирика. Автор, как бы

---

[1] Рук. ЛГПБ, каталог Дорна № 303/1.
[2] Рук. ЛГПБ, каталог Дорна № 303/1, лл. 123а—126а.

извиняясь за краткость рассказа, сообщает, что если бы он рассказал хотя бы немногое о доблести основателя династии Шахверди-султана, то на это потребовалось бы 70 манов бумаги. [1] Несмотря на льстивый тон, отрывок этот содержит сведения, ценные для исследователя феодальных отношений.

Фумени. Абд-ал-Фаттах Фумени, состоявший на шахской службе в Гиляне, составил «Тарих-и Гилян» («История Гиляна»), обнимающую период 923—1038 гг. х. (1517—1629 гг. н. э.); персидский текст этой хроники издан акад. Б. Дорном. [2] Несмотря на то, что труд Фумени лишь в незначительной мере касается истории Азербайджана и совсем не касается Армении, ценность этого труда для рассматриваемой нами проблемы велика благодаря обилию сведений о феодальных отношениях, в основном весьма близких к тем, какие существовали в этот период в Азербайджане и Армении. В частности, на основе данных Фумени мы можем судить о том, чем был институт тиула в живой действительности. Интересны также сообщения Фумени об эксплоатации крестьян на землях ведомства хассэ (собственных доменов шахской фамилии). Подробный рассказ Фумени о народном восстании Калинджар-султана (Адиль-шаха) в Гиляне в 1629 г. [3] содержит также сведения об активнейшем участии в этом восстании талышей — одной из народностей СССР. Рамки данного обзора не позволяют нам остановиться на труде Фумени подробнее.

Мухаммед Тахир Вахид. Мирза Мухаммед Тахир Казвини, известный под псевдонимом Вахид («Единственный»), в 1645 г. н. э. был назначен придворным историографом (маджлис навис) шаха Аббаса II (1642—1667), при шахе Сулеймане (1667—1694) был великим везиром и умер почти столетним стариком, в самом конце XVII в. Известный историк Мухаммед Юсуф был его братом.

Составленная в 1074 г. х. (1663/4 г. н. э.) Тахир-Вахидом хроника царствования шаха Аббаса II сохранилась в большом количестве рукописей, под разными заглавиями: «Тарих-и Тахир-и Вахид» («История Тахир Вахида»), «Тарих-и шах-и Аббас-и сани» («История шаха Аббаса второго»), «Аббас-намэ» («Аббасова книга»). [4] Труд этот до сих пор не издан. Мы пользовались рукописью акад. Б. Дорна [5].

---

[1] Та же рук., л. 123-а.
[2] MQ, Theil III, SPb. 1858. — Об этом труде см. предисловие акад. Дорна, там же, стр. 7—21.
[3] Фумени, цит. изд., стр. 210—235.
[4] См. библиографию.
[5] Рук. ЛГПБ, каталог Дорна № 303/2 — вторая часть рукописи, содержащей и «Хулясат-ас-сийяр» (303/1); возможно, что рукопись эта является автографом.

Отзыв проф. А. А. Ромаскевича об истории Тахир-Вахида, как о «стилистически элегантной, но малосодержательной»,[1] представляется нам чрезмерно строгим. Если значительная часть хроники посвящена описанию сражений, шахских охот и т. д., зато мы находим и сведения, важные для рассматриваемой нами проблемы, например, рассказ о мерах по прекращению злоупотреблений при взимании податных сумм и при выплате этих сумм обладателям государственных ассигновок (берат даран) и лицам, получившим в пожалование право на ежегодную ренту (хамэ салэ даран), об исчислении доходов с земель государственных (дивани) и собственных доменов шаха (хассэ), о доходах вакфных имуществ и т. д. По закавказским странам приведен довольно значительный материал.[2]

Сильсилят ан-насаб-и Сефевийэ («Родословная фамилии Сефевидов»). Шейх Хусейн ибн шейх Абдал Захиди, потомок суфийско-дервишеского шейха Захида (умер около 1300 г. н. э.), учителя шейха Сефи-ад-дина Ардебили (1254—1334), предка династии Сефевидов, служивший в юности при шахском дворе, составил уже к старости, при шахе Сулеймане (1667—1694), под упомянутым заглавием генеалогию и биографию шейха Сефи-ад-дина и его ближайших потомков и преемников.

Указанный труд сохранился в немногих рукописях,[3] одна из которых имеется в СССР,[4] имеется издание персидского текста.[5] Главная ценность «Сильсилят ан-насаб» для рассматриваемой проблемы заключается в приведенных в этом труде документах,[6] в описании хозяйственной деятельности отца автора, шейха Абдала Захида, бывшего мутаваллием вакфных имуществ ардебильского святилища,[7] и в некоторых сведениях об имуществах первых шейхов Сефевидов.[8] Здесь же приведено известное полулегендарное предание о пожаловании Тимуром в 1402 г. шейху Ходжа Али в вассальное владение

---

[1] А. А. Ромаскевич, цит. статья, стр. 13.

[2] Цит. рук. ЛГПБ № 303/2, лл. 150б, 210а—214б, 220а, 225а, 228а—228б, 239б, 240а, 257а и след., 269б, 270а, 275б.

[3] Перечень их см. у Storey, op. cit., II, fasc. 2, p. 318.

[4] Рук. ЛГПБ, каталог Ханыкова, № 92; этой рукописью пользовался и пишущий эти строки.

[5] Silsilät-ul-Nässäb, Publications „Iranschähr", № 6, Berlin, 1343—1924.

[6] См. об этом в главе IV настоящей работы.

[7] Указанная рукопись, лл. 173—179. Подробнее об этом см.: И. П. Петрушевский, Вакфные имущества Ардебильского мазара в XVII в. «Труды Института истории им. А. К. Бакиханова Азербайджанской Академии наук», т. I, Баку, 1947, стр. 24—41.

[8] См. там же, л. 45 (о превращении в 727 г. х. — 1326/7 г. н. э. шейхом Сефи-ад-дином своих имений в вакф), л. 46 (о разделе этих имений между наследниками шейха), л. 151 (о тяжбе шейха с Чин-беком кыпчаком из-за имения), лл. 68—69 (о доходах шейха Ходжа Али) и т. д.

пленников, выведенных Тимуром из Малой Азии и Сирии, от которых произошли кызылбашские племена румлу и шамлу.[1]

В самые последние годы в круг научного исследования вошел неизвестный раньше персидский источник с арабским заглавием «Тазкират ал-мулюк» («Памятная записка для царей»). Это памятная записка, или общий обзор сефевидской администрации, составленная неизвестным автором, из числа высших гражданских чиновников Ирана, «по высочайшему повелению», т. е. по приказу афганского завоевателя Ирана Махмуд-шаха, занявшего Исфахан и воссевшего на шаханшахском престоле в 1722 г. «Тазкират ал-мулюк» был закончен и представлен уже племяннику и преемнику Махмуда Ашрафу, вероятно, в 1725 г. Известен единственный список этого труда, изъятый английскими оккупационными властями в Константинополе из библиотеки, принадлежавшей некогда турецкому султану Абд-ал-Хамиду II и переданный в Британский музей в 1924 г. Фотокопия этого списка (рук. Or № 9496 Британского музея) была издана в 1943 г. лондонским профессором В. Ф. Минорским (публикации «Серии памяти Э. Гибба», Новая серия, т. XVI) вместе с английским переводом, историческим введением, комментарием и несколькими историческими экскурсами (в частности, о землевладении в Иране) в приложении, с посвящением: «Советским востоковедам в дни великих испытаний».[2] «Тазкират ал-мулюк» состоит из 5 глав и заключения: 1) о духовных сановниках, 2) об эмирах, 3) о придворных сановниках, носивших титул мукарраба, 4) о финансовых чиновниках, с экскурсами о заведующих государственными мастерскими или работными домами («буйютат» или «кархана т») и о штате ведомства великого везира (и'тимад ад-доулэ), 5) об администрации столичного города Исфахана; в «заключении» даны сведения о жалованьи и доходах лиц центральной администрации, о доходах и контингентах ополчений эмиров пограничных областей, в частности беглербегств Тебризского, Карабагского, Ширванского и Чухур-Са'дского, т. е. Азербайджана и Армении, и наконец, о приходном и расходном бюджете Кызылбашского государства. Этот источник лишь в небольшой части касается Азербайджана и Армении. Ценность данного источника в том, что он дает цельное пред-

---

[1] Там же, л. 69 (на полях). Это предание приведено и у Искендера Мунши, лит. стр. 12, цит. рук., ч. I, л. 24. Искендер Мунши прибавляет, что в исторических сочинениях он не нашел упоминаний об этом предании, но что жалованная грамота Тимура будто бы была обнаружена кызылбашскими воинами в крепости Андхуд в Узбекистане и представлена шаху Аббасу I. Едва ли можно сомневаться в подложности этой грамоты.

[2] Tadhkirat al-muluk, a manual of Safavid administration, by prof. V. Minorsky, G. M. S., Cambridge, 1943 (факсимиле перс. текста, часть II — введение, английский перевод и приложения).

ставление о структуре сефевидской администрации и финансовой системе первой четверти XVIII в.;[1] при этом разъясняется ряд подробностей и технических терминов, о которых другие источники не дают ясных сведений. Анонимный автор, очень искушенный в тайнах сефевидской административной машины, составил свой труд частью на основании официальных документов и архивов, о чем он сам не упоминает, частью по личным воспоминаниям.

Шейх Мухаммед-Али Хазин, потомок гилянских дервишеских шейхов из упомянутой уже фамилии Захидиев, родился в Исфахане в 1692 г., известный ученый, много путешествовал по Ирану, в частности и по прикаспийским странам, умер в Бенаресе в 1766 г. Известен как автор трактатов об уходе за лошадьми и по зоологии, также биографического труда о поэтах — своих современниках. Составил около 1740 г. н. э. мемуары, являющиеся одним из ценнейших источников по истории Ирана 20—40-х гг. XVIII в. Персидский текст издан Бельфуром под заглавием «Тарих-и ахвал-и шейх-и Хазин, ки худ навиштэ аст» («История жизни шейха Хазина, каковую он сам написал»).

Прикаспийские страны в мемуарах шейха Хазина занимают небольшое место, но нарисованная им картина разорения этих стран[2] во время войн и междоусобий 20—30-х гг. XVIII в. дополняет данные других источников (армянских, русских и др.). Важны также подробности относительно созванного Тахмасп-кули-ханом в 1736 г. курултая на Мугани и состава этого собрания,[3] рассказ об обороне города Тебриза от наступающих турецких войск беднейшими слоями горожан (авамм — «простонародье», «чернь»)[4] и т. д. Данные о феодальных отношениях рассеяны по всей книге.[5]

Мирза Мухаммед Мехди-хан Астерабади происходил, повидимому, из фамилии Сефевидов, что не мешало ему служить Надир-шаху афшару в качестве личного секретаря (мунши) и придворного историографа (маджлиснавис). Крупный ученый-филолог, участник предпринятого по распоряжению Надир-шаха перевода евангелия на персидский язык, составитель сборника официальных документов (инша),[6] автор известного узбекско-персидского словаря «Санглах», Мехди-хан в 1747 г. составил труд по истории царство-

[1] Тазкират ал-мулюк, цит. изд., перс. текст, лл. 41а, 87б, 89а; англ. перевод, стр. 62, 87, 88.

[2] В частности, Талышского края; см. указ. изд., стр. 157; ср. стр. 247.

[3] Там же, стр. 251, 252.

[4] Там же, стр. 153, 154.

[5] См., например, об икта' и сойюргале там же, стр. 154; сведения о наследственных имениях (амляк-и моуруси) шейха там же, стр. 102, 103.

[6] См. о нем выше на стр. 13.

вания Надир-шаха под заглавием «Тарих-и Надири» («Надирова история»). Труд этот выдержал 11 литографских и печатных изданий на Востоке: в Тебризе, Техране, Калькутте, Бомбее, Лахоре. Имеются переводы французский (В. Джонса 1770 г.), английский (В. Джонса 1773 и Гуффара 1908 гг.), немецкий (с французского перевода, Гадебуш 1773 г.), на язык урду (Росс и Броун, 1851/2 г.). Число известных рукописей также очень велико.[1] Критического издания текста нет.

По изяществу и изысканности языка и стиля Мехди-хан не имеет себе равных в персидской историографии XVI—XVIII вв. Сознательно избрав себе в качестве образца для подражания известный труд персидского историка периода владычества монгольских ильханов Вассафа,[2] Мехди-хан создал сочинение скорее литературное, нежели историческое, с начала до конца выдержанное в тоне панегирика Надир-шаху. Прославленная «Надирова история» — прежде всего повесть о походах и подвигах «миропокорителя Надир-шаха и его миродержавного войска». Для политической истории стран Закавказья данного периода труд Мехди-хана является одним из важных источников. Но для трактуемой нами проблемы «Тарих-и Надири» дает немного.

Мухаммед Казим, везир (гражданский правитель) Мерва при Надир-шахе, составил большой труд по истории Надир-шаха под заглавием «Тарих-и алем арай-и Надири» («История мироукрашателя Надира»). Труд этот сохранился в уникальной рукописи, принадлежащей Институту Востоковедения АН СССР в Ленинграде,[3] быть может, выполненной по заказу автора.[4] Акад. В. В. Бартольд признавал труд Мухаммед-Казима фундаментальным источником, превосходящим по значению все другие источники данного периода. Прибавим что по обилию социально-экономического материала и по тому вниманию, какое автор уделяет фактам этого рода, данный источник не имеет себе равных не только среди авторов XVIII в., но, быть может, и среди представителей персидской историографии всего рассматриваемого нами периода (XVI—XVIII вв.).

[1] Библиографию изданий и перечень рукописей см. у Storey, op. cit, fasc. 2, pp. 322, 323.

[2] См. об этом у А. А. Ромаскевича, цит. статья, стр. 15, 16.

[3] Рук. ИВАН № Д-430, т. II-327 двойных листов in folio, т. III-251 двойных лл. in folio, с иллюстрациями. — Том I той же рукописи, считавшийся утраченным, обнаружен в Москве и находится в настоящее время в Московском Ин-те Востоковедения.

[4] Об этом труде см. описание акад. В. В. Бартольда в «Приложении к протоколу X заседания Отделения исторических наук и филологии Российской Академии Наук 17 сентября 1919 г., ИАН, П., 1919, стр. 927—930. См. также работы Н. Д. Миклухо-Маклая (см. библиографию).

Хотя Мухаммед Казим в своем труде отводит больше места восточным областям Кызылбашского государства, но и по истории кавказской Армении (Ереван) и особенно Азербайджана мы находим у него очень много материала. Автор, тогда еще юноша, в 1737—1739 гг. вместе со своим отцом находился на шахской службе в Азербайджане и о многих событиях говорит как очевидец и участник их. Очень содержательны рассказы Мухаммед Казима о притеснениях населения, чинимых беглербегом ширванским Мехди-ханом,[1] о гибели брата Надир-хана в борьбе с восставшими джарскими аварами («лезгинами») в 1739 г.,[2] о жестокостях при взимании податей в Азербайджане и Армении,[3] о богатствах азербайджанского помещика Самад-бека Тебризи,[4] о восстании курдов племени думбули в южном Азербайджане вследствие налогового гнета,[5] наконец, о связанных с именем Сам-мирзы восстаниях в Ширване и Дагестане «простонародья и безголовой черни».[6] Заслуживают внимания частые указания автора на то, что участие в подавлении многочисленных восстаний в странах Закавказья очень обогащало шахских воинов.[7]

В третьем томе Мухаммед Казим сообщает много данных о налоговой политике Надир-шаха, приводит исключительно высокие цифры податей, установленных в 1156 г. х. (1743/4 г. н. э.) и рисует картины пыток, истязаний, обезображиваний лица, продажи в рабство ра'ийятов и их семейств в виде репрессий за неплатеж податей.[8] При всей своей лойяльности по отношению к Надир-шаху, Мухаммед Казим во многих случаях дает объективное изображение событий и даже решается высказать в осторожной форме осуждение налоговой политики Надира-шаха и принятой им системы массовых репрессий по отношению к недоимщикам.[9] В качестве представителя шахской бюрократии Мухаммед Казим, разумеется, принимает враждебный и резкий тон, говоря о народных восстаниях. Но иногда в этом можно видеть скорее условный и принятый язык, нежели личное мнение автора. По крайней мере, Мухаммед Казим, говоря о некоторых восстаниях, признает, что они были вызваны полной невозможностью для ра'ийятов внести наложенные на них подати в пользу казны.

При всей высокой ценности труда Мухаммед-Казима, он все же требует к себе критического отношения. Не все приводимые

---

[1] Цит. рук., т. II, л. 150б.
[2] Там же, т. II, лл. 173а—178б.
[3] Там же, т. II, л. 318а; т. III, лл. 100а, 165а.
[4] Там же, т. II, лл. 317б—318а.
[5] Там же, т. III, лл. 100а—104б.
[6] Там же, т. III, л. 130а.
[7] См., например, т. III, л. 135б.
[8] См., например, т. III, л. 46а и след., 165б—169б.
[9] Там же, т. III, л. 169б.

им цифры вызывают доверие, в частности, сомнительны цифры воинов ополчений разных областей Кызылбашского государства.[1] Он приписывает тюрку-кочевнику Надир-шаху персидский патриотизм и намерение покорить Китай (с Монголией), дабы отомстить за зверства и погромы войск Чингиз-хана в Иране[2] и т. д.

Мухаммед-Садык Мусеви, происходивший из исфаханской знатной персидской фамилии и умерший в 1204 г. х. (1789/90 г. н. э.), составил официальную историю Зендской династии под заглавием «Тарих-и гити гушай» («История покорителя вселенной», иначе «Тарих-и Зендийэ» — «Зендская история»). После смерти Мухаммед-Садыка труд его был продолжен и доведен до 1209 г. х. (1794 г. н. э.) мирзой Абд-ал-Керимом и ага Мухаммед-Ризай-и Ширази. Недавно персидский текст этого труда был издан (с продолжением Абд-ал-Керима и Мухаммед-Ризай-и Ширази) в Иране.[3]

«Тарих-и гити гушай» трактует преимущественно о событиях 50—90-х гг. XVIII в., происходивших в глубине Ирана; странам Закавказья посвящены лишь немногие главы.[4]

Абд-ар-реззак-бек ибн Неджеф-кули-хан Думбули, по происхождению курд из южного Азербайджана, родился в городе Хойе в 1176 г. х. (1762/3 г. н. э.), умер в 1243 г. х. (1827—8 г. н. э.). Он был сыном Неджеф-кули-хана хойского, наследственного главы курдского племени думбули и владетеля округа Хой, бывшего одновременно и беглербегом (шахским наместником) в Тебризе. Сам Абд-ар-реззак был любимцем наследника иранского престола Аббас-мирзы (род. 1783 г., умер 1833 г.), сына Фатх-Али-шаха Каджара. В числе трудов Абд-ар-реззака называют крайне редкое сочинение «Тарих-и данабилэ» («История думбулийцев»).[5]

Известен труд Абд-ар-реззака по истории первых двух представителей Каджарской династии — Ага Мухаммед-хана (с 1796 г. — шах Ирана) и Фатх-Али-шаха, доведенный до 1229 г. х. (1813/4 г. н. э.), под заглавием «Маасир-и султанийэ» («Памятники султанские»). Персидский текст был издан в Тебризе в 1241 г. х. (1825/6 г. н. э.) и является одной из первопечатных персидских книг.

«Маасир-и султанийэ» является важным источником по политической истории Азербайджана и кавказской Армении

---

[1] Там же, т. III, л. 6а.
[2] Там же, т. III, л. 24б.
[3] Тарих-и гити гушай, изд. с предисловием Нефиси, Техран 1317 г. х. солнечн. — 1939 г. н. э.
[4] См. там же passim, особенно стр. 105, 113—114, 332—334.
[5] Данабилэ — арабизованное множ. число от «дунбули» (произносится «Думбули»). По сообщению кандидата филол. наук О. Л. Вильчевского, экземпляр этой рукописи имеется в Ереванском Матенадаране.

конца XVIII в. и особенно начала XIX в., но для рассматриваемой нами проблемы этот труд имеет лишь небольшое значение.[1]

Есть основание предполагать, что местные азербайджанские персоязычные сочинения писались в XVI—XVII вв., но они до нас не дошли или пока не выявлены.[2] Такие сочинения известны лишь с XIX в. Из них наибольшее значение имеет «Гулистан-и ирам» («Райский цветник», в азербайджанском произношении «Гюлистан ирам») — труд по истории Ширвана и сопредельных областей (Дагестан, Карабаг) с древнейших времен до 1228 г. х. (1813 г. н. э.).

Автор этого труда Аббас-кули-ага Бакиханов (1794—1846), потомок бакинских ханов и полковник русской службы, известен как плодовитый ученый и поэт, сочетавший восточную образованность с усвоением начал передовой русской культуры, один из крупных деятелей азербайджанского культурного возрождения XIX в. «Гулистан-и ирам» написан Бакихановым около 1840 г. и им же переведен на русский язык. По своему построению и содержанию он еще близок к восточной летописи. Но, в отличие от своих предшественников, Бакиханов не только компилирует данные арабских и персидских историков и географов, но и пользуется данными источников античных (Геродот, Аммиан Марцеллин), византийских (Приск), армянских (Моисей Хоренский), ссылается также и на новых европейских и русских историков XVIII—XIX вв. — Дегиня, Татищева, Карамзина, армянского историка Чамчияна и др. Текст труда Бакиханова до сих пор не издан и сохранился лишь в рукописях,[3] русский перевод автора издан в 1926 г. в Баку.[4]

Периоду XVI — начала XIX в. посвящены разделы 4 и 5 труда Бакиханова.[5] До смерти Надир-шаха (1747) рассказ Бакиханова представляет в основном компиляцию данных персидских хроник — Хасан-бека Румлу, Искендера Мунши, Мухаммед Мухсина, мирзы Мехди-хана и некоторых других; для периода полунезависимых ханств (1747—1813) труд Ба-

[1] Особо стоит вопрос о недошедшем до нас предполагаемом персидском оригинале «Дербенд-намэ», с которого, как думают, в XVII в. был сделан азербайджанский перевод Мухаммедом Авваби Акташы. Но в Дербенд-намэ период XVI—XVIII вв. не затрагивается, и этот труд служить источником для настоящей работы не может.

[2] Ценный для конца XVII в. и первых 4 десятилетий XVIII в. труд Мухаммед Мухсина, типа «всеобщей истории», под заглавием «Зубдат-ат-таварих» («Сливки историй»), доныне не издан и известен лишь в немногих рукописях; в хранилищах СССР рукописей этого труда не имеется.

[3] Имеется рукопись в Ленинграде — ЛГПБ, каталог Ханыкова, № 99.

[4] Гюлистан ирам, изд. О-ва обследования и изучения Азербайджана, Баку, 1926.

[5] Там же, стр. 74—162.

киханова в значительной части является первоисточником. Однако и здесь автор дает преимущественно изложение войн, происходивших между ханствами, династических междоусобий и внешнеполитической истории, а феодальных отношений касается лишь мимоходом и изредка.

Составленная в 1845 г. по поручению наместника кавказского М. С. Воронцова азербайджанцем мирзою Джемалом персоязычная «Тарих-и Карабаг» («История Карабага») в основном является компиляцией данных арабских и персидских хронистов, и самостоятельный интерес представляет лишь изложение событий с начала XIX в. Текст «Тарих-и Карабаг» до сих пор не издан; имеется русский перевод Адольфа Берже.[1]

Написанная после 1870 г. азербайджанская хроника по истории Карабага азербайджанца Мир Мехди Хизани также является компиляцией и в большей своей части основана на хронике мирзы Джемала, почему и не представляет сколько-нибудь значительной ценности для периода до XIX в. Хроника эта не издана. Оба труда — мирзы Джемала и Мир Мехди Хизани — отражают точку зрения азербайджанских беков, примкнувших к ориентации на Россию.

На этом можно было бы закончить обзор персидских и персоязычных азербайджанских источников периода XVI — начала XIX в. Прибавим к сказанному, что поскольку феодальные отношения в Азербайджане и Армении XVI—XVIII вв. сложились в результате развития отношений, существовавших в период владычества монгольских и туркменских династий (XIII—XV вв.), мы не могли не привлекать и данных источников этого периода. Имеем в виду в особенности следующие источники: «Сират-ас-султан Джелал-ад-дин» («Жизнеописание султана Джелал-ад-дина») Мухаммеда Несеви (первая половина XIII в., арабоязычная); «Трактат о финансах» (персидский) известного ученого XIII в. Насир-ад-дина-Туси; «Тарих-и джихан гушай» («История покорителя мира») Джувейни (около 1260 г. персоязычная); «Джами' ат-таварих» («Собрание историй») Рашид-ад-дина Фазлуллаха Хамадани (начало XIV в., персоязычная, как и все поименованные ниже); полуофициальная переписка того же автора, занимавшего в 1298—1317 гг. пост везира при монгольских ильханах Хулагуидского улуса, со своими сыновьями — правителями областей и разными сановниками и духовными лицами; труды исторический («Тарих-и гузидэ» — «Избранная история») и географический («Нузхат-ал-кулюб») Хамдуллаха Казвини (первая половина XIV в.);

[1] Напечатан отдельными главами в тбилисской газете «Кавказ» за 1855 г.

«Матла'-ас-садейн ва маджма'-ал-бахрейн» («Место восхода двух счастливых созвездий и место слияния двух рек») Абд-ар-реззака Самарканди (третья четверть XV в.), большая часть которого, до описания событий 1426 г. н. э., основана на «Зубдат-ат-таварих» («Сливки историй») Хафиз-и Абру (около 1427 г.); «Раузат-ас-сафа» («Сад чистоты») Мирхонда (конец XV в.) и др. Мы специально не останавливаемся здесь на этих источниках, имеющих для нашей работы второстепенное значение. [1]

Особо следует упомянуть об одном из написанных до XVI в. источников, поскольку речь идет о местном сочинении, написанном в Азербайджане и еще мало использованном историками. Это — «Сафват-ас-сафа» («Чистота чистоты»), [2] персоязычная биография предка династии Сефевидов, шейха Сефи-ад-дина, составленная в третьей четверти XIV в. дервишом Таваккулем, по прозвищу ибн Баззаз («сын торговца сукнами»), под руководством шейха Садр-ад-дина, сына и преемника шейха Сефи-ад-дина. Число известных рукописей невелико; [3] имеется литографированное издание текста, вышедшее в Бомбее в 1329 г. х. (1911 г. н. э.). Труд дервиша Таваккуля — типичное суфийское агиографическое сочинение, трактующее о жизни, учении и чудесах Сефи-ад-дина. Историческая ценность биографии шейха Сефи-ад-дина заключается в обилии данных социально-экономического и бытового порядка. Во множестве рассказов о «подвигах» и «чудесах» шейха действующими лицами оказываются крупные и мелкие феодалы, духовные лица, купцы, ремесленники — ахии, кедхуды (сельские старосты), крестьяне округов Ардебиля, Талыша, Мугани, Мараги, Тебриза, Ширвана и др. Здесь и жестокий правитель Мараги, [4] и сборщики податей, заковывающие недоимщиков в цепи, [5] и феодалы, ведущие тяжбы и частные войны из-за права владения деревнями, [6] и т. д.

Сафват-ас-сафа как источник XIV в. может быть использован для нашей работы лишь в ограниченной мере. Но для изучения феодальных отношений более раннего периода это — источник очень большой ценности.

[1] Дабы не перегружать настоящей работы аппаратом, мы не приводим здесь библиографии изданий этих источников и литературы о них, отсылая читателя к списку литературы в конце нашей работы.

[2] Заглавие это основано на игре слов: ар. «сефа» — «чистота», «сефи» — «чистый», а также имя собственное Сефи (шейх Сефи-ад-дин).

[3] Имеется рукопись и в Ленинграде — ЛГПБ, каталог Дорна № 300, которой пользовался и пишущий эти строки.

[4] Цит. рук., лл. 526а—526б.

[5] Там же, л. 473а.

[6] Там же, 154а—456а, 162а, 469а—470а, 470а—470б, 474б.

Исторические источники на азербайджанском языке до XIX в. неизвестны, если не считать упомянутой уже Дербенд-намэ (XVII в.), или, точнее, они пока не обнаружены. Это обстоятельство легко объясняется господствовавшей классовой феодальной традицией, допускавшей в историографии только сочинения на персидском языке — классовом языке феодальной знати. Даже во второй половине XIX в. Мир Мехди Хазани считал невозможным писать исторический труд на азербайджанском языке. Все же в XIX в. появилось несколько исторических сочинений типа местных хроник на азербайджанском языке.

Из них назовем прежде всего «Историю шекинских ханов», автором которой, по сообщению Н. Ханыкова, был Гаджи Абдул-Лятиф-эфенди (хаджи Абд-ал-Лятиф-эфенди), сын наследственного казия города Нухи (Шеки), в 40-х гг. XIX в. бывший уже стариком. Составленная им (закончена 20 зу-л-ка'ды 1244 г. х. — 24 мая 1829 г. н. э.) краткая хроника по истории шекинских ханов династии Кара-Кешиш-оглы доведена до 1221 г. х. (1806 г. н. э.). Хроника эта издана в 1858 г. акад. Б. Дорном (азерб. текст) [1] и в 1926 г. в Баку (азерб. текст и русский перевод). [2] Она представляет некоторый интерес главным образом для периода полунезависимых ханств; для периода XVI—XVII вв. она носит компилятивный характер. Сообщение этой хроники о том, что после смерти Дервиш-Мухаммед-хана (1551 г. н. э.) до 1747 г. н. э. в Шеки не было ханов, [3] не подтверждается более ранними источниками. Согласно Искендеру Мунши, в начале XVII в. правителем Шеки был Шахмир-хан из старинной местной ханской династии. [4]

Еще более краткая хроника по истории той же династии шекинских ханов на азербайджанском языке составлена Гаджи Сеид Абдул-Гамидом (хаджи сейид Абд-ал-Хамид), образованным шекинцем, родившимся в 1210 г. х. (1795/6 г. н. э.) и занимавшим около 40 лет пост председателя шариатского суда. Время составления хроники неизвестно. Она издана в Баку в 1930 г. [5] Обе упомянутые хроники по истории шекинских ханов почти не касаются социальных отношений и могут быть использованы для нашей работы в самой незначительной степени.

[1] MQ, Theil IV, SPb 1858, SS. 515—551. Там же во введении, стр. 12, см. сведения о хронике и ее авторе.

[2] Абдул-Лятиф-эфенди, История шекинских ханов, текст и перевод А. Дадашева, изд. ООИА, Баку, 1926.

[3] Там же, азерб. текст, стр. 4—5; русск. пер., стр. 7.

[4] Тарих-и алем ара, лит., стр. 467; цит. рук. ч. II, л. 360б.

[5] Гаджи-Сеид Абдул-Гамид, Родословная шекинских ханов и их потомков, азерб. текст и русск. перевод А. Субханвердиханова, АзГНИИ, Баку, 1930.

Около 1847 г. мирза Адигёзал составил хронику по истории Карабага — «Карабаг-намэ» («Книга о Карабаге»). Она до сих пор не издана.[1] Автор держится руссофильской ориентации. Источник этот представляет некоторый интерес для периода XVIII — начала XIX вв.

Переходим к представителям армянской историографии. XVI в. беден армяноязычными историческими сочинениями. Зато в XVII—XVIII вв. были написаны хроники, представляющие большую ценность как источники для изучения феодальных отношений и в Армении, и в Азербайджане. Все главные источники этого периода изданы и переведены на французский язык.

Аракел Даврэжаци (Аракел Тебризский) родился, вероятно, в последней четверти XVI в., умер в 60-х гг. XVII в. Ученый вардапет, он бо́льшую часть своей жизни провел в Эчмиадзинском монастыре. По поручению католикоса Филиппоса (1633—1655) Аракел в 1650 г. приступил к составлению труда по истории своего времени. Над этим сочинением он работал с перерывами более 11 лет, пока, наконец, не положил калям в 1662 г. н. э., удрученный глубокой старостью. Огромный труд Аракела «Гирк патмутянц» («Книги историй»), благодаря широким в то время связям Эчмиадзинского монастыря с европейскими армянскими колониями, уже в 1669 г. был напечатан в подлиннике в Амстердаме. Имеется французский перевод акад. М. Броссе.[2] Труд Аракела охватывает период 1601—1662 гг. В основном автор трактует об истории кавказской Армении (Айраратской или Ереванской области) и Нахчеванского края, но вводит обширные экскурсы о событиях в южной Армении, находившейся в составе Турции, в Азербайджане, Грузии и даже Ираке персидском (Арагстан), также об армянских колониях Стамбула, Исфахана, Львова и т. д. Труд Аракела состоит из 58 глав; в качестве 54-й главы в этот труд включена краткая хроника по истории Албании (Агвании, т. е. северного Азербайджана) за период 1541—1600 гг., составленная вардапетом Оганнэсом Цареци (Иоанн Царский).[3]

Ценность труда Аракела Тебризского для нашей темы заключается прежде всего в том, что это не военная и династийная история, а история армянского народа и его территории, с экскурсами по истории азербайджанского народа.[1] Благодаря этому автор сообщает много фактов социально-экономического порядка. Аракел дает характеристику, в общем крайне нелестную, турецкой административной и налоговой системы, существовавшей в странах восточного Закавказья во время турецкой оккупации (1578—1606), и сообщает о том, какие группы местных феодалов, духовенства и купечества держались иранской ориентации, предпочитая владычество кызылбашей османскому господству.[2] Аракел и сам считает ориентацию на кызылбашей более приемлемой, хотя лично к шаху Аббасу I относится отрицательно[3] и рисует насилия и грабежи кызылбашских войск. Очень важны сообщаемые Аракелом сведения о распространении движения джелалиев в Армении и Азербайджане, хотя церковно-феодальная точка зрения Аракела заставляет его отнестись к этому движению пристрастно, враждебно и нетерпимо.[4] Интересны данные о налоговой системе шахского Ирана и в частности о подати со скотоводства.[5] Очень подробно рассказывает Аракел об отношениях между Эчмиадзинским католикосским престолом и шахским правительством и с беглербегами ереванскими Амиргунэ-ханом каджаром и его сыном Тахмасп-кули-ханом,[6] также об основании и устроении монастырей (ванк) и «пу́стыней» (анабад), об их внутренней жизни и процветании.[7] Для характеристики отношений между шахскими властями и высшим армянским духовенством заслуживает внимания сообщение Аракела об основании одного из монастырей при участии Амиргунэ-хана.[8] Глава 54-я, посвященная истории Албании — северного Азербайджана, принадлежащая тэр Оганнэсу Цареци,[9] трактует о судьбах этой страны в период ирано-турецких войн и турецкой оккупации, сообщая некоторые подробности и о положении крестьян в этот период.[10]

Уже этот перечень сведений показывает, насколько труд Аракела Тебризского является первоклассным источником для нашей темы. Та независимость от официальной иранской правительственной точки зрения, которой в большей или меньшей степени не чужды все персидские источники, кроме Шереф-намэ, позволяет нам пользоваться данными Аракела Тебризского для проверки сведений, сообщаемых персид-

---

[1] Рукопись имеется в Рукописном отд. ИВАН, рук. № С-762.

[2] Brosset, Collection d'historiens Arméniens, t. I, SPb. 1874, pp. 269—607, Livre d'histoires par vartabied Arakel de Tauriz.

[3] Сведения об Аракеле Тебризском и об его труде см. M. Brosset, Collection,... t. I, Introduction, pp. XXIX—XXXII; К. П. Патканов, Библиографический очерк армянской исторической литературы, СПб., 1880, стр. 50.

---

[1] См., например, Coll, т. I. стр. 314—316, 496—498.

[2] Там же, стр. 275—276.

[3] Там же, стр. 287—288, 294.

[4] Там же, стр. 307—314, 577—580.

[5] Там же, стр. 351—355.

[6] Там же, стр. 281—282, 364—389, 402—405, 411.

[7] Там же, стр. 389—437.

[8] Там же, стр. 411.

[9] Там же, стр. 553—562.

[10] Там же, стр. 556—557, 560—561.

скими источниками. Следует отметить также осторожное и критическое отношение Аракела к сведениям, о которых он слышал и которые передает сам.

Августин Баджеци, армяно-католический (униатский) епископ в Нахчеванском крае, в начале XVII в. совершил путешествие в Европу через Азербайджан, Дербенд, Астрахань, Россию и Польшу [1] и оставил описание этого путешествия. Источник этот, очень интересный в части описания событий, происходивших в России в 1606—1610 гг., для нашей темы может быть использован лишь в очень ограниченной мере.

Закария-саркаваг (диакон) родился в 1626 г., умер в 1699 г. Он был потомком знатного семейства грузинских заложников, осевших в Армении и со временем превратившихся в крестьян селения Канакер Ереванской области. В детстве Закария был свидетелем истязаний своего отца иранскими финансовыми чиновниками, производившими перепись в деревне. Тринадцати лет от роду, в 1639 г., Закария вступил в монастырь Ованна-ванк близ Карби, где и провел всю свою остальную жизнь, не сделав, однако, духовной карьеры и не поднявшись выше скромного сана диакона (саркаваг).

Закария-саркаваг составил труд под заглавием «Патмутюн» («История») — хронику событий, происходивших преимущественно в Ереванской области, отчасти и в других районах Армении, со времен шаха Аббаса I до 1148 г. арм. э. — 1699 г. н. э.; 30 мая этого года хроника была закончена, незадолго до смерти автора. Армянский текст издан в Вагаршапате в 1870 г. Имеется французский перевод акад. Броссе. [2]

Хроника Закарии-саркавага состоит из двух частей (48 и 78 глав). Изложение отличается некритическим отношением к излагаемому материалу и порою крайней наивностью, особенно заметной при сравнении «Истории» с трудом Аракела Тебризского. Хроника событий, происходивших в Ереванской области, и деяний шахских беглербегов Еревана, расположенных в хронологическом порядке, прерывается вкрапленными в разных местах без всякого порядка анекдотическими рассказами о шахах Аббасе I, Сефи, Аббасе II и Сулеймане, их нравах, привычках и интимной жизни, или фантастическими рассказами о «чудесных» происшествиях — о волках-людоедах, драконах, дьяволе, принявшем образ женщины, небесных знамениях и т. д. В одной и той же главе мы нахо-

[1] Об этом авторе см. К. П. Патканов, цит. соч., стр. 51—52.

[2] Mémoires historiques sur les Sofis par le diacre Zakaria, Collection d'historiens Arméniens, t. II, SPb. 1876, pp. 1—154.

дим интересные данные о производительных силах Ереванской области рядом с рассказами о человеке, укушенном змеей. Но именно эта наивность и бесхитростность делает порою рассказ Закарии-саркавага простым и правдивым. Автор, разумеется, не чужд церковно-феодальной тенденции, однако его бесхитростность мешает ему проводить эту тенденцию строго последовательно. Хроника Закарии содержит исключительно богатый материал, рисующий положение крестьянства кавказской Армении и отчасти Азербайджана. [1] В этом отношении труды Аракела Тебризского и Закарии-саркавага сообщают едва ли не больше данных, нежели все персидские нарративные источники XVI—XVII вв., вместе взятые.

В хронике Закарии-саркавага мы встречаем яркие картины угнетения крестьян, вроде рассказа «о переписчиках душ» — шахских финансовых чиновников, производивших перепись в деревнях. [2] Красочно изображено сектантское, — в основном крестьянское по составу, — движение в Карабаге и Ереванской области, направленное против высшего армянского духовенства и монастырского землевладения и богатства и возглавляемое бывшим монахом, по прозванию Мехлу-баба, поучавшим своих последователей: «Кто убьет хоть одного монаха, не спросятся с того грехи его на том свете, и отправится он в рай божий». [3] Хотя Закария, как и подобает монаху и представителю церковной ортодоксии, отзывается об этом движении — «злом событии» — крайне враждебно, но простой, безыскусственный и в то же время насыщенный фактами рассказ нашего автора позволяет исследователю сделать иные выводы. Закария не сообщает точно, когда выступил Мехлу-баба, но поскольку в рассказе упоминаются, как правившие одновременно, Амиргунэ-хан каджар, беглербег ереванский, и Давуд-хан, беглербег карабагский, подавление движения Мехлу-бабы следует отнести к 1625 г. н. э. [4] Содержательны и рассказы Закарии о беглербегах ереванских, начиная с Амиргунэ-хана (1604—1625) и кончая Фарз-Али-ханом, потомком Амиргунэ-хана (1698/9), их управлении и их взаимоотношениях с эчмиадзинскими католикосами. [5]

Есай-католикос. Есай (Исайя) Хасан-Джалалян происходил из знатной армянской фамилии наследственных

[1] Там же, стр. 32, 44, 45, 60—62, 64—66, 71—73, 87—89, 115, 116, 133—136, 141—143, 144, 145, 147, 148.

[2] Там же, стр. 44, 45.

[3] Там же, стр. 33—37.

[4] Амиргунэ-хан умер в 1034 г. х. — 1625 г. н. э., а Давуд-хан был назначен беглербегом карабагским незадолго до того, в том же году. См. Тарих-и алем ара, лит. стр. 733, цит. рук., ч. II, л. 983.

[5] Там же, стр. 32, 33, 41—43, 57, 69—71, 75—77, 83—86, 87—89, 96—97, 103—111, 115, 116, 124, 125, 144, 145.

меликов округа Хачен в нагорной части Карабага, населенной армянами; предок этой фамилии Хасан-Джалал был князем Хачена в период монгольского завоевания, в XIII в. При кызылбашском владычестве Хасан-Джалаляны сохранили свое положение меликов хаченских; члены этой фамилии нередко ставились и в католикосы албанские (агванские). Титул католикоса албанского известен с 552 г. н. э. как титул главы албанской монофизитской церкви. Постепенно большинство албанов вошло в состав азербайджанского народа и омусульманилось, а небольшое меньшинство (в Шеки и нагорном Карабаге), скрестившись с армянами, арменизовалось. При этом албанская церковь утратила свою автокефалию и слилась с армянской монофизитской церковью. В XVI—XVIII вв. титул католикоса албанского (или гандзасарского, как его называли по его резиденции в монастыре Гандзасаре) сохранился лишь как пережиток былой самостоятельности албанской церкви, и католикос албанский, кроме своего титула, не имел никаких преимуществ перед остальными епископами. Умер Есай в 1727 или 1728 г.

Есай составил очень краткую, но чрезвычайно содержательную и богатую фактами «Историю страны агванов» (албанов, т. е. северного Азербайджана).[1] Армянский текст этой хроники выдержал два издания — в Шуше в 1839 г. и в Иерусалиме в 1868 г. Имеется и французский перевод акад. М. Броссе. Хроника Хасан-Джалаляна изображает события, происходившие в северном Азербайджане (Ширван и Карабаг) во время правления шаха Хусейна (1694—1722); изложение доведено до 1723 г. (гл. III—VI); в первых двух главах дан краткий и компилятивный обзор исторических судеб Албании с древнейших времен до конца XVII в. Освещаемый Есаем Хасан-Джалаляном период был временем упадка державы Сефевидов. Для нашей темы ценность представляет глава III, в которой рассказывается подробно о резком повышении податей при шахе Хусейне и о связанных с этим притеснениях крестьян.[2] Дальше автор рассказывает о вспыхнувших в разных местах Азербайджана восстаниях и приводит подробности, которых нет у других авторов.

История Давит-бега. В 1722 г. армяне Карабага и Зангезура, ожидая обещанного Петром I карабагским меликам прихода русских войск, восстали против шаха Хусейна одновременно с Вахтангом VI, царем картлийским. Потом восставшие армяне боролись с турецкой оккупационной армией сперва под предводительством Давит-бега, а после его

[1] Термины «Агванк», «агваны» (Албания, албаны) в этот период употреблялись в армянской литературе как пережиточные книжные названия, сохранившиеся от времени до XI в.

[2] Coll., т. II, стр. 203—205.

смерти (1728) — под начальством храброго Мхитара и священника (ерэц — иерей) тэр-Аветиса (до 1730 г.). Героическую эпопею этой борьбы и излагает неизвестный автор «Истории Давит-бега», составленной вскоре после восстания. Труд издан в Вагаршапате в 1871 г. Абгаром Гуламиряном. Имеется французский перевод М. Броссе.[1]

Труд этот в основном содержит сжатое и довольно сухое изложение общего хода борьбы. Вызывает интерес картина отношений местных мусульманских владетелей друг с другом, с восставшими и с турецкими войсками. Дано известное представление о социальном составе восставших; среди предводителей восстания было некоторое количество представителей армянской знати, священников и монахов, но основная масса состояла из крестьян. Для характеристики социальных мотивов движения интересно сообщение о сожжении восставшими податных списков в Мегри.[2] Значительного материала по феодальным отношениям данная хроника не содержит.

Авраам Кретаци. Авраам, по прозванию Кретаци, т. е. «Критский», был патриархом-католикосом в Эчмиадзине в 1734—1737 гг.[3] Тахмасп-кули-хан Афшар (Надир-шах), благоволивший к армянскому купечеству и высшему духовенству, пригласил Авраама Кретаци участвовать в большом курултае, собранном раннею весною 1736 г. на Мугани и провозгласившем Надира шахом. Войдя в милость к новому шаху, Авраам испросил у него ряд привилегий, в частности освобождение христианских подданных от уплаты джизьи — подушной подати, взимаемой с немусульман. Путь от Еревана на Мугань и обратно, обстановку, в которой происходил курултай, торжественный прием у Надир-шаха и вступление его на престол Авраам Кретаци подробно изложил в своем дневнике, которому он дал характерное заглавие «История моя и Натыра (Надира), шаха персидского». Армянский текст впервые издан в Калькутте в 1796 г., затем в Вагаршапате в 1870 г. Французский перевод сделан акад. М. Броссе.[4]

Внимательный и тонкий наблюдатель, Авраам Кретаци рисует яркую картину состояния Армении и Азербайджана, разоренных турецкой оккупацией и ирано-турецкой войной, всеобщего голода, дороговизны продовольствия и упадка производительных сил и сообщает ряд подробностей относительно

[1] Collection d'historiens Arméniens, t. II, pp. 223—256, Davith beg.

[2] Там же, стр. 248.

[3] Об этом авторе см. у К. П. Патканова, цит. соч., стр. 53—54.

[4] Collection d'historiens arméniens, t. II, pp. 259—338, Mon histoire et celle de Nadir, chah de Perse, par Abraham de Crète, catholicos.

положения крестьян, как армянских, [1] так и азербайджанских. [2] Отдельные факты, освещающие феодальные отношения, вкраплены в рассказы; интересны данные о селениях, принадлежавших Эчмиадзинскому монастырю на правах мулька (частной собственности). [3] По сравнению с официальным рассказом Мирзы Мехди-хана о муганском курултае, рассказ Авраама Кретаци, изобилующий многими деталями и подробностями, позволяет исследователю ясно представить себе состав курултая и обстановку, в которой происходило «избрание» Надира в шахи, заранее предрешенное. Впрочем, Авраам Кретаци не свободен от идеализации Надир-шаха и с удовлетворением повествует о почетном приеме, оказанном ему Надир-шахом на Мугани и т. д. Интересен приведенный Авраамом Кретаци список эмиров (ханов и султанов), присутствовавших на муганском курултае. [4]

Известно, что для периода XVI—XVII вв. описания русских и западно-европейских путешественников дают довольно значительный материал, относящийся к экономике стран Закавказья, городов как хозяйственных центров, торговли и т. д. Эта категория источников может быть отчасти привлечена и для изучения феодальных отношений, но только при условии сопоставления сведений, сообщаемых европейскими путешественниками, с данными персоязычных и армянских источников. Сведения европейских путешественников ценны, главным образом, для общей характеристики экономического развития тех или иных районов и состояния производительных сил в тот или иной период. Сведения, характеризующие феодальное землевладение, феодальные отношения и положение крестьян, у европейских путешественников носят фрагментарный характер. Ценность их не одинакова, так как различный культурный уровень и различные интересы европейских путешественников не всегда позволяли им разобраться в сложных явлениях чуждой им общественной среды. С другой стороны, некоторые образованные европейцы-путешественники (Шарден и др.) обнаруживают тенденцию применять мерки и трафареты европейских общественных отношений и европейской культуры к странам Востока. К тому же, исследователю не всегда удается установить, какие из сведений, сообщаемых европейскими путешественниками, основаны на их личных наблюдениях и какие получены из вторых и третьих рук. Благодаря всем этим моментам, сведения европейских путешественников о социальном строе стран Закавказья требуют тщательной критической проверки. Установившееся в литературе мнение относительно большой ценности таких источников, как Шарден, должно быть значительно поколеблено.

Мы не имеем возможности здесь подробно останавливаться на значении каждого из русских и западно-европейских путешественников, как источника для нашего труда. [1] Укажем лишь, что из русских путешественников наибольшее значение имеют купец Ф. А. Котов (1623), [2] дипломат Е. Ф. Мышецкий (1641—1643), [3] Арсений Суханов (1652—1653), А. П. Волынский (1715 и 1718), Ф. И. Соймонов (1722—1727), Гербер (1722—1729), кн. С. Д. Голицын (1733—1735), И. Я. Лерх (1732—1737) Гюльденштедт (1770—1773), С. Г. Гмелин (1770—1774). Из западных путешественников важны описания анонимного венецианского купца (1511—1520), Дженкинсона (1562—1563), Эдварса (1565—1580), д'Алессандри (1571), Тавернье (1631—1643), Адама Олеария (1636—1638), Р. дю Ман (1660), Я. Стрейса (1670—1671), Ж. Шардена (1672—1673), Турнефора (1701).

Из других русских источников некоторое, впрочем, очень ограниченное, значение для нашей темы имеют публикации Белокурова [4] и Н. И. Веселовского. [5] Известное значение имеет П. Г. Бутков. Этот автор (1775—1857), сам одно время служивший на Кавказе (90-е гг. XVIII в. — 1803 г.), известен и как историк России реакционно-монархического направления. Но его главный кавказоведческий труд «Материалы по новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г.» [6] в настоящее время сохранил значение лишь источника, а не исследования. Этот труд и является, в сущности, сводкой источников — различных материалов, преимущественно дипломатического и военно-исторического содержания, собранных Бутковым за время его службы на Кавказе, а также выдержек из официальных актов и записок путешественников. Значение труда Буткова заключается в том, что часть его первоисточников до нас не дошла. Впрочем, ценность приво-

---

[1] См., например, там же, стр. 321—323.
[2] См., например, там же, стр. 315—316.
[3] Там же, стр. 297.
[4] Там же, стр. 289—290.

---

[1] Укажем здесь на специальную работу М. А. Полиевктова, Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу. Тбилиси, 1935. Книга снабжена указателем. Там же см. библиографию.
[2] Библиографию изданий см. в списке использованной литературы, приложенном к настоящей работе.
[3] См. М. А. Полиевктов, цит. работа; Его же, Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе, Тбилиси, 1932.
[4] С. Белокуров, Сношения России с Кавказом, вып. I (1578—1613 гг.), Чтения ЧОИДР 1888, кн. III; то же, отдельное изд. М. 1889.
[5] Н. И. Веселовский, Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией, тт. I—III, СПб. 1890, 1892, 1898.
[6] П. Г. Бутков, Материалы по новой истории Кавказа, чч. I—II, СПб. 1869; ч. III содержит указатели.

димых Бутковым материалов сильно ослабляется тем, что автор нигде не приводит ссылок на первоисточники и не указывает, откуда им взяты те или иные сведения; автор допускает ряд фактических ошибок и ляпсусов. Все же у него мы можем найти ряд данных по закавказским ханствам XVIII в. и некоторые фрагменты о их внутреннем строе и налоговой системе.

Очень ценны выполненные официальными представителями царского правительства «описания» ханств Шекинского, Ширванского и Карабагского, составленные непосредственно после ликвидации этих ханств и превращения их в управляемые царскими комендантами «провинции»; эти «описания» изданы на правах рукописи в Тбилиси в 1866 г.[1] и в настоящее время представляют собою библиографическую редкость.[2] По содержанию — это перечни всех селений, входивших в состав упомянутых ханств, с указанием в каждом отдельном случае, кому принадлежало данное селение, какие подати и повинности в каких размерах лежали на крестьянах при ханском владычестве. Хотя эти «описания» и были составлены уже при царском владычестве, но в них зафиксированы порядки, существовавшие при ханах, почему эти «описания» и могут быть отнесены к источникам по нашей теме. Некоторые ограниченные данные могут быть извлечены и из царских (официальных) архивных документов начала XIX в., поскольку речь идет о документах, по времени близких к изучаемому нами периоду.[3]

На истории научной разработки проблемы феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. мы остановимся лишь очень кратко. Проблема феодальных отношений XVI—XVIII вв. в странах Ближнего Востока, а в частности в Азербайджане и Армении, слабо разработана исследователями, и количество научных трудов в области данной проблемы очень невелико. Феодальные отношения в названных странах в начале XIX в. изучались главным образом представителями сложившейся во 2-й половине XIX в. школы официального кавказоведения.

Изучение проблемы социально-экономического развития стран Закавказья не может быть плодотворным без решительного разрыва с концепцией дореволюционной школы кавказоведной историографии XIX — начала XX в. (И. Шопен, Н. Дубровин, М. Кучаев, В. Иваненко, С. Эсадзе, в некоторой мере также Д. Бакрадзе, Н. Ханыков,[1] Авалиани и др.).[2] Представители этой школы, стремясь исторически оправдать «цивилизаторскую миссию» политики царизма в странах Закавказья, изображали социальный строй так называемых «мусульманских провинций» (нынешнего Азербайджана) и Армянской области (кавказской Армении) гораздо более примитивным, нежели он был в действительности. Историки официальной школы, как и поставщики сырого материала для них — царские чиновники, собиратели материалов и составители различных записок «о правах высшего мусульманского сословия», «о владении землею в мусульманских провинциях Закавказья» и т. д., отрицали существование феодальных отношений, крепостничества и особенно частной собственности на землю и даже частного землевладения в бывших владениях Ирана и потом в полунезависимых ханствах Азербайджана и Армении. Проводившиеся царскими властями до 40-х гг. XIX в. массовые земельные конфискации у представителей так называемого «высшего мусульманского сословия», примыкавших к враждебным России иранской или турецкой ориентациям, равно как и насаждение новых кадров беков из сторонников царизма и раздачу им земель, официальные историки стремились оправдать утверждением, будто в закавказских ханствах не было признанного законом частного землевладения, и беки были не землевладельцами, а лишь чиновниками шаханшаха Ирана и местных ханов.

Из дореволюционных работ, трактующих об аграрном строе и о деревне, следует, впрочем, выделить одну, на которой влияние упомянутой кавказоведной школы и ее тенденциозных выводов сказалось значительно меньше, нежели на других работах, и которая благодаря обилию использованного фактического материала и тщательности его обработки далеко не утратила своего значения и в наши дни. Имеем в виду монографию С. А. Егиазарова о сельской общине в странах Закавказья «Сельская община, сословный строй, внутренняя организация и управление общины в связи с землевладением, водовладением и податным обложением».

---

[1] Описание Шекинской провинции, составленное ген. Ф. Ахвердовым и ст. сов. Могилевским в 1819 г., Тбилиси, 1866; Описание Ширванской провинции, составленное полк. Мадатовым и ст. сов. Могилевским в 1820 г., Тбилиси, 1866; Описание Карабагской провинции, составленное полк. Ермоловым и ст. сов. Могилевским в 1823 г., Тбилиси, 1866.

[2] Достаточно указать, что ни в ленинградских, ни в тбилисских библиотеках этих «Описаний» нет или они не сохранились; они имелись в Баку, в Ист. Архиве АзЦАУ.

[3] Перечень архивных фондов см. в списке сокращений.

---

[1] Ханыков, пользовавшийся нарративными источниками и документами на восточных языках, ясно говорившими о феодальных отношениях (например, сойюргальная грамота шаха Хусейна 1113 г. х. — 1701 г. н. э., см. об этом в гл. IV), все же, держась официальной точки зрения, отрицал существование феодализма на Востоке, см. Lettre à M. Dorn, MA, t. III, livr. I, SPb. 1857, p. 76.

[2] Библиографию трудов этих авторов см. в списке использованной литературы.

Работа эта составляет первую часть труда С. А. Егиазарова «Исследования по истории учреждений в Закавказьи».[1]

Скудная литература представителей местной буржуазно-националистической школы «историков Азербайджана» также не шла дальше использования (и то в очень небольшой степени) русских архивных документов XIX в. Ни один из ее представителей не пытался использовать персоязычных, армянских и др. нарративных, не говоря уже о документальных, источниках. Вообще, эта школка, просуществовавшая не более полутора десятка лет, проявила редкое убожество мысли, беспомощность и классовую ограниченность в подходе к историческому материалу. Она была хилым детищем слабой азербайджанской буржуазии, выросшей «как искусственное и наносное явление в колониальной стране, не проходившей в целом капиталистического пути развития».[2] Представители этой школки чаще всего довольствовались перелицовыванием на свой лад выводов дореволюционных историков-кавказоведов. Тезис об отсутствии крепостничества в Азербайджане, разумеется, пришелся по сердцу создателям мифа об исконной «классовой гармонии» между азербайджанскими беками и крестьянами, нарушенной будто бы лишь царским завоеванием. Но никаких новых аргументов по сравнению с дореволюционной историографией азербайджанская буржуазно-националистическая историография в защиту этого тезиса не выдвинула, равно как не создала трудов, о которых стоило бы здесь упоминать.

Армянская буржуазно-националистическая историография, несравненно более плодовитая, нежели азербайджанская, однако, почти не занималась изучением социального строя своей страны в период господства Ирана и полунезависимых ханств. Представители этой школы предпочитали обращать свои взоры к более ранним эпохам, преимущественно к эпохам существования армянских царств. Несколько статей по интересующему нас вопросу, появившиеся как исключение при игнорировании персидских источников и исторических связей Армении XVI—XVIII вв. с Азербайджаном и другими странами Ближнего Востока, не могли внести в изучение данного вопроса ничего нового и ценного.

Научное изучение феодальных отношений в странах Закавказья, как и Ближнего Востока, оказалось явно не под силу дореволюционной историографии. То же можно сказать

[1] Напечатано в «Записках юридического факультета Казанского университета», 1889.

[2] И. Сталин, Заключительное слово к докладу об очередных задачах партии в национальном вопросе на X съезде РКП(б), Соч., т. 5, 1947, стр. 47.

и о представителях буржуазной зарубежной востоковедной историографии, которые обычно охотно занимались изучением династийной истории, религиозными движениями, вопросами культуры стран Ближнего Востока, но, за редкими исключениями, игнорировали проблемы социально-экономической истории. Да и те немногие зарубежные ученые, которые занимались проблемами восточного феодализма, не могли подняться выше ограниченности формализма, национальных и классовых пристрастий и реакционных предвзятых идей, свойственных в той или иной степени всем школам буржуазной историографии.

Советские историки-востоковеды и кавказоведы, вооруженные самой передовой научной теорией — марксистско-ленинской, достигли значительных успехов в разработке социально-экономической истории стран Востока эпохи феодализма. На прочное основание советская востоковедная и кавказоведная историография была поставлена благодаря трудам В. И. Ленина и И. В. Сталина. В. И. Ленин дал точное определение феодального способа производства и его основных признаков.[1] Развивая учение В. И. Ленина, И. В. Сталин создал подлинно научную базу марксистско-ленинской методологии для изучения социальной истории стран Советского Востока. И. В. Сталин открыл существование феодализма в истории этих стран,[2] ибо дореволюционные историки если и говорили о феодализме в странах Востока,[3] то их представления о природе феодального общества были очень неопределенны и противоречивы. «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР» товарищей Сталина, Кирова и Жданова указали на невозможность изучать историю Советской Страны только как историю России. И. В. Сталин, продолжая разрабатывать периодизацию истории, данную Марксом и Энгельсом и развитую В. И. Лениным, сформулировал в «Истории ВКП(б)» «пять основных типов производственных отношений: первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический»,[4] показав лежащий в основе каждого типа производственных отношений тип собственности. И. В. Сталин указывал на необходимость более четкого разграничения дофеодального и феодального общества. И. В. Сталин, как сказано, доказал

[1] В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, ОГИЗ, 1947, стр. 151—153.

[2] И. В. Сталин, Контрреволюционеры Закавказья под маской социализма, Соч., т. 4, ОГИЗ, 1947, стр. 51, 52; Об очередных задачах партии в национальном вопросе, Сочинения, т. 5, 1947, стр. 24, 25, 47, 48.

[3] Крупнейший из дореволюционных историков стран Передней и Средней Азии акад. В. В. Бартольд до последних лет своей жизни избегал говорить о феодализме в названных странах.

[4] История ВКП(б). Краткий курс, 1946, стр. 119.

существование феодально-крепостнического строя в странах Закавказья; он писал, что «Тифлисская, Елисаветпольская, Бакинская губернии до сих пор изобиловали крепостническими татарскими беками и феодальными грузинскими князьями, владеющими огромными латифундиями, располагающими специальными вооруженными бандами и держащими в своих руках судьбы татарско-армянско-грузинских крестьян».[1] Ряд высказываний И. В. Сталина содержит в сжатой и в то же время предельно четкой форме характеристику особенностей феодального развития стран Советского Востока. И. В. Сталин показал на конкретных примерах застойность и хозяйственную отсталость этих стран в эпоху господства феодализма, вплоть до начала XX в.[2] подобно тому, как в свое время Маркс и Энгельс говорили о реакционной исторической роли мусульманского военно-феодального помещика и о самой низкой и варварской стадии феодализма в Турции.[3]

В тезисах к X съезду РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» И. В. Сталин дал исключительно ценную характеристику ряда обществ Советского Востока: «Если из 65 миллионов невеликорусского населения исключить Украину, Белоруссию, незначительную часть Азербайджана, Армению, прошедших в той или иной степени период промышленного капитализма, то остается около 30 миллионов по преимуществу тюркского населения (Туркестан, большая часть Азербайджана, Дагестан, горцы, татары, башкиры и др.), не успевших пройти капиталистическое развитие, не имеющих или почти не имеющих своего промышленного пролетариата, сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт (Киргизия, Башкирия, Северный Кавказ) или не ушедших дальше первобытных форм полупатриархального-полуфеодального быта (Азербайджан, Крым и др.), но уже вовлеченных в общее русло советского развития».[4] И. В. Сталин указал, как на задачу партии по отношению к трудовым массам этих народов, на необходимость «помочь им ликвидировать пережитки патриархально-феодальных отношений».[5] И. В. Сталин подчеркнул исторически важную связь между застойными формами

---

[1] И. В. Сталин, Контрреволюционеры Закавказья под маской социализма. Соч., т. 4, изд. 1947 г., стр. 51—52.

[2] Там же.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Национальности в Турции. Соч., т. IX, стр. 374.

[4] И. В. Сталин, Об очередных задачах партии в национальном вопросе, Тезисы к X съезду РКП(б), Соч., т. 5, 1947, стр. 24—25.

[5] Там же, стр. 25.

скотоводческого кочевого или полукочевого хозяйства и устойчивостью патриархально-родового быта, указав, что «есть третья группа, обнимающая не более 8 или 10 миллионов, — это по преимуществу скотоводческие племена, где родовой быт еще жив и которые еще не перешли к земледельческому хозяйству. Это, главным образом, киргизы, северная часть Туркестана, башкиры, чеченцы, ингуши».[1]

Изучение источников показывает, что в тех странах, где, наряду с преобладанием оседлого земледелия, имело место наличие больших масс кочевого населения, последнее долго сохраняло племенную организацию и полупатриархальные отношения, при господстве уже феодального способа производства, как основного. При этом представители военной знати кочевых племен, присвоив себе разными путями земли с прикрепленными к ним оседлыми крестьянами, превращались в феодальных эксплоататоров этих последних. Такие-то общества И. В. Сталин называет полупатриархальными-полуфеодальными, подчеркивая отсталость форм их феодализма, при котором сохранялся патриархальный уклад; И. В Сталин, как пример таких обществ, называет Азербайджан и Крым.[2] Ту же характеристику можно распространить на Узбекистан, Армению (до того, как в ней развились, согласно указанию И. В. Сталина, капиталистические отношения) и на некоторые страны зарубежного Востока (Афганистан, Иран, Курдистан и др.). Эта данная И. В. Сталиным характеристика особенностей феодального развития названных стран целиком подтверждается изучением первоисточников.

Высказывание И. В. Сталина о влиянии господства натурального хозяйства и феодальной раздробленности в Грузии и о невозможности прочного объединения в условиях феодализма оторванных друг от друга княжеств, не живших общей экономической жизнью,[3] вполне применимо и к ханствам Азербайджана и Армении до начала XIX в. Для периодизации истории стран Закавказья важно указание И. В. Сталина, что в Армении (кавказской) к концу XIX в. феодализм уступил место капитализму, тогда как Азербайджан, кроме Бакинского района, вплоть до Октябрьской революции оставался «страной самых отсталых патриархально-феодальных отношений» и не проходил капиталистические стадии развития.[4]

---

[1] И. В. Сталин, Заключительное слово к докладу «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», Соч., т. 5, 1947, стр. 47.

[2] И. В. Сталин, Об очередных задачах партии в национальном вопросе, Соч., т. 5, 1947, стр. 25.

[3] И. В. Сталин, Марксизм и национальный вопрос, Соч., т. 2, 1946, стр. 295.

[4] И. В. Сталин, Заключительное слово к докладу на X съезде РКП(б), Соч., т. 5, 1947, стр. 47.

И. В. Сталиным впервые дано научное определение нации и разработаны основные законы формирования наций,[1] условия возникновения многонациональных и национальных государств.[2] Труды И. В. Сталина оказали огромное влияние на историков стран советского и зарубежного Востока. И. В. Сталин дал характеристику крестьянских движений в феодальном обществе, показал причины их внутренней слабости, показал непонимание восстающими крестьянами классовой природы феодальной монархии, их «царизм».[3]

Представители советской историографии стран Передней и Средней Азии и Закавказья, на основе марксистско-ленинской методологии, дали ряд ценных трудов в области разработки проблем феодальных обществ названных стран. Важные выводы и для рассматриваемой нами проблемы содержат труды советских медиевистов-востоковедов: Б. Я. Владимирцова, В. А. Гордлевского, А. Ю. Якубовского, С. П. Толстова, Б. Н. Заходера, А. А. Семенова, П. П. Иванова, М. С. Иванова, И. М. Рейснера, М. М. Дьяконова, А. М. Беленицкого, Н. Д. Миклухо-Маклая, А. С. Тверитиновой и других востоковедов — медиевистов. Из историков Грузии в области истории феодализма наибольшее значение имеют труды акад. И. А. Джавахишвили, акад. С. Н. Джанашиа, Л. М. Меликсетбекова и — для позднего средневековья в особенности — акад. Н. А. Бердзенишвили. По истории армянского феодализма чрезвычайно важны труды акад. И. А. Орбели, акад. Я. А. Манандяна (хотя слишком ранняя датировка у названного ученого начала процесса феодализации в Армении вызывает большие возражения), также Хачика Самуэляна, несмотря на спорность некоторых выводов. Отметим также работы Л. М. Меликсетбекова и С. Т. Еремяна, преимущественно по раннему средневековью. Из работ, посвященных изучаемой нами эпохе, крупным вкладом является монография Б. М. Арутюняна о феодальном хозяйстве Эчмиадзинского монастыря.[4] Выводов Б. М. Арутюняна мы еще коснемся ниже.

Пионером научной разработки истории Азербайджана по справедливости может быть назван Е. А. Пахомов. В числе трудов его одна небольшая, но содержательная статья посвящена феодальным отношениям.[1] По феодальным отношениям в Азербайджане периода XIII—XIV вв. за последние годы А. А. Али-заде сделаны ценные выводы, особенно относительно развития феодального землевладения, налоговой системы и отдельных налоговых терминов.[2] Вопросы, связанные с изучением феодальных отношений в Азербайджане XIII—XVIII вв., разрабатывались также в отдельных работах автора настоящей монографии.[3]

---

[1] И. В. Сталин, Марксизм и национальный вопрос, т. 2, 1946, стр. 292—303.
[2] Там же, стр. 303—304.
[3] И. В. Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, Партиздат, 1933, стр. 9.
[4] Б. М. Арутюнян, Крупное монастырское хозяйство в Армении в XVII—XVIII вв., Ереван, 1940.

---

[1] Е. А. Пахомов, О сословно-поземельном вопросе в Азербайджане, ИООИА, № 1, 1925; то же, отдельн. изд., Баку, 1926.
[2] См. библиографию.
[3] См. библиографию.

Глава II

СПЕЦИФИКА И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ФЕОДАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА И КАВКАЗСКОЙ АРМЕНИИ

в XVI — начале XIX вв.

Специфика феодального общества Азербайджана и кавказской Армении в рассматриваемый нами период обнаруживает все признаки преемственности с предшествующим периодом завершения процесса формирования феодального общества (XIII—XV вв.). В этот период территория Азербайджана и Армении входила в состав государства монгольских ильханов — Хулагуидов (1256—1344), Джелаиридов (1360—1410) и туркменских племенных объединений Кара-койюнлу («чернобаранных», 1410—1468) и Ак-койюнлу («белобаранных», в Армении с половины 50-х гг. XV в., в Азербайджане с 1468 до 1502 г.) в названных странах.

Можно указать на ряд общих проблем в социальной и политической истории Азербайджана и кавказской Армении в эти периоды не только потому, что обе страны входили в состав одних и тех же больших государственных образований, но и потому, что в обеих странах к началу XVI в. сложились в основном сходные особенности феодальных отношений. В Азербайджане эти черты заметны уже до XIII в. Они оформились во время монгольского владычества. В Армении и в нахарарский период, и в позднейшие периоды, вплоть до XIII в. существовал, как известно, особый и своеобразный тип феодальных отношений. Однако длительное господство завоевателей, начиная со времен монгольских ханов и до Сефевидов включительно, привело к утверждению и здесь тех же черт специфики феодальных отношений, какие сложились в период господства этих же завоевателей и в Азербайджане.

Период господства монгольских ильханов и особенно туркменских завоевателей кара-койюнлу и ак-койюнлу в Армении привел к очень тяжелым последствиям для страны.

Помимо разорения производительных сил, ограбления и истребления части населения и уничтожения памятников культуры, этот период принес для страны еще другие последствия. Местные армянские феодальные государственные образования в конце XIV в. и в первой половине XV в. были уничтожены, армянская феодальная знать, кроме церковной, частью эмигрировала, как князья Сюника Орбелианы, переселившиеся в Грузию с частью населения, частью должна была принять ислам и ассимилироваться с завоевателями,[1] как князь округа Маку,[2] частью была истреблена. Место армянских феодалов заняли завоеватели — монгольская, туркменская и курдская военно-кочевая знать, принесшая с собой феодальные порядки иного типа. Так черты староармянской феодальной системы в XV в. почти исчезли, и в XVI—XVIII вв. следы их обнаруживаются в источниках слабо. Даже армянское церковно-монастырское феодальное землевладение, поскольку оно уцелело под владычеством завоевателей, должно было подчиниться нормам социально-политического порядка, установленного завоевателями, и нормам мусульманского права (к монастырскому землевладению прилагались правила о вакфах — имуществах мусульманских религиозных и благотворительных учреждений).[3] Помимо этого, тяжелое господство кочевников вызвало массовую эмиграцию армянского населения, особенно городского, в Грузию, Крым, на Украину и т. д.

Что касается Азербайджана, то феодальные государственные образования, лежавшие к северу от р. Куры, — Ширван (царство ширваншахов дербендской династии, 1382—1538) и Шеки (династия Кара-Кешиш-оглы, 1444—1551) — сохраняли свою независимость вплоть до начала XVI в., а свое отдельное политическое бытие — соответственно до 1538 и 1551 гг. Остальная часть северного Азербайджана (к югу от р. Куры) и весь южный Азербайджан после распада государства ильханов Хулагуидов разделяли в политическом отношении судьбу Армении (до начала XVI в. всей Армении, а не только кавказской), вместе с ней входя в состав держав Джелаиридов, Кара-койюнлу и Ак-койюнлу. Эти державы были, прилагая к ним глубокое высказывание товарища И. В. Сталина, «случайные и малосвязанные конгломе-

[1] Об этом подробно рассказывает армянский историк XV в. Фома Мецопский (Товма Мецопеци), см. F. Nève, Étude sur Thomas de Medzoph et sur l'histoire de l'Arménie au XV siècle, Paris, 1855.

[2] Р. Г. Клавихо, Дневник путешествия ко двору Тимура, текст и перевод под ред. И. И. Срезневского, СПб. 1881, стр. 158—162.

[3] См. об этом: И. П. Петрушевский, Персидские официальные документы Азербайджана и Армении XVI — начала XIX вв., как источник для истории феодальных отношений. Проблемы источниковедения, т. III, 1940, стр. 20—22.

раты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя».[1]

Говоря о сходных чертах специфики феодального развития Азербайджана и кавказской Армении, мы далеки от желания отрицать своеобразие экономики, быта и культур этих стран. Однако, несмотря на это своеобразие, здесь в течение XIII—XV вв. все же сложились в основном сходные феодальные порядки.

Иной тип феодального общества сложился в Грузии. Те же завоеватели старались утвердить свое владычество и в Грузии, но они никогда не могли уничтожить грузинской государственности и грузинской феодальной системы, довольствуясь вассальным подчинением себе царств Грузии и получением дани от них. Одной из причин этого было то, что в Грузии не было обширных пастбищ и больших возможностей для кочевого скотоводческого хозяйства. Благодаря этому, завоеватели-кочевники (сельджуки, монголы, туркмены) не поселялись внутри Грузии и не были заинтересованы в непосредственном установлении своих форм управления в этой стране. Не то было в Армении и в большей части Азербайджана, вплоть до р. Куры на севере. Обе эти страны славились прекрасными пастбищами, каких не было в Иране. Эти пастбища и были использованы для кочевок монгольских, тюркских и туркменских племен, поселенных здесь монгольскими ильханами, Тимуром и туркменскими падишахами XV в. и впоследствии ассимилировавшихся с азербайджанцами. Земли старинных местных феодалов здесь в течение XIII—XV вв. постепенно перешли в руки наследственных вождей кочевых племен. Лучшие зимние кочевья монгольских, тюркских и туркменских племен были расположены в Муганской и Карабагской степях в северном Азербайджане, в долине р. Чагату в южном Азербайджане и в верховьях рр. Евфрата и Тигра в южной Армении, летние кочевья — в горах Карабага в южном Азербайджане и в районе Алатага и других массивов Армянского нагорья.

Прежде чем говорить о специфике феодального развития названных стран и о периодизации их истории в XVI — начале XIX в., кратко остановимся на истории и характеристике Кызылбашского государства, в состав которого были включены с XVI в. Азербайджан и Армения.

Династия Сефевидов, позднее ставшая во главе Кызылбашского государства, происходила из Ардебиля — в южном Азербайджане. Это были наследственные «старцы» (ар. «шейх», перс. «пир») и «наставники» (ар. «мюршид») су-

[1] И. В. Сталин, Марксизм и национальный вопрос, Соч., т. 2, 1946, стр. 293—294.

фийско-дервишского тариката или ордена Сефевийэ. Имя ордену и фамилии шейхов дал почитавшийся святым шейх Сефи-ад-дин Исхак Ардебили (1252—1334). Орден Сефевийэ французский исследователь суфизма Массиньон считает «азербайджанской ветвью дервишеского ордена Сухравердийэ».[1] Вначале проповедь тариката Сефевийэ, как и некоторые другие, однако далеко не все, течения суфизма[2] — мусульманского мистицизма, — была, в сочетании с шиитской «ересью»,[3] идеологической формой больших крестьянских движений и восстаний XIV в. К этим движениям вполне применимо указание Фр. Энгельса о мистицизме и сектантстве, как идеологии крестьянских движений в средние века. «Революционная оппозиция против феодализма, — говорит Энгельс, — проходит через все средневековье. В зависимости от условий времени она выступает то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания».[4]

В одной из биографий шейха Сефи-ад-дина, составленной во второй половине XIV в., рассказывается, что ширваншах Ахсатан II (конец XIII в.) обвинял орден в том, что он отвращает крестьян от их земледельческих работ.[5] В числе «мюридов» (последователей) ордена было много ремесленников; некоторые из них были членами известного союза «ахиев» (от ар. «ахи» — «брат мой»),[6] связанного с ремесленниками и допускавшего тираноубийство. Но во второй половине XIV в. орден изменил свое социальное лицо, во главе ордена оказались феодальные элементы. Уже сын шейха Сефи-ад-дина, шейх Садр-ад-дин (ум. в 1392 г.), был крупным землевладельцем.[7] Ни он, ни его сын и преемник шейх Ходжа'Али (ум. в 1427 г.) еще не были владетелями округа Ардебиля. Но шейх Ибрахим Шейхшах (ум. в 1447 г.) стал уже феодальным владетелем Ардебиля. Так образовалось духовное княжество шейхов-Сефевидов в Ардебиле, ставшее зародышем Кызылбашской державы.

[1] L. Massignon, Tarika, EJ, vol. IV.

[2] Особенно тарикат шейхов Халифэ и Хасана Джури, идеологов восстания «сербедаров» («висельников») в Хорасане в 1337 и след. годы.

[3] О связи шиитства в XI—XV вв. с крестьянскими движениями см.: акад. В. В. Бартольд, К истории крестьянских движений в Персии, в сборнике «Из далекого и близкого прошлого»; его же, Новый источник по истории Тимуридов, Записки ИВАН, т. V; его же, Иран (историч. обзор), стр. 33.

[4] Фр. Энгельс, Крестьянская война в Германии, Соч., т. VIII, М.—Л., 1931, стр. 128—129. Ср. также Фр. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 410, примечание.

[5] Сафват-ас-сафа, рук. ЛГПБ, каталог Дорна, № 300, лл. 83б—84а.

[6] Та же рук., лл. 54б, 142б, 155б, 160а, 163б, 332б, 353б, 484б, 497а, 532б, 538б, 539б и др.

[7] Та же рук., лл. 325а, 469а, 474б, 482б и др.

Главной опорой Сефевидов стали тюркоязычные кочевые племена, позже получившие общее прозвание кызылбашей [1] (азерб. «красноголовые», от чалмы с 12 пурпурными полосками, в честь 12 шиитских имамов). Первоначально считалось 7 этих племен: шамлу, румлу, устаджлу, текелю, афшар, каджар и зулкадар. Они были различного происхождения — частью малоазиатского (огузского), частью среднеазиатского. Только племена шамлу и румлу в полном своем составе зависели от Сефевидов. Из других племен только часть их находилась в вассальных отношениях к Сефевидам. Кызылбашские племена были шиитами и в XV в. говорили на азербайджанском языке.

Опираясь на военную силу этих племен, феодальные владетели Ардебиля, шейхи Джунейд (1447—1456) и Хейдер (1456—1488) стремились к созданию большой шиитской теократической державы и к завоеваниям — первый из них в верховьях Евфрата, в Грузии и Дагестане, второй — в Дагестане и Ширване. Кроме того, эти шейхи, под видом «войны за веру», совершали постоянно грабительские набеги на Грузию и Дагестан, уводя оттуда множество пленников, которых затем продавали на ардебильском невольничьем рынке. [2] Вероятно, еще на рубеже XIV и XV вв. сложилась легенда о происхождении шейха Сефи-ад-дина в 21 поколении от седьмого шиитского имама Мусы Казима (ум. в 799 г. н. э.), потомка халифа Али и Фатимы, дочери пророка Мухамеда. Легенда эта очень пригодилась Сефевидам для обоснования их политических притязаний. [3]

Немецкий фашиствующий историк Вальтер Хинц пытался изобразить завоевательные стремления Сефевидов как движение «арийцев иранцев» и предпринял специальное «исследование», дабы установить преобладание в жилах самих Сефевидов «арийской крови». [4] Нечего и говорить, что здесь мы имеем дело с типичной грубой фашистской фальсификацией истории. Деятельность Сефевидов в XV в. была связана с кызылбашами и Азербайджаном в гораздо большей мере, нежели с Ираном.

Завоевательная политика шейхов Джунейда и Хейдера не удалась, и они погибли: первый — в борьбе с ширваншахом Халилуллахом I, второй — в борьбе с султаном Якубом Ак-койюнлу и ширваншахом Фаррух-Ясаром. В 1500 г. кызылбашам удалось нанести решительное поражение ширваншаху Фаррух-Ясару, в 1501—1502 гг. разгромить державу Ак-койюнлу и захватить южный Азербайджан, Карабаг и Армению, между 1502 и 1504 гг. захватить западный Иран, в 1508 г. захватить Ирак арабский (Месопотамию), в 1510 г. — восточный Иран с Хорасаном, до Балха и Кабула. Кызылбаши стремились и к захвату Малой Азии, где у них было очень много сторонников, но поражение на Чалдыранской равнине (1514), нанесенное им турецким (османским) султаном Селимом I, положило конец этим стремлениям. В 1501 г., после занятия кызылбашами Тебриза, юный Исмаил I был провозглашен шаханшахом — «царем царей» Ирана. Так создалась Кызылбашская держава, в которой шиизм сразу же (в 1500 г.) был объявлен государственным исповеданием, обязательным для всех мусульман; сунниты, не желавшие принять шиизма и введенной шахом Исмаилом I формулы проклятия первых трех халифов — Абу-Бекра, Омара и Османа, ненавистных шиитам, подверглись кровавым гонениям. [1]

Что же представляло собой основанное в результате кызылбашских завоеваний обширное государство, называемое в нарративных источниках иногда Ираном, но чаще просто «Кызылбашской державой» (доулэт-и Кызылбаш)? Некоторые западноевропейские буржуазные востоковеды видели и видят в этой державе персидское национальное государство. [2] Это глубокое заблуждение. Держава Сефевидов была создана усилиями тюркоязычных азербайджанских племен — кызылбашей, иранские элементы играли в событиях начала XVI в. довольно пассивную роль. И в течение почти целого столетия, до реформ шаха Аббаса I, руководящая роль в государстве принадлежала кызылбашской кочевой (точнее, полукочевой) военной знати. Знать кызылбашских племен в XVI в. составляла главную из четырех групп класса феодалов. Почти исключительно из ее рядов назначались военачальники, наместники областей и главные придворные сановники. Армия, точнее феодальное ополчение (черик), в основной своей части составлялась из тех же кызылбашских

---

[1] Подробнее о кызылбашских племенах см. в гл. III настоящей работы.

[2] См. у Катерино Зено, венецианского посла и путешественника XV в., английский перевод в сборнике „A narrative of Italian travels in Persia in XV and XVI centuries“, Hakluyt series, vol. 49, part 2, pp. 43—447.

[3] Об ардебильских Сефевидах в XIV—XV вв. см.: И. П. Петрушевский, Государства Азербайджана в XV в., Изв. АзФАН за 1944 г., №№ 2—3 и 7; см. также экскурс о Сефевидах у В. Ф. Минорского в приложении к его публикации Tadhkirat al-muluk, London, 1943, pp. 189—195.

[4] W. Hinz, Irans Aufstieg zur Nationalstaat im XV Jahrhundert, Leipzig, 1936.

[1] Перс. текст и англ. перевод из неопубликованной части анонимного историка шаха Исмаила приведены у Э. Г. Броуна, History of Persian literature in modern times, pp. 53—54 (См. также у Хасана Румлу, Ахсан ат-таварих, изд. перс. текста (т. XII) Seddon'a стр. 61; Хондемир, Хабиб-ас-сийяр, литогр. изд. перс. текста, Бомбей 1253 г. х. (1857 г. н. э.), т. III, ч. 4, стр. 34.

[2] На этой точке зрения, хотя и с оговорками, стоит и Э. Г. Броун, цит. соч., стр. 12.

племен, а гвардейский конный корпус курчиев — из знатной молодежи тех же племен; в войске и гвардии сохранялось деление по племенам. Иранские феодалы до шаха Аббаса I имели доступ только к гражданским и духовным должностям, возможность же военной карьеры для них была почти исключена.[1] В областях также господствовала кызылбашская знать, а ираноязычный оседлый элемент («таджики», по терминологии источников) до конца XVI в. занимал приниженное и бесправное положение.[2] О руководящей политической роли иранцев в этот период не могло быть и речи.

Точно так же и руководящая экономическая роль до конца XVI в. принадлежала южному Азербайджану. До 1548 г. здесь находилась столица Кызылбашского государства — г. Тебриз, в XVI в. бесспорно крупнейший торгово-ремесленный центр всей Передней Азии; после столица была перенесена в Казвин, находившийся в Ираке персидском, но почти у границ южного Азербайджана. В состав Кызылбашской державы входил не только Иран, но и области с не иранским или во всяком случае не персидским населением — Азербайджан, кавказская (северная) Армения, восточная Грузия, прибрежная полоса Дагестана, восточная часть Курдистана, часть Туркмении, Афганистан. Кызылбашское государство до XVII в. неправильно называть «Персидским», «Иранским» и «Ново-Иранским», как это делают не только западноевропейские, но и некоторые советские историки. Официальная терминология «Иран» и «шаханшах (или просто «шах») Ирана» не должна вводить нас в заблуждение: со времен Сасанидов в Передней и Средней Азии с представлением об «Иране» и «царе царей Ирана» связывалось теоретическое представление о «всемирной» монархии, подобно тому как такое же представление о Римской империи в странах Средиземноморья заставляло средневековых германских королей и византийских василевсов упорно держаться за архаический титул римского императора. Следовательно, в официальных терминах «Иран» и «шаханшах Ирана» не заключалось никакой «национальной идеи». Те же термины употреблялись и в государстве монгольских ильханов — Хулагуидов. Например, министр-историк Рашид-ад-дин в конце XIII в. называл монгольского ильхана «прибежищем халифата, царем (хосров) Ирана и наследником царства Кейянидов».[1]

При дворе Сефевидов и в войске был принят азербайджанский язык, понятный в то время всем тюркским племенам Передней Азии; литературное распространение этого языка в то время выходило далеко за пределы Азербайджана. В официальных актах, дипломатической переписке и в придворной историографии употреблялся, положим, персидский язык, но напрасно мы стали бы видеть в этом какое-либо новое для XVI в. явление, результат усиления влияния иранского элемента. Это была старая традиция феодальной государственности, еще с XI в., в ряде государств, возникавших не только на территории Ирана, но и на территории Азербайджана, Средней Азии, мусульманской Индии, отчасти и Малой Азии. В этих государствах персидский язык был не «национальным» языком, а международным классовым языком феодальной государственности и культуры.

Кызылбашам чужд был персидский патриотизм. Но они были чужды и азербайджанскому народу, хотя они и говорили на азербайджанском языке. Представители кызылбашской военной знати были такими же феодальными эксплоататорами азербайджанского крестьянства, как и крестьянства армянского и персидского.

Различные иранские народности в то время не составляли единой нации, как не составляли ее и разрозненные тюркоязычные кочевые племена, часть которых постепенно слилась с азербайджанцами, часть — с туркменами. В странах Передней Азии в то время не было почвы для формирования нации и национального государства. И. В. Сталин указывает, что «процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является вместе с тем процессом складывания людей и нации»[2]. Далее, И. В. Сталин учит: «Там, где образование наций в общем и целом совпало по времени с образованием централизованных государств, нации естественно

---

[1] Перс Яр-Ахмед Хузани, по прозванью «Наджм-и сани» («Вторая звезда»), знаменитый полководец шаха Исмаила I, был только исключением.

[2] Руководящую политическую роль „тюрков" подчеркивает акад. В. В. Бартольд, Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира, Баку, 1925, стр. 101; ср. также L. Bellan, Chah Abbas, Paris, 1932, pp. II—VII.

[1] Муншаат-и Рашиди (Переписка Рашид-ад-дина), рук. ИВАН № В-938, л. 56а (из письма к знатным людям города Кайсарии Румской, документ № 26 по описи Э. Г. Броуна). — Недавно зарубежный ученый Р. Леви (Reuben Levy, The Letters of Rashid-ad Din Fadl-Allah, BSOS, 1946, part I—2, pp. 74—78) выступил с утверждением, что переписка Рашид-ад-дина — подделка XV в., выполненная в Индии. Мы не можем признать доводов Р. Леви убедительными и считаем эту переписку подлинной, хотя допускаем наличие немногих интерполяций в ней, сделанных, однако, не в Индии в XV в., а в Иране, вероятнее всего во время везирата сына Рашид-ад-дина, Гийяс-ад-дина Мухаммеда Рашиди (1328—1336).

[2] И. В. Сталин, Марксизм и национальный вопрос, Соч., т. 2, 1946, стр. 303.

облеклись в государственную оболочку, развились в самостоятельные буржуазные национальные государства».[1] В Иране ни в XV, ни в XVI вв. не было еще налицо ни процесса разложения феодализма, ни процесса первоначального капиталистического накопления, короче говоря, не было еще предпосылок формирования нации и национального государства.

Продолжавшаяся в течение более столетия (1514—1639) борьба между османской Турцией и Кызылбашской державой[2] протекала под идеологической оболочкой не национальной, а религиозной борьбы между суннитами и шиитами. В обоих враждовавших феодальных государствах — Османском и Кызылбашском — правящая верхушка была чужда зачатков национальной идеологии.[3]

Поэтому, хотя вопрос о природе Кызылбашского государства пока не разработан и не выяснен в советской востоковедной историографии, нам думается, в этом государстве на первом этапе его истории можно видеть не персидское национальное или многонациональное государство, а конгломерат разных стран, связанных завоеванием, подобный прежним государственным образованиям на территории Ирана и сопредельных стран. Повидимому, лишь позднее, со времени шаха Аббаса I, создались предпосылки для превращения Кызылбашской державы в персидское национальное государство, которое, впрочем, окончательно сформировалось к XX в., уже после потери стран Закавказья, Туркменистана, Афганистана. В силу этих соображений мы предпочитаем до начала XVII в. говорить о «Кызылбашском», а не о «Ново-Иранском» государстве.

Характеристика основных особенностей феодализма ряда стран Советского Востока дана И. В. Сталиным. О пережитках феодально-крепостнической формации в странах Закавказья, сохранившихся даже в начале XX в., И. В. Сталин еще в 1918 г. писал, что «Тифлисская, Елисаветпольская, Бакинская губернии до сих пор изобиловали крепостническими татарскими беками и феодальными грузинскими князьями, владеющими огромными латифундиями, располагающими специальными вооруженными бандами и держащими в своих

[1] И. В. Сталин, Об очередных задачах партии в национальном вопросе, тезисы к X съезду РКП(б), Соч., т. 5, стр. 15—16.

[2] С перерывом 1555—1578 гг., когда между обоими государствами на время наметилось известное сближение.

[3] Э. Г. Броун (цит. работа, стр. 13—14) приводит интересное в этом отношении письмо османского султана Селима I Грозного к шаху Исмаилу I (перс. текст и англ. перевод), из султанской коллекции османских дипломатических документов Феридун-бея «Мунша'ат ас-салатин» («Переписка султанов»).

руках судьбы татарско-армянско-грузинских крестьян».[1] В своем докладе об очередных задачах партии в национальном вопросе на X съезде РКП(б) в 1921 г. И. В. Сталин отметил относительную застойность как характерную черту хозяйственного развития Азербайджана, который, не пройдя в XIX в. пути капиталистического развития, и в начале XX в. оставался «страной самых отсталых патриархально-феодальных отношений».[2] В тезисах к тому же докладу на X съезде партии И. В. Сталин говорил о существовании в большей части Азербайджана «первобытных форм полупатриархального-полуфеодального быта».[3] Отсталые феодальные отношения в деревне, облеченные в формы патриархального и полупатриархального быта, особенно у кочевников, подтверждают эти высказывания И. В. Сталина. И. В. Сталин ставит рядом «скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой строй», говоря о таких странах, как Киргизия, Башкирия, Северный Кавказ.[4] Эту важнейшую черту специфики общественного развития ряда республик Советского Востока — Узбекистана, Таджикистана, Крыма, Азербайджана — впервые в научной литературе указал товарищ Сталин.

Совершенно очевидно исключительное, огромное научное значение этого сталинского указания для историков-востоковедов и кавказоведов. Высказывания И. В. Сталина указывают путь для марксистско-ленинского исследования социально-экономической истории стран Советского Востока.

Специфические черты феодальных отношений в Азербайджане и кавказской Армении в XVI в. сводятся к следующим главным пунктам.

1. Сохранялась еще известная устойчивость земледельческой сельской общины, в документах чаще всего обозначаемой арабским термином «джама'ат».[5] Эта община характеризуется сохранившимися местами переделками пахотной земли и общинным пользованием пастбищами. Наиболее полным и далеко не утратившим своего значения исследованием о сельской общине стран Закавказья до настоящего времени остается книга С. А. Егиазарова.[6] Огромное боль-

[1] И. В. Сталин, Контрреволюционеры Закавказья под маской социализма, Соч., т. 4, 1947, стр. 51—52.

[2] И. В. Сталин, Об очередных задачах партии в национальном вопросе, Соч., т. 5, 1947, стр. 47.

[3] Там же, стр. 24—25.

[4] Там же.

[5] Этот термин в применении к сельской общине см. в Сафват-ас-сафа, рук. ЛГПБ, каталог Дорна № 300, лл. 192а—192б, 313а, 469а, 474б и др.: «джама'ат-и дех» — «сельская община».

[6] С. А. Егиазаров, Очерки по истории учреждений в Закавказье, т. I. Сельская община, в «Ученых записках юридического факультета Казанского университета» за 1889 г.

шинство сельских общин находилось в тяжелой, близкой к состоянию крепостничества, феодальной зависимости от государства, военных ленников (военно-кочевой знати) и других феодальных землевладельцев или от религиозных учреждений, мусульманских или армяно-христианских. Благодаря системе круговой поруки и, как увидим, прикреплению крестьян к хараджу и повинностям, наложенным на данное селение, община зависимая, подневольная стала превращаться в орудие азиатского деспотизма и феодальной эксплоатации крестьянства.[1] Эта община, сохраняясь вплоть до XIX в., оставалась базисом застойных хозяйственных форм в деревне и одной из причин медленного роста производительных сил в сельском хозяйстве.

2. Если в XIII—XV вв. в Азербайджане и Армении частное феодальное землевладение безусловно преобладало над государственным,[2] то в XVI в. Сефевиды стремились расширить государственное землевладение и возродить старинную систему эксплоатации крестьян при посредстве государственного аппарата.[3] Эти попытки, однако, удавались только отчасти, и частное феодальное землевладение, безусловное и условное, продолжало сохраняться в значительных размерах.

3. Если в XV в. в обеих странах, повидимому, преобладал вид условного военно-ленного землевладения — наследственный сойюргал, то в XVI в. размеры сойюргального землевладения сократились. В соответствии с проводимой Сефевидами централистической политикой, они стремились, за счет сокращения ленов — сойюргалов, укрепить институт своеобразного бенефиция — тиула — не наследственного условного пожалования, дававшего право, по крайней мере, в теории, не на управление землей, а только на ренту с нее.[4]

---

[1] См. высказывание Фр. Энгельса, Анти-Дюринг, Партиздат, 1938, стр. 188.

[2] См. А. А. Али-заде, Земельная политика ильханов в Азербайджане (XIII—XIV вв.), в «Трудах Института истории АН Азерб. ССР» 1941, т. I, стр. 5—23. — О развитии ленной системы в XIII—XIV вв. см. А. А. Али-заде. К вопросу об институте икта' в Азербайджане при ильханах XIII—XIV вв., в «Известиях АзФАН» за 1942 г., № 5, стр. 19—27; И. П. Петрушевский, Хамдуллах Казвини как источник по социально-экономической истории Вост. Закавказья, в Известиях АН СССР по Отд. общ. наук за 1937 г., № 4 стр. 882 и след. — Об огромных размерах развития частного землевладения в ту эпоху можем судить по «Переписке Рашид-ад-дина», где упоминается о принадлежавших Рашид-ад-дину на правах безусловной собственности (мулька) поместьях в областях Рума, Басры, Кермана, Мосула, южного Азербайджана — Муншаат-и Рашиди, цит. рук., лл. 6б, 7б—8а, 12б, 15а, 26б—27а (документы №№ 5, 6, 9, 10, 17 по описи Э. Г. Броуна, приведенной в его «A literary history of Persia», т. III, стр. 80—87).

[3] Четкая характеристика этой системы в эпоху халифата дана у проф. Б. Н. Заходера, История восточного средневековья, М. 1944, стр. 93.

[4] О сойюргале и тиуле см. ниже в специальных главах.

4. Слабое развитие, а зачастую и полное отсутствие, собственного (господского) хозяйства землевладельцев — черта, общая большинству стран Передней и Средней Азии как в XVI в., так и ранее. Крупное государственное и частное землевладение существовало, но оно не соединялось с развитием крупного господского хозяйства. Эту черту отметил, хотя и не объяснил ее, еще акад. В. В. Бартольд;[1] она хорошо известна исследователям социальных отношений стран Востока. Однако до настоящего времени никем из исследователей не вскрыты причины этого явления. Возможно, что причина эта коренится в особенностях организации сельского хозяйства в условиях применения искусственного орошения, при котором освоение и обработка больших земельных массивов потребовала бы больших расходов и очень упорного труда барщинных или наемных рабочих и сделала бы ведение крупного хозяйства нерентабельным. К тому же главные кадры феодальных землевладельцев в Азербайджане и Армении состояли из знати кочевых племен. Эта знать не разрывала с кочевым бытом, часто кочевала вместе со своими племенами или находилась при шахском дворе. Кочевые аристократы не жили в пожалованных им государственных селениях, не вели там собственного земледельческого хозяйства и эксплоатировали зависимых крестьян путем взимания ренты. Поскольку казна (диван) и землевладельцы располагали собственными пахотными землями, не находившимися в пользовании сельских общин, эти земли обычно сдавались небольшими участками малоземельным и безземельным крестьянам на началах кабальной издольной аренды.

5. Господствовала смешанная форма ренты, при этом из трех форм ренты ведущей была рента продуктами. Преобладание ренты продуктами было устойчивым фактом в течение очень длительного периода почти повсюду в странах Передней и Средней Азии. В этом факте также можно видеть одно из условий застойных форм аграрного строя этих стран.[2]

На государственных землях рента совпадала с налогом,[3] на землях остальных категорий это совпадение не имело места.

6. Широкое распространение, как и в более ранние эпохи, имела издольная аренда на кабальных началах,[4] при чем из-

---

[1] В. В. Бартольд, К вопросу о феодализме в Иране, Новый Восток, № 28, 1930, стр. 114, 115.

[2] См. об этом: К. Маркс, Капитал, т. III, Партиздат, 1936, стр. 701.— О формах ренты см. подробнее в главе VII о положении крестьян.

[3] См. об этом в той же главе.

[4] О роли издольной аренды в феодальных обществах Востока см. А. Ю. Якубовский, Об испольных арендах в Ираке в XIII в., Советское востоковедение, т. IV, 1947, стр. 171—184.

дольщики (араб. «шурака», «акара», перс. «берзигеран») отдавали владельцу от половины до двух третей и более валового урожая. Издольщина здесь — институт очень давний и устойчивый.[1] Издольщики также находились в феодальной зависимости от дивана или землевладельцев, сдавших им свои земли (чаще всего наследственно).

7. Соседство на всей территории обеих стран земледельческого населения и больших масс кочевых племен (азербайджанцев и различных тюркских, туркменских и курдских племен, в небольшой мере и монгольских, после XIV в. подвергшихся тюркизации и слившихся с азербайджанцами), крайне медленно оседавших на землю, ибо кочевнику жилось лучше и свободнее, нежели оседлому земледельцу. Столь же медленно происходил процесс разложения патриархальных форм внутри кочевых племенных общин. Кочевники составляли основное ядро конного феодального ополчения.

8. Выделившаяся из среды кочевых племен (в первую очередь кызылбашских) знать занимала руководящее место в рядах феодальной иерархии. Земли, населенные оседлым и полуоседлым земледельческим населением, в значительной своей части раздавались на разных основаниях государством представителям знати племенных объединений.[2]

9. Как до XVI в., так еще и в XVI в. важным источником дохода государства и феодальной знати, особенно военной знати, наряду с эксплоатацией феодально-зависимых крестьян, было присвоение военной добычи, состоявшей из лошадей, прочего скота, денег, разных товаров и ценностей, а также рабов-пленников. Поэтому государство и военная знать были заинтересованы в ведении войн даже тогда, когда нельзя было рассчитывать на территориальные завоевания, ибо всякие войны доставляли военную добычу. Насир-ад-дин Туси в своем трактате о финансах говорит, что со времени монгольских ильханов был принят следующий порядок раздела военной добычи, состоявшей «из пленников (асир), скота, оружия и богатств (маль)»: добыча, захваченная лично бахадурами («богатырями», «рыцарями», т. е. знатью), поступала безусловно в их

[1] Об издольщиках в прикаспийских странах, см. Захир-ад-дин Мар'аши. Тарих-и Табаристан ва Руйян ва Мазандаран, изд. Б. Дорна. Насир-ад-дин Туси, Трактат о финансах, цит. изд. М. Минови и Р. Минорского стр. 763 (перс. текст); Хамдуллах Казвини, Нузхат аль-кулюб, изд. перс. текста G. M. S., стр. 31. — Сильсилят-ан-насаб-и Сефевийэ, рук. ЛГПБ, каталог Ханыкова № 92, лл. 172, 178—179. — Во второй пол. XVII в. Рафаэль дю-Ман, упоминая о «berziguer» (перс. «берзигер» — в одном из значений «крестьянин-издольщик»), приводит еще термин «egaedar» (т. е. «иджарэдар», в техранск. произношении «еджарэдар» — «fermier»), см. Estat de la Perse en 1660, p. 223. — Подробнее об издольщиках см. в главе VII настоящей работы.

[2] См. подробнее об этом в главе III «Класс феодалов и его организация».

распоряжение; из прочей добычи пятая часть шла в пользу государя, а остальное делилось между войском так, что конник получал двойную долю по сравнению с пехотинцем.[1] Рашид-ад-дин говорит, что доход государя бывает от войска (т. е. от военной добычи), войско же можно собрать за счет налогов, а налоги собираются с ра'ийятов, т. е. податного сословия (оседлых крестьян и горожан); поэтому главный источник дохода государя — ра'ийяты.[2] Всякое повышение податей и повинностей крестьян обычно было связано с сокращением военной добычи.

10. В X—XV вв., при господстве феодального способа производства, известную роль все еще играл рабовладельческий уклад: рабский труд применялся в больших государственных ремесленных мастерских (карханат),[3] иногда и в сельском хозяйстве землевладельцев.[4] Наличие рабского труда было одной из причин, тормозивших развитие свободного ремесла и цехов и не допускавших развития зачатков капиталистических отношений в городах. Значение рабовладельческого уклада постепенно падало в течение XVI в. Еще под 938 г. х. (1531 г. н. э.) мы находим упоминание о шахских рабынях, которых для обучения златошвейному мастерству отдавали тебризским мастерам — «златошвецам» (тилядузан), дабы эти рабыни, пройдя цикл ученичества, работали потом в дворцовых швейных мастерских (карханат).[5] Но уже со второй половины XVI в. упоминания о рабах в источниках становятся редкими, и уже почти исключительно в плане домашнего рабства.

11. Вероятно, в связи с падением в ремесленной промышленности роли рабского труда, становившегося невыгодным,[6] в XVI в. в городах выросло значение свободных ремесленников, организованных в корпорации типа цехов. Отмена шахом Тахмаспом I тамги,[7] налога с ремесла и торговли, введенного

[1] Насир-ад-дин Туси, цит. изд., перс. текст, стр. 762.

[2] Муншаат-и Рашиди, цит. рук., л. 50б (док. 22 по описи Э. Г. Броуна).

[3] Об организации труда «карханат» см. у Рашид-ад-дина, Джами' ат-таварих, Стамбульская рукопись (фото-копия ИВАН), лл. 667—672; русск. перевод т. III, А. К. Арендса, М. — Л., 1946, стр. 300—302; см. также у Насир-ад-дина Туси, цит. изд., перс. текст, стр. 762.

[4] Рашид-ад-дин, Джами' ат-таварих, Стамбульская рук., л. 656, русский перевод А. К. Арендса, стр. 283; Мунша'ат-и Рашиди, цит. рук., лл. 26б—27а (док. № 17 по описи Э. Г. Броуна; здесь рассказывается, что Рашид-ад-дин заселил купленными рабами пять своих селений).

[5] Тазкирэй-и шах-и Тахмасп, изд., ZDMG, т. 44, перс. текст, стр. 587.

[6] О непроизводительности и невыгодности рабского труда в ремесле говорит уже Рашид-ад-дин, Джами' ат-таварих, Стамбульская рук., л. 667, русский перевод, т. III, А. К. Арендса, стр. 300—301.

[7] Искендер Мунши, Тарих-и алем ара, лит. стр. 94, цит. рук., ч. I, л. 192.

монгольскими ильханами[1] и бывшего большим тормозом развития ремесленной промышленности,[2] создала на долгий период (до конца XVII в.) более свободные условия для ее развития.[3]

12. Как и до XVI в., так и теперь, городская верхушка состояла из представителей двух групп класса феодалов — духовной и чиновной знати, являвшихся крупными землевладельцами и в то же время тесно связанных с крупной оптовой караванной торговлей.[4] Господство феодалов в городах делало невозможным сложение свободных самоуправляющихся городов; самоуправление существовало лишь в рамках отдельных корпораций — духовных, купеческих и ремесленных.

Остановимся на видах землевладения в Азербайджане и в Армении в XVI в. Источники нигде не перечисляют их вместе. Точная классификация их поэтому представляет известные затруднения. Официально на основе мусульманского права с давних пор признавались пять основных видов землевладения.[5]

1. Земли государственные, или диванские, точнее, земли казны — аразий-и дивани.

2. Собственные домены шахской фамилии — хассэ, хассэй-и шерифэ.

3. Земли, завещанные религиозным учреждениям, — вакф, как мусульманским, так и христианским (этим же именем обозначалось и прочее имущество религиозных учреждений — дома, лавки, ремесленные мастерские, караван-сараи и т. д.).

4. Земли частновладельческие — мульк, иначе арбаби.

5. Земли, составлявшие собственность сельских общин (джама'ат-и дех).

Имения первых двух категорий в совокупности составляли огромный фонд земель, принадлежавших государству. Верховное управление землями обеих категорий принадлежало шаху. Различие между этими двумя категориями заключалось лишь в том, что доходы с земель первой категории расходовались на содержание войск и государственного аппарата, центрального и местного, доходы же с земель второй категории шли на содержание шахского двора и шахской семьи. Соответственно с этим управление этими двумя категориями земель было сосредоточено в двух разных ведомствах, возглавляемых отдельными саркарами — начальниками налогового дела: землями первой категории управлял саркар-и дивани, землями второй категории — саркар-и хассэ.[1] Дело шло об управлении не отдельными имениями, а огромными доменами, охватывавшими сплошь или почти сплошь целые округа[2] и даже области, например, весь Гилян.[3] Округа хассэ были и в южном Азербайджане и в кавказской Армении (Ереванская область); при шахе Аббасе II, например, весь Ардебильский округ был причислен к категории земель хассэ.[4] Земли двух первых категорий в XVI, а еще более потом в XVII в. количественно заметно преобладали над землями частновладельческими. В нарративных источниках гораздо чаще можно встретить рассказы об эксплоатации и притеснениях ра'ийятов чиновниками саркаров хассэ и дивани, нежели о соответствующих действиях частных владельцев. Еще в XIV в. Хамдуллах Казвини указывал, что эксплоатация крестьян на землях дивани и вакфных была гораздо более жесткой, нежели на землях частновладельческих (арбаби), ибо чиновники, назначаемые на короткий срок, думали о том, чтобы выжать с этих земель за время своего управления как можно больше дохода для себя лично; их мало тревожило опасение того, что после их ухода земли эти окажутся разоренными и запустевшими.[5]

Данные, приводимые Фумени относительно жестокого угнетения и ограбления гилянских крестьян везирами ведомства хассэ при шахе Аббасе I, показывают, что и при Сефевидах положение не изменилось.[6]

По словам Рафаэля дю-Ман, около 1660 г. большая часть земель в Кызылбашском государстве была собственностью шаха, мульк-и шахи (fonds du roy), а земель арбаби, т. е. частновладельческих, было мало.[7]

Разделение государственных земель на категории дивани и хассэ — явление отнюдь не новое и не свойственное исключительно периоду XVI—XVIII вв. Подобное же разделение суще-

---

[1] Насир-ад-дин Туси, Трактат о финансах, цит. изд., перс. текст, стр. 761.

[2] Сбор тамги в Тебризе подробно описан у анонимного венецианского купца, в сборнике «A narrative of Italian travels in Persia», ч. II, стр. 172—173.

[3] О ремесленных корпорациях в Тебризе (под 1571 г.) см. у д'Алессандри, в том же сборнике, ч. II, стр. 224.

[4] Из среды этой знати утверждался шахом (иногда наследственно) калантар — главный городской старшина. О тебризском калантаре Абд-ал-Хусейне Джаханшахи, из духовных феодалов, см. Тарих-и алем ара, лит., стр. 111.

[5] Характеристика их дана у Б. Н. Заходера, История восточного средневековья, стр. 75—76.

[1] Об этом подробно сообщает Мухаммед Тахир Вахид, рук. ЛГПБ, каталог Дорна, № 303/2, лл. 273б—274а.

[2] Там же противопоставляются «махал-и дивани» — «округа диванские» и «махал-и хассэ» — «округа хассэ».

[3] Фумени, цит. изд., стр. 185.

[4] Мухаммед Тахир Вахид, цит. рук., л. 225а.

[5] Хамдуллах Казвини, Тарих-и гузидэ, изд. Gantin, т. I, перс. текст, стр. 356.

[6] Фумени, цит. изд., стр. 210—211.

[7] R. du Mans, Estat de la Perse, pp. 226—227.

ствовало еще в сасанидском Иране VI — начала VII в.,[1] как и в нахарарской Армении IV—VII вв.[2] Эти категории земель продолжали существовать и позднее. Несеви в начале XIII в. упоминает, что округа Ардебиль и Бейлакан были собственным доменом (ал-хасс) султана Джелал-ад-дина хорезмшаха.[3] Существование подобных же категорий земель — дивани и хасс-инджу — в монгольском государстве Хулагуидов слишком хорошо известно, чтобы на этом моменте следовало здесь останавливаться.[4] В полунезависимых ханствах (1747—1828) деление земель на хассэ и дивани исчезает; и те, и другие именуются ханскими землями.

Под именем мулька или арбаби понимались земли, обладание которыми не было связано с обязанностью государственной службы, которые могли быть проданы, подарены или переданы по наследству. На институте мулька мы остановимся в особой посвященной ему главе.[5]

Преобладание государственного землевладения было целью централистической политики Сефевидов, но на практике оно в значительной мере стало фикцией. Ибо было бы ошибкой думать, что все земли категорий дивани и хассэ целиком находились под непосредственным управлением чиновников этих ведомств. Значительную часть земель этих огромных фондов шахская власть передавала в условное владение на правах своеобразного бенефиция или лена военным и гражданским служилым людям, в виде вознаграждения за службу. Таким образом, земли эти числились государственными или собственными шахскими, на деле же они переходили в обладание временное, пожизненное, или наследственное эмиров и разных служилых людей.

Можно отметить три категории такого рода пожалований служилым людям на условиях несения службы государству: 1) сойюргал — наследственный лен, владение которым было связано с правом полного налогового иммунитета (му'афи),[6]

---

[1] См. A. Christensen, L'Empire des Sasanides, p. 43. — См. также Б. Н. Заходер, История восточного средневековья, стр. 75 и след.

[2] В нахарарской Армении термин «востан» || «остан» в известной мере соответствовал позднейшему «хассэ». См. Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, СПб. 1908, стр. 463, 476—477.

[3] Несеви, Сират ас-султан Джелаль-ад-дин, изд. O. Houdas, арабск. текст стр. 128—129, франц. перевод стр. 214—215.

[4] О хасс-инджу см. примечания Катрмера к тексту Рашид-ад-дина в Histoire des Mongols de la Perse, t. I, pp. 130—132, note 12. О характере института хасс-инджу см. у В. В. Бартольда, Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче, стр. 5—7, 26—30. — См. также: А. А. Али-заде. К вопросу об институте инджу в Азербайджане в XIII—XIV вв., Известия АзФАН, 1943, № 8.

[5] См. гл. VI настоящей работы.

[6] См. гл. IV настоящей работы.

2) тиул — пожалование (не наследственное) права на получение целиком или частично податных сумм с определенной территории или с имения; на практике с тиулом связывалось нередко и управление пожалованной территорией,[1] 3) земли, пожалованные в наследственное кормление кочевым и полукочевым племенам и фактически находившиеся под управлением наследственных племенных начальников (мир-и иль).[2] Такие земли обычно представляли целые округа, включавшие как пастбища кочевников племени, так и пахотные земли, сады и виноградники с сидевшими на них оседлыми крестьянами, феодальными эксплоататорами которых были знатные люди кочевого племени. От земель племен следует отличать те земли, которые давались шахом тем же племенным начальникам лично, на правах тиула, сойюргала или мулька.

Со времени реформ шаха Аббаса I (1587—1629) Кызылбашское государство вступило в новый период своего развития. Государство стало более централизованным, велась борьба с феодальной раздробленностью, впрочем, давшая лишь частичные результаты. За счет частновладельческих земель были увеличены размеры фонда земель государственных (дивани) и шахских личных (хассэ). В интересах централистической политики шах стремился ограничить влияние военной знати кызылбашских и других тюркских племен и усилить влияние гражданской бюрократии и шиитского духовенства, кадры которых вербовались главным образом из иранцев. Создание 44-тысячной постоянной армии, состоявшей частью из персов (мушкетеры — туфенгчии и артиллеристы — топчии), частью из вербуемых по особым наборам и принудительно обращаемых в ислам грузинских и армянских юношей (гвардейский конный корпус гулямов), сильно ослабило (хотя далеко не уничтожило) значение феодального ополчения (черик), а следовательно и кызылбашских и других кочевых племен. Иначе говоря, снизилось значение тюркского (в частности, азербайджанского) элемента в государстве, а влияние персидского элемента выросло. Этому способствовала и административная реформа шаха Аббаса I, сохранившего военное управление с кызылбашскими эмирами лишь в пограничных областях, а во внутренних областях установившего чисто гражданское управление персидской бюрократии.

Центр государства переместился во внутренний Иран, столицей стал г. Исфахан. Создались некоторые предпосылки

---

[1] См. гл. V настоящей работы.

[2] Эти земли не имели строго установленного наименования; нередко их обозначали термином «джа ва макам», что приблизительно может быть передано как «место обитания», буквально «место и обитание». Нередко эти земли называли юртом такого-то племени.

для превращения Кызылбашской державы в иранское государство, однако этот процесс развивался медленно, с большими препятствиями, и завершился лишь в XX в.

В результате этих сдвигов южный Азербайджан утратил значение центральной области государства. Положение стран Закавказья ухудшилось. После кратковременного периода их оккупации османскими турками, шахские войска пришли в страны Закавказья в 1603—1606 гг. как завоеватели.

В экономической политике шаха Аббаса I заметно стремление развить производительные силы центральных областей Ирана и обогатить их за счет завоеванных стран и окраинных областей.

Эта тенденция объясняет такие меры Аббаса I, как разрушение биржи шелковой торговли г. Джульфы и переселение его жителей в Исфахан, массовые выселения в Иран жителей из Азербайджана и особенно из Армении и восточной Грузии. Той же цели служили контрибуции (тарджуман или мал-и аман), накладываемые на завоеванные города и области.

После взятия Шемахи в 1607 г. шах наложил на разоренную войной Шемахинскую округу огромный тарджуман в 50 тысяч туманов. Но, несмотря на самые крутые меры, больше 30 тысяч шах собрать не смог.[1] Такие же методы ограбления применялись в отношении Грузии, Гиляна, Луристана и других завоеванных областей и стран. В то же время еще в 1598 г. шах освободил навсегда жителей Ирака персидского от подати со скотоводства (чобан-беги), уменьшил размеры земледельческого налога (маль) и других податей, освободив, кроме того, жителей Исфахана на год от уплаты всех податей в диван.[2] После заключения мира с Турцией шах снова освободил жителей Исфахана от податей в диван.[3] За этим последовали новые мероприятия, имевшие целью облегчение податного бремени горожан и крестьянства центральных областей Ирана.[4] Войны и ограбление завоеванных стран обогащали не только шахскую казну, но и военную и служилую знать.

Политика шаха Аббаса I вызвала в Азербайджане и Армении ряд крестьянских восстаний, которые могут служить предметом самостоятельного исследования. Кратко упомянем здесь лишь: 1) мощное движение так называемых джела-

[1] Тарих-и алем ара, лит., стр. 528, цит. рук., ч. II, лл. 421а—422а.

[2] Там же, лит., стр. 485, цит. рук., ч. II, л. 285. — Аракел Тебризский, Coll., т. I, стр. 351—355.

[3] Тарих-и алем ара, лит., стр. 625—626, цит. рук., ч. II, л. 734.

[4] Там же лит., стр. 631—632, цит. рук., ч. II, лл. 751—752. Напротив, в Гиляне, например, прочно завоеванном шахом Аббасом лишь в 1592 г., налоги и повинности в течение всего периода правления этого шаха увеличивались, см. Фумени, цит. изд., стр. 210—211.

лиев, начавшееся в восточных вилайетах османской Турции,[1] перебросившееся с начала XVII в. на территорию Азербайджана и Армении и продолжавшееся там, в виде партизанской войны, до 30-х гг. XVII в.;[2] 2) сектантское движение армянских крестьян Карабага и Ереванской области, направленное, между прочим, против армянского монастырского землевладения, возглавляемое монахом-расстригой, по прозванию Мехлу-баба[3] (1624—1625).

В XVII в. в Азербайджане и Армении отмечается, несмотря на постепенный рост налогового бремени, рост городов и подъем производительных сил в сельском хозяйстве (отчасти под влиянием долгого мира между Кызылбашской державой и Турцией, 1639—1722), продолжавшийся до 90-х гг. XVII в. В XVII в. исчезают следы рабовладельческого уклада, сохраняется лишь домашнее рабство. Появляются зачатки мануфактуры. В XVII в. институт сойюргала теряет прежнее значение и подвергается изменениям,[4] институт тиула развивается.[5] Государство покровительствует крупной оптовой торговле, предоставляет налоговый иммунитет ряду городов,[6] привилегии английским, голландским и французским купцам и католическим миссионерам.

Начиная с последней четверти XVII в., заметно наступление периода хозяйственного упадка стран Закавказья, как и всех других стран Передней и Средней Азии. Одной из причин этого был трактовавшийся в исторической литературе процесс перемещения главных путей европейско-азиатской торговли в результате освоения в XVII в. европейцами морского пути вокруг Африки, открытого еще Васко да Гама. Сухопутные караванные пути, пролегавшие через страны Передней Азии, в частности и через страны Закавказья, утратили теперь прежнее значение, посредническая торговля закавказских городов сократилась.

Упадок городов и внешней торговли и сокращение поступлений от военной добычи в результате сокращения войн и прекращения завоеваний повели к заметному уменьшению доходов шахской казны и феодальной знати к концу XVII в.[7]

[1] См. об этом: А. С. Тверитинова, Восстание Кара-Языджи — Дели-Хасана в Турции, М. — Л., 1946.

[2] См. Тарих-и алем ара, лит., стр. 539—548, 556—558, 566—569, цит. рук., ч. II, лл. 431б—442б, 452а—453б, 464а—466а; Аракел Тебризский, Collection, т. I, стр. 307—314; Закария-саркаваг, Collection, т. II, стр. 48.

[3] Закария-саркаваг, Coll., т. II, стр. 33—37.

[4] См. в гл. IV настоящей работы.

[5] См. в гл. V настоящей работы.

[6] См. в гл. IV настоящей работы.

[7] Об уменьшении доходов землевладельцев в результате общего экономического упадка в этот период говорит шейх Мухаммед-Али Хазин, изд. Belfour, перс. текст, стр. 102, 103.

Между тем потребности деспотического государства, его бюрократического аппарата и военной знати не уменьшились. Повидимому, следствием этого был огромный рост податей и феодальной эксплоатации крестьянства, особенно с конца XVII в., несоразмерный росту производительных сил в сельском хозяйстве.[1] Крестьянство, вынужденное отдавать не только прибавочный, но и значительную часть необходимого продукта, разорялось и беднело. В то же время в странах Передней Азии не было в сколько-нибудь значительных размерах такого крупного хозяйства землевладельцев, как в Западной Европе и России, не было и процесса капиталистического развития в сельском хозяйстве. Поэтому разорение крестьян не могло здесь привести к тем социально-экономическим последствиям, к каким оно приводило, например, в Англии в эпоху первоначального накопления. В Кызылбашском государстве рост податного бремени особенно ощущался в окраинных областях. Чем больше беднела шахская казна, тем больше средств старалась она выжимать из Азербайджана и Армении.

Политика жестокого угнетения и ограбления окраинных областей вызвала ряд восстаний — афганцев, курдов, восстание в Тебризе, так называемые «лезгинские» восстания 1711—1712 и 1719 и след. гг., также восстание в Грузии в 1721 и след. гг., восстание армян (1722—1730); армяне и грузины надеялись на помощь России. Захват афганцами-гильзаями Исфахана в 1722 г. вызвал вмешательство России (1722), а затем и Турции (1723) и заключение Константинопольского трактата 1724 г. о разделе стран Закавказья между Россией (которой досталось только побережье Каспийского моря с Дербендом и Баку) и Турцией (которая оккупировала все остальное Закавказье). Сопротивление армян, грузин и азербайджанцев турецкой оккупации вылилось в настоящую войну. Страны Закавказья были разорены.

Полководец Тахмасп-кули-хан, по происхождению тюрк из кызылбашского племени афшар, изгнавший из Ирана афганцев, низложивший династию Сефевидов и инсценировавший свое «избрание» на курултае (съезде феодальной знати) шаханшахом Ирана (1736) под именем Надир-шаха (1736—1747), снова установил владычество шахского Ирана в странах Закавказья.

Надировы завоевания (в Закавказье, Ираке арабском, Средней Азии и Индии) не сопровождались ростом производительных сил Ирана, как это имело место при шахе Аббасе I. Между тем, расходы на военные предприятия вызвали новое

[1] Есай-католикос, Collection, т. II, стр. 203—206.

повышение податей в небывалых до того размерах. Взыскание податей, особенно жестокое в Закавказье, сопровождалось пытками и истязаниями неплательщиков. По словам Мухаммед Казима, тех, кто проявлял упущение в уплате поземельного налога и других податей в диван, лишали глаз и языка, а у тех, кто занимался подстрекательством (к волнениям), отрезав им уши, нос и язык, конфисковали имущество.[1] В некоторых областях «у всякого, кто не доставлял установленной суммы, жену и детей его продавали сборищу франков и купцам индийским».[2] Мухаммед Казим, рассказав о раздаче Надир-шахом 12 тысяч халатов знатным людям и о подарках военным чинам, прибавляет: «Но какая польза, если в те дни 50—60 тысяч человек возвысились милостями шаханшаховыми, зато 200—300 тысяч других людей от ущерба восстановленных податей и от палочных истязаний были охвачены разными горестями».[3]

Насколько значителен был рост налоговой эксплоатации непосредственных производителей, можно судить по рассказу Мухаммед Казима о восстании упомянутого уже нами курдского племени думбули в округах Хойя и Салмаса[4] в южном Азербайджане в 1157 г. х. (1744/5 г. н. э.).[5] Раньше доходы, т. е. податные поступления, с этих округов (булюкат) не достигали и 3 тысяч туманов в год. Теперь же по приказу шаха сумма податей этих округов была определена в 20 альфов, что составляло 100 тысяч туманов (= 1 миллиард динаров); такой суммы, по словам Мухаммед Казима, не было и в наличности во всей той стране (южном Азербайджане).[6] Чтобы понять столь резкое различие в цифрах податного обложения до и после 1743 г., следует иметь в виду, что период междоусобий и войн (1711—1736) был временем падения курса монеты, подвергшейся порче, в 7—8 раз, а во время голодовок 30-х гг. XVIII в. даже в 10—12 раз и в соответствии с этим — временем высоких цен на товары.[7] Но, если и принять во внимание, что цифра в 100 тысяч туманов исчислена с учетом этой разницы денежного курса, все же налицо был рост налогового бремени в 3—4 раза. Покрыть эти суммы разоренные ра'ийяты и кочевники не могли. В округах Хой и Салмас вспыхнуло восстание. За ним после-

[1] Мухаммед Казим, рук. ИВАН № Д-430, т. III, л. 48б.
[2] Там же, т. III, лл. 46а—46б.
[3] Там же, т. III, л. 169б.
[4] Об уделе (ӧлке-улька) этого племени см. подробнее в след. главе.
[5] Там же, т. III, лл. 100а—104б.
[6] Там же, т. III, л. 100б.
[7] См. об этом, напр., у Авраама Кретаци, Coll., т. II, стр. 308—309; см. также перечень цен в надписи на портале Ванандской мечети у Н. Ханыкова, Mémoires sur quelques inscriptions musulmanes du Caucase, Paris, 1863, перс. текст стр. 96—97; франц. перевод стр. 97—98.

довали в 40-х гг. XVIII в. восстания джарских аваров и восстание в Шеки (на северо-западе Азербайджана) и два крестьянских восстания в Ширване, связанных с именем самозванца Сам-мирзы.

Почти сорокалетняя полоса войн, междоусобий и восстаний (1711—1747) привела к хозяйственному разорению Азербайджана и Армении и вызвала огромный упадок производительных сил в сельском хозяйстве, голод и обеднение крестьянства.[1] После убийства Надир-шаха (1747) и начала новой полосы междоусобий в Иране, иранское владычество в странах Закавказья на время фактически пало.

В последующий период (вторая половина XVIII в. — начало XIX в.) в Азербайджане и кавказской Армении существовали следующие полунезависимые ханства, признававшие над собой власть Ирана лишь номинально, и то не всегда: 1) Кубинское (в 1765 г. к нему было присоединено ханство Дербендское); 2) Бакинское; 3) Ширванское (район г. Шемахи); 4) Шекинское; 5) Ганджинское; 6) Карабагское (обнимавшее степную и нагорную часть Карабага, а также юго-восточную часть кавказской Армении); 7) Талышское; 8) Нахчеванское; 9) Ереванское (обнимавшее большую часть кавказской Армении); 10) Макинское; 11) Хойское и Думбулийское; 12) Карадагское; 13) Ардебильское; 14) Марагинское; 15) Соуджбулакское; 16) Урмийское. Большинство этих ханств существовало еще в XVI—XVII вв. в виде улька, т. е. округов, управляемых наследственными хакимами (правителями); чаще всего это были главы водворенных в этих округах кочевых племен.[2] Другие полунезависимые ханства второй половины XVIII в. возникли из прежних наместничеств — беглербегств (Ганджа, Ереван); третьи — вновь возникли при развале державы Надир-шаха (Шеки, Шемаха). Внутри некоторых из этих ханств существовали еще вассальные султанства и меликства; от хана карабагского, например, зависели пять армянских меликств нагорной части Карабага (Гюлистан, Чараберд, Хачен, Варанда и Дизак).

Социально-экономическая история ханств доныне почти не изучена. На первый взгляд период полунезависимых ханств может показаться временем хозяйственного упадка. Такое мнение было бы неправильно. Экономику второй половины XVIII в. следует сравнивать не с экономикой XVII в., а с экономикой периода войн и междоусобий 1711—1747 г.; этот последний период и был временем глубокого упадка. По сравнению с этим периодом вторая половина XVIII в. обнаруживает скорее черты некоторого относительного подъема. Превращение иранского владычества в номинальное привело к уменьшению налогового бремени. Некоторые ханы заботились о востановлении производительных сил. Панах-хан карабагский основал цветущий город Шушу. Заметен некоторый рост таких городов, как Куба, Шеки, Ереван. Появились относительно крупные шелководческие хозяйства ханов ширванского и шекинского, обрабатываемые особой категорией крепостных крестьян (ранджбары).[1] Оживленную деятельность в области восстановления сельского хозяйства, отчасти на началах издольной аренды, проявили ханы ереванские.

[1] См. об этом подробнее в гл. VII.

[2] Подробнее о наследственных улька, ставших зародышами полунезависимых ханств, и о правивших в них династиях, см. в след. главе.

Но в условиях феодальной раздробленности, господства натурального хозяйства, постоянных междоусобий и не прекращавшихся время от времени попыток Ирана восстановить свою реальную власть в странах Закавказья — этот относительный хозяйственный подъем не мог дать прочных и ощутительных результатов.

Ханы не отказывались вполне от централистических тенденций внутри своих княжеств. Но слабость их сил и узкие масштабы их власти не давали возможности этим стремлениям развернуться. Внутренняя и внешняя политика ханов поневоле определялась интересами поддерживавших их феодальных группировок. Центробежные стремления феодалов, рост частного землевладения за счет диванского (государственного), рост натурально-хозяйственной замкнутости отдельных районов — все эти явления не впервые стали заметны после 1747 г., но именно в последующий период в полунезависимых ханствах полнее и ярче развились и оформились. Период полунезависимых ханств является временем торжества феодальной раздробленности.

В период полунезависимых ханств государственный аппарат сильно упростился по сравнению с периодом иранского владычества, значительная доля функций чиновников перешла к бекам и другим местным феодалам. Различие между землями дивана (казны) и собственными землями государя (хассэ) исчезло, — обе категории земель стали рассматриваться как земли хана.

На основе сказанного выше, мы можем установить три периода социально-экономического развития стран Закавказья, обнимающие XVI — начало XIX вв. Если связать их с прежними этапами истории данных стран в эпоху феодализма, то общая схема феодального развития представляется нам в следующем виде.

1. Период IV—IX вв. н. э. — В Албании (Арране — северном Азербайджане) и южном Азербайджане — переходный

[1] См. о ней в гл. VII.

период от патриархально-рабовладельческого к патриархально-феодальному обществу. В Армении — сложение феодального общества.

2. Период X—XII вв. — Укрепление феодального способа производства в обеих странах, с сохранением укладов рабовладельческого и патриархального (последнего — в высокогорных местностях и у кочевников). Развитие военно-ленной системы.

3. Период XIII—XV вв. — Завершение процесса феодального развития в обеих странах. Прикрепление крестьян к земле. Завершение развития военно-ленной системы.

4. Период XVI в. — ранне-кызылбашский период.

5. Период с начала XVII в. до 1747 г. — поздне-кызылбашский период, с двумя этапами: а) с начала до конца XVII в. — время хозяйственного подъема; б) с конца XVII в. до 1747 г. — время хозяйственного упадка.

6. Период 1747—1828 гг. — период полунезависимых ханств. [1]

[1] Характеристику феодального развития трех последних периодов см. выше в данной главе. По политической истории Азербайджана в XVI — XVIII вв. см.: И. П. Петрушевский, Азербайджан в XVI — XVII вв., в «Сборнике статей по истории Азербайджана», вып. I, Баку, 1949; В. Н. Левиатов, Очерки из истории Азербайджана в XVIII веке, Баку, 1948.

Глава III

КЛАСС ФЕОДАЛОВ И ЕГО ОРГАНИЗАЦИЯ

В составе класса феодалов в Азербайджане и Армении XVI—XVIII вв. мы встречаем 4 основные группы: 1) военная знать кочевых и полукочевых племен кызылбашских и других; 2) старинные местные владетельные феодалы и землевладельцы азербайджанские и сохранившиеся еще в небольшом количестве армянские; 3) высшее духовенство мусульманское (в Армении отчасти и христианское); 4) гражданская бюрократия центрального и местного аппаратов власти. Рассмотрим эти группы отдельно.

Привилегированное положение, по сравнению с остальными феодальными группами, занимала бесспорно знать кочевых племен, а до реформы шаха Аббаса I ее могущество было в сущности безраздельным. Сила и мощь этой группы базировались на том факте, что кочевые племена — кызылбашские и другие — составляли главную массу войска, точнее феодального ополчения шахской державы. Командный состав армии, выражаясь языком нашего времени, до шаха Аббаса I целиком, а после него в большей своей части, формировался из этой кочевой знати, потомственно несшей военную службу вместе с подчиненными ей кочевниками. Знатная верхушка кочевого племени распоряжалась пастбищами, отведенными кочевникам ее племени. За свою службу военная знать кочевых племен получала от шаха на разных условиях во владение земли с сидевшими на них зависимыми оседлыми крестьянами, либо право на получение доходов с определенных государственных земель, населенных оседлыми крестьянами. Таким образом, представители военно-кочевой знати выступали обычно в роли крупных землевладельцев.

Судя по данным, приведенным Искендером Мунши, [1] в писцовых книгах (дафтарах) дивана главнокомандующего

[1] Тарих-и алем ара, лит., стр. 761—764; цит. рук., ч. II, лл. 1050—1055.

всей державы (сипахсалар-и кулл-и Иран) кочевые племена кызылбашской державы, а следовательно и знать этих племен, разделялись на племена (таваиф, аймакат) кызылбашские и не кызылбашские. [1]

Первоначально первых племен было семь: шамлу, румлу, устаджлу, текелю, афшар, каджар, зулкадар. Они были неодинакового происхождения. Племена румлу и шамлу, согласно полулегендарному преданию, [2] происходили от пленников из Малой Азии (Рум) и Сирии (Шам), уведенных Тимуром после битвы при Анкаре (1402), переданных им сефевидскому шейху Ходжа Али и поселенных последним в Азербайджане. Племя текелю — ветвь туркменского племени теккэ, откочевавшая в Азербайджан из Малой Азии. По преданию, племя устаджлу кочевало в Армении, в районе Карса. Туркменское племя зулкадар первоначально кочевало в южной Армении и районе Дийярбекра, позже владело округом Альбистан к западу от Евфрата. Тюркские племена афшар [3] и каджар [4] пришли из Средней Азии вместе с монгольскими завоевателями в Иран, в разных местностях которого поселения афшаров и каджаров были разбросаны; в Азербайджане часть этих племен была поселена при Тимуре и Миваншахе.

Эти племена — вернее части и разветвления, ибо из них только племена шамлу и румлу зависели от Сефевидов в полном составе, — став в XV в. вассалами духовных феодалов, ардебильских «святых» шейхов — Сефевидов, числились в то же время их «мюридами», «дервишами» и «суфиями». Они составляли ядро их феодального ополчения и поддерживали все их военные и политические мероприятия, как, например, набеги шейхов Джунейда (1447—1459) и Хейдера (1459—1488) на Грузию и Дагестан. Во время этих набегов, под видом «борьбы за веру» с «неверными», Сефевиды угоняли «несметное число пленников», которые затем продавались на ардебильском невольничьем рынке. [5]

---

[1] Тарих-и алем ара, лит., стр. 761; цит. рук., ч. II, л. 1050: «высокие кызылбашские племена и аймаки, что находятся под властью кызылбашей» (букв. «под кызылбашами»).

[2] Это предание приведено в Сильсилят-ан-насаб, цит. рук., л. 69 (на полях). — Его приводит и Искендер-Мунши, Тарих-и алем ара, лит., стр. 12; цит. рук., ч. I, л. 23.

[3] Оно упоминается в числе древнейших 24 огузских (туркменских) племен у Махмуда Кашгарского и Рашид-ад-дина.

[4] Предание о происхождении племени каджар см. у Абд-ар-реззака Думбули, Маасир-и султанийэ, тебризское изд. 1241 г. х. (1825 г. н. э.), стр. 3—6; с этим племенным преданием сильно расходятся сведения, сообщаемые в Хулясат-ас-сийяр, рук. ЛГПБ, кат. Дорна № 303/1, лл. 124а—126а.

[5] См. об этом у автора XV в. Катерино Зено, A Narrative of Italian Travels in Persia in the XV and XVI centuries Hakluyt Society, London, 1873, I, p. 44.

Эти тюркоязычные племена, которые стали называть «кызылбашскими племенами», не составляли единого народа. Впоследствии части их, поселившиеся в Азербайджане и Армении, слились с азербайджанским народом, а поселившиеся в Хорасане и Астерабаде (части племен каджар и афшар), слились с туркменским народом. Части же, расселившиеся по Ирану, сохранились как разрозненные тюркоязычные племена (части племен зулкадар в Фарсе и афшар в Кермане). Но ни одно из кызылбашских племен и впоследствии не слилось с персами и не приняло их языка. При сношениях друг с другом кызылбашские племена пользовались азербайджанским языком, в то время распространенным далеко за пределами Азербайджана. На этом же языке говорили и сами Сефевиды; как известно, шах Исмаил I (1500—1524) писал стихи на азербайджанском языке под псевдонимом Хатаи.

Мы не будем останавливаться на борьбе Сефевидов и их приверженцев — кызылбашей с ширваншахами Халилуллахом I (1417—1462) и Фаррух-Ясаром (1462—1500) и их союзниками, туркменскими белобаранными султанами. Борьба эта продолжалась более полустолетия (1447—1502) и окончилась победой кызылбашей и провозглашением юного шейха Исмаила шахом (или, как его именовали в торжественных случаях, шаханшахом — «царем царей») Ирана (1501). Ширван подвергся сильному разгрому со стороны кызылбашей, разоривших Шемаху и Баку, но сохранил свое отдельное политическое бытие до 1538 г. Остальная часть Азербайджана (к югу от р. Куры) и Армения [1] были прочно заняты кызылбашами. Между 1502 и 1510 гг. были завоеваны ими весь Иран, к тому времени разделенный на ряд крупных и мелких феодальных государственных образований, и Ирак арабский. Столицей Кызылбашского государства стал Тебриз (1501) и оставался ею до перенесения резиденции в Казвин при шахе Тахмаспе I (около 1548 г.).

К концу XV — началу XVI в. в число кызылбашей влились новые тюркоязычные племена: части племен каджар (ахча-койюнлу каджар) и зулкадар, до того находившиеся в составе племен Ак-койюнлу; части туркменских белобаранных племен, вошедшие в число кызылбашских племен под именем племени туркеман (т. е. «туркмен»); [2] кочевавшее в северной Армении у озера Севан племя бахарлу — остаток объединения турк-

---

[1] Первоначально вся Армения. Только в 30-х гг. XVI в. южная Армения (бассейн Ванского озера) была завоевана Турцией.

[2] Об этом племени см. Тарих-и алем ара, лит., стр. 25, цит. рук., ч. I, л. 50; Ахсан-ат-таварих, стр. 94 и след.

менских чернобаранных племен;[1] мелкие племена: байят (это племя упоминается еще в XI в., как одно из 24 древних туркменских племен), алпаут, казахлу, асирлу, кочевавшие в Армении и Азербайджане; туркменское племя варсак, перекочевавшее из Карамана в Малой Азии. Особыми кызылбашскими «племенами» стали числиться «суфии Караджага»[2] (иначе «племя карадаглу») и талыши.[3] Талыши были единственными иранцами и не-кочевниками, принятыми в состав объединения кызылбашских племен. В упомянутом перечне племен, приведенном Искендером Мунши под 1038 г. х. (1628/9 г. н. э.), кызылбашские племена поименованы в следующем порядке: 1) шамлу,[4] 2) устаджлу, 3) зулкадар, 4) каджар, 5) афшар, 6) туркеман, 7) асирлу, 8) румлу, 9) карадаглу (иначе «суфии Караджадага»), 10) байят, 11) талыш, 12) алпаут, 13) джагирлу, 14) казахлу, 15) байбурдлу.

У Дон-Хуана Персидского, обиспанившегося азербайджанца из племени байят (начало XVII в.), приведены названия 32 кызылбашских племен. Среди них мы узнаем племена: устаджлу (ustaxelu), шамлу (xamlu), афшар (afxar), туркеман (turcomanos), байят (bayat), текелю (thacalu), зулкадар (dulgadarlu), каджар (cacher), байбурдлу (bayburdlu), бахарлу (barachlu). Другие приведенные указанным автором племенные названия — имена разветвлений основных кызылбашских племен.[5]

Привилегированное положение кызылбашских племен, точнее знати этих племен, определялось личной вассальной зависимостью их от фамилии Сефевидов и царствовавшего шаха. Для державы Сефевидов характерен своеобразный теократический оттенок власти шаханшаха (шаха). Шах — прежде всего духовный глава мусульман — шиитов, потомок халифа Али и седьмого имама Мусы-Казима, «прибежище халифата», «прибежище ислама», «прибежище веры». Но в еще большей степени шахи-Сефевиды дорожили своим

[1] О них см. Хабиб-ас-сийяр, цит. изд., т. III, ч. 4, стр. 25; Ахсан-ат таварих, цит. изд., перс. текст, стр. 32. Согласно изысканиям В. Ф. Минорского (Tadhkirat al-muluk, Additions, p. 194), бахарлу—старинное туркменское племя ива, упомянутое у Махмуда Кашгарского (XI в.).

[2] О них см., напр., Ахсан-ат-таварих, стр. 41.

[3] О них, как об одном из кызылбашских племен, см. Тарих-и алем ара, лит., стр. 762; цит. рук., ч. II, л. 1052.

[4] Тарих-и алем ара, лит., стр. 761; цит. рук., ч. II, л. 1050: — «Племя шамлу, каковое находится в начале (букв. «в голове») реестра (дафтар) кызылбашских племен». Ср. там же, лит., стр. 104: — «племя шамлу, каковое есть величайшее из кызылбашских племен».

[5] Don Juan of Persia, Relaciones, английский перевод Ле-Стренджа, 1926, стр. 45, 46.

званием наследственных шейхов дервишеского ордена Сефевийэ. Знать и кочевники кызылбашских племен и считались «суфиями», «дервишами» и «мюридами» Сефевидов, как шейхов (мюршидов) этого ордена.[1] Правда, по своему образу жизни шахи-Сефевиды, начиная уже с шаха Тахмаспа I, очень мало походили на дервишеских шейхов, как и кызылбашские воины («газии» — «борцы за веру») меньше всего походили на дервишей и не выполняли никаких обычно принятых у них религиозных и бытовых правил. Самое существование ордена Сефевийэ в XVI—XVII вв. было уже в сущности фикцией. Однако этой фикцией шахская власть чрезвычайно дорожила, ибо, благодаря ей, связь между шахом, как «дервишеским шейхом», и кызылбашами, как его «мюридами», казалась более тесной, интимной и идеологически прочной, нежели простая связь между государем и вассалами. Служба кызылбашей шаху рассматривалась как послушание мюридов своему шейху,[2] которое, согласно правилам дервишеских орденов, должно было быть безграничным, слепым и не рассуждающим. Хорошая служба кызылбашей рассматривалась как правило суфийского поведения. По свидетельству анонимного историка шаха Исмаила I, перед началом боя кызылбаши обычно испускали военный клич (на азербайджанском языке): «О, мой пир,[3] мой мюршид,[4] да буду я жертвой за него.»[5]

Насколько большое значение придавалось этим отношениям между шахом, как дервишеским шейхом, и кызылбашами, как его дервишами и мюридами, показывает следующий эпизод. Наследственный правитель (хаким) Караджадага (= Кара-дага) в южном Азербайджане, Шах-верди-хан карадаглу, носивший дервишеский титул «халифэ» (халиф, в значении «заместитель шейха»), во время турецкого владычества в южном Азербайджане (1588—1603) не только признал над собою власть турецкого (= «румского») султана, но и снял с головы кызылбашскую чалму с 12 пурпуровыми полосками

[1] В источниках XVI в. кызылбашские воины чаще всего именуются суфиями и мюридами. См., напр., Ахсан-ат-таварих, цит. изд., стр. 35: — «суфии Рума» (т. е. племя румлу); там же, стр. 41: — «суфии Караджадага (племя карадаглу); там же: — «племена мюридов и суфиев» (кызылбашские племена) и т. д.; ср. Тарих-и алем ара, лит., стр. 105: — «суфийское племя» (племя румлу); там же, лит., на стр. 303 о Шахверди-хане караджадагском говорится, что он — «от отцов и дедов... происходил из суфиев этой фамилии» (т. е. Сефевидов); Любб-ат-таварих, цит. рук., л. 155а: — «племена мюридов» и т. д.

[2] Тарих-и алем ара, лит., стр. 87; там же, лит., стр. 100; цит. рук., ч. I, л. 202.

[3] Перс. «старец» — синоним арабского «шейх».

[4] Ар. «ведущий по правому пути» — дервишеский шейх.

[5] Cambridge University Library, Add. 200, f. 41a, цит. по Э. Г. Броуну, A literary history of Persia, vol. IV, pp. 14, 15.

в честь 12 шиитских имамов, иначе говоря, отрекся от шиизма и от принадлежности к дервишескому ордену Сефевийэ. Часть «суфийской знати» (а'ийян-и суфийэ), т. е. карадагской кызылбашской знати, сделала то же самое; нарушив «путь преданности и почтения мюрида к пиру»,[1] «они отвратились от (своего) совершенного мюршида».[2] Когда Карадаг снова перешел под власть кызылбашского Ирана, Шахверди-хану и его вассалам вменили в преступление именно отречение от своих дервишеских обязанностей и от своего шейха (шаха), а вовсе не политическую измену шаху Ирана и переход в подданство турецкого султана. Виновных предали казни.[3]

Многие представители кызылбашской знати носили суфийско-дервишеский титул халифэ (халиф, в значении заместителя главного шейха ордена). Одной из самых почетных должностей в государстве считалась должность «халифат-ал-хулафа» («халиф халифов»), носитель которой, обычно один из знатнейших кызылбашских эмиров, был первым заместителем шаха по управлению делами ордена Сефевийэ. Согласно «Тазкират ал-мулюк» должность «халифат ал-хулафа» была учреждена при шейхе Сефи-ад-дине и существовала еще в первой четверти XVIII в.[4]

Кызылбашские племена получили земли и места для кочевания в разных областях шахской державы. При этом они раздробились на более мелкие племенные группы. Так, племя устаджлу уже к 1576 г. насчитывало следующие племенные подразделения, разбросанные по разным областям: алаш-оглы, юган, кусулу, чавушлу, тохмак, кенгерлю, шейхлу, карынджа-оглы и т. д.; из подразделений племени зулкадар упоминаются: хазырлу, курхлу, яхья-оглы, мали-оглы, шамсаддинлу и другие.[5]

К племенам не кызылбашским, стоявшим ниже последних по положению и не числившимся дервишами и мюридами фамилии Сефевидов, относились некоторые другие тюркоязычные племена, как, например, туркмены Астерабада, джелаиры Хорасана, разные курдские и лурские племена.

Для обозначения кочевого племени и разных его подразделений — колен, родов и т. д., ни в официальных документах, ни в нарративных источниках мы не встречаем точной и строго установленной терминологии. Одни и те же термины — «иль» (тюрк., в азерб. произношении «эль»), «тайфэ»

---

[1] Тарих-и алем ара, лит., стр. 622; цит. рук., ч. II, лл. 726, 727.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Тазкират-ал-мулюк, цит. изд., перс. текст л. 29б, англ. перевод стр. 55.

[5] Тарих-и алем ара, лит., стр. 104—106; цит. рук., ч. I, л. 208.

(ар., множ. число «таваиф»), «аймак» (монг.), «аширэ» (ар.)[1] и т. д. — употреблялись для обозначения то целого племени, то его подразделения (колена), то рода, и каких-либо различий в терминологическом значении этих выражений-синонимов незаметно. Кочевые племена рассматриваемого периода, как и монгольские и тюркские кочевые племена XIII—XV вв., не были объединениями, основанными на кровном родстве и на происхождении от общих предков. Это были искусственно составленные объединения из осколков разных более древних (дофеодальных) родоплеменных групп, распавшихся еще в период до Чингис-хана. В Монголии времени Чингис-хана, по словам акад. Б. Я. Владимирцова, аймак «мог составляться из лиц, принадлежавших к разным родам, но которые вели свое происхождение от общего предка».[2] При Сефевидах термины «аймак», «иль», «тайфэ» означали объединение кочевников, составленное из осколков не только разных родов, но и разных племен. Благодаря застойности форм кочевого скотоводства, в этих объединениях сохранились формы полупатриархального быта, побуждавшие смотреть на такое объединение кочевников, как на племя. Мы можем говорить о «племенах» в этом случае только условно.

Племя каджар, согласно племенному преданию, переданному Абд-ар-реззаком Думбули, составилось в монгольский период благодаря объединению осколков трех племен — сулдуз, джелаир и тангут.[3] Иными словами, если предание это в какой-либо степени достоверно, «племя» каджар сложилось из тюркизованных осколков двух монгольских и одного тибетского племени. Как создавались такие искусственные объединения кочевников, можно судить по одному примеру, приведенному Искендером Мунши.[4] Племя сиах-сюпюр, — рассказывает этот автор, — никогда не числилось среди кызылбашских племен, эта племенная община составилась из разных рассеявшихся племен.[5] При шахе Аббасе I эти осколки разных племен перекочевали в Иран (быть может, в связи с гражданской войной — восстанием джелалиев в Турции), объявили себя шахсевенами («любящими шаха»), но тут же занялись грабежами по большим дорогам. Их насчитывалось 2000 шатров (ханэвар). Часть их шах Аббас I собрал и включил в ряды гвардейского корпуса курчиев и

---

[1] Термин «аширэ» || «ашират» употреблялся преимущественно для обозначения курдских племен, реже также и тюркских.

[2] Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, стр. 137.

[3] Маасир-и султанийэ, тербизское изд. 1241 г. х. (1825 г. н. э.), стр. 3—4. — О племенах сулдуз и джелаир в Монголии см. у Б. В. Владимирцова, цит. работа, стр. 63, 67.

[4] Тарих-и алем ара, лит., стр. 763; цит. рук., ч. II, л. 1053.

[5] Там же.

своих военных слуг (мулязимов), объединив их, согласно кочевым патриархальным традициям, в «племя» и назначив эмиром этого «племени» некоего Халил-султана. В округе Верамина этому «племени» шах дал земли для кочевания и поселения (юрт у макам) и, кроме того, дал им округ Джавэ в качестве икта' (военного лена).[1] Примером искусственного объединения племен разного происхождения может служить объединение 32 мелких племен, известное под именем отуз-ики (азерб. «тридцать два»); в составе этого объединения были и племена курдские и «тюркские» (азербайджанские), например, племя мукаддам.[2] Глава одного из этих племен — азербайджанского племени джеваншир — считался главою всех отуз-ики.[3]

Внутри племен существовали полуфеодальные, полупатриархальные отношения. Феодальная эксплоатация массы кочевников протекала под оболочкой патриархальных обычаев.[4] Племенная знать довольно резко отделялась от массы рядовых кочевников. Каждое племя или отдельно кочевавшее подразделение племени имело наследственного главу. Глава племени, называвшийся чаще всего «эмиром», или в более обычной усеченной форме «миром» племени (мир-и иль),[5] выдвигался, как правило, из одной и той же семьи,[6] но строго установленного порядка наследования не существовало. Если у покойного главы племени не было взрослого и физически крепкого сына, племенная знать намечала на пост главы племени одного из ближайших родичей покойного,[7] который затем и утверждался шахом. Эмират пле-

[1] Тарих-и алем ара. Заключительная фраза о пожаловании икта' есть только в цит. рукописи, в литогр. изд. она опущена. О значении термина «икта'» при Сефевидах см. в гл. IV и V.

[2] Тарих-и алем ара, лит., стр. 763; цит. рук., ч. II, л. 1054.

[3] Там же, лит., стр. 607; цит. рук., ч. II, л. 697б.

[4] См. об этом подробнее в гл. VII.

[5] См., напр. Тарих-и алем ара, лит., 763; цит. рук., ч. II, л. 1053: «Алихан-султан пейгами, из эмиров Азербайджана и мир упомянутого племени» (иль, т. е. пейгами); там же, лит., стр. 762; цит. рук., ч. II, л. 1051: «Нагди-султан балкас, что является миром племени (иль) (балкас), а (племя) балкас находится под властью племени шамлу»; там же, лит., стр. 764; цит. рук., ч. II, л. 1056: «Отар-султан, мир племени (иль) джеваншир (и племен) отуз-ики» там же, лит., стр. 763; цит. рук., ч. II, л. 1053: «Сарухан-султан (салмаси) мир племени (джама'ат) лак-салмаси»: там же, лит., стр. 235, цит. рук., ч. II, л. 789: «Яхья-бек, сын Закарии-хана, что также был миром племени (ашират) хекари и военачальником (сардар) того племени» (тайфэ); Шереф-намэ, т. I, стр. 321: — «Эмиры племени (ашират) тамошнего» (в округе Бана, в иранском Курдистане) и т. д.

[6] Отсюда выражение «наследственный эмират (племени)», см. Шереф-намэ, т. I, стр. 294: — «Амирэ-паша (глава курдского племени мукри)... удовольствовался старинным племенным владением (оджак) и наследственным эмиратом (своего племени)».

[7] См. рассказ Шереф-намэ, т. I, стр. 290, о порядке наследования звания главы племени мукри после смерти Сарум-бека.

мени[1] соединялся с командованием ополчением (кошун) племени и с правом распоряжения пастбищами и другими землями племени.

Племенная знать в источниках обозначалась общим термином «агайян» (перс. множ. число от монг.-тюрк. «ага» — «старший брат», «господин», «начальник»; то же с азерб. формой множ. числа — «агалар», т. е. «аги»).[2] Среди кочевой знати выделялись ришсефиды (перс. «белобородые», азерб. синоним «аксаккал»), т. е. старейшины отдельных подразделений племени. Все свои функции по управлению племенем, по распоряжению племенными пастбищами и землями глава племени осуществлял сообща с ришсефидами.

Какую роль играли ришсефиды в управлении племенными землями, можно видеть из примера, переданного Искендером Мунши. Ленные владения (улька) курдского племени махмуди располагались на пограничьи южного Азербайджана и южной Армении. В самом начале XVII в. эти владения были разделены между четырьмя членами династии племенных глав: Абдуллах-бек владел округом Хошаб (близ г. Вана) и считался, после смерти своего брата Сулейман-бека, главою всего племени (мир-и ашират); его двоюродные братья Зейнал-хан, Мустафа-бек и Зейнал-бек владели соответственно округами Кара-хисара, Маку и Чорса.[3] Зейнал-хан с остальными родичами оспаривал у Абдуллах-бека звание главы племени махмуди. Когда турецкие властители края потерпели поражение в войне с шахом Аббасом I, Зейнал-хан, объявив себя шахсевеном («любящим шаха»), явился в 1015 г. х. (1606/7 г. н. э.) в ставку шаха Аббаса I и получил от него диплом на звание главы племени махмуди и на управление Хошабом.[4] Но и Абдуллах-бек поспешил объявить себя шахсевеном и также явился к шахскому двору за утверждением в своем звании. Члены династии и знать племени разделились на две враждебные группировки и на-

[1] Тарих-и алем ара, лит., стр. 559; цит. рук., ч. II, л. 455б: «имарат-и кабилэ» — «эмират племени (берадуст)»; там же, лит. 105, об Урдугды-халифэ каджаре говорится, что он «был великим миром (мир-и бузург) того племени (каджар)»; выражение «имарат-и иль» — «эмират племени» см. там же, лит., стр. 575—576, 607; цит. рук., ч. II, лл. 486б, 698а; Шереф-намэ, т. I, стр. 291: «эмират [племени] мукри»; там же, стр. 303, 306: «эмират [племени] махмуди»; там же, стр. 315: «эмират [племени] думбули»; там же, стр. 333: «эмират [племени] пазуки» и т. д. — Во всех перечисленных случаях речь идет о наследственном звании главы племени.

[2] См., напр., Тарих-и алем ара, лит., стр. 268: «аги [племени] зулкадар»; ср. там же, лит., стр. 246; Шереф-намэ, т. I, стр. 303: «аги [племени] махмуди»; там же, стр. 397: «сыновья аг (т. е. люди знатного происхождения) [племени] пазуки»; ср. там же, стр. 289: «знатные люди [племени] шамлу»; там же, стр. 420 и др.

[3] Близ г. Салмаса.

[4] Тарих-и алем ара, лит., стр. 506; цит. рук., ч. II, лл. 395а—395б.

7 Зак. 4397. Петрушевский.

чали междоусобную борьбу друг с другом. Тогда ришсефиды племени вынесли решение о том, что двоюродные братья должны примириться, а владения племени должны быть разделены между ними. С согласия обеих сторон был составлен договор о примирении, после чего решение ришсефидов было представлено на утверждение шаха. Шах утвердил договор, и оба претендента получили «высочайшие указы» на звание племенных глав и на управление своими уделами. Впоследствии, впрочем, борьба между двоюродными братьями возобновилась, и Хошаб перешел во владение (тасарруф) Зейнал-хана.[1]

Верхушку военно-кочевой знати составляли эмиры.[2] Следует остановиться на вопросе о том, что представляли собою эмиры при Сефевидах. Арабский термин «амир» || «эмир», как известно, пережил определенную эволюцию, начиная с первых веков ислама. Не останавливаясь на значении термина «эмир» до XIII в., отметим лишь, что во время монгольского владычества эмирами назывались, за редкими исключениями, те представители военной знати монгольских, тюркских и курдских кочевых племен, которые командовали ополчениями племен или их подразделений. Звание эмира при первых монгольских ильханах (1256—1295) не было личным титулом, оно было неотделимо от определенного военного поста. Нельзя было быть просто эмиром, были эмиры туманов (десятитысячных корпусов), эмиры «тысяч» (хазарэ), «сотен», и «десятков». Но туманы, «тысячи», «сотни» и «десятки» были условными обозначениями племенных групп, обязанных поставлять в ополчение соответствующее количество бойцов (которое на деле редко совпадало с номинальным числом; например, туман на практике мог состоять из 2—3 тысяч бойцов).

Таким образом, эмир тумана, «тысячи» и т. д. был военачальником (нередко наследственным) ополчения данной племенной группы и правителем военно-административного округа, отведенного данной племенной группе; последнюю функцию, впрочем, эмир разделял с гражданским правителем данного округа. Но в первой половине XIV в. звание эмира употребляется уже и как личный титул.

При Сефевидах термин «эмир» несколько изменил свое значение. В основном это попрежнему военная знать; пред-

[1] Тарих-и алем ара, лит., стр. 506, цит. рук., ч. II, лл. 395а—395б.

[2] Следует различать эмират как личное звание (или титул) того или иного знатного лица от «эмирата племени» (имарат-и иль, имарат-и кабилэ). Эмир, получивший это звание от шаха, мог и не быть главою племени и, обратно, эмир племени (племенной глава), особенно мелкого племени, мог не быть эмиром; иначе говоря, эмират племени рассматривался, как должность по управлению, а не как личный титул.

ставители гражданской администрации получали звание эмира лишь в виде исключения.[1] Как правило, это звание давалось представителям военной аристократии, до реформ шаха Аббаса I почти исключительно из кызылбашских кочевых племен, но только верхушке этой аристократии; это звание не давалось уже мелким чинам, соответствовавшим монгольским «эмирам десятков» (он-башы). Притом при Сефевидах звание эмира давалось персонально и пожизненно и не было связано непременно с определенным военным постом.

Кто имел право на звание эмира, об этом мы узнаем из двух списков эмиров всего Кызылбашского государства, приведенных в труде Искендера Мунши: под 983 г. х. (1576 г. н. э.) приведен список эмиров (неполный), бывших в живых ко времени смерти шаха Тахмаспа I;[2] под 1038 г. х. (1628 г. н. э.) приведен полный перечень эмиров, бывших в живых ко времени смерти шаха Аббаса I.[3] Из этих списков ясно видно, что эмирами считались лица, имевшие титул хана или султана.[4] И во всех других случаях, когда источники называют какое-либо лицо эмиром, имя этого лица всегда имеет приставку «хан» или «султан». Равным образом, пожалование шахом эмирата или звания эмира всегда сопровождалось пожалованием титула хана или султана.[5] Оба эти титула при Сефевидах считались персональными, пожизненными и формально не наследственными. Однако на практике сын сплошь и рядом получал от шаха титул отца, особенно если к нему переходила пожалованная отцу в управление область (улька). При шахе Исмаиле I какого-либо различия в старшинстве между ханами и султанами еще незаметно, и самые могущественные эмиры носят титул султана, как например Чуха-султан текелю, Див-султан румлу, Чайян-султан устаджлу,

[1] Это звание имел, например, эмир Шамс-ад-дин Закария, главный везир последних султанов Ак-койюнлу, а с 960 г. х. (1500/1 г. н. э.) — везир Исмаила I Сефеви, — Ахсан-ат-таварих, цит. изд., перс. текст, стр. 54. То же звание получил назначенный в 936 г. х. (1528/9 г. н. э.), высоким садром (главою духовного ведомства) эмир Ни'матуллах Хилли (там же, стр. 224); звание эмира имели современники шаха Тахмаспа I, четыре тебризских сейида Хусейни, занимавшие гражданские посты (там же, стр. 302).

[2] Тарих-и алем ара, лит., стр. 104—106; цит. рук., ч. I, л. 208. — В литогр. изд. список этот значительно полнее и подробнее, нежели в цит. рук.

[3] Там же, лит., 761—764, цит. рук., ч. II, лл. 1050—1056.

[4] Глава, содержащая первый из упомянутых списков, озаглавлена — «О знаменитых эмирах, (состоявших) из ханов и султанов, из которых некоторые пребывали при высоком дворе (шахском), а некоторые в областях». Второй из упомянутых списков озаглавлен: — «Имена всех эмиров, (состоящих) из ханов и султанов».

[5] См. напр., там же, лит., стр. 267: «Аллах-верди-бек зергер-башы (начальник придворных золотых дел мастеров) возвысился до степени эмирата и получил титул султанский»; ср. там же, лит., стр. 298, 467, 745; Ахсан-ат-таварих, цит. изд., перс. текст, стр. 110, 150.

Кёпёк-султан устаджлу. Но уже во вторую половину царствования шаха Тахмаспа I (1524—1576) и позднее твердо установился порядок, по которому титул хана считался выше титула султана.[1] Это правило и нашло отражение в упомянутых списках эмиров, приведенных Искендером Мунши. В обоих списках эмиры перечислены по племенам, к которым они принадлежали; в первом списке — это исключительно тюркские кызылбашские племена; во втором списке племена и их эмиры перечислены в таком порядке: тюркские кызылбашские племена, тюркские некызылбашские племена, курдские и лурские племена. В числе эмиров каждого племени на первом месте перечислены ханы, потом идут султаны. Соответственно такому делению в обоих списках различаются старшие (умарай-и келян) или великие эмиры (умарай-и бузург) и младшие или малые эмиры (умарай-и хурд).

Внешними отличительными знаками «великого эмира» были почетная одежда (хил'а), жалованная шахом и состоявшая из раззолоченной шапки (тадж), пояса, украшенного золотым шитьем и т. д., раззолоченное седло, кровный арабский конь (асб-и тази) и носимые перед «великим эмиром» литавры, знамя и барабан.[2] Приводя перечень эмиров, бывших в живых ко времени смерти шаха Тахмаспа I (1576), Искендер Мунши перечисляет имена 26 эмиров племени устаджлу,[3] но из них всего 10 человек были «обладателями литавр и знамени».[4] При перечислении эмиров племени шамлу тот же автор говорит, что хотя «с первых времен высочайшего восшествия на престол обитающего (ныне) в раю шаха (т. е. шаха Тахмаспа I) среди племени шамлу были великие эмиры и высокосановитые ханы... и они были отличены от (эмиров) прочих аймаков высокими званиями и достойными тиулами»,[1] но ко времени смерти шаха Тахмаспа I из эмиров шамлу больше пяти человек «обладателей литавр и знамени» не было.[2]

[1] См. примечания Катрмера к Histoire des Mongols de la Perse, t. I, 1-e partie, pp. 84—88, note I, под словом khan. По словам Катрмера, хорезмшах Джелаль-ад-дин (1221—1231) одним эмирам дал титул хана, другим титул мелика, но титул султана принадлежал только государю. Такой же приблизительно порядок существовал в мусульманском Индостане в начале VIII в. х. (начало XIV в. н. э.). К сказанному прибавим, что в монгольском государстве Хулагуидов эмиры не титуловались ни ханами (этот титул принадлежал только царствовавшему государю), ни султанами. Ханы и султаны, как звенья феодальной иерархии, таким образом, встречаются только при Сефевидах. — О титулах хана и султана при Сефевидах см. также Raphael du Mans, op. cit, pp. 151, 152.

[2] Тарих-и алем ара, лит., стр. 36, цит. рук., ч. II, л. 73, 74. — Здесь рассказывается, что при шахе Аббасе I великий везир и'тимад-ад-доулэ («доверие державы») мирза Лютфуллах Шериф Ширази в виде исключения возвысился пожалованием ему отличий (включая знамя и литавры), каких удостоены только «именитые эмиры»; ср. там же лит., стр. 467, цит. рук., ч. II, л. 360б.

[3] Там же, цит. рук., ч. I, л. 208; в лит., стр. 104, 105 приведено всего 15 имен, с замечанием, что называть имена прочих эмиров этого племени пользы нет.

[4] Там же. Ср. Любб-ат-таварих, цит. рук., л. 161б—162а.

Составленная около 1725 г. анонимная «памятная записка» о сефевидской администрации «Тазкират-ал-мулюк» различает уже две категории эмиров: 1) находившихся при шахском дворе (доулет-ханэ), среди которых были высшие военные чины постоянной армии, заведенной при шахе Аббасе I, и гвардии конных гулямов, а также три гражданских сановника (в их числе великий везир — и'тимад-ад-доулэ); 2) эмиров пограничных областей (сархадд), исключительно военных. Эмиры второй категории делились на четыре разряда; валии, беглербеги, ханы и султаны.[3] Первые два разряда — звания наместников областей. В Сефевидской державе до 1722 г. было четыре валия и 13 беглербегов; среди первых числились оба грузинских царя (Картлии и Кахетии), среди вторых — наместники Азербайджана (южного), Карабага, Ширвана, Чухур-Са'да (т. е. Ереванской области, или кавказской Армении).[4] Ханы и султаны, согласно приведенному в «Тазкират-ал-мулюк» перечню, и в начале XVIII в. были наследственными правителями «уделов» (т. «улька», азерб. «ёлке»), чаще всего из аристократии кочевых или полукочевых племен.[5]

Более реальными основами могущества эмиров, нежели литавры и другие внешние знаки, было обладание кошуном и улька. Кошун || хошун — термин монгольского происхождения, в государствах Чингизидов означал ополчение племенного объединения кочевников (оток), составлявшее особую военную часть.[6] При Тимуридах хошуном называли племенное ополчение в тысячу человек.[7] При Сефевидах термин «кошун» не имел значения военной части строго определенной численности. В XVI—XVII вв. кошун — это ополчение кочевого пле-

[1] О тиуле см. в гл. V.

[2] Там же. — Об эмире Хусейн-кули-султане, из племени румлу, занимавшем пост халифат-ал-хулафа, т. е. заместителя шаха в звании главного шейха дервишей Сефевийэ, говорится, что он, хотя и не был обладателем литавров и знамени, но был лицом чрезвычайно почтенным, — там же, лит., стр. 105.

[3] Тазкират-ал-мулюк, цит. изд., перс. текст л. 6б, англ. перев. стр. 43.

[4] Там же, перс. текст л. 7а, англ. перевод стр. 44.

[5] Там же, перс. текст лл. 107б—123а. — Об этом перечне см. ниже.

[6] Б. Я. Владимирцов, цит. соч., стр. 133—134. — Согласно Л. Будагову, Сравнительный словарь тюркских наречий, т. II, стр. 84, в осм. и чаг. (узб.) языках «кошун» означает «то число войска, которое надлежит выставить городу или области».

[7] В. В. Бартольд, Улуг-бек и его время, стр. 24. См. также Матла'-ас-садейн, рук. ЛГПБ, перс. новая серия № 88, л. 182б: «эмиры туманов, кошунов, сотен и десятков».

мени или его ответвления, кызылбашского или иного, составлявшего особую военную часть. Могущество того или иного эмира и определялось тем, что он был «обладателем кошуна» (сахиб-и кошун),[1] что он обладал «благоустроенным кошуном»;[2] Мухаммеди-хан из племени тохмак, одного из подразделений племени устаджлу, эмир эмиров (эмир-ал-умара, беглербег, наместник области) чухур-са'дский, т. е. ереванский, имел «в Ордубаде наготове ополчение (лешкер) и кошун из его ближних» (т. е. из людей его племени, 1576 г.).[3] После смерти эмира кошун мог передаваться по наследству. После смерти дяди историка Хасан-бека Румлу, Амир-султана Румлу, правителя округов Казвина и Соуджбулака (последний в южном Азербайджане), кошун его шах пожаловал его родичу, Пир-Султан-халифэ Румлу.[4] Разумеется, начальствование кошуном было связано с положением главы одного из подразделений племени, кочевавшего в данном округе; кошун и был племенным ополчением данного округа.[5]

Всякий эмир как представитель военной аристократии, несший шахскую службу, получал от шаха в управление и кормление определенную территорию. Такое пожалование обозначалось тюркским термином «улька», в азербайджанском произношении «ӧлке». Термин этот, в значении удела, т. е. пожалованной в управление и кормление территории, встречается уже при Тимуридах.[6] При Сефевидах улька — термин общий, обозначавший территорию, пожалованную на разных основаниях — тиула,[7] т. е. временного или пожизненного владения, сойюргала, т. е. наследственного владения с правом полного налогового иммунитета (му'афи), наконец,

---

[1] См., напр., Тарих-и алем ара, лит., стр. 104, о Пирэ-Мухаммед-хане чавушлу-устаджлу; там же Фулад-хан шамлу также назван сахиб-и кошун.

[2] Там же, Хусейн-бек из племени устаджлу, после своего дяди Назар-султана, получил эмират и титул султана, обладал благоустроенным кошуном. Там же, лит., стр. 105, главный из эмиров племени зулкадар, Мухаммед-кули курклу обладал благоустроенным кошуном.

[3] Там же, лит., стр. 104. — «Лешкер» и «кошун» в данном случае — синонимы. — Там же об эмирах племени устаджлу говорится, что многие из них были «обладателями барабана, знамени и ополчения и обладали почетными тиулами» — Ср. Ахсан-ат-таварих, цит. изд., стр. 440—441 — Шах-кули-султан устаджлу «выступил со сборищем мулязимов (военных слуг, вассалов) в полном вооружении, с ополчением, свитой, барабаном и знаменем».

[4] Ахсан-ат-таварих, стр. 295.

[5] Потому-то, например, в Тарих-и алем ара, лит., стр. 105, Аслан-султан, главный из эмиров племени афшар, назван «обладателем 10 тысяч семейств (букв. «домов», т. е. «шатров») афшаров».

[6] Матла'ас-садейн, цит. рук., лл. 185а—185б. — См. также примечания Катрмера к его переводу Абд-ар-реззака Самарканди, Notices et extraits, t. XIV, pp. 124—125 (под словом «tioul»).

[7] О тождестве в ряде случаев терминов «улька» и «тиул» см. в гл. V.

на правах управления без права налогового иммунитета. В последнем случае владетель улька именовался хакимом — местным правителем. «Улька» называлась также и территория, пожалованная в управление и кормление какому-либо эмиру, как главе племени, с правом распределения земельного фонда и пастбищ между племенной знатью. В этом случае улька чаще всего передавалась по наследству в семье данного эмира, хотя и не обязательно по прямой линии.[1] При этом непременно требовалось подтверждение пожалования со стороны шаха.[2] Положение эмира, не наделенного улька, в XVI—XVII вв. казалось неестественным и ненормальным. В 1580 г., при шахе Мухаммеде Худабендэ (1578—1587), выяснилось, что некоторые из эмиров, постоянно пребывающих при шахской ставке, не имеют улька, как например Амир-Хамза-хан устаджлу, Вели-халифэ шамлу, Шах-кули-султан карынджа-устаджлу и прочие. Дабы исправить такое положение, были проведены изменения в распределении тиулов в Хорасане, и этим эмирам роздали улька в Хорасане.[3] Когда эмир не находился в походе или на действительной службе, он обыкновенно проживал в своей улька.[4]

Как происходило пожалование эмирата и одновременно наделение эмиров улька, можно судить по рассказу Искендера Мунши.[5] Когда в 1605 г. войска шаха Аббаса I отняли Ширван у турецких воинов, шах еще до полного очищения области от турок (в руках последних были еще главные крепости Ширвана — Шемаха, Баку и Дербенд), поспешил завершить организацию местной военной знати и поставить во главе ее эмиров. Беглербегом (эмир-ал-умара) Ширвана был назначен грузинский царевич Константин, иначе Кюстандиль-хан, сын Александр-хана, царя («валия») Кахетинского, получивший при этом и титул хана; ему было поручено наме-

---

[1] См., напр., Тарих-и алем ара, лит., стр. 650; цит. рук., ч. II, л. 790; здесь Яхья-бек, сын Закарии-хана, главы курдского племени хекари, назван «мир-и ашират-и хекари ва мутасарриф-и улькай-и моуруси» — «мир племени хекари и владетель наследственной улька»; Тарих-и хани, цит. изд., стр. 201: «улькай-и моуруси» — «наследственная улька»; там же, л. 379: «улькай-и моурус ва мульк-и кадим» «наследственная улька и старинное собственное имение (мульк)» и т. д.

[2] Тарих-и алем ара, лит., стр. 446; цит. рук., ч. II, л. 341б; здесь говорится о пожаловании «Нахчеванской улька» (края) Чираг-султану устаджлу-кенгерлю; известно, что главы племени устаджлу-кенгерлю были хакимами Нахчеванского края из поколения в поколение в XVI — начале XIX вв.

[3] Тарих-и алем ара, лит., стр. 183; цит. рук., ч. I, л. 302.

[4] Там же, лит., стр. 466; цит. рук., ч. II, л. 360а: — «А прочие эмиры, получив отпуск, отправились в свои улька». — Там же, лит., стр. 762; цит. рук., ч. II, л. 1052, о Мансур-султане из племени алпаут сказано, что улька его находилась в Ширване.

[5] Там же, лит., стр. 467; цит. рук., ч. II, лл. 360б—361а.

тить и лиц, которых можно было бы сделать эмирами Ширвана. «И нескольким человекам, коих он возвысил достоинством эмирата, в Ширванской области были пожалованы улька».[1] Было намечено восемь эмиров из числа представителей военной знати — частью Ширвана, частью соседних областей: 1) Шахмир-хан, хаким Шеки, происходивший из рода старинных владетелей Шеки[2] (т. е. потомок старинной местной ханской династии Кешиш-оглы, низложенной шахом Тахмаспом в 1551 г.); 2) Шамс-ад-дин-хан, глава кочевого племени казахлу (в нынешнем Казахском районе); 3) Али-бек, турок («румиец») по происхождению, осевший в Карабаге, перешедший на службу к шаху; Али-беку также дали улька в Ширване и определили, дабы он пребывал в составе кызылбашского племени шамлу;[3] 4) Бекташ-султан, сын Мухаммед-султана мусилу, из кызылбашского племени туркеман, который был связан с Кюстандиль-ханом узами свойства; 5) Саров-султан, из племени мукаддам; 6) Ахи-султан джагир (из кызылбашского племени джагирлу); 7) Али-хан-султан, глава племени шамсаддинлу, ветви кызылбашского племени зулкадар;[4] 8) Али-султан, владетель города Ареша. Из этих восьми эмиров первым четырем был присвоен титул хана,[5] остальные продолжали носить титул султана. В военном отношении все они были подчинены Кюстандиль-хану, под начальством которого и выступили со своими ополчениями в поход для завоевания Картлии. Всем им Кюстандиль-хан определил улька в округах Ширвана.[6] В данном случае два эмира принадлежали к старинной местной владетельной знати (не кочевой), остальные были из знати кочевых племен.[7]

Типичным примером наследственной улька, принадлежавшей племенному главе, может служить улька племени курдских кочевников (сахра нишинан) думбули.[8] Племя это уже при Кара-Юсуфе Кара-койюнлу (1410—1420) получило

[1] Там же.
[2] Там же. Шахмир-хан, повидимому, стал правителем Шеки при турецком владычестве; в 1605 г. он перешел на шахскую службу.
[3] Там же.
[4] Племя шамсаддинлу (шамшадиль) кочевало к западу от г. Ганджи, где была и улька его. Об этом племени, как о ветви племени зулкадар, см. Тарих-и алем ара, лит., стр. 762; цит. рук., ч. II, л. 1052.
[5] Там же, лит., стр. 467; цит. рук., ч. II, л. 361а.
[6] Там же.
[7] Пожалование эмирата не кочевникам стало чаще практиковаться при шахе Аббасе I.
[8] История этого племени до конца XVI в. изложена в Шереф-намэ, т. 1, стр. 310—317. См. также новую работу R. Lescot, Enquête sur les Jezides de Syrie et le Djebel — Sindjar, „Mémoires de l'Institut français de Damas", t. V, Beyrouth, 1938. О думбули (дунбули) см. там же, стр. 117—119; на стр. 119 приведена генеалогическая таблица династии глав племени.

в кормление улька Сукманабад. Главе племени думбули Хаджи-беку, сыну Бахлюль-бека, при шахе Тахмаспе I был пожалован в управление, кроме округа Сукманабада, также и Хой в южном Азербайджане на условии несения племенем военной службы. Разные думбулийские беки занимали видные должности в государственном аппарате центрального правительства. Племянник Хаджи-бека Султан-Али-бек был назначен сборщиком податей в Исфахане и числился в составе корпуса «великих курчиев» шахского двора. Он избежал смерти во время общей резни думбулийцев, произведенной по приказу подозрительного шаха Тахмаспа, опасавшегося усиления влияния думбулийцев в Курдистане; во время резни кызылбашскими эмирами было перебито три представителя знати из племени думбули и 400 рядовых членов племени.[1] Но затем шах дал амнистию уцелевшим думбулийцам, и при шахе Мухаммеде Худабендэ (1578—1587 гг. н. э.) Султан Али-бек думбули снова получил владения в районе Хойя. Так как эта округа из-за смут была разорена и не давала никакого дохода, шах пожаловал Султан-Али-беку «на пропитание» ежегодно «некую сумму» из податных сумм с округов Дерэ-Алькис (Акулис в Нахчеванском крае) и Шарур (в нынешней Армянской ССР) «из зависимых местностей Нахчевана».[2] Сын Султан-Али-бека, Назар-бек, получил из дивана шаха Мухаммеда грамоту на эмират племени думбули, а после завоевания южного Азербайджана турками-османами (1588) он перешел на службу к турецкому султану Мураду III (1574—1595), утвердившему за Назар-беком и его братом Кылыч-беком, кроме Хойя, также Чалдыран, Сулейман-сарай и Сукманабад в южном Азербайджане и, кроме того, пожаловавшему им «в виде икта'» санджак Беркри в южной Армении.[3] После перехода южного Азербайджана и Армении под власть Ирана в начале XVIII в., думбули сохранили часть своих владений.[4] До XVII в. главы племени думбули не имели титулов султана и хана и довольствовались скромным титулом бека. Хой в конце XVI — начале XVII в. не принадлежал главе племени думбули. Но уже в списке эмиров 1628 г. у Искендера Мунши мы встречаем имя Салман-хана думбули, правителя (хакима) округов Хой и Салмас. В этом же списке упомянута и другая ветвь той же династии, утвердившаяся в Баргушете (в Зангезуре, в Армении), где правил тогда Максуд-султан думбули, хаким Баргушета.[5] С тех пор главы пле-

[1] Шереф-намэ, т. I, стр. 314.
[2] Там же, стр. 315.
[3] Там же, стр. 316.
[4] Тарих-и алем ара, лит., стр. 455; цит. рук., ч. II, л. 350б.
[5] Там же, лит., стр. 762; цит. рук., ч. II, л. 1053.

мени думбули наследственно управляли Хойем и постоянно носили титул хана. При Надир-шахе (1736—1747) упоминаются Муртаза-кули-хан думбули, хаким хойский и думбулийский,[1] и Али-Наги-хан думбули, хаким Баргушета.[2] Во второй половине XVIII в. мы снова встречаем упоминание об обоих хакимах из племени думбули, с титулами ханов.[3]

Династия потомков Хаджи-бека, известных под именем хакимов хойских и думбулийских, сохраняла в своих руках Хой и соседние округа до начала XIX в., когда представитель этой династии Джа'фар-кули-хан думбули, перейдя на службу русского царизма, переселился в северный Азербайджан и получил в 1806 г. от Александра I ханство Шекинское. Официально шахское правительство считало глав племени думбули только хакимами, т. е. правителями[4] и держателями улька и доли ренты-налога, но сами эти хакимы смотрели на Хой и Сукманабад как на наследственное владение своего племени (оджак-и моурусий-и тайфэй-и думбули).[5]

Каков был взгляд феодализованной кочевой знати на свои владельческие права, можно судить даже по одному из анекдотов о племени думбули, переданных автором Шереф-намэ. Он рассказывает, что еще при шахе Тахмаспе I несколько человек из знатных людей племени думбули, придя в городе Хойе в лавку сластей (дуккан-и халвайи), угостились вдоволь сластями (халва), а когда хозяин (устад — «мастер») потребовал плату, они сказали: «Шах пожаловал нам этот город вместе со сластями».[6] «В народе, — говорится в Шереф-намэ, — известна тюркская (т. е. азербайджанская) поговорка: «наш город — наши и сласти» («шахар бизим — халва бизим»)».[7]

Как сказано, политическое могущество кызылбашских эмиров базировалось на том, что подчиненные им племена составляли основное ядро феодальных ополчений шаха. Однако эти эмиры оставались верными шахской власти лишь постольку, поскольку получали от нее почетные и доходные посты в государстве и земельные пожалования; эмиры часто поднимали мятежи. Не перечисляя всех выступлений такого рода, отметим лишь наиболее крупные выступления кызылбашских племен, происходившие на территории Азербайджана и Армении в XVI в. В 1525/26 г. восстали эмиры племени устаджлу после того, как пост векиля — регента при малолетнем шахе Тахмаспе I — был предоставлен не их главе Кёпек-султану, а главе племени румлу — Див-султану.[1] В 1531 г. возмутился Улама, глава племени текелю и беглербег южного Азербайджана, разграбил г. Тебриз и передался на сторону Турции.[2] В 1547 г. в Тебризе происходила междоусобная борьба и резня между стоявшими там ополчениями племен афшар и зулкадар; только благодаря посредничеству шаха главы обоих племен согласились заключить мир и не враждовать друг с другом, пока живы.[3] В мятеже Алкас-мирзы, брата шаха Тахмаспа I и беглербега Ширвана, приняла участие часть знати племени текелю. В 1583/1584 г. н. э. попытка шахского правительства в угоду всесильным в то время при дворе эмирам племен шамлу и устаджлу сместить с поста беглербега южного Азербайджана Амир-хана, главу племени туркеман, послужила поводом к междоусобной войне, происходившей одновременно на территории Азербайджана, Хамадана и Хорасана. Амир-хан туркеман в одном только южном Азербайджане собрал 10—12 тысяч подвластных ему лично людей (атба') — братьев, родичей, мулязимов (вассалов) и ополчения его племени; к нему присоединилось племя текелю. На стороне же шаха сражались ополчения племен шамлу, устаджлу и кочевавших в Карабаге каджаров.[4]

Сильно подорвала могущество кочевой знати военная реформа шаха Аббаса I, имевшая не только административно-техническое, но и политическое значение. Было создано постоянное войско, в состав которого входили: 12-тысячный корпус мушкетеров (туфенгчи), формировавшийся исключительно из персов по особым наборам;[5] 10-тысячный конный корпус гулямов, набиравшийся сперва из свободных людей на основе добровольного вступления, а позднее — из принудительно взятых на службу армянских и грузинских юношей, обращенных в ислам, по типу янычарского корпуса Турции;[6] артиллерийский корпус (топ-ханэ) и т. д. Всего

[1] Мухаммед-Казим, рук. ИВАН Д-430, т. II, лл. 165б, 171а.
[2] Там же, л. 165б. — Ср. Тазкират-ал-мулюк, цит. изд., перс. текст лл. 109б, 111б, 112б, англ. перевод, стр. 191—102.
[3] Тарих-и гити гушай мирзы Мухаммед Садыка, изд. Нефиси, Техран 1313 г. х., стр. 113—114.
[4] В шахских указах они именовались хакимами хойскими и думбулийскими. См. Эчм. № 3/29, 3/38.
[5] Шереф-намэ, т. I, стр. 316.
[6] Там же, стр. 311, 312.
[7] Там же, стр. 312.

[1] Ахсан-ат-таварих, цит. изд., перс. текст, стр. 187—194.
[2] Там же, стр. 237 и след.
[3] Там же, стр. 314—315.
[4] Тарих-и алем ара, лит., стр. 216—220; цит. рук., ч. I, л. 362—370.
[5] Эти туфенгчи — «таджики» (так обычно называли таджиков и персов) не были, впрочем, вполне уравнены с кызылбашами; например, им не было разрешено носить кызылбашскую шапку с 12 пурпуровыми полосами.
[6] Гулямы в начале своей службы считались рабами, потом становились вольноотпущенниками; начальник корпуса гулямов, выходивший чаще всего из их же среды, именовался куллар-агасы (аз. «начальник рабов»).

создана была 44-тысячная постоянная армия. Феодальные ополчения собирались попрежнему, но, при наличии постоянного войска, они уже не играли решающей роли в армии. Шах стал назначать эмиров из числа выслужившихся гулямов самого незнатного происхождения; такими эмирами, вышедшими из гулямов, были лучший полководец шаха Аббаса I Аллах-верди-хан, куллар-агасы и беглербег Фарса, главнокомандующий всей Сефевидской державы (сипахсалар-и кулл-и Иран) Карчигай-хан, по происхождению армянин из Еревана, беглербег Ширвана Юсуф-хан и т. д.

Вместе с тем шах принял жестокие меры против непокорных кызылбашских и других кочевых племен. Племя текелю, чаще других восстававшее, казалось особенно ненадежным и в 1005 г. х. (1596/7 г. н. э.) был издан шахский указ о поголовном истреблении (катл-и амм) этого племени.[1] Где бы ни находился кто-либо из людей текелю, местный правитель (хаким) обязан был схватить его и предать смерти. Большинство текелю во главе с Мустафа-ханом было истреблено, а остатки включены в ряды других племен, и племя текелю перестало существовать.[2]

Не менее крутой была расправа с курдским племенем мукри. Главы этого племени, как сказано, были наследственными правителями (хакимами) округа Мараги в южном Азербайджане.[3]

Заподозрив Кубад-хана мукри в измене, шах пригласил его со 150 приближенными к себе; все они были перерезаны. Затем было приказано хватать всех людей племени мукри, где бы они ни находились, и доставлять в шахскую ставку. Так как шахские воины не успевали достаточно быстро убивать доставляемых мукри, шах приказал своим слугам и садовникам убивать мукри дубинами и лопатами.[4] Часть племени, впрочем, избежала резни.

Старая организация кочевых племен, доставлявших своими притязаниями столько затруднений шахской власти, была хоть и не уничтожена, но основательно подорвана. Создание кадров постоянного войска и новой военной знати из гулямов, туфенгчиев и других ослабило политическое влияние военной знати кызылбашских и остальных кочевых племен.

Оскудение и ослабление знати кызылбашских племен ясно видно из сравнения двух упомянутых нами списков эмиров 1576 и 1628 гг.[1] В 1576 г. из племени устаджлу было 26 эмиров,[2] из них 10 «обладателей литавр и знамени», а в 1628 г. из этого племени было всего три эмира;[3] из племени шамлу в 1576 г. одних только «обладателей литавр» было пять человек, а в 1628 г. всех эмиров этого племени было семь;[4] из племени румлу в 1576 г. перечислено только четыре главнейших эмира, в 1628 г. из этого племени был всего один эмир; из племени каджар в 1576 г. перечислено семь только главнейших эмиров, в 1628 г. из этого племени было всего два эмира,[5] из племени туркеман в 1576 г. было шесть только главнейших эмиров, в 1628 г. — всего два эмира;[6] из племени афшар в 1576 г. семь только главнейших эмиров, в 1628 г. всего три эмира;[7] из племени зулкадар в 1576 г. одних только главнейших эмиров было семь, в 1628 г. — всего шесть эмиров.[8] Неполный список 1576 г. приводит 61 имя[9] эмиров перечисленных семи кызылбашских племен (а всего было 114 эмиров; 53 имени не названы). В полном списке 1628 г. приведено 24 имени эмиров из этих же семи племен; вместе с эмирами мелких кызылбашских племен в 1628 г. было всего 35 эмиров-кызылбашей[10] из общего числа 90 эмиров. Остальные эмиры были из племен курдских, лурских и других, а 21 эмир в списке 1628 г. происходил из шахских гулямов, выслужившихся и «отличенных из среды себе равных», достигших степени эмирата, поставленных во главе отдельных племенных объединений с их кошунами и наделенных земельными пожалованиями — улька;[11] в 1576 г. эмиров из гулямов не было вовсе.

В целях большего ослабления кызылбашских племен шах Аббас I назначал главами отдельных кызылбашских племенных объединений с их кошунами своих эмиров из гулямов.

---

[1] Тарих-и алем ара, лит., стр. 362, цит. рук., ч. II, лл. 206—207.

[2] Там же.

[3] История их в XVI в. подробно изложена в Шереф-намэ, т. I, стр. 288—296 — «О хакимах мукри».

[4] Тарих-и алем ара, лит., стр. 573—576; цит. рук., ч. II, лл. 472б—475б.

---

[1] Тарих-и алем ара, лит., стр. 104—106 и 761—764; цит. рук., ч. I, л. 208, ч. II, лл. 1050—1056.

[2] Полный перечень эмиров устаджлу только в цит. рукописи, в литогр. издании его нет.

[3] Из них 1 находился в Азербайджане.

[4] Из них 2 находились в Азербайджане.

[5] Из них 1 — в Армении и 1 — в Азербайджане.

[6] Из них 1 — в Армении и 1 — в Азербайджане.

[7] Из них 1 — в Азербайджане.

[8] Из них 2 — в Азербайджане.

[9] Это число составляется из соединения данных двух вариантов списка — рукописи и литогр. издания.

[10] Из них 7 — в Армении и 14 — в Азербайджане, остальные 14 — в Курдистане и Иране. Уже из этого сопоставления можно сделать вывод, что в Армении и в Азербайджане кызылбашская знать была менее ослаблена, нежели в Иране.

[11] Там же, лит., стр. 763; цит. рук., ч. II, л. 1055. — Минорский (Tadhkirat-al-muluk, Introduction, p. 17—18), пользовавшийся лишь лит. изд., дает несколько иной подсчет.

Так, Давуд-хан, сын упомянутого уже Аллах-верди-хана, был назначен беглербегом Карабага[1] и вместе с тем главою живших в Карабаге каджарских племенных объединений; Казак-хан черкес, назначенный беглербегом Ширвана, был поставлен во главе кошунов живших там ветвей племен шамлу и караманлу.[2]

В полной мере политика шаха Аббаса I, направленная к централизации управления и борьбе с феодальной раздробленностью, не удалась. Политическое могущество знати кызылбашских и других племен было только подорвано, но не уничтожено. Шахской власти не удалось преодолеть и феодальную раздробленность. Преемники шаха Аббаса I (уже шах Сефи, 1629—1642) должны были сделать ряд уступок военно-кочевой знати. В частности, главы уцелевшей части курдского племени мукри снова получили наследственный лен — улька в южном Азербайджане, правда уже не богатую Марагу, а менее доходный Соуджбулак.[3]

Вторую группу внутри класса феодалов составляло высшее духовенство, под которым имеется в виду прежде всего могущественное мусульманское шиитское высшее и среднее духовенство: шейх-ал-исламы, бывшие в каждой области (вилайете); казии, сидевшие во всех значительных населенных пунктах; многочисленные в городах имамы соборных мечетей, ва'изы — проповедники, мударрисы — преподаватели медресэ, шейхи дервишеских обителей (ханаках, завийя) и т. д. В качестве управителей многочисленных вакфов (имущество мусульманских религиозных учреждений) или получателей доли доходов с этих вакфов представители мусульманского шиитского духовенства, точнее сословия богословов ('улема), принадлежали к феодальному классу. Они же нередко занимали видные должности и в аппарате гражданского управления. Социальная роль мусульманского шиитского духовенства в достаточной мере известна, чтобы стоило на ней останавливаться здесь.[4]

Ниже мусульманского шиитского духовенства стояло духовенство христианское: в Армении и в ряде местностей Азербайджана (Карабаг, Шеки, Карадаг, Шемаха, Тебриз) армянское монофизитское, а в Нахчеванском крае — также и армяно-католическое (униатское). Христианство в Кызылбашской державе было религией не государственной, а лишь

[1] Пост этот до того в нескольких поколениях наследственно принадлежал фамилии Зийяд-оглы, стоявшей во главе каджаров Карабага.

[2] Там же, лит., стр. 764; цит. рук., ч. II, л. 105б.

[3] У Мухаммед-Казима, цит. рук., т. II, лл. 167а, 171а и др., упоминается Али-кули-хан мукри, хаким Соуджбулака.

[4] О сойюргальных имениях мусульманского духовенства см. в гл. IV. См. также нашу статью «Вакфные имения Ардебильского мазара в XVII в.».

терпимой, согласно правилам шариата. Но политические интересы заставляли шахов не только терпеть армянскую монофизитскую и армяно-католическую церкви, но и оказывать временами покровительство и предоставлять известные привилегии высшим представителям этих церквей, например освобождение от податей. В качестве обладателей значительных земельных фондов с сидевшими на них зависимыми крестьянами армянские монастыри и епископы были феодалами, права и привилегии которых ограждались шахскими указами, а на монастырское землевладение было распространено вакфное право.

Третья группа класса феодалов составлялась из потомков старинной местной знати — азербайджанской и местами армянской, не принадлежавшей к кочевым племенам. Эта знать была почти совершенно истреблена в южном Азербайджане и в большей части кавказской Армении (Ереванской области) и заменена здесь кызылбашской и курдской кочевой знатью. Но потомки старинной местной знати уцелели кое-где в Карабаге и особенно в Ширване. Обычным титулом высших представителей этой части знати был титул мелика. Представители дореволюционной кавказоведной историографии видели в меликах исключительно представителей армянской знати. Эта точка зрения ошибочна. Владетельные мелики — мусульмане в прикаспийских странах были известны и в период XIII—XV вв.,[1] и при Сефевидах,[2] и в период полунезависимых ханств.[3] Наряду с этим были и владетельные мелики — армяне в следующих округах: 1) в Лори на севере кавказской Армении, на границе с Грузией; 2) в пяти округах Нагорного Карабага — Чараберд (Джраберт), Гюлистан, Хачен, Варанда и Дизак; эти пять карабагских армянских меликств обычно известны под общим именем «Хамсэй-и Карабаг» («карабагская пятерица»); 3) в Кыштаге по р. Акере к юго-западу от Карабага. Представители старинной местной знати редко и лишь в виде исключения получали звание эмира и связанные с ним титулы хана или султана. Поскольку мелики управляли отдельными, хотя и небольшими, округами, они, наряду с кочевой знатью, были обязаны военной службой со своими ополчениями. Ниже меликов — мелких владетельных феодалов — в числе представителей рассматриваемой группы феодалов мы встречаем мелких и средних землевладельцев (арбаб).

[1] См., напр., Сафват-ас-сафа, цит. рук., лл. 154а—155б — мелик Мухаммед гермрудский, л. 188б — мелких хальхальский (в южном Азербайджане) и т. д.

[2] О мусульманском мелике округа Кабалы подробно сообщает Есай-католикос (Исайя Хасан-Джалалян), Collection, т. II, стр. 208—209.

[3] См., напр., о Хаджи-беке, мелике будугском, Куб., док. № 7.

Если термины «эмир», «хан» и «султан» для данного периода не вызывают сомнений, то значение термина (ар.) «мелик» не всегда представляется определенным. Как известно, название «мелик», в первоначальном значении «царь», в первые века ислама прилагалось преимущественно к немусульманским государям, обладавшим светской властью, но не правом имамата. В период монгольского владычества «меликами» называли старинных местных владетельных феодалов, подвластных монгольским ханам и противопоставляемых пришлой монгольской и тюркской кочевой знати;[1] при этом термин «мелик» прилагался безразлично и к мусульманским, и к христианским владетелям. Но такое значение слова «мелик» не было единственным. При Сефевидах и в период полунезависимых ханств термин «мелик» чаще всего встречается в двояком значении: 1) мелкого владетельного феодала, потомка старинных местных владетелей, подчинившихся шахской власти — это то значение слова «мелик», которое приведено выше; 2) в ряде случаев мелик — старшина селения или группы селений; термин «мелик» в таком значении обычно упоминается рядом с термином «кедхуда» (перс., букв. «домовладыка», в одном из значений «сельский», или «квартальный староста»; синоним армянского слова «танутэр» с тем же буквальным и терминологическим значением).[2] Неясно, однако, означало ли слово «мелик» в этом последнем случае то же самое, что кедхуда (=танутэр) — староста одного селения, или мелик был старшиной целого объединения селений, — «волости» (рустак).

Четвертую группу класса феодалов составляли главные представители шахского центрального и местного аппарата гражданского управления, в частности финансового ведомства. Эта группа класса феодалов, состоявшая даже в Азербайджане и Армении в значительной части из персов, стояла ниже первых двух групп феодалов — военной знати и шиитского духовенства. Представители этой группы являлись участниками феодальной эксплоатации азербайджанского и армянского крестьянства, получая в пользование на разных условиях населенные земли с сидевшими на них крестьянами, либо непосредственно от шаха, либо через аппарат

[1] В таком значении мы встречаем термин «мелик» в ярлыках Газан-хана, приведенных Рашид-ад-дином.

[2] См., напр., Эчм., док. № 15 — «меликан ва кедхудайян»; Шереф-намэ, т. I, стр. 377: «меликан ва кедхудайян»; Фумени, Тарих-и Гилян, изд. Б. Дорна, стр. 232: «меликан ва кедхудайян-и Талыш». Любопытно, что для образования множ. числа от слов «мелик», «султан», «хан» в значении терминов феодальной иерархии, в нарративных источниках почти всегда употребляется персидская форма — «меликан», «султанан», «ханан», но для образования тех же терминов, взятых в значении «государь», употребляется арабская форма — «мулюк», «салатин», «хаванин».

центрального финансового ведомства (диван государственного казначейства — диван-и мустоуфи ал-мамалик);[1] в последнем случае им выдавались взамен жалованья государственные ассигновки (хавалэ, берат), дававшие право на получение известной доли из податных сумм данного округа или области, собранных чиновниками финансового ведомства. Такие же ассигновки выдавались и чинам постоянного войска. Подробнее о представителях гражданской бюрократии скажем ниже, когда будем говорить о сефевидской административной системе.

Можно говорить о существовании определенных форм личной зависимости между высшими и низшими представителями класса феодалов. Такие вассальные отношения существовали прежде всего между племенной знатью и главой племени. Для обозначения людей, находящихся в вассальной зависимости от эмира или другого представителя военной знати, употреблялись термины «мулязим» (ар.) и «нукер» (монг.) с приблизительно одинаковым значением «военный слуга».[2] Терминологически в употреблении обоих терминов можно заметить известный оттенок различия: нукером можно было назвать всякого «военного слугу», мулязимом же чаще всего называли такого «слугу» «благородного» происхождения. Но строго это различие не выдерживалось, и нередко оба термина употреблялись как синонимы. Значение термина «мулязим» можно уяснить из рассказа Искендера Мунши.[3] По словам этого автора, ко времени смерти шаха Тахмаспа I (1576) всех придворных чинов — «великих юзбашиев, сановных людей (арбаб-и манасиб), курчиев и прочих мулязимов дворца» было шесть тысяч человек. Из этого числа было 4500 чинов конного кызылбашского корпуса курчиев и 1500 других придворных чинов — ясавулов, букаулов, ишык-агасы, топчи-башы и прочих каждого разряда. И некоторые из них «достигли подножия эмирата и хотя до степени эмира не возвысились, но по почету были не меньше эмиров, и каждый из них соответственно положению имел пригодных нукеров», «так что собственных мулязимов государевых (мулязим- и хассэй-и падишахи) было шесть тысяч человек, а их мулязимов и нукеров, которые вошли в точное исчисление, было приблизительно 20 тысяч человек».[4] Следовательно, шахские муля-

[1] Подробное описание структуры этого дивана в начале XVIII в. см.: Тазкират-ал-мулюк, цит. изд., перс. текст лл. 71б — 84б, англ. перев. стр. 78—85.

[2] В дофеодальном монгольском обществе нукерами — nökör, множ. число nököd (букв. «друг, друзья»), назывались дружинники хаанов, батуров и др. См. Б. Я. Владимирцов, цит. соч., стр. 87.

[3] Тарих-и алем ара, лит., стр. 106; в цит. рук. вся глава опущена.

[4] Там же.

зимы — эмиры, разные придворные чины и гвардейцы — курчии, бывшие, как сказано, выходцами из знати, могли иметь своих мулязимов и нукеров — лично зависимых от них людей.

Упоминания источников о мулязимах и нукерах знатных людей очень часты, и эти упоминания говорят о существовании личной зависимости иного типа, нежели зависимость крестьянина (ра'ийят) от своего землевладельца (арбаб, сахиб), именно о зависимости, которую было бы трудно определить иначе, как вассальную зависимость. В большинстве случаев — это зависимость воинов-кочевников от своего племенного главы и начальника племенного ополчения (кошуна). Приведем несколько примеров. В 934 г. х. (1527/8 г. н. э.) на яйлаге (летней кочевке) Қызыл-дерэ по подстрекательству Чуха-султана текелю был убит Див-султан румлу, «и кошун его отдали... одному из мулязимов его, по имени Сулейман-беку румлу».[1] Здесь несомненно речь идет об одном из знатных людей племени румлу, бывшем вассале другого представителя знати того же племени, быть может, своего родича. Если вспомним, что обладатель кошуна (сахиб-и кошун) мог распоряжаться принадлежавшим племени земельным фондом и наделять своих мулязимов знатного происхождения землями с сидевшими на них крестьянами-земледельцами, станет ясно, что речь идет именно о феодальной зависимости вассала от сеньора. У ходжи Хабибуллаха, видного сановника финансового ведомства, убитого в 1527 г. воинами племени шамлу за задержку в выплате жалованья, было около 100 человек родичей и нукеров.[2] Улама-бек текелю, беглербег южного Азербайджана мог собрать семь тысяч своих конных нукеров.[3]

Формы зависимости крестьян (ра'ийятов) и кочевников (илятов) и их подати и повинности мы рассмотрим в особой главе.[4]

Хотя в рассматриваемый период в Азербайджане и в Армении государственное землевладение преобладало над частным, однако все же среди феодалов встречались крупные

[1] Ахсан-ат-таварих, цит. изд., перс. текст, стр. 205.

[2] Там же, стр. 197, 198.

[3] Там же, стр. 237. — Ср. там же, стр. 293: «некоторые из мулязимов эмиров»; там же, стр. 310: «тысяча всадников, мулязимов Мухаммед-хана»; ср. там же, стр. 260, 261, 440, 441. — Ср. у Мухаммед-Қазима, цит. рук., т. II, л. 17б: «Даштамур-ага — человек Имам-верди-хана, Пейкар-ага — человек Амир Мухаммед-Али-хана и Ноуруз-Али-ага — человек Қасим-хана...». — Ср. Куб., док. № 25 — указ шейха Али-хана кубинского 1223 г. х. (1808 г. н. э.) о пожаловании некоего Рахим-аги его дяде по сестре Эльдар-беку, дабы Рахим-ага пребывал «под началом и во владении» («дар тахт ва тасарруф») Эльдар-бека.

[4] См. гл. VII настоящей работы.

землевладельцы, обладавшие большими угодьями и высоким доходом. По сообщению армянского хрониста Исайи Хасан-Джалаляна (Есай — католикос), в конце XVII — начале XVIII в. мелик кабалинский Мухаммед (мусульманин), — феодал, положим, владетельный, наследственно управлявший целым округом, но далеко не первой руки, — обладал в разных округах (не только в пределах своего наследственного округа) имениями, мельницами, рисовыми мельницами, шелкомотальными станками, оросительными каналами (арх). Его имущество оценивалось будто бы в 70 000 туманов золотом. Человек крайне жадный, мелик Мухаммед не пренебрегал ничем для увеличения накопленных богатств. Когда он был обвинен в государственной измене и арестован вместе со своим братом Ахмедом, его имущество было конфисковано. После этого беглербег Ширвана пытками заставил сыновей мелика Мухаммеда в два приема выдать разное невыявленное раньше имущество на 20 и 25 тысяч туманов.[1] Приведенные Есай-католикосом цифры, вероятно, далеки от точности,[2] но если и уменьшить их в 3—4 раза, перед нами все же был бы пример очень крупного частного землевладения с высоким доходом.

Другой пример крупного частного землевладения приведен у Мухаммед-Казима. Когда брат Надир-шаха Ибрахим-хан, управлявший Азербайджаном, кавказской Арменией и восточной Грузией с титулом сипахсалара (главнокомандующего), потерпел в конце 1738 г. в местности Ах-бюрдж, в предгорьях Главного Кавказского хребта, жестокое поражение от восставших «лезгинских» (точнее, аварских) вольных общин Джарского округа и погиб в битве вместе с Угурлу-ханом ганджинским (из фамилии Зийяд-оглы, племени каджар), сын Ибрахим-хана и племянник Надир-шаха пожаловался шаху, что виновником гибели отца его был Самад-бек Тебризи. Этот Самад-бек, крупный землевладелец южного Азербайджана, пользовался большим влиянием при дворе Ибрахим-хана и настойчиво уговаривал последнего предпринять поход против восставших джарцев. Позорный провал этого похода погубил и Самад-бека. Надир-шах «разгневался и издал ферман о казни» Самад-бека. Имущество последнего, как всегда в подобных случаях, было конфисковано и передано в ведение саркара хассэй-и шерифэ (саркара собственных шахских доменов). Разного движимого и недвижимого имущества и денег оказалось на 160 000 туманов. Кроме того,

[1] Есай-католикос, Coll., т. II, стр. 208, 209.

[2] Вызывают сомнения приводимые тем же автором другие подозрительно круглые цифры, согласно которым в имениях мелика Мухаммеда было будто бы 500 мукомольных мельниц, 500 рисовых мельниц и 500 шелкомотальных станков.

были конфискованы принадлежавшие Самад-беку 220 000 голов баранов, 30 000 голов кобылиц с жеребятами, 20 000 голов рабочих быков ('авамиль), 7000 верблюдов и 2000 мулов.[1] Приведенные цифры голов баранов и рабочих быков, которым в общем можно доверять, имея в виду обычную точность Мухаммед-Казима, указывают на то, что Самад-бек владел огромными пастбищными угодьями и обширными пахотными землями. Последние, повидимому, отдавались в издольную аренду малоземельным и безземельным крестьянам и обрабатывались быками Самад-бека.[2] Наконец, наличие большого числа верблюдов и мулов заставляет предполагать, что Самад-бек, подобно многим феодалам средневекового Ближнего Востока, принимал участие и в караванной торговле и нуждался в большом числе вьючных животных для перевозки клади и товаров.

Когда в 1790 г. Ибрахим-Халил-хан карабагский (1760—1805) помирился со своим вассалом, армянским меликом Варанды Джаханбахшем из фамилии Шах-Назарянов, и вернул последнему конфискованные было у него имения, была произведена опись имений Шах-Назарянов; в список вошло 73 селения, из которых, правда, 35 опустевших и покинутых крестьянами.[3] Но Ибрахим-Халил-хан дал приказ кедхудам селений собрать разбежавшихся крестьян и водворить их на первоначальные места поселения.[4]

При царском владычестве, в 1826 г., была составлена официальная опись имений, некогда принадлежавших Мамед-Хасан-хану шекинскому (1784—1796); в опись вошли и те имения, которые в дни составления описи находились во владении наследников Мамед-Хасан-хана, и имения, перешедшие в руки казны и частных лиц. Согласно этой описи, дающей неполные данные, Мамед-Хасан унаследовал от отца: 254 лавки в городе Нухе (Шеки), 114 шелковичных садов в 10 селениях, посевов риса в 7 селениях на $46^1/_2$ тагаров,[5] посевов хлеба (пшеницы и ячменя) в 2 селениях на 120 таг.,[6] 4 мельницы, 2 ятага (пастбищных места). Кроме того, Мамед-Хасан-хан

[1] Мухаммед-Казим, цит. рук., т. II, лл. 317б—318а.

[2] Иначе рабочий скот был бы крестьянским и не подвергся бы конфискации, а остался бы на руках у крестьян, которые лишь переменили бы владельца.

[3] В описании Карабагской провинции, составленном в 1823 г. полк. Ермоловым и ст. сов. Могилевским, Тбилиси 1866, на правах рукописи, passim, много небольших выселков с 5—10 семействами крестьян названо селениями. Если предположить, что из числа селений Шах-Назарянов таких мелких селений было большинство, все же этим меликам должно было принадлежать несколько тысяч крестьян.

[4] АзЦАУ, ист. арх., ф. воен.-окр. нач-ка, д. 14, лл. 17—19.

[5] Тагар шекинский рисовый равен 10 пуд.

[6] Тагар шекинский ячменный равен 45 пуд.

приобрел покупкой и, прибавим, захватами 10 лавок, 11 фруктовых садов и виноградников, 108 шелковичных садов в 17 селениях, посевов риса в 10 селениях на 89 таг., посевов хлеба в 11 селениях на 471 таг., 7 мельниц, 26 ятагов; всего, таким образом, у него было 264 лавки, 11 виноградников, 222 шелковичных сада, посевов риса на $135^1/_2$ таг., посевов пшеницы и ячменя на 591 таг., 11 мельниц, 28 ятагов.[1]

Составленная царскими властями после бегства в Иран при ликвидации Ширванского ханства в 1820 г. одного ширванского землевладельца, Касим-бека, ведомость его имениям дает следующие цифры: Касим-беку принадлежало 15 селений с 314 семействами (т. е., считая в среднем по пять человек на семейство, свыше 1500 человек) крестьян, обложенных податью и повинностями, и с 91 семейством (около 450 человек) крестьян, освобожденных от податей и повинностей; кроме того, Касим-беку принадлежало 70 шелковичных садов, 31 фруктовый сад и виноградник, посевов риса на 680 таг., $2^1/_2$ мельницы (т. е., 1 мельница имела помимо Касим-бека еще одного совладельца).[2]

Крупных землевладельцев мы встречаем среди мусульманских религиозных учреждений и армянских монастырей.

Существовала ли в Азербайджане и Армении феодальная раздробленность при Сефевидах? В дореволюционной кавказоведной литературе укоренилось довольно прочно мнение, согласно которому при Сефевидах (1502—1722), будто бы господствовала строго централизованная система управления, система раздробленности же утвердилась только в период полунезависимых ханств (1747—1828). Для того чтобы убедиться, насколько подобное мнение ошибочно, необходимо остановиться, хотя бы в общих чертах, на системе сефевидской администрации.

Бо́льшая часть кавказской Армении входила в состав Ереванской, или Чухур-Са'дской, области (вилайета). Остальная часть Армении (Шарур, Даралагез и Зангезур) вместе с частью северного Азербайджана, расположенной между рр. Курой и Араксом (Арран), составляла Карабагскую или Ганджинскую область (вилайет). Ширванская область (вилайет), с центром в г. Шемахе, обнимала все районы Азербайджана к северу от р. Куры, включая Шеки и Дербенд, а также Мугань к югу от Куры. Большая часть южного Азербайджана вместе с Нахчеванским краем и Капаном составляла Азербайджанскую область с центром в г. Тебризе.[3] Талышский край

[1] Колониальная политика, т. I, приложение № 1, стр. 410—433.

[2] Там же, т. I, приложение № 2, стр. 434—435.

[3] Со второй половины XVII в. Нахчеван входил в Чухур-Са'дский вилайет.

входил в состав области Дальнего Гиляна (Бийэ пас). Во главе пограничной области (вилайета) стоял военный наместник — беглербег (точнее, беглербеги — аз. «бек беков», арабский синоним — «эмир-ал-умара» — «эмир эмиров»).[1] Области разделялись на округа и районы — махалы и нахии, но последнее деление не было строго выдержано, и под видом мелких административных округов нередко существовали, как увидим, улька, принадлежавшие наследственным владетелям. Ардебильский округ и некоторые другие округа южного Азербайджана были изъяты из управления местного беглербега и входили в состав собственных доменов шаха (хасс, хассэй-и шерифэ) и управлялись особыми везирами, зависевшими от центрального дивана земель хассэй-и шерифэ. Администрация округов хассэ была чисто гражданской.

В областях Чухур-Са'дской, Карабагской, Ширванской и Азербайджанской, считавшихся пограничными, были расположены постоянные войска (туфенгчии и другие), и беглербеги соединяли в своих руках административную власть и командование войсками и феодальным ополчением (черик) области. До шаха Аббаса I беглербеги назначались исключительно из числа знатнейших эмиров кызылбашских племен или из царевичей. Со времени шаха Аббаса I на посты беглербегов стали назначаться также представители новой военной знати из гулямов. Во всяком случае беглербег всегда был представителем военной аристократии. Назначение на пост беглербега всегда соединялось с пожалованием ханского титула. В теории беглербеги считались государственными сановниками, назначаемыми и сменяемыми шахом, но благодаря старому феодальному обычаю наследственности должностей, удержавшемуся и при Сефевидах, хотя шахи временами пытались бороться с этим обычаем, беглербеги иногда превращались в своего рода владетельных феодалов. Шахи, особенно со времени шаха Аббаса I, стремились уничтожить наследственность беглербегов, но в конечном счете добились лишь частичного успеха в отношении некоторых беглербегств (см. ниже). Зато шахи, дабы ограничить огромную власть беглербегов, окружали их разными гражданскими сановниками, не зависевшими от беглербегов и подчиненными непосредственно центральной власти.

В каждой области (беглербегстве) были: шейх ал-ислам, ведавший делами шиитского духовенства и шариатскими судами; садр, ведавший вакфными имуществами и подчиненный дивану высокого садра всего государства (садрас-судур — «садр садров»); джанишин — заместитель беглер-

---

[1] О должности беглербега см. Тазкират ал-мулюк, цит. изд., перс. текст. лл. 6б — 8а, англ. перев. стр. 43—44.

бега, следивший за его действиями и доносивший о них шахскому двору; областной везир, ведавший финансами и поступлением налоговых сумм, подчиненный великому везиру государства. В городах и больших населенных пунктах беглербегства были казии — главы местного шиитского духовенства— и калантары — городские старшины, назначавшиеся шахом, но из местной знати или городского купечества, также не подчиненные беглербегу.

И все же власть беглербега, располагавшего военной силой, большими угодьями и средствами, была велика, и нередко беглербег фактически подчинял себе формально неподчиненных ему чиновников.[1] Русский путешественник Арсений Суханов, побывавший в г. Шемахе в 1653 г., отмечает, что тогдашний ширванский беглербег отказал шаху Аббасу II в посылке войск под предлогом опасности со стороны русских войск, а в то же время вел вполне независимую политическую линию по отношению к русским пограничным властям и к русским купцам, мало считаясь с указаниями шаха.[2]

Беглербеги располагали своим двором, созданным по образцу шахского двора, и многочисленными своими мулязимами, слугами и челядинцами. При дворе беглербега были также чисто придворные должности, как суфраджы-башы — заведующий столом, шербетчи-башы — заведующий напитками, шарабджы-башы — заведующий винами, халваджы-башы — заведующий сластями, мир-ахур—заведующий конюшнями, мир-шикар — заведующий охотой, кушчи-башы — заведующий сокольничими и т. д. Содержание всех их тяжелым бременем ложилось на население.

Административные должности, вообще говоря, рассматривались в Сефевидском государстве прежде всего как кормление. Европейский наблюдатель Р. дю Ман отметил, что «эти три сословия (estats) — беглербеги, ханы, султаны (béglerbegui, kams, sultans), которые являются здесь правителями (gouverneurs), едят области, так как это обычное слово принято в этом языке; более того, вместо того чтобы спросить, кто правит такой-то областью («qui gouverne tel pays»), здесь спрашивают: «quis flan qui olkei mikouret», что значит: «кто тот, кто ест такую-то область».[3]

К. Маркс указал, что государственный аппарат восточной деспотии имел в основном три ведомства — военное, финансо-

---

[1] Мухаммед Ма'сум, назначенный везиром Муртаза-кули-хана Зийяд-оглы, беглербега карабагского, играл роль его мулязима и историографа-панегириста.

[2] Проскинитарий Арсения Суханова, Палестинский сборник, т. VII, СПб. 1889, стр. 115—116.

[3] R. du Mans, Estat de la Perse en 1660, p. 152. Приведенная поговорка по-персидски: «кист фулан, ки öлькэи михуред».

вое и общественных работ, занимавшееся главным образом поддержанием оросительных систем.[1] Сефевидская администрация, в частности, и в Азербайджане и в Армении, в сущности, знала только эти основные функции — выкачивание средств из подвластного населения и подавление сопротивления при помощи вооруженной силы и полицейского аппарата; суд находился в руках шиитского духовенства. Но функции поддержания оросительных каналов и управления ими во времена Сефевидов государство в больших масштабах уже не выполняло; водное дело было децентрализовано, и проведение и поддержание каналов (арх) и подземных галлерей для выхода подпочвенной воды наружу (кариз) находилось в большинстве случаев в руках землевладельцев или сельских общин.

Содержание большого аппарата чиновников и военных людей падало на плечи населения. Финансовые чиновники подсчитывали все объекты налогового обложения, не забывая ни одного дома и сада, ни одной головы скота в самом заброшенном и бедном селении. Реестры (дафтары) с подсчетом всей следуемой с области суммы налоговых поступлений и с подразделением по статьям составлялись в центре области. Жалованье низшим чиновникам уплачивалось не деньгами, а ассигновками (хавалэ или берат), выписанными на определенное казначейство, иногда по частям на различные казначейства.[2] Получить жалованье по этим ассигновкам, ввиду злоупотреблений финансовых чиновников, было не легко, и служилые и военные люди нередко продавали их ростовщикам за половинную цену, а сами кормились вымогательствами и взятками с ра'ийятов — податного населения.

Система наследственности должностей, как военных, так и гражданских, была при Сефевидах хотя формально и не узаконенным, но довольно твердо укоренившимся в практике обычаем.

Известно, что после смерти великого везира шаха Аббаса и тимад-ад-доулэ Хатим-бека шах отдал пост его сыну мирзе Абу-Талибу. При шахе Аббасе II умирает «высокий садр» мирза Хабибуллах, — пост его шах отдает сыну его мирзе Мехди.[3] При том же шахе умирает придворный мунаджжим-башы (начальник звездочетов) мулла Мухаммед Тахир, — пост его вместе с его тиулом шах передает его

[1] К. Маркс и Фр. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 494.

[2] Составлением реестров и выдачей ассигновок в начале XVIII в. в центральном финансовом диване ведал особый департамент «переводов» (интикали), см. Тазкират-ал-мулюк, цит. изд., перс. текст лл. 74б — 76б, англ. перев. стр. 80, 81.

[3] Тарих-и Тахир-и Вахид, цит. рук., л. 191а.

сыну.[1] Подобных примеров можно было бы привести много.[2] Одновременно практиковалась и система совместительства в руках одного лица ряда почетных постов, которые превращались в приносящие доход синекуры. Так, сейид Зейн-ад-дин Али, сын Асадуллаха Мар'аши, был назначен садром Азербайджана, Ширвана и Хорасана в 970 г. х. (1562/3 г. н. э.); в том же году сейид Мухаммед Юсуф Астерабади был назначен садром Ирака, Хузистана и Фарса.[3] Известный Аллахверди-хан, полководец шаха Аббаса I, был одновременно куллар-агасы (начальником конного корпуса гулямов), беглербегом Фарса и мир-шикар-башы (начальником шахской охоты). В конце XVI в. мирза Абд-ал-Хусейн, из сейидов Хусейни (предполагаемых потомков третьего шиитского имама Хусейна), а по матери потомок Джиханшаха Кара-койюнлу, был главным мухтасибом государства, калантаром (городским старшиной) города Тебриза и мутаваллием (управителем) вакфа Музаффарийэ близ Тебриза.[4] Упомянутый уже везир Хатим-бек был одновременно калантаром города Ордубада в Нахчеванском крае; предки Хатим-бека, происходившего из фамилии Насирийэ-Тусийэ, потомков знаменитого персидского ученого XIII в. Насир-ад-дина Туси, были наследственными калантарами в Ордубаде и крупными местными землевладельцами со времени шаха Исмаила I.[5]

Передача по наследству беглербегств до шаха Аббаса I также была неузаконенным, но тем не менее обычным, порядком. В Иране в XVI в. наследственными беглербегами Херата были главы кызылбашского племени шамлу, беглербегами Фарса — главы племени зулкадар, беглербегами Кирмана — главы племени афшар, беглербегами Хамадана — главы племени текелю и т. д. То же мы видим и в закавказских владениях Кызылбашской державы. В XVI в. беглербегами Чухур-Са'да (Еревана) всегда назначались эмиры из кызылбашского племени устаджлу,[6] ветвь которого получила земельные пожалования в Ереванской области.

[1] Там же, л. 268а.

[2] См. характерные примеры в Хулясат-ас-сийяр, рук. ЛГПБ Dorn, № 303/I, лл. 39а, 39б; Тарих-и алем ара, лит., стр. 644; цит. рук., ч. II, л. 782б.

[3] Ахсан-ат-таварих, перс. текст, стр. 419.

[4] Тарих-и алем ара, лит., стр. 111.

[5] Там же, лит., стр. 506—511.

[6] Первый из них, Бедр-хан устаджлу упоминается уже под 1538 г. н. э. — Ахсан-ат-таварих, перс. текст, стр. 285; ср. Тарих-и алем ара, лит., стр. 56; цит. рук., ч. I, л. 115. Позднее упоминаются его преемники: Шах кули-султан устаджлу (там же, лит., стр. 90, 91; цит. рук., ч. I, лл. 183, 184; Хулясат-ас-сийяр; цит. рук., л. 124б); Мухаммед-хан Тохмак устаджлу (см. Тарих-и алем ара, лит., стр. 163; цит. рук., ч. I, л. 260) и др.

Но наиболее показательный пример — наследственное беглербегство фамилии Зийяд-оглы в Гандже и Карабаге с первой половины XVI в. с небольшими перерывами до 1804 г. н. э. Еще шах Тахмасп I назначил эмира Шах-верди-султана Зийяд-оглы, из аймака зийядлы, кызылбашского племени каджар, беглербегом Карабага и главою племени и аймаков (иль ва уймакат) каджар; знать племени была наделена пастбищами и земельными пожалованиями в Карабаге.[1] По Искендер Мунши, они владели там яйлагами и кышлагами, имениями (амляк) и садами.[2] Идеализованную характеристику личности и правления Шах-верди-султана дает Мухаммед-Ма'сум.[3] Из трех сыновей Шах-верди-султана старший Халил-хан был беглербегом Астерабада и главою поселенной там ветви племени каджар. «И живущие ныне в Астерабаде каджары — из его мулязимов», — замечает Мухаммед Ма'сум.[4] Другие двое сыновей — Ибрахим-хан и Юсуф-халифэ — были последовательно до 1576 г. беглербегами Карабага и главами живших там каджаров. Шах Исмаил II (1576—1578) считал фамилию Зийяд-оглы и карабагских каджаров своими личными врагами, ибо по внушению Шах-верди-султана Исмаил был заключен своим подозрительным отцом, шахом Тахмаспом I, в крепость Кахкахэ, служившую тюрьмой для политических преступников; в ней Исмаил провел более 20 лет; затем, во время междоусобий 1576 г., Юсуф-халифэ Зийяд-оглы держал сторону брата-соперника Исмаила II в борьбе за шахский престол, Хейдер-мирзы. Поэтому Исмаил II лишил Юсуф-халифэ поста беглербега и главы племени каджар, но не решился передать беглербегство Карабагское эмиру из другого кызылбашского племени. Шах назначил беглербегом сперва племянника Юсуф-халифэ, Пейкер-султана, потом внука Имам-кули-хана. Последний при следующем шахе, Мухаммеде Худабендэ (1578—1587), был назначен в 1580 г. также и беглербегом Ширвана; при этом часть племени каджар перекочевала в Ширван, и племенная знать получила там земельные пожалования. Но при следующем беглербеге, Мухаммед-хане, сыне Халил-хана астерабадского и внуке Шах-верди-султана, фамилия Зийяд-оглы была вытеснена турецкими войсками не только из Ширвана, но и из Карабага (1588). При этом все

[1] Наиболее ранние упоминания о Шах-верди-султане Зийяд-оглы относятся к 40-м гг. XVI в. См. Тарих-и алем ара, лит., стр. 52, 56; цит. рук., ч. I, лл. 107, 115; Ахсан-ат-таварих, перс. текст, стр. 317; Шах-верди-султан был еще жив в 968 г. х. (1560/1 г. н. э.), см. там же, стр. 414. — До 1547 г. Шах-верди титуловался только беком, а после 1547 г. — султаном.

[2] Тарих-и алем ара, лит., стр. 279; цит. рук., ч. II, л. 53.

[3] Хулясат-ас-сийяр, цит. рук., лл. 124а — 125б.

[4] Там же, л. 125б. Из астерабадских каджаров вышла шахская каджарская династия в Иране (1796—1925).

племя каджар вынуждено было оставить Карабаг и перекочевать в район Ардебиля.[1]

После новой оккупации Карабага войсками шаха Аббаса I, каджары вернулись на старые места поселения, и шах снова отдал Карабаг в управление фамилии Зийяд-оглы. Представители этой фамилии — Хусейн-хан, потом вторично Мухаммед-хан — были здесь беглербегами. В 1614/1615 г. во время восстания в Картлии и Кахетии против иранского владычества произошли волнения среди ганджинских ра'ийятов, и Мухаммед-хан погиб, убитый несколькими своими ра'ийятами. Шах круто расправился с участниками волнений, казнив 40 «главарей мятежа» и выселив остальных в Мазендеран.[2] После этого Карабагом управляли последовательно сыновья Мухаммед-хана, Мюршид-кули-хан и Мухаммед-кули-хан. В последние годы правления шаха Аббаса I Мухаммед-кули-хан Зийяд-оглы каджар был смещен с поста беглербега, по словам Мухаммед-Ма'сума, «по наветам клеветников».[3] Это смещение в действительности не было только актом, направленным против Мухаммед-кули-хана лично. Здесь можно усмотреть один из актов политики шаха Аббаса I, направленной против всемогущей кызылбашской военно-кочевой знати. Фамилия Зийяд-оглы была отстранена от управления Карабагом, беглербегом был назначен человек незнатного происхождения — Давуд-хан, сын полководца Аллах-верди-хана, выслужившегося из гулямов шаха. Мало того, Давуд-хан, чуждый каджарам по происхождению, был назначен главою и военачальником всех каджарских племенных групп в Карабаге.[4] Повидимому, эта мера имела целью ослабление каджарской племенной знати и превращение кошуна этого племени во вполне покорное орудие центрального шахского правительства. Однако уже через несколько лет после смерти шаха Аббаса I Давуд-хан сам оказался замешанным в мятеже против шахской власти. Пост беглербега карабагского и главы племени каджар был возвращен Мухаммед-кули-хану Зийяд-оглы, преемником которого был сын его Муртаза-кули-хан, покровитель хрониста Мухаммед Ма'сума. Муртаза-кули-хан умер в 1074 г. х. (1663/4 г. н. э.), преемником его стал его племян-

[1] О преемниках Шах-верди-султана до начала XVII в. см. Хулясат-ас-сийяр, цит. рук., лл. 125б—126а; Тарих-и алем ара, лит., стр. 279; цит. рук., ч. I, лл. 239—318; ч. II, л. 53. — О Мухаммед-хане автор Хулясат-ас-сийяр, л. 125б, говорит, что он «стал наследником улька своих отцов» — («варис-и улькай-и абай-и худ»). Эти слова показывают, что члены фамилии Зийяд-оглы смотрели на себя не как на назначенных шахом чиновников, а как на наследственных владетелей края.

[2] Тарих-и алем ара, лит., стр. 643; цит. рук., ч. II, лл. 780—781; Хулясат-ас-сийяр, цит. рук., л. 126а.

[3] Хулясат-ас-сийяр, цит. рук., л. 126а.

[4] Тарих-и алем ара, лит., стр. 763, цит. рук., ч. II, л. 105.

ник Угурлу-хан I.[1] После этого шахская власть до Надир-шаха уже не делала попыток вырвать Карабаг из рук фамилии Зийяд-оглы. Во время курултая на Мугани (март 1736 г.), на котором последний представитель династии Сефевидов был объявлен низложенным, а полководец Тахмасп-кули-хан из племени кырхлу-афшар был провозглашен шахом,[2] Угурлу-хан II Зийяд-оглы, едва ли не единственный из присутствовавших на курултае ханов, противился низложению Сефевидов, хотя затем признал Надира шахом. Надир-шах счел нужным ослабить фамилию Зийяд-оглы, отделив от ее владений земли пяти меликов Нагорного Карабага и кочевых племен Мильско-Карабагской степи, а также Зангезур.[3] Все эти земли были подчинены непосредственно брату Надир-шаха Ибрахим-хану, сипахсалару Азербайджана, а владения кочевых племен казахлар и шамсаддинлу были подчинены царю (валию) Картлии Теймуразу. Угурлу-хану II Зийяд-оглы был оставлен только район г. Ганджи, с титулом беглербега ганджинского. Кроме того, Надир-шах переселил часть каджаров Карабага в Хорасан. После гибели Надир-шаха (1747) и начала длительной полосы междоусобий в Иране, Зийяд-оглы ганджинские превратились в местных полунезависимых ханов, сохранив, однако, в своих руках только район Ганджи. Последний из них, Джавад-хан погиб во время штурма крепости Ганджи генералом кн. Цициановым 3 января 1804 г.

Эта справка может показаться сухой и скучной, однако привести ее нам казалось необходимым, дабы показать, насколько неправильно было бы представлять себе кызылбашскую административную систему строго централизованной, а беглербегов — только представителями центральной шахской власти. По существу, власть Зийяд-оглы ганджинских ничем не отличалась от власти наследственных вассальных князей, только формально назначаемых шахов.

Даже после военно-административной реформы шаха Аббаса не только в одном Карабаге мы встречаемся с наследственностью беглербегств. В южном Азербайджане при шахе Мухаммеде Худабендэ беглербегом был Амир-хан мусилу, из племени туркеман. Хотя смещение его вызвало с его стороны вооруженное сопротивление, а вслед за тем и общий мятеж племени туркеман (1584), однако после отвоевания южного

---

[1] Тарих-и Тахир-и Вахид, лл. 277б — 278а.

[2] О курултае на Мугани см. у Мухаммед-Казима, цит. рук., т. II, лл. 10а—11а; Мирза Мехди-хан, Тарих-и Надири, тебризское изд. 1260 г. х. (1844 г. н. э.), стр. 165—170; Тарих-и ахвал-и шейх-и Хазин, изд. Belfour, перс. текст, стр. 251—252; Авраам Кретаци, Coll., т. II, стр. 280—308.

[3] Аббаскули-ага Бакиханов, Гюлистан ирам, Баку, 1925, стр. 142.

Азербайджана у Турции шах Аббас I уже в 1605 г. назначил беглербегом этой области снова эмира из племени туркеман, правда, из другого аймака — пюрнак, Пир-Будак-хана. После смерти этого последнего беглербегом Азербайджана (южного) был назначен сын его, Шахбендэ-хан пюрнак туркеман; он был убит еще в юношеском возрасте во время похода против восставшей Грузии в 1034 г. х. (1624/5 г. н. э.).[1] После него остался трехлетний сын. Шах отдал этому мальчику «правление, обладание и достоинство эмир-ал-умара (т. е. беглербега) Азербайджана» (южного);[2] мальчика велено было титуловать Пир-Будаком II,[3] а ввиду его малолетства к нему был приставлен векиль (регент). Это назначение беглербегом трехлетнего мальчика показывает, что даже шах Аббас I, при всей его склонности к централистской политике, вынужден был считаться с тем, что знать племени туркеман смотрела на беглербегство азербайджанское не столько как на административный пост, сколько как на наследственное достояние своего племенного главы. Когда Пир-Будак-хан II стал совершеннолетним, он в 1642 г. был утвержден шахом Аббасом II в звании беглербега.[4]

После того как войска шаха Аббаса I, вытеснив турецкие военные силы, снова оккупировали кавказскую Армению (между 1604 и 1606 гг.), беглербегом ереванским был назначен прозванный за свою храбрость Сару-Аслан (аз. «желтый лев») Амиргунэ-хан из племени ахча-койюнлу каджар, т. е. из той ветви племени каджар, которая до шаха Измаила I находилась в составе туркменских племен Ак-койюнлу и вошла в состав кызылбашей только после разгрома державы Ак-койюнлу в 1502 г. После смерти Амиргунэ-хана,[5] одного из лучших полководцев шаха Аббаса I в 1625 г., шах отдал сыну его Тахмасп-кули-беку, «достойному юноше», «достоинство эмир-ал-умара (т. е. беглербега) чухур-са'дского, управление и обладание (айялэт ва дарайи) той страной» вместе с титулом хана.[6] Правда, потомкам Амиргунэ-хана не удалось закрепиться надолго в Ереванской области. Позднее (с 40-х гг. XVII в.) сюда беглербегами назначались потомки то Амиргунэ-

---

[1] Закария-саркаваг Coll., т. II, стр. 23; Тарих-и алем ара, лит., стр. 733, цит. изд., ч. II, л. 984.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Тарих-и Тахир-и Вахид, цит. рук., л. 150б.

[5] Об Амиргунэ-хане каджаре см. Тарих-и алем ара, лит., стр. 560—562, 578—579; цит. рук., ч. II, лл. 410б — 414а, 477б — 478б; Закария-саркаваг, Coll., т. II, стр. 32—37, 43.

[6] Тарих-и алем ара, лит., стр. 733; цит. рук., ч. II, л. 983. Тахмасп-кули-хан каджар, беглербег чухур-са'дский (ереванский) указан и в списке эмиров 1628 г. см. там же, лит., стр. 762, цит. рук., ч. II, л. 1051.

хана, то других эмиров, в частности, потомки выслужившихся шахских гулямов. [1] Но во всяком случае попытки превращения беглербегства в наследственное владение потомков Амиргунэ-хана имели место и в Ереванской области.

Могущество беглербегов было основано и на том, что если беглербег происходил из эмиров кочевых племен, то, получая в управление область, он мог раздать в ней земли кочевникам своего племени и своим вассалам (мулязимам) из кочевой знати. Таким образом, беглербег мог всегда опереться на военную силу, ему лично преданную. Когда Арас-хан румлу был назначен беглербегом ширванским (1566—1578), одновременно несколько эмиров из племени румлу, без сомнения со своими кошунами, получили в Ширване территории в управление (улька). [2] То же повторилось, когда в 1580 г. Ширван был передан, правда, на очень короткий период, прерванный затем турецким нашествием, Салман-хану устаджлу. Тогда «область Ширванскую разделили между Салман-ханом и эмирами (племени) устаджлу». [3]

И все же шахская власть при шахе Аббасе I и его преемниках, в своих попытках ограничить власть беглербегов и превратить их из наследственных вассальных князей в шахских чиновников, добилась некоторого частичного успеха. В Ширване в XVII — начале XVIII в. мы не видим наследственного беглербегства, и беглербеги здесь часто сменялись. Объяснялось это, повидимому, тем, что в Ширване не было больших и сильных кочевых племен, знать которых могла бы претендовать на управление всей областью, да и большая часть беглербегов назначалась из числа шахских гулямов, а не из племенной знати. [4] Напротив, в тех областях, где были сильны кочевые племена, как например, зийядлу-каджар в Карабаге и туркеман в южном Азербайджане, их племенные главы смотрели на беглербегство, как на свою наследственную собственность. Непоследовательность в политике шаха Аббаса I в назначении беглербегов то из гулямов, то из племенных глав, легко объясняется необходимостью считаться с притязаниями знати тех племен, которые сохраняли верность шахской власти.

Вопреки централистским тенденциям в политике шахской власти, особенно со времени шаха Аббаса I, шахам никогда

[1] Хроника правления беглербегов ереванских до 1148 г. армянской эры = 1699 г. н. э. приведена в «Истории» Закарии-саркавага, Coll., т. II, стр. 46—48, 57—59, 70, 83—85, 87—89, 96, 97, 103—105, 124, 125, 144, 145.

[2] Тарих-и алем ара, лит., стр. 163; цит. рук., ч. I, л. 260.

[3] Там же, лит., стр. 189, 190; цит. рук., ч. I, л. 313: «Область Фарс была разделена между эмирами (племени) зулкадар».

[4] Перечень беглербегов ширванских, нуждающийся, впрочем, в некоторых уточнениях, см. у Б. Дорна, Geschichte Schirwans unter den Statthaltern und Chanen, 1538—1820, СПб. б. г. и.

не удалось преодолеть вполне феодальную раздробленность. В Азербайджане и Армении эта раздробленность существовала задолго до периода полунезависимых ханств. Юридически шахское правительство со времен шаха Аббаса I не признавало существования наследственных вассальных князей. Оно хотело видеть в них назначенных шахом чиновников и называло их довольно неопределенным титулом «хаким» («правитель»). Действительно, каждый хаким получал от шаха указ с формальным утверждением в своем звании. Но в ряде случаев это была фикция, прикрывавшая фактическое признание шахской властью существования местных династий. Не только беглербеги, но и правители небольших территорий (улька), в большинстве случаев были наследственными представителями местных династий. Данные разных источников, в частности упомянутый уже список эмиров 1628 г. н. э. у Искендера Мунши, дают нам возможность составить почти полный перечень существовавших в Азербайджане и в Армении наследственных владений (улька) времени шаха Аббаса I. Мы предлагаем здесь этот перечень с краткими историческими справками.

В Азербайджанской области (вилайете) в XVII в. были следующие наследственные улька (ӧлкэ):

1. Урмийя (Урумийя). В XVI в. в этом округе находилось ленное владение курдского кочевого племени берадуст (брадост), вернее главы этого племени. Шах Исмаил I пожаловал главе племени берадуст Гази-Кырану четыре нахийи в округе Урмийи — Тергевер, Мергевер, Сумай и Дуль. [1] Потомки Гази-Кырана, наследственно владея этими нахийями, разделились на две ветви — эмиров Тергевера и эмиров Сумай. Уже внук Гази-Кырана Искендер-бек, из эмиров Сумай, управлял и Урмийей. [2] Его потомки сохранили свои владения и при турецком владычестве, и после перехода страны под власть шаха Аббаса I. В 1605 г. Амир-беку берадуст шах «повелели пожаловать эмират племени берадуст и упомянутую улька (Тергевер) и возвысили его славным титулом ханским и улька Урумийю и Ушнуйю... в придачу к старинной улька ему пожаловали». [3] Но уже в 1610 г. Амир-хан со своим племенем восстал против шаха. Главная твердыня племени — цитадель г. Урмийя, известная под именем крепости Димдим, была взята после долгой осады шахскими войсками. [4] Округ

[1] Шереф-намэ, цит. изд., т. I, стр. 297. Историю хакимов племени берадуст см. там же, стр. 296—300; звание этих хакимов именуется наследственным (моуруси), там же, стр. 299. — О племени берадуст (брадост) см. статью V. Minorsky, Kurds, E. J., v. II, стр. 1132—1155. Там же, см. библиографию.

[2] Там же, стр. 298.

[3] Тарих-и алем ара, лит., стр. 559; цит. рук., ч. II, л. 455б.

[4] Там же, лит., стр. 559—561; цит. рук., ч. II, лл. 455а — 456б.

Тергевер был отдан шахом турецкому эмигранту, бывшему предводителю джелалиев (см. выше) Мухаммед-паше Калян-дар-оглу, перешедшему на шахскую службу, а Урмийя — во временное управление Пир-Будак-хану туркеману, беглербегу Азербайджана. Потом Урмийей временно управлял Ага-хан мукаддам, хаким Мараги. К 1628 г. Урмийя уже находилась в руках Кельб-Али-султана из кызылбашского племени афшар.[1] После этого Урмийя был наследственным леном главы одной из ветвей племени афшар до 1868 г., т. е. более 250 лет.[2]

2. М а р а г а. В XVI в. город Марага находился под управлением хакимов из племени устаджлу. В 80-х гг. XVI в. во время ирано-турецкой войны турецкий султан Мурад III пожаловал окрестности Мараги главе курдского племени мукри, Амирэ-беку.[3]

Племя это, завладевшее при развале государства Ак-койюнлу рядом местностей в Курдистане (Бабан и др.), а также Сулдузом в округе Мараги, в течение всего XVI в. признавало над собою номинальную власть то османской Турции, то кызылбашского царства, то вело с ними вооруженную борьбу. Амирэ-бек, подчинившись Турции и получив звание паши, выгнал из Мараги прежнего хакима ее, кызылбаша Бекташ-кули-бека устаджлу, который убежал, ограбив город и захватив находившиеся там шахские табуны кровных арабских коней. Султан Мурад отдал Амирэ-паше мукри Марагу, как отдельную область (вилайет), со званием беглербега.[4] Но уже через несколько лет султан отнял Марагу у курдов мукри, подчинил ее турецкому беглербегу Тебриза, а Амирэ-паша должен был удовольствоваться своим «старинным оджаком и наследственным эмиратом».[5] После перехода южного Азербайджана под власть кызылбашей, шах Аббас I, в начале войны с Турцией нуждавшийся в поддержке со стороны курдских племенных глав, сперва отдал было Марагу Кубад-хану мукри, но уже в 1610 г., при первых признаках непокорности со стороны мукри, шах организовал массовую

[1] Тарих-и алем ара, лит., стр. 762, цит. рук., ч. II, л. 1052.

[2] Об афшарских хакимах Урмийи в XVII в. см. Тарих-и Тахир-и Вахид, цит. рук., лл. 210 и след., Т а з к и р а т-а л-м у л ю к, цит. перс. текст л. 108а, англ. перев. стр. 100; о Мухаммед-Касим-хане афшаре урмийском см. М у х а м м е д-К а з и м, цит. рук., т. II, лл. 167а и след., 169а — 171а, т. III, л. 6а; о его преемнике Керим-хане афшаре см. там же, т. III, л. 101а. См. также статью В. Ф. М и н о р с к о г о, Urmiya, E. J., vol. IV, стр. 1089—1093; там же приведена генеалогическая таблица афшарских ханов Урмийи 1707—1865 гг. (не полная).

[3] О племени мукри в XVI в. см. Шереф-намэ, т. I, стр. 288—296.

[4] Там же, стр. 292.

[5] Там же, стр. 294. О бедствиях Мараги под турецким владычеством см. там же.

резню этого племени.[1] Марага была отдана Ага-султану, главе небольшого азербайджанского племени мукаддам, входившего в состав объединения 32 племен (отуз-ики) в Карабаге.[2] После этого Марага оставалась наследственным владением глав племени мукаддам.[3] При Надир-шахе Марага продолжала считаться улька этого племени; Мухаммед-Риза-хан мукаддам принимал участие в походах Надир-шаха.[4] Главы племени мукаддам владели Марагою еще в начале XX в. Самад-хан мукаддам был хакимом Мараги еще в 1909 г.

3. С о у д ж б у л а к. После резни большей части племени мукри в 1610 г., остаток этого племени, не казавшийся уже опасным, был амнистирован шахом. После смерти шаха Аббаса I главе этих мукри был отдан округ Соуджбулак, который считался наследственной улька племени мукри еще при Надир-шахе.[5]

4. Х о й и С а л м а с. Как и в XVI в., округ Салмас в XVII—XVIII вв. продолжал оставаться наследственной улька главы курдского племени думбули. К этому округу был присоединен округ Хой, который с этого времени постоянно принадлежал наследственному главе племени думбули вплоть до 1805 г.[6]

5. М а р а н д. При шахе Аббасе I Маранд стал улька особой ветви династии глав племени и был пожалован в 1603 г. Джемшид-султану думбули.[7]

6—7. М а к у и Ч о р с. В XVI в. владения курдского племени махмуди охватывали большую территорию от Ванского озера на Ю.-З. до Маку на С.-В. В зависимости от политической обстановки это племя признавало над собою верховную власть то Сефевидов, то Османов.[8] При шахе Аббасе I племя махмуди было разделено на две ветви; на землях каждой из них было по два удела.[9] Из этих четырех уделов, принадлежавших разным членам династии племенных глав, под властью Сефевидов остались два — Маку и Чорс. Хакимы их в начале

[1] Тарих-и алем ара, лит., стр. 573—576; цит. рук., ч. II, лл. 472б—475б.

[2] Там же, лит., стр. 575, 763; цит. рук., ч. II, л. 475а, 1054.

[3] Тазкират-ал-мулюк, цит. изд., перс. текст л. 108а, англ. перев. стр. 100.

[4] М у х а м м е д-К а з и м, цит. рук., т. II, лл. 165б, 169а, 171а; т. III, л. 6а и др. Тарих-и гити гушай, цит. изд. стр. 113—114. — См. также статью В. Ф. М и н о р с к о г о, Maragha, E. J. vol. III; De Morgan, Mission scientifique en Perse, Études géographiques, I, Paris, 1894, p. 337—52 sq.

[5] Там же, т. II, лл. 167а, 169а и след. См. также у А в р а а м а К р е т а ц и, Collection., т. II, стр. 290.

[6] См. выше, стр. 103—105. Там же указаны источники.

[7] Тарих-и алем ара, лит., стр. 445; цит. рук., ч. II, л. 340б.

[8] Об истории племени махмуди в XVI в. см. Шереф-намэ, т. I, стр. 300—310.

[9] Тарих-и алем ара, лит., стр. 506; цит. рук., ч. II, лл. 395а—395б.

9 Зак. 4397. Петрушевский.

XVII в. не имели звания эмира и титуловались только беками, поэтому имена их не вошли у Искендера Мунши в список эмиров 1628 г. Это деление на два княжества сохранялось и в дальнейшем. В приведенном армянским эчмиадзинским католикосом Авраамом Кретаци списке эмиров, присутствовавших на курултае на Мугани в 1736 г., созванном для провозглашения Надира шахом, упомянуты рядом Мурад-кули-хан чорский и султан Маку (имя его не указано).[1]

Но племя махмуди сохранило Макинскую улька в своих руках только до конца 30-х гг. XVII в. Поддержка, оказанная знатью племени Турции во время военных действий войск последней в Армении и южном Азербайджане в 1635—1639 гг., привела к утрате махмудийцами своих владений в Маку после ухода турецких войск из южного Азербайджана. Позднее улька Маку была отдана шахами в наследственное владение кызылбашскому племени байят. Ахмед-хан байят, хаким макинский, находился в свите Надир-шаха в Хорасане во время заговора, положившего конец жизни этого завоевателя. После гибели Надир-шаха, Ахмед-хан макинский похитил одну из жен покойного шаха, захватил часть его сокровищ и вернулся в Маку, которое после 1747 г. превратилось в полунезависимое ханство. Главы племени байят оставались наследственными ханами Маку до 1923 г., когда Макинское ханство было ликвидировано иранским правительством.[2]

8. К а р а д а г. Хакимы Карадага, или Караджа-дага, происходившие «из старинных суфиев этой фамилии» (т. е. Сефевидов)[3] и считавшиеся наследственными халифэ местных дервишей и наследственными главами искусственного «племенного» образования Карадаглу, сохраняли власть в обширной Карадагской улька в XVI—XVIII вв.[4]

---

[1] А в р а а м К р е т а ц и, Collection., т. II, стр. 290. — В Тазкират-ал-мулюк (цит. изд., перс. текст лл. 108б, 111а, англ. перев. стр. 101) Маку и Чорс также упоминаются, как разные улька, первая в составе Чухур — Сад'ского, вторая в составе Азербайджанского вилайетов.

[2] О Макинском ханстве см: А. И в а н о в с к и й, В Макинском ханстве, Русские ведомости, 1897 г., №№ 314, 323, 325; В. М и н о р с к и й, Отчет о поездке в Макинское ханство в 1905 г., Материалы по изучению Востока, СПб. 1909; В. М и н о р с к и й, Древности Маку, Восточный сборник, II, П. 1916; V. M i n o r s k y, Maku, E. J., vol. III, стр. 191—194; Вл. Г о р д л е в с к и й, Қара-койюнлу, ИООИА, № 4, Б. 1927. — О племени махмуди см. R. Lescot, op. cit., p. 114—116; там же, на стр. 115 приведена генеалогическая таблица глав племени.

[3] Тарих-и алем ара, лит., стр. 762, цит. рук., ч. II, л. 1052.

[4] О хакимах карадагских см.: Ахсан-ат-таварих, перс. текст, стр. 35, 41; Тарих-и алем ара, лит. стр. 622; цит. рук., ч. I, л. 187, ч. II, лл. 39, 726, 727. — В Lettre de M. K h a n y k o v à M. D o r n, MA., t. III, livr. I, p. 71, приведен ферман шаха Хусейна 1113 г. х. (1701 г. н. э.) на имя Байяндур-султана, хакима карадагского, перс. текст и франц. перев.; Тарих-и гити гушай, цит. изд., стр. 143, 114. — Тазкират-ал-мулюк, цит. изд., перс. текст л. 108б, англ. перев. стр. 100.

9. А р д е б и л ь. Ардебильский округ, как фамильный наследственный домен Сефевидов и очаг кызылбашского движения, занимал в отношении управления особое положение. Он относился к собственным доменам фамилии Сефевидов. До шаха Аббаса I управление этим округом поручалось чаще всего мутаваллиям ардебильского святилища Сефевидов — мечети с гробницами шейха Сефи-ад-дина и прочих шейхов—Сефевидов, иногда же управление округом отделялось от управления святилищем и поручалось особым хакимам, назначаемым из шахского дворца.[1] В списке эмиров 1628 г. упомянут как хаким Ардебиля Шекари-султан из кызылбашского племени асирлу. При шахе Аббасе II управление Ардебильским округом было окончательно отделено от управления святилищем.[2]

10. М и й я н э. По сообщению Искендера Мунши, эта улька находилась в управлении глав одноименного курдского племени. Шах Аббас II подтвердил за султаном Мийянэ права на эту улька.[3]

11. Т а л ы ш. Еще Хамдуллах Казвини в первой половине XIV в. писал о Талышском крае, что «он находится под управлением особого хакима, и тот хаким считает себя падишахом» (т. е. независимым государем).[4] Во время войн кызылбашей с ширваншахами и султанами Ак-койюнлу во второй половине XV в. наследственные владетели Талыша оказали Сефевидам деятельную поддержку, поэтому талыши, хотя и не тюрки и не кочевники, были включены в состав объединения кызылбашских племен[5] и числились «дервишами» и «мюридами» Сефевидов. Талыши были единственной ираноязычной народностью в составе кызылбашей, числясь, в соответствии с кочевыми традициями, особым «племенем». Несмотря на восстания хакимов талышских против шахов в XVI в. — Амирэ-Кубад-хана талышского в 1540 г.[6] и Амирэ-Хамзы-хана талышского в 1590 г.,[7] наследственные хакимы талышские удержали власть над Талышским краем в своих руках. Сыновья Хамзы-хана, Байяндур-хан и Сару-хан последовательно управляли Талышем и были причислены

---

[1] См. об этом в нашей статье «Вакфные имения Ардебильского мазара в XVII в.».

[2] Тарих-и Тахир-и Вахид, цит. рук., л. 225а.

[3] Тарих-и алем ара, лит., стр. 575; цит. рук., ч. II, л. 475а.

[4] Нузхат-ал-кулюб, изд. G. M. S., перс. текст, стр. 60.

[5] Тарих-и алем ара, лит., стр. 762; цит. рук. ч. II, л. 1051 (список эмиров 1628 г., рубрика — эмиры племени талыш).

[6] Ахсан-ат-таварих, стр. 293; Тарих-и алем ара, цит. рук., ч. I, л. 176. — В литограф. изд. эта глава опущена.

[7] Ф у м е н и, Тарих-и Гилян, изд. Б. Дорна, MQ III Theil, SPb., 1858, перс. текст, стр. 89—93, 189—193; Ахсан-ат-таварих, стр. 437, 438.

к «великим эмирам» и «обладателям литавр и знамени».[1] Во время большого крестьянского восстания в Гиляне и Талыше, направленного против владычества шахского Ирана, Сарухан талышский был назначен главнокомандующим (сипахсаларом) шахской армии. Он подавил восстание с большой жестокостью.[2] Талышские крестьяне во время этого восстания с большим упорством боролись против «своего» хана и шахской власти.[3]

В списке эмиров 1628 г. у Искендера Мунши названы два эмира из «племени» талыш: 1) Сарухан талышский, хаким Астары, и 2) Бедр-султан, «хаким некоторых махалов талышских» (точнее местоположение улька его не указано). Существование владений двух ветвей династии отмечается и еще столетие спустя, в 1726—1727 гг.[4] Под властью хакима главной ветви династии находились, согласно Фумени, Ленгер-Кунан (ныне Ленкорань), Астара, бывшая резиденцией хакима, и район к югу от нее. Ханы талышские сохранили свои владения во время кратковременной первой оккупации прикаспийских областей русскими царскими войсками в 1722—1735 гг.[5] Мир-Мустафа-хан талышский подчинился власти России окончательно в 1809 г. Ханство было уничтожено царской властью в 1826 г.

12. Нахчеван. Еще в XVI в. богатый Нахчеванский край был наследственной улька племени кенгерлю, ветви кызылбашского племени устаджлу.[6] При шахе Аббасе I главою племени и хакимом Нахчевана был Максуд-султан кенгерлю-устаджлу.[7] Часть племени кенгерлю еще при шахе Исмаиле I была поселена в Хорасане, в округе Несы, для охраны края от набегов туркмен. Как видно из списка эмиров 1628 г. у Искендера Мунши, Максуд-султан был главою всех кенгерлю, не только нахчеванских, но и хорасанских, почему и числился одновременно и хакимом Несы хорасанской и хакимом Нахчевана.[8] Со второй половины XVIII в. хакимы нахчеванские и кенгерлинские уже постоянно носили

[1] Фумени, цит. изд., стр. 191, 192, 216—218, 224—231.
[2] Там же, стр. 210—234; Хулясат-ас-сийяр, цит. рук., лл. 9а — 10б.
[3] Фумени, цит. изд., стр. 220, 221, 230—232.
[4] См. у П. Г. Буткова, Материалы по новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г., СПб. 1869, ч. I, стр. 86; «в Талышах владели тогда 2 хана: в Ленкоране Омир Агис (Омар Акис) и в Кызил-Агаче Мусахан». — Согласно Аврааму Кретаци, Coll., т. II, стр. 290, Мусахан талышский в 1736 г. был также правителем Дербенда. — Ср. также Тазкират-ал-мулюк (цит. изд., перс. текст лл. 108а, 110б, англ. перевод стр. 100, 101), где отмечены 2 разных улька в Талыше — Астара и Кара-Агач (?).
[5] Тарих-и ахвал-и шейх-и Хазин, цит. изд., перс. текст, стр. 157.
[6] Ахсан-ат-таварих, passim.
[7] Тарих-и алем ара, лит., стр. 635, 636; цит. рук., ч. II, л. 760б.
[8] Там же, лит., стр. 762; цит. рук., ч. II, л. 1051.

титул хана и считались в числе сильнейших ханов Азербайджана.[1] Ряд данных о племени кенгерлю и о внутреннем строе Нахчеванской улька (ханства) половины XVII — начала XIX в. содержат нахчеванские рукописные документы.[2] Из них мы, между прочим, узнаем, что наследственный глава племени кенгерлю был одновременно хакимом нахчеванским, но для управления внутренними делами кочевников племени назначался специальный заместитель хакима — векиль; этот пост занимал старейший из членов ханской фамилии. Хан официально титуловался хакимом нахчеванским, ханом кенгерлинским. Ханство Нахчеванское по туркманчайскому договору 1828 г. перешло под власть России и было переименовано в Нахчеванскую провинцию, но Ихсан-хан кенгерлю все же удерживался здесь под более скромным титулом наиба до 1840 г., когда царское правительство склонило его за крупное вознаграждение отказаться за себя и наследников от владельческих прав.

13. Арасбар на р. Араксе. В списке эмиров 1628 г. у Искендера Мунши упомянут Мурадхан-султан из мелкого кызылбашского племени байбурдлу как хаким Арасбара.[3] Около 1725 г. Арасбар составлял улька племени байязидлу.[4]

14. Капан. Этот горный округ в ю.-з. части нынешней Армянской ССР, известный своими месторождениями медной руды,[5] в списке эмиров 1628 г. у Искендера Мунши упоминается как улька, управлявшаяся хакимом Хасан-султаном урдаклу из племени туркеман.[6]

15. Баргушет. Горный округ в ю.-з. части нынешней Армянской ССР (Зангезур), со времени шаха Аббаса I составлял наследственную улька особой ветви династии глав курдского племени думбули. В 1628 г. хакимом Баргушета был Максуд-султан думбули;[7] при Надир-шахе Баргушетом управлял Али-Наги-хан думбули.[8]

Оба округа — Баргушет и Капан вместе с Нахчеванским краем в XVI—XVII вв. в административном отношении вхо-

[1] Тарих-и гит гушай, цит. изд., стр. 113, 114, 334.
[2] Нахичеванские рукописные документы, перс. текст и русск. перев., под ред. Ю. Н. Марра, Изд. Ин-та им. акад. Н. Я. Марра Груз. филиала АН ССР, Тбилиси 1937. См. о них выше стр. 15.
[3] Тарих-и алем ара, лит., стр. 762, цит. рук., ч. II, л. 1052 — Об Арасбаре см. Гюлистан ирам, цит. изд., стр. 92.
[4] Тазкират-ал-мулюк, цит. изд., перс. текст л. 112б, англ. перев. стр. 102.
[5] Нузхат-ал-кулюб, цит. изд., перс. текст, стр. 89.
[6] Тарих-и алем ара, лит., стр. 762; цит. рук., ч. II, л. 1052.
[7] Там же, лит., стр. 762; цит. рук., ч. II, л. 1053.
[8] Мухаммед Казим, цит. рук., т. II, лл. 165б, 169а. — Султаны Капана и Баргушета 20-х гг. XVIII в. упоминаются и в «Истории Давит-бега», Coll., т. II, стр. 232 и след.

дили в состав Азербайджанского вилайета и были подчинены беглербегу последнего в Тебризе.[1]

Кроме перечисленных улька, в области Азербайджана (южного) в списке эмиров 1628 г. у Искендера Мунши упомянуты еще в числе эмиров области: Кельб-Риза-султан, из курдского племени зийюра (?), кутуваль (комендант) крепости Карнийярак; Хакк-верди-султан арабгирлу-шамлу, «из эмиров Азербайджана»; Кундукмыш-султан бекдели-шамлу, который «получил степень эмирата и султаната и обладает отдельными тиулами из округов Азербайджана»;[2] курдский эмир Каляндар-султан из племени гунэгир, «из эмиров Азербайджана и глава упомянутого племени (мир-и иль)».[3] Местоположение улька трех последних эмиров не упомянуто.

В Карабагской области (вилайете), помимо непосредственных владений наследственного беглербега карабагского из фамилии Зийяд-оглы каджар[4] (район города Ганджи), известно существование следующих наследственных улька.

1. Казах. Небольшое кызылбашское племя казах, иначе казахлу или казахлар («казахи») упоминается еще с XVI в.; улька его находилась в северо-западной части Азербайджана, по течению р. Акстафы. При отступлении кызылбашской армии из Азербайджана перед наступающими турецкими войсками в 80-х гг. XVI в. племя казахлу не последовало примеру племен каджар, караманлу, байят и других, не откочевало со своей территории в Иран. Глава племени Назар-хан казахлу, признав власть Турции, удержал свою улька. Удержал Назар-хан ее и после вторичного перехода страны под власть Кызылбашской державы, еще раз переменив сюзерена. Преемник его Шамс-ад-дин-хан казахлу даже получил в 1605 г. от шаха Аббаса I ханский титул и улька в Ширване, в придачу к своей наследственной улька;[6] он был еще жив в 1628 г.[7] Во второй половине XVIII в. хакимы Казаха, носившие чаще всего титул султана, попали в вассальную зависимость от царя Картлии и Кахетии Ираклия II (1744—1798). Вместе с Восточной Грузией Казах был присоединен к России в 1801 г.

2. Шамсаддинлу (Шамшадиль). Округ Загам и территория к западу от него со времен шаха Исмаила I составили наследственную улька племени шамсаддинлу. От имени этого племени образовалось и позднейшее название округа — Шамшадиль. Племя шамсаддинлу было ветвью кызылбашского племени зулкадар.[1] В 1605 г. Али-султан шамсаддинлу-зулкадар получил от шаха Аббаса I улька в Ширване, в придачу к наследственной улька. Преемник его Селим-хан шамсаддинлу-зулкадар после взятия шахскими войсками в 1032 г. х. (1622/3 г. н. э.) крепости Ахсихэ (Ахал-цихэ) в ю.-з. части Грузии, находившейся ранее под властью Турции, получил во владение и эту крепость и стал именоваться хакимом Ахсихэ.[2] Со второй половины XVIII в. владения племени шамсаддинлу разделили ту же судьбу, какая постигла владения племени казахлу.

3. Игирмидорт (Берда'). Округ по течению р. Тертер с центром в историческом г. Берда', превратившемся в послемонгольское время в маленький городок, еще в XVI в. был отдан в улька «племени», точнее искусственному объединению 24 осколков кочевых племен (аз. «игирмидорт» — «двадцать четыре»; этим именем стал называться и округ). По словам Шереф-хана Бидлиси, это объединение племен было создано при шахе Тахмаспе I, назначившем некоего Ахмед-бека Пуртал-оглы главою этого «племени», которое будто бы могло выставить ополчение из 30 тысяч вооруженных и снаряженных всадников.[3] В составе этого племенного объединения были не только азербайджанские, но и курдские мелкие племена,[4] позднее ассимилировавшиеся с азербайджанцами. Как и во всех улька, глава племени был одновременно и хакимом округа, и распорядителем судеб оседлых ра'ийятов. Как видно из списка эмиров 1628 г. у Искендера Мунши, главою 24 племен к концу правления шаха Аббаса I был Пейкер-хан каджар, из фамилии Зийяд-оглы, «из эмиров карабагских», носивший титул хана игирмидортского и хакима Берда'.[5] И после него округ этот оставался наследственной улька 24 племен, управляемой одним из членов фамилии Зийяд-оглы каджар. При Надир-

[1] В Тазкират-ал-мулюк (цит. изд., перс. текст л. 112б, англ. перев. стр. 102) Арасбар показан в Карабагском вилайете.

[2] Тарих-и алем ара, лит., стр. 762; цит. рук., ч. II, л. 1051.

[3] Там же, лит., стр. 762; цит. рук., ч. II, л. 1053.

[4] См. о ней выше, стр. 121—123.

[5] Тарих-и алем ара, лит., стр. 695, цит. рук., ч. II, л. 695б.

[6] Там же, лит., стр. 467; цит рук., ч. II, л. 360б; о Назар-хане казахлу см. там же, лит., стр. 271, цит. рук., ч. II, л. 39.

[7] Там же, лит., стр. 762; цит. рук., ч. II, л. 1052; племя казахлу занимает в упомянутом списке 14-е место среди 15 кызылбашских племен.

[1] Там же, лит., стр. 632; цит. рук., ч. II, лл. 753 и след. — Там же, лит., стр. 762; цит. рук., ч. II, л. 1051. — Гюлистан ирам, цит. изд., стр. 77.

[2] Там же, лит., стр. 709, 710; цит. рук., ч. II, л. 927. — Об эмире Шамсаддинлу в начале XVIII в. см. Есай-католикос, т. II, стр. 207.

[3] Шереф-намэ, цит. изд., т. I, стр. 323. — Цифра в 30 тысяч всадников фантастична. По подсчету Л. Беллана, ополчение всех кызылбашских племен в XVI в. не превышало 200 тысяч, из которых только 60 тысяч эмиры могли вывести в поле, прочие же 140 тысяч несли службу в крепостях или оставались в своих улька для охраны семейств, стад и имущества своих племен от неприятеля — L. Bellan, op. cit., p. 111.

[4] Шереф-намэ, т. I, стр. 323.

[5] Тарих-и алем ара, лит., стр. 762; цит. рук., ч. II, л. 1052.

шахе упоминается рядом с Угурлу-ханом Зийяд-оглы каджар, беглербегом карабагским и хакимом ганджинским, брат его Хасан-Али-хан, хаким Берда'.[1]

4. Отуз-ики. Район Карабагской степи и прилегающих к ней культурных земель к югу от г. Берда' с XVI в. был улька искусственно созданного объединения мелких племен «тюркских» (азербайджанских) и курдских, известного под именем «отуз-ики» (аз. «тридцать два»). Наследственным главою всех 32 племен считался глава одного из них — племени джеваншир.[2] Некоторые авторы считают племя джеваншир ветвью кызылбашского племени афшар, что едва ли верно.[3] Искендер Мунши не причисляет это племя к афшарам и в списке эмиров 1628 г. не помещает «Отар-султана, главу племени (мир-и иль) джеваншир и (племен) отуз-ики, из эмиров карабагских» ни в рубрику эмиров племени афшар, ни в числе эмиров кызылбашских племен вообще,[4] а называет его среди эмиров разных племен, не принадлежавших к аймакам (кызылбашским племенам).[5] После гибели Надир-шаха и развала Иранского государства (1747), тогдашний глава племени Панах-хан джеваншир, сын Ибрахим-хана, провозгласил себя независимым ханом Карабага. Воспользовавшись междоусобиями среди пяти армянских меликов нагорной части Карабага, Панах-хан поддержал одного из них, мелика Варанды Шах-Назара, и, с его помощью, подчинил себе всех армянских меликов и сделал их своими вассалами. Он завоевал и присоединил к своим владениям также ю.-з. часть нынешней Армянской ССР — Зангезур, Баргушет, Капан и Мигри.[6] Созданное таким образом Карабагское полунезависимое ханство с центром в основанной Панах-ханом в 1754 г. неприступной крепости Панахабаде (город Шуша) превратилось в одно из самых сильных ханств Азербайджана.

По словам историографа Зендской династии Мухаммед-Садыка, подвластных Панах-хану кочевников (илят) из племен джеваншир, казахлу, бурджлу было больше 20 тысяч шатров.[7] Панах-хан (1747—1760) даже номинально не признавал над собой власти Иранской державы.[1] Карабагское ханство в 1795 и 1797 гг. подверглось разгрому и опустошению со стороны Ага-Мухаммед-хана (с 1796 г. — шаха), основателя каджарской династии в Иране. В 1805 г. Ибрахим-хан карабагский (1760—1806) признал себя, наконец, вассалом России, а в 1822 г. Карабагское ханство было уничтожено и обращено в провинцию, управляемую царским комендантом.

5—9. Пять армянских меликств нагорной части Карабага — Гюлистан, Чараберд (Джраберд), Хачен, Варанда и Дизак. До Надир-шаха они подчинялись беглербегу карабагскому и ганджинскому, в 1747—1749 гг. они попали в вассальную зависимость от ханов карабагских из племени джеваншир.[2]

10. Кыштаг. В начале XVII в. округ Кыштаг к ю.-з. от Карабага, на границе нынешних Азербайджанской и Армянской ССР управлялся наследственным армянским меликом Айказом. Этот мелик известен как деятельный сторонник иранской ориентации во время войны Турции и Ирана за обладание Закавказьем.[3] До нас дошел ферман шаха Аббаса I с перечислением услуг, оказанных меликом Айказом шахской власти.[4]

В Ширванской области (вилайете), ввиду отсутствия здесь сильных кочевых племен, составлявших главную опору военной знати, не сложилось ни наследственного беглербегства, ни значительных наследственных улька племенных глав. Из старинных местных династов Ширвана при кызылбашском владычестве уцелели лишь немногие и притом сравнительно мелкие владетели.

1. Шеки. В послемонгольское время Шеки, как независимое государственное образование, упоминается в последней четверти XIV в.[5]

Во время походов Тимура в страны Закавказья наследственным владетелем Шеки был Сиди Али Орлат (из монгольского племени орлатов).[6] Правившая затем здесь

[1] Мухаммед-Казим, цит. рук. т. II, 171а. — Ср. Тазкират-ал-мулюк, цит. изд., перс. текст л. 112а, англ. перев., стр. 101.

[2] Тарих-и алем ара, лит., стр. 607; цит. рук., ч. II, лл. 697б — 968а.

[3] См. Cl. Huart, Karabagh, EJ, vol. II, стр. 727.

[4] Тарих-и алем ара, лит., стр. 763, цит. рук., ч. II, л. 1056.

[5] Там же, лит., стр. 762; цит. рук., ч. II, л. 1054. — Около 1725 г. в Тазкират-ал-мулюк (цит. изд., перс. текст л. 112б, англ. перев. стр. 102) упоминается удел (улька) Джеваншир.

[6] Гюлистан ирам, цит. изд., стр. 127, 128.

[7] Тарих-и гити гушай, цит. изд., стр. 105. — О терминологическом значении перс. «ханэвар» — «шатер кочевника» см. в примечаниях Катрмера к его франц. переводу Абд-ар-реззака Самарканди, Notices et extratis, vol. XIV, p. 103.

[1] Тарих-и гити гушай, там же: «Он (Панах-хан) никому не служил и шею в ярмо повиновения никому не вкладывал».

[2] Тазкират-ал-мулюк совсем не упоминает этих меликств.

[3] Аракел Тебризский, Collection., т. I, стр. 276.

[4] Ерев. док. № 1/1. Ферман не имеет даты, но на нем стоит печать шаха Аббаса I, на которой ясно читается 999 г. х. (1590/1 г. н. э.).

[5] По истории Шеки более ранних переводов см. весьма содержательную статью акад. А. Е. Крымского, Страницы из истории северного или кавказского Азербайджана, Шеки, в сб. «Памяти акад. Н. Я. Марра», из-во АН СССР, М. — Л. 1938, стр. 369—384.

[6] Мирхонд, Раузат-ас-сафа, литогр. изд. 1310 г. х. (1883 г. н. э.). Лукноу, стр. 1190.

в 848—958 гг. х.[1] (1444—1551 гг. н. э.) ханская династия Кара-Кешиш-оглы[2] была низложена шахом Тахмаспом в 1551 г.[3] После этого Шеки управлялась назначенными шахом хакимами из эмиров кызылбашских племен.[4] Во время турецкого владычества власть в Шеки снова перешла в руки потомка местной династии Кара-Кешиш-оглы, Шахмир-хана. После перехода страны вновь под власть кызылбашей в 1605 г., Шахмир-хан был утвержден во владении шахом Аббасом I.[5] Но уже в списке эмиров 1628 г. у Искендера Мунши хакимом Шеки ширванской назван Мухаммед-султан из мелкого кызылбашского племени джагирлу.[6] В дальнейшем Шеки управляли назначенные шахом хакимы, но рядом с ними и в подчинении у них находились местные мелики; согласно местной хронике Абд-ал-Лятифа, было две династии шекинских меликов — Акис-Меликлю и Хусейн-Сами-оглы.[7] Еще при Надир-шахе потомок старинной местной династии Хаджи Челеби-эфенди восстал против шаха и при поддержке местной знати восстановил независимое Шекинское ханство (1743). В 1805 г. Исмаил-хан шекинский признал себя, наконец, вассалом России, но уже в 1806 г. он был низложен царским правительством. Александр I передал Шекинское ханство эмигрировавшему из южного Азербайджана Джа'фар-кули-хану думбули, бывшему хану хойскому, поселившемуся в Шеки с частью своего племени и правившему здесь с 1806 до 1814 г. После смерти его сына и преемника Исмаил-хана думбули в 1819 г. Шекинское ханство было упразднено царским правительством.

2. Элису и Цахур. Это небольшое владение, владетели которого носили сперва титул беков, потом султанов, упоминается уже в XVI в.[8] Элисуйское султанство подчинилось власти России в 1803 г. и было ликвидировано

---

[1] Эта дата приведена у автора поздней местной хроники Хаджи Сейид Абд-ал-Хамида, Баку 1930, азерб. текст стр. 6, русск. перев. стр. 14.

[2] Об этой династии см. там же, азерб. текст стр. 6, 7, русск. перев. стр. 14, 15; Абд-ал-Лятиф-эфенди, Баку 1926, азерб. текст стр. 3, 4, русск. перев. стр. 5, 6. — Основатель династии, Али-Джан (1444—1457) был незнатного происхождения, из омусульманенной, прежде христианской (удинской или армянской) семьи.

[3] Ахсан-ат-таварих, цит. изд., перс. текст, стр. 348.

[4] В 70—80-х гг. XVI в. хакимом Шеки был Амир-Аслан-хан арашлу афшар, см. Тарих-и алем ара, лит., стр. 161; цит. рук., ч. I, л. 257.

[5] Там же, лит., стр. 457; цит. рук., ч. II, л. 360.

[6] Там же, лит., стр. 762; цит. рук., ч. II, л. 1052.

[7] Абд-ал-Лятиф-эфенди, цит. изд., азерб. текст стр. 4, 5, русск. перев. стр. 6, 7.

[8] См. ферман шаха Тахмаспа I на имя Ади-Куркулу-бека цахурского — 1562 г. н. э., АКАК, т. II, дополнение II, № 1.

в 1844 г.[1] Владетеля Элису и Цахура называли иногда также «малым уцмием»[2] в отличие от «великого уцмия» — владетеля Кайтага в Дагестане.

3. Кабала. Кабала как наследственное меликство упоминается в течение всего рассматриваемого периода.[3]

4. Ареш как отдельная улька, управляемая наследственным хакимом, упоминается со времени шаха Аббаса I. В 1605 г. этим хакимом был Али-султан арешский[4]. Но уже в 1614 г. хакимом арешским был Мухаммед-Хусейн-султан зулкадар.[5] В XVIII в. владетель Ареша стал вассалом хана шекинского.[6]

5. Баку после присоединения его к Кызылбашскому государству до начала XVIII в. управлялся назначаемыми шахом хакимами. В списке эмиров 1628 г. у Искендера Мунши хаким бакинский не упоминается, без сомнения, как не имевший титула хана или султана. Позднее хакимы Баку носили чаще всего титул султана.[7] Но наряду с хакимом в Бакинской улька значительную роль играл наследственный начальник местного феодального ополчения (черик), с чином юз-баши («сотник»). Эти юз-баши были гилянского происхождения, прибыли в Ширван в числе других гилянских эмигрантов в 1592 г. после неудачного восстания Хан-Ахмед-хана гилянского против шаха Аббаса I. Фамилия бакинских юз-

---

[1] О султанстве Элисуйском в XVI — XVIII вв. см. коллекцию ферманов персидских шахских и турецких султанских на имя владетелей Элису, АКАК, т. II, дополнение II, №№ 1—22 (текст и русск. перев.); Есай-католикос, Coll., т. II, стр. 207 и след., Хроника войн Джара, русск. перев. П. К. Жузе с примечаниями Е. А. Пахомова, Баку 1931; Гюлистан ирам, цит. изд., стр. 128, 130; Дм. З. Бакрадзе, Заметки о Закатальском округе, ЗКОРГО, кн. XIV, вып. 1; И. П. Линевич, Бывшее Елисуйское султанство, ССКГ, вып. VII.

[2] Есай-католикос, Coll., т. II, стр. 210, 219.

[3] Есай-католикос, Coll., т. II, стр. 207—209. — Описание Шекинской провинции, составленное ген. Ф. Ахвердовым и ст. сов. Могилевским в 1819 г., Тбилиси 1866, на правах рукописи, раздел «Кабалинский магал». — По истории Кабалы до XVI в. см. у акад. А. Е. Крымского, Страницы из истории северного или кавказского Азербайджана. Кабала, в сборнике в честь акад. С. Ф. Ольденбурга, Л. 1934.

[4] Тарих-и алем ара, лит., стр. 467; цит. рук., ч. II, стр. 360, 361.

[5] Там же, лит., стр. 626, 627; цит. рук., ч. II, лл. 736—739.

[6] Гюлистан ирам, цит. изд., стр. 130, 137. — В Тазкират-ал-мулюк (цит. изд., перс. текст, л. 113а, англ. перев. стр. 102) Ареш и Шеки упоминаются уже как одна улька в составе Ширванского вилайета. — Там же (перс. текст л. 113б, англ. перев. стр. 102) упомянут Агдаш, как отдельная улька курдского племени чамишкизек.

[7] E. Kaempfer, Amoenitatum... fasciculi V... — Мы пользовались подготовленным к печати извлечением из Кемпфера (Описание Баку), С. А. Аннинским (латинск. текст и русск. перевод). Баку (= Бадкубэ); как отдельная улька, упомянута в Тазкират-ал-мулюк, цит. изд., перс. текст л. 113б, англ. перев. стр. 102.

башы владела рядом селений на Апшероне и укрепленным замком в селении Рамана, развалины которого сохранились до наших дней.[1] Один из этих юз-башы, Дергах-кули-бек, во время занятия Баку русскими войсками в 1723 г. (а по другим данным, еще до того) устранил местного хакима (султана) и был утвержден русским правительством местным ханом;[2] в последующие годы он то разрывал с русским правительством, то мирился с ним.[3] Надир-шахом был восстановлен прежний порядок управления в Баку, но после развала его державы в Баку образовалось полунезависимое ханство с династией местного происхождения.

6. Дербенд и в XVI и в XVII — начале XVIII в. управлялся назначаемыми шахом хакимами, которые часто сменялись. В 1628 г. хакимом Дербенда и начальником местного ополчения, состоявшего из «газиев» поселенных здесь частей кызылбашских племен румлу, байят и др., был Фаррух-султан, из выслужившихся шахских гулямов.[4] В дальнейшем в Дербенде назначенный шахом хаким, чаще всего с титулом султана, разделял власть с наибом из местной знати,[5] повидимому, наследственным. Наиб Имам-кули-хан сдал город войскам Петра I в 1722 г. После краткого периода восстановления иранского владычества при Надир-шахе, Дербенд в 1747 г. стал независимым ханством, и сын Имам-кули-хана Мухаммед-Хусейн сделался местным ханом. В 1765 г. Дербендское ханство было присоединено к Кубинскому ханству.

7. Куба, как отдельная улька, при шахе Аббасе I еще не существовала. Лишь позднее,[6] при шахе Сулеймане (1667—1694) в нынешнем Кубинском крае утвердилась в качестве наследственных владетелей, с титулом ханов, местная династия, происходившая из маджалисской ветви уцмиев кайтагских в Дагестане. Резиденцией этих ханов, чаще всего лишь номинально зависевших от шахов Ирана, были крепости Худад и Кулахан, а с 1735 г. — вновь основанный город Куба. Ханы владели также Сальяном.[7] Во второй половине XVIII в. ханство Кубинское, расширенное присоединением Дербенда, временно также Шемахи и Баку, стало одним из наиболее сильных полунезависимых ханств. Оно было окончательно присоединено к России в 1810 г.

---

[1] Гюлистан ирам, цит. изд., стр. 108, 109.
[2] Там же: Бутков, Материалы..., т. I, стр. 48, 49.
[3] Бутков, там же, т. I, стр. 138.
[4] Тарих-и алем ара, лит., стр. 764; цит. рук., ч. II, л. 1056.
[5] Бутков, Материалы..., т. I, стр. 27.
[6] Точная датировка в источниках отсутствует.
[7] Тазкират-ал-мулюк (цит. изд., перс. текст л. 113а, англ. перевод стр. 102) упоминает Кубу, Сальян и Кулахан, как одну улька.

Кроме перечисленных улька, в списке эмиров 1628 г. у Искендера Мунши упоминаются еще находившиеся в Ширване улька Мансур-султана из кызылбашского племени алпаут, Нур-ад-дин-султана пайдар, «из туркменских племен Ширвана», и Шуджа'-ад-дин-султана, главы курдского племени сурлу;[1] местоположение этих улька не указано.

В Ереванской (Чухур-Са'дской) области (вилайете) большая часть территории составляла земли дивана и находилась под непосредственным управлением местного беглербега. После смерти Надир-шаха беглербегство стало наследственным и превратилось в полунезависимое ханство. В Ереванской области в XVI в. были поселены части кызылбашских племен устаджлу, алпаут и байят, при шахе Аббасе I были поселены также ахча-койюнлу каджар; еще раньше здесь утвердились курдские племена чамишкизек, хнуслу и пазуки.[2] В области были следующие значительные улька:

1. Алашкерт. Еще во время владычества туркменских султанов Кара-койюнлу и Ак-койюнлу разные ветви курдского племени пазуки получили в кормление улька в разных частях южной и северной Армении — Арджише (Арчеш), Адильджувазе и Алашкерте.[3] Эти пожалования были подтверждены и расширены шахом Исмаилом I, отдавшим главе племени пазуки Чулак-Халид-беку еще Хнус, Мелазгерд и другие местности в южной Армении. После того как к концу 30-х гг. южная Армения окончательно перешла под власть Турции, одна ветвь эмиров племени пазуки, оставшаяся на территории Кызылбашского государства, удержала свои владения в Алашкертской долине; один из представителей этой ветви Ядигар-бек во время правления шаха Тахмаспа I был настолько значительным владетелем, что к нему присоединилось, кроме людей его племени, до двух тысяч шатров кочевников из разных курдских племен. Ядигар-бек владел населенными и обработанными деревнями и пахотными полями в Алашкертской долине.[4] Эмиры пазуки удерживали власть над Алашкертской долиной и в период турецкой оккупации (1578—1603). К концу XVI в. племя пазуки разделилось на две ветви. Глава одной из этих ветвей — са'длу, Мехди-кули-бек, получил от шаха Аббаса I земельные владения.[5]

---

[1] Тарих-и алем ара, лит., стр. 762, 763; цит. рук., ч. II, лл. 1052, 1053, 1054.
[2] Шереф-намэ, цит. изд., т. I, стр. 332.
[3] Там же, т. I, стр. 328. Историю племени пазуки см. там же, стр. 328—334.
[4] Там же, стр. 331—332.
[5] Тарих-и алем ара, лит., стр. 522; цит. рук., ч. II, л. 414 а. В Тазкират-ал-мулюк эта улька не упомянута.

2. Байязид (Баязет). Этот пограничный с Турцией округ был пожалован шахом Аббасом I Яр-Али-султану, главе жившей в Ереванской области ветви кызылбашского племени байят.[1] Рядом с этим хакимом в списке эмиров 1628 г. у Искендера Мунши упомянут еще Кудай-султан байят, «хаким некоторых округов Чухур-Са'да» (т. е. Ереванской области), однако точнее эти округа не поименованы.[2]

3. Лори. В 1628 г. Шемси-хан казахлу был хакимом Лори.[3] Столетие спустя, в приведенном Авраамом Кретаци списке ханов, присутствовавших на курултае 1636 г. на Мугани, снова упомянут владетель Лори Кельб-Хусейн-хан.[4]

В «Тазкират-ал-мулюк» приведены следующие данные относительно доходов (мадахиль) беглербегов, ханов и султанов, слагавшихся из «жалованья» (маваджиб) и тиулов, а также о поставлявшихся этими хакимами (правителями) кадрах феодального ополчения (черик) пограничных областей Кызылбашского государства. Приведем здесь данные по четырем вилайетам (областям) в первой четверти XVIII в.[5] (см. стр. 142 и 143).

Из этих данных видно, что в первой четверти XVIII в. Армения и Азербайджан поставляли около половины феодального ополчения всего Кызылбашского государства.[6] Приведенный список показывает, что за 100 лет произошли изменения в общем числе улька (ӧлкэ) и в границах вилайетов: так, Нахчеванская улька входила уже давно в состав Чухур-Са'дского (Ереванского),[7] а не Азербайджанского вилайета, как было в начале XVII в.

Таким образом, шахской власти не удалось преодолеть феодальную раздробленность, как не удалось в полной мере сломить и могущество кочевой знати. В большинстве улька в Азербайджане и Армении, как мы видели, главы кочевых племен превратились в местных владетельных династов, а их улька оказались зародышами полунезависимых ханств второй половины XVIII в.

---

[1] Главная ветвь племени байят еще в XVI в. была поселена шахами в Хорасане; главы этой ветви были наследственными хакимами Нишапура. Шах Аббас I освободил все племя байят от податей в диван, — см. Тарих-и алем ара, лит., стр. 575, 576; цит. рук., ч. II, л. 486б.

[2] Там же, лит., стр. 762; цит. рук., ч. II, л. 1052. Ср. Тазкират-ал-мулюк, цит. изд., перс. текст л. 111б, англ. перев. стр. 101.

[3] Там же.

[4] Авраам Кретаци, Coll., т. II, стр. 290. — О подразделениях Чухур-Садского вилайета в начале XVIII в. см. ниже.

[5] Тазкират-ал-мулюк, перс. текст лл. 107б—112б, англ. перев. стр. 100—102.

[6] Там же, перс. текст лл. 107б—123б, англ. перев. стр 102—105.

[7] См. у Закарии-саркавага, Coll., т. II, passim.

Вилайеты и их подразделения	Доходы (в динарах)	Число военных людей
Азербайджанский вилайет		
Беглербег Тебриза и зависимых от него местностей	342 344 906,5	900
Хакимы (ханы и султаны):		
Астары	50 525 357	300
Мараги и удела (улька, ӧлкэ) племени мукаддам	37 297 450	2 700
удела (улька) племени афшар (=Урмийя.— *И. П.*)	73 903 747	2 200
Караджа-дага	8 284 200	200
Чорса	11 689 640	700
Гаваруда (?)	2 577 050	100
округа Капанат (= Капана.—*И. П.*)	8 225 560	188
Варгахана	1 959 500	85
Гермруда	1 360 890	25
улька племени адарба (?)	3 102 550	150
Хаштруда и Табтаба	1 196 532	115
М. д. к. (Мукри?)	7 293 709	1 179
Лахиджана	8 745 390	590
улька племени думбули (= Хой.—*И. П.*)	3 199 096	141
Уджаруда	5 102 095	70
улька племени абдаллу (?)	885 723	100
Сараба	8 451 706	9
улька племени шакаки	3 262 022	319
Зунуза и креп. Карнийярак	4 555 280	150
Мишкина	1 369 856	60
орошенных каналами (анхар) и обработанных земель Мугани (Муганат)	22 022 222	50
Крепости П. ш. к. (?)	575 090	15
султана племени лак-салмаси	3 493 748	100
Кара-Агача (в Талыше)	2 168 352	40
улька шахсевенов иналлу	11 300 980	80
Султании и Зенджана	16 602 059	873
Чухур-Са'дский вилайет		
Беглербег	205 390 000	2 860
Хакимы (ханы и султаны):		
Нахчевана	34 614 346	799
Маку	5 802 888	150
Зарузбиля (?)	4 384 675	200
Садарака	654 358	54
крепости Байязид	3 063 487	100
улька племени шадилу	200 000	30
улька курдов племени думбули	100 000	40
Магазберда	1 156 572	54

Вилайеты и их подразделения	Доходы (в динарах)	Число военных людей
Карабагский вилайет		
Беглербег	286 149 435	1 430
Хакимы (ханы и султаны):		
Загама	59 985 980	1 200
Барда'а	37 922 735	515
Ахтабада (?)	8 525 930	700
улька племени джеваншир	21 028 000	832
Баргушета	3 412 750	300
Кара-Агача	6 365 434	210
Лори и Бамбака	15 458 434	550
Арасбара и улька племени байязидлу	6 018 345	300
округа Сумай (?) и Тергевер	3 002 945	47
Ширванский вилайет		
Беглербег	219 839 033	2 581
Хакимы (ханы и султаны):		
Сальяна, Кубы и Кулахана:		
а) с Сальяна	33 423 845	860
б) с Кубы	77 000 000	
Ареша и Шеки	84 762 465	355
Баб-ал-абваба (Дербенда)	64 873 955	1 600
улька племени алпаут	80 844 727	230
Бадкубэ (Баку)	5 000 000	100
Агдаша и улька племени чамишкизек	10 026 195	30

Всего военных людей (феодального ополчения) поставлялось:

с Азербайджанского вилайета	11 439
с Чухур-Са'дского „	4 287
с Карабагского „	6 084
с Ширванского „	5 756
Всего с Азербайджана и Армении	27 566

(со всего Кызылбашского государства — 59 496);

Глава IV

СОЙЮРГАЛ И МУ'АФИ

Институт сойюргала, сложившийся на рубеже XIV и XV вв., в период расцвета военно-ленной системы, представляющий дальнейшую стадию развития более раннего института икта', занимает видное место в процессе феодального развития Средней Азии, Азербайджана, Ирана и некоторых других сопредельных стран. Вопрос о сойюргале трактовался рядом исследователей.[1] Тем не менее, далеко не все стороны и формы данного института изучены. Упоминания источников о сойюргале, столь частые в XV в., более редки в XVI в., еще более редки в XVII и первой половине XVIII в.

В период полунезависимых ханств (вторая половина XVIII — начало XIX в.) эти упоминания, повидимому, вовсе исчезают; по крайней мере, нам не приходилось встречать их в документах, относящихся к последнему периоду.

---

[1] О сойюргале см.: И. Н. Березин, Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева, ТВОРАО, VIII стр. 428; Dorn, MA. t. III, livr. 1, 1857, p. 71 sq.; N. Khanykov, Lettre á M. Dorn, MA, t. III, livr. 1; Примечания Катрмера (Quatremère) к его французскому переводу „Матла' ас-садейн" 'Абд-арреззака Самарканди, Notices et extraits de Bibliothèque du roi, t. XIV, p. 125 sq; акад. Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, 1934, стр. 115; V. Minorsky, A soyurghal of Qasim Aq-Qoyunlu, BSOS, vol. IX, part 4, 1939, pp. 927—960 (перс. текст, англ. перев. и комментарий); его же, Tadhkirat al-muluk, Introduction, p. 27, London 1943; А. М. Беленицкий, Из истории феодального землевладения в Средней Азии при Тимуридах, „Историк-марксист", 1941, № 4; акад. В. А. Гордлевский, Государство Сельджукидов Малой Азии, 1941, стр. 69, 70; чл. корр. АН СССР А. Ю. Якубовский, Тимур, „Вопросы истории", 1946, № 8—9, стр. 66, 67; Б. Н. Заходер, История Восточного средневековья, 1943, стр. 117, 118; И. П. Петрушевский, К вопросу об иммунитете в Азербайджане, „Исторический сборник" ИИАН, т. IV, 1935, стр. 58 и след.; его же, Внутренняя политика Ахмеда Ак-Койюнлу, „Известия АзФАН, 1942, № 2; его же, Государства Азербайджана в XV в., ч. II, „Известия АзФАН", 1944, № 7, стр. 89 и след.

Монгольский термин «сойюргал» — букв. «пожалование» в XIII—XIV вв. обозначал, повидимому, пожалование в самом широком смысле этого слова государем своему служилому человеку. В таком широком значении мы встречаем его в ярлыке Темир-Кутлуга: «А так как Мухаммед нами пожалован, то мы и сказали: да будет он тарханом».[1] В данном случае имело место «пожалование» (сойюргал) тарханства, т. е. предоставление служилому человеку ряда привилегий, в том числе свободы от податей.[2] В таком же общем смысле сойюргал (в иранизованной форме «сойюргамиши»)[3] упоминается у Рашид-ад-дина, как ленные пожалования Чингиз-хана и Хулагу-хана, первого монгольского государя Ирана (1256—1265).[4] Нельзя считать вполне разрешенным вопрос о том, в каком отношении находились друг к другу термины «сойюргал» и «икта'» в ту эпоху. Скорее всего первым термином обозначалось всякое «пожалование» вообще — земель, чинов[5] или привилегий в широком смысле, в частности и икта' как военного лена.[6]

Иногда термин «сойюргал» в таком же общем значении пожалования встречается и в источниках XVI—XVII вв. Фумени упоминает, что около 943 г. х. (1536 г.), перед казнью возмутившегося и взятого в плен владетеля Дальнего Гиляна[7] Музаффар-султана (Амирэ-Дубадж) из династии Исхакидов, шах Тахмасп I помиловал его пажа («вушак» — буквально «юноша») Шах-Хатима Кухдуми и, «освободив его от уз и цепей и повелев определить ему в сойюргал сумму в 100 туманов тебризских, послал его в округ Кусир кирманский».[8] Хасан-бек Румлу сообщает, что Бабур-падишах (Тимурид, основатель державы Великих Моголов в Индии, умер

[1] В. В. Радлов, Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга, ЗВОРАО, III, вып. 1—2, стр. 18—21, 28, ярлык Темир-Кутлуга.

[2] О значении термина «тархан» в тот период см. Джувейни у В. В. Бартольда, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. I, тексты, стр. 104.

[3] В Армении монгольского периода этот термин был известен в арм. форме — «сгамиш», в значении пожалования вообще, см. у Магакии, изд. К. П. Патканова, стр. 80, прим. 36.

[4] Рашид-ад-дин, изд. И. Н. Березина, (ТВОРАО, XV), перс. текст стр. 66, 77. 143; Raschid-eldin, ed. Quatremère, Histoire des Mongols de la Perse, texte pers. p. 176, 216; Джувейни у В. В. Бартольда, Туркестан, ч. I, тексты, стр, 108.

[5] «Сойюргамиши» называлось, напр., назначение на пост первого министра в государстве Хулагуидов — сахиб-дивана, см. у Рашид-ад-дина, рукопись ИВАН, Д-66, лл. 369б, 376а.

[6] О «сойюргамиши», как пожаловании местности в икта' (военный лен), см. у Рашид-ад-дина, рук. ИВАН, № Д-66, л. 406б; Стамбульская рук., л. 653.

[7] Бийэ пас, территория, лежащая к западу от р. Сефид-руд.

[8] Фумени, цит. изд., стр. 17, 18.

1530 г. н. э.) «ежегодно жаловал достойным людям (арбаб-и истихкак) в виде сойюргала сумму в 18 тысяч туманов тебризских».[1] Из примеров подобного рода не видно, чем сойюргал отличался от тиула как пожалования только права на ренту.

Однако подобные примеры не характерны. Источники, как документальные, так и нарративные, начиная со второй половины XIV в., чаще всего называют сойюргалом особый вид владения и даже пожалованную территорию.

Первые упоминания о сойюргале в техническом значении особого вида ленного пожалования в Азербайджане и Армении относятся к последней трети XIV в.[2] Биограф поэтов Доулетшах (XV в.) сообщает в биографии персоязычного поэта Салмана Саведжи, долго жившего в Тебризе при дворе султана Увейса (1356—1374) из династии Джелаиридов,[3] что мать султана, некогда известная красавица Дильшад-хатун, пожаловала Салману Саведжи, за написанную им касыду (хвалебную оду), на правах сойюргала две деревни в округе Рейя.[4] А когда поэт состарился, сам султан Увейс дал ему сойюргал в округах Рейя и Савэ.[5] Мирхонд сообщает, что в правление султана Хусейна (1378—1382) из династии Джелаиридов брат его Ахмед — впоследствии султан (1382—1410) — «отправился в Ардебиль, который был его сойюргалом».[6] Тот же автор сообщает о пожалованиях султаном Хусейном сойюргалов служилым людям.[7]

Когда государство Джелаиридов было разрушено союзом туркменских племен «чернобаранных» (Кара-Койюнлу) в 1410 г. н. э., их глава Кара Юсуф Кара-Койюнлу, завладев Арменией и большею частью Азербайджана до р. Куры на севере и утвердив свою столицу в Тебризе, по словам Абд-ар-реззака Самарканди, пожаловал Мухаммеду, племяннику

[1] Хасан-бек Румлу, Ахсан ат-таварих, цит. изд., перс. текст, стр. 238, 239; ср. там же, стр. 376. — «Арбаб-и истихкак» — технический термин, обозначавший разные категории лиц, имевших право на пенсии и субсидии от государства (духовные лица и др.).

[2] Сильсилят ан-насаб, рук. ЛГПБ, каталог Ханыкова № 92, л. 58, упоминает о пожаловании даже еще в 1357 г. золотоордынским ханом Джаныбеком, завоевавшим Азербайджан, земель в сойюргал шейху Садр-ад-дину Сефевиду. Но, поскольку об этом упоминает источник XVII в., можно допустить, что здесь могло иметь место перенесение позднейшей терминологии в общественную среду XIV в.

[3] Джелаириды владели Азербайджаном и Арменией в 1360—1410 гг. с перерывом во время вторжений Тимура.

[4] Доулетшах, Тазкират аш-шу'ара, изд. Э. Г. Броуна, перс. текст, стр. 260.

[5] Там же, стр. 261. — О пожаловании в сойюргал земли при султане Увейсе см. также «Дастур-ал-катиб», рук. ИВАН, л. 129б.

[6] Мирхонд, Раузат-ас-сафа, литогр. изд., Лукноу 1883 г. н. э. (1301 г. х.), т. VI, стр. 1077.

[7] Там же, стр. 1075.

эмира Бистам Джагира, округа Ардебиль и Хальхаль на правах сойюргала.[1] Из сообщений того же автора мы узнаем, что Бистам Джагир, тимуридский эмир, уже раньше управлял Ардебилем;[2] повидимому, Ардебиль был пожалован этому эмиру Тимуром после завоевания Азербайджана; позже Бистам Джагир присоединился к Кара Юсуфу, который, следовательно, лишь подтвердил пожалование, сделанное Тимуром. Племянник Бистама Джагира Мухаммед вскоре возмутился в Ардебиле против Кара Юсуфа и последнему пришлось вести с ним войну. Абд-ар-реззак Самарканди приводит еще один факт сойюргального пожалования Кара-Юсуфа: джелаиридский эмир Баба Хаджи Каверди после победы чернобаранных туркменов над султаном Ахмедом Джелаиридом (1410) перешел на службу к их повелителю, и Кара Юсуф, «округ, лежавший в окрестности (крепости) Каверда, повелел ему (Баба Хаджи Каверди) в сойюргал».[3]

Подробнее об этом последнем пожаловании сообщает Мирхонд. По его словам, Кара Юсуф «селение Кал'эй-и Каверд с зависимыми и прилегающими местностями и 600 других селений (карьэ) и пахотных земель (мазра'э) пожаловал ему (Баба Хаджи) в виде сойюргала и издал указ, дабы Баба Хаджи в то время, когда он будет находиться в главной ставке (орду), прикладывал бы в диване печать (к бумагам), и без одобрения его сановники (аркан-и доулет — «столпы державы») пусть не решают никакого важного дела».[4] И в данном случае пожалование было лишь утверждением Баба Хаджи во владении округом, который принадлежал ему раньше. Баба Хаджи со своими братьями, сыновьями и мулязимами (т. е. со своим феодальным ополчением) был принят на службу к Кара Юсуфу и, как сказано, получил звание хранителя печати в диване нового завоевателя. Таким образом, сойюргальное пожалование было обусловлено службой. Мирхонд рассказывает, что после завоевания Армении и Азербайджана и казни последнего джелаиридского султана Ахмеда, Кара Юсуф старался привлечь на свою сторону знатных людей этих стран, раздавая им сойюргалы, а также лошадей, одежды и золото. «Всякого, кто проявлял к нему расположение, он отличал из среды равных (ему) пожалованиями сойюргала».[5] Автор XVI в. Шефер-хан

[1] Матла'-ас-садейн, рук ЛГПБ, Перс. новая серия № 88, л. 206б. См. также франц. перев. Катрмера в Notices et extraits; t. XIV, p. 244.

[2] Та же рук., л. 187а: «эмир Бистам отправился в вилайет свой Ардебиль» (под 810 г. х. — 1407/8 г. н. э.); Quatremère, франц. перев., стр. 135.

[3] Та же рук., л. 206б; Quatremère, франц. перев., стр. 245.

[4] Мирхонд, цит. изд., стр. 1278.

[5] Там же.

Бидлиси рассказывает о пожаловании Кара Юсуфом предку автора, эмиру Шамс-ад-дину, главе курдского племени рузеки, в сойюргал четырех больших округов — Бидлиса, Ахлата, Хнуса, Муша в южной Армении — и приводит копию жалованной грамоты, датированной 10 раби' I 820 г. х. (27 апреля 1417 г. н. э.);[1] ниже мы коснемся этого документа подробнее. Все известные нам случаи сойюргальных пожалований Кара Юсуфа чернобаранного — только подтверждение права владения территориями уже раньше принадлежавшими пожалованным эмирам или их предкам. Этот факт убеждает нас в том, что падение государства Джелаиридов и утверждение на его месте туркменской державы Кара-Койюнлу («Чернобаранной») не сопровождалось в Азербайджане и Армении полной сменой состава господствующего класса и полным перераспределением земельного фонда. Но частичные перемены такого рода имели место; вряд ли приходится сомневаться в том, что значительная часть земель была роздана в виде сойюргала пришедшей с Кара-Юсуфом туркменской кочевой знати. Сойюргальные пожалования были обусловлены обязанностью нести военную службу государю. Когда в 1412 г. ширваншах Ибрахим (1382—1417), в союзе с владетелем области Шеки Сиди-Али и кахетинским царем Константином, начал военные действия против государства Кара-койюнлу, Кара Юсуф потребовал от своих вассалов личного участия в войне; все эмиры явились со своими ополчениями; между прочим, Баба Хаджи Каверди была поручена охрана ардебильской дороги.[2] Что сойюргальные пожалования уже при Кара Юсуфе имели наследственный характер, видно из того, что хотя при сыне и преемнике Кара Юсуфа, Искендере чернобаранном (1420—1435), эмир Шамс-ад-дин был казнен, — по мнению его потомка, автора Шереф-намэ, за сочувствие тимуридскому султану Средней Азии и Ирана Шахруху (1406—1446), врагу державы Кара-койюнлу, — все же передача владений Шамс-ад-дина сыну и преемнику его, эмиру Шерефу, не вызвала никаких возражений со стороны Искендера Кара-Койюнлу.[3]

В этот же период сойюргал, как вид ленного пожалования, широко распространился и вне пределов государства Кара-койюнлу во владениях Тимуридов в Иране и Средней Азии. И здесь в сойюргал жаловались целые области. По сообщениям Абд-ар-реззака Самарканди, только в первые годы правления Шахруха (до 817 г. х. — 1414/15 г. н. э.) разным тимуридским царевичам и эмирам в сойюргал были пожало-

[1] Шереф-намэ, цит. изд., перс. текст, т. I, стр. 376—378. — См. также V. Minorsky, A Soyurghal of Qasim Aq-Qoyunlu, p. 952.

[2] Мирхонд, цит. изд., стр. 1278, 1279.

[3] Шереф-намэ, цит. изд., т. I, стр. 380, 381.

ваны округа Серахс, Андхуд, Дамган, Узгенд, Хамадан с Нехавендом и со всем Луристаном, Шираз [1] и другие области; XV век был периодом распространения этого вида ленного владения в ряде стран Передней и Средней Азии.

В Азербайджане и Армении в период господства чернобаранных султанов (Кара-Койюнлу, 1410—1468), и при владычестве их врагов и преемников — султанов белобаранных туркмен (Ак-Койюнлу, до 1502) продолжалась раздача сойюргалов. Энергичный Узун-Хасан-падишах (1463—1478), первый из белобаранных султанов в 50-х гг. XV в. завоевавший Армению и Курдистан, а в 1468 г. после разгрома чернобаранных орд завладевший и Азербайджаном до Куры на севере, стремился опереться на мусульманское духовенство. Выказывая особое уважение казиям, улемам и другим представителям духовенства, воздвигая мечети и медресэ в Тебризе и других городах, он вместе с тем наделял духовных лиц сойюргалами. [2] Сын его, Я'куб-падишах (1478—1493) «старался об укреплении светлого шариата и повелел определить сойюргалы для сейидов, казиев и улемов». [3] Таким образом, если ранее сойюргалы давались военной знати, теперь их стали раздавать также и представителям духовенства. Но самый характер сойюргала как военного лена в XV в. еще не изменился: от всех владетелей сойюргала падишах требовал личного участия в походах, вместе с определенным числом вооруженных людей. Узун-Хасан, отправляясь в 881 г. х. (1476/7 г. н. э.) в поход против Грузии, «из сейидов и шейхов всех, которые были людьми сойюргала (ахл-и сойюргал), повел вместе с собою и, покорив страну Гурджистан (Грузию), захватил много пленников и из них дал долю каждому из сейидов и шейхов». [4] Особенно много сойюргалов раздавал внук Узун-Хасана Рустам-падишах (1493—1496). По словам автора Любб-ат-таварих, Рустам «был падишах щедрый, и столько сойюргалов, сколько он дал своим людям, из султанов племен Ак-Койюнлу и Кара-Койюнлу никто не дал». [5] Ахмед-падишах Ак-Койюнлу (1497) в соответствии со своей политикой, направленной против тюркской военно-кочевой знати (эмиров), объявил

[1] Матла'-ас-садейн, цит. рук., соответственно лл. 178а, 184б, 185а, 191б, 210а, Quatremère, цит. франц. перев., стр. 74, 120, 123, 156; ср. Мирхонд, цит. изд., стр. 1259, 1277.

[2] Любб-ат-таварих, рук. ИВАН В-660, л. 140б: «И всем (им) дал сойюргалы».

[3] Хондемир, Хабиб-ас-сайяр, бомбейское литогр. изд. перс. текста, 1273 г. х. (1857 г. н. э.), т. III, ч. IV, стр. 15.

[4] В неопубликованной части Ахсан-ат-таварих, рук. ЛГПБ, каталог Дорна, № 287, л. 141а.

[5] Любб-ат-таварих, цит. рук., л. 143а; Ахсан-ат-таварих, цит. изд., перс. текст, стр. 15, 16.

уничтоженными выданные его предшественниками вечные пожалования владетелям сойюргалов (мукаррарийят-и арбаб сойюргал) и лишь в отношении некоторых духовных лиц подтвердил привилегию «му'афи» — освобождения от податей в пользу дивана. [1] Но царствование Ахмеда продолжалось всего семь месяцев, и после гибели его в борьбе с мятежными эмирами от его реформы не осталось и следа.

Можно без преувеличения сказать, что в эпоху правления обеих туркменских династий — Чернобаранной и Белобаранной — сойюргал был наиболее распространенным видом ленного пожалования в Азербайджане и Армении. Приведенные нами выше примеры относились к сойюргальным пожалованиям больших территорий, в сущности целых княжеств. Мы знаем, однако, что сойюргалом могла быть и небольшая территория, заключавшая 2—3 селения. В институте сойюргала военно-ленная система, начальным этапом которой был институт икта' (см. ниже), нашла наиболее полное выражение и развитие. Основою сойюргала и связанного с ним иммунитета (му'афи, см. ниже) был рост крупного военно-феодального землевладения и лежащее в природе феодализма верховенство феодала в военном деле и в суде как атрибут земельной собственности, отмеченное К. Марксом в главе 11 тома I «Капитала». [2] Пожалования падишахов не создали института сойюргала, они лишь оформляли складывавшиеся помимо воли центральной власти отношения. Дабы яснее представить себе специфику сойюргала в XV в., приведем и разберем перевод упомянутой нами выше жалованной грамоты Кара Юсуфа 820 г. х. (1417 г. н. э.), приведенный автором «Шереф-намэ», повидимому, в сокращении. В том виде, в каком он дошел до нас, текст отличается такой точностью и лаконизмом, что его лучше привести целиком.

«Дражайшие дети [наши], — да сохранит их бог всевышний, — и эмиры улусов, туманов, тысяч и сотен, [3] начальники (сардаран), правители и финансовые чиновники (хуккам ва уммаль), землевладельцы (арбаб), городские старшины (калантаран) и жители — знатные (а'ийян), квартальные и сельские старшины (кедхудайян ва меликан) Курдистана — все вообще, и благородные, и ученые (ма'ариф — т. е. бого-

[1] Хондемир, цит. изд., т. III, ч. 4, стр. 21. Подробнее об этом см. в нашей статье «Внутренняя политика Ахмеда Ак-Койюнлу», Изв. АзФАН, 1942, № 2.

[2] См. об этом: И. И. Смирнов, С позиций буржуазной историографии. Вопросы истории, 1948, № 10.

[3] Т. е. наследственные главы кочевых племен и их подразделений, поставлявших в ополчение государя соответственно по 10 тысяч (туман), тысяче, сотне (номинально) воинов.

словы), известные люди (машахир), коренные жители и обитатели Бидлиса, Ахлата, Муша и Хнуса с зависимыми и прилегающими местностями, да ведают, что так как налицо совершенная верность, единомыслие [с нами], предельное отличие, душевная преданность и полное упование и доверие той высокой стороны (джанаб), прибежища эмирата, дражайшего сына [нашего],[1] величайшего, справедливейшего, благороднейшего эмира, эмира эмиров Ирана,[2] эмира Шамс-ад-дина Абу-л-Ма'али, да охранит бог всевышний дни державы его, победы его, достоинства его и благополучия его, — то для служения царственным намерениям нашим оказалось необходимым, дабы мы, согласно прежнему [порядку], отличили и выделили разными благодеяниями и пожалованиями (сойюргалат) вышеупомянутого эмира между равными ему. Поэтому следы милостей и ласк падишаховых на страницах [книги] жизненных обстоятельств его явны и очевидны. Ныне мы вновь пожаловали ему на правах управления, эмирата и обладания поземельную подать (мал у джихат) и подати, следуемые в диван (хукук-и дивани), с Бидлиса, Ахлата, Муша и других крепостей и зависимых местностей с окрестностями, угодьями и сооружениями, которые перед этим были во владении (тасарруф) вышеупомянутого эмира. Мы пожаловали ему их без вмешательства (мудахалат) и соучастия (мушаракат) прочих лиц. Этот указ выпущен по той причине, чтобы, по отношению к вышеуказанному эмиру, эмиры, правители (хакимы) и владетели (мутесаррифы) не чинили вмешательства и не вступали (букв. «не вращались бы вокруг». — *И. П.*) в округа (булюкат), местности, зимние пастбища (кышлаг) и пахотные земли (мазари'), которые прежде всего принадлежали вышеуказанному эмиру, и не стесняли бы крестьян (ра'айя) и людей (мардуман ва кесан) его. Всякий, кто будет противиться ферману, будет в ответе. Обязанность эмиров, сардаров, благородных и знатных людей (а'ийян), обитателей и коренных жителей Бидлиса, Ахлата, Муша и Хнуса, местностей и пахотных земель, начальников крепостей (кутувалян) и жителей (мукиман) их в том, что, постоянно признавая его сиятельство,[3] прибежище эмирата, сына [нашего], своим правителем (хаким) и эмиром, пусть не уклоняются от речей, благих деяний и благоразумных рас-

[1] Обычная в монгольский и послемонгольский период форма обращения государя к своему вассалу.

[2] Здесь «Иран» в значении государства Кара-Койюнлу, включавшего в свои пределы собственно Армению, Азербайджан до р. Куры на севере, Курдистан, Ирак арабский и часть западного Ирана.

[3] Буквально — «доверенных лиц (гумаштэган) той высокой стороны» (джанаб) — техническое выражение, обозначающее в данном случае личность самого эмира Шамс-ад-дина.

поряжений его и пусть следуют путем покорности, подчинения и душевной преданности. И в судебных делах (казайя), обязанностях и делах пусть признают себя подведомственными и зависимыми от доверенных лиц (гумаштэган) вышеупомянутого эмира. За чем бы он (к ним) ни обратился, пусть будут покорны и пусть повсюду (букв. «со всех сторон». — *И. П.*) поступают таким образом. И когда [грамота] будет украшена высокой и благородной государевой печатью, пусть ей верят. Писано в 10-й [день] месяца раби' ал-авваль 820 года».[1]

Привилегии, предоставленные цитированным указом владетелю сойюргала эмиру Шамс-ад-дину, несомненно, были аналогичны привилегиям, предоставлявшимся другим владетелям сойюргала. Эти привилегии не представляются чем-то вполне новым для стран Передней и Средней Азии. Сойюргальные привилегии, думается нам, являются дальнейшим развитием тех феодальных привилегий, которые связывались со старинным институтом икта'. Сам институт икта' пережил значительную эволюцию. Как известно, икта' времен арабского халифата, времен сельджуков и времен монгольского владычества далеко не аналогичны. В эпоху халифата икта' был своеобразным бенефицием; пожалование его означало лишь временную передачу государством отдельным лицам права на взимание поземельного налога (хараджа) с определенных местностей, при чем налог превращался в ренту. В XI—XII вв. икта' стал превращаться в военный лен. Еще в XI в. официальная теория, унаследованная от халифата и нашедшая отражение в «Трактате об управлении» (Сийясэт-намэ), приписываемом Низам-ал-мульку,[2] знаменитому везиру сельджукского султана Мелик-шаха (1072—1092), признавала за военными чинами—владетелями икта' лишь право на взимание ренты с селений или округов, но не на землю, труд, имущество, инвентарь и личность ра'ийятов. Автор «Сийясет-намэ» подчеркивает, что центральная государственная власть смотрела на владетеля икта' (арабск. мукта', перс. икта' дар) не как на землевладельца, а как на чиновника.[3] Однако уже в том же XI в. практика далеко отошла от официальной теории, а быть может и с самого начала рас-

[1] Шереф-намэ, т. I, стр. 376—378. Текст см. в Приложениях, № 1. Перевод наш.

[2] Об этом сочинении имеется специальная монография проф. Б. Н. Заходера (1941 г.), к сожалению, до сих пор еще не опубликованная.

[3] Сийясэт-намэ, изд. Сейида Абд-ар-рахима Хальхали, Техран, 1310 г. хиджры солнечной (1932 г. н. э.), перс. текст, стр. 22. — Об икта' эпохи халифата см. C. Becker, Steuerpacht und Lehnwesen, Der Islam, 1923, Bd. V, Heft 1, S. 84 sq. — См. также А. Ю. Якубовский, Ирак на грани VIII—IX вв. Труды первой сессии арабистов АН СССР, 1937, стр. 47, 48; Н. А. Медников, Палестина под арабским владычеством, т. II, стр. 90.

ходилась с нею.[1] Во второй половине XII в. в Средней Азии владение икта' уже связывалось с почти неограниченной властью над населением территории икта',[2] — ра'ийяты только не были еще лишены права перехода.

Владение икта' в Азербайджане[3] уже в XI—XII вв. становится фактически наследственным. Распространение здесь икта' несомненно: еще Мелик-шах роздал икта' всем военным чинам, бывшим его постоянными мулязимами, имена которых были внесены в реестры, всего до 46 тысяч всадников[4], часть этих воинов-кочевников была поселена в Азербайджане.[5] Были случаи, когда владетели больших территорий икта' в Азербайджане к началу XIII в. превращались в местных князей-династов. Примером династий такого происхождения является фамилия меликов ахарских — Бешкенидов. Основатель этой династии, грузинский азнаур («эмир») Бешкен, был взят в плен сельджукским султаном Алп-Арсланом во время его нашествия на Грузию (в 1065 или 1068 г.). Позднее Бешкен принял ислам и, состоя на службе у султана, получил от него на правах икта' города Ахар и Варави с их округами в южном Азербайджане.[6] Бешкениды сохранили свои владения до 1225 г.; двое последних меликов этой династии чеканили даже свою монету, на которой после имени халифа и азербайджанского атабека (из династии Ильдегизидов) ставили свое имя.[7]

Однако в тот период в Азербайджане подобная практика владения икта' еще далеко не превратилась в общее правило. Заслуживает внимания известие Несеви, придворного историографа последнего хорезмшаха и неудачливого завоевателя стран Закавказья — султана Джелал-ад-дина (1221—1231), о том, что этот хорезмшах отдал округ Гуштасфи в устье рр. Куры и Аракса на правах икта' сыну ширваншаха (неясно, какого именно) Султаншаху. Сам Султаншах, юноша редкой красоты, полюбился хорезмшаху и жил при

[1] На это есть указания в самом тексте «Сийясет-намэ», цит. изд., стр. 94.

[2] См. жалованную грамоту на перс. языке хорезмшаха Текеша из сборника официальных документов «Китаб-ат-тавассуль иля-т-тарассуль», приведенную у В. В. Бартольда, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. I, тексты, стр. 74.

[3] В Армении в тот период преобладали еще формы армянского типа феодальных отношений.

[4] Равенди, Рахат ас-судур, изд. G. M. S., перс. текст, стр. 130, 131.

[5] См. там же, стр. 355—363.

[6] Там же, стр. 441. — См. также: И. Петрушевский, Бешкениды — Пиштегиниды, грузинские мелики Ахара, «Материалы по истории Грузии и Кавказа», вып. VII, изд. ГрузФАН, Тбилиси, 1937 (там же приведены ссылки на Несеви и др. источники).

[7] См. А. Марков, Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа, стр. 433, 434 (монеты меликов Ахара).

его дворе, округ же Гуштасфи находился фактически в управлении везира Шереф-ал-мулька, который, между прочим, предпринял здесь работы по проведению оросительных каналов.[1] Повидимому, для Султаншаха пожалование икта' означало только право на получение дохода с области, но не управление ею. Великому азербайджанскому поэту Низами (1141—1203) атабек Азербайджана, Ильдегизид Джихан-Пехлеван (1174—1186), определил в икта' доходы с двух деревень, но финансовые чиновники не передавали ему этих сумм.[2] Икта', следовательно, в этот период в ряде случаев и на практике означало еще лишь право на ренту, но не на распоряжение землею.

Вероятно, только при монгольском владычестве в Азербайджане и Армении (1239—1340) икта' окончательно превратилось в военный лен, связанный с наследственным владением землями обработанными (абадан) и необработанными (хараб), как и ирригационными сооружениями, с правами налогового иммунитета для икта'дара (владельца икта'). Таким рисуется нам икта' чинов монгольского войска в ярлыке 1303 г. монгольского хулагуидского государя Газан-хана.[3] При монгольском владычестве икта', как вид ленного пожалования, был особенно распространен в Азербайджане.[4]

В начале XV в. икта' упоминается еще как особый вид военного лена,[5] но в дальнейшем, что мы постараемся показать ниже,[6] термин «икта'» исчезает из официальных актов и сохраняется лишь в нарративных источниках, и то как архаическое, чисто книжное выражение для обозначения различных новых видов условного землевладения, в частности сойюргала и тиула. Самый же институт икта' уже к XV в. уступил место сойюргалу.

[1] Несеви, Сират-ас-султан Джелаль-ад-дин, цит. изд. арабск. текст стр. 173; франц. перев. стр. 289.

[2] Доулетшах, Тазкират аш-шу'ара, цит. изд., перс. текст. стр. 129. См. также Е. Э. Бертельс, Великий азербайджанский поэт Низами, Баку 1940, стр. 42.

[3] Текст ярлыка приведен у Рашид-ад-дина, в неопубликованной части Джами'-ат-таварих, рук. ИВАН № Д-66, лл. 405б—408а; Стамбульская рук., лл. 651—658; русск. перев. А. К. Арендса, стр. 282—285.

[4] См. у персидского географа XIV в. Хамдуллаха Казвини, Нузхат-ал-кулюб, цит. изд. G. M. S., vol. XXIII/1, перс. текст, стр. 83, 92, 93; Рашид-ад-дин, рук., Д-66, л. 408б; Стамбульская рук., л. 655 (о назначении Газан-ханом округа Мараги в икта' корпусу личной гвардии хана). — См. также: И. Петрушевский, Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории Вост. Закавказья, «Изв. АН СССР, отд. общ. наук», 1937, стр. 882 и след.; А. А. Али-Заде, К вопросу об институте икта' в Азербайджане при ильханах XIII—XIV вв., «Изв. АзФАН», 1942, № 5, стр. 19—27.

[5] Матла'-ас-садейн, цит. рук., л. 182а; Quatremère, франц. перев. Notices et extraits, vol. XIV, стр. 103.

[6] См. об этом в гл. V настоящей работы.

Из приведенной выше жалованной грамоты Кара Юсуфа 820/1417 г. ясно видно, какими чертами сойюргал того времени совпадал с монгольским икта' и чем он отличался от этого икта'. И в данном сойюргале, и в монгольском икта' общей чертою является привилегия налогового иммунитета для владельца лена, но не для зависимого населения территории лена: владельцу предоставлялось право взимать в свою пользу с ра'ийятов, помимо собственно ренты, также и ту долю бахры или мал у джихата, которую, вместе с другими сборами, полагалось вносить в казну центральной власти (в диван). Общим для обоих видов пожалования является также принцип наследственности. Правда, в сойюргале Кара Юсуфа этот принцип прямо не оговорен, однако он не вызывал ни в ком из современников сомнения, поскольку за эмиром Шамс-ад-дином была закреплена территория, находившаяся в обладании его предков [1] и управляемая после его смерти его потомками, под верховной властью то Каракойюнлу, то Ак-койюнлу, то кызылбашей, то османской Турции до 941 г. х. (1534 г. н. э.). [2] Наследственность сойюргала ясно оговорена в подтвердительной грамоте 1493 г. ардебильского шейха Хейдера Сефевида на имя потомков шейха Захида, разбираемой нами ниже. [3] Наследственный характер пожалования виден также в сойюргальной грамоте царевича Касима ибн Джихангира Ак-койюнлу. [4]

Вместе с тем сойюргальное пожалование предоставляло владельцу более значительные права, нежели икта' монгольского периода. Согласно ярлыку Газан-хана 1303 г. о военных икта', определенный округ отводился под икта' для «тысячи» (хазарэ) военных чинов, т. е. для определенной племенной группы кочевников, поставлявшей 1000 воинов в ополчение (черик), и жалованная грамота выписывалась на имя эмира «тысячи», т. е. наследственного племенного главы и одновременно военачальника. Эмир «тысячи» делил территорию икта' на 10 сотенных «доль» («кысм») и производил жеребьевку их между эмирами «сотен», которые затем наделяли, также путем жеребьевки, долями икта' воинов своей сотни. Власть эмира «тысячи» распространялась только на наделы военных чинов, но не на соседние земли частных землевладельцев или вакфные земли. [5] Между тем цитированная грамота Кара Юсуфа подчиняла эмиру Шамс-ад-дину

[1] Шереф-намэ, цит. изд., т. I, стр. 373, 374.

[2] Там же, т. I, стр. 437—447; Ахсан-ат-таварих, цит. изд., перс. текст, стр. 238, 239.

[3] Сильсилят ан-насаб, цит. рук., л. 160.

[4] V. Minorsky, A. Soyurgal of Qasim Aq-Qojunlu, BSOS, vol. IX, part 4, p. 930.

[5] Рашид-ад-дин, рук. ИВАН Д-66, л. 407а; Стамбульская рук. л. 653, русск. перевод А. К. Арендса, стр. 284.

всех без исключения эмиров, феодальных владетелей, знатных людей и духовных лиц («ученых», т. е. мусульманских богословов) очень обширной территории. Сойюргальная территория эмира Шамс-ад-дина, расположенная в южной Армении, к западу от озера Ван, была намного больше самого крупного из армянских княжеств (Сюник) нахарарского периода. [1] Мы не имеем сведений и о пожалованиях столь обширных территорий в икта' при монгольском владычестве.

Затем, жалованная грамота Кара Юсуфа предоставляла эмиру Шамс-ад-дину не только налоговый, но и административно-судебный иммунитет: никому из представителей центральной государственной власти или соседних владетелей не разрешалось вмешиваться в управление сойюргальной территорией и даже вступать на нее. [2] Право разбора судебных дел (казайя) ра'ийятов и вообще жителей сойюргальной территории было предоставлено эмиру Шамс-ад-дину и его чиновникам. [3] Владельцы икта' монгольского периода пользовались налоговым иммунитетом, но их земли не были изъяты из подчинения чиновникам центрального государственного аппарата; последние не только имели право доступа на территорию военных икта', но даже обязаны были ежегодно являться туда для ревизии. Согласно ярлыку Газан-хана такие ревизии производились особым инспектором военного ведомства (битикчий-и'ариз), который должен был отбирать «доли» икта' у тех воинов, которые оказались бы неисправными по службе или не приняли бы мер к обработке своих земель прикрепленными к ним крестьянами. [4]

[1] См. данные о нахарарствах по «Воинской грамоте» («Зора намак»), приведенные в монографии Адонца, Армения при Юстиниане, и анализ ее). СПб. 1908, стр. 251—265 (текст «Воинской грамоты»

[2] Выражение грамоты «piramun nägärdänd» «пусть они (чиновники) не околачиваются (буквально: «не вращаются вокруг» — выражение, как увидим далее, часто встречающееся и в жалованных грамотах XVI—XVIII вв., трудно понимать, в соответствии с общим духом документа, иначе, как запрещение доступа на иммунитетную территорию. — В сойюргальной грамоте Касима Ак-койюнлу это запрещение формулировано яснее: qäläm wa qädäm kutah wa kashidä daränd» — «пусть перья и ноги укоротят и уберут оттуда», — см. V. Minorsky, цит. статья, перс. текст стр. 930, англ. перев., стр. 934. — То же выражение см. в тексте вакфной грамоты султана Я'куба Ак-Койюнлу на имя медресэ Мансурийэ в Ширазе от 7 зу-л-хиджжи 893 г. х. (13 октября 1488 г. н. э.), приведенной в Фарс-намэй-и Насири, литограф. изд. 1313 г. х., стр. 82 — Выражение это в XVI — XVIII вв. становится обычной формулой сойюргальных документов (см. ниже).

[3] Право судебного иммунитета ясно оговорено в жалованной грамоте шаха Аббаса I 1009 г. х. (1600/1 г. н. э.) на имя управителя (мутаваллия) вакфных имуществ святилища гробницы шейха Сефи-ад-дина в Ардебиле, приведенной в Сильсилят-ан-насаб, цит. рук., л. 171.

[4] Рашид-ад-дин, рук. ИВАН Д-66, л. 407б; Стамбульская рук., л. 653, русск. перевод А. К. Арендса, стр. 284.

Первое из отмеченных нами различий в характере монгольского икта' и сойюргала XV в. — обширность территориальных пожалований, — разумеется, относится только к крупным сойюргалам. Второе — административный (а в некоторых случаях и судебный) иммунитет — было общим правилом для сойюргала. Это обстоятельство позволяет нам видеть в сойюргале XV в. дальнейшее развитие института икта'.

Таким образом, изучаемая нами эпоха XVI—XVIII вв. не создала сойюргала, а унаследовала его от послемонгольского периода. Утверждение державы Сефевидов, как было сказано, не внесло какой-либо коренной ломки в систему феодальных отношений, унаследованных от туркменских государств Қара-койюнлу и Ак-койюнлу. Сефевиды также вынуждены были продолжать раздавать сойюргалы. Хондемир упоминает о пожаловании первым шахом из династии Сефевидов Исмаилом I «приличного сойюргала» одному из шейх-ал-исламов.[1] Мир Яхья ал-Хусейни, хронист половины XVI в., подчеркивает особое благоволение шаха Исмаила I к представителям шиитского духовенства — сейидам, казиям, богословам: «много сойюргалов им и прочим разрядам (служилых людей) пожаловали».[2] Известно, что при этом шахе много земель было роздано знати кызылбашских племен, занявшей руководящее положение внутри класса феодалов в новом государстве. Но при этих пожалованиях выражение «сойюргал» встречается уже реже, нежели в XV в.; при первых же Сефевидах заметно желание центральной власти чаще раздавать пожалования без права иммунитета,[3] либо ненаследственные пожалования с правом налогового иммунитета (тиул).[4] Хронисты передают случаи, когда шах Исмаил I, отбирая сойюргальные территории у мятежных владетелей, подчинившихся кызылбашам неохотно и не оставлявших стремлений к независимости, передавал эти территории представителям кызылбашской знати, но уже на правах тиула, а не сойюргала.[5] Тем не менее, и раздача сойюргалов не прекратилась. Только теперь шах Тахмасп I и его

---

[1] Хабиб-ас-сийяр, цит. изд. т. IV, ч. 3, стр. 113.

[2] Любб-ат-таварих, цит. рук., л. 169б; ср. там же, лл. 161б—162а (о пожалованиях шиитскому духовенству Ирака).

[3] См. в гл. III о пожалованиях «улька» (ӧлкэ).

[4] О тиуле см. в гл. V.

[5] Тарих-и ильчий-и Низам-шах (у Schéfer, Chrestomatie persane, t. II, перс. текст, стр. 99—101) рассказывает о сойюргале Хазарджериб (у юго-вост. берега Каспийского моря), владелец которого эмир Хусейн, узнав о поражении кызылбашей в битве с турками при Чалдыране (1514), поднял мятеж. Подавив мятеж, шах Исмаил отдал Хазарджериб в тиул одному из туркменских племен, а позднее — в тиул Ахи-султану. Округ Хазарджериба давал ежегодно 500 туманов тебризских мал у джихата и мог поставить 1000 всадников и пехотинцев в войско.

преемники стали раздавать сойюргалы уже не столько военным чинам, сколько представителям духовенства и бюрократии.[1] При шахе Тахмаспе I одно время видное положение при дворе занимал сейид эмир Садр-ад-дин Махмуд с тремя братьями, «из сейидов Хусейни», т. е. из предполагаемых потомков третьего шиитского имама Хусейна, главным имением которых было селение Аскуйэ близ Тебриза; их предки получили от прежних государей большие пожалования. Притязания этих сейидов на высшие государственные посты садра садров, везира и другие вызвали их удаление от двора. Шах Тахмасп приказал им жить в селении Аскуйэ и заниматься сельским хозяйством, запретив являться ко двору и в диван, но утвердив за ними те сойюргалы, которые были им раньше пожалованы.[2] Военным людям теперь чаще жаловались тиулы. Но, конечно, ранее пожалованные военным чинам сойюргалы оставались в руках их потомков.

Когда после короткого периода турецкого владычества в Азербайджане (1588—1607) и кавказской Армении (1578—1606) шах Аббас I вновь завоевал эти страны, в Ширванской области он сделал ряд сойюргальных пожалований той части местной знати, которая оказала кызылбашам активную помощь при захвате городов Баку, Дербенда и Шемахи. По рассказу Искендера Мунши, представителей бакинской городской знати, восставшей против Турции и вырезавшей турецкий гарнизон (1606), шах Аббас «одарил и отличил ценными почетными одеждами (хил'а), пожалованиями и сойюргалами, и имущество врагов движимое и недвижимое, попавшее в ограду обладания людей Бадкубэ (т. е. захваченное горожанами после резни турецких воинов и состоявших на турецкой службе бакинцев. — *И. П.*), пожаловал им в дар».[3] Можно думать, что бакинским сторонникам шаха были пожалованы в сойюргал те же земли, которые раньше в этом же округе были отданы турецким правительством в тимар местным сторонникам османской Турции, включенным в списки турецких сипахиев (воинов-ленников).[4] Также после взятия шахскими войсками Шемахи (лето 1607 г.) некоторые из «людей ширванских», державших при турецком владычестве сторону Турции, состоявших в числе сипахи и за'имов (владетелей зи'аметов, т. е. тех же тимаров, но более обширных и большей доходности), теперь перешли на шахскую службу,

---

[1] См., напр., Ахсан-ат-таварих, цит. изд., перс. текст, стр. 375.

[2] Тазкирэй-и шах-и Тахмасп, в версии Мир-Мехди Ширази изд. Хорна, ZDMG, т. 45, стр. 289, 290; Ахсан-ат-таварих, цит. изд., перс. текст, стр. 301, 302; Тарих-и алем ара, литогр. изд., стр. 107.

[3] Тарих-и алем арай-и Аббаси, литогр. изд., 1314 г. х., стр. 515; цит. рук., ч. II, л. 404б.

[4] Там же.

получив от шаха прощение. Нескольких человек из них шах отличил милостями, каждому из них пожаловав тиул и сойюргал». [1] Сыновья и братья этих людей были включены в число шахских мулязимов и отправлены сражаться с турецкими войсками в Ирак арабский. Сойюргальные пожалования здесь, как и всегда, были обусловлены несением службы шаху. Повидимому, и в данном случае бывшие турецкие тимары и зи'аметы были переименованы в тиулы и сойюргалы и частью были переданы в руки новых владельцев, частью же были утверждены шахом за прежними владельцами, перешедшими на шахскую службу.

Известен еще один случай, когда шахом Аббасом I были даны представителям местной знати сойюргальные пожалования, бывшие по сути дела лишь подтверждением прежних владельческих прав этих людей. Турецкие войска были выбиты из Дербенда усмием кайтагским, знатными людьми и верхушкой горожан Дербенда, восставшими против Турции и признавшими над собой власть шаха. По рассказу Искендера Мунши, [2] «сын ходжи Мухаммеда Дербенди со сборищем из господ дербендских и несколькими из мулязимов усмия-хана прибыли к подножию престола султаната», т. е. в ставку шаха Аббаса и объявили себя шахсевенами; «и его величество (хазрет-и а'ля) в воздаяние доброй службы тех людей возвысил их (знатных людей) ценными почетными одеждами (хил'а) и дарением предметов, украшенных драгоценными камнями, и государственные подати (мутаваджжихат) с их имений (амляк) повелел пожаловать им в сойюргал, а горожан (мардум-и шахр) освободили от податей в диван и исключили из податных списков (букв.: «сняли перо [финансового чиновника]»). [3] Надо иметь в виду, что отдача в сойюргал податей с имений — обычная формула сойюргальных пожалований при Сефевидах, на практике означавшая пожалование или утверждение во владении также и самих имений, с правом для владельцев взимать в свою пользу также и подати, которые полагалось вносить в диван (мутаваджжихат, такалиф-и дивани). Тогда же уцмий-хан кайтагский получил от шаха жалованную грамоту на управление (айялет) округом (улька) Дербенда. [4]

Встречаются упоминания о том, что и при шахе Аббасе I обычно небольшие сойюргалы особенно охотно жаловались правительством представителям духовенства. [5] Кроме того,

[1] Тарих-и алем арай-и Аббаси, лит., стр. 529; цит. рук., ч. II, л. 422б.
[2] Там же, лит., стр. 516; цит. рук. ч. II, л. 405а.
[3] Там же.
[4] Там же, лит., стр. 453.
[5] См. напр., Тарих-и Мухаммед-и Тахир-и Вахид, рук. ЛГПБ, каталог Дорна № 303/2, л. 150б.

к началу XVIII в. великий садр (садр а'зам), — в Кызылбашском государстве этот титул был присвоен главе шиитского духовенства, точнее сословия богословов, вместе с тем заведывавшему диваном вакфных имуществ (диван-ас-садарат), — имел право взимать в свою пользу со всех сойюргалов сбор в размере $1/20$ части их дохода. [1] Не видно, чтобы с духовных владетелей сойюргалов в XVII—XVIII вв. требовали личного несения военной службы; по всей вероятности, они лишь поставляли установленное число вооруженных людей в феодальное ополчение (черик). При этом самый характер института сойюргала должен был несколько измениться: духовенство, вместе с гражданской бюрократией, в мусульманских государствах Передней Азии всегда было заинтересовано в существовании сильной центральной власти и поддерживало централистскую политику султанов и шаханшахов. Поэтому центральная власть в XVII — начале XVIII в. и старалась превратить сойюргалы из военных ленов во владения духовных и гражданских сановников. Однако упоминания о сойюргалах как ленных держаниях встречаются и при преемниках шаха Аббаса I, — и в XVII, [2] и в первой половине XVIII в. [3] Все же можно сказать определенно, что и в нарративных и в документальных источниках XVII—XVIII вв. упоминания о сойюргале встречаются реже, нежели упоминания о другом виде пожалования — тиуле.

В XVII—XVIII вв. мы уже не встречаем упоминаний источников о пожалованиях в сойюргал таких обширных территорий, какие жаловались в XV в. туркменскими чернобаранными и белобаранными султанами, за исключением тех случаев, когда речь шла не о новых пожалованиях, а об утверждении старинных досефевидских сойюргалов. Те сойюргалы, с которыми мы встречаемся при Сефевидах, — чаще всего сравнительно небольшие земельные владения. Это обстоятельство, думается нам, не случайно; его следует поставить в связь с централистской политикой шаха Аббаса I и его преемников, стремившихся, — хотя и далеко не всегда последовательно и настойчиво, — не увеличивать числа крупных владетельных феодалов и не предоставлять им тех привилегий наследственности владения и налогового и административного иммунитета, какие были связаны с сойюргалом.

[1] Тазкират-ал-мулюк, цит. изд., перс. текст л. 85б, англ. перев. стр. 86.
[2] См. Тарих-и ахвал-и шейх-и Хазин, изд. Belfour, перс. текст, стр. 154. См. также Тазкират ал-мулюк, цит. изд., перс. текст лл. 58а, 69б, англ. перев. стр. 71, 86.
[3] Тазкират-ал-мулюк, цит. изд., перс. текст л. 130а, англ. перев. стр. 109.

В результате такой политики шахского правительства общая площадь сойюргальных земель, а следовательно и доходы с них, к началу XVIII в. должны были уменьшиться. В этом мы убеждаемся из «Тазкират ал-мулюк», по данным которого общий годовой доход сойюргалов всей Кызылбашской державы, который получали их владетели (впрочем, по официальной оценке, которая, вероятно, была меньше действительного дохода), равнялся всего 367 778 800 динаров,[1] т. е. в 10 раз меньше общего дохода с тиулов (3 753 663 000 дин.) и в 3 раза меньше сумм хамэ-салэ (1 165 302 400 дин.).[2] Еще позднее, в течение XVIII в., упоминания о сойюргале постепенно исчезают. Это, возможно, объясняется тем, что в результате развала шахской державы и торжества феодальной раздробленности, тиулдары расширили свои права, и тиульное держание перестало существенно отличаться от сойюргального;[3] обе формы держания слились.

Чем был сойюргал в XVI — начале XVIII в., можно судить по трем документам, относящимся к сойюргальным владениям, находившимся на территории Азербайджана.

Первое из этих владений — пахотные земли Джура, Маджура и Уранкад в Мурганской области, принадлежавшие потомкам суфийско-дервишеского шейха Захида. Как известно, шейх Тадж-ад-дин Ибрахим ас-Санджани, по прозванию шейх Захид, умерший в 700 г. х. (1300/1 г. н. э.), по народности, вероятно, гилянец,[4] живший чаще в Гиляне и на Мугани и имевший много последователей и в Азербайджане (на Мугани, в Ширване, Мараге и т. д.), был в течение 25 лет «старцем» (пир) и наставником (мюршид) «святого» шейха Сефи-ад-дина (ум. 735 г. х. — 1334 г. н. э.), предка шахов из династии Сефевидов. Шейх Сефи-ад-дин женился на дочери шейха Захида, Биби-Фатиме; благодаря этому Сефевиды по материнской линии были потомками шейха Захида. Умирая, шейх Захид назначил своим преемником и главою созданного им дервишеского ордена не своего собственного сына, шейха Джемаль-ад-дина Захиди, а шейха Сефи-ад-дина.[5] Потомки последнего — Сефевиды — и были затем главами ордена, получившего впоследствии имя Сефевийэ: шейх Садр-ад-дин (ум. 1391/2 г. н. э.), шейх Ходжа-Али (ум. 1426/7 г. н. э.), шейх

[1] Тазкират-ал-мулюк, цит. изд., перс. текст л. 130а, англ. перев. стр. 109.

[2] Там же, перс. текст л. 127б, англ. перев. стр. 107.

[3] См. об этом в следующей главе настоящей работы. Там же см. о курсе динара (стр. 198, прим. 3).

[4] Шейх Захид писал стихи на гилянском яз. — См. E. G. Browne. A literary history of Persia, vol. IV, p. 43. — Фразы на гилянском яз., приписываемые шейху Захиду, приведены в Сафват-ас-сафа, рук. ЛГПБ, каталог Дорна № 300, см., напр., л. 43б.

[5] Сильсилят-ан-насаб, цит. рук., л. 155—157.

Ибрахим Шейхшах (ум. 1446/7 г. н. э.), шейх Джунейд (ум. после 1459 г.), шейх Хейдер (ум. 1488 г. н. э.), шейх Али (ум. 1495 г. н. э.), брат последнего шейх Исмаил впоследствии шаханшах Ирана (1500—1524 гг. н. э.); из них последние четверо были и феодальными владетелями Ардебиля и называли себя султанами. Прямые же потомки шейха Захида оказались в подчинении у Сефевидов, однако все же они занимали среди мюридов и вассалов Сефевидов довольно видное и почетное положение.

Одному из Захидиев, шейху Кутб-ад-дину, шейх Хейдер выдал удостоверение (васикэ), помеченное месяцем раджабом 888 г. (5 августа — 3 сентября 1483 г. н. э.),[1] о том, что земли Джура, Маджура и Урункад на Мугани достались этой ветви Захидиев в «день раздела» имений между потомками шейха Захида, составив «долю» (бахш) одного из них, шейха Шамс-ад-дина Захиди. Потомки последнего владели этими имениями, как наследием, закрепленным за ними жалованными грамотами «султанов» Сефевидов, как владетелей Ардебильской области;[2] «а у прочих высоких потомков... шейха Захида, — по словам грамоты, — в тех упомянутых землях права (буквально «документа») и доли нет». Шейх Шамс-ад-дин Захиди был дядей по матери шейха Садр-ад-дина Сефевида, который, вследствие этого, оказывал ему особое покровительство.[3] Выражение «сойюргал» в данном документе не встречается, но в более позднем документе 1559 г. это же имение названо сойюргалом. Обращает на себя внимание в грамоте 1483 г. также формула перечисления имений этой ветви Захидиев: «Джура, Маджура и община (джама'ат) Маджура, Урункад и община Урункад».[4] Джура, Маджура и Урункад в грамоте 1559 г. названы «пахотными землями»; выражение же «община» (джама'ат) Маджура и Урункад может означать либо одноименные сельские общины,[5] либо одноименные общины (племенные подразделения) кочевников или полукочевников, ведших смешанное земледельческо-скотоводческое хозяйство, довольно обычное в Азербайджане (летние пастбища в горах). Последнее предположение тем более вероятно, что название Урункад, по мнению В. Ф. Минорского, произошло от названия монгольского племени (разумеется, кочевого) Урьянгкит,

[1] Там же, л. 160.

[2] Там же. В этом же документе названы имена шейхов — Захидиев, потомственно владевших названными землями: шейх Шамс-ад-дин, шейх Хамид, шейх Рафи'ад-дин, шейх Кутб-ад-дин.

[3] Там же, лл. 157, 158.

[4] Там же, л. 160.

[5] Ср. выражение «джама'ат-и дех» — «сельская община» или «община селения» (такого-то) в Сафват-ас-сафа, цит. рук., лл. 313а, 325а, 469а, 474б и др.

ветвь которого поселилась на Мугани в эпоху монгольского владычества.[1]

Автор «Сильсилят ан-насаб» шейх Хусейн, сам происходивший из фамилии Захидиев,[2] рассказывает, что после того, как кызылбаши овладели Ираном, Азербайджаном и Арменией, а Исмаил I Сефевид стал шахом, он «повелел пожаловать многие указы (ахкам) относительно му'афи[3] имений (амляк) сойюргала их (Захидиев) на имя прежних шейха Абд-ал-Ваххаба и шейха Шерифа, которые были современниками того государя». Шах Тахмасп I также выдал ряд указов о сойюргальных правах и му'афи имений Захидиев на имя современного этому шаху их представителя — шейха Ака.[4] Из указов шаха Тахмаспа I автор «Сильсилят-ан-насаб» приводит один ферман 966 г. х. (1559 г. н. э.), который содержит указания на некоторые новые черты сойюргала по сравнению с XV в. Поэтому мы приведем перевод его здесь целиком.

«Таков указ. Высочайший ферман последовал о том, что основной (или «первоначальный») малуджихат (асл-и малуджихат) с пахотных земель (мазари') Джура, Маджура и Урункад Муганской области (улькай-и Муганат), согласно указу того, кому подчиняется мир (шаха), определен и утвержден в сойюргал высоким потомкам шейха господня, шейха Захида, — да освятится славная гробница его, и изменения в том [пожаловании] не произошло. И так как отмеченная щедростью августейшая благосклонность наша к ним достигает высочайшей степени, посему мы повелели установить: славнейший, справедливейший, могущественный, отмеченный титулом султанским Абу-л-Фатх Бахрам-мирза,[5] — да продлит жизнь его бог всевышний, — векили[6] его и мелики[7] упомянутой области и откупщики налогов (мустаджиран) с пахотных земель Муганской области пусть никоим образом ничего не требуют с пахотных земель сойюргала их (потомков шейха Захида) под предлогом взимания прироста (букв. «разницы» — тафавут. — *И. П.*) и излишка (тауфир) мал у джихата и не взимают поголовной подати (серанэ). И если бы оказался прирост за годы прошедшие, настоящие и будущие, пусть его признают, согласно первоначальному правилу (дастур-и асль) их вечным сойюргалом и вечным пожалованием. И что из той суммы вышеуказанному славнейшему, справедливейшему брату нашему определили бы в тиул, обстоятельства того (пожалования в тиул) пусть подробно выяснят. И благородные казначеи (мустауфийян) высочайшего дивана, исключив те суммы из статьи тиула, пусть признают их, согласно сему указу, сойюргалом их (потомков шейха Захида) и, оказывая должное внимание, пусть остерегаются противления, каковое — основание для наказания. Даруга,[1] мелики и тушмали[2] указанной области пусть признают [это пожалование], согласно содержанию приказа, и пусть не предъявляют [на земли сойюргала] ассигновок (хавалят) ради взыскания налогов ихраджат, хариджийят, тауджихат под предлогом отмены налоговых льгот (тахфифат-и масдудэ),[3] под каким бы то ни было названием и на каком бы то ни было основании. Пусть они (должностные лица) укоротят и удалят свои перья и ноги [от земель сойюргала] и пусть не околачиваются вокруг них. А если бы что-нибудь было уже взыскано, пусть возвратят и пусть не удерживают под какими бы то ни было отговорками. Зная запрет по этому поводу, пусть от исполнения приказанного не уклоняются и пусть не требуют ежегодно возобновления грамоты. И пусть, числя исполнение на своей ответственности, остерегаются жалоб (потомков шейха Захида). Шах Гази,[4] признав приказ, согласно вышеписанному, пусть не вступается в дела саркара их (потомков шейха) и не околачивается вокруг [их земель]. И пусть числит [те земли] исключенными из откупа (муката'а) меликов и откупщиков (мустаджиран) пахотных земель Муганской области. Писано 20 джумады II 966 года (30 марта 1559 г. н. э.)».[5]

В этом указе мы, прежде всего, встречаемся с двояким значением термина «сойюргал». С одной стороны сойюргалом именуются пахотные земли, т. е. самая территория,[6] и таково было бытовое значение этого термина, утвердившееся к концу XIV в. С другой стороны, в соответствии с официальной теорией централизованной монархии, признававшей эту землю собственностью государства или, — что то же самое, — шаха, шахские чиновники, составлявшие шахские указы, пытались истолковывать понятие «сойюргал» лишь как пожалование владельцу имения права взимать в свою пользу те или иные

---

[1] См. об этом V. Minorsky, Mukan, EJ, vol. III. О цитированной грамоте 1483 г. см. также V. Minorsky, A Soyurghal of Qasim Aq-Qoyunlu, p. 956—958.

[2] Сильсилят-ан-насаб, цит. рук., л. 164.

[3] Освобождение от податей, налоговый иммунитет, см. ниже.

[4] Сильсилят-ан-насаб, цит. рук., л. 161.

[5] Младший брат шаха Тахмаспа I.

[6] В данном случае — заместители по управлению Муганью царевича Бахрам-мирзы, для которого титул правителя Мугани был лишь почетной и доходной синекурой.

[7] О термине «мелик» см. в гл. III.

---

[1] Административно-полицейский пост.

[2] Низшие агенты административно-полицейской власти.

[3] О значении этих терминов см. ниже.

[4] Векиль Бахрам-мирзы.

[5] Сильсилят-ат-насаб, цит. рук., лл. 162—164. Перевод наш. Перс. текст см. в Приложениях, № 2.

[6] Сильсилят-ан-насаб, цит. рук., л. 162.

налоги. Эта последняя точка зрения усердно отстаивалась гражданской бюрократией, состоявшей в Кызылбашском государстве почти сплошь из персов. Но эта точка зрения не признавалась верхушкой класса феодалов — военно-кочевой кызылбашской знатью, и всегда оставалась лишь официальной теорией, далекой от живой действительности. Тем не менее попытки применения этой теории на практике делались. И в данном случае издание шахом Тахмаспом I нового указа, подтверждающего сойюргальную привилегию Захидиев, было вызвано тем, что финансовые чиновники ('уммаль) и откупщики государственных налогов (мустаджиран) Муганской области пытались истолковать сойюргальные грамоты на имя Захидиев в том смысле, что последним шах предоставил право удерживать в свою пользу не все государственные подати, а лишь существовавшие исстари; вновь введенные же подати подлежали, согласно этому истолкованию, передаче чиновникам дивана или откупщикам. Надо иметь в виду, что в Кызылбашском государстве, в результате предпринимавшихся по временам шахским центральным правительством повышений размеров податей, основная поземельная подать (мал у джихат, иначе маль, бахра или харадж) также увеличилась. Различали основной, или первоначальный (асль), [1] мал у джихат и позднейшие приращения и начисления на него, обозначавшиеся арабскими терминами «фар'», «тафавут» (ветвь», «разница»), или «тауфир», в персидском произношении «тоуфир» (букв. «излишек»). [2] Насколько значительны были эти начисления, видно из того, что только в одной из областей Кызылбашской державы — Ираке персидском в конце XVI в. они давали в шахскую казну более 50—60 тысяч туманов ежегодно. [3] Вот эту-то «разницу» муганские чиновники и пытались собирать с сойюргала Захидиев в пользу казны.

Шахский указ запрещал эти сборы, приказывая чиновникам вернуть Захидиям даже то, что уже было взыскано с них. Указ подтверждал, что и «разницу» следует считать сойюргальным пожалованием Захидиям, как и остальные налоги. Автор «Сильсилят-ан-насаб» так поясняет смысл этого шахского указа: «Шах издал подтвердительный указ (хукм-и

[1] Об этом термине см. Тарих-и алем ара, лит., стр. 405; цит. рук., ч. II, л. 285.

[2] Об этих начислениях (фар') на первоначальный хараджупоминает уже в XIII в. «Трактат о финансах» Насир-ад-дина Туси (изд. перс. текста Минови и Минорского, BSOS, т. X, вып. 3, стр. 762), а в начале XIV в. — Вассаф (литогр. изд. перс. текста, стр. 435, 439). По словам последнего, фар' в то время составлял 10% первоначального (асль) хараджа.

[3] Тарих-и алем ара, цит. места; о термине «тафавут» см. Ерев. док. № 1/7; см. также V. Minorsky, цит. статьи, стр. 956, 957; см. также Тазкират ал-мулюк, комментарий, стр. 176, 177.

такид) по этому поводу с таким обязательством, что когда государственные контролеры (мумейизан) найдут «излишки» (или «разницу» — тафавут) в сойюргале их (Захидиев), пусть их по этой причине не стесняют», [1] т. е. пусть не требуют этих «излишков» в казну. Надо иметь в виду, что со стороны шахской власти это была уступка не в пользу крестьян, а в пользу владельцев сойюргала, к которым и переходило право взимать «тафавут».

Шахский указ запрещал чиновникам взимать в сойюргале и другие подати: серанэ — поголовную подать, ихраджат — установленные «издержки» на частные расходы казны, хариджийят — чрезвычайные сборы такого же рода, тауджихат, [2] повидимому, синоним очень обычного еще со времен монгольского владычества термина «мутаваджжихат-и дивани», которым обозначалась совокупность всех налоговых сборов, взимавшихся в пользу дивана (казны). Любопытна ссылка фермана на какие-то льготы или «облегчения» при взимании податей, очевидно, сделанные было шахским правительством, затем отмененные («тахфифат-и масдудэ» — букв. «пресеченные льготы»). Отмена этих льгот служила для финансовых чиновников поводом для предъявления новых требований к владельцам сойюргала и их ра'ийятам. [3]

Далее мы видим, что муганские финансовые чиновники, считая, что налоговый иммунитет владельцев сойюргала не распространяется на ряд податных сборов, допускали возможность передачи права взимания этих сборов с территории сойюргала на правах тиула [4] разным служилым людям или правителю Бахрам-мирзе. Шахский ферман объявлял эти тиульные пожалования недействительными. Ферман подтверждает полностью права владельцев сойюргала не только на налоговый, но и на административный иммунитет: местным чиновникам запрещается доступ на сойюргальную территорию, как это ясно видно из приведенного текста фермана.

Второй из характерных сойюргальных документов изучае-

[1] Сильсилят-ан-насаб, цит. рук., л. 161.

[2] Множ. число от арабского «тауджих», в персидском и азербайджанском произношении «тоуджих» (конечное «х» в речи не слышится) — букв. «подать». Здесь этот термин, повидимому, имеет то же значение, что «мутаваджжихат». О термине «ихраджат» см. V. Minorsky, цит. статья, стр. 946.

[3] Такие акты, как отмена шахским правительством им же дарованных налоговых льгот, вообще были не чужды государственной практике шахского Ирана. Хорошо известен пример с Надир-шахом, который в 1739 г. «простил» всем своим подданным подати на 3 года, а в 1743 г. велел взыскать подати за эти 3 года сразу. О практике проведения этой меры см. у Мухаммед-Казима, рук. ИВАН № Д-430, т. III, лл. 46а, 100а—104б, 165а—169б, 239б, 146б и др.

[4] В данном значении — пожалование ренты или части ее с какой-либо территории. О тиуле см. в след. главе настоящей работы.

мой эпохи, относящихся к Азербайджану, датируется 1113 г. х. (1701 г. н. э.). Однако этот документ дает возможность проследить судьбу одного сойюргального владения на протяжении по меньшей мере одного столетия. Речь идет об одном из сойюргалов, принадлежавших семье усердных вассалов Сефевидов, наследственных владетелей (хакимов) горного округа Карадаг (иначе Караджадаг, «Черная Гора»)[1] в южном Азербайджане. Еще в XV в. здесь было большое число приверженцев, суфиев-мюридов, ордена Сефевийэ и его наследственных шейхов, ардебильских Сефевидов; к числу этих мюридов принадлежали прежде всего местные феодальные владетели. «Суфии Караджа-дага» вместе с семью кызылбашскими племенами оказали деятельную поддержку выступлению шаха Исмаила I против ширваншаха Фаррух-Ясара и туркменских белобаранных султанов в 1500 г. н. э.[2] После победы Исмаила I и образования Кызылбашского государства звание хакимов Карадага осталось наследственным в семье Караджа Ильяса,[3] соратника Исмаила I. Члены этой семьи продолжали считаться «дервишами», «суфиями» и «мюридами» шахов Сефевидов, и носили дервишеский сан «халифэ», т. е. «наместников» Сефевидов, как главных шейхов дервишеского ордена. Еще при шахе Исмаиле I этим карадагским халифэ были пожалованы разные сойюргалы и иммунитетные льготы,[4] как в пределах Карадага, так и, вероятно, вне его, но Карадагский округ в целом нигде в источниках не именуется сойюргалом. Тот сойюргал, о котором мы говорили выше, — мелкое имение, какими, вероятно, были и остальные сойюргалы семьи карадагских халифэ.

Во второй половине XVI в. представитель этой семьи Халифэй-и Ансар,[5] хаким Караджадага и одно время беглербег Ширвана, играл видную роль при дворе шаха Тахмаспа I. Один из сыновей Халифэй-и Ансара, Сохраб-бек, был жестоким усмирителем восстания ремесленников и городской бедноты в Тебризе в 1573 г.[6] Другой сын Халифэй-и Ансара Шах-верди-хан, хаким Караджадага, при завоевании Азербайджана турками (1588), перешел на их сторону, изменив шаху.[7] За это он и ряд членов его семьи, после нового завоевания Азербайджана кызылбашами в 1603 г., были казнены. Но все же новым хакимом Караджадага был назначен один из

[1] Это название округа в персидской форме — Сийях-кух («Черная гора») встречается уже у Хамдуллаха Казвини, Нузхат-ал-кулюб, цит. изд., перс. текст, стр. 197, 223.

[2] Ахсан-таварих, цит. изд., перс. текст, стр. 41.

[3] См. о нем там же, стр. 35.

[4] Тарих-и алем ара, лит., стр. 622; цит. рук., ч. II, л. 726.

[5] Ахсан-ат-таварих, цит. изд., перс. текст стр. 437.

[6] Там же, стр. 455—457.

[7] Тарих-и алем ара, лит., стр. 271; цит. рук., ч. II, л. 39.

представителей — верных шаху — той же семьи, Максуд-султан.[1] Семья эта, таким образом, не утратила своих наследственных прав на Карадаг, не потеряла и своих сойюргальных имений. Кочевые традиции в Кызылбашском государстве были настолько сильны, что семья карадагских халифэ вместе со своими вассалами и своим феодальным ополчением (кошун) официально считалась особым «племенем». В ряду кызылбашских племен, судя по приведенным Искендером Мунши данным писцовых книг (дафтаров) военного ведомства шахского правительства,[2] «племя карадаглу» занимало восьмое место,[3] непосредственно после семи главных кызылбашских племен.

Приведенные нами подробности относительно семьи карадагских халифэ могут показаться длинными и скучными, но они кажутся нам необходимыми для выяснения одной из наиболее характерных черт сойюргального владения — наследственности. Упомянутый нами сойюргальный документ 1701 г. н. э. — ферман шаха Хусейна, изданный на имя Байяндур-султана, хакима караджадагского, о пожаловании его сыну Мухаммед-Касим-беку в сойюргал суммы в $63\,096^1/_2$ динаров «из статьи мал у джихата и других сборов (вуджухат)» с округа Дизмар в том же Карадаге. Судя по небольшим размерам пожалованной суммы,[4] она могла составляться из налоговых сумм, взимавшихся не со всего Дизмарского округа, а, вероятно, лишь с одного или нескольких селений этого округа. Пожалование в сойюргал суммы доходов — обычная формула сефевидских ферманов; практически, как это видно из текста данной грамоты, эта формула означала и пожалование самой территории, с которой взимались налоги. Сойюргал был пожалован Мухаммед-Касим-беку под условием доставки в шахское войско семи человек снаряженных и вооруженных, из людей (т. е. жителей) сойюргала.[5] В тексте мы встречаем такое место: «Пусть кедхуды (старшины селений) и ра'ийяты сказанного махала, признавая упо-

[1] Там же, лит., стр. 622; цит. рук., ч. II, лл. 726, 727.

[2] Тарих-и алем ара, лит., стр. 761—764; цит. рук., ч. II, лл. 1050—1056.

[3] Там же, лит., стр. 762; цит. рук., ч. II, л. 1052.

[4] Судя по дошедшей до нас купчей грамоте 1704 г., современной упомянутому ферману шаха Хусейна 1701 г., за сумму в 6 туманов (60 тыс. дин.) тебризских в то время можно было купить целое селение. Ерев., № 1/8 (Приложения, № 8).

[5] Персидский текст фермана опубликован с французским переводом Н. Ханыковым, Lettre de M. Khanykov à M. Dorn précédée d'un rapport de cet Académicien, MA, 1857, t. III, livraison 1, texte pers. p. 71—74. traduction fran., p. 74—76.2 — Перс. текст фермана см. в Приложениях № 3. Ферман приведен и разобран также в нашей статье «К вопросу об иммунитете в Азербайджане в XVII—XVIII вв., «Исторический сборник» № 4, изд. ИИАН, 1935, стр. 58—67. — Об этом документе см. также в новой работе В. Ф. Минорского, A Soyurghal of Qasim Aq-Qoyunlu, pp. 958—959.

мянутое прибежище высоты и величия (т. е. Касим-бека) обладателем сойюргала своего, из года в год представляют ему мал у джихат, сборы (вуджухат) и подати диванские (хукук-и divani), [следуемые] с них, по тому же обычно, как они выполняли необходимые повинности предшествовавшим обладателям сойюргала (сахибан-и сойюргал) и вышеупомянутому роду, ничего не упуская и ничего не утаивая».[1]

В общем, характер сойюргального владения в этом фермане обрисован таким же, как и в рассмотренных нами более ранних документах. Отметим, что и здесь сойюргалом названа пожалованная территория. Помимо этого, в тексте фермана мы находим три особенности, резко отличающие сойюргал от другого вида условного владения — тиула, распространенного в XVI—XVIII вв.

1. Обязанность владетеля сойюргала поставлять вооруженных людей в шахское войско предполагает подчинение пожалованных селений его власти, тогда как в жалованных грамотах Сефевидов на тиульное держание такое право, по крайней мере официально, не давалось до XVIII в.

2. В отличие от тиула пожалование данного сойюргала — как и всякого вообще сойюргала — было наследственным. Из текста фермана видно, что хотя при вступлении во владение наследника сойюргала требовалось возобновление пожалования шаханшахом Ирана, но такое возобновление носило формальный характер. Порядок наследования соблюдался достаточно строго, и только в случае отсутствия прямого наследника сойюргал мог перейти к родственникам по боковой линии; ни шах, ни местный хаким (хан) не изменяли порядка наследования. В данном фермане пожалование сойюргала Мухаммед-Касим-беку мотивировано тем, что после предыдущего владельца Бурхан-ад-дин халифэ не осталось прямых наследников (сыновей), вследствие чего сойюргал и был пожалован шахом ближайшему родственнику покойного — Мухаммед-Касим-беку. В фермане приведены имена шести членов семьи карадагских халифэ, владевших этим сойюргалом:[2]

1. *Ильяс-халифэ*
|
2. *Шамс-ад-дин-халифэ*
|
4. *Ильяс-халифэ*
|
5. *Бурхан-ад-дин-халифэ*

3. двоюродный брат его *Махмуд султан*, хаким карадагский
|
Байяндур-султан, хаким карадагский
|
6. *Сараджан-Мухаммед-Касим-бек*

[1] Перевод всего текста, как опубликованный ранее, не приводим.
[2] Цифрами указан порядок наследования.

Хронологические рамки периода, в течение которого данный сойюргал переходил последовательно к шести наследникам одной и той же фамилии, на основании фермана установить не представляется возможным. У Искендера Мунши в перечне эмиров, бывших в живых в 1038 г. х. (1628 г. н. э.), упомянут эмир «племени» карадаглу Бурхан-ад-дин-халифэ, сын Ильяс-халифэ, хаким Караджадага,[1] «из старинных суфиев (суфийян-и кадим) этого рода», т. е. династии Сефевидов. Однако это упоминание хронологически не совпадает с сообщениями нашего фермана, — трудно допустить, чтобы Бурхан-ад-дин мог оставаться в живых с 1628 до 1701 г., когда он умер, согласно нашему ферману. Скорее можно думать, что речь идет об одноименных, но различных лицах, носивших популярное в данной фамилии имя; к тому же в фермане Бурхан-ад-дин не назван хакимом Караджадага.

Наследственный характер сойюргала достаточно доказывается целым рядом документов. Напротив, в тиульных пожалованиях признания наследственности, по крайней мере до XVIII в., мы не находим.[2]

3. В данном фермане налицо и черты налогового и административного иммунитета: владетелю сойюргала (сахиб-и сойюргал) предоставлено право взимать в свою пользу и ту долю ренты-налога, которая предназначалась государству, «подати диванские». Сверх того, правителям и финансовым чиновникам вообще запрещался доступ на территорию сойюргала в тех же выражениях, какие мы видели уже в рассмотренных нами документах.[3] Тиульное пожалование таких прав не представляло: тиулдару могли быть пожалованы либо полностью все доходы с данной территории, либо только некоторые из них. Об административном иммунитете и о запрещении чиновникам доступа на территорию тиула при этом не было и речи. Напротив, нередко пожалованная в тиул сумма собиралась чиновниками и затем уже передавалась ими владетелю тиула. Поэтому невозможно согласиться с Н. Ханыковым, видевшим в сойюргале тот же вид владения, «который существует в Персии доныне под именем тиула».[4]

Термин «сойюргал» встречается в нескольких шахских указах из небольшой серии персидских жалованных грамот, относящихся к мазару (гробнице) чтимой шиитами святой Биби-

[1] Тарих-и алем ара, лит., стр. 762; цит. рук., ч. II, л. 1052.
[2] См. об этом подробнее в след. главе настоящей работы.
[3] Там же; цитату см. ниже, стр. 176, 177. — Впервые это запрещение встречается в сборнике официальных документов половины XIV в. (перс.) Мухаммеда Нахчевани «Дастур-ал-катиб», рук. ИВАН, из коллекции В. Тизенгаузена, без №, лл. 222б, 224а.
[4] В той же статье Н. Ханыкова, стр. 76. — Пишущий эти строки в упомянутой выше статье также рассматривал сойюргал как вид тиула. Новые данные, изложенные ниже, заставляют нас изменить этот взгляд.

Хейбат, сестры восьмого шиитского имама Али-ар-Риза, близ г. Баку, в нынешнем Биби-Эйбатском нефтяном районе (в так называемой «Шиховой деревне»). Копии этих грамот, снятые акад. Б. Дорном, хранятся в Рукописном отд. ИВАН; [1] подлинники, повидимому, не сохранились. Все грамоты касаются вакфных имуществ, главным образом, селения Зыг, или Зых, близ Баку. Мазаром управляли наследственные шейхи из сейидов-Алидов. Повидимому, при мазаре существовал ханаках (суфийско-дервишеская обитель). Прямого упоминания о ней в документах нет, но часто упоминается о дервишах, [2] живших близ мазара; это заставляет предполагать и существование дервишеской обители.

Термин «сойюргал» встречается в четырех ферманах упомянутой серии [3] и во всех случаях в применении к вакфному владению, т. е. к недвижимости, завещанной религиозному учреждению, в данном случае мазару. В фермане, например, шаха Аббаса II, изданном в месяце зу-л-хиджже 1066 г. х. (1656 г. н. э., сентября 20 — октября 19), сказано, что «указанное селение [4] определено со всем имуществом и состоянием, в сойюргал... гробнице», [5] тогда как в других ферманах этой серии то же селение Зых названо «вакфом», — «вакфной местностью» [6] гробницы. Это обстоятельство показывает, что термин «сойюргал» прилагался и к вакфному владению, если с ним связывались наследственность звания попечителя (мутаваллия) его и право налогового и административного иммунитета. То и другое, следовательно, считалось основными признаками сойюргала.

Какими же чертами рисуется сойюргал в упомянутых ферманах? Прежде всего, здесь, как и в фермане шаха Хусейна 1701 г., сойюргал — наследственное владение. Шейхи, управлявшие мазаром и стоявшие во главе общины дервишей, утверждались в своем звании шахом из одного и того же алидского рода, со строгим соблюдением порядка наследования, что вполне допускалось вакфным правом. Этот порядок наследования по упомянутым ферманам удается проследить на протяжении четырех поколений, управлявших мазаром в течение более чем столетнего периода (1547—1668 г. н. э.).

Шейх Буньяд,
ум. в 963 г. х. (1555/6 г. н. э.)

Шейх Гулям-Али,
был жив еще в 1015 г. х. (1606/7 г. н. э.).

Шейх Хаджи Аскер-Али, племянник и зять шейха Гулям-Али, ум. ранее 1064 г. х. (1653/4 г. н. э.). = дочь шейха Гулям-Али [1] (имя не названо)

Шейх Мухаммед-Муким, [2]
был еще жив в 1078 г. х. (1667/8 г. н. э.).

Далее мы видим здесь признаки того же иммунитета, что и в рассмотренном выше фермане шаха Хусейна 1701 г. н. э. Этот иммунитет (му'афи) в фермане шаха Аббаса I, изданном в месяце зу-л-ка'да 1015 г. х. (28 февраля — 29 марта 1607 г. н. э.) рисуется так: «...сливки шейхов, шейх Гулям-Али, сын шейха Буньяда, мутаваллия преблагословенной гробницы дочери имама, достойной почитания и уважения, и община (или «сборище») дервишей-служителей указанной гробницы... представили благороднейшее прошение о том, что селение (Зых), из зависимых местностей Бадкубэ [3] ширванского, согласно указу его величества, обитающего в раю, [4] есть вакф правителя (саркар, т. е шейх Гулям-Али) преблагословенной гробницы. И поземельная подать (мал у джихат) с того [селения] определена в сойюргал и му'афи [5] упомянутой гроб-

[1] ИВАН, рук. отд., из архива, фонд 15, № 44/284,8. Пишущий эти строки предполагает опубликовать, вместе с переводом и введением, все 10 ферманов этой серии. Поэтому приводить здесь тексты ферманов целиком представляется излишним.

[2] См., напр., в док. № 2 той же серии, ферман шаха Тахмаспа I, изданный в месяце мухарреме 963 г. х. (1555 г. н. э.).

[3] №№ 3, 4, 7, 8 той же серии (ферманы 1015—1607 г., 1060—1650 г., 1066—1656 г., 1078—1668 г.).

[4] Зыг или, как теперь обычно пишут это название, Зых, находится к юго-востоку от гор. Баку.

[5] Док. № 7 той же серии.

[6] Док. № 6 той же серии **«махал-и вакфи»**.

[1] Док. № 4 той же серии — ферман шаха Аббаса II, изданный в месяце мухарреме 1060 г. х. (1650 г. н. э., января 4 — февраля 2). В этом фермане есть указание, что шейх Хаджи Аскер Али был утвержден в звании мутаваллия, как зять шейха Гулям-Али, указом, изданным в 1043 г. х. (1633/4 г. н. э.).

[2] № 5 той же серии, — ферман, изданный в месяце джумаде II 1064 г. х. (1654 г. н. э.). Права шейха Мухаммед-Мукима оспаривали дяди его по отцу, шейх Хасан и шейх Хусейн, братья шейха Хаджи Аскер-Али. Им, однако, шах Аббас II отказал на том основании, что шейх Мухаммед-Муким — прямой потомок — сын дочери — шейха Гулям-Али (док. № 6 той же серии, ферман, изданный в месяце шавале 1064 г. х. — 1654 г. н. э., августа 15 — сентября 12). Притязания братьев шейха Хаджи Аскер-Али указывают на то, что последний был не только зятем, но и племянником или во всяком случае родственником шейха Гулям-Али.

[3] Обычная в данный период иранизованная форма названия города Баку.

[4] Т. е. покойного шаха. Обычно это титулование давалось шаху Тахмаспу I. См. Тарих-и алем ара, лит., стр. 34—126, passim.

[5] Араб.-перс. термин «му'афи» — «состояние му'афа». Му'аф, как думает В. Ф. Минорский — персидское видоизменение арабского «му'авваф» — из'ятый, освобожденный (от податей) — V. Minorsky, цит. статья, стр. 956.

нице. Просили о [подтверждении] му'афи и сойюргала на упомянутое селение и [уступки сбора] десятины (ушр) с трех ископаемых нефтяных колодцев, что находятся в окрестностях указанной гробницы, вместе с чобан-беги [с числа] около 1500 голов баранов мутаваллия, дервишей указанной гробницы и ра'ийятов селения Зых,[1] налогом с садов (ушр-и баг), десятиной (ушр) с хлопка и посевов хлеба, которые дервиши производят на земле Дуль-дерэ».[2]

Как видно из того же фермана, просьба шейха Гулям-Али «по беспредельной милости шахской», была удовлетворена в полной мере. Привилегия сойюргала и му'афи, данная, как видно из фермана, еще шахом Тахмаспом I («шах-и джаннат макан» — «[ныне] обитающий в раю шах») была подтверждена. Основная поземельная подать (мал у маналь — то же, что харадж или мал у джихат), подать чобан-беги, следуемая с 1000 баранов шейхов обители и 500 баранов ра'ийятов селения Зых, вместе со всеми другими налоговыми сборами, перечисленными в прошении шейха Гулям-Али, были определены в му'афи шейху. Чиновники и откупщики не должны были требовать и удерживать этих сборов, а главные казначеи — «великие благородные мустоуфии высочайшего дивана» — должны были внести пожалованную привилегию в податные реестры (дафатир). «Служителям» (хадамэ, т. е. низшим должностным лицам мазара) и «работникам» (а'малэ ва фа'алэ, — повидимому, речь идет о крестьянах) предписывалось «признать шейха Гулям-Али своим мутаваллием и не уклоняться от его законных и правильных речей и благих деяний».[3]

Цитированный ферман показывает, как и рассмотренные нами выше документы, что все перечисленные в указе подати не были сняты с ра'ийятов, но уступлены государством мутавалию вакфа для умножения его доходов. Это обстоятельство не мешало финансовым чиновникам и откупщикам делать попытки взимать с крестьян селения Зых и такие податные сборы, которых, повидимому, не взимал владелец сойюргала. По этому поводу в месяце зу-л-хиджжа 1066 г. х. (20 сентября — 19 октября 1656 г. н. э.) шахом Аббасом II был издан новый указ, который мы приведем здесь целиком, ввиду его краткости.

«Высочайший ферман последовал о том, что так как ныне бедняки и ра'ийяты селения Зых, придя к высокому двору

[1] Чобан-беги — налоговый сбор за пастьбу скота. См. о нем Тарих-и алем ара, лит., стр. 405; цит. рук., ч. II, л. 285; Хулясат-ас-сийяр, рук. ЛГПБ, каталог Дорна № 303/1, л. 124б; Эчм. № 3/33.

[2] Рук. отд. ИВАН, из архива, фонд 15, № 44/584, 8, док. № 3. Перс. текст см. в Приложениях, № 4.

[3] Там же.

(даргах) нашему, доложили, что указанное селение со всем имуществом и состоянием определено в сойюргал пресвятой, пресветлой, преблагословенной гробнице [Биби-Эйбат], а ра'ийяты[1] и финансовые чиновники (уммаль) Бадкубэ, вопреки указу и правилу, взимают с них (т. е. крестьян сел. Зых) ежегодно некую сумму под видом [взыскания податей] джуфт-башы, дастгах-башы и юртанэ, которые в Ширванском крае (улька) не в обычае взимать с местностей (махаль) сойюргальных, и по этому поводу они просили благороднейшего указа на имя беглербега ширванского. Поэтому мы повелели определить, дабы вышеупомянутый высокосановитый [беглербег] расследовал доложенное по справедливости. Если бы оказалось, что это случалось, то [надлежит знать, что] ра'ийяты, финансовые чиновники (уммаль), обладатели тиулов (тиулдаран) и даруги Бадкубэ никоим образом [права] вмешательства, соучастия [в доходах] и отношения к указанной местности не имеют. И [взимание] упомянутых податей (вуджухат) в сойюргальных местностях (махал-и сойюргал) не в обычае,[2] а если бы и было в обычае, оно не имело бы отношения к ра'ийятам Бадкубэ.[3] Постановлено, дабы жизненных обстоятельств ра'ийятов упомянутого селения не стесняли и не причиняли бы им отягощений. Пусть так поступают, дабы с обеих сторон никому не приключилось притеснение и противозаконие. Зная приказ по этому поводу, пусть [чиновники] числят исполнение на своей ответственности. Писано в месяце зу-л-хиджжат ал-харам 1066 года».[4]

Из податных сборов, упоминаемых в данном фермане, «джуфт-башы» (перс.-азерб.) — сбор с джуфта. — Джуфт (перс. буквально «пара», точнее «джуфт-и гав», «джуфт-и'авамиль» — «пара быков») имел двоякое терминологическое значение: 1) «упряжка быков с плугом»; 2) «плужный участок», т. е. земельный участок, который можно было обработать в течение дня плугом, запряженным упряжкой быков. В этих зна-

[1] Здесь слово «ра'айя» (множ. число от «ра'ийят»), повидимому, имеет значение не «крестьянин», а более широкое значение «податного сословия», т. е. людей, не принадлежавших ни к духовенству, ни к чиновникам и знати. По смыслу фермана речь идет о бакинских горожанах; возможно, это откупщики государственных налогов, а также калантар и квартальные старосты (кедхуды), о которых упоминает ферман шаха Тахмаспа 954 г. х. — 1547 г. н. э. (док. № 1 той же серии) и которые, участвуя в раскладке податей, старались переложить часть своих податей на плечи окрестных крестьян.

[2] Текст в этом месте поврежден. Чтение его устанавливается на основе аналогичного текста фермана 1078 г. х. — 1668 г. н. э. (док. № 8 той же серии).

[3] Это место, повидимому, имеет тот смысл, что если бы взимание упомянутых податей в сойюргальных местностях было в обычае, то взимать должен был бы владелец сойюргала, а не бакинские откупщики.

[4] Док. № 7 той же серии. Перс. текст см. в Приложениях, № 5.

чениях термин «джуфт-и гав» известен издавна в ряде стран Передней и Средней Азии [1]; очень употребителен он был и в Азербайджане и Армении в XVI—XVIII вв. [2] В странах Закавказья как синоним было в ходу еще слово «кутан», [3] также с двояким терминологическим значением: «плуг» и «плужный участок». [4] В этих значениях слово «кутан» встречается в большинстве языков Закавказья и Дагестана. [5] Этимология этого слова пока не выяснена. [6] Термин «дастгах-башы» (перс.-азерб.) нам не приходилось встречать в других документах и у хронистов. Не встречается он в словарях и в восточных лексиконах — ферхенгах. Судя по смысловому значению составляющих его слов, следует предполагать в нем налоговый сбор с ремесленных и кустарных промыслов, распространенных в деревне. Если это так, то он идентичен с существовавшим в Кызылбашском государстве ремесленным налогом «мал-и мухтарафэ». [7] Подати «юртанэ» мы коснемся ниже. [8]

И в данном фермане говорится о попытках чиновников передавать право на получение части ренты с крестьян селения, принадлежавшего мазару Биби-Эйбат, на правах тиула разным служилым людям (не владельцам селения). Данный ферман, как и цитированный нами ферман 1559 г. шаха Тахмаспа I по поводу муганского сойюргала Захидиев, решительно запрещает подобную практику по отношению к сойюргальным местностям, указывая, что тиулдары не имеют доли в доходах с сойюргала.

В ферманах, выданных на имя биби-эйбатских шейхов, содержится запрещение чиновникам вступать во владения сойюргала, притом иногда в тех же выражениях, что и в рассмотренных нами выше сойюргальных документах. Из ферманов на имя биби-эйбатских шейхов ферман шаха Тахмаспа I, изданный в месяце мухарреме 954 г. х. (1547 г. н. э. февраля 21 — марта 22), выражается точнее всего: правителям, обладателям тиулов и даругам (хуккам ва тиулдаран ва даругэган) края предписывалось не вступать на территорию владений мазара Биби-Эйбат и не заводить переписки об исчислении податей с нее. Буквальное выражение текста «пусть укоротят и уберут перья и ноги» [1] — то же самое, какое есть и в рассмотренном нами выше фермане шаха Хусейна 1701 г. н. э. Там сказано: «Правители (хуккам) и финансовые чиновники (уммаль) указанного края, не вступаясь в (дела) сойюргала вопреки обычаю, пусть укоротят и уберут перья и ноги (т. е. «пусть не ведут переписки и не вступают туда». — *И. П.*) и пусть под предлогом [взыскания] податей (ихраджат) и чрезвычайных сборов (аваризат), закрыв врата взыскания, не стесняют, на каком бы то ни было основании, ра'ийятов округа (махал) вышеупомянутого сойюргала». [2]

Ту же формулировку мы находим и в указе Хусейн-Али-хана кубинского, изданном в месяце зу-л-хиджже 1139 г. х. (июля 20 — августа 18 1727 г. н. э.) и предоставляющем местечку Худад право «му'афи», т. е. освобождение от всех податей, налоговой иммунитет: «Мы соблаговолили определить, дабы по прежнему порядку [чиновники], признавая указанную общину в числе старинных азадов [3] и му'афов сей стороны (т. е. хана) и охраняя и оберегая их от (уплаты) по ассигновкам (хавалэ) и [4] обязательствам (кабалэ) [5], отчислений на канцелярские расходы (итлак-и дафтари) и ра'ийятских повинностей (такалиф-и ра'ийяти), укоротив и убрав перья и ноги, [6] пусть числят их (му'афов) исключенными по всем статьям». [7]

Встреченное нами в ряде ферманов выражение «пусть укоротят и уберут перья и ноги» («калам ва кадам кутах ва ке-

---

[1] См. напр., у В. В. Бартольда, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. I, Тексты, СПб., 1898, стр. 50.

[2] См., напр., Сильсилят-ан-насаб, цит. рук., л. 179.

[3] Эчм. № 3/33.

[4] О тождестве терминов «джуфт-и гав» и «кутан» см. Шереф-намэ, цит. изд. перс. текста, т. I, стр. 353.

[5] В ново-армянском языке — гутан.

[6] О термине «кутан» || «гутан» см. А. Н. Генко, Названия плуга у северо-кавказских народов, ДАН, 1930, стр. 128 и след.

[7] См. в указе шаха Аббаса I об освобождении города Ордубада от уплаты всех податей, у Н. Ханыкова, Mémoires sur quelques inscriptions musulmanes du Caucase, Paris, 1863, перс. текст, pp. 94, 95. — Тарих-и алем ара, лит., стр. 225; цит. рук., ч. I, л. 380.

[8] См. в гл. VII.

---

[1] Док. № 1 той же серии: «калам ва кадам кутах ва кешидэ даренд».

[2] Lettre de M. Khanykov à M. Dorn, MA, 1857, t. III, livr. I, p. 74; — В упомянутой нашей статье мы давали несколько иное толкование данного текста и, соответственно, переводили его несколько иначе. Сравнение текста с другими документами убедило нас в том, что ближе к истине предлагаемый здесь вариант перевода. — Текст см. Приложения, № 3.

[3] Перс. «азад» — букв. «свободный», синоним термина «му'аф»-терм. «освобожденный от всех податей и повинностей, кроме военной службы». Термин «тархан», известный как синоним терминов «азад» и «му'аф», в XVI—XVII вв. употреблялся значительно реже, чем в XIII—XV вв.

[4] Жалованье чиновникам обычно выплачивалось не наличными деньгами, а ассигновками, дававшими держателю их право на получение разных частей жалованья из доходов разных местностей, через местные казначейства.

[5] Смысл этого термина здесь не вполне ясен. «Кабалэ» может означать и «купчую грамоту», «договорный акт» — эти значения в данном случае не подходят.

[6] «Калам ва кадам кутах кешидэ». Это место в изданном переводе «Указов кубинских ханов» осталось не переведенным.

[7] Куб., № 3. — В деталях перевода мы несколько расходимся с переводчиком изданного текста «Указов кубинских ханов»; ср. цит. изд., № 3, перевод, стр. 59.

шидэ даренд») было довольно обычной формулой при пожаловании налогового иммунитета.[1]

Сравнивая данные цитированных выше документов друг с другом, мы можем допустить, что для сойюргала наиболее характерны две черты: строго наследственный по прямой линии родства характер держания и налоговой и административный иммунитет. Вакфное владение, поскольку оно в данном конкретном случае сопровождалось этими двумя особенностями, именовалось сойюргалом. Там, где этих черт, особенно податных льгот, не было, мы не встречаем и названия «сойюргал».

Благодаря тому, что в XVI—XVII вв. сойюргал все чаще и чаще жаловался духовным лицам, и стало возможным соединение и смешение его с вакфом в тех случаях, когда последний передавался по наследству. Мы видим здесь известную эволюцию института сойюргала по сравнению с периодом XV в.

Мы уже видели, что в указах нередко термины — монгольский «сойюргал» и арабо-персидский «му'афи» — встречаются рядом.[2] При этом термин «му'афи» — «свобода от податей и повинностей» — выступает в значении, близком к значению слова «сойюргал», как оно рисуется в цитированных перед тем документах. Интересно в этом отношении содержание указа шаха Хусейна от месяца раби' II 1124 г. х. (1712 г. н. э., мае 8 — июня 5). Монастырю Учь-Килисийя (Эчмиадзин) ранее была уступлена в виде му'афи подать (малийэ)[3] с одного плужного участка (кутан). Однако, так как передача монастырю этой подати не обеспечивала нужной для прокормления монахов суммы, католикос Александр I просил о пожаловании «черноклобучникам (сийях куляхан — монахи),[4] обитающим в Учь-Килисийя», в придачу к прежней льготе, суммы малийэ еще с одного плужного участка (кутан). Кроме того, католикос просил: «Была бы определена им (т. е. черноклобучникам) в му'афи подать за пастьбу (чобан-беги) баранов, коих у них набралось бы до 500 голов, и не требовали бы с

[1] См. в фермане шаха Тахмаспа I 1559 г., Сильсилят-ан-насаб, цит. рук., л. 163; ферман Касима ибн Джихангира Ак-койюнлу, V. Minorsky, цит. статья, перс. текст, стр. 930. — Такое же значение имеет выражение «пирамун не герденд» — «пусть (чиновники) не околачиваются (букв. «не вращаются») вокруг». — Шереф-намэ, цит. изд., перс. текст, т. I, стр. 377; Сильсилят-ан-насаб, цит. рук., л. 163 (Приложения №№ 1, 2).

[2] См. в цит. серии ферманов на имя биби-эйбатских шейхов док. 3,4. Ср. также Тарих-и алем ара, лит., стр. 622; цит. рук., ч. II, лл. 726: «му'афийят ва сойюргалат».

[3] В данном значении то же, что мал у джихат — основной налоговой сбор с сельского хозяйства, доля урожая.

[4] Кулях — собственно «дервишеская шапка» конической формы; здесь этот термин применен к армянскому монашескому (также коническому) клобуку.

них (ничего) под предлогом (взимания) чобан-беги с указанного числа (баранов), а что оказалось бы свыше указанного числа (баранов), за то они выплачивали бы согласно обычаю чобан-беги».[1] Шах удовлетворил просьбу монастыря полностью и пожаловал ему просимое в му'афи.[2]

Что уступленная в му'афи сумма податей в диван не просто отменялась, а переуступалась владельцам, в данном случае монахам, видно из того, что эта сумма шла на содержание «черноклобучников». Иными словами, «му'афи» была льготой отнюдь не для непосредственных производителей, а для владельца, в данном случае настоятеля монастыря. «Му'афи» выступает перед нами как институт феодальный.

Содержанием «му'афи», как привилегии, всегда был податной иммунитет. При этом иногда владельцам уступалась только та доля ренты, которая до пожалования вносилась в диван. Ферманом шаха Сулеймана 1082 г. х. (1672 г. н. э.) было подтверждено данное еще ферманом шаха Аббаса I 1020 г. х. (1611 г. н. э.) право эчмиадзинскому «мутаваллию[3] и прочим обитателям указанного места поклонения (т. е. монастыря), из года в год удерживать и расходовать на содержание их доходы и малую бахру (букв. «бахришку»)[4] с упомянутых вакфных имуществ, занимаясь богомолением».[5]

В других случаях размеры льгот расширялись, как, например, в двух указах шахов Афшарской династии Надир-шаха (1159 г. х., шавваль = 1746 г. н. э. октября 17 — ноября 14)[6] и его племянника шаха Адиля (1162 г. х., мухаррем = 1748 г. н. э. декабря 22 — 1749 г. января 20).[7]

Ферманы почти повторяют друг друга, но лучше сохранился текст последнего указа. В нем селение Кара-Килисийя[8]

[1] Эчм. № 3/33.

[2] Там же.

[3] Т. е. эчмиадзинскому патриарху-католикосу как настоятелю Эчмиадзинского монастыря и попечителю (мутаваллию) над его вакфными имуществами.

[4] «Бахрэчэ». Уменьшительная форма имеет здесь определенный терминологический оттенок. «Малая бахра», шедшая в диван, здесь противопоставлена большой бахре, т. е. всей сумме мал у джихата, делившейся в известной пропорции между диваном и землевладельцем. Термин «бахрэчэ» в источниках встречается нередко; см., например, указ шаха Аббаса I 1009 г. х. (1600 г. н. э.), приведенный в Сильсилят-ан-насаб, цит. рук., л. 172.

[5] Эчм. № 3/15.

[6] Эчм. № 3/29.

[7] Эчм. № 3/38.

[8] В Армении есть несколько местностей с таким названием. Так как в данном указе говорится, что монастырь находился «на границе с Румом (т. е. Турцией) и Курдистаном», можно думать, что речь идет о Кара-Килиса в Алашкертской долине, находившейся в XVI—XVIII вв. под властью кызылбашей.

и другие вакфные имения (амляк-и моукуфат) монастыря того же имени, где бы они ни находились, объявлялись свободными и избавленными (му'аф ва мусаллям) от податей в пользу дивана (такалиф-и дивани) и от всех вообще сборов (мутаваджжихат), которые должны были вместе с доходами с этих имений расходоваться на содержание монастыря (букв. церкви-килисийя) и его обитателей.[1] «Финансовые чиновники ереванские, — говорилось в указе, — исключив из подведомственных им статей (абваб джам'и)[2] податные сборы (мутаваджжихат) с указанной деревни и прочих вакфных угодий упомянутой церкви, пусть не требуют с них ни одного динара».[3] «Черноклобучники» монастыря, «по обычаю своему» часто предпринимали поездки ради торговли и по другим делам. Казенным курьерам (чапаран) и таможенным сборщикам (рахдаран) по дорогам запрещалось стеснять их.[4] А так как в пограничной области с Румом (Турцией), где находился монастырь, «сброд и разбойники» (оубаш ва катта'ан) часто грабили на дорогах, правителю (хакиму) ереванскому и правителю (хакиму) хойскому и думбулийскому[5] предлагалось охранять путешествующих монахов.[6]

Термин «му'аф» в значении лица, свободного от податей, известен в странах Передней и Средней Азии довольно рано, по крайней мере с XI в. н. э.[7]

Термин «му'аф» (ма'аф) в XVI—XIX вв. в широком смысле обозначал всякое лицо или всякий коллектив (сельскую общину, кочевое племя, общество горожан, обитель дервишей, христианский монастырь), избавленные от податей в диван, все равно в свою пользу, или в пользу своего владельца[8] или главы коллектива.

Обозначаемые термином «му'афи» налоговые иммунитеты, предоставленные шахами отдельным городам, в частности и некоторым азербайджанским и армянским, не были общим правилом. Это были льготы, предоставленные шахами в силу

[1] Эчм. № 3/38.

[2] О термине «абваб джам'и» см.: Ю. Н. Марр, Документированный персидско-русский словарь, вып. I, 1934, стр. 40, 41.

[3] Эчм. № 3/38: — Динар — мелкая монета — 0,0001 тумана. Ср. Эчм. № 3/29: «Пусть не требуют с них (монахов) ни единого зерна, ни единого динара».

[4] Там же.

[5] Т. е. беглербегу чухур-са'дскому (ереванскому) и хану хойскому из курдской династии Думбули (см. в главе III). Алашкертская долина в XVIII в. временами принадлежала этому хану.

[6] Там же.

[7] См. отрывок из Бейхаки у В. В. Бартольда, Туркестан, ч. I, Тексты, стр. 157; там же, стр. 50 (отрывок из «Китаб ал-канд фи тарих Самарканд»); Рашид-ад-дин, рукопись ИВАН № Д-66, л. 395б; Нузхат ал-кулюб, цит. изд., перс. текст, стр. 65.

[8] См. Куб., док. № 17, 18, 25.

каких-либо особых соображений или чрезвычайных обстоятельств. Шах Тахмасп I, быть может, напуганный грандиозными размерами восстания ремесленников и городской бедноты в Тебризе в 1573 г.,[1] счел необходимым дать этому городу ряд льгот, дабы обеспечить Сефевидам поддержку верхушки горожан. Уступки в тот момент диктовались необходимостью, ввиду тяжелого внутреннего положения шахской власти, которой пришлось бороться с восстанием «сброда и черни» («аджамирэ ва оубаш»)[2] в Гиляне 1571/2 г. и в других областях. Шах «подарил» тебризцам налог с ремесла[3] и освободил (му'аф даштэ) город от всех податей в диван (такалиф-и дивани).[4]

После обратного отвоевания Азербайджана у османских турков в 1606 г., шах Аббас I предоставил такие же права полного налогового иммунитета городу Ордубаду в Нахчеванском крае.[5] Эта льгота была дана по просьбе шахского великого везира «и'тимад-ад-доулэ» («доверие государства») Хатим-бека Ордубади, происходившего из фамилии Насирийэ, потомков знаменитого ученого XIII в. Насир-ад-дина Туси. Со времен шаха Исмаила I члены фамилии Насирийэ Тусийэ и сам Хатим-бек были наследственными калантарами (городскими старшинами) города Ордубада и крупнейшими феодалами (меликами) в округе его.[6] Тогда же льгота му'афи была предоставлена Аббасом I городу Дербенду в виде награды за содействие, оказанное местной знатью и городской верхушкой шаху в борьбе с Турцией.[7]

Армянский торговый городок Джульфа (Джуга, Джулах) на р. Араксе, бывший во второй половине XVI в., несмотря на свои небольшие размеры (15—20 тысяч жителей), складочным местом и крупной биржей европейско-азиатской торговли шелком (местные крупные армянские коммерсанты вели торговлю с Шемахой, Гиляном, Тебризом, Алеппо, Венецией, Марселью, Амстердамом и т. д.), также получил льготу освобождения от податей и был причислен к собственным доме-

[1] Ахсан-ат-таварих, цит. изд., перс. текст, стр. 455—457; Тарих-и алем ара, лит., стр. 90, 91; цит. рук., ч. I, лл. 193—194. Об этом восстании см.: И. П. Петрушевский, Восстание ремесленников и городской бедноты в Тебризе в 1573 г., «Известия АзФАН» за 1942 г., № 3.

[2] Выражение Шереф-намэ, цит. изд. перс текста, т. II, стр. 241—243.

[3] Тарих-и алем ара, лит., стр. 225; цит. рук., ч. I, л. 380.

[4] Там же.

[5] Шахский указ по этому поводу, вырезанный над порталом соборной мечети (масджид-и джами') в Ордубаде, опубликован Ханыковым в его Quelques inscriptions musulmanes du Caucase, перс. текст стр. 91—95; франц. перевод стр. 95, 96; Тарих-и алем ара, лит., стр. 508.

[6] Там же, стр. 506—511; цит. рук., ч. II, лл. 395б—401а.

[7] Там же, лит., стр. 516; цит. рук., ч. II, л. 405а.

нам шаха — «хасс».[1] Предоставление этой льготы легко объясняется тем обстоятельством, что джульфинские крупные купцы были контрагентами шахского правительства во внешней торговле и нередко играли роль и дипломатических агентов шаха в европейских странах. Вообще Сефевиды, нуждавшиеся в поддержке ряда европейских государств для борьбы с Турцией, охотно пользовались для этой цели дипломатическими агентами из христиан — армянских купцов и духовных лиц. Этим объясняется льгота, данная шахами армяно-католическому (униатскому) нахчеванскому епископу (в монастыре Апракунис). Путешественник Шарден говорит об армяно-католических селах в Нахчеванском крае (несомненно это были села, зависевшие от униатского епископа), пользовавшихся правом своего рода ограниченного иммунитета: села эти, не подчиняясь местным властям (хакиму Нахчевана из племени кенгерлю-устаджлу) в судебном и фискальном отношении, вносили свои подати не в местное казначейство, а непосредственно «главному интенданту Мидии», т. е. везиру Азербайджана (южного), жившему в Тебризе.[2] Такой порядок, хотя и не устанавливал полного налогового иммунитета, все же создавал для армяно-католических сел значительные льготы, ибо при таком порядке устранялись обычные при взимании податей злоупотребления местных властей, постои и вымогательства их нукеров и слуг.

Лица, входившие в состав таких привилегированных общин и обозначались арабским термином «му'аф» («ма'аф») или его персидским синонимом — «азад». «Азатами» (армянская форма), например, назывались армянские джульфинские купцы.[3] В более узком и специальном смысле в полунезависимых ханствах Азербайджана и Армении XVIII в. му'афами именовали мелких землевладельцев, стоявших по своему общественному положению ниже беков, и даже некоторых крестьян и кочевников, избавленных, кроме военной службы в феодальном ополчении (черик)[4] своей области, от всех податей и повинностей в пользу дивана и в пользу землевладельцев. Нам известно существование целых общин таких му'афов. До нас дошли три документа, говорящие о подтверждении прав му'афов всем жителям местечка (касаба) Худад

[1] См. об этом монографию С. В. Тер-Аветисяна, Город Джуга, материалы по истории торговых сношений джульфинских купцов, Тбилиси, 1937, стр. 30.

[2] Chardin. Voyages en Perse, Paris, 1830, t. I, vol. III, pp. 114, 115. Об унии и униатских епископах в Нахчеванском крае (1330—1766 гг.) подробный экскурс приведен в историко-географическом труде Гевонда Алишана «Сисакан» (на арм. яз.).

[3] С. В. Тер-Аветисян, Город Джуга, стр. 34.

[4] О термине «черик» см. в гл. III.

в Кубинском ханстве.[1] Первый из этих документов — удостоверение чиновников и знатных людей Кубинского края, выданное в месяце зу-л-хиджже 1117 г. (16 марта — 14 апреля 1706 г. н. э.) общине Худад о том, что ей было предоставлено коллективное право му'афи.[2] Это право было подтверждено указом Султан-Ахмед-хана кубинского, изданным в месяце джумаде II 1122 г. х. (28 июля — 25 августа 1710 г.);[3] из этого указа видно, что впервые право му'афи было предоставлено худадцам еще первым кубинским ханом Ахмедом, т. е. в последней четверти XVII в. Новое подтверждение привилегии было дано в указе Хусейн-Али хана кубинского, изданном в месяце зу-л-хиджже 1139 г. х. (20 июля — 18 августа 1727 г. н. э.). В этом указе, между прочим, указано, что привилегия освобождения (му'афи) от всех налогов предоставлена общине селения Худад под условием несения службы хану, — несомненно, имеется в виду военная служба.[4]

Число му'афов не было велико.[5] Самое существование института му'афов, как военных слуг, вытекало из интересов феодальной верхушки: му'афы составляли основную военную силу в закавказских ханствах XVIII в. Основная масса крестьян — ра'ийятов, закрепощенная, придавленная налогами и повинностями в пользу шахского правительства и местных ханов и беков, нередко восстававшая против шаха и местных ханов, не могла давать достаточно надежных кадров для феодального ополчения. Институт му'афов, в этом более узком и специальном смысле, обязан своему существованию, именно стремлению ханов располагать надежной военной силой. Такие му'афы, противопоставленные зависимым и платившим подати ра'ийятам, играли роль оруженосцев и военных слуг в феодальных ополчениях эмиров (ханов и султанов).

[1] Куб. № 1—3.

[2] Куб. № 1.

[3] Куб. № 2.

[4] Куб. № 3. Текстов мы не приводим; персидский текст и русский перевод даны в цитируемом нами тбилисском издании «Указов кубинских ханов» — см. библиографический указатель к настоящей работе.

[5] См. в описаниях отдельных селений — АзЦАУ, ист. арх. ф. Бак. бек. к-ии, дд. №№ 2—4; Ф. Талышского временного правления, дд. №№ 4—5.

Глава V

ТИУЛ

Одним из малоисследованных институтов, тесно связанных с феодальными отношениями в странах Закавказья, как и в других странах, завоеванных кызылбашами, был тиул. Этимология тюркского термина «тиул», в персидском произношении «тийюль» ‖ «туйюль», не может считаться вполне выясненной. Быть может, происхождение этого слова на почве староузбекского (так называемого «чагатайского») языка — литературного языка тюркоязычных народов Средней Азии в XIV—XV вв. — можно объяснить из глагола tiqmaq ‖ tiumaq — «касаться, достигать, доставать, доставаться», в страдательной форме tiumaq;[1] отсюда tiul — «предмет, доставшийся (кому-либо)», «предмет, с которого достается доход», «что-либо, пожалованное в доход», «доход».[2]

В. В. Радлов определяет буквальное значение слова «тиул» как «доставшееся», «участок земли, пожалованный в пожизненное пользование».[3] Терминологическое значение слова «тиул» ‖ «тийюль» не было одинаковым в разные периоды. Термин этот известен со времен Тимуридов; впервые о нем упоминает автор XV в. Абд-ар-реззак Самарканди,[4] который передает, что в 810 г. х. (1407/8 г. н. э.) сахиб-диван (первый везир) государства Тимуридов ходжа Гийяс-ад-дин Салар, занося в писцовую книгу (дафтар) расходы по выдаче жалованья военным чинам продуктами, совершил ряд подделок и подлогов при оценке стоимости выданных продуктов в серебре. При помощи таких приемов он присвоил четвертую часть тиулов (тиулат, арабизованное мн. ч. от слова «тиул») «тюрков», т. е. военных чинов из тюркских кочевых племен, чем вызвал общее недовольство, а вслед за тем и мятеж части войска во главе с эмиром Джихан-Меликом. Здесь «тиул», очевидно, имел значение доли налоговых поступлений, собранных с податного населения и переданных государством военным чинам в виде вознаграждения за службу. Вместе с тимуридскими завоеваниями тиул получил распространение и в Иране и в странах Закавказья.

В. Ф. Минорский, автор единственной пока в зарубежной востоковедной литературе сводной статьи о тиуле, полагая, что тиул был продолжением более раннего института феодального Ближнего Востока — икта',[1] замечает, что термин «икта'» исчез в то же время, когда вошел в употребление термин «тиул», т. е. при Тимуридах.[2] Это замечание нуждается в известной оговорке.

Бесспорно, икта', как феодальный институт, в XVI—XVIII вв. уже не существовал, уступив место институтам сойюргала и тиула. Зато термин «икта'» отнюдь не исчез вместе с исчезновением самого института икта'. Термин «икта'» встречается, и притом очень нередко, в нарративных исторических источниках и в XVI, и в XVII, и даже в XVIII вв., т. е. в эпоху, когда термины «сойюргал» и «тиул» и обозначаемые ими институты получили широкое распространение. В XVI в. термин «икта'» встречается, например, у Хуршаха ал-Хусейни, автора «Тарих-и ильчи»,[3] в так называемых записках шаха Тахмаспа I[4] и у Шереф-хана Бидлиси,[5] в XVII в. — у Искендера Мунши,[6] в XVIII в. — в автобиографии шейха Мухаммед-Али Хазина.[7] При этом, как и в XI—XIV вв., имеются в виду пожалования военным чинам.

---

[1] См. Л. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I, СПб, 1869, стр. 419, 420. Чагатайскому tiqmaq в азербайджанском языке соответствует глагол deqmeq ‖ deymeq.

[2] Там же, стр. 423, 424.

[3] В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. III, СПб., 1905, стр. 1380. — Об азербайджанском глаголе deqmeq ‖ deymeq, соответствующем чагатайскому tiqmaq ‖ tiumaq, см. так же, стр. 1655.

[4] Матла'ас-садейн, рук. ЛГПБ, Перс. нов. серия 88, л. 185в; франц. перевод Катрмера, Notices et extraits, t. XIV, 124; там же, стр. 124, 125, см. примечания Катрмера к слову «тиул».

[1] Об икта' и его развитии см. выше в гл. IV.

[2] V. Minorsky, Tiyul, статья в EJ, Suppléments, série «M», p. 842.

[3] Тарих-и ильчий-и Низамшах у Schéfer, Chrestomatie persane, t. II, texte pers., p. 64, 83, 101.

[4] Тазкирэй-и шах-и Тахмасп в версии Мехди Шира[illegible] изд. P. Horn, ZDMG, Bd 45, SS. 246, 250, 251, 252, 273.

[5] Шереф-намэ, цит. изд. перс. текста, т. I, стр. 289, 308, 309, 316, 355 и др.

[6] Тарих-и алем ара, лит., стр. 78, 104, 235, 531, 532, 551, 644; цит. рук., ч. I, л. 157; ч. II, лл. 425б—426б, 445б, 782б, 1054. — В цит. рук. ч. I, лл. 208, 398, соответствующих лит. 104 и 235, упоминание об икта' опущено.

[7] Тарих-и ахвал-и шейх-и Хазин, изд. Belfour, перс. текст, стр. 154.

а иногда и целым кочевым племенам [1], как отдельных селений, так и целых округов. Но в нарративных источниках XVI—XVIII вв. «икта'» — уже не точный юридический термин, его употребляли в неопределенном значении «пожалования», как синоним для обозначения феодальных институтов, заменивших икта'.

Шереф-хан Бидлиси пользуется термином «икта'» как синонимом для обозначения турецких институтов военно-ленного пожалования — тимар и зи'амет. Этот автор приводит рассказ о том, что после покорения стран Закавказья Турцией, в 1002 г. х. (1593/4 г. н. э.) двоюродные братья («сыновья дяди по отцу») главы курдского племени махмуди, кочевавшего на границах южного Азербайджана и южной Армении, между г. Маку и озером Ван, и знатные люди (агайян) этого племени «завладели добрыми деревнями и прекрасными пахотными полями из (земель) областей Азербайджана и Армении, которые изъяли из владения (тасарруф) кызылбашей на правах тимара и зи'амета, по правилу икта'». [2] И в других случаях тот же автор употребляет выражение «икта'» как синоним терминов «тимар» (военный лен) [3] и «оджаклык» (территория, пожалованная племени). [4] Иногда в нарративных персидских источниках «икта'» означало «сойюргал». [5] Однако чаще всего в этих источниках термин «икта'» употребляется как синоним термина «тиул».

Для обоснования этого положения приведем несколько примеров; разумеется, для определения терминологических моментов не имеет значения, относятся ли эти примеры к странам Закавказья или к другим странам, входившим в состав Кызылбашского государства. Автор «Тарих-и ильчи» сообщает, что в 929 г. х. (1522/3 г. н. э.) область Астерабада была отдана в икта' Зейнал-хану, эмиру кызылбашского племени Шамлу. [6] А в так называемом тазкирэ шаха Тахмаспа I

[1] Тарих-и алем ара, цит. рук., ч. II, л. 1054: — «И в округе (улька) Верамина рейского (шах Аббас I) дал им (племени силь-сюпюр) юрт и место поселения и (округ) Джавэ определил им в икта'». — В соответствующем месте литогр. изд. на стр. 763 эта фраза опущена, и упоминания об икта' нет.

[2] Шереф-намэ, цит. изд., т. I, стр. 309.

[3] Там же, т. I, стр. 355.

[4] Там же, т. I, стр. 289, 308, 316.

[5] Тарих-и и ахвал-и шейх-и Хазин, стр. 154: «Род их (эмира Садр-ад-дина Мухаммеда Саркани с братьями). . . был обладателем икта' и сойюргалов». — Поскольку особого института икта' в это время не существовало, нужно допустить, что здесь применен обычный в персидской литературной речи прием обозначения одного понятия двумя словами — синонимами. В таком же смысле икта' упоминается рядом с сойюргалом в «Тазкират ал-мулюк», цит. изд., перс. текст л. 71б, англ. перевод стр. 78.

[6] Тарих-и ильчий-и Низамшах, цит. изд., перс. текст, стр. 101.

говорится, что Астерабад был в тиуле у Зейнал-хана шамлу. [1] В том же источнике мы встречаем такую фразу: «И Зейнал-хан, правитель (вали) Астерабада, и Алаш-султан, в тиуле у которого были (округа) Дамган и Бистам, все, оставив свои икта', оказались в Ираке». [2] Хасан-бек Румлу, [3] а вслед за ним и Искендер Мунши [4] сообщают, что одной из причин большого мятежа племени устаджлу в 931 г. х. (1524/5 г. н. э.) было то, что у эмиров этого племени отняли принадлежавшие им тиулы ради удовлетворения соперничавших с ними эмиров племени шамлу, бывших тогда в силе при дворе малолетнего шаха Тахмаспа I. А в так называемом тазкирэ шаха Тахмаспа I, в рассказе об этом же событии отобранные у эмиров устаджлу эти земли названы «икта' того племени». [5]

Историк Гиляна Абд-ал-Фаттах Фумени также часто употребляет выражение «икта'», понимая под ним пожалования разного характера, в частности, и тиульные. [6] И Искендер Мунши пользуется иногда словами «икта'» и «тиул» как синонимами. [7] Но зато в официальных документах XVI—XIX вв. нам не доводилось встречать слова «икта'». Фумени, правда, приводит указ шаха Аббаса I о пожаловании поземельного налога (мал у джихат) и прочих сборов (вуджухат) с округа Тулим в икта' Камран-мирзе, в придачу к должности векиля; [8] но нельзя поручиться, имеем ли мы здесь дело с точными выражениями указа или Фумени по обыкновению излагает содержание указа своими словами. Скорее всего можно допустить, что термин «икта'» в XVI—XIX вв. исчез из официальных актов и сохранился лишь у историков как архаическое, чисто книжное выражение для обозначения новых институтов, чаще всего — тиула. Иногда же нарративные источники этой эпохи понимают под икта' пожалование шахом какой-нибудь области в управление. Как известно, после завоевания кызылбашами государства ширваншахов в 1538 г. н. э. брат шаха Тахмаспа I, Алкас-мирза, был назначен наместником (беглербегом) Ширвана. Тарих-и

[1] Тазкирэй-и шах-и Тахмасп в версии Мир Мехди Ширази, изд. P. Horn, ZDMG, т. 45, стр. 253.

[2] Там же, стр. 250, 251. — Здесь «тиул» и «икта'» явно употреблены как синонимы.

[3] Ахсан-ат-таварих, цит. изд., перс. текст, стр. 189.

[4] Тарих-и алем ара, лит., стр. 35; цит. рук., ч. I, стр. 75.

[5] Тазкирэй-и шах-и Тахмасп в версии Мир Мехди Ширази, цит. изд., ZDMG, т. 45, стр. 246.

[6] Тарих-и Гилян, перс. текст, изд. Б. Дорна, MQ Theil III, Pers. Text, SPb, 1858, стр. 23, 28, 49, 50, 108.

[7] Тарих-и алем ара, лит., стр. 532, 551; цит. рук., ч. II, 425б, 445б.

[8] Фумени, цит. изд., стр. 49, 50.

ильчи говорит, что «та страна (Ширван) была определена в икта' Алкас-мирзе и некоторым эмирам».[1]

Поэтому, нуждается в оговорке мнение В. Ф. Минорского в том, что тиул заменил собой институт икта'. Тут возникает новый вопрос: с каким именно икта' мы могли бы сравнить тиул в Кызылбашском государстве XVI—XVII вв.

Выше мы уже говорили,[2] что икта' в XI—XII вв. развился из своеобразного бенефиция в наследственный феод. Если мы примем это положение, то следует признать, что тиул при Сефевидах отнюдь не был простым и непосредственным продолжением икта' в том виде, как оно сложилось при монгольском владычестве. Напротив, мы ясно видим в политике сефевидского правительства стремление вернуться к тому пониманию икта' (теперь — тиула), какое было высказано в конце XI в. в Сийясет-намэ,[3] т. е. к взгляду на икта' как на пожалование служилым людям только ренты, но не права распоряжения землею и крестьянами. Иными словами, если тиул при Сефевидах можно сблизить с икта', то не с икта' монгольского периода XIII—XIV вв., а с более ранним икта'.

Такое изменение во взглядах правительства на характер пожалований можно объяснить, повидимому, лишь в связи с централистической политикой сефевидского правительства, его борьбою с феодальной раздробленностью, его попытками усилить государственное землевладение и заменить старую наследственную знать во владениях удельных князей (мулюк ал-атраф) новой служилой знатью. Тиульные пожалования Сефевидов не похожи на лены служилых людей в монгольский период. Сефевиды, особенно со времен шаха Аббаса I, неохотно допускали переход государственных земель в наследственное частное — хотя бы и условное — владение. Сефевидский тиул в теории означал пожалование служилым людям, в виде вознаграждения за службу, доли поземельного налога (мал у джихат) и иногда других сборов, взимавшихся до того в пользу дивана (мутаваджжихат-и дивани) с определенных селений или местностей, но не земли и не сидевшего на ней податного населения (ра'айя). Если, как замечает проф. А. Ю. Якубовский, домонгольский икта' стоял в определенной зависимости от всей системы хараджа,[4] то в общем то же mutatis mutandis можно сказать и о сефевидском тиуле. Центральная власть, собирая с земель, подлежавших податному обложению (аразий-и харадж), поземельный налог (малуджихат, или, что то же самое, харадж), делилась частью этих, в общем очень значительных поступлений, со своими служилыми людьми.[1] Таким образом, развитие тиула при Сефевидах связано с их политикой поддержки государственного землевладения и системы эксплоатации сидевших на них крестьян при посредстве государственного аппарата. Эта система, хотя и построена была на новых основаниях, напоминала отчасти систему государственной эксплоатации крестьян в странах халифата в VII — X вв. и формы икта' на ранней ступени его развития, до XI в.[2] Что же касается икта' на поздней ступени его развития (XI—XIV вв.), то его продолжением был не тиул, а сойюргал[3] конца XIV—XV вв. В соответствии со своей централистической политикой, Сефевиды, особенно со времен шаха Аббаса I, стремились ограничить распространение сойюргала — наследственного лена, раздавая служилым людям преимущественно тиулы — своеобразные бенефиции. Тиул и в таком виде был феодальным институтом, поскольку держатель тиула — тиулдар совместно с центральной государственной властью был участником эксплоатации крестьянства, взимая с него земельную ренту, служившую вместе с тем и главным источником государственных налогов.

Действительно, в официальных сефевидских документах тиул рассматривается как пожалование только доли ренты—налога. Из фермана шаха Аббаса II, изданного в месяце зу-л-ка'да 1056 г. х. (9 декабря 1646 г. — 7 января 1647 г. н. э.), видно, что сумма в 64 тумана и 5000 динаров из налоговых поступлений с махала Густасфи в Азербайджане была определена в тиул некоему Аббас-кули-султану. А «первоначальное приращение» (асл-и тафавут, т. е. сумма прироста поступлений, образовавшаяся благодаря повышениям налогов, повышениям неоднократным, как показывает выражение «асль» — основа, корень) с джизьи (подать с иноверцев), в сумме 7 туманов 2500 динаров, с того же махала было определено в тиул «высокосановитому беглербегу карабагскому».[4] Из дальнейшего текста фермана видно, что чиновники беглербега, под предлогом взимания прироста

[1] Тарих-и ильчи, цит. изд., перс. текст, стр. 64.

[2] См. об этом в гл. IV, стр. 153—156.

[3] Сийясэт-намэ, цит. изд., стр. 22.

[4] А. Ю. Якубовский, Ирак на грани VIII—IX вв., Труды 1-й сессии арабистов СССР, 1935, стр. 47.

[1] По словам Тарих-и алем ара, лит., стр. 405 (цит. рук., ч. II, стр. 285), в начале правления шаха Аббаса I в одном только Ираке персидском поземельный налог вместе с доходами тиулдаров давал ежегодно по 50—60 тысяч туманов сбора. В конце правления шаха Аббаса I доходы тиулдаров все еще составляли сумму в 30 тысяч туманов. См. там же, лит., стр. 632, цит. рук., ч. II, л. 752.

[2] В. Ф. Минорский в последней своей работе — историческом введении к «Тазкират ал-мулюк» отошел от своей прежней точки зрения, изложенной выше, и пришел к выводу, что тиул «соответствует икта' ранних времен», — см. Тазкират ал-мулюк, цит. изд., Introduction, стр. 28.

[3] См. выше в гл. IV настоящей работы.

[4] Ерев. № 1/7.

с джизьи, которой беглербег мог пользоваться как тиулом, противозаконно удерживали с данного округа сумму в 25 туманов тебризских. Ферманом поэтому было подтверждено, что чиновники должны удерживать в пользу беглербега только пожалованную ему сумму в 7 туманов 2500 динаров, что они обязаны передавать Аббас-кули-султану пожалованную ему в тиул сумму и не чинить притеснений ра'ийятам лишними поборами.

Мы видим, таким образом, что с одной и той же местности разные статьи налогов (абваб джам') [1] могли быть пожалованы в тиул разным лицам. В данном случае оба тиулдара не жили сами на тиульной территории и получали уступленные им в тиул суммы не непосредственно с ра'ийятов, а из рук чиновников. Нередко тиулдар и не появлялся в местности, определенной ему в тиул, а следуемую ему долю ренты-налога взимал с ра'ийятов и передавал ему правительственный сборщик податей — мубашир. [2] Из документов видно, что иногда в тиул разным лицам отдавались суммы с некоторых налоговых поступлений, подлежавших уплате в казну, взимавшихся с деревень, принадлежавших не тиулдарам, а другим владельцам. [3]

Было бы, однако, упрощением и ошибкой думать, что приведенный выше официальный взгляд шахского правительства дает нам полное объяснение института тиула. Если в упомянутых нами случаях практика тиульного держания соответствовала официальной теории, то в других случаях, как увидим, это было не так. Мало того. Внутренняя политика Сефевидов, колебавшихся между централистическими тенденциями и неизбежными уступками центробежным стремлениям эмиров и кызылбашской знати, не отличалась строгой последовательностью, особенно до шаха Аббаса I. Этим только и можно объяснить, что в XVI в. нарративные источники дают очень неодинаковые сведения о характере тиула. Сведения эти настолько не сходятся с данными официальных документов, что временами кажется, будто для историков XVI в. тиул был не точно установленным юридическим термином, а бытовым понятием.

Если в официальных документах под тиулом понимались доходы с территорий, не управляемых тиулдарами, то в нар-

[1] О термине «обваб джам'» в значении «налог», «земельная рента» см. у Ю. Н. Марра, Документированный персидско-русский словарь, вып. I, стр. 40.

[2] Нах., док. № 12, 17.

[3] Ферман шаха Тахмаспа I 966 г. х. (1559 г. н. э.), приведенный в Сильсилят-ан-насаб, цит. рук., лл. 162—164; Рук. Отд. ИВАН, из архива, ф. 15, № 44/584, 8, док. №№ 1, 7, 8 — ферманы 954 г. х. (1547 г. н. э.), 1066 г. х. (1656 г. н. э.), 1078 г. х. (1668 г. н. э.), относящиеся к бибиэйбатским шейхам. — Подробнее об этом см. в гл. IV.

ративных источниках XVI в. под тиулом нередко понималось именно пожалование определенных территорий в управление. В так называемом тазкирэ шаха Тахмаспа I, в версии Мир Мехди Ширази, одно и то же лицо, Зейнал-хан шамлу, именуется то наместником (вали) Астерабада, [1] то тиулдаром Астерабада. [2] Хасан-бек Румлу называет своего деда Амир-султана Румлу то наместником (вали) областей Казвина и Соуджбулака [3] (последний — в южном Азербайджане), то тиулдаром Казвина. [4] Тот же автор, перечисляя правителей некоторых областей Кызылбашского государства, упоминает Караджа-султана текелю как тиулдара Хамадана, [5] который, как известно, был в этот же период наместничеством (беглербегством). [6] Очевидно, в XVI в. наместничество могло рассматриваться как тиул, если соединялось с правом присвоения — целиком или части — налоговых поступлений с управляемой области.

В XVI в. под тиулом нередко понимаются большие территории, отданные в кормление отдельным кызылбашским кочевым племенам или подразделениям их и находившиеся фактически в распоряжении племенных начальников. В 931 г. х. (1524/5 г. н. э.) векиль (регент) малолетнего шаха Тахмаспа I воспользовался тем, что Кёпёк-султан, глава племени устаджлу, отправился со всеми воинами своего племени для «войны за веру», т. е., попросту говоря, для грабительского набега, в Грузию. В это время Див-султан Румлу, ради удовлетворения своих союзников, эмиров племени текелю, «урезал», т. е. отнял тиулы, принадлежавшие племени устаджлу, что и было одной из причин вспыхнувшего в следующем году большого мятежа этого племени. [7]

Другой пример такого племенного тиула относится к Ширвану. В 938 г. х. (1531/2 г. н. э.) беглербег южного Азербайджана Улама-бек, глава кызылбашского племени текелю, вместе с воинами своего племени поднял мятеж против шахского правительства. После неудачи мятежа бо́льшая часть племени текелю перекочевала в Турцию. Но в 947 г. х. (1540 г.

[1] ZDMG, т. 45, стр. 250. Несколько ниже Астерабад назван «икта'».

[2] Там же, стр. 253. Тазкирэ, ZDMG, т. 44, стр. 582, упоминается Мустафа-султан шамлу, как тиулдар округа Савэ; Матла'-аш-шамс, т. II, стр. 171. — В Тарих-и алем ара, лит., стр. 60, цит. рук., ч. II, л. 213, округ Савэ назван «икта'».

[3] Ахсан-ат-таварих, цит. изд., перс. текст, стр. 295.

[4] Там же, стр. 278.

[5] Там же, стр. 188.

[6] Там же, стр. 110; Любб-ат-таварих, цит. рук., л. 162а.

[7] Ахсан-ат-таварих, цит. изд., перс. текст, стр. 189. — Тазкирэй-и шах-и Тахмасп в версии Мехди Ширази, цит. изд. ZDMG, т. 45, стр. 246; Тарих-и алем ара, лит., стр. 35; цит. рук., ч. I, л. 75. — Часть этих тиулов находилась в Армении и Нахчеванском крае.

н. э.) эти беглецы, во главе с Гази-ханом текелю, после покорения Ширвана шахом Тахмаспом I, снова вернулись на службу к шаху. В так называемом тазкирэ шаха Тахмаспа I рассказывается, что Гази-хан текелю прибыл в шахскую ставку со своей семьей и большим улусом,[1] т. е. с кочевниками племени, удостоился «целования ковра» перед шахом и шахской ласки, «и некоторые из округов Ширвана были определены в тиул ему» (Гази-хану), и он был поставлен под начало Алкас-мирзы, шахского наместника в Ширване.[2] Подробнее об этом говорит Хасан-бек Румлу. Согласно его рассказу, Гази-хан текелю, покинув хондкара (турецкого султана Сулеймана I) и отвратившись от него, прибыл к подножию шахского трона в ставку, находившуюся на яйлаге Сугурлук, с 5 тысячами всадников своего племени. Шах даровал ему прощение, «и округ (улька) Сальян и Махмудабад, из зависимых местностей Ширвана, был определен ему в тиул».[3] Пожалование в тиул обширных удобных для кочевания территорий на Мугани легко объясняется желанием шаха дать места для поселения и кормления кочевникам из племени текелю. Они были необходимы шаху в Ширване как военная сила, ибо хотя государство ширваншахов пало еще в 1538 г., некоторые местности Ширвана все еще продолжали отстаивать свою свободу и сопротивляться шахским войскам. Воины из племени текелю оправдали ожидания шаха: в том же 1540 г. Гази-хан текелю взял упорно оборонявшийся город Баку и вырезал часть населения.[4]

Искендер Мунши, приводя перечень эмиров кызылбашских племен времени правления шаха Тахмаспа, говорит, что главным из кызылбашских племен (таваиф) было племя шамлу, отличенное от остальных племен (аймаков) высокими должностями (его эмиров) и славными тиулами.[5] Говоря о племени устаджлу, тот же автор указывает, что многие из того племени обладали степенью эмирата и были обладателями барабана, знамени, ополчения и почетных тиулов.[6]

Ряд данных нарративных источников убеждает нас в том, что во многих случаях власть тиулдаров была гораздо шире, чем она должна была бы быть согласно официальным доку-

[1] Тазкирэй-и шах-и Тахмасп в версии Мир Мехди Ширази, ZDMG, т. 45, стр. 288. — О значении слова «ахль» — «жена», «семья» см. примечания Катрмера к французскому переводу Абд-ар-реззака Самарканди, Notices et extraits, t. XIV, p. 45.

[2] ZDMG, т. 45, стр. 288.

[3] Ахсан-ат-таварих, стр. 296.

[4] Там же, стр. 300.

[5] Тарих-и алем ара, лит., стр. 104; в цит. рук., ч. I, л. 208 дан перечень эмиров кызылбашских племен времени шаха Тахмаспа I, но упомянутые нами подробности опущены.

[6] Там же.

ментам. Насколько независимо от шахской власти держались отдельные тиулдары в периоды внутренних волнений в Кызылбашском государстве, когда шахская власть слабела, можно судить по одному примеру, правда, относящемуся не к кавказским странам, а к соседней с южным Азербайджаном северо-западной окраине Ирана. Еще при шахе Тахмаспа I в 960 г. х. (1552/3 г. н. э.) курдскому племени сийях-мансур были даны земельные пожалования (позднее отобранные в казну) в области Султании под условием поставки в шахское войско 3 тысяч воинов.[1] По рассказу Искендера Мунши, главе этого племени Доулет-Яр-хану, в награду за оказанную шахскому правительству помощь в дни мятежа племен текелю и туркеман в южном Азербайджане и Ираке персидском (1584), была пожалована в тиул округа (улька) в пределах Султании и Седжаса.[2] Доулет-Яр-хан сийях-мансур построил крепость в Седжасе, накопил там большие запасы продовольствия и оружия, проявил неповиновение шаху Мухаммеду и, собрав толпу из «мятежников»,[3] стал притеснять и грабить соседние области, преградив дороги для купцов и свозя все награбленное в свою крепость. Против него было послано шахское войско, которое осаждало крепость, но безуспешно. Когда шах Аббас I вступил на престол и прибыл в Казвин, Доулет-Яр-хан не подчинился ему и во дворец «прибежища мира» не явился. Он стал захватывать не принадлежавшие ему соседние округа, притеснять и грабить «слабый люд и ра'ийятов». Шах послал против него войско во главе с Мехди-кули-ханом шамлу и курчи-башы Хусейн-ханом шамлу, хакимом кумским. Они осадили крепость, но взять ее приступом не смогли, о чем и уведомили шаха. Шах выступил с подкреплениями из Казвина, под видом выезда на охоту, и, поохотившись, неожиданно появился под крепостью Доулет-Яр-хана. Последний, доведенный уже осадой до крайности и едва державшийся, отчаялся и вышел из крепости с повинной к шаху. Мятежный тиулдар был казнен на Са'адатабадском мейдане в г. Казвине, а крепость разрушена по приказу шаха.[4] Мы видим, что при благоприятных условиях тиулдары могли превратиться в таких же носителей феодальной раздробленности, как и прочие феодалы.

Все же и в источниках XVI в. мы не встречаем примеров, чтобы тиул давали кому-либо в наследственное держание.

[1] Шереф-намэ, цит. изд., перс. текст, т. I, стр. 324.

[2] Тарих-и алем ара, лит., стр. 298—299; цит. рук., ч. II, л. 86. — Автор Шереф-намэ (т. I, стр. 325) говорит, что эти округа были пожалованы Доулет-Яр-хану с тем условием, чтобы он позаботился о заселении и обработке их. — Весь этот эпизод приведен в Шереф-намэ, т. I, стр. 324—326, в несколько ином освещении, нежели у Искендера Мунши.

[3] Тарих-и алем ара, те же стр.: «бидоулетан» — буквально «анархисты».

[4] Там же.

Правда, Хасан-бек Румлу, живший в детстве со своею матерью в Казвине, которым владел его дед Амир-султан Румлу, упоминает под 943 г. х. (1536/7 г. н. э., автору было в это время 7 лет), что «этот город был определен в тиул дедам (т. е. предкам) Амир-султана».[1] Это сообщение было бы очень важным, если бы мы могли довериться детским воспоминаниям автора. Но эти воспоминания не находят подтверждения в сообщениях автора Любб-ат-таварих[2] и самого Хасан-бека Румлу,[3] согласно которым Казвин и Соуджбулак, после завоевания их кызылбашами шаха Исмаила I Сефевида (1503 г. н. э.), были пожалованы Абдал-беку дэдэ, а в 915 г. х. (1509/10 г. н. э.) отобраны у него и отданы Зейнал-хану шамлу. После этого, как видно из так называемого тазкирэ шаха Тахмаспа I,[4] до перехода к Амир-султану Казвин был еще владением (улька) Ахи-султана текелю, а после его смерти — Мухаммед-бека Шереф-ад-дин-оглы текелю. Все эти смены правителей происходили на протяжении каких-нибудь 35 лет, и совершенно невероятно, чтобы в этот же короткий промежуток времени Казвин мог принадлежать еще нескольким поколениям эмиров из племени Румлу. Скорее можно предположить, что Амир-султан румлу был единственным из своей фамилии тиулдаром Казвина и Соуджбулака и что как он, так и прежние владетели из других племен, получали эти округа лишь во временное управление, вероятно, также на правах тиула.

Тиул в XVI в., следовательно, не имел еще строго определенного значения и означал пожалования на различных основаниях, объединенных лишь двумя признаками: эти пожалования давались на время и были связаны с правом присвоения всех или части налоговых поступлений с определенной территории: этой территорией могла быть и целая область, и отдельное селение.

Постепенно стали различать два вида тиула: собственно тиул и хамэ салэ (перс. букв. «всегодное», «ежегодное»). Хотя терминология оставалась довольно неустойчивой, все же во второй половине XVI и в XVII в. эти два вида различаются довольно ясно.[5] Хамэ салэ известно уже в XVI в., но правильное устройство и распространение получило в XVII в., со времен шаха Аббаса I. В. Ф. Минорский определял хамэ салэ как вид тиула, при котором определенные статьи дохода предо-

---

[1] Ахсан-ат-таварих, стр. 278.

[2] Любб-ат-таварих, цит. рук., лл. 162а—162б.

[3] Ахсан-ат-таварих, стр. 110.

[4] Тазкирэй-и шах-и Тахмасп, изд. P. Horn, ZDMG, т. 44, стр. 582; Матла'аш-шамс, цит. изд., т. II, стр. 171.

[5] Эти два вида различает Шарден. Они ясно разграничены в Тазкират-ал-мулюк, цит. изд., перс. текст лл. 22б, 58а, 65б; англ. перевод стр. 51, 71, 75.

ставлялись служилым людям только на один год («на весь год»).[1] С последним утверждением согласиться трудно; как увидим, хамэ салэ было именно «жалованьем» (маваджиб), данным государством служилому человеку «на все годы», т. е. ежегодно и на практике пожизненно, если пожалованное лицо не оставляло службы. В «Тазкират ал-мулюк» «хамэ салэ», т. е. «всегодное» или «ежегодное жалованье», ясно отличается от «йак салэ», т. е. «одногоднего жалованья», предоставленного только на один год.[2]

Особенность хамэ салэ заключалась в том, что оно было связано с определенной должностью[3] и выплачивалось служилому человеку по специальным ассигновкам (берат, хавалэ), которые выписывались ежегодно на казначейство той или иной области (иногда частями на разные области).[4] Определенная в хамэ салэ сумма изымалась не обладателем ассигновки (арбаб-и берат), а государственным сборщиком податей с ра'ийятов той или иной деревни или территории и передавалась обладателю ассигновки только по предъявлении им удостоверения своего начальства о том, что он в текущем году (счет годов вели по тюркскому двенадцатилетнему «звериному» циклу) находился на действительной службе или в разрешенном отпуске. Если дохода с данной местности нехватало для оплаты ассигновки, недостающая сумма выплачивалась из свободных сумм, бывших в наличии в казначействе данной области; если этих свободных сумм не было, выплата задерживалась.

Продолжатель «Тарих-и алем ара» приводит один случай пожалования хамэ салэ: беглербег ганджинский и карабагский Шах-верди-султан Зийяд-оглы каджар (40—50-е гг. XVI в.), в награду за храбрость и успехи в битве с турками при Эрзеруме, получил от шаха Тахмаспа I в придачу к своей области округ (махал) Ванки (?), выделенный из области Шеки, и сверх того 1000 туманов хамэ салэ, «дабы ежегодно из Шираза и других краев все, что ему было бы необходимо, закупали (на деньги, выплаченные на местах по ассигновкам его доверенным людям) и присылали (ему)».[5]

---

[1] V. Minorsky, Tiyul, EJ, Suppléments, série «M».

[2] Тазкират-ал-мулюк, перс. текст лл. 86а, 89б; англ. перевод стр. 86, 89.

[3] Фумени, цит. изд., стр. 208, 209, приводит случай, когда некий Мир-Хатим получил указ (ракам) о назначении его сипахсаларом (начальником феодального ополчения) одного из округов и о пожаловании ему суммы в 20 туманов «ежегодного жалованья» (маваджиб-и хамэ салэ). Ср. там же, стр. 49, 50.

[4] Хамэ салэ назначалась на основании приказа (ракам) великого везира; порядок регистрации таких приказов подробно изложен в Тазкират-ал-мулюк, цит. изд., перс. текст. лл. 70б—71а; англ. перевод стр. 77, 78.

[5] Хулясат-ас-сийяр, цит. рук., л. 125б.

Другой случай пожалования хамэ салэ приводит Шереф-хан Бидлиси. При шахе Тахмаспе I округ, управляемый эмирами курдского племени думбули (район Хой-Салмас в южном Азербайджане), был до того разорен и опустошен военными действиями с Турцией, что не приносил никакого дохода. Шах пожаловал в виде пособия на содержание тогдашнего главы племени думбули Султан-Али-бека «ежегодно некую сумму из [статьи] мал у джихата с ущелья (дерэ) Алькис (Акулис в Нахчеванском крае) и с Шарура, из зависимых местностей Нахчевана».[1] И в данном случае речь шла о предоставлении только дохода с неуправляемой территории. Шарден определяет хамэ салэ (hamésaleh, иногда у него же hemeh saleh) как вид тиула, когда ассигновка дается одному лицу ежегодно и постоянно (annuel et perpétuel) на всю жизнь и на один и тот же фонд дохода.[2] Отличие хамэ салэ от собственно тиула заключалось в том, что в первом случае служилый человек не входил ни в какое соприкосновение с ра'ийятами и получал изымаемую с них сумму через государственное казначейство.[3]

По рассказу Искендера Мунши, шах Аббас I в 1026 г. х. (1617 г. н. э.) сделал попытку установить строгий и точный порядок при выдаче ассигновок на хамэ салэ, дабы пожалованные суммы назначались с определенных местностей и ежегодно взимались с этих местностей,[4] и служилые люди были бы избавлены от необходимости часто ходить в диван и добиваться выплаты назначенных сумм. По приказу шаха великий везир и'тимад-ад-доулэ («доверие державы») мирза Абу-Талиб вместе с мустоуфиями и чиновниками «высочайшей канцелярии» (дафтарханэй-и хумайюн), в числе которых находился и Искендер Мунши, четыре месяца оставались в Тебризе для составления списков на выдачу хамэ салэ. Каждому служилому человеку назначалось хамэ салэ с той или иной местности, в зависимости от отдаленности или близости ее от места жительства «обладателя жалованья» (сахиб-и маваджиб) и от его желания; бераты выписывались каждому поименно, дабы сумма хамэ салэ вручалась каждому в руки.[5]

---

[1] Шереф-намэ, цит. изд., т. I, стр. 315.

[2] Chardin, Voyages en Perse, цит. изд., t. III, vol. X, p. 129.

[3] Тиулдары, упомянутые в фермане шаха Тахмаспа 966 г. х. (1559 г. н. э.) по поводу муганских имений шейха Захида (Сильсилят-ан-насаб, цит. рук., лл. 162—164) и в ферманах, выданных на имя биби-эйбатских шейхов (Рук. отд. ИВАН, из архива, ф. 15, №№ 44/584, 8, док. №№ 1, 7, 8), без сомнения относились к категории обладателей хамэ салэ, хотя этот термин в названных документах не упомянут и заменен более общим термином «тиул» (тексты см. в Приложениях №№ 2, 5).

[4] Тарих-и алем ара, лит., стр. 651; цит. рук., ч. II, л. 791.

[5] Там же, лит., стр. 651, 652; цит. рук., ч. II, лл. 791—792.

В ряде случаев упоминается, как вид тиула, танхах,[1] известный и в Средней Азии.[2] Точное определение термина «танхах» пока не было дано никем из исследователей. В. Ф. Минорский объясняет «танхах» как «деньги»,[3] «наличные деньги»,[4] «сумма».[5] Это смысловое значение термина, употребительное и в живом персидском языке. Однако следует отличать техническое значение этого термина. В узбекских ханствах Средней Азии XVII—XIX вв. «танхах» чаще всего означал пожалование земли во временное условное владение, бенефиций, т. е. то же, что тиул; последний термин там к XIX в. почти исчез. В Кызылбашском государстве «танхах», напротив, обозначал не пожалование земли, а пожалование ренты, вероятно, как синоним «хамэ салэ». В приведенном выше рассказе Искендера Мунши и в рассказе Мухаммеда Тахир-Вахида о мероприятиях шаха Аббаса II в 1072 г. х. (1661/2 г. н. э.) по устранению злоупотреблений чиновников при взимании податей и при оплате ассигновок на хамэ салэ,[6] термины «хамэ салэ» и «танхах» являются синонимами; как синонимы «хамэ салэ» там же употреблены выражения «маваджиб» («жалованья») и «марсумат» («пенсии»).[7]

Мероприятия шахов Аббаса I и Аббаса II не устранили злоупотреблений при оплате чиновниками ассигновок на хамэ салэ. Какие формы принимала система уплаты жалованья ассигновками, можно судить по известиям некоторых европейских путешественников и миссионеров. Рафаэль дю Ман рассказывает, что младшие и небогатые служилые люди (pauvres officiers, petits officiers), не располагавшие заручкой в казначействе (défter-croné, т. е. дафтар-ханэ), получая ассигновки на доли доходов из отдаленных, притом, иногда из разных,

---

[1] См., напр., Ерев., № 1/3 — ферман шаха Хусейна, датированный 1122 г. х. (2 марта 1710 г. — 18 февраля 1711 г. н. э.); Ерев. № 1/5 — ферман шаха Хусейна 1125 г. х. (1713 г. н. э.) о предоставлении Мустафа-беку и Ахмед-беку юзбашы (сотнику) жалованья (маваджиб) на сумму 1 туман 3224 ½ динара тебризских; Эчм. № 3/44 — ферман шаха Хусейна, изданный в месяце джумаде II 1114 г. х. (23 октября — 20 ноября 1702 г. н. э.), о пожаловании суммы в 4 тумана и 5000 туманов тебризских в хамэ салэ гулямам шахского дворца Али-Аскер-беку и прочим; Сильсилят-ан-насаб, цит. рук., лл. 172—173.

[2] См., напр., Три документа по аграрному вопросу в Средней Азии, Записки ИВАН, 11/2, 1933, стр. 83.

[3] Англ. перевод «Тазкират ал-мулюк», стр. 51.

[4] Там же, стр. 71, 75; также в комментарии, стр. 153.

[5] Там же, стр. 89.

[6] Тарих-и Тахир-и Вахид, цит. рук., лл. 270б—271а.

[7] Там же. — О пожаловании хамэ салэ см. также Инша-и Мирза Мехди-хан, техранск. литогр. изд. 1262 г. х., стр. 77, 108, 109. — Впрочем, в Тазкират-ал-мулюк (перс. текст, лл. 22б, 58а, 65б) в начале XVIII в. танхах упомянут как особый вид пожалования ренты, наряду с хамэ салэ и тиулом; в чем отличие танхаха здесь, не ясно.

районов, и нуждаясь в наличном доходе, продавали свои ассигновки за урезанную сумму тахсильдарам — сборщикам государственных налогов (égrillats que l'on dit ici thahsildaris — ramasseurs de rente); при такой продаже обладатель ассигновки не выручал иногда и двух третей своего жалованья. Купивший ассигновку откупщик или сборщик налогов также рисковал своим доходом, ибо при его появлении в деревне крестьянин-плательщик нередко спешил покинуть местность. Напротив, высшие сановники (les grands) не только ничего не теряли, но и выигрывали при системе расплаты ассигновками: они легко добивались в казначействе выдачи ассигновок на «хороший и близкий курятник» (un bon et proche poulailler), т. е. на богатый и близлежащий район, куда и посылали, вопреки закону, для взыскания своих рабов (esclaves). Последние выжимали соки с бедного сельчанина (pauvre villageois), вручая затем «халяль» — «дозволенное» (permis — le hélol) своему господину (maître), а «харам» — «недозволенное» (défendu — le harom), т. е. взысканное сверх назначенной суммы, оставляли себе.[1]

Назначенные в виде хамэ салэ доли ренты с определенных местностей в некоторых случаях составляли значительные суммы. Согласно «Тазкират ал-мулюк»[2], духовная должность великого мухтасиба (мухтасиб-ал-мамалик, главный цензор нравов, которому были подчинены также базары как основные центры общественной жизни) приносила ее обладателю ежегодный доход с ряда местностей, на правах хамэ салэ, в размере 2 533 000 динаров, в том числе с ряда округов (махал) в Азербайджане и Армении, именно:

Ардебиль	211 200 динаров	Капанат (= Капан)	53 463 динаров
Тебриз	600 000 „	Хой	40 000 „
		Гермруд	70 000 „
Ганджа, Ереван, Урумийя	125 000 „	Сараб	50 000 „
		Муканат (= Мугань)	40 000 „
		Маранд	15 000 „

Общий ежегодный доход великого мухтасиба, вместе с другими видами пожалования, определялся в 3 030 000 динаров. О доходах других высших сановников (с хамэ салэ, тиулов и иных видов пожалования) можно судить по цифрам, приведенным в таблице (стр. 198).

[1] Raphaël du Mans, Estat de la Perse en 1660, pp. 179, 180; cp. Chardin, Voyages en Perse, t. III, vol. X, 131—133.
[2] Тазкират-ал-мулюк, перс. текст лл. 85а — 92а, англ. перевод стр. 90.

Сановники	Доход в год в тысячах динаров	
	согласно Рафаэлю дю Ман (1660 г.)[1]	согласно „Тазкират ал мулюк" (1725 г.)[2]
великий везир	10 000	8 230
курчи-башы	15 000	14 910
великий садр (садр а'зам)	—	13 600
туфенгчи-башы	10 000	7 110
мир-шикар (начальник шахской охоты)	6 000	10 500
диван-беги	30 000	5 000
куллар-агасы (начальник корпуса гулямов)	15 000	—
топчи-башы	20 000	5 000
мустоуфи ал-мамалик (великий мустоуфий, министр финансов)	6 000	3 020

Общая сумма поступлений в хамэ салэ по всей Кызылбашской державе, согласно «Тазкират-ал-мулюк», в 1725 г. определялась в 1 165 302 400 динаров.[3]

Суммы хамэ салэ давались в «жалованье» не только отдельным служилым людям, как, например, участникам феодального ополчения (черик), но и целым учреждениям и частям регулярного войска. Один из указов шаха Хусейна, вышедший в месяце мухарреме 1121 г. х. (13 марта — 11 апреля 1709 г. н. э.), говорит о выплате таких сумм чинам дворцового корпуса курчиев. И тут для получения жалованья требовалось подтверждение пребывания на службе. «И упомянутый юзбашы, — говорится в указе, — пусть удостоверит их присутствие, а высокосановитый курчи-башы (начальник корпуса курчиев) пусть определит, дабы со времени явки (их) в поход, был бы им дан танхах».[4] О способе расплачиваться с гвардейскими частями — курчиями и гулямами — путем выдачи ассигновок на получение доли государственных доходов той или иной области говорит и Р. дю Ман.

Что касается собственно тиула, то в XVI в. значение его представляется менее, а в XVII—XVIII вв. более определен-

[1] R. du Mans, op. cit., pp. 14—26.
[2] Тазкират-ал-мулюк, цит. изд. перс. текст л. 91а; англ. перевод стр. 86—90.
[3] Там же, перс. текст л. 127б; англ. перевод стр. 107. — 1 туман равен 10 000 динаров, согласно делла Валле (начало XVII в.) 1 т. равен 10 цехинам, согласно Шардену (1671 г.) равен 455 турским ливрам, или 3 экю; ср. V. Minorsky, Tadhkirat al-muluk, Commentary, p. 153, 154. Согласно А. Волынскому (1717 г.), 1 туман равен 10 русским рублям. К 1725 г. курс тумана упал по крайней мере в 4—5 раз с начала XVII в.
[4] Эчм. № 1/4.

ным. При этом тиул, в узком значении слова, был двух видов. Первый вид — тиулы, присвоенные носителям строго определенных должностей. В этом случае тиулдар владел тиульной территорией до тех пор, пока занимал определенную должность. С передачей должности другому лицу, к последнему переходил и тиул. В этом случае, владение тиулом, повидимому, всегда было связано и с правом управления тиульной территорией. Так, согласно «Тазкират-ал-мулюк», в начале XVIII в. должности начальника корпуса курчиев (курчи-башы) было присвоено тиульное держание округа Казерун (в Фарсе), должности начальника корпуса конных гулямов (куллар-агасы) — держание округа Гульпайган (в западном Иране), должности начальника корпуса мушкетеров (туфенгчи-башы) [1] — держание округа Аберкух (в Фарсе) [2], должности главного церемониймейстера (ишык-агасы-башы) дивана — округ Рей (близ нынешнего Техрана) с определенным ополчением (кошун-и мукаррари) [3]. Тот же источник сообщает, что «в старое время» должности «хранителя высочайшей печати» (мухрдар-и мухр-и хумайюн) было присвоено держание, на правах тиула, округа Кум (в северо-западном Иране). Этот тиул давал ежегодный доход сперва 364 тумана = 3 640 000 динаров, а позднее 13 605 361 динаров. Но в последнее время хранителя печати лишили этого тиула, а вместо него стали давать в управление какой-нибудь округ. [4] Должности хранителя шахской чернильницы (даватдар) был присвоен тиул с доходом в 150 000 динаров, — эта сумма равнялась половине его годового жалованья. [5] Такого рода тиулы были и в Азербайджане. В XVII в. Олеарий сообщает, что городок Ленгеркунан (ныне Ленкорань) был тиулом, присвоенным должности курчи-башы. [6]

Другой вид тиула отличался тем, что тиульное держание не было прикреплено к какой-либо определенной должности и давалось пожалованному лицу персонально, также в вознаграждение за службу государству или в виде награды за заслуги, но не обязательно за отправление определенной должности. Пожалование тиула давалось всегда на определенную территорию. В теории тиул второго вида в XVII — первой половине XVIII вв. не давал тиулдару права на управление территорией,

[1] Об этих должностях см. в гл. II настоящей работы.

[2] Тазкират-ал-мулюк, цит. изд., перс. текст л. 86б; англ. перевод стр. 86.

[3] Там же, перс. текст л. 86б; англ. перевод стр. 87.

[4] Там же, перс. текст л. 41а; англ. перевод. стр. 62.

[5] Там же, перс текст лл. 43а—43б; англ. перевод стр. 63; ср. там же, перс. текст л. 90а; англ. перевод стр. 89.

[6] Олеарий, цит. изд., стр. 475.

с которой взимался доход. Тиулдар получал право присваивать ренту с какой-либо местности и право кормиться за счет населения во время своего пребывания там (иногда — это большой округ, иногда — одно селение или даже только часть его) в награду за прежнюю службу шаху или в виде жалованья за несение той или иной службы государству, но не обязательно за управление именно данной местностью. [1]

Однако является вопрос, всегда ли действительность соответствовала теории и букве закона. Из приведенных выше примеров мы уже видели, что в XVI в. тиулдар нередко управлял пожалованной ему территорией. Как увидим, и в XVII в. такая практика не исчезла, несмотря на централистическую тенденцию и попытки борьбы с феодальной раздробленностью, особенно заметные при шахе Аббасе I. Не приходится сомневаться в том, что в XVII в. тиул нередко был именно тем, чем рисуется он по ферманам, т. е. правом служилых людей на ренту и только. Но и это право само по себе давало тиулдарам возможность усиливать поборы с крестьянства, благодаря разнообразию способов оценки доходов и взимания сборов: в Гиляне, например, благодаря изменению таксировки стоимости риса. [2] Везир Гиляна Бийэ-пас в начале XVII в. Мирза Мухаммед Шафи' говорил шаху Аббасу I, что обладатели тиулов и сборщики податей разорили эту область. [3]

Вместе с тем, и в XVII в. сильные владельцы крупных тиулов оказывали противодействие централистической политике шахской власти и стремились к расширению своих прав. Правда, тексты шахских ферманов не обнаруживают такого расширения. Но буквальное понимание таких текстов было бы неправильно: ферманы отражали не столько действительность, сколько политическую теорию и централистические тенденции Сефевидов. В этом убеждают нас нарративные источники, по данным которых можно думать, что расширение прав тиулдаров происходило двумя путями. Прежде всего, в ряде случаев, пожалование в тиул доходов с какой-либо местности соединялось с назначением на административную должность в данной местности. Историк Гиляна Фумени рассказывает, что после подавления восстания Талышкули в Талыше, около 1004 г. х. (1595 г. н. э.) шах Аббас пожаловал многим вельможам и местным феодалам тиулы. При этом махалы Накак и Биджар в Гиляне, ежегодные доходы с которых составляли сумму в 250 туманов тебризских, были пожалованы «в вечный тиул» [4]

[1] Chardin, Voyages en Perse, t. III, vol. X, pp. 127—130.

[2] Фумени, стр. 144.

[3] Там же.

[4] Тиул-и абади, — выражение это, повидимому, следует понимать как пожизненное пожалование.

Хусейн-хану кухдумскому (одному из мелких наследственных владетелей в Гиляне) «в придачу к его области» (т. е. к его родовому владению — Кухдуму), в вознаграждение за поимку мятежника Талышкули.[1] Являясь распорядителями местных казенных доходов и в известной мере земельного фонда, правители областей могли расширять и свою власть над населением пожалованных им тиульных территорий.

Если бы сохранились местные хроники закавказских ханств в XVI—XVII вв., без сомнения, мы нашли бы в них такие же факты относительно тиулдаров, какие нам известны о Гиляне,[2] история которого богато освещена местными хрониками.

Второй путь, по которому развивался процесс расширения власти тиулдаров и превращения тиула в вид условного землевладения, заметен там, где тиулы жаловались центральным правительством Ирана местным средним и мелким феодалам. Обладая землями и пользуясь влиянием в данном районе, эти феодалы стремились превратить данное им право взимания доходов с тех или иных местностей в наследственное право управления этими местностями.

В этом отношении заслуживает внимания серия жалованных ферманов XVI—XVIII вв. на имя владетельных феодалов северного Азербайджана (область Шеки) — беков Элису и Цахура, позднее известных под именем султанов элисуйских.[3] В эту серию входят не только персидские ферманы шахов Ирана, но и турецкие ферманы османских султанов, относящиеся к коротким периодам османского владычества в Закавказье (1578—1607 и 1723—1735 гг. н. э.). Владычество Ирана в Закавказье сменялось владычеством Турции и обратно, а беки Элису каждый раз оставались в своем маленьком владении, и каждый раз новая власть подтверждала их права. Самый ранний из этих жалованных ферманов был выдан на имя Ади-Куркулу-бека цахурского шахом Тахмаспом I в месяце раджабе 970 г. х. (24 февраля — 25 марта 1563 г. н.э.); этим ферманом, между прочим, подвластная Ади-Куркулу-беку территория освобождалась от вмешательства со стороны кого бы то ни было из правителей (хуккам), тиулдаров и беглербегов.[4]

Ферман шаха Аббаса II, изданный в месяце раби II 1052 г. х. (29 июня — 27 июля 1642 г. н. э.) на имя Халил-бека

---

[1] Фумени, стр. 130.

[2] См., напр., Фумени, цит. изд., стр. 49, 50.

[3] АКАК, т. II, приложение II, документы на персидском и турецком языках, №№ 1—22.

[4] Там же, № 1. Иными словами, не разрешалось суммы податных поступлений с Цахура отдавать в тиул кому-либо, кроме владетеля округа. Но сам он в этом фермане не назван тиулдаром.

цахурского, гласит: «По беспредельной милости шахской к прибежищу величия Халил-беку, сыну Мухаммед-хана захурского, мы повелели определить ему в тиул Захур на том же основании, на каком он был определен родителю его, и сумму в 155 туманов тебризских, каковая была определена ежегодно (хамэ салэ) из статей и сборов упомянутого состава родителю его, вышеупомянутому, в «ежегодное» (хамэ салэ) (жалованье)».[1] Для владетельного феодала имела значение не столько пожалованная в тиул сумма (то, что называлось собственно хамэ салэ), — эта сумма уступалась из взимавшихся в диван доходов с его же владения, а не из шахской казны,[2] — сколько обладание и управление тиульной территорией. В XVI—XVII вв. владельцы тиулов стремились превратить владение рентой в условное владение землею. Но нужно при этом помнить, что расширение владельческих прав тиулдаров создавалось путем произвола и захватов со стороны этих последних. Оно не было формально признано центральной властью и даже на практике не превратилось в общее правило.

Другой показательный пример, когда тиульное право на практике соединялось с управлением той же местностью, приводит историограф шаха Аббаса II Мухаммед Тахир Вахид относительно округа **Урмийя** (Урумийя) в южном Азербайджане.[3] Это был большой округ: по данным турецкого путешественника Эвлийя-челеби, в половине XVII в. здесь было 150 селений и 300 тысяч жителей; последняя цифра невероятна, ее следует уменьшить в 2—3 раза. Во времена шаха Тахмаспа I районы Тергевер и Мергевер в округе Урмийя были пожалованы во владение курдскому полукочевому племени берадуст.[4] При шахе Аббасе I в 1603 г. глава племени Амир-хан назначен был хакимом Урмийи. Когда же Амир-хан берадуст восстал против шаха в 1610 г., Урмийя была отнята шахом у этого племени.[5] После смены нескольких назначенных шахом хакимов, округ Урмийи оказался во владении одной

---

[1] Там же, № 8. Здесь впервые выражение «тиул» применяется к округу Захур-Цахур.

[2] См. АКАК, т. II, доп. I, № 2, ферман шаха Султан-Мухаммеда Худабендэ (дата указана неверная) о назначении жалования Мухаммед-беку, владетелю махалов в Ахты и Доккузпара, стр. 1077; там же, № 3, ферман шаха Хусейна 1123 г. х. (1711 г. н. э.) о пожаловании ежегодно 200 туманов тебризских из откупных сумм Ахмед-хану, уцмию каракайтагскому, стр. 1077.

[3] Об истории Урмийи данного периода см. статью V. Minorsky, Urmiya, EJ., vol. IV, pp. 1089—1093.

[4] Тарих- и алем ара, лит., стр. 559; цит. рук., ч. II, л. 455а; Шереф-намэ (цит. изд. т. I, стр. 296, 297) говорит только, что при шахе Тахмаспе глава племени берадуст владел районом (нахийя) Хан Алмас, из зависимых местностей Урмий, на правах собственности.

[5] Тарих-и алем ара, лит., стр. 573, цит. рук., ч. II, л. 472б.

ветви кызылбашского племени афшар. Когда здесь появился первый правитель из этого племени, источники не сообщают. Но уже под 1038 г. х. (1628/9 г. н. э.) в приведенном Искендером Мунши перечне эмиров, бывших в живых в этом году, упоминается Кельб-Али-султан Иманлу афшар, хаким Урмийи.[1] После этого Урмийя более чем 250 лет оставалась главным владением племени афшар, и хакимы, формально назначаемые шахом, всегда выдвигались из знати этого племени, хотя и не всегда из одной и той же фамилии.[2] Афшары Урмийи нередко вели частные войны с курдскими племенами думбули, зарза и мукри, владениями наследственных глав которых в XVII в. были соответственно округа Хой, Ушну и Соуджбулак в южном Азербайджане.

По рассказу Мухаммеда Тахир-Вахида, в 50-х гг. XVII в. Гандж-Али-хан афшар, хаким Урмийи, был смещен шахским правительством по жалобе племени афшар, «и округ тиула его был пожалован дяде его Мухаммед-кули-хану, который был прежним хакимом Фераха (Феравы)»[3] в Хорасане. Так как этот хаким не проявил старания в изготовлении пороха для военных нужд, что лежало на его обязанности, то и он был удален и замещен Аслан-ханом афшаром, юзбашы (сотником) корпуса дворцовых гулямов.[4]

Поскольку в данном случае тиульное пожалование (т. е. пожалование ренты) распространялось на территорию, которой владелец тиула управлял в качестве хакима, естественно, что понятие тиула соединялось с представлением о полновластном распоряжении данной территорией; как мы видели из цитированного источника, пожалование шахом округа тиула (Урмийи) означало то же, что утверждение в звании правителя округа.

Из Искендера Мунши видно, что нередко тиулдары жили на территории своих тиулов; повидимому, они и распоряжались этими территориями, если не в качестве правителей, то в качестве землевладельцев. По возвращении войска из Ширвана,[5] рассказывает этот же автор, «воины, получив отпуск, обратили лицо к своим жилищам и родным краям, а великие

---

[1] Там же, лит., стр. 762; цит. рук., ч. II, л. 1052.

[2] В. Ф. Минорский в упомянутой статье приводит перечень 7 хакимов (ханов) Урмийи из племени афшар, но из разных семейств, правивших здесь между 1707 и 1865 гг. Перечень этот не полон; в нем опущен, например, Мухаммед-Касим-хан афшар, хаким Урмийи в период Надир-шаха (см. у Мухаммед-Касима, рук. ИВАН № Д-430, т. II, л. 167б и след.).

[3] Тарих-и Тахир-и Вахид, цит. рук., л. 210а.

[4] Там же. В этом случае пожалование названо просто «улька» — «край», «наместничество», выражение «тиул» не употреблено.

[5] В 1607 г. н. э.

эмиры отправились каждый в округ[1] своего тиула и икта'»[2]. «Бекташ-хан и Меликеш (?)-султан, сын его, получив отпуск, отправились в Мерв, в округ своего тиула».[3]

Распространение тиула в Азербайджане в XVI—XVII вв. не подлежит сомнению. Помимо приведенных уже данных документов, мы имеем указания об этом и в нарративных источниках. В 988 г. х. (1580/81 г. н. э.) Салман-хан из племени устаджлу был назначен беглербегом Ширвана. Назначение его, как это было в обычае в Кызылбашском государстве, сопровождалось пожалованием в Ширване земель его мулязимам — знатным людям племени устаджлу, и размещением в этой области воинов племени с семьями. По рассказу Искендера Мунши, «область Ширванскую разделили между Салман-ханом и эмирами устаджлу».[4] Среди эмиров устаджлу были: Салман-хан, беглербег Шемахи и Ширвана; Хусейн-кули-султан, сын Назар-султана лялэ («воспитателя» одного из царевичей); Али-кули-султан, сын Ишык-Аваза чавушлу устаджлу; Мустафа-султан шерефлу устаджлу; Мехди-кули-султан чавушлу устаджлу, а также 2—3 эмира из племен (аймаков) джагирлу и караманлу. Всем им дали в Ширванском крае тиулы и отправили их туда.[5] Здесь мы видим пример того, как назначение главы племени правителем края сопровождалось утверждением в крае зависимых от него эмиров племени с кошуном (племенным ополчением) и столь широкой раздачей тиулов, что Искендер Мунши назвал это шахское «пожалование» разделом Ширванской области между эмирами племени устаджлу. Здесь тиулдары также отправляются в местности своих тиулов, без сомнения, дабы жить там. Возможно, что некоторые эмиры племени устаджлу уже раньше обладали тиулами в Ширване, и шахское «пожалование» 988 г. х. было лишь утверждением за ними прежних владений, ибо беглербегом Ширвана долго (1548—1565) был известный Абдуллах-хан, глава племени устаджлу. О пожаловании шахом Тахмаспом I в 1540 г. большой территории на Мугани в тиул Гази-хану текелю мы уже упоминали выше.

После изгнания из Ширвана турецких войск и восстановления здесь снова кызылбашского владычества в 1606—1607 гг., шах Аббас I также роздал некоторым представителям местной знати тиулы.[6] Тогда же этим шахом розданы были тиулы

---

[1] Слово употреблено здесь, повидимому, в значении единственного числа — «махал» (округ).

[2] Тарих-и алем ара, лит., стр. 532.

Здесь выражения «тиул» и «икта'», повидимому, употреблены как синонимы одного и того же понятия.

[3] Там же, лит., стр. 432; цит. рук., ч. II, л. 332а.

[4] Там же, лит., стр. 189; цит. рук., ч. I, л. 313.

[5] Там же, лит., стр. 189, 190; цит. рук., ч. I, л. 313.

[6] Там же, лит., стр. 529; цит. рук., ч. II, л. 330б.

в южном Азербайджане. После изгнания турецких войск и восстановления кызылбашского владычества в южном Азербайджане в 1012 г. х. (1603/4 г. н. э.) шах Аббас I вознаградил тех местных феодальных владетелей, стоявших во главе курдских племен, которые в 80-х гг. XVI в. помогли утверждению турецкого владычества здесь, а позднее, недовольные налоговой политикой Турции и боясь развития народного движения джелали, направленного и против турецкого и против иранского ига,[1] оказали активное содействие шаху и кызылбашским войскам. «И курдские эмиры, — говорит Искендер Мунши, — которые, став шахсевенами, прибыли к подножию высочайшего трона, как, например, Гази-бек[2] и Кучи-бек, сыновья Шахкули Белилана (из племени) хекари, Кылыч-бек (из племени) думбули,[3] Джемшид-султан (из племени) думбули,[4] Максуд-бек (из племени) махмуди[5] и дети их, — им были пожалованы соответствующие их званию тиулы».[6] Здесь также тиульное право соединялось с правом управления, — фактически наследственного, — в ряде округов южного Азербайджана. В другом месте своего труда Искендер Мунши говорит, что риш-сефидам («белобородым», т. е. племенным старейшинам) и воинам племени мукри «повелели пожаловать места поселения (макам) и икта'».[7] И в данном случае «икта'» и «тиул», повидимому, синонимы.

В приведенном Искендером Мунши перечне эмиров племени шамлу, бывших в живых в 1628/9 г., упомянут Кундук-мыш-султан бекдели шамлу, глава подразделения племени и его ополчения, ставший с большим сборищем кочевников своего племени[8] шахсевеном и получивший степень эмирата и достоинство султана; он обладал разбросанными в разных местностях Азербайджана (южного) тиулами.[9]

В кавказской Армении шахом Аббасом I также раздавались тиулы представителям кочевой знати. Мехди-кули-бек, сын Али-кули-бека, главы племени са'длу, во время владычества Турции в Ереванской области (1578—1606) перешедшего на турецкую службу; после изгнания турецких войск снова вернулся на шахскую службу, стал шахсевеном и получил «жалованье» (маваджиб, т. е. хамэ салэ) и тиул в Ереванской области, дабы, находясь под началом беглербега ереванского, он «усердствовал в пограничной службе»,[1] т. е. охранял границу с Турцией.

[1] См. Тарих-и алем ара, лит., стр. 539—548; цит. рук., ч. II, лл. 431б — 442б.
[2] Владетель г. Хойя в южном Азербайджане.
[3] Владетель Баргушета в Сюнике в Армении.
[4] Владетель Маранда в южном Азербайджане.
[5] Владетель части округа Мараги в южном Азербайджане.
[6] Тарих-и алем ара, лит., стр. 455, 456; лит. рук., ч. II, л. 350б.
[7] Там же, лит., стр. 574; цит. рук., ч. II, л. 373а.
[8] Там же, лит., стр. 762; цит. рук., ч. II, л. 1051.
[9] Там же.

В кавказской Армении, т. е. по административному делению кызылбашей — в Ереванской области, практиковался, особенно в XVIII в., специальный вид тиула, заключавшийся в том, что собственникам мульковых имений[2] (мулькдарам), имевшим право взимать со своих крестьян только часть бахры (= малуджихата) и других сборов, предоставляя остальную часть бахры (малая бахра — бахрэчэ) государственным сборщикам податей, шахом в виде особой милости давалось право взимать в свою пользу на правах тиула и «малую бахру» вместе с другими податями диванскими. Таким образом, одно и то же лицо оказывалось владельцем и мулька (как имения и ренты с него) и тиула (понимаемого как право на взимание в пользу владельца государственных налогов, обращенных теперь также в ренту) или, иными словами, это лицо получало право взимать в свою пользу все виды податных сборов, ничего не внося в казну.[3] Этот вид тиула отличался от права налогового иммунитета (му'афи)[4] только тем, что не был в принципе наследственным, и для возобновления его в последующем поколении требовалось новое шахское пожалование.

Эту чисто местную разновидность тиула, которая в Ереванской области была очень распространена, Шопен, ознакомившийся с институтом тиула только по документам (царским официальным и немногим переводным персидским), относящимся к одному лишь Ереванскому ханству, и не имевший представления о том, чем был тиул в других закавказских ханствах, ошибочно принял за сущность института тиула. Шопен видел природу тиула в том, что владение им «вообще предоставляло владельцу право непосредственно распоряжаться в пожалованной деревне, которая в то же время исключалась из окладных списков; затем все сборы, все повинности с оной обращались в пользу владельца».[5] В действительности, возможность «обращать в пользу владельца» все сборы и все повинности вытекала не из тиульного права, а из соединения прав мулькдара и тиулдара в одном лице, практиковавшегося, насколько можно судить по документам, только в Ереванском и Нахчеванском ханствах и, повидимому, не ранее XVIII в. Вопреки Шопену, «право непосредственно распоряжаться

[1] Там же, лит., стр. 522; цит. рук., ч. II, л. 414а.
[2] О мульке см. гл. VI.
[3] О тиулах такого типа см. АзЦАУ, ист арх., ф. Ерев. бекской комиссии, д. 2, лл. 110—113; ф. Главноуправляющего Грузией, д. 8, лл. 10об., 12, 28об. — 29, 65—67, 76—83.
[4] О му'афи см. в гл. IV.
[5] И. Шопен, Исторический памятник состояния Армянской области, стр. 928, 929.

в пожалованной деревне» не вытекало из юридического права тиула, а могло быть присвоено владельцем, так сказать, явочным порядком.

К сожалению, эта ошибка Шопена в понимании природы тиула оказалась очень живучей в кавказоведческой литературе. Ее усвоили и повторили, вслед за Шопеном, другие кавказоведы дореволюционной эпохи. Не избежал ее и новейший серьезный советский исследователь феодальных отношений в Армении XVII—XVIII вв. Б. М. Арутюнян, который в данном вопросе целиком доверился «авторитету» Шопена. Приняв частный случай и местную разновидность тиула за общее правило, Б. М. Арутюнян вполне ошибочно заключает, что «по своему происхождению тиульство однородно с мульком и является одним из видов мулька, так сказать, в его расширенном понимании».[1] Но тот же автор, — и на этот раз правильно, — замечает, что «в отличие от мулька, тиульное право нельзя было продавать». К этому можно было бы прибавить, что тиул нельзя было и передать по наследству. Тиул мог вести к расширению прав мулькдара только в том частном случае, если соединялся с мульком.

Шопен, основываясь на своем неправильном понимании тиула, называет селение Вагаршапат вместе с некоторыми другими селениями тиулами Эчмиадзинского монастыря.[2] Но такое определение владельческих прав монастыря на селения не основано на документах. Как замечает Б. М. Арутюнян, в описании имений Эчмиадзинского монастыря, данном в «Джамбре» католикоса Симеона, «нигде не упоминается тиульное владение и нигде не употребляется слово тиул».[3] Прибавим к этому, что и в персидских официальных документах Эчмиадзинской серии нам не доводилось встречать выражения «тиул» по отношению к имениям Эчмиадзинского монастыря.[4] В этих документах селение Вагаршапат именуется вакфом, некоторые

[1] Б. М. Арутюнян, Крупное монастырское хозяйство в Армении в XVII—XVIII вв., стр. 37, 38.

[2] И. Шопен, цит. соч., стр. 679 и след.

[3] Б. М. Арутюнян, цит. соч., стр. 38.

[4] Б. М. Арутюнян (там же) указывает, что в фермане шаха Аббаса II 1052 г. х. (1642 г. н. э.) селение Учь-Килиса, т. е. Вагаршапат, названо «тиулом». — Мы не имеем в данный момент под рукою фотоснимка или копии данного фермана, но предполагаем, что в данном случае могло иметь место неправильное чтение. Пишущий эти строки, знакомясь с персидскими официальными документами Эчмиадзинской серии, сам впал было в такую ошибку, прочтя в одном документе, в котором пунктуация полностью отсутствовала (возможно, в том самом, на который ссылается Б. М. Арутюнян) «tiuli» — «некий тиул» или «этот тиул» — вместо «mtwli» — «мутаваллий». Знакомство с другими документами аналогичного содержания убедило нас в том, что правильно второе чтение. В документе шла речь именно о невмешательстве в дела мутаваллия, т. е. настоятеля монастыря, а не в дела тиула.

другие имения — мульками монастыря, но не тиулами его. Правда, Эчмиадзинскому монастырю шахами предоставлено было, как мы уже упоминали, право взимать в свою пользу также и «малую бахру», т. е. государственную подать, но, повидимому, на правах вечной привилегии «му'афи», а не временного держания — тиула.

Повидимому, распространение тиула в Азербайджане и Армении было шире, чем можно было бы заключить на основе прямых упоминаний источников о тиуле в этих странах. В некоторых случаях источники не называют тиулом земли и округа, отданные знатным людям в кормление, а дают этим пожалованиям неопределенное наименование «улька» (в азербайджанском произношении «ӧлкэ»). Термином «улька», как сказано было выше,[1] могли обозначаться пожалования различного характера. Но в ряде случаев источники прилагают этот термин к тиульным пожалованиям. Хасан-бек Румлу, например, сообщает, что улька Сальян и Махмудабад, из зависимых местностей Ширвана, в 1540 г. н. э. была определена в тиул Гази-хану текелю.[2] По словам Искендера Мунши, шах Аббас I, после изгнания турецких войск из южного Азербайджана, утвердил за крупным курдским феодалом Гази-беком Белиланом его владения на правах тиула.[3] Этими владениями были округа Хой и Салмас, которые тот же источник в другом месте называет «улька» Гази-бека.[4] Поскольку в ряде случаев пожалование улька и тиула означало одно и то же, можно и в тех случаях, когда источники говорят о пожаловании улька, допустить, что эта улька жаловалась на правах тиула, хотя это выражение в источниках прямо не употреблено. Искендер Мунши говорит о том, что после отвоевания Ширвана у Турции шахом Аббасом в 1606 г., шах прежде всего озаботился подысканием «нескольких (знатных) людей, которые были бы

[1] См. подробнее в гл. III.

[2] Ахсан-ат-таварих, цит. изд., стр. 296.

[3] Тарих-и алем ара, лит., стр. 455, 456; цит. рук., ч. II, л. 350б.

[4] Там же, лит., стр. 445; цит. рук., ч. II, л. 340б. — Аналогичные примеры см. у того же автора, лит., стр. 298; цит. рук., ч. II, л. 86: — «В пределах Султании и Седжаса тиульный округ (улькай-и тиул) был пожалован ему» (Доулет-Яр-хану сийях-мансур); там же, лит., стр. 436; цит. рук., ч. II, л. 332б: «Хотя в тиульных округах (улькай-и тиулат) он (сейид Мухаммед Кемунэ) испытывал недостаток..., зато он обладал саном хранителя печати»; там же, лит., стр. 551; цит. рук., ч. II, л. 445б: «И округа (улька) Сонкор из зависимых местностей Кальмара была определена ему (бывшему правителю Багдада Мустафа-паше, изменившему Турции и эмигрировавшему в Иран) в тиул и икта'». Там же, лит., стр. 183; цит. рук., ч. I, л. 302, содержание см. в гл. III, стр. 102). См. также Фумени, Тарих-и Гилян, цит. изд., стр. 184: — «Мирзай-и алемийян (везир Гиляна) определил доходы с округа (улька) Тулим в вечный тиул (тиул-и абади) Камран-беку Тулими».

14 Зак. 4397. Петрушевский.

достойны эмирата,[1] возвысил их до степени эмирата, и им были пожалованы разные «улька» в Ширване».[2] Тот же автор сообщает о некоем Мансур-султане из племени алпаут, что он «обладает улька в Ширване».[3] Примеров такого обладания икта', в котором можно предполагать тиул, источники дают довольно много.

Уже из приведенных примеров можно убедиться в том, что в период владычества Сефевидов понятие тиула в разных случаях обозначало не одно и то же. В прежней литературе, кроме цитированной статьи Минорского, это обстоятельство нигде не отмечено. Стремление центрального правительства Ирана к централизации и к стиранию местных особенностей привело к пользованию общей официальной терминологией, не отражавшей своеобразия действительных отношений в разных странах, находившихся под властью Кызылбашского государства, в частности, и в странах Закавказья. Затем, различные значения термина «тиул» появились как следствие противоречий интересов центрального правительства и поддерживавшей его бюрократии, стремившихся расширить государственное землевладение и превратить землевладельцев лишь в обладателей права на долю ренты-налога, с одной стороны, и местных феодалов и знати некоторых кочевых племен, стремившихся расширить права местных землевладельцев за счет прав государства, с другой стороны.

Тиул, как территория, с которой жаловалась доля ренты-налога, мог означать очень неодинаковое понятие. Это могла быть и большая область, например область Рейская (район Техрана) в Иране.[4] В этом случае сбор ренты-налога или доли ее почти всегда соединялся с управлением тиульной территорией; тиулдар оказывался либо наместником, назначенным центральной властью, либо местным наследственным феодалом, владельческие права которого утверждались шахом.[5] Тиулы последнего типа были распространены на окраинах владений Кызылбашской державы — во всем Азербайджане, Армении и восточной Грузии, где для шахского правительства было опасно, а порою и невыгодно уничтожать местные княжества и заменять их назначенными правителями. Правда, шахское

[1] Т. е. титулов хана и султана.

[2] Тарих-и алем ара, лит., стр. 467; цит. рук., ч. II, л. 360б. — Ниже названы имена 8 пожалованных лиц — 4 ханов и 4 султанов.

[3] Там же, лит., стр. 762; цит. рук., ч. II, л. 1050.

[4] См. Тарих-и алем ара, лит., стр. 265: «Али-Кули-хан с некоторыми эмирами и подвластными своими, коих было около 5000, предпринял поход, выступив в округу (улька) Рейскую, что была определена ему в тиул...»; ср. там же, лит., стр. 391.

[5] См. напр., ферманы на имя султанов элисуйских, АКАК, т. II, доп. II, № 1, 8; Тарих-и Тахир-и Вахид, цит. рук., л. 210а; Тарих-и алем ара, лит., стр. 455, 456; цит. рук., ч. II, л. 350б.

правительство находило выход в том, что официально именовало наследственных ханов и султанов северного Азербайджана и царей Кахетии и Картлии своими наместниками (вали). Но от этого фактическое положение этих владений не менялось. По утверждению путешественника Шардена,[1] в тиул земли давались правительством преимущественно в отдаленных местах.

Со времени шаха Аббаса I заметна тенденция сокращать число тиульных пожалований в центральных областях государства. По данным Искендера Мунши, в 1598 г. доходы тиулдаров с одного Ирака персидского (северо-западный Иран) составляли 50—60 тысяч туманов (500—600 млн. динаров),[2] а в 1616 г. доходы тиулдаров всего Кызылбашского государства равнялись 30 тыс. туманов (300 млн. динаров).[3] Согласно «Тазкират ал-мулюк», в 1725 г. общий доход с тиулов и выданных взамен ('аваз) их денежных субсидий по всему Кызылбашскому государству составлял 3 753 663 000 динаров, а вместе с суммами хамэ салэ — 4 918 965 400 динаров в год.[4] Согласно тому же источнику, в эту цифру входила общая сумма дохода с тиулов (без хамэ салэ) эмиров и хакимов (правителей округов и владетелей улька) — 3 495 004 300 динаров.[5] Таким образом, львиная доля тиульных пожалований доставалась эмирам и другим крупным феодалам. Цифры эти, однако, трудно сопоставить с цифрами Искендера Мунши, так как с начала XVII в. до 1725 г. стоимость динара понизилась, по крайней мере, в несколько раз; точный же курс динара в этих хронологических рамках пока не установлен. Суммарных цифр по Азербайджану и Армении не имеется.

Земли, отданные в тиульное кормление служилым людям, официально не выделялись в особую категорию землевладения. До шаха Аббаса I в тиул определялись земли (официально — доходы с них) и из фонда государственных земель (дивани), и из фонда собственных доменов шахской фамилии (хассэ). Поскольку, однако, на практике эти земли превращались в частновладельческие, при шахе Аббасе I были приняты меры к тому, чтобы оградить собственные домены шаха (хассэ) от такого перехода в чужие руки. Был принят порядок, согласно которому в тиул могли определяться земли только из фонда государственных земель (дивани). Фумени приводит характерный пример из истории Гиляна.[6] Везир Гиляна, обра-

[1] Chardin, t. III, vol. X, p. 171.

[2] Тарих-и алем ара, лит., стр. 405; цит. рук., ч. II, л. 285.

[3] Там же, лит., стр. 632; цит. рук., ч. II, л. 752.

[4] Тазкират-ал-мулюк, цит. изд., перс. текст л. 127б; англ. перевод стр. 107.

[5] Там же.

[6] Фумени, цит. изд., стр. 184, 185.

щенного в 1594 г. в территорию «хассэ», доложил шаху о необходимости отобрать тиульное право на местечко (касаба) Тулим с округом владельца его Камран-бека, назначив ему взамен ежегодную ренту (хамэ салэ) в 400 туманов деньгами, лишь бы он не вступал в Тулим. Такая мера мотивировалась тем, что Гилян Бийэ пас представляет «собственное владение (хассэ) шахской казны (следовательно, не государственную землю, дивани.—*И. П.*), а в краях, отнесенных к собственным землям (хассэ) [шаха] право тиулдара (тиулдарство) не имеет силы».[1] Шах согласился с предложением своего везира в Гиляне. Тот же Фумени рассказывает об отобрании тиулов у их владельцев в Гескере (округ в Гиляне) и в Астаре (в азербайджанском Талыше).[2] Хотя тиул не был наследственным, но при обычае наследственности многих должностей[3] обладатели тиулов стремились передавать их своим наследникам.

Но передать тиул сыну или родственнику владельца в силу права наследования, как это делалось с мульками и сойюргалами, было нельзя. Закрепить в виде особой милости отцовский тиул за сыном мог только шах. При этом требовалось возобновление пожалования путем выдачи новой грамоты, как это имело место по отношению к владетелям Элису и Цахура: в фермане шаха Аббаса II 1052 г. х. (1642 г. н. э.) указано, что шах жалует Цахур в тиул Халил-беку на том же основании, на каком отцу его Мухаммед-беку было сделано такое же пожалование.[4] Историограф шаха Аббаса II Мухаммед Тахир Вахид упоминает об аналогичном случае возобновления тиульного пожалования шахом: в 1071 г. х. (1660/61 г. н. э.) умер придворный мунаджжим (звездочет, астролог) мулла Мухаммед Тахир, и тиул его был передан его сыновьям.[5] К сожалению, источник не сообщает ничего о размерах и местонахождении этого тиула. Зато тот же источник приводит случай, когда округ Урмийя, названный автором тиулом, после отстранения от управления им Гандж-Али-хана афшара был передан дяде его Мухаммед-Али-хану.[6] Здесь не было прямого наследования, но была передача шахом прав тиульного владения родственнику прежнего тиулдара. Таким образом, мы можем отметить в XVII в., вопреки официальной теории, тенденцию к перерастанию также и тиула в наследственное держание, тенденцию, отражавшую, без сомнения, стремления самих тиулдаров. Но эта тенденция не превратилась в юридическую норму; передачи тиулов в руки родственников владельцев были исключениями из общего правила, притом исключениями, базировавшимися каждый раз на возобновлении прежнего тиульного пожалования шахом.

[1] Там же, стр. 185.
[2] Там же.
[3] См. об этом в гл. III. Стремление к наследственности тиулов в связи с существовавшей фактически наследственностью должностей, отмечает и Шарден: каждый чиновник надеялся оставаться в своей должности всю жизнь и передать ее детям вместе с данной ему в жалование за несение службы землей (terre d'assignation), т. е. тиулом, Voyages en Perse, t. III, vol. X, p. 129.
[4] АКАК, т. II, дополнение II, № 8.
[5] Тарих-и Тахир-и Вахид, цит. рук., л. 268а.
[6] Там же, л. 210а.

Если большая тиульная территория давалась в управление главе кочевого племени, племенная знать смотрела на нее, как на владение своего племени. Конечно, при феодализации племенной знати, распоряжение земельным фондом племени и доходами с зависимых оседлых крестьян переходило в руки знати.[1]

Тиульная территория могла быть и очень мала, — ею могло быть одно селение. Понятно, что в таком случае положение тиулдара здесь было иное; являясь, по букве жалованного указа, только обладателем доли ренты, он мог при благоприятных условиях превратиться, самое большее, в местного землевладельца, но не правителя. В XVII в. Кахетинское царство в восточной Грузии официально именовалось тиулом, внутри которого признавалось существование разных видов частного землевладения — как тиулов, так и мульков. В фермане шаха Сефи на имя Закарии-бека и его племянника Луарсаб-бека, изданном в месяце раджабе 1047 г. х. (19 ноября — 18 декабря 1637 г. н. э.), это различие между упомянутыми видами тиула выражено так: «То, что у них есть в стране Кахетинской из мульков и наследственных тиулов, по старому обычаю мы пожаловали в тиул вышеупомянутому (Закарии-беку) и Луарсаб-беку».[2]

Доход от тиулов на практике нередко оказывался выше официальной его оценки, соответствовавшей цифрам жалованья, присвоенного определенным должностям. В этой разнице заключалась большая выгода для тиулдаров. В «Тазкират ал-мулюк» приведены любопытные примеры. Должности амирахур-башый-и сахра, т. е. начальника конских заводов, присвоен тиул с доходом, оцененным в 80 туманов (800 тыс. динаров), а в действительности приносившим доход в 1275 тыс. динаров в год, т. е. более, чем на 50% выше номинальной оценки.[3] Должности диван-беги был присвоен тиул с оценен-

[1] См. об этом подробнее в гл. III.
[2] Персидские документы Рукописн. отд. Гос. музея Грузии, извлеченные Ю. Н. Марром, ПГД, № 1.
Выражение «наследственный тиул» нам приходилось для данного периода видеть только в документах, относящихся к Грузии.
[3] Тазкират-ал-мулюк, цит. изд., перс. текст л. 87б; англ. перев. стр. 87.

ным доходом в 15 туманов (150 тыс. динаров), а фактически дававший 923 845 динаров дохода в год, т. е. более чем в 6 раз выше.[1]

Судя по сефевидским ферманам и данным нарративных источников, не относившиеся к виду «хамэ салэ» тиулы давались чаще всего на неопределенный срок, точнее без указания срока. В таких случаях в указе обычно делалась оговорка: «Пусть [чиновники] не требуют ежегодного возобновления указа».[2] Такое пожалование, действительное до отмены его новым указом, нередко превращалось в пожизненное. Пожалование тиула «на вечно» в официальных документах нам приходилось встречать только для периода полунезависимых ханств (вторая пол. XVIII — нач. XIX в.).[3] Из нарративных источников выражение «вечный тиул» встречается в «Истории Гиляна» Фумени.[4] Очень сомнительно, чтобы это выражение могло означать наследственный тиул. Скорее всего, «вечное» пожалование должно было означать пожизненное владение. О пожаловании наследственного тиула говорят, повидимому, исключительно шахские ферманы, относящиеся к Грузии,[5] где существовали очень своеобразные феодальные отношения, не похожие на порядки, сложившиеся в Азербайджане, кавказской Армении, равно как и в Ираке арабском и в Иране. В Азербайджане же и Армении признанная официально наследственность тиулов при Сефевидах не имела места; по крайней мере, нам не пришлось встретить в источниках каких бы то ни было указаний на нее.[6]

Итак, тиул при Сефевидах был общим обозначением для неодинаковых видов владения рентою, иногда на практике — и землею, объединенных общими признаками: обусловленностью владения несением государственной службы и времен-

[1] Там же, перс. текст л. 88а—88б; англ. перев. стр. 87.

[2] См. напр., в упомянутой уже тиульной жалованной грамоте шаха Аббаса II 1056 г. х. (1646 г. н. э.), Ерев. № 1/7. — Эта формула была стандартной, ею заканчивались почти все жалованные ферманы.

[3] См. напр., АзЦАУ, ист. арх. фонд, Бак. бек. к-ии, д. 3, лл. 228об.—229. Протокол Бак. бек. к-ии № 207, та'лика (предписание) Мехди-кули-хана карабагского от 1235 г. х. (1819 г. н. э.). о пожаловании сельской общины с землями Рустам-беку: «(Ра'ийяты) навечно пусть не допускают упущений в ра'йятских повинностях и в несении службы».

[4] Фумени, стр. 130, 185.

[5] См. цитированное выше место из ПДГ (из коллекции Ю. Н. Марра) № 1 — «тиул-и моуруси» — «наследственный тиул». В той же коллекции № 3, ферман шаха Аббаса II от раджаба 1064 г. х. (18 мая — 16 июня 1654 г. н. э.) на имя Пурамбека: «Упомянутые ра'ийяты да признают вышесказанного и его потомков из рода в род своими полномочными тиулдарами . . .»

[6] О наследственности другого вида условного владения — сойюргала см. в гл. IV.

ным или во всяком случае не наследственным характером держания. В остальном между разными видами тиула нередко в разных областях существовало значительное различие. Что это так и что казенные выражения ферманов не соответствовали в полной мере современной живой действительности и не объясняли ее, видно из того, что термин «тиул», как и другие выражения из официальной терминологии феодализма, в сефевидских ферманах прилагался и к земельным пожалованиям в Грузии, в которой господствовали особый тип феодализма и особые формы землевладения, непохожие на те, какие существовали в Азербайджане или в Иране. Хотя все эти конкретные особенности в сефевидских жалованных ферманах на имя грузинских феодалов не отражены, все же становится ясным, что «тиулом» в Грузии называли совсем не то, что называлось этим именем в других странах, входивших в состав державы Сефевидов. В фермане шаха Аббаса I на имя грузина Сийявуш-бека, изданном в месяце ша'бане 996 г. х. (26 июня — 25 июля 1588 г. н. э.), говорится: «Изъявив благосклонность к вышеупомянутому, мы даровали ему селение. . . (название не разобрано).[1] Кедхуда и ра'ийяты упомянутого селения, признавая вышеупомянутого своим тиулдаром и сдавая ему из года в год установленный и обычный оброк (мал у джихат), пусть ничего не скрывают и не утаивают и не преступают его приказа и слова».[2] Такого рода примеры относительно термина «тиул», как и относительно ряда других выражений ферманов, лишний раз убеждают в том, что стандартные выражения и казенная терминология ферманов не должны обязывать нас к буквальному пониманию их текста.

Если в XVI—XVII вв. владельцам тиулов в ряде случаев удавалось расширять свои права на землю и крестьян, то все же при Сефевидах это были лишь захватные стремления феодалов, не оформлявшиеся никакими юридическими актами. Изменения в характере тиульного пожалования получили юридическое признание в северном Азербайджане и в кавказской Армении с половины XVIII в. после фактического падения здесь владычества Ирана (точнее, с 1747 г. — дата гибели Надир-шаха и начала развала его державы) и после превращения ханств северного Азербайджана и кавказской Армении в почти независимые государственные образования[3] и новой

[1] Дальше в тексте несколько слов не разобрано.

[2] ПДГ (из коллекции Ю. Н. Марра), № 6.

[3] Эти ханства до конца XVIII в. признавали себя вассалами Ирана номинально, да и то далеко не всегда. В литературе закавказские ханства принято называть «полунезависимыми». Это название и мы удерживаем. Некоторые ханства (например, Карабагское и Шекинское) сложились только после 1747 г. Другие ханства существовали и раньше под именем «улька»; см. об этом подробнее в гл. III.

победы здесь феодальной раздробленности над прежними централистическими стремлениями шахов Ирана. Ханы Азербайджана и Армении, применяя к ним mutatis mutandis выражение Фр. Энгельса о князьях Священной Римской империи, если и пытались иногда стать «носителями местной и провинциальной централизации», «централизации в самой раздробленности»,[1] все же были слишком слабы, а их государственные образования слишком непрочны для того, чтобы осуществить эти стремления. Ханы быстро превратились в простые орудия местных феодальных группировок и должны были пойти навстречу домогательствам этих последних.

Изменения в характере тиула ясно выступают в жалованных грамотах — ракамах и та'ликах — закавказских ханов, особенно ханов кубинских,[2] нахчеванских,[3] карабагских.[4] Нам приходилось пользоваться лишь жалованными грамотами местных ханов, датированными не ранее начала XVIII в. Это, конечно, не значит, что более ранних грамот не было. Официальные документы этого периода до наших дней не настолько полно выявлены и учтены, чтобы можно было делать такие заключения. Во всяком случае, пожалование земель, доходов и должностей местными ханами, а не центральным шахским правительством, не было явлением вполне новым. Местные ханы раздавали такие пожалования и до Сефевидов. Историк Гиляна Али Лахиджи приводит два случая пожалования около 1494/5 г. н. э. ханом Ближнего Гиляна (Бийэ пиш) Каркийя Мирза-Али из династии Кийя селений некоему Мир Абд-ал-Кериму и сипахсалару (полководцу) Аббасу.[5] Возможно, что и при Сефевидах местные наследственные владетели в тех местностях, где они не были заменены наместниками центрального правительства, также раздавали такие пожалования. Во всяком случае, ханские земельные и другие пожалования XVIII в. были лишь возрождением старой практики после развала Кызылбашской державы и краха ее централистической политики.

---

[1] Фр. Энгельс, Крестьянская война в Германии; К. Маркс и Фр. Энгельс, Соч., т. VIII, ГИЗ, 1930, стр. 117.

[2] Указы кубинских ханов. Перс. текст и перевод изд. Ин-та им. Н. Я. Марра Грузфилиала АН СССР, Тбилиси, 1937 (в дальнейшем сокращенно — Куб.). — См. также АзЦАУ, ист. арх., фонд куб. ком-та, д. № 10.

[3] Нахичеванские рукописные документы. Перс. текст и перевод под ред. Ю. Н. Марра, изд. Ин-та им. Н. Я. Марра Грузфилиала АН СССР, Тбилиси, 1936 (Нах.).

[4] АзЦАУ, ист. арх., фонд Бак. бек. к-ии, дд. № 2, лл. 95, 99 об., 126, 253; д. № 3, лл. 228 об. — 229, 247—260, 269, 415 об. — 416, 546 и др. — Также АзЦАУ, ист. арх., фонд воен.-окр. нач-ка, д. 14, лл. 360—376.

[5] Али ибн Шамс-ад-дин Лахиджи, Тарих-и хани, изд. Б. Дорна, MQ II Theil, перс. текст, стр. 70.

Тиульные пожалования закавказских ханов XVIII в. отличаются от таких же шахских пожалований тем, что в них в тиул уже официально жаловались, наряду с рентой-налогом или ее долей, также и земли (селения, зимние и летние пастбища — кышлаги и яйлаги) с их насельниками, податными крестьянами (ра'ийятами). Дабы дать более четкое представление об изменениях в характере тиула, мы считаем не бесполезным привести один документ — ферман Фатх-Али-хана кубинского, изданный в месяце шаввале 1188 г. х. (5 декабря 1774 — 2 января 1775 г. н. э.) на имя Хаджи-бека, мелика Будугского.

«Высокий указ последовал: так как с начала девятимесячия сего года коня была оказана безграничная ласка и милость рабов его высочества (бандэган-и али)[1] к высокодостойному и высокостепенному, отмеченному знаками преданности мелику Хаджи-беку, мы соблаговолили пожаловать ему селения Са'дан, Кушчи, Чирак, Угах и Чилган, дабы они, пребывая под началом его, служили бы ему и все, что следует с них из десятины (дах-йак),[2] половины (ним-йак) [десятины], кесима (мелкое постатейное обложение) и прочих (сборов), целиком выплачивали бы сказанному мелику Хаджи-беку. Пусть никто не будет облечен поручением касательно сказанных селений, вышеупомянутого (Хаджи-бека) пусть не стесняют. Ра'ийяты и подвластные люди сказанных селений, признавая сказанного высокодостойного своим тиулдаром, от достойных внимания речей и благих деяний его да не уклоняются. Мы соблаговолили повелеть и определить, дабы никто по какому бы то ни было поводу не чинил стеснений и затруднений сказанным селениям. Пусть их оставят пребывать в тиуле сказанного высокодостойного, дабы они отправляли ему службу по всем статьям и во всех

---

[1] Бандэган-и али — букв. «высокие рабы», т. е. «рабы его высочества», — хана; «бандэган-и алахазрет» — «рабы его величества», т. е. шаха. Это — технические выражения в шахских и ханских ферманах XVI—XVIII вв., обозначавшие особу государя. Этикет не допускал непосредственного обращения подданного к монарху с просьбой. Прошения подданных, хотя бы и очень знатных, писались на имя «стоящих у подножия трона», «рабов» (бандэган), «наместников» (навваб), «эмиров» (умара) «его величества». Равным образом, резолюции или указы в ответ на прошение составлялись, якобы, от имени тех же «рабов», «наместников» и т. д., т. е., по сути дела, от самого шаха или хана. Даже в нарративных источниках монарха нередко условно называют «рабами его величества» (или высочества»). Мухаммед Казим, например, говоря о брате Надир-шаха Ибрахим-хане, главном наместнике стран Закавказья, систематически употребляет выражение «рабы его высочества» — «бандэган-и валя». См. Мухаммед-Казим, цит. рук., т. II, passim; напр., л. 22а: — «В окрестностях ущелья луг, что служил местом стоянки рабов его высочества. . .», т. е. Ибрахим-хана.

[2] Перс. «одна десятая», см. в гл. VII.

отношениях. Внеся вышеупомянутый указ (ракам) в книгу высокого саркара[1] пусть (чиновники) утвердят в писцовую книгу (дафтар) и не требуют ежегодного возобновления указа. И пусть числят (исполнение указа) на своей ответственности. Писано в месяце шаввале 1188 года».[2]

За несколько лет до того, в месяце раджабе 1172 г. х., в год зайца (28 февраля — 29 марта 1759 г. н. э.), тем же Фатх-Али-ханом тому же Хаджи-беку было пожаловано в тиул селение Заркува «дабы он, непрерывно взимая с него подати (таваджжихат), согласно исчислению с упомянутого селения, расходовал их на свое пропитание. Упомянутая сельская община (джама'ат) также, признавая вышеупомянутого своим единственным тиулдаром, пусть не отступает от речей и благих деяний его, выполняет их, как должно, не противясь. . .»[3]

Различие в характере тиульного пожалования по шахским указам XVII в. и по приведенным указам кубинского хана второй половины XVIII в. достаточно заметно. Здесь тиулдару отдавались не только рента-налог и другие сборы с селений (причем, по смыслу указов, он мог взимать их сам, а не получать через казенного сборщика податей или из дивана),[4] но и самые селения, причем крестьяне ставились в полную зависимость от него и обязывались отправлять ему «службу» (хидмат), т. е. все установленные обычаем крестьянские повинности. Тиулдар конца XVIII в. чаще всего сам жил в пожалованном ему селении и сам управлял им.[5]

Что здесь речь шла именно о личной зависимости ра'ийятов, особенно ясно показывают два поздних указа (уже начала XIX в.) кубинских ханов. В этих указах в тиул были пожалованы уже прямо жители (буквально «люди» —

[1] Персидским термином «саркар» в закавказских ханствах обозначали чаще всего начальника финансового ведомства. «Высокий саркар» (саркар-и'али) — глава финансового ведомства в ханстве.

[2] Указы кубинских ханов, док. № 7. — Перс. текст см. в Приложениях № 6.

В деталях перевода текста здесь, как и в других цитируемых из этой серии местах, мы несколько расходимся с переводчиком «Указов кубинских ханов» (тбилисское изд. 1937 г.).

[3] Там же, док. № 4.

[4] Из цитированных выше указов шаха Хусейна, Ерев. №№ 1/3, 1/4, 1/5, напротив, явствует, что в XVII в. тиулдар получал свой доход из дивана, Ср. также АзЦАУ, ист. арх., фонд Бак. бек. к-ии, д. № 2, лл. 245—246, д. № 3, л. 268.

[5] Из та'лики Мехди-кули-хана карабагского 1223 г. (1808 г. н. э.) видно, что Мамед-Али-бек жил в пожалованном ему («определенном для жительства») в тиул селении Кийябаши и лично взимал с ра'ийятов все подати, ханские сборщики податей не допускались в селение, см. АзЦАУ, ист. арх., фонд Бак. бек. к-ии, д. № 2, лл. 245, 246.

«ахали») целых сельских общин с занимаемыми ими землями и угодьями. Указ Шейх-Али, последнего хана кубинского, изданный в месяце зу-л-ка'да 1220 г. х. (21 января — 10 февраля 1806 г. н. э.), гласит: «Смысл этих речей в том, что крупица безграничной милости его высочества окутала и облекла житие (буквально «обстоятельства») высокосановитого и высокоместного столпа преданности и верности Мухьи-ад-дин-бека, сына Ага-эфенди. С начала десятимесячия сего сулящего благополучное завершение года барса... соблаговолили мы пожаловать и вверить жителей селения Каджар упомянутому высокосановитому, дабы он, взимая с них оброк (мал у джихат) и [прочие] сборы (вуджухат), расходовал их на свое пропитание».[1] Жителям предписывалось безусловное повиновение «достойным внимания речам» Мухьи-ад-дин-бека — их господина и обладателя тиула (бузург ва тиулдар-и худэшан).[2] Почти в таких же выражениях составлен указ того же хана, изданный в месяце мухарреме 1222 г. х., в год зайца (2—3 декабря 1807 г. н. э.),[3] о пожаловании «жителей (селения) Кудьял целиком и полностью» («ахалий-и Кудьял ра тамам ва кемаль»)[4] некоему Ага-беку. Жителям предписывалось «ни под каким видом не уклоняться от достойных внимания речей» Ага-бека, так как «упомянутый высокодостойный есть господин (бузург) и тиулдар упомянутых людей» («'алишан-и мазкур бузург ва тиулдар-и ахалий-и мазкур мибашед»).[5]

Такие изменения тиул пережил вовсе не в одном только Кубинском ханстве. В таких же выражениях составлялись жалованные грамоты ханов карабагских. В указе Мехди-кули (Мехти-кулу, по азербайджанскому произношению), последнего хана карабагского, изданном в месяце мухарреме 1232 г. х. (21 ноября—20 декабря 1816 г. н. э.), читаем: «Жителям (селения) Муфрузли да будет ведомо, что в усугубление моей милости к почтенному Кара-беку, жалую и предоставляю вас ему, повелеваю служить ему и не чинить уклонений от его приказаний».[6] В та'лике 1234 г. х. (1818 г. н. э.). Мехди-кули-хан писал: «Тахмасп-кевха[7] и сельское общество Зейва да ведают, что в ознаменование совершенного нашего благоволения к высокопочтенному Хусейн-беку,

[1] Куб., док. № 19. Пер. текст см. в Приложениях, № 7.

[2] Там же. Выражение «бузург» здесь трудно перевести иначе.

[3] Куб., док. № 23.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] АзЦАУ, ист. арх., фонд воен.-окр. нач-ка, д. № 47, л. 83 об., копия.

[7] Перс. «коуха» (азерб. кевха) — сельский старшина, синоним перс. термина «кедхуда».

мы вас всех пожаловали ему...»[1] В та'лике 1237 г. х. (1821 г. н. э.) тот же хан писал: «Джеванширского общества кедхудам[2] и жителям Мирамлинским и Полатлинским да будет ведомо, что из милости к почтенному Али-беку, всех вас я пожаловал ему...»[3] Приказание вносить господину малуджихат и «отправлять ему службу» неизменно повторяется во всех указах такого рода. В аналогичном указе Селим-хана шекинского (нухинского), писанном в месяце джумаде II 1211 г. х. (2—30 декабря 1796 г. н. х.)[4] о пожаловании его родственнику, Ибрахим-Халил-хану, селения Хараби «со всеми зависимыми и принадлежащими местностями», жителям вменялось в обязанность «повелениям и запрещениям его не противиться, усердствуя и стараясь в (отправлении) установленных служб, — из под ярма повиновения пусть никто не восстанет...»[5] Сельские общины целиком жаловались сейидам, ахундам и служилым людям и в ханстве Ереванском.[6]

О характере крестьянских повинностей в тиульных селениях скажем в другом месте. Пока лишь отметим ту эволюцию, какую пережил тиул в закавказских ханствах второй половины XVIII — начала XIX в. Служилая знать в ханствах добивалась, наряду с расширением тиульных прав, как наследственности должностей, так и наследственности тиулов. Итак, наследственность в ханствах стала превращаться в общее правило, хотя и не была признана общим законом. Но на практике во второй половине XVIII в. тиулы, как и должности их господ, нередко (хотя все еще не всегда) передавались по наследству. Характерный пример находим в указах кубинских ханов. Указом Фатх-Али-хана, изданным в месяце мухарреме 1175 г. х. (2—31 августа 1761 г. н. э.), сельская община (джама'ат) Деделу со всем населением, состоявшим не только из податных крестьян, ра'ийятов, но и из привилегированных жителей, мулязимов (людей, обязанных службой в ханском конвое, ханских нукеров),[7] ранее пожа-

[1] АзЦАУ, ист. арх., фонд. Бак. бек. к-ии, д. № 2, лл. 386—387, копия.
[2] В данном значении — сельские старосты.
[3] АзЦАУ, ист. арх., фонд воен.-окр. нач-ка, д. № 47, л. 221. — Копии ряда тиульных пожалований Ибрахим-Халил-хана и Мехди-кули-хана карабагских (армянское сел. Лор в Зангезуре) см. АзЦАУ, ист. арх., фонд Бак. бек. к-ии, д. № 3, лл. 447—454.
[4] АзЦАУ, ист. арх., фонд воен.-окр. нач-ка, д. № 47, л. 281 об. Там же, лл. 280—281, еще четыре указа (в заверенных копиях) жалованных грамот того же хана, той же даты, аналогичного содержания, перс. текст и казенный перевод.
[5] Там же.
[6] АКАК, т. VII, № 439, рапорт Армянского областного правления гр. Паскевичу от 26 апреля 1828 г., стр. 491; ср. там же №№ 441, 442, стр. 492; см. об этом также у Егиазарова, цит. соч., стр. 10.
[7] Куб., док. № 5.

лованная «цвету себе подобных» Муртаза-Али-беку,[1] после смерти его была пожалована сыну его,[2] а после смерти последнего была пожалована Фатх-Али-ханом в месяце зулхидже 1185 г. х. (6 марта — 3 апреля 1172 г. н. э.) его брату Яхья-беку, сыну Муртаза-Али-бека.[3] Ферман предписывал крестьянам: «Не отступая от достойных внимания слов и благих деяний его (Муртаза-Али-бека), на том же основании, на каком отправляли службу его брату, выполняли бы повинности вышеупомянутому...»[4]

В данном случае можно проследить переход одной и той же сельской общины по наследству к трем членам одной и той же семьи. Но для передачи по наследству каждый раз необходимо было возобновление пожалования ханом. В случае смерти хана, пожаловавшего тиул, требовалось такое же возобновление пожалования его преемником. «Почтенный Ибрахим-Халил[5] и (сельское) общество Эфендиляр да ведают, — писал в 1224 г. х. (1809 г. н. э.) Мехди-кули-хан карабагский, — что так как покойный Ибрахим-хан[6] пожаловал вас высокопочтенному Рустам-беку, то и мы вас пожаловали ему с тем, чтобы вы отбывали ему службу».[7] Иными словами, пожалование считалось действительным до смерти одной из сторон — хана или пожалованного лица. Этим тиульное владение и в тот период отличалось от наследственного мулька (мюлька). Общего признания наследственности тиулов, как и всех вообще видов частного землевладения, беки и мелики Азербайджана и Армении добились лишь после присоединения к России рескриптом Николая I от 6 декабря 1846 г.

Если сефевидский тиул по сравнению с монгольским икта' XIII—XIV вв. был возвращением от лена к своеобразному бенефицию, то в закавказских ханствах второй половины XVIII в. тиул снова прошел в основном тот же путь развития, какой уже однажды прошел институт икта' в X—XIII вв.

[1] Указ об этом пожаловании до нас не дошел, но о нем упоминается в док. № 5.
[2] Там же. Имя сына в указе не названо.
[3] Куб., док. № 6.
[4] Там же.
[5] Кедхуда — староста селения.
[6] Ибрахим-Халил-хан карабагский (1760—1806 гг. н. э.) из династии Джаваншир, отец Мехди-кули-хана (1806—1822 гг.).
[7] АзЦАУ, ист. арх., фонд Бак. бек. к-ии, д. № 3, л. 546; ср. то же дело, л. 268, та'лика Мехди-кули-хана 1221 г. х. (1806 г. н. э.), подтверждающая пожалование ра'ийятов некоему Мирза-Мамед-кули-беку, сделанное «покойным ханом» (Ибрахим-Халил-ханом) на основании та'лики последнего; ср. то же дело, л. 415 об. — 416, та'лика Мехди-кули-хана 1235 г. х. (1819 г. н. э.), подтверждающая пожалование Ибрахим-Халил-ханом селения Ходжаган Фатх-Али-аге; в 1819 г. селением уже владела дочь Фатх-Али-аги.

Глава VI

МУЛЬК (МЮЛЬК)

Институт, обозначавшийся арабским термином «мульк» (в одном из буквальных значений — «владение», «имение», «недвижимость), в азербайджанском произношении «мюльк», в армянском произношении «мюлк», в современном персидском литературном произношении «мольк»,[1] очень распространенный в Азербайджане и Армении в период присоединения к России, представители дореволюционного кавказоведения XIX в., начиная с И. Шопена,[2] рассматривали как долю налогов, пожалованную шахом или ханом служилым людям вместо жалованья за службу. Такое объяснение институту мулька (мюлька) дает большинство кавказоведов дореволюционной школы.[3] Другие же представители этой школы дают путаные и противоречивые определения «мулька». М. Н. Кучаев определяет «мюльк» и «тиул», как «два вида владения землею»,[4] но тут же, несколькими строками ниже, называет мульк «поземельной рентой», а мулькдаров (владельцев мульков) — «наследственными пайщиками казны в получении хлебной поземельной ренты».[5] Только С. А. Егиазаров, автор лучшей из дореволюционных работ по аграрным отношениям стран Закавказья, видит в мульке наследственное частное владение землею,[6] но и он видит

[1] В кавказоведческой литературе чаще всего употребляется азербайджанская форма «мюльк». Мы здесь предпочитаем пользоваться основной формой «мульк», как в персоязычных документах.

[2] См. И. Шопен, Исторический памятник состояния Армянской области. СПб, 1852, стр. 926 и сл.; ср. там же, стр. 1149, 1150.

[3] См. особенно С. Эсадзе, Историческая записка об управлении Закавказьем, т. I, стр. 527 и след.

[4] М. Н. Кучаев, Феодализм и закрепощение в Закавказьи, Русский вестник, 1893, № 1, стр. 320.

[5] Там же.

[6] С. А. Егиазаров, Исследования по истории учреждений в Закавказьи, ч. I, Сельская община, Ученые записки Казанского ун-та по юридич. фак-ту, Казань 1889, стр. 148.

«сущность мулькадарского права в том, что ханы и сердары жаловали деревни представителям служилого сословия»,[1] иными словами, считает владение мульком обусловленным службой государству. Не отрицая факта наследственности мульков, кавказоведы дореволюционной школы отрицали существование купли-продажи мульков.

Такая точка зрения вытекала из общей для дореволюционных историков концепции отрицания существования феодальных отношений и феодального землевладения в закавказских ханствах. Эта точка зрения основывалась на изучении исключительно царских архивных официальных документов, в которых отношения живой действительности были безнадежно запутаны и извращены царскими чиновниками. Надо при этом заметить, что почти все представители этой точки зрения не были специалистами-востоковедами. Быть может, не стоило бы слишком много останавливаться на точке зрения представителей дореволюционной историографии, если бы эта точка зрения не оказалась настолько живучей, что все еще продолжает оказывать влияние и на новые работы отдельных советских кавказоведов. Еще недавно С. Маркосян полностью и без критики повторил точку зрения кавказоведов дореволюционной школы на мульк («мюльк»). Маркосян видел в мульке род кормления, долю ренты-налога, уступленную беку или мелику ханом в виде вознаграждения за отправление государственной должности, «жалованье, принявшее вид налога», утверждая, что в Ереванском ханстве, как и на всем Востоке, не могло быть не только частной собственности на землю, но и частного владения ею.[2]

Историк Грузии проф. С. Н. Какабадзе видел в «мюльках закавказских ханств» бенефиции, присвоенные определенным должностям.[3]

Разумеется, правильное объяснение стариннейшего института мулька только на узкой основе царских архивных документов XIX в., притом относящихся к одному Ереванскому ханству, невозможно. Необходимо обратиться к источникам более ранних периодов. Мульк не обнаруживает никакого терминологического отличия от существовавшего издавна в мусульманских государствах Передней и Средней Азии милька. Как показывают справочники и работы П. П. Ива-

[1] Там же, стр. 292.

[2] С. Маркосян, Колониальная политика царизма и армяне в XVIII в. Борьба классов, 1936 г., № 11, стр. 96.

[3] С. Н. Какабадзе, Черты феодального строя в Грузии и в ханствах Закавказья в новые века, Бюллетень Кавказского Историко-Археологического Института АН СССР, № 8, 1931, стр. 10, 11 .

нова,[1] обе формы огласовки — «мильк» и «мульк» — применялись в Иране и в Средней Азии (без сомнения, и в других соседних странах) в XIX — начале XX в. одновременно и параллельно.

Мульк, или мильк, как частное владение недвижимостью, преимущественно землею,[2] отчуждаемое и передаваемое по наследству[3] и признаваемое шариатом, существовал, начиная с первых же веков ислама; мульк появился одновременно с формированием халифата. В этом значении институт мулька (или милька, если принять другую огласовку) не обнаруживает никаких специфических феодальных черт. Этот вид мулька слишком хорошо известен, чтобы на нем стоило подробно останавливаться. После феодализации стран, входивших в состав халифата, именем мулька, или милька, стали обозначать как мелкую земельную собственность, так и безусловное владение на правах собственности, отчуждаемой и передаваемой по наследству, более или менее значительными территориями с сидящими на них крестьянами; в этом последнем смысле мульк стал обозначать феодальный институт, напоминающий аллод.

Мульк, или мильк, как феодальный институт, можно проследить со времени утверждения феодализма в странах Передней и Средней Азии. В персидском сборнике официальных документов в Хорезме XII в., составленном Мухаммедом Багдади, селение Нукус названо мильком, который мог быть пожалован хорезмшахом Текешом царевичу Яган-Дугди, как выморочное имение, оставшееся без наследников.[4] Насир-ад-дин Туси в XIII в. говорит о «купленных на золото мульках» («мулькхай-и зархаридэ»),[5] также о мульках, известных под именем «хурр» — «очищенных» от податей, «землях и садах, которые прежние государи (падишахан-и кадим) не облагали хараджем», что «цена той земли бывает дороже» («бахай-и ан замин герантер бувад») и что такие земли «переходят по

[1] П. П. Иванов, Удельные земли Сейид Мухаммед-хана хивинского (1856—1865 гг.), Записки ИВАН, VI, 1937, стр. 33, 42, 47, 51. — См. также Три документа по аграрному вопросу в Средней Азии, Записки ИВАН, II/2, 1933, стр. 73, 82—83. — Из данных двух последних работ видно, например, что один и тот же вид частного землевладения в Ср. Азии именовался то «мильк-и хурр», то «мульк-и хурр».

[2] В персидском ферхенге Бурхан-и Кати', Калькутта 1233 г. х., стр. 868, слово «мульк» в одном из значений определяется так: «в арабском языке мульк означает землю».

[3] О мульке в таком значении см., наприм., у Наршахи, Description topographique de Boukhara, texte persan publié par Ch. Schéfer, Paris, 1892, p. 11.

[4] В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. I. Тексты, стр. 74.

[5] Трактат о финансах, цит. изд. перс. текста, стр. 762.

наследству» («бе мирас берафтэ башенд»).[1] Рашид-ад-дин на рубеже XIII и XIV вв. в своих письмах не раз упоминает об имениях (мульках), купленных им на собственные средства в округе Басры,[2] о раздаче бедным крестьянам 1000 харваров (ослиных вьюков) зерна и 1000 харваров фиников из доходов его собственных мульков в области Кермана,[3] о своих мульках в округе Мосула,[4] о пяти селениях, основанных и заселенных им близ Тебриза.[5]

Существование купли-продажи мелких земельных угодий, как и целых поместий, на средневековом Ближнем Востоке — факт, хорошо известный историкам-востоковедам. Но мы располагаем ярким примером того, что и целые сеньории могли продаваться; иными словами, они относились к категории милька или мулька. Вскоре после завоевания города Ани, прежней блестящей столицы армянских царей — Багратидов, сельджукским султаном Алп-Арсланом (1064 г. н. э.), последний продал Ани с его округом ганджинскому эмиру Абу-л-Сувару из династии Шеддадидов. Абу-л-Сувар заплатил султану «златокованными иконами», награбленными в Цагкоце и других армянских и грузинских монастырях.[6] Как известно, Абу-л-Сувар передал затем Ани с округом в удел своему сыну Манучэ, и здесь образовалось княжество (эмират), управляемое особой ветвью Шеддадидов и просуществовавшее, с перерывами, до освобождения Ани, с помощью местного армянского населения, грузинским царем Георгием III в 1173 г.

Существование частной собственности на землю, покупки и обмена ее в тех частях Армении и Азербайджана, которые в домонгольское время находились под управлением армянских и грузинских владетелей и где действовали нормы старинного армянского и грузинского феодального права, — хорошо известно. Достаточно напомнить в виде примера перечень земельных владений, скупленных феодалом Тиграном Оненцом, приведенный в надписи на стене, построенной Оненцом халкедонитской (православной) церкви в Ани.[7] Анонимный историк царицы Тамары (1184—1213) сообщает, что второй муж Тамары Давид Сослани, получив дорогого кровного коня в подарок от князя Вахтанга, владения которого находились в долине р. Тертера, дал в обмен Вахтангу деревню и

[1] Там же, стр. 760.

[2] Мунша'ат-и Рашиди (Переписка Рашид-ад-дина), цит. рук., л. 7б (док. № 6 по описи Э. Г. Броуна).

[3] Там же, л. 12б (док. № 9 по описи Э. Г. Броуна).

[4] Там же, л. 15а (док. № 10 по описи Э. Г. Броуна).

[5] Там же, л. 27а (док. № 17 по описи Э. Г. Броуна).

[6] См. у акад. Н. Я. Марра, Ани, 1934, стр. 32.

[7] Там же, стр. 33, 34; ср. также там же стр. 42, текст и перевод надписи Сахмадина, сына Аветика, 1261 г. н. э.

крепость Гардман (в северо-западной части Азербайджана).[1]

О мульках или арбаби, как принадлежавших частным владельцам селениях с зависимыми крестьянами, упоминается не раз в ярлыках монгольского ильхана Газан-хана.[2]

Персидский историк и географ XIV в. Хамдаллах Казвини рассказывает, что монгольский наместник Рума (Малой Азии) ходжа Фахр-ад-дин Лакуши в 80-х гг. XIII в. велел продать сановным людям (арбаб-и манасиб) все принадлежавшие дивану (казне) земли ввиду их недостаточной доходности, и эти земли превратились в мильки (или мульки, если принять другую огласовку).[3]

Историк стран южного побережья Каспийского моря Захир ад-дин Мар'аши передает, что в первой четверти XIV в. н. э. эмир Рукн-ад-доулэ Кейхосроу-шах из династии Бавендидов, покинув свой удел, переселился в Рустамдар в Мазандаране и купил здесь деревню Пеймет, и его потомки еще ко времени составления труда Захир-ад-дина (окончен около 1476 г. н. э.) владели ею.[4] Деревня, купленная и переходившая по наследству в пределах одной семьи на протяжении $1^1/_2$ столетий, могла быть только мульком.

И в Азербайджане в монгольский период (XIII—XIV вв.) мульк, как феодальный институт, был в известной мере распространен, хотя бо́льшая часть земельного фонда принадлежала ленникам. В «Сафват-ас-сафа», биографии шейха Сефи-ад-дина, довольно часты упоминания о тяжбах и распрях между частными землевладельцами из-за прав собственности на ту или иную деревню. Такие деревни могли быть только мульками. Объектами этих споров, нередко принимавших форму настоящих частных войн, были имения шейхов Сефевидов, их родственников и мюридов, расположенные, главным образом, в округе Ардебиля, в Талышском крае и на Мугани. Приведем несколько рассказов такого рода.

Между шейхом Ала-ад-дином Мансуром, одним из сыновей шейха Сефи-ад-дина, и Джелал-ад-дином Джувейни возникла распря из-за некоего селения (дехи) в окрестностях Ардебиля. Джелал-ад-дин обратился за помощью к главе кочевавшего поблизости одного кыпчакского племени Сатулмышу. Попытка шейха Садр-ад-дина, в то время главы дервишеского ордена Сефевийэ, выступить с посредничеством не

[1] Brosset, Histoire de la Géorgie, t. 1, p. 441.

[2] См. напр. о купле-продаже мульков «Джами'ат-таварих» Рашид-ад-дина, рук. ИВАН, № Д-66, лл. 380б—380а, 406б; Стамбульская рук., л. 624, 656.

[3] Тарих-и гузидэ, ed. Gantin, t. 1, texte pers., p. 356. Текст приведен и разобран нами в статье «Хамдуллах Казвини как источник по социально-экономической истории Вост. Закавказья», стр. 895, 896.

[4] Тарих-и Табаристан ва Руйян ва Мазандаран, изд. Б. Дорна, MQ, ч. I, стр. 266.

имела успеха. Сатулмыш задержал трех посланцев шейха, двинул свое ополчение к спорному селению и ограбил его, отняв у сельской общины (джамаат-и дех) утварь и орудия труда (алят). Против «тюрков» Сатулмыша шейх Садр-ад-дин двинул крестьян принадлежавшей ему деревни Аларук. Произошла битва, в которой аларукцы одержали верх, как уверяет автор «Сафват ас-сафа», лишь благодаря чудесной помощи св. шейха Сефи-ад-дина.[1]

Некий юноша Тадж-ад-дин вел незаконную тяжбу с шейхом Садр-ад-дином из-за селения Дирнилик под тем предлогом, что он является совладельцем этого селения.[2] Так как Тажд-ад-дин упорно поддерживал свои притязания, он был наказан (поражен тяжелой слоновой болезнью) благодаря чудесному вмешательству св. шейха Захида.

Некий Пирэ Ахмед Берники (из селения Берник в округе Гермруд) рассказывал автору «Сафват-ас-сафа», что между его дядей Мухаммедом Закийяном и меликом Мухаммедом Джестаном (?)[3] Гермруди была постоянная тяжба из-за права собственности (мулькийет) на селение Берник.[4] Мелик Мухаммед Гермруди схватил Мухаммеда Закийяна, заковал его в ножные кандалы и подверг заключению в своем доме, приставив к нему стражу. Мелика Мухаммеда поддерживал Хасан, сын эмира Чобана, всесильного полководца монгольского ильхана Абу-Саида. Мухаммед Закийян, видя, что помощи ждать ни от кого нельзя, обратился с горячей мольбой к покойному шейху Захиду и тотчас после молитвы заснул. Во сне ему явился шейх Захид и велел Мухаммеду выйти из своей темницы ночью, дождавшись крика птицы. Действительно, в назначенный час, после крика птицы, оковы сами собой упали с ног заключенного, двери открылись перед ним, и он беспрепятственно бежал. Пораженный таким чудом мелик Мухаммед Гермруди отказался от своих неправедных притязаний и просил у Мухаммеда Закийяна прощения.[5] Другая подобная же тяжба возгорелась между тем же меликом Мухаммедом и неким Пир-Яхья, мюридом шейха Садр-ад-дина, и привела к частной войне между ними.[6]

Если отбросить фантастический элемент — чудесное вмешательство «святых мужей», шейхов Захида и Сефи-ад-дина, неизбежный в агиографических сочинениях, к которым относится «Сафват-ас-сафа», останется живая социально-бытовая

[1] Сафват-ас-сафа, рук. ЛГПБ, каталог Дорна, № 300, лл. 469а—470а.

[2] Там же, лл. 470а — 470б.

[3] В рукописи чтение неясно.

[4] Сафват-ас-сафа, цит. рук., л. 154а.

[5] Там же, лл. 154б—155а.

[6] Там же, л. 162а.

действительность эпохи — жестокая борьба между феодалами из-за деревень и земель.

Более поздняя династическая хроника Сефевидов «Сильсилят-ан-насаб» сообщает, что при монгольском ильхане Абу-Са'иде (1316—1335 гг.) некий Чин-бек из племени кыпчаков притеснял детей шейха Захида и их ра'ийятов, желая завладеть пахотной землей Ханбали, известной позднее под именем Урункад[1] на Муганской равнине. Шейх Сефи-ад-дин говорил Чин-беку: «Тебе не подобает иметь юрт в Ханбали, ибо та земля есть мульк детей шейха Шамс-ад-дина, сына шейха Захида». Ильхан Абу-Са'ид решил дело в пользу детей шейха Захида.[2]

В Армении, вошедшей вместе с большей частью Азербайджана в начале XV в. в состав туркменской державы Каракойюнлу, именно к XV в. завершился в основном процесс исчезновения старинной местной армянской феодальной знати; лишь очень немногие ее представители уцелели (в Сюнике, Маку и т. д.), да еще монастыри остались представителями старинного армянского землевладения. Место старой армянской знати заняли завоеватели — мусульманская (туркменская и курдская) военно-кочевая знать. Этот процесс привел к насаждению в Армении «мусульманских» форм феодальных отношений — тех, какие существовали в монгольском государстве Хулагуидов и в государствах, занявших место монголов, — в Джелаиридской державе, Кара-койюнлу и Ак-койюнлу. Тогда же шариатское мульковое право утвердилось и в Армении. Мы располагаем данными о покупке армянским католикосом Григорием X Макинским (1442—1461 гг.) через шариатский суд на правах мулька семи селений у туркменского эмира Мюшкенэ, за 630 тысяч динаров.[3]

Таким образом, мульк, или мильк, как форма феодальной земельной собственности, был известен как в Азербайджане и Армении и до XVI в., так и в других странах Ближнего Востока. Эти мульки, или мильки, отличались от прочих видов феодального землевладения двумя основными признаками: 1) их можно было продавать и покупать, как и передавать по наследству; 2) владение ими не было связано с обязанностью несения определенной государственной службы.

[1] Относящиеся к этой пахотной земле документы см. в главе IV.

[2] Сильсилят ан-насаб, рук. ЛГПБ, каталог Ханыкова 92, л. 151. — О захватах имений (мульков или мильков) на рубеже XIII и XIV вв. и о тяжбах из-за них см. у Рашид-ад-дина, Джами'ат-таварих, Стамбульская рук., лл. 622—624; русский перевод А. К. Арендса, т. III, стр. 243—247.

[3] Текст приведен у Б. М. Арутюняна, Крупное монастырское хозяйство в Армении в XVII—XVIII вв., стр. 31, 32.

Эти черты мы находим и в мульках изучаемых нами периодов XVI—XIX вв. Мульк и в эти периоды — в одном из значений этого термина — рассматривается как частная поземельная собственность, ограниченная в теории, ибо верховное право собственности и распоряжения всем земельным фондом принадлежало государству или (что в сознании господствующего класса данной эпохи означало одно и то же) шаху.

Конфискация земель и имений по указу шаха, обычно как результат осуждения или опалы того или иного феодала, упоминается источниками.[1] Однако, все же, подобные акты чаще всего рассматривались как явления исключительные, и на практике на мульк смотрели как на неограниченную земельную собственность. Вместе с тем в период кызылбашского владычества и в период полунезависимых ханств выражение «мульк» не всегда обозначало одно и то же. Можно отметить следующие терминологические значения этого слова.

1. Мульк — сеньория. Термином «мульк» обозначались нередко целые княжества, поскольку они рассматривались как наследственная собственность той или иной династии. В нарративных источниках такие княжества нередко называются «наследственным мульком» (мульк-и моурус) такой-то династии.[2] Шереф-хан Бидлиси называет собственностью (мулькийет) округа, отданные шахами Ирана в наследственное управление главам курдских племен;[3] эти территории тот же автор иногда называет тюркским термином «оджак» (букв. «очаг», т. е. «родовое владение»), «оджаклык».[4] На такие княжества владевшие ими династы смотрели как на свою собственность; мы уже приводили примеры, когда такие княжества в Азербайджане и Армении остава-

[1] См. об этом, например, у Искендера Мунши, Тарих-и алем арай, лит., стр. 255, цит. рук., ч. II, лл. 10—11. Мухаммед Казим, рук. ИВАН № Д-430, т. II, л. 318а.

[2] См., напр., Тарих-и ильчий-и Низам-шах, цит. изд., перс. текст, стр. 58 (о владениях ширваншахов), стр. 101 (о княжестве Хазарджериб); там же, стр. 58, 75, 81, 85, 91; Тазкирэй-и шах-и Тахмасп в версии Мир Мехди Ширази, цит. изд., ZDMG, т. 45, стр. 249 (о княжестве династии Рузафзун в Мазендеране); Али Лахиджи, Тарих-и Гилян, изд. Б. Дорна, MQ, ч. II, стр. 379: «Улькэй-и моурус ва мульк-и кадим». — «Наследственная улька и старинный мульк» (об округе Песахан в Гиляне); ср. там же, стр. 201.

[3] Шереф-намэ, цит. изд. перс. текста, т. I, стр. 232 — об округе Куфра; стр. 296 — о владениях племени берадуст в округе Урумии в южном Азербайджане; стр. 306 — о владениях племени Махмуди в округе Баргири (Беркри) в Армении.

[4] «Оджак- и моуруси», там же, т. I, стр. 167, 191, 235, 284, 301, 316 351; иногда одно и то же княжество именуется «оджак» и «мулькийет». См. там же, стр. 306.

лись в руках одной и той же династии 2—3 столетия и больше.[1]

Вместе с тем мульк в этом значении существенно отличался от того мулька, о котором мы говорили выше. Поскольку речь шла о целом княжестве, владетель его официально рассматривался шахским правительством как шахский чиновник. Он обязан был доставлять шахскому правительству, в виде дани,[2] ренту-налог, собираемую со своих подвластных людей. Автор «Тарих-и ильчи» рассказывает, как при шахе Тахмаспе I эти вассальные владетели «усердствовали» в ограблении своих ра'иййятов, дабы доставить шаху возможно больше дани[3] (бадж у харадж, т. е. сборы с торговли и ремесла, как и с сельского хозяйства). Эти вассальные владетели обязаны были являться по первому требованию в шахское войско со своими ополчениями (кошун). Поэтому мульк в данном значении нельзя рассматривать как безусловное владение, не связанное с обязанностью государственной службы. Обязанность несения военной службы оставалась и в том случае, когда владетель мулька-сеньории получал от шаха, в виде особой милости, привилегию налогового иммунитета (му'афи). В этом последнем случае мульк-сеньория ничем не отличался от сойюргала. Потому-то Шереф-хан Бидлиси, приведя сойюргальную грамоту Кара-Юсуфа Кара-койюнлу на имя эмира своего предка Шамс-ад-дина Рузеки, говорит, что упомянутые в грамоте округа были пожалованы этому эмиру «на правах собственности (мулькийет)».[4] Не встречаем мы в источниках XVI—XVIII вв. и упоминаний о продаже таких княжеств.

2. М у л ь к — к р у п н о е или м е л к о е ф е о д а л ь н о е п о м е с т ь е. В этом случае речь идет о праве собственности на одно или несколько селений, причем наследственный землевладелец (малик или мулькдар) являлся не сеньором-правителем, а обыкновенным помещиком. При этом и к отдельным селениям применялось то же выражение «наследственный мульк» (мульк-и моурус),[5] каким именовались и целые княжества. О наследственности такого рода мулька упоминается во множестве актов.[1] Именно к этому роду мулька применимо сказанное нами выше о мульке как о безусловной поземельной собственности, не связанной обязанностью нести государственную службу. Права владельца такого мулька распространялись на землю и угодья, находившиеся в пользовании отдельных крестьянских общин или сдававшиеся отдельным безземельным или малоземельным крестьянам (акеры, ярыкеры) на условиях издольной аренды; крестьяне обязаны были уплачивать владельцу ренту. При этом владелец мулька, как правило, непосредственно не вмешивался в процесс сельскохозяйственного производства, довольствуясь изыманием с ра'иййятов ренты продуктами и, в незначительной мере, барщинными работами (перс. бигар, арм. корр) их. Такого рода мульки, как увидим ниже, продавались и покупались свободно.

3. М у л ь к - в о д о в л а д е н и е. Мульк мог означать право собственности феодала — малика (мулькдара) не только на землю, но и на оросительные каналы, если они были проведены им или проходили через его владения. За пользование водой из таких каналов крестьяне должны были уплачивать определенные сборы. Если малик проводил оросительный канал, который проходил через чужие земли, он и его потомки разделяли право собственности на канал сообща с владельцем этих земель. Каждый из них пользовался правом на половину дохода с воды и орошаемых ею земель.

4. М у л ь к — р е н т а, точнее та доля ренты-налога (мал у джихат или бахра), какая взималась владельцем с крестьян деревни, принадлежавшей ему на правах мулька (другая часть ренты-налога шла в пользу казны — «малая бахра» — бахрэчэ), если только малик (мулькдар) не получал от шаха,

---

[1] См. об этом в гл. III.

[2] Х о н д е м и р, цит. изд., т. IV, ч. 3, стр. 85: «маль и харадж»; Тарих-и ильчи, цит. изд., стр. 58; «бадж» (здесь в значении «дань») с ширваншаха Шейхшаха, там же, стр. 82: «мал у джихат с той области». (Мазендеран); там же: «харадж, который они (мелики Мазендерана) ежегодно посылали шахскому саркару»; там же, стр. 94: «харадж, определенный с Мазендерана» и т. д.

[3] См., напр., там же, стр. 82.

[4] Шереф-намэ, цит. изд., т. I, стр. 376. В Тарих-и ильчи княжество сейидов в Хазарджериба также именуется то сойюргалом (стр. 98, 100), то «наследственным мульком» («мульк-и морус», стр. 101).

[5] См., напр., Нах., док. № 15: «Надирхан-султан Салихи подал иск о том, что указанный мульк есть наследственный [фамилии] Салихи». См. также Тарих-и ахвал-и шейх-и Хазин, цит. изд., перс. текст. стр. 102, 103, где автор называет имения своей фамилии «мульк-и худ» — «свой мульк» и «амляк-и моурус» — «наследственные имения» (амляк — мн. ч. от «мульк»).

[1] См., напр., в спорных делах XIX в. ссылки на наследственное владение деревнями с XVII—XVIII вв. — АзЦАУ, ист. арх. фонд куб. ком-та, д. № 6, 1832 г., лл. 108—112: «Список бекам Кубинской провинции, которые управляют деревнями по наследству, а не по собственным заслугам» (перечислено 42 семейства); тот же фонд, д. № 10, л. 2 об., док. № 3, копия жалованной грамоты Хусейн-Али-хана кубинского 1164 г. х. (1752 г. н. э.); фонд Бак. бек. к-ии, д. № 2, лл. 108—113, грамоты Мехди-кули-хана карабагского; тот же фонд, д. № 3, лл. 505 об. — 506, грамота того же хана 1230 г. х. (1821 г. н. э.) о наследственных владениях семьи Магриби; фонд воен.-окружн. нач-ка, д. № 47, л. 294.— Ереванскому беку Кербелай-Али-беку достался мульк от его деда Кязум-бека, АзЦАУ, ист. арх., ф. Ерев. бек. к-ии, д. № 2, лл. 271—272.

Мульк как водовладение обстоятельно выяснен в цит. работе Б. М. А р у т ю н я н а, стр. 41—46.

или местного хана, в виде особой милости право на взимание также и той доли ренты-налога, которая должна была итти в пользу дивана (бахрэчэ). Это терминологическое значение слова «мульк» было местным в кавказской Армении. Нам оно встречалось лишь в документах, относящихся к Ереванскому и Нахчеванскому ханствам. В Ереванском ханстве мульк как рента составлял $^1/_{10}$ долю валового урожая, бахрэчэ — $^1/_5$ долю.

5. М у л ь к — в с я к о е н е д в и ж и м о е и м у щ е с т в о, приносящее доход его владельцу: сад, виноградник, пасека, баня, ремесленная мастерская. В этом значении термин «мульк» мог прилагаться к усадьбе, саду, винограднику и т. д. зависимого крестьянина, который мог и отчуждать их, поскольку усадьба и эти угодья находились в его личном, а не общинном владении. Собственник селения — малик, в этом случае не мог препятствовать переходу крестьянского имущества в руки другого владельца. Малик лишь пользовался правом преимущественной покупки имущества своих крестьян,[1] разумеется в том случае, когда он желал воспользоваться этим правом. Если же он им не пользовался, лицо, купившее крестьянское недвижимое имущество, было обязано отбывать в пользу малика те же повинности, какие нес прежний держатель. Такой порядок вообще типичен для ряда феодальных обществ. Известно указание К. Маркса о том, что феодальным производственным отношениям соответствует особая раздробленная форма собственности,[2] при которой земля имеет собственника — феодала и владельца — крестьянина.

6. М у л ь к — о б щ и н н о е в л а д е н и е. Поскольку в Армении и в Азербайджане в XVI—XVII вв. существовало небольшое число еще незакрепощенных сельских общин, земли этих общин (аразий-и'умуми) считались их мульками.

Для всех видов мулька было характерно неограниченное право давности. В случае захвата мулька кем-либо путем насилия, как бы долго ни владел затем мульком захватчик, потомки законного собственника и через несколько поколений могли добиться через шариатский суд возвращения мулька им, если могли доказать свое право предъявлением документов. Католикос Александр добился у шаха Хусейна в 1712 г. указа о возвращении селения Патриндж (Битриндж), захваченного у католикоса Филиппоса «тюркскими» кочевниками более 70 лет назад.[3] Разумеется, на практике для слабого владельца было немыслимо добиться восстановления

---

[1] См. об этом там же, стр. 35.

[2] К. М а р к с и Фр. Э н г е л ь с, Немецкая идеология, стр. 14, 15.

[3] Эчм. № 3/18, 3/72.

своих прав без помощи взяток или без покровительства сильных и знатных людей.

Историки-кавказоведы дореволюционной эпохи, не имея возможности отрицать наследственности мульков, пытались отрицать факт купли-продажи мульков;[1] исключением является наиболее солидный из дореволюционных исследователей аграрных отношений в Закавказье С. А. Егиазаров, признающий факт купли-продажи мульков.[2]

Этому мнению дореволюционных кавказоведов, основанному чаще всего на домыслах Шопена,[3] можно противопоставить толкование свидетеля феодальных порядков в Закавказье, известного азербайджанского историка и поэта, потомка семьи бакинских ханов, Аббас-кули-ага Бакиханова (1794—1846). Запрошенный царскими властями о характере землевладельческих прав беков, Бакиханов писал: «Как прежде, так и теперь, в Персии мюлькдарами называются помещики или владельцы недвижимых имуществ, приобретенных покупкою или наследством».[4]

Посмотрим, какова была историческая действительность. Эчмиадзинский монастырь — резиденция католикоса-патриарха Армении, владел не только вакфами, т. е. завещанными и подаренными в разное время церкви недвижимостями, которые нельзя было отчуждать, закладывать или обращать в частное владение, но и мульками. В прошении эчмиадзинских монахов шаху Сулейману, приложенном к его ферману, изданному в месяце рамазане 1091 г. х. (1680 г. н. э., сентября 25 — октября 24), читаем, что монастырь владел «немногими имениями (амляк),[5] садами и мельницами, из коих некото-

---

[1] О частновладельческих землях (fonds de maistres) в Кызылбашском государстве, называя их arbabi (арбаби», синоним «мулька»), из европейских авторов XVII в. говорит Р. д ю-М а н, см. Estat de la Perse en 1660, p. 226; см. у него же о процедуре акта купли-продажи этих земель в шариатском суде (у казия) — ibid., p. 173. — О частновладельческих землях (les fonds des particuliers) и о купле-продаже их говорит и Ш а р д е н, Voyages en Perse, t. III, vol. X, p. 96.

[2] С. А. Е г и а з а р о в, цит. раб., стр. 148.

[3] И. Ш о п е н, цит. раб., стр. 927 и сл.

[4] УЦГАЛ, фонд Кавк. к-та, д. № 410, 1843 г., Записка депутата Кубинского и Бакинского уездов Аббас-кули-ага Бакиханова, лл. 23—24. — Совершенно правильно указывает на необходимость критического отношения к упомянутым взглядам Шопена Б. М. А р у т ю н я н, цит. раб., стр. 29 и сл.

[5] Слово — «амляк», которое является мн. ч. от «мульк», в странах Закавказья, так же как и в Средней Азии, получило особое терминологическое значение «земель» и «недвижимостей» вообще, как мульков, так и вакфов, и земель дивана (казны). См. об этом у В. В. Б а р т о л ь д а, История культурной жизни Туркестана, стр. 165. — Выражения «немногие имения» не следует понимать буквально. Это, как и выражение «презренные», лишь принятая этикетом манера, обязывавшая подданного уничижать себя, обращаясь к падишаху.

рые суть вакфные имущества церкви, а часть куплена на золото этими презренными» (т. е. просителями).[1]

Купленные на золото земли могли быть только мульками. Что Эчмиадзинский монастырь или жившие в нем епископы и вардапеты действительно покупали и продавали мульки, видно из фермана шаха Аббаса II, изданного в месяце раджабе 1068 г. х. (1658 г. н. э., апреля 4 — мая 3). Приложенная к ферману фетва (юридическое заключение) шиитских богословов признала такого рода сделки армянского духовенства законными: «Ученые ислама и милостивые факихи (законоведы)... так соизволяют [определить]: во всяком случае, когда определенная армянская община[2] свои определенные земли и движимости продала бы по правилам продажи, признанным исламом, некоему служителю[3] определенного места поклонения (т. е. церкви и монастыря. — *И. П.*), жительствующему в Учь-Килиса, за определенную наличную сумму... упомянутый договор о продаже, что между некиим служителем и упомянутой общиной упомянутым путем совершился, будет правилен и законен».[4] Приобретенная таким путем земля признавалась владением данного священнослужителя на правах мулька.[5]

Согласно исследованию Б. М. Арутюняна, Эчмиадзинский монастырь владел в течение XVII и XVIII вв. на правах мулька разновременно 22 селениями, приобретенными частью покупкой, частью путем дарения.[6]

Выражение «купленный на золото мульк»[7] встречается в указе Ихсан-хана Нахчеванского, пожаловавшего два данга,[8] т. е. $^2/_6$ доли своего мулька сел. Сураб некоему Ноуруз-беку.[9]

---

[1] Эчм. № 3/5.

[2] Араб. «джама'ат». — Здесь это выражение может обозначать и просто «некоторых людей».

[3] В тексте — «служителю Халиду». В шариатской практике имена Халид, Зейд и некоторые другие приняты как условные обозначения предполагаемых лиц при тех или иных юридических казусах.

[4] Эчм. № 3/12.

[5] Там же: «тасарруф-и маликанэй-и Халид-и хадим».

[6] Б. М. Арутюнян, цит. раб., стр. 37.

[7] «Мульк-и зар харид».

[8] Перс. «данг» («донг») — «доля» имеет след. терм. значения: 1) независимо от размера, $^1/_6$ часть земельной площади данной сельской общины или поместья; 2) $^1/_6$ доля ренты-налога или дохода с поместья или селения; 3) $^1/_6$ доля воды из данного оросительного канала. В последнем значении см., напр., еще у автора XIV в. Хамдуллаха Казвинского, Нузхат аль-кулюб, цит. изд., перс. текст, стр. 73.

[9] Нах. док. № 18. — Правильность сделок по купле-продаже земель, совершаемых армянами, подтверждена указом шаха Султан-Хусейна от раби' II, 1124 г. х. (1712 г. н. э., мая 8 — июня 5), Эчм. № 3/37. В указе есть ссылка на более ранний указ от раджаба 1068 г. х. (1658 г. н. э., апреля 4 — мая 3).

Но возникает вопрос: что же означала продажа мулька — продажу земли с сидевшими на ней ра'ийятами или лишь продажу права на взимание доли ренты-налога с нее, как пытались утверждать дореволюционные кавказоведы?

Ряд купчих и грамот (кабальчэ), дошедших до нас, свидетельствует о том, что продавалась и покупалась именно земля с правом распоряжения ею. В засвидетельствованной в шариатском суде купчей 1058 г. х. (1648 г. н. э.), относящейся к Нахчеванской области, некий Мири-Ага купил у Мирза-Ага за 10 туманов тебризских целиком и полностью землю Кардаг, ограниченную четырьмя рубежами:[1] с юга — кладбищем (кабристан) и нахчеванской дорогой, с востока — пахотным полем Хуртаз, с севера — долиной Кушчи-тепэси и с запада — перевалом Кучбек.[2] Упоминание о границах не имело бы смысла, если бы продавалось только право на взимание ренты с селения, а не самая земля: ведь в таком случае была бы уступлена определенная доля (данг) дохода со всего селения или со всей земли; эти доли составляли равные части общего дохода, независимо от площади земли, и упоминать о последней было бы ненужно.

Для более четкого представления о характере продажи приведем основную часть одной купчей грамоты, относящейся к району Кштаг (книжная форма Гуштасф) на р. Акере, на нынешней границе Азербайджанской и Армянской ССР. Купчая помечена месяцем зу-л-ка'да 1115 г. х. (1704 г. н. э., марта 7 — апреля 5).

«А затем Газанфар, Мухаммед-Яр и Али-хан, сыновья Али-хана Гуштасфлу, и Вели, Хазран-кули, сыновья Мирзы и именуемой Гюль-ага, дочери Али-Яра, сына упомянутого Али-хана, продали законной продажей, каждый из своей установленной и отделенной доли, состоящий из двух с половиной дангов мульк, из всех шести дангов селения Кушчи, из селений гуштасфийских, с четырьмя границами, обозначенными в подлиннике купчей грамотки — благородному прибежищу высоты мелику Имам-верди-беку, сыну прибежища высоты и величия, почтенного доверием своего времени Аллах-верди-бека Гуштасфи, за определенную сумму, а она — шесть туманов тебризскими деньгами [наличными], имеющими хождение, определенной чеканки. Половина этой суммы — три тумана тебризских, что повторено в подлиннике.

Доля (хиссэ) сыновей упомянутого Али-хана — полтора данга	Доля (хиссэ) сыновей упомянутого Мирзы — один данг

---

[1] Нах., док. № 24.

[2] Там же.

И он указанное проданное (мульк) купил за указанную сумму и совершил законную покупку. Предложение и соглашение между договаривающимися совершилось и состоялось.

И после того дня до этих дней пусть владеет вышеупомянутый покупщик указанным купленным [имением], и он будет владеть, как владеют владельцы своими имениями. Он — обладатель права в правах [на это владение], как он захочет и как пожелает».[1]

Из текста видно, что кроме купчей, заключенной в шариатском суде, был еще документ, быть может, заключавший в себе перечень земель селения Кушчи с их границами. К шариатской купчей он не приложен. В других купчих проданное прежним владельцем селение признается «собственным и очищенным мульком» (мульк-и хасс ва халис) покупщика. Возьмем, например, купчую 1065 г. х. (1654 г. н. э.)[2] о продаже «отмеченным знаками величия Мухаммед-Хусейн-беком, сыном прибежища высоты и величия Мухаммед-Ибрахим-бека, за себя лично и по доверенности со стороны родителя своего, отмеченному знаками величия Урус-беку, сыну нашедшего убежище в милосердии божьем (т. е. покойного) Сефи-кули-бека Килляйи, целиком и полностью установленной и вполне ясной доли (хиссэ) из всех шести дангов селения Хурэмишин, из селений ущелья Шахпур Нахчеванского тумана» за сумму в 4000 динаров тебризских.

В купчей далее сказано, что отныне «упомянутый подарок есть имущество и собственный и очищенный мульк (маль ва мульк-и хасс ва халис) вышеупомянутого одаренного лица[3] и владение им на правах малика[4] (тасарруф-и маликанэ) — в руке его, и владеет он им, как владеют владельцы своими имениями (амляк), и он — господин в своих правах, как захочет и как пожелает».[5]

Этот Урус-бек, повидимому, скупал земли у мелких и небогатых беков; в том же 1654 г. н. э. «прекрасный юноша Мухаммед-Бакир, сын Джавад-Фулада... за себя лично и по доверенности со стороны своих сестер Вахи-Зейнаб, Фахрийэ и Шахгельды-Рухшах-ханум» продал Урус-беку за 6670 динаров тебризских две трети одного данга (т. е. $^{1}/_{9}$ долю) из всех дангов того же селения Шахпур;[6] и в этой купчей сказано, что «на основании этого законного акта продажи — это имущество и собственный и очищенный мульк вышеупомянутого покупщика».[1]

Выражение «мульк-и хасс ва халис», или попросту «халисэ», в данный период имело троякое терминологическое значение: 1) мульк, как частновладельческое имение, освобожденное (очищенное, обеленное) от податей в пользу дивана; 2) рента, поступавшая с такого мулька; 3) наконец, крестьяне, сидевшие на землях мульк-и халисэ;[2] иногда такие крестьяне именовались «хасс» — «личные».[3] В документах ханств Ширванского и Шекинского термин «халисэ» часто встречается во всех отмеченных нами значениях.[4]

Выражение «мульк-и халис» — «очищенный мульк», как и равнозначащее «мульк-и хусуси» — «собственный (или «личный») мульк» было в употреблении и в Средней Азии в том же значении, что и в закавказских ханствах.[5] Однако там этот термин, по словам проф. А. А. Семенова, прилагался чаще всего к землям, пожалованным в виде мулька ханом (эмиром). В странах Закавказья же, как мы видели, так могли называться и земли, приобретенные путем покупки. Землями «мульк-и хасс», «мульк-и халис» могли быть земли частных лиц, равно как и земли удельные, принадлежавшие лично шаху, хану или членам правящих династий.[6] В этом последнем значении мы встречаем выражение «халисэ» еще у Рашид-ад-дина, на грани XIII—XIV вв.[7] Повидимому, общим признаком для всех этих земель была свобода от податей в диван (му'афи). Разумеется, это была льгота для владельца мулька, но никак не для сидевших на его землях крестьян. Размеры податей и повинностей последних остава-

---

[1] Ерев. № 1/8. Перс. текст см. в Приложениях, № 8.

[2] Нах., док. № 23.

[3] Там же. В данном акте, как и в некоторых других купчих (отнюдь, впрочем, не всегда; ср. Нах., док. №№ 10 и 11) купля-продажа облечена в форму взаимного дарения. «Даритель» (вахиб) дарит землю, а «одаренный» в виде ответного «дара» (мухуб) дает деньги.

[4] Термины «малик» и «мулькдар» в документах прилагаются только к владельцам мульков.

[5] Там же.

[6] Нах., док. № 22.

[1] Там же. В этом акте мы не встречаем фикции «взаимного дарения», сделка именуется «договором о продаже» ('акд-и мубайа'э), а Урус-бек — покупщиком (муштари).

[2] См. Эчм., док. №№ 3/3 и 3/64, указы шахов Сулеймана от зу-л-хиджжи 1082 г. х. (1672 г. н. э., марта 30 — апреля 27) и Аббаса II от зу-л-хиджжи 1052 г. н. э. (1643 г. н. э., март).

[3] См. АзЦАУ, ист. арх., фонд Воен.-окр. нач-ка, д. 14, лл. 17—19, реестр имений Шах-Назара, мелика варандинского (в Карабаге).

[4] См. тот же фонд, дело № 47, л. 834, о возвращении некоему Рустам-беку по манифесту конфискованных было у него имений в Ширване (1835 г.); имения при этом названы «тамам-и амлак ва дехат ва халисэджат-и у» — «все его имения (угодья), деревни и халисэ». Ср. то же дело, л. 117.

[5] См. П. П. Иванов, Удельные земли Сейид-Мухаммед-хана хивинского, Записки ИВАН, VI, стр. 42, 43; А. А. Семенов, Очерк земельно-податного устройства б. Бухарского ханства, Ташкент, 1929, стр. 9.

[6] См. об этом у Егиазарова, цит. раб., стр. 16.

[7] См. рукопись ИВАН Д-66, л. 421б; Стамбульская рук., лл. 675, 681; здесь упомянуто особое ведомство земель халисэ как удельных земель — диван-и халисэджат-и азим).

лись неизменными, только их не приходилось делить между владельцем и диваном: они целиком поступали в пользу мулькдара.

В Ереванском ханстве было в обычае при пожаловании владельцу мулька той доли ренты-налога, которая ранее вносилась в диван, жаловать последнюю не на правах мулька, а в виде тиула, т. е. в условное и временное держание. Эту чисто местную разновидность тиула кавказоведы дореволюционной эпохи, пользовавшиеся исключительно материалами, относившимися к Ереванскому ханству, приняли за общую и характерную черту тиула.[1] Отсюда они и сделали вывод о том, что мульк и тиул были одинаково видами жалованья чиновным людям за службу, только в том и другом случае жаловались разные доли доходов.[2]

Документов о продаже мульков дошло до нашего времени довольно много, — они обычно сохранялись наследниками покупщиков. Когда, например, в 60-х гг. XIX в. наследникам некоего Талыбхан-бека пришлось доказывать перед Бекской комиссией свои наследственные права на селения Кара-койюнлу и Дагрыз в Карабаге, они представили 21 купчую крепость XVIII и XIX вв.[3] Иногда акты о продаже оформлялись, помимо актов, составленных в шариатском суде, еще и указами ханов.[4] Ханы и сами продавали земли своим подданным и покупали у них мульки. В месяце раджабе 1212 г. х. (20 декабря 1797 г. — 18 января 1798 г. н. э.) некий Керим-ага просил Шейх-Али-хана кубинского отдать ему кишлаг (зимнее пастбище) Фиугут за 200 руб. русскими деньгами, уже обращавшимися в то время в странах Закавказья, и хан «отдал ему кишлаг за ту цену... навсегда».[5] Мамед-Хасан-хан шекинский (1784—1796 гг. н. э.) купил у зависевшего от него Хаджи Мамед-Шафи-султана куткашенского землю, на которую затем переселил крестьян из своей собственной деревни Чайкенд, а Джа'фар-кули-хан шекинский из курдской династии Думбули (1806—1814 гг. н. э.) на земле, купленной

[1] Этой же ошибки не избежал и новейший советский исследователь Б. М. Арутюнян, цит. раб., стр. 37, 38.

[2] См. напр. у Кучаева, Феодализм и закрепощение в Закавказьи, «Русский вестник», 1893 г. № 1, стр. 320, 321.

[3] АзЦАУ, ист. арх. ф. Бак. к-ии, д. № 2, лл. 541—548.

[4] См. тот же фонд, д. № 4, л. 243 — указ Хусейн-хана шекинского 1180 г. х. (1767 г. н. э.), подтверждающий приобретение «высокопочтенным Хаджи-Керим-беком Хасан-бек-оглы» путем покупки селений Котанарх и Ранджбара-Шор-даг, в которых Керим-бек поселил своих ранджбаров (особая категория зависимых крестьян, см. о них в гл. VII). — См. в том же деле, л. 134, предписание Исмаил-хана шекинского 1230 г. х. (1815 г. н. э.), подтверждающее покупку Мамед-Рахим-беком мельниц и пахотных земель с сидевшими на них ранджбарами.

[5] АзЦАУ, ист. арх., ф. куб. ком.-та, д. № 10, лл. 19об. — 20.

у того же султана, поселил крестьян своей деревни Кайябашы.[1]

Продавалась не только земля, но и вода, т. е. оросительные каналы (арх) и подземные галереи для вывода подпочвенных вод на поверхность (кариз, кехриз). В закавказских ханствах XVIII в. мы уже не находим, за редкими исключениями, больших оросительных систем. Проведение небольших каналов было нередко делом не ханов, а частной инициативы — сельских общин, владельцев мульков, тиулов и вакфов.[2] Конечно, тяжесть работ при проведении каналов целиком падала на крестьян. Такие каналы, или, что то же самое, право на пользование водой из них, продавались и покупались. В 1214 г. х. (1799 г. н. э.) дочь некоего Али-бека Курд-Махмудлу Кенгерлю продала своему брату за 150 турецких реалов, считая по 1300 динаров нахчеванских и за 1 батман пшеницы тебризского веса за каждый реал, целиком и полностью (хамэги ва тамами) принадлежавшие ей доли и части земель, ореховые и другие насаждения, мельницу, пахотное поле Тавуш в селении Туй-Бюрдж (?), воды, оросительные каналы[3] и канаты,[4] пастбища и луга.[5] Документы такого рода разбивают попытки объяснять продажу мульков как передачу только права на долю ренты.

Мульками назывались, как сказано, не только владения крупных или мелких феодалов, но и недвижимое имущество крестьянских общин или отдельных крестьян. Существование в Азербайджане и в Армении XVI—XVII вв. известного числа свободных, не закрепощенных сельских общин достаточно подтверждается рядом документов, которых мы коснемся ниже.[6] Эти крестьяне, в отличие от крестьян селений, при-

[1] АзЦАУ, ист. арх. ф. Бак. бек. к-ии, д. № 4, лл. 152об. — 153.

[2] О водовладении в Закавказье см. подробно у Егиазарова, цит. раб., стр. 232—284; о частном владении водой см. СМИЭБ, т. VII, стр. 49 (статья Абелова); т. VI, ч. 2, стр. 362 (статья Хан-Агова). О частном водовладении в Турции см. османский документ 1115 г. х. (1703 г. н. э.) со ссылкой на приговор шариатского суда 1073 г. х. (1663 г. н. э.), приведенный в статье В. А. Гордлевского, Из истории водопользования в Конии, «Записки ИВАН», II/I, 1934, текст стр. 192—194; русск. перевод стр. 194—196.

[3] В цит. издании «айар», повидимому, читать следует «абйар», — термин, употребленный в не совсем обычном значении.

[4] Подземные галереи для вывода подпочвенной воды на поверхность (-каризы). О терминах, относящихся к водовладению и водопользованию, см. в статье С. Ованесова, Старинные водопроводы в Нухе, ИООИА, № 6, 1928 г., стр. 126—136.

[5] Нах., док. № 11; ср. там же, док. № 10.

[6] Сошлемся пока на один ясный документ такого рода — указ шаха Тахмаспа II, изданный в месяце раджабе 967 г. х. (1560 г. н. э., марта 28 — апреля 26), Эчм. № 3/90: — «Документами и купчими грамотами (кабалят) удостоверено, что пахотная земля (селения) Кара-

надлежавших дивану, ханской фамилии, вакфам или частным владельцам, уплачивали в диван только ту долю мал у джихата, которая вносилась в диван и с мульков (в Ереванском ханстве — $^1/_5$ валового дохода), от уплаты же доли, следуемой мулькдару, и от прочих сборов и повинностей были свободны. Их усадьбы, сады и виноградники, как и не находившиеся в общинном пользовании пахотные поля, считались их личным мульком и могли продаваться.

В XVIII в. крестьянские мульки в большом количестве скупались беками, городскими купцами, ростовщиками и другими сильными людьми. В одном из протоколов Бакинской бекской комиссии приведен ряд купчих грамот XVIII в. на приобретение тутовых садов в разных селениях Карабага.[1] Из этих купчих видно, что житель сел. Азух Давуд Багдасарян в 1125 г. х. (1713 г. н. э.) купил сад у Аванеса Шахназаряна за 2600 динаров, в 1136 г. х. (1723 г. н. э.) он же купил тутовый сад у крестьян сел. Азух Баба Али-Аскероглы и Сафара Ибрахим-оглы за 8000 динаров, в том же году купил тутовый сад у Карахана Ованесяна за 6000 динаров, в 1140 г. х. (1727/8 г. н. э.) купил тутовый сад у Гюльназара Ахназаряна за 6000 динаров, затем у азухцев Аби и Асада купил сад за 4800 динаров и т. д.[2] Человек, скупавший тутовые сады в таком количестве, мог быть скорее всего богатеем-торговцем шелком, ростовщиком и т. п.

Каково происхождение свободных крестьян-общинников и их мульков в Азербайджане и Армении в XVI—XVIII вв., пока сказать трудно. Несомненно одно, что даже к началу XIX в. не все азербайджанское и армянское крестьянство было закрепощено.

Говоря о мульках, следует отметить еще одно обстоятельство. Царские чиновники и дореволюционные кавказоведы пытались утверждать, будто тиулы и мульки были распространены только в ханствах Ереванском и Нахчеванском. Насколько это неверно в отношении тиулов, мы уже видели на примере тиулов в Ширванском и Кубинском ханствах, в Элисуйском султанстве и т. д.[3] Но и мульки можно было встре-

Килисийя, ограниченная пределами Кудук-Ангурак, Кырк-булаг и кладбищем Манак (?), принадлежит на правах мулька ра'ийятам тамошним. А доля воды для упомянутого поля определена в три сахма (доля, синоним термина «данг», $^1/_6$ часть) из шести сахмов воды из реки (канала) селения Аркувин».

[1] АзЦАУ, ист. арх. фонд Бак. бек. к-ии, д. № 2, лл. 434—436; перечислена 21 купчая грамота. — Ср. в том же деле, л. 537, купчая грамота 1137 г. х. (1724 г. н. э.) о продаже Муртаза-кули-беком и Багир-беком, потомками Халаф-бека, 5 дангов мулька Таанк в Дизакском махале (Карабаг) армянину Ованесу-кевхе за 2 тумана тебризских.

[2] Там же.

[3] См. в гл. V.

тить во всех закавказских ханствах. О мульке в Кубинском ханстве упоминает указ Шейх-Али-хана кубинского, изданный в месяце раби' I 1222 г. (9 мая — 7 июня 1807 г. н. э.) о том, что Аллахверди-бек имеет право взимать дах-йак (местный синоним термина «ушр» — десятина — поземельный сбор) согласно исчислению со всякого человека, кто занимается земледелием в мульке Дэдэлу-Ак-Текэ.[1] В Карабагском ханстве многие имения частных владельцев назывались мульками.[2] Короче говоря, мульк — институт, распространенный во всех закавказских ханствах.

Утверждение дореволюционных кавказоведов, будто мульк (понимаемый исключительно как доля ренты-налога)[3] был видом жалованья за службу государству, носит вполне голословный характер. Конечно, шах или хан мог подарить имение-мульк своему служилому человеку в награду за прежнюю службу, но после дарения мулькдар не был связан обязанностью нести службу. Нам неизвестен и до сих пор никем не цитировался хотя бы один документ, из которого было бы видно, что обладание мульком было обусловлено службой государству. Подтверждение ханом права мулькдара на мульк делалось лишь в случаях, когда владельческие права мулькдара казались сомнительными. В этом безусловном характере владения мульком — основное отличие последнего от тиула, который был обусловлен службой государству, ни в каком случае не мог быть продан, не мог быть и передан по наследству без подтвердительной грамоты пожаловавшего тиул хана (шаха) или его преемника.

[1] Куб., док. № 22.

[2] См., напр., АзЦАУ, ист. арх., фонд Бак. бек. к-ии, д. № 2, л. 59об. (земля Окюзчи — мюльки на 400 чувалов посева), л. 67 (земля Даргязымюльки с 10 семействами крестьян досталась владельцу по наследству от деда Ибрахим-Халил-хана карабагского), лл. 77—80 (Хыдыр-лумюльки, 6 семейств поселян), лл. 90—91 (Араз-хан-мюльки, 6 семейств поселян, владелец Исмаил-ага Шюкюр-ага-оглы), лл. 88—89 (Муганлумюльки, 24 семейств поселян, земли на 160 чувалов посева, владелец Мамед-кули-бек); Ахмед-хану, сыну Ибрахим-Халил-хана карабагского принадлежало на правах мулька (мюлька) 6 селений с 160 семействами поселян и землею на 1300 чувалов посева; см. то же дело, лл. 169—175; о том же см. то же д., лл. 185—187, 188—190, 191—194, 208—211, 239—250 и т. д.

[3] Как было отмечено, такое значение термина «мульк» нам известно только по документам, относящимся к Ереванскому и Нахчеванскому ханствам (наряду со значением «имение»); в Нахчеванском ханстве мульк как ренту называли также бахрою малика, т. е. владельца мулька («бахрэй-и маликанэ» — Нах., док. № 12); в Кубинском ханстве, как мы отметили (Куб., док. № 22), «мульк» означал «селение», а «дах'йак» — ренту с него; в Карабагском ханстве мульком (мюльком) также называлась земля, а рента-налог с нее — малуджихат, см. АзЦАУ, ист. арх., ф. Бак. б. к-ии, д. № 2, отмеченные выше листы.

Статистических данных о распространении мулька здесь до присоединения к России мы, разумеется, не имеем. В начале XIX в. мы имеем такие данные по Армянской области (бывшие ханства Ереванское и Нахчеванское, с 1827 г.): около 1840 г. здесь числилось 345 селений с 85 795 ра'ийятами, принадлежавших мулькдарам, и только 45 селений с 12 159 ра'ийятами, принадлежавших 28 тиулдарам. По всем данным этот рост мулька, как безусловного частного владения, происходил до присоединения Армении к России. Какими же путями он происходил?

Помимо легальных путей приобретения мульков — шахского или ханского пожалования, наследования и покупки, был еще и нелегальный путь. Много документов (особенно из эчмиадзинской серии шахских ферманов) говорит о захватах земли чиновными и знатными людьми и их управляющими (векилями), главами кочевых племен, иногда откупщиками государственных налогов, ростовщиками, купцами. Земли захватывались чиновниками или сильными землевладельцами у более слабых, но чаще у тех незакрепощенных еще сельских общин (джама'ат), о которых мы говорили выше. В одних случаях сильные люди отнимали у таких общин только земли с тем, чтобы потом заселить их своими ра'ийятами, выведенными из других районов, или сдавать малоземельным или безземельным крестьянам на условиях издольной аренды. В других случаях эти насильники (муталлибэ, как их называют нередко официальные документы), превратив захваченные земли в свои мульки, заодно обращали сидевших в них крестьян в своих крепостных — халисэ. На такие факты намекают два указа: шаха Аббаса II от зу-л-хиджжи 1052 г. х. (1643 г. н. э., март) и шаха Сулеймана от зу-л-хиджжи 1082 г. х. (1672 г. н. э., марта 30 — апреля 27).[1] В обоих указах «людям благородного закона» (ахалий-и шар'-и шериф), т. е. шиитским факихам-законоведам предписывалось расследовать дела некиих ра'ийятов и не допускать, чтобы их притесняли, «если они — не халисэ», т. е., повидимому, если попытки сильных людей выдать их за своих халисэ окажутся необоснованными.

Захваты земель и споры из-за земель при Сефевидах были обычным делом. Эчмиадзинскому монастырю приходилось вести ряд таких тяжб из-за владения мульками. Эчмиадзинский монастырь (Учь-Килисийя) жаловался в шариатский суд на захваты земель более сильными соседями.[2]

---

[1] Эчм., №№ 3/3, 3/64.

[2] Эчм. №№ 3/24, 3/72. Ср. Эчм., № 3/47, ферман шаха Сулеймана, изданный в шаввале 1085 г. х. (1675 г. н. э., февраль) в ответ на прошение эчмиадзинских монахов, жаловавшихся на захват водного канала Сафи, Маджнуном, Амином и Оруджем из племени хаджи-камарлю.

Но еще чаще сильные люди захватывали земли, принадлежащие сельским общинам. В месяце раби' I 1079 г. х. (августа 7 — сентября 7 1668 г. н. э.) ра'ийяты селения Ванкенд, округа Дерэлу-Шамлык близ Нахчевана, жаловались шаху Сулейману на то, что их земли,[1] границы коих удостоверены документами, захвачены.[2] В месяце рамазане 1079 г. х. (марта 5 — апреля 3, 1669 г. н. э.) указ шаха Сулеймана отмечает, что некий Мир-Сефи захватил принадлежавшие ра'ийятам земли (амляк-и ра'айя) в районе Еревана и чинит стеснения ра'ийятам.[3] Повидимому, Мир-Сефи обложил крестьян обычными ра'ийятскими сборами в свою пользу, потому что шахский диван, признавая земли принадлежащими ра'ийятам, удостоверяет, что они не должны платить никаких сборов, кроме «малой бахры» («бахрэчэй-и дивани»), следуемой в пользу дивана.[4] Иными словами, ра'ийяты эти до захвата Мир-Сефи были свободными крестьянами, владевшими землей безусловно, на правах мулька, и не платившими оброков частным владельцам.

Ферман шаха Аббаса I, изданный в месяце зу-л-ка'да 1029 г. х. (1620 г. н. э., сентября 28 — октября 27) указывает на случай, когда тяжба сельской общины (джама'а)[5] с владельцем мулька (малик) была решена в пользу последнего. Мы позволяем себе привести здесь этот ферман в большей своей части.

«Так как было доложено, что установленные части угодий (амляк), расположенных в Гуштасфе и Кабане,[6] из зависимых местностей Азербайджана, есть законная доля мулька Кенкана,[7] и он владеет ими, как малик, а известная община (или «сборище». — *И. П.*) из людей тамошних без законной причины противится его владению и причиняет его обстоятельствам незаконные стеснения, определено: пусть указанная община наперекор благородному шари'ату не про-

---

[1] «амляк-и ра'айя».

[2] Эчм. № 3/86.

[3] Эчм. № 3/85.

[4] Там же.

[5] «Джама'ат, джама'а» — термин не всегда определенный. Он может означать и «сельскую общину», и «племя» (кочевое), и «религиозную общину», и просто «сборище», «группу» в смысле «некиих людей». Однако в аграрных отношениях термином этим обозначалась чаще всего сельская община.

[6] Районы Кштаг и Капан, на ю.-з. границе нынешней Азербайджанской ССР и ю.-в. границе нынешней Армянской ССР.

[7] Перс. «кенкан» — копатель рудников или подземных галлерей для вывода на поверхность подпочвенной воды, в странах Закавказья — самая галерея и сток подземной воды. В данном случае, однако, как видно из контекста, это — собственное имя или прозвище. Отсутствие титулования показывает, что человек, ведший тяжбу за земли, не принадлежал к сословию феодальной знати.

тивится владению (тасарруф) вышеупомянутого в указанных частях, кои на правах собственности (мулькийет) и по справедливости пребывают в его владении... А если бы они знали за собой законные речи (т. е. доводы в свою пользу.— *И. П.*), пусть представят их шейх-ал-исламу и казию карабагскому. Обязанность правителя тамошнего — оказать законную помощь». [1]

Не исключена возможность, что и в данном случае речь шла о тяжбе между сельской общиной и маликом за присвоенные последним земли, которые община продолжала считать своими. При подобных захватах крестьяне обычно долго сопротивлялись и при удобных случаях прекращали уплату оброков мулькдару. Еще накануне перехода Нахчеванского ханства под власть России, в начале 1236 г. х. (1820 г. н .э.), некий Мухаммед-султан Нахчевани подал жалобы Абу-л-Фатху Джеванширу, правителю (хаким) Азадджирана, [2] о том, что селение Варакерд — его законный мульк. [3] Но ра'ийяты стали оспаривать его право собственности (мулькийет) и прекратили платить долю бахры, следовавшую ему как владельцу мулька (бахрэй-и и маликанэ). [4] Не приходится сомневаться в том, что захваты земель крестьян и более слабых землевладельцев знатными или сильными людьми в ряде случаев совершались при содействии или попустительстве местных властей.

Можно предполагать, что в отдельных случаях переход крестьянских мульков — земельных угодий свободных крестьян — в руки крупных землевладельцев совершался путем своего рода коммендации, юридически добровольной, фактически вынужденной, при которой крестьяне передавали землевладельцу, вместе с мулькдарским правом на свою землю и долю поземельной ренты (бахры) с нее, и свою свободу. В сефевидских официальных документах приводится один пример, правда, относящийся еще к половине XV в., когда земля (мульк) сельской общины путем коммендации превратилась в вакф. В упомянутом уже нами фермане шаха Сулеймана 1082 г. х. (1672 г. н. э.), подтверждающем вакфные права армянского монастыря Эчмиадзин (Уч-Килисийя), приведено содержание «вакфной грамоты», которую трудно объяснить

[1] Ерев. № 1/6. Перс. текст см. в Приложениях, № 9.

[2] Арабизованная форма географического названия Азадгеран — округ в Нахчеванском ханстве Ордубад. Родовая фамилия правителя Джеваншир указывает на его родство с карабагскими ханами из племени джеваншир (1747—1822 гг. н. э.).

[3] Нах. док. № 12, указ шахзадэ Аббас-мирзы, в то время наместника южного (иранского) Азербайджана.

[4] Там же.

иначе, как коммендацию сельской общиной [1] своих земель и ренты с них монастырю. «И вакфная грамотка (вакфнамчэ) — говорится в фермане, — вышла в месяце мухарреме 854 г., [2] вкратце такого содержания, что кедхуды и мелики, земледельцы (зари'ин), хозяева и издольщики (арбаб [ва] шурака), [3] все — обитатели упомянутого селения Учь-Килисийя, округа (нахийя) Керпи, из зависимых местностей Чухур-Са'да, явившись в судилище благородного шари'ата, добровольно и с полной охотой завещали в вечный вакф и постоянное имущество (вакф-и му'аббад ва джинс-и мухалляд) монастырю (ванк) Учь-Килисийя, ради единения (буквально — «ради вливания в форму [единства]») сынов Иисуса, да пребудет над ним спасение, целиком и полностью шесть дангов селения Учь-Килисийя, округа Керпи, из зависимых местностей Чухур-Са'да, со всеми законно зависимыми местами и прилегающими угодьями, и все указанное селение отдали во владение (тасарруф) того места поклонения. И управление указанными вакфными имуществами поручили халифэ, [4] обитающему в месте поклонения, на все времена на том условии, чтобы указанный халифэ, из года в год удерживая доходы, прибыли и малую бахру («бахришку» — бахрэчэ) с указанного селения, расходовал бы их на нужды места поклонения, на украшение (букв. «на ковры») и освещение его и на содержание свое и прочих священников (кешишан) и чернокнижников, обитающих в месте поклонения». [5]

Какими общественными группами была составлена вакфная грамота 854 г. х. (1450 г. н. э.)? Кедхудами в тот период, как и в XVI—XIX вв., именовали чаще всего сельских старост или старост отдельных кварталов. В XV в., как и в сефевидский период, в Армении было известно двоякое терминологическое значение слова «мелик»: 1) титул феодальной иерархии, — мелкий владетель (мелики Нагорного Карабага), стоявший ниже султана и хана; [6] 2) в некоторых районах Армении, также в Нахчеванском крае, — старшина селения или глава небольшой кочевой общины (оба). В цитированном документе речь идет скорее о меликах в последнем значении слова; здесь, повидимому, обычный прием персидского литературного языка — передача одного понятия двумя синонимами: «мелик» и «кедхуда» обозначают одно и то же. Выра-

[1] Она названа здесь Учь-Килисийя, т. е. тем же именем, что и монастырь. Повидимому, это — лежащее около монастыря сел. Вагаршапат.

[2] 14 февраля — 15 марта 1450 г. н. э.

[3] Если не предполагать пропуска союза «ва», то читать следует «арбаб-и шурака» (см. ниже).

[4] Т. е. патриарху-католикосу эчмиадзинскому.

[5] Эчм. № 3/15. Перс. текст. см. в Приложениях, № 10.

[6] О термине «мелик» см. также в гл. III.

жение «мелики и кедхуды» в значении «сельские старшины» нередко встречается в персоязычной историографии XVI — XVII вв.;[1] при этом, как и в нашем документе, всегда употребляется персидская форма множественного числа «меликан», а не арабская форма мн. числа «мулюк», какую мы привыкли встречать при упоминании о меликах-феодалах; эти две формы имели различный терминологический оттенок. К тому же, в тот период армянские мелики-феодалы существовали в горных районах Лори, Карабага и Сюника (Зангезур), но не близ Еревана и Эчмиадзина.

Участие в составлении вакфной грамоты земледельцев — крестьян ясно. Сомнение вызывает форма «арбаб-и шурака». Если бы речь шла прямо об издольщиках, скорее всего можно было бы ожидать выражения «арбаб-и ширакет» — букв. «обладатели доли» (товарищества, соучастия), т. е. арендаторы-издольщики. Буквальное значение выражения «арбаб-и шурака», если видеть в нем оборот персидской литературной речи, должно было бы быть «хозяева (или «владельцы», «обладатели») издольщиков» (арабск. «шарик», мн. число «шурака»). Но в таком сочетании и значении термин «арбаб» в литературе неизвестен. Гораздо вероятнее предположить здесь оборот, допустимый в некоторых тюркских языках, когда союз «ва» (русск. «и») может быть пропущен; разумеется, персидского изафета в этом случае не будет. Тогда данное выражение может быть переведено — «хозяева [и] издольщики». Мы выше так и перевели; действительно, в таком значении это выражение встречается в некоторых среднеазиатских документах.[2] Упоминание об издольщиках в вакфной грамоте означает, что и они отныне признают себя обязанными вносить установленную обычаем долю урожая и другие сборы Эчмиадзинскому монастырю как владельцу их земли.

Трудно было бы объяснить данный акт иначе как коммендацию крестьянами своей свободы и земли монастырю, — до этого сельская община, повидимому, владела своей землей как мульком. Правда, в данном случае крестьянская земля превратилась в вакф религиозного учреждения, однако, можно допустить, что таким же путем иногда создавались и мульки крупных землевладельцев. Цитированная нами монография Б. М. Арутюняна подтверждает нашу гипотезу. Названный исследователь, на основе данного в «Джамбре» (XVIII в.) описания имений Эчмиадзинского монастыря, устанавливает, что сельская община Бохенис «добровольно» отдала свое селение в вакфное владение Эчмиадзинского монастыря, оформив «дарение» через шариатский суд. Б. М. Арутюнян предполагает, что причиной «добровольного» отказа крестьян от свободы было закабаление их ростовщическими займами и приводит в подтверждение два аналогичных случая. Селения Ошакан и Франкано, бывшие мульком Эчмиадзинского монастыря, попав в трудное положение «не то от какого-то случайного бедствия, не то от требования налогов со стороны инородных» (т. е. иранских чиновников шаха), заняли у монастыря соответственно 150 и 40 туманов, обязавшись за то навечно платить монастырю двойной мульк (в значении доли ренты, т. е., вместо $^1/_{10}$ — $^1/_5$ долю урожая).[1]

---

[1] См., напр., Шереф-намэ, т. I, стр. 387; Фумени, стр. 116, 232, 233 и др.

[2] Ср. вакфные документы, приведенные акад. В. В. Бартольдом в «Отчете о командировке в Туркестан» в 1902 г., ЗВОРАО, XV, вып. II—III, СПб. 1904, стр. 265—267: «шарик ра'ийятляри» — из документа 803 г. х. (1400/1 г. н. э.), приписываемого Тимуру, который, однако, В. В. Бартольд относит ко второй половине XVI в; «шарик ра'ийятляри» — из документа Убейдуллах-хана 1044 г. х. (1634 г. н. э.).

[1] Б. М. Арутюнян, цит. раб., стр. 26, 27.

Глава VII

ПОЛОЖЕНИЕ ФЕОДАЛЬНО-ЗАВИСИМЫХ КРЕСТЬЯН

Крестьянин, сидевший на землях дивана, вакфов или на землях, находившихся на тех или иных условиях во владении беков, меликов, султанов и других феодалов, обозначался в XVI—XVIII вв. чаще всего арабским термином «ра'ийят». Этот термин употреблялся в двояком смысле — более широком и более узком. В первом смысле ра'ийятами называли «подданных» вообще, не принадлежавших к привилегированным сословиям, избавленным от каких бы то ни было налогов и податей — бекам и другим категориям феодалов, к мусульманскому или христианскому духовенству, к обществам горожан, получившим права налогового иммунитета (му'афи), [1] или, наконец, к сословию му'афов. В этом, более широком, смысле ра'ийяты — «податное сословие», «подданные, платящие подати». Поскольку основу общей суммы государственных налогов в этот период составляла земельная рента, термин «ра'ийят» в более узком смысле стал обозначать государственного крестьянина — земледельца. Так как все земли, в частности и находившиеся в частном владении, вносили ту или иную долю ренты-налога в диван (казну), то название ра'ийятов распространялось и на крестьян частновладельческих или пожалованных шахом или местными ханами, вместе с занимаемыми ими землями, в постоянное или временное условное владение служилым людям или частным землевладельцам. От ра'ийятов отличались не только му'афы, но и такие категории крестьян, которые не платили податей в диван: халисэ, т. е. крестьяне, сидевшие на землях мульк-и халисэ, освобожденных от всяких податей в пользу казны, и платившие все подати в пользу своих господ, ранджбары, [2]

[1] О му'афи см. в гл. IV.

[2] Перс. термин «ранджбар» (букв. «несущий бремя», «трудящийся») был известен в двояком значении: а) крестьянина, лично (а не в силу земельного держания) зависимого от господина и работавшего в его личном хозяйстве, если оно существовало (Кубинское ханство); б) крестьянина-издольщика. О ранджбарах пишущим эти строки подготовлена к печати специальная работа, поэтому нам не хотелось бы здесь повторяться и останавливаться на этом вопросе подробно.

бекские нукеры и гулямы, [1] обслуживавшие исключительно своих господ, не входившие в состав сельских общин и еще в XVIII в. большею частью свободных от податей в диван.

Понятие ра'ийятов в более узком значении этого слова ограничивалось еще более тем, что ра'ийятам, — оседлым крестьянам, землепашцам, садоводам и виноградарям — противопоставлялись иляты («илят», «элят» — арабизованное мн. ч. от тюрк. слова «иль», азерб. «эль» — «племя», «народ») — скотоводы-кочевники, эксплоатация которых диваном или своей племенной знатью облекалась в форму патриархальных обычаев. Высказывание товарища И. В. Сталина о полупатриархальных отношениях в Азербайджане [2] следует отнести, думается нам, главным образом, к илятам, очень многочисленным и в Азербайджане, и в Армении, и принадлежавшим к азербайджанским или курдским племенам. Не случайно товарищ И. В. Сталин сближает скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт. [3]

Слово «ра'айя» — форма мн. ч. от «ра'ийят» — в Турции, как известно, получило специальное терминологическое значение «платящих джизью» «немусульманских подданных», «христиан» или «евреев». Напротив, в Азербайджане и в части Армении, находившейся под владычеством кызылбашского шаха, мы не находим никаких следов такого употребления термина «ра'айя». Обе формы — «ра'айят» и «ра'айя» — употреблялись здесь в одном и том же техническом значении феодально-зависимого крестьянина-земледельца, как государственного, так и частновладельческого, безразлично мусульманина или христианина. [4]

Остановимся, прежде всего, на вопросе, существовало ли в закавказских ханствах (Азербайджана и Армении) прикрепление крестьян к земле. Большинство дореволюционных историков кавказоведов (С. Эсадзе, М. Кучаев, Авалиани и др.) решали этот вопрос, как и вопрос о существовании в этих странах феодально-крепостнических отношений, отрицательно. Эту же точку зрения высказывала до самого последнего времени и часть советских кавказоведов. [5] Также акад. В. В. Бартольд не избежал вполне такой точки зрения.

[1] С ними не следует смешивать шахских и ханских нукеров и гулямов, среди которых нередко были очень знатные люди.

[2] И. В. Сталин, Об очередных задачах партии в национальном вопросе, Соч., т. 5, стр. 24, 25.

[3] Там же.

[4] На этот момент обратил мое внимание покойный проф. Ю. Н. Марр.

[5] Б. М. Арутюнян, цит. раб., стр. 19, 20. См. также в новой книге Е. А. Мороховца, Крестьянская реформа 1861 г., М. 1937, стр. 70.

В одной из своих статей он заметил, что «в мусульманском мире нет крепостного права . . .», «крестьяне не прикреплены к земле, они могут свободно передвигаться». [1] Зато в другой своей статье В. В. Бартольд высказал противоположный взгляд. [2] Ясно говорит о «крепостнических татарских беках», следовательно, и о той или иной форме крепостнических отношений в Азербайджане и Армении, товарищ И. В. Сталин. [3]

Начнем с вопроса о прикреплении ра'ийятов к земле, еще точнее — к своим хараджным (податным) повинностям. В Армении уже в Судебнике Мхитара Гоша (XII в.) указывается, что беглый крестьянин подлежал розыску и возвращению на место первоначального поселения с теми детьми, которые родились до бегства отца; дети же, родившиеся после бегства отца, не подлежали принудительному возвращению. [4] В Азербайджане такое прикрепление, повидимому, существовало лишь с периода монгольского владычества (1231—1344 гг). До XIII в. была феодальная зависимость, но еще не было запрещения права перехода; по крайней мере, более ранних данных в источниках относительно Азербайджана не сохранилось. XIII—XIV вв. были временем укрепления и усиления феодального гнета и резкого ухудшения положения крестьян. [5]

Текст монгольского закона (яса), говорящий о запрещении права перехода в государстве Хулагуидов, приводит персидский историк Джувейни (около 1260 г.). [6] Указ Газан-хана о военных ленах — икта' 1303 г. н. э. также говорит, что ушедших из своих селений ра'ийятов следовало принудительно возвращать на старые места поселения, если не истек срок тридцатилетней давности и если они не были уже включены в податные списки (дафтары) на новых местах поселения. Вместе с тем, владельцам икта' запрещалось принимать к себе беглых ра'ийятов из других мест. [1] Следует иметь при этом в виду, что икта' военных людей в монгольский период были особенно распространены в Азербайджане. [2]

Первые ханы Хулагуиды рассматривали, в соответствии с монгольской ясою, феодальную зависимость как личную зависимость ра'ийята от господина. Указ 1303 г. Газан-хана, принявшего ислам, по нашему мнению, являлся попыткой компромисса между ясою и мусульманским правом: в соответствии с ясою сохранялось запрещение права перехода, в соответствии с мусульманским правом зависимость ра'ийята рассматривалась не как личная, а как поземельная, ра'ийят прикреплялся не к личности владельца, а к месту своей приписки, точнее к податным спискам данного селения. [3] Другой указ Газан-хана запрещал право перехода также и крестьян, сидевших на землях частных землевладельцев (малляк), т. е. на мульковых землях. [4] Очевидно, прикрепление касалось крестьян, сидевших на землях всех категорий владения. Для водворения беглых крестьян, которых было очень много, на прежние места поселения хулагуидские ханы посылали чиновников и военную силу. [5] Рашид-ад-дин, как везир, в своих письмах к наместникам областей также давал указания о возвращении массы беглых крестьян на исконные места поселения. [6] Армения с этого же времени (а окончательно в XV в.) подчинилась влиянию тех форм феодализма, какие сложились в монгольском государстве Хулагуидов и в государствах, возникших затем на его развалинах. [7] Не случайно

---

[1] В. В. Бартольд, К вопросу о феодализме в Иране, Новый Восток № 28, 1930, стр. 119.

[2] В. В. Бартольд, К истории крестьянских движений в Персии, в сборнике «Из далекого и близкого прошлого» в честь Н. И. Кареева, 1923, стр. 58—60.

[3] И. В. Сталин, Контрреволюционеры Закавказья под маской социализма, Соч., т. 4, 1947, стр. 51—52.

[4] См. Свод законов грузинского царя Вахтанга VI, под ред. Д. З. Бакрадзе, т. 1887, раздел «Армянские законы», стр. 239, 303.

[5] См. об этом: В. В. Бартольд, Крестьянские движения в Персии, в сборнике «Из далекого и близкого прошлого», стр. 58; его же, Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче, стр. 16 и сл.; А. Ю. Якубовский, Феодальное общество Средней Азии, стр. 49 и сл.; Б. Н. Заходер, История восточного средневековья, стр. 113, 114; А. А. Ализаде, Виды земельной собственности и налоговая система ильханов; И. П. Петрушевский, Хамдуллах Казвини, стр. 887 и сл.

[6] **Джувейни**, цит. изд. перс. текста, т. I, стр. 24; перевод текста приведен в нашей статье «К вопросу о прикреплении крестьян к земле в Иране в эпоху монгольского владычества», в «Вопросах истории» за 1947 г., № 4, стр. 64; там же, стр. 59—63, указана библиография вопроса.

[1] У Рашид-ад-дина, рукопись ИВАН, № Д-66, л. 407а; Стамбульская рукопись, л. 656: «Ра'ийятов селений населенных и запустевших, кои даны им (военным людям)в икта', разбежавшихся не более тридцати лет назад и не вошедших в исчисление и реестры других областей, пусть вернут обратно, у кого бы они ни находились. И если ра'ийяты из другой области находились бы у них (владельцев икта'), тех также пусть вернут. . .» Ср. русск. перевод А. К. Арендса, т. III, стр. 283, 284. — Тот же тридцатилетний срок для розыска беглых крестьян установлен и в грузинских законах Акбуги (см. ниже).

[2] Нузхат ал-кулюб, цит. изд., перс. текст, стр. 83, 92, 93.

[3] См. И. П. Петрушевский, К вопросу о прикреплении крестьян к земле в Иране в эпоху монгольского владычества, стр. 67—69 (там же приведены ссылки на источники).

[4] Рашид-ад-дин, Стамбульская рук., лл. 680, 681; русский перевод А. К. Арендса, т. III, стр. 312.

[5] Рашид-ад-дин, Стамбульская рукопись, лл. 623, 628, 639, 644; русский перевод А. К. Арендса, т. III, стр. 251—252, 268—269.

[6] Переписка Рашид-ад-дина (Мунша'ат-и Рашиди), цит. рук., лл. 6б, 58б (док. №№ 5, 27 по описи Э. Г. Броуна).

[7] В сборнике официальных документов (перс.) половины XIV в. Мухаммеда Нахчевани «Дастур-ал-катиб» часто упоминается о массовом бегстве крестьян и о мерах по возвращению их на прежние

и в Грузии прикрепление крестьян к земле становится совершившимся фактом также в эпоху монгольского владычества. Это прикрепление нашло отражение в законах атабега Месхетии (Самцхэ, в юго-западной Грузии) Акбуги. [1]

Нам не приходилось встречать в документах прямых данных источников о прикреплении ра'ийятов в Азербайджане и кавказской Армении к земле в период XVI—XVII вв. Шахские ферманы обычно говорят о положении крестьян, как о чем-то хорошо известном, что не нуждается в разъяснениях. Это молчание официальных документов не дает нам основания сделать вывод, что правовое положение крестьян при первых Сефевидах серьезно улучшилось. Как мы уже упоминали, [2] источники — Хондемир и другие, сообщающие о мероприятиях белобаранных туркменских султанов Узун-Хасана и Ахмеда во второй половине XV в. в отношении крестьянства, не говорят ничего конкретного о таких же мероприятиях первого Сефевида шаха Исмаила I, ограничиваясь общими фразами о его справедливости и заботливости о ра'ийятах.

Напротив, в нарративных источниках XVII в. мы встречаем ряд косвенных указаний на то, что основные повинности, а также и прикрепление крестьян к земле, существовавшие в эпоху монгольского владычества, сохранились и в Кызылбашском государстве. Рассмотрим эти сообщения нарративных источников.

Как известно, после изгнания из стран восточного Закавказья турецких войск и вторичного завоевания этих стран кызылбашами, в начале XVII в. шах Аббас I предпринял массовые выселения жителей из этих стран в Иран. Первоначально (в 1605—1606 гг.) эти выселения мотивировались военными соображениями, — необходимостью обезлюдить и опустошить территории, через которые турки пытались предпринять новое большое наступление. [3] Но позднее, уже после заключения перемирия с Турцией (в 1612 г. н. э.), эти выселения, производившиеся несколько раз, уже прямо носили характер репрессивной меры. По рассказу Искендера Мунши, [4] в 1023 г. х. (1614/5 г. н. э.) массовое выселение из Ширвана и Карабага коснулось двух категорий населения, без различия религии и народности: 1) тех из «людей Ширвана и Карабага и кочевников (иль ва уймакат) тамошних, которые добровольно избрали [для себя] службу румийцам (т. е. туркам) или, соединившись с румийцами, стали обладателями должностей (сахиб-и мансаб) у них, ибо они не заслуживают доверия, и пребывание их в тех пределах для победоносной державы не полезно», [1] 2) тех ра'ийятов, которые самовольно покинули свои старинные места поселения. О последних Искендер Мунши рассказывает следующее: «Так как в дни смуты [2] многие из ра'ийятов Ширвана и Карабага, уйдя в Гурджистан-и Кахет (в Кахетию), поселились там, вышел благородный высочайший указ, что так как те люди (букв. «то сборище») не суть коренные ра'ийяты Гурджистана, все они, — иудеи, [3] мусульмане и армяне, — пусть, выселившись, идут в раю подобный Мазандаран». [4]

Руководить принудительным переселением [5] «людей Карабага» был назначен Исфендийяр-бек из кызылбашского племени арабгирлу-шамлу, который вывел около 15 тысяч семейств (ханэвар) в Мазандаран. Кочевое племя ахмедлу «из улусов Карабага» пыталось уклониться от выселения и навлекло на себя шахский гнев: «упрямцы» были вырезаны, их имущество разграблено. [6]

Из этого рассказа можно заключить, что самовольное переселение ра'ийятов на новые места поселения (в данном случае — из Ширвана и Карабага в Кахетию) считалось незаконным актом, и ра'ийяты, покинувшие свои старинные места поселения, подверглись той же репрессии, что и сторонники Турции и политически неблагонадежные элементы. Если при этом ра'ийяты, самовольно ушедшие в Кахетию, не были возвращены на старые места поселения в Ширван и Карабаг, а были выселены в Мазандаран, то это объясняется исключительно тем, что в тот период выселение части населения стран Закавказья в леса и болота Мазандарана с его губительным климатом входило в политические расчеты шахского правительства.

В полном согласии с приведенным рассказом Искендера Мунши, армянский хронист Аракел Тебризский, приводя по-

места поселения. См. «Дастур-ал-катиб», рук. ИВАН из коллекции В. Тизенгаузена, лл. 119б, 167а, 182а-183б, 198а-199б, 200а, 229а, 232б-233а.

[1] Сборник законов грузинского царя Вахтанга VI, цит. перевод Д. З. Бакрадзе, раздел «Законы Акбуги», стр. 107, 112, 123, 190, 201.

[2] См. в гл. I.

[3] См. об этом рассказ Аракела Тебризского, Collection, т. I, стр. 298—305; Тарих-и' алем ара, лит., стр. 466, цит. рук., ч. II, л. 359 и сл.

[4] Там же, лит., стр. 622, цит. рук., ч. II, лл. 725—726.

[1] Там же.

[2] Т. е. во время владычества Турции в странах Закавказья.

[3] Речь идет о так называемых горских евреях, говорящих на татском языке и живущих местами на северных окраинах Азербайджана (Куба, Варташен и т. д.).

[4] Тарих-и' алем ара, лит., стр. 622; цит. рук., ч. II, лл. 725, 726. Влажный и сырой подтропический климат «раю подобного» Мазандарана с его лесами, болотами и малярией, считался губительным для переселенцев из Закавказья.

[5] Там же.

[6] Там же. Ср. у Аракела Тебризского, Coll., т. I, стр. 315.

дробности еще одного массового выселения армян из областей Еревана, Ганджи, Тебриза, Ардебиля и всего «Атрпатакана», т. е. южного Азербайджана, выселения, произведенного шахскими властями в 1067 г. арм. э. (1618 г. н. э.), говорит, что шахские чиновники в каждой местности производили розыск с целью выяснения, какие из местных жителей были уроженцами и исконными ее обитателями, жившими здесь из поколения в поколение, и какие из жителей переселились из других местностей. Коренных жителей шахские чиновники не тронули, а все те, которые покинули раньше свои первоначальные места поселения и были обнаружены в других местностях, были назначены к выселению в Иран. Списки их были составлены; если кто-нибудь из них бежал, местные власти были обязаны под угрозой ответственности разыскать их для принудительного выселения в Иран. Всего из Атрпатакана (южного Азербайджана), по словам Аракела Тебризского, было выселено в этот раз в Иран 10 тысяч семейств, т. е. 50 тысяч человек. Каменщики были направлены в Исфахан для использования на строительных работах, а остальных выселили в Мазандаран.[1] Аракел говорит только об армянах, но из рассказа Искендера Мунши, хорошо осведомленного в событиях, происходивших в странах Закавказья, мы знаем, что выселение, как мера репрессии по отношению к тем, кто покидал коренные места поселения, распространялось как на армян, так и на мусульман, т. е. азербайджанцев.

Из других сообщений нарративных источников видно, что шахское правительство, стремясь сохранить податное население на тех местах, где оно было включено в податные списки, принимало меры против массового бегства жителей в случае эпидемий и стихийных бедствий. Историограф Надир-шаха Мухаммед-Казим, состоявший в юности вместе со своим отцом на шахской службе в Азербайджане, рассказывает, что во время чумы в Азербайджане в 1737 г. многие из ра'ийятов и кочевников разбежались, «и родитель сего презренного (т. е. автора), согласно приказу сахиб-кырана нашего времени,[2] разбежавшиеся (мутафаррикэ) семейства из племен гезэкиляни и шамсаддинлу,[3] которые, расселившись, поселились в округах Ганджи и Карабага, переселил и отправил на первоначальные места поселения».[4]

[1] Аракел Тебризский, Coll., т. I, стр. 488, 489.

[2] Сахиб-кыран (араб.) — «обладатель созвездий», т. е. «рожденный при сочетании двух счастливых созвездий», — обычное у мусульманских хронистов прозвание Тимура, которое льстивый Мухаммед-Казим переносит и на Надир-шаха.

[3] Азербайджанское племя шамсаддинлу (шамшадиль)-зулкадар кочевало к западу от г. Ганджи.

[4] Мухаммед-Казим, рук. ИВАН № Д-430, т. II, л. 162б.

В связи с рассказом об этой чуме Мухаммед Казим передает, что так как в Тебризе и шейх-ал-ислам, и все писцы умерли, то в течение 4 месяцев некому было вести счет умершим. Между тем, в той области (южный Азербайджан) с древних времен соблюдался такой обычай, что когда кто-нибудь в каком-нибудь квартале (махаллэ) или местности умрет, то кедхуда (староста) той местности, придя «на служение к шейх-ал-исламу,[1] подтверждает, что такой-то человек, сын такого-то, умер, и шейх-ал-ислам выдает о том человеке грамотку, что пусть его похоронят, а без этого никто из жителей не имел бы смелости и отваги самовольно взять и похоронить того умершего».[2] Обычай хоронить умерших только после получения письменного разрешения духовной власти можно легко объяснить тем, что человек из податного сословия (ра'ийят), приписанный к определенной местности как плательщик податей, в случае смерти подлежал исключению из податных списков; для этого, повидимому, и требовалось разрешение на погребение.

Приведенные данные нарративных источников, если и не дают нам полной уверенности, то во всяком случае заставляют предполагать, что и при Сефевидах ра'ийяты и кочевники не имели права самовольно покидать места своего поселения и своих кочевок без специального разрешения. При этом данные источники говорят не о прикреплении ра'ийятов и илятов к личности феодального владетеля, а о прикреплении к месту поселения, т. е. к хараджу и местным повинностям. Но поскольку государство уступало тому или иному служилому человеку право на взимание части хараджа (мал у джихата) и других сборов с данной местности, иногда и право управления в ней, приписанные к этой местности ра'ийяты попадали в личную зависимость к владельцу. В то же время нет указаний на то, чтобы в XVI—XVII вв. владелец мог по своей воле переселять ра'ийятов с одного места на другое или переводить из одного селения в другое. Напротив, в полунезависимых ханствах второй половины XVIII в. подобные переселения по воле владельца уже практиковались. Шахское же правительство всегда считало себя вправе принудительно переселять ра'ийятов и илятов в глубь Ирана и пользовалось этим правом широко, иногда, как мерой репрессивной, для удаления политически ненадежных или провинившихся, иногда в целях заселения пострадавших от неприятельских нашествий и опустошенных областей Ирана.

[1] Речь идет о пригородном районе г. Тебриза; в других местностях шейх-ал-ислама заменяли, вероятно, казии, бывшие во всех городах и крупных селениях.

[2] Мухаммед-Казим, цит. рук., т. II, л. 168а.

О массовых выселениях при шахе Аббасе I мы уже говорили. При Надир-шахе их снова стали применять в очень широких размерах, иногда в виде наказания за неуплату податей сполна и за участие в восстаниях против правительства.[1] В 1737 г. н. э. вышел шахский приказ переселять азербайджанское племя халилу в Хорасан. Принудительное переселение было возложено на Мухаммеда Казима, который отправился в округ Мараги, вывел оттуда выселяемых, в течение 6 месяцев доставил их в Хорасан и вернулся обратно в Азербайджан.[2] В 1746 г. шах приказал переселить 1000 семейств (ханэвар) армян из Нахчевана в Хорасан.[3] В том же году многие из кочевников (илят ва ахшамат) Азербайджана были также переселены в Хорасан;[4] после гибели Надир-шаха и развала его державы они самовольно вернулись в Азербайджан.[5]

В документальных местных источниках XVIII и начала XIX в. (до присоединения закавказских ханств к царской России) мы также находим указания, — притом, некоторые из них более определенные, чем только что приведенные из нарративных источников, — что и в полунезависимых ханствах крестьяне не пользовались правом свободного перехода.

В упомянутом уже нами[6] указе Султан-Ахмед-хана кубинского, вышедшем в месяце джумаде II 1122 г. х. (28 июля — 25 августа 1710 г. н. э.), подтверждающем пожалование прав коллективного освобождения от податей (му'афи) сельской общине Худад, мы находим такое место: «В какое время, из какого места и из какого обиталища ни пришли бы (сюда) ра'ийяты и ни стали бы жителями указанного селения, пусть никто вопреки правилу им не противодействует» (или «не тревожит их»).[7] Смысл этого постановления заключался в том, что, предоставляя ряд льгот селению Худад, населенному сплошь ханскими мулязимами

[1] Мухаммед-Казим, цит. рук., т. III, л. 173б.
[2] Там же, т. II, л. 168б.
[3] Там же, т. III, л. 168а.
[4] Там же, т. III, л. 192а. — Рассказывая о таких выселениях, Мухаммед Казим всегда употребляет форму понудительного залога «кучанидан», что указывает на принудительный характер переселения.
[5] Там же, т. III, л. 251а.
[6] См. в гл. IV, стр. 176, 181, 182.
[7] Куб., док. № 22. Данный в том же сборнике «Указы кубинских ханов» русский перевод приведенного текста неверен: «В какое бы время и из какого бы места ни являлись крестьяне (ра'айа), поселясь в указанной деревне, никто не имеет права облагать их вопреки положенному» (там же, стр. 58). Как известно, «мута'арриз» значит «противодействующий, препятствующий, причиняющий беспокойство или стеснение», а не «облагающий [налогами]». Кроме того, о каком обложении, которое было бы не вопреки, а согласно положенному, могла идти речь, раз все селение было освобождено от каких бы то ни было податей и повинностей?

(военными и слугами), свободными и изъятыми из податного обложения (азад ва му'аф), хан распространял эти льготы и на тех ра'ийятов, которые поселились бы в данном селении. Запрещалось препятствовать их поселению здесь и, следовательно, разыскивать их здесь. Это было своеобразное право убежища, предоставленное в виде исключения привилегированному, иммунитетному селению, точнее местечку (касаба), как именуется Худад в других документах.

В шахских ферманах 1746 и 1748/9 гг. н. э., выданных на имя армянского монастыря Кара-Килиса, после перечисления ряда льгот, предоставленных монастырю, есть и приказ местным властям — возвратить на места тех ра'ийятов принадлежавшего монастырю на правах вакфа одноименного селения, которые разбрелись и рассеялись в разные стороны. В первом указе, изданном Надир-шахом в 1159 г. х. (1746 г. н. э.), говорится: «И ра'ийятов указанного селения, в каких бы местах они ни поселились, переселив (кучанидэ) [обратно], пусть приведут на их исконное место жительства».[1] Во втором фермане Адиль шаха, изданном в месяце мухарреме 1162 г. х. (22 декабря 1748 г. — 20 января 1749 г.), мы читаем: «И в каком бы месте ни находились разбежавшиеся (мутафаррикэ) [люди] указанного селения, пусть никто не мешает переселить (кучанидан) их [обратно]; переселив, пусть выведут их на место прежнего и старинного поселения».[2]

На первый взгляд наше истолкование приведенных отрывков могло бы вызвать сомнение. В самом деле, крестьяне могли разбрестись и рассеяться, например, в связи с ирано-турецкой войной и неизбежными в таких случаях насилиями военных людей над ра'ийятами; обратное переселение последних могло бы казаться следствием добровольного желания крестьян вернуться в родные места. К тому же, во втором из приведенных ферманов говорится просто о «рассеявшихся» людях, без указания, были ли это монахи или ра'ийяты.

Последний аргумент легко опровергается тем, что в фермане говорится о «рассеявшихся [людях] селения» («мутафаррикэй-и карьэ»), а не о «рассеявшихся монастыря» («мутафаррикэй-и ванк»). Кроме того, в первом из ферманов явно говорится о ра'ийятах. Термин «мутафаррик», «мутафаррикэ» еще в указе Газан-хана 1303 г. применялся к беглым крестьянам, подлежавшим принудительному возвращению на старые места.[3] Да и форма понудительного залога

[1] Эчм. № 3/29.
[2] Эчм. № 3/38.
[3] Рук. ИВАН № Д-66, л. 407а; Стамбульская рук., л. 656.

17 Зак. 4397. Петрушевский.

«кучанидан» — «переселить кого-либо», а не «кучидан», — «переселиться», как можно было ждать, если бы крестьяне переселялись сами, указывает на принудительный характер переселения.

Решающее значение имеет сравнение данных текстов с другими. В 1205 г. х. (1790/1 г. н. э.) Ибрахим-Халил-хан карабагский (1760—1806), помирившись со своим вассалом, армянским меликом Варанды Джаханбахшем из фамилии Шах-Назарян, и вернув ему конфискованные, было, у него поместья, приказал кедхудам селений собрать всех разбежавшихся и рассеявшихся ра'ийятов, где бы они ни поселились, и водворить их в тех селениях, где они жили раньше.[1] О том же говорят указы Мехди-кули-хана карабагского (1806—1822) о возвращении на места рассеявшихся крестьян армянского Гандзасарского монастыря: один — без даты, другой — 1238 г. х. (1822 г. н. э.).[2] В одном из своих указов Мехди-кули-хан, подарив Мамед-Али-беку несколько семейств крестьян, писал им: «Мы желаем, чтобы вы жили в соседстве с сыновьями умершего Мухаммед-Али-бека и никуда не переселялись».[3] Карабагец Нури-бек показывал в 1833 г., что Ибрахим-Халил-хан карабагский подарил ему деревню Шарифан с тем, чтобы он «собрал и переселил туда всех бежавших жителей».[4]

Управлявший Талышским ханством после удаления в 1826 г. Мир-Хасан-хана талышского в Иран генерал-майор Раль в 1830 г. запросил у знатнейших беков Талыша, как поступали при ханской власти с беглыми крестьянами. Один из запрошенных, Хашим-хан, ответил: «Кто бы из ра'ийятов и му'афов ни убежал, имущество и земля его переходит к махальному беку» (правителю махала или округа).[5] Такой же ответ дали Абд-ал-Хусейн-хан и другие талышские беки.

После более чем тридцатилетней полосы восстаний, войн и междоусобий (1711—1747) Азербайджан и Армения были страшно разорены и опустошены. Беки и другие землевладельцы, нуждаясь в рабочих руках для своих собственных хо-

[1] АзЦАУ, ист. арх., фонд воен.-окр. нач-ка, д. № 14, л. 414. Перечень поместий Шах-Назарянов приложен к делу.

[2] АзЦАУ, ист. арх., фонд Бак. бек. к-ии, д. № 2, лл. 293, 299.

[3] АзЦАУ, ист, арх., фонд Бак. бек. к-ии, д. № 2, л. 299 об. — См. тот же фонд, д. № 3, л. 546, та'лика Мехди-кули-хана 1224 г. х. (1809 г. н. э.) о возвращении на места рассеявшихся крестьян сел. Эфендиляр, пожалованного еще Ибрахим-Халил-ханом Рустам-беку.

[4] АзЦАУ, ист. арх., фонд воен.-окр. нач-ка, д. № 47, л. 59.

[5] АзЦАУ, ф. Талыш. врем. пр-ия, д. № 3, 1830 г., л. 68, перевод наш. — Кроме персидского текста ответа имеется и русский казенный «перевод», не совпадающий с первым: «А из деревень кто бежит заграницу, податные (т. е. ра'ийяты. — *И. П.*), нукеры или маафы, оставшееся по сем их имение принадлежит тому, кто оными управляет».

зяйств (поскольку они вели личное небольшое хозяйство), в арендаторах-издельщиках и в плательщиках ренты, вели друг с другом своеобразную борьбу за крестьян. Во время междоусобных войн между закавказскими ханами, продолжавшихся во второй половине XVIII в. почти непрерывно, участвовавшие в походах беки и другие феодалы захватывали и уводили в свои ханства десятками и сотнями крестьян.[1] В 1758 г., например, Ага-Рази-бек, из ширванской знати, совершил набег на Бармакский махал в Кубинском ханстве и увел оттуда 200 семейств. В отместку Фатх-Али-хан кубинский совершил набег на Ширван и, захватив в плен около 400 семейств, поселил их в своих владениях.[2] Этих пленных либо сажали на землю в качестве ра'ийятов, либо обращали в ранджбаров, обслуживавших усадьбу и личное хозяйство бека. Несомненно, имели место и частые побеги крестьян из одного ханства в другое или из ханств в Восточно-Грузинское (Картлийско-Кахетинское, с 1762 г. объединенное) царство. Беки, на землях которых селились такие беглецы, нуждаясь в крестьянах, давали им на первые годы после поселения известные льготы.[3]

Интересные данные об этой борьбе ханов и беков за крестьян, за рабочие руки, можно извлечь из переписки двух первых царских главнокомандующих в Грузии и на Кавказе — генерала Кнорринга (1801—1802) и генерала Цицианова (1802—1806) — с закавказскими ханами. Признавшие себя вассалами России ханы требовали, чтобы царская власть обеспечила им возвращение беглых ра'ийятов. Желая удовлетворить такие просьбы, генерал Кнорринг в 1801 г. требовал у Мамед-хана ереванского, в то время не зависевшего от России, вернуть армян, бежавших за несколько лет до того в Ереванское ханство из Грузии и из подчинившихся России ханств. В ответном письме в том же 1801 г.[4] Мамед-хан писал, что все Ереванское ханство, в свое время опусто-

[1] АзЦАУ, ист. арх., ф. Эрив. бек. к-ии, д. № 2, лл. 222—226 — о крестьянах из Борчало, принудительно переселенных Хусейн-ханом ереванским в район Нор-Байязета.

[2] «Гюлистан-ирам» Аббас-кули-ага Бакиханова, стр. 130.

[3] См. АзЦАУ, ист. арх., ф. Бак. бек. к-ии, д. № 2, лл. 230—234 (о крестьянах сел. Хайлу, переселенных карабагским царевичем Угурлу-беком); д. № 3, лл. 212б—213 (переселенцы из Карабага, поселились в Карабаге на льготных условиях, затем снова бежали); д. № 4, лл. 107об. — 108, 145, 705об. — 706 (жители сел. Кызыл-Агач, 150 семейств, бежали в Талышское ханство, потом вернулись и были пожалованы Мустафа-ханом ширванским Мамед-беку, который надолго освободил их от всех податей) и т. д.

[4] АКАК, т. I, № 833, стр. 615, 616, письмо Мамед-хана ереванского д. ст. сов. Ковалевскому (так в заголовке; однако, судя по содержанию, оно скорее могло быть адресовано ген. Кноррингу).

шенное, заселено «чужестранцами»» (гураба),[1] и если удовлетворить требование о возвращении их всех обратно, то «в этом крае никого другого не останется».[2] Хан отказывался выдать беглых армян, которых у него требовали, ссылаясь еще и на то, что он дал этим беглецам на обзаведение зерно и деньги.[3]

Двоякое значение слов «ра'ийят», «ра'айя» вызывает вопрос: о ком идет речь в такого рода переписке — о беглых крестьянах или о подданных вообще, переселившихся заграницу без разрешения своего хана. Вопрос разрешается письмом Джавад-хана ганджинского к генералу Кноррингу, написанным в мае 1802 г. Хан ставил условием мирного договора с Россией выдачу ему бежавших из его ханства в Грузию ра'ийятов. «Вашим прибытием, — писал хан генералу, — мы были обрадованы, [полагая], что вы будете вершить дела согласно достоинству, обычаю и справедливым законам падишаха Джамова дворца (т. е. русского императора. — *И. П.*), отдадите нам наших людей, пребывающих в рассеянии (тафаррукэхай-и ма), и не будете доверять сказанному злонамеренными людьми, а вы поступаете со мною так, что даете веру речам нескольких людей из ра'ийятов и илятов наших, от нас бежавших».[4] Сочетание «ра'ийяты и иляты» ясно показывает, что здесь речь идет о ра'ийятах-земледельцах, противопоставленных илятам-кочевникам. В конце своего письма хан писал: «Ганджа и Гурджистан (Грузия) соседят друг с другом, и иной раз случается, что несколько человек из ра'ийятов ганджинских, убежав, идут в Гурджистан, а иной раз бывает, что из Гурджистана [бегут] в Ганджу. Но через несколько дней они возвращаются обратно, и каждый, водворившись на своем месте, несет службу (хидмат) господину своему (сахиб-и худ)».[5]

Если принять во внимание, что термином «сахиб» нередко обозначали землевладельца,[6] а выражение «хидмат» — «служба» обозначало всю сумму феодальных повинностей,[7] станет ясным, что в письме шла речь о побегах зависимых крестьян и о принудительном возвращении их (невозможно себе представить, чтобы беглые ра'ийяты и иляты через несколько дней после бегства возвращались по своей доброй воле) владельцам или главам кочевых племен. Очевидно, в XVIII в. между царем кахетино-картлийским и ханом ганджинским временами заключалось соглашение о взаимной выдаче беглых ра'ийятов и илятов.

[1] АКАК, т. I, № 833, стр. 615, 616.

[2] Там же.

[3] Там же (перс. текст).

[4] АКАК, т. I, № 824, стр. 610—612, письмо Джавад-хана ганджинского ген.-лейт. Кноррингу (май 1802 г.). Перевод наш, казенным переводом мы не пользовались.

[5] Там же.

[6] Сахиб-и сойюргал в цитированном (см. в гл. IV) фермане шаха Хусейна 1701 г. у Ханыкова. — Тарих-и алем ара, лит., стр. 104: «сахиб-и тиулат» и т. д.

[7] См. Куб., док. №№ 5, 6, 7, 10, 18 19, 21.

После того как в 1805 г. н. э. Мустафа-хан ширванский признал себя вассалом России, генерал Цицианов написал ему письмо с требованием выполнить ряд «условий подданства», в частности, вернуть все семьи, переселившиеся в Ширван из Карабага, Ибрахим-Халил-хану карабагскому, признавшему себя вассалом России незадолго до того.[1] В ответном письме Мустафа-хан отказывался вернуть беглецов, ссылаясь на то, что «Ширван и Карабаг — обе суть области падишаха (русского императора)». Хан различал три рода беглецов из Карабага (тафаррукэй-и карабаги): одни из них были коренными ширванцами, ушедшими в Карабаг, а затем вернувшимися на «место старинного поселения своего»[2] в Ширван; другие бежали с семьями в Ширван во время неурожая, им дали деньги на обзаведение и приняли их в подданство, некоторым из них дали зерно, насытили их, дали им жен, создали для них семью (ханэвар — «дом», «семья» как хозяйственная единица); третьи бежали в Ширван во время смут и грабежа, также обжились здесь, они довольны, для них устроили сады и земельные участки, и они не соглашаются уходить в Карабаг.[3]

В ответ на новое требование Цицианова удовлетворить домогательства хана карабагского, Мустафа-хан ширванский написал второе письмо, о том, что выдача карабагских беглецов (букв. «рассеянных» — «тафаррукэ», вместо «мутафаррикэ») была бы разорением для его страны. «[Коренные] жители ширванские, — писал хан, — терекемэ[4] и кочевники, и нет у них пожалованных доходов (танхах),[5] денег и оросительных каналов (анхар)... А область Карабагская такова, что все они люди оседлые, и у жителей городов и обитателей селений оросительных каналов, древесных насаждений и имений много».[6]

[1] АКАК, т. II, № 1349, стр. 665, письмо ген. Цицианова Мустафа-хану ширванскому от 13 августа 1805 г.

[2] АКАК, т. II, № 1350, стр. 665, 666, письмо Мустафа-хана ген. Цицианову (август 1805 г.) на персидском языке.

[3] Там же.

[4] Арабизов. мн. ч. от «туркмен». Терминологически — общее обозначение азербайджанских и вообще тюркоязычных кочевых племен.

[5] О термине «танхах» см. в гл. V. Под «жителями» здесь понимаются беки. Мустафа-хан указывает на бедность их, дабы мотивировать свой отказ выдать беглых крестьян из Карабага.

[6] АКАК, т. II, № 1353, стр. 668, 669, письмо Мустафа-хана ген. Цицианову (сентябрь 1805 г.) на персидском языке.

В конце концов спор кончился компромиссом. В обязательствах, подписанных ханом ширванским при принесении им присяги на подданство царю, «артикул шестой» гласил: «Я, Мустафа-хан ширванский, обязуюсь в знак верноподданнического моего усердия возвратить Ибрагим-хану карабагскому все природные карабагские семьи, а не те, кои, быв прежде подданные ширванские, ушли в Карабаг и потом оттоль возвратились».[1]

Из этой переписки становится ясным, из-за каких беглецов спорили ханы. Ширванские хан и беки (в частности знать кочевых племен, не располагавшая собственным земледельческим хозяйством), нуждаясь в ра'ийятах-земледельцах, как в объекте эксплоатации, старались разными льготами (раздачей земельных участков, садов, зерна, денег, даже жен) привлекать беглых крестьян из богатого Карабага. Были крестьяне, которые по нескольку раз уходили на новые места поселения и возвращались обратно. То обстоятельство, что желавшие переселиться на новые места крестьяне должны были бежать заграницу, косвенно подтверждает, что внутри ханств свобода перехода ра'ийятов была стеснена.

Все приведенные выше данные убеждают нас в том, что распространенное с легкой руки кавказоведов дореволюционной эпохи мнение, будто прикрепление крестьян к земле существовало только в Грузии, но не в ханствах Армении и Азербайджана, неверно. Оно основано на безнадежно запутанных материалах царских чиновников XIX в. и разбивается более ранними документами. На основании их мы можем сделать два вывода: 1) в закавказских ханствах прикрепление крестьян к земле, точнее к хараджу и повинностям, следуемым с данной местности, существовало или, по меньшей мере, феодальной властью делались настойчивые попытки добиться такого прикрепления; 2) поддерживая это прикрепление в пределах своих ханств, закавказские ханы в то же время, в интересах своих и подвластных им беков, поощряли побеги ра'ийятов и илятов из соседних ханств, сажали их на землю и нередко отказывались выдавать беглецов.

Представление о том, что в «мусульманских ханствах» не было зависимости крестьян от феодалов, основано на формально-юридическом истолковании вопроса кавказоведами дореволюционной эпохи. Шари'ат официально не признавал личной зависимости мусульманина от мусульманина. Но фактически значительная часть ра'ийятов пребывала в зависимости непосредственно от местного хана или от частных владельцев, которым они были пожалованы на различных основаниях.

[1] АКАК, т. II, 1366, стр. 676. Грамота присяги Мустафа-хана ширванского от 25 декабря 1805 г. н. э. (1220 г. х.), приложение к всеподданнейшему рапорту ген. Цицианова от 27 декабря 1805 г., № 5. Приведен только русский текст.

Вообще, фактически существовавшие феодальные отношения не нашли себе достаточного оформления в мусульманском праве. Они существовали как своего рода местные обычаи. Феодальные отношения в мусульманских ханствах, действительно, тем отличаются от грузинского крепостничества, что первые не нашли того отражения в законодательстве, какое получили вторые в XIV—XV вв. в законах самцхийских атабагов Беки и Акбуги, в XVIII в. в законах картлийского царя Вахтанга VI и в других памятниках грузинского позднефеодального права. По сравнению с грузинским феодальным правом мусульманское право оказалось гораздо более консервативным и косным, менее гибким и менее способным в полной мере отразить существовавшие в живой действительности отношения.

Незаметно, чтобы повинности ра'ийятов по отношению к дивану или, что то же самое, хану, как владельцу селений, мулькдару (малику), тиулдару, владельцу сойюргала или распорядителю вакфных имуществ (мутаваллию) были бы различны. Повидимому, владельцы мульков, тиулов и т. д. отличались друг от друга лишь условностью или безусловностью своих владельческих прав да разными размерами той доли ренты-налога, которая выделялась для них, но не различием ра'ийятских повинностей. Для разных видов землевладения источники называют, в общем, одни и те же подати и повинности, лежавшие на ра'ийятах. Разграничить повинности на группы по принципу отбывания их в пользу государства или землевладельцев невозможно, так как право на одни и те же подати и повинности принадлежало в разных случаях то государству, то землевладельцам, в зависимости от категории землевладения (земли дивани, хассэ, мульк, вакф, тиул, сойюргал). Соотношение между долями ренты-налога, выделяемыми в пользу дивана и в пользу землевладельца, изменялось в зависимости от обычаев той или иной области, в зависимости от того, к какой категории землевладения относилось данное селение и, наконец, в зависимости от того, получал ли землевладелец от государства права му'афи, т. е. налогового иммунитета. В последнем случае право на взимание всех без исключения сборов и повинностей с данного селения переходило к землевладельцу. Но для крестьянина-ра'ийята все эти различия не имели значения, ибо общие размеры вносимой им ренты не изменялись.

В изданной В. Ф. Минорским сойюргальной грамоте царевича Касима Ак-койюнлу 903 г. х. (1498 г. н. э.) перечислен

31 вид податей и повинностей (вместе с мал у джихатом), лежавших на ра'ийятах,[1] а в вакфной грамоте султана Я'куба из династии Ак-койюнлу на имя медресэ Мансурийэ в Ширазе 893 г. х. (1488 г. н. э.) перечислено 27 видов ра'ийятских податей и повинностей.[2] Правда, некоторые из приведенных в обоих названных документах терминов податей и повинностей оказываются синонимами друг друга. В. Ф. Минорский в упомянутой статье дает терминологический анализ названий этих податей и повинностей;[3] при этом, некоторые из названий пока не поддаются расшифровке, и характер обозначаемых ими повинностей не вполне выяснен. Таким образом, общее число податей и повинностей, существовавших в государстве Ак-койюнлу, было значительно. Ахмед-падишах (1496/7 г. н. э.), пытавшийся в своей борьбе с кочевой знатью опереться на крестьянство, отменил было все подати и повинности, не основанные прямо на шари'ате, т. е. бо́льшую часть их.[4] Однако этот султан вскоре погиб в борьбе с военно-кочевой знатью, и проведенная им реформа не пережила его.

Произошли ли в этой системе податей и повинностей значительные изменения после образования Кызылбашской державы (1500 г.)? Историографы Сефевидов, распространяясь в общих выражениях об «избавлении жителей той страны (Азербайджана) от тирании и притеснения неистовых тюрков» (т. е. туркменских кочевников Ак-койюнлу) после разгрома державы Ак-койюнлу и перехода Азербайджана и Армении под власть Кызылбашской державы, о «лучах правосудия» шаха Исмаила I[5] и т. д., не дают конкретных фактов о каких-либо реформах в области налогового обложения крестьянства.

Нам не приходилось видеть сефевидских ферманов, в которых приводился бы столь полный перечень ра'ийятских податей и повинностей, какой дан в упомянутых выше ферманах султанов Ак-койюнлу. Но на основе данных различных источников можно составить следующий перечень терминов

[1] V. Minorsky, A Soyurghal of Qasim Aq-Qoyunly, перс. текст стр. 930, англ. перевод стр. 933.

[2] Персидский текст этой грамоты см. в Фарс-намэй-и Насири Хасана Фаса'и, стр. 81, 82.— Комментарий см. также у Minorsky, цит. соч., стр. 954.

[3] Minorsky, цит. соч., стр. 945—951, 955, 956.

[4] Хондемир, Хабиб-ас-сийяр, цит. изд., т. III, ч. 4, стр. 21; Любб-ат-таварих, рук. ИВАН № В-660, л. 146а; Ахсан-ат-таварих, цит. изд., перс. текст стр. 19; англ. перевод стр. 9,— См. И. Петрушевский, Внутренняя политика Ахмеда Ак-Койюнлу.

[5] Хондемир, цит. изд., стр. 35. 94, Любб-ат-таварих, цит. рук., л. 149а; Ахсан-ат-таварих, цит. изд., перс. текст, стр. 60, 61.

податей и повинностей, лежавших на ра'ийятах в Азербайджане и Армении в XVII — в начале XIX в.:

1. Мал у джихат (маль ва джихат). Варианты: маль, маль ва маналь, малийят (малийэ); синонимы: бахрэ (бахра), харадж.
2. 'Ушр.
3. Дах-йак.
4. Тауджих (мн. ч. — тауджихат).
5. Тафавут; синоним — тауфир.
6. Кесим.
7. Мал-и баг; синоним — баг-башы.
8. Чобан-беги.
9. Джуфт-башы.
10. Дастгах-башы.
11. Сальянэ.
12. Ихраджат.
13. Алафэ и 'улуфэ; синоним — ат-арпасы.
14. Коналга.
15. Улаг.
16. Улам.
17. Сурсат.
18. Ихраджат-и шахзадэ.
19. Хариджийят и шилтакат.
20. 'Авариз (мн. ч. — 'аваризат).
21. Русум.
22. Итлакат (итлак-и дафтари).
23. Хакк-ат-таулийэ.
24. Даругаги (даругалык).
25. Савери.
26. Пишкеш.
27. Байрамлык.
28. Шеш динар.
29. Серанэ; синоним — баш-пули.
30. Юртанэ; синоним — отах-харджы.
31. Джизья.
32. Мутаваджжихат-и дивани (вуджухат, джихат, такалиф-и дивани, тахмилят-и дивани).
33. Бигар; синоним — сухра.
34. Шигар.
35. Черик.

Из перечисленных 35 терминов податей некоторые известны еще со времени арабского халифата или даже со времени Сасанидов (харадж, 'ушр, джизья, затем также бигар), или со времен владычества сельджуков и монгольских ильханов (мутаваджжихат-и дивани, ихраджат, улуфэ, алафэ, улаг, черик). Ряд терминов встречается в упомянутых выше ферманах периода ильханов Ак-койюнлу (мал у джихат, тафавут, тауджихат, коналга, улам, шилтакат, аваризат, русум, даругаги, савери, пишкеш, джихат, шигар).[1] Наконец, некоторые подати и повинности, существовавшие до XVI в., продолжали существовать и при Сефевидах под новыми названиями. В основном, в XVI — начале XIX в. мы встречаемся с большинством ра'ийятских податей и повинностей, какие существовали и в период XIII—XV вв., иногда под

[1] См. Minorsky, цит. соч., стр. 930, 945—951, 954—956; Фарс-намэй-и Насири, цит. изд., стр. 82

другими названиями. Эти подати и повинности можно разделить на 5 групп: поземельные и подоходные сборы (1—11 приведенного выше перечня), различные сборы и поставки натурой на содержание войска и разных звеньев бюрократического аппарата (№ 12—25), различные обязательные «приношения» чиновникам и феодалам (№ 26—28), сборы поголовные и подымные (№ 29—31), личные повинности работой в пользу государства и феодалов или военной службой (№ 33—35). Рассмотрим приведенные выше термины.

1. Мал у джихат (маль ва джихат).[1] Варианты — маль ва маналь,[2] маль,[3] малийят (малийэ)[4] (ар.). Выражение это составлено из слов «маль» — букв. «имущество, собственность» и «джихат» — «объекты обложения», «то, что относится к обложению». Терминологически — это основной сбор с земледелия, доля урожая и, следовательно, основная часть ренты-налога. Этот сбор, в зависимости от того, к какой категории землевладения принадлежало данное селение, вносился либо целиком в пользу государства (в диван), либо целиком в пользу землевладельца, либо делился между ними в определенной пропорции. Мал у джихат, как правило, вносился продуктами — пшеницей, ячменем, рисом, хлопком,[5] шелком[6] и т. д. Количественно мал у джихат в разных местностях Азербайджана и Армении составлял от $^1/_5$ до $^1/_3$ доли валового урожая; в ханствах Ереванском[7] и Нахчеванском[8] он равнялся $^1/_3$ урожая.

---

[1] Выражение это встречается уже в XIII в. у Насир-ад-дина Туси, Трактат о финансах, цит. изд. перс. текста, стр. 761. — См. Тарих-и ильчи, цит. изд., стр. 82, 99; Тарих-и хани, цит. изд., стр. 149; Шереф-намэ, т. I, стр. 314; Ахсан-ат-таварих, перс. текст, стр. 156; Мухаммед Казим, цит. рук., т. III, л. 48б; ферманы Биби-Эйбатской серии, цит. рук., док. № 3; Куб., док. №№ 2, 19; ферман шаха Хусейна 1701 г., Ханыков, Lettre à M. Dorn; Minorsky, цит. соч., стр. 930, 933, 945.

[2] Тарих-и алем ара, лит., стр. 405, цит. рук., ч. II, л. 285; ферманы Биби-Эйбатской серии, цит. рук., док. № 3.

[3] Матла'-ас-садейн, цит. рук., л. 186а, франц. перев. Катрмера, стр. 132; Тарих-и ильчи стр. 82, 83; Любб-ат-таварих, цит. рук., лл. 140а—140б; Тарих-и алем ара, лит., стр. 609, цит. рук., ч. II, л. 693а.

[4] Тарих-и Тахир-и Вахид, цит. рук., л. 175б; Мухаммед Казим, цит. рук., т. III, л. 165а; Нах., док. № 19; Эчм., док. № 3/33.

[5] БЭ, док. №№ 3, 4.

[6] Фумени, Тарих-и Гилян, цит. изд., стр. 214—215: — «шелк, собранный в пользу дивана».

[7] См. об этом в гл. VI.

[8] Нах., док. № 17, указ наследника иранского престола Аббас-мирзы (?), изданный в месяце раби'I 1247 г. (10 августа — 8 сентября 1831 г.) о пожаловании Ноуруз-беку в тиул пригородных земель г. Нахчевана: «Пусть он, взимая бахру [в размере] трех десятых [дохода], расходует на себя».

Синонимом термина «мал у джихат» был термин «бахрэ»[1] (перс., в азерб. и армянск. произношении «бахра», — букв. «доля, часть, жребий»); в ханствах Ереванском и Нахчеванском был в ходу исключительно этот термин.

Старинный ар.-перс. термин «харадж», означавший основной поземельный налог,[2] в XVI — XVIII вв. применялся, — чаще в нарративных источниках,[3] нежели в документах, как архаическое книжное выражение, служившее синонимом терминов «маль», «мал у джихат», «бахра». Иногда же термин «харадж» обозначал всю совокупность податных сборов с сельского хозяйства.

Мал у джихат (бахра, харадж) в селениях определенных категорий землевладения (мульк, иногда и тиул) делился в определенной пропорции между казною (диваном) и землевладельцем. Пропорция эта, в зависимости от местных обычаев, была различной для разных областей. В ханствах Ереванском и Нахчеванском в пользу мулькдара (владельца мулька) шло $^1/_{10}$, иногда $^4/_{30}$ урожая, в пользу дивана $^2/_{10}$ или $^6/_{30}$, если государство в виде особой милости не уступало мулькдару (малику) право и на долю дивана; мульк в таком случае именовался «мульк-и хасс ва халис» — «собственный и очищенный мульк», или, попросту, «халисэ».[4] Доля бахры, принадлежавшая мулькдару, в тех же ханствах обозначалась также термином «мульк» (мюльк) или «маликова бахра» (бахрэй-и маликанэ).[5] Та же доля бахры, или мал у джихата, которая предназначалась в пользу дивана, именовалась «малою бахрою»[6] (перс. «бахрэчэ», букв. «бахришка», в отличие от «большой бахры», т. е. всего мал у джихата в целом, включая и долю малика).

2. 'Ушр (ар. «десятина»). Этот сбор был меньше хараджа и взимался с привилегированного землевладения, представленного потомками старинных мусульман (не новообращенных). В описываемую нами эпоху термин «'ушр» упо-

---

[1] Он известен уже в XIII—XIV вв., см. Рашид-ад-дин, Джами' ат-таварих, рук. ИВАН, Д-66, л. 406б; Стамбульская рук., л. 656.

[2] О размерах хараджа в эпоху халифата см. у А. Ю. Якубовского, Ирак на грани VII—IX вв., стр. 41. Во время владычества монголов харадж в некоторых областях достигал 60% урожая, — см. Переписку Рашид-ад-дина (Мунша'ат-и Рашиди), цит. рук., л. 51а (док. № 22 по описи Э. Г. Броуна). См. также цит. статью А. А. Али-заде.

[3] В Тарих-и ильчи, цит. изд., стр. 82, 99, один и тот же налог именуется то мал у джихат то харадж; Шереф-намэ, т. II, стр. 252.

[4] См. в гл. VI.

[5] Нах., док. № 12.

[6] Сильсилят-ан-насаб, цит. рук., л. 172; Эчм., док. № 3/15, ферман 1082 г. х. (1672 г. н. э.) на имя Эчмиадзинского монастыря; Эчм., док. № 3/85, ферман шаха Сулеймана 1079 г. х. (1669 г. н. э.): «бахрэчэй-и дивани» — малая бахра диванская.

треблялся то как арабский синоним персидского термина «дах-йак»,[1] то как обозначение податных сборов с разных сельскохозяйственных объектов обложения.[2]

3. Дах-йак (перс., букв. «одна десятая», «десятина») — синоним ар. термина «'ушр». Термин этот известен еще в XIII в.,[3] применялся и в XVI—XVIII вв.[4] В Азербайджане этот термин употреблялся преимущественно в Кубинском ханстве.[5] В жалованной грамоте Фатх-Али-хана кубинского 1188 г. х. (1774/5 г. н. э.) на имя Хаджи-бека, мелика будурского, упоминаются «дах-йак» (десятина) и «дах-ним» (полдесятины);[6] последним именем обозначалось приращение податного сбора, вместе с которым он доходил до 15% урожая.

4. Тауджих (ар., мн. ч. «тауджихат», — в персидском и азербайджанском произношении «тоуджи[х]», — конечное «х» в речи не слышится) — букв. «список, счет, перечень, обложение, подать».[7] В упомянутом выше фермане шаха Тахмаспа I 966 г. х. (1559 г. н. э.), приведенном в «Сильсилят-ан-насаб», термин «тауджихат» стоит рядом с терминами «ихраджат» и «хариджийят»[8] (см. ниже), которыми обозначались различные сборы деньгами и натурой с податного населения для покрытия издержек местных государственных чиновников и войск. Возможно, что в XVI—XVIII вв. «тауджих» («тауджихат») относился к этой группе сборов. Но во второй половине XVIII — начале XIX в. в Шекинском ханстве мы встречаемся с иным значением термина «тоуджи (х)»; под ним здесь понимали ту часть мал у джихата, которая в указанный период взималась уже в деньгах.[9] Это последнее местное значение можно считать прочно установленным, значение же данного термина при Сефевидах остается пока неясным.

---

[1] Куб., док. № 2, 27.

[2] БЭ, док. №№ 3, 4: «'ушр (десятина) с трех колодцев нефти», «'ушр с посевов хлопка».

[3] Насир-ад-дин Туси, Трактат о финансах, цит. изд. перс. текста, стр. 759: «Когда занимаются земледелием, или бывает сад, или добрая вода и земля... и отдают [подать] из дах-йака (одной десятой урожая. — *И. П.*), это называют ушр». — Мунша'ат-и Рашиди (Переписка Рашид-ад-дина), цит. рук., л. 19а (док. № 13 по описи Э. Г. Броуна, в перечне податей Исфахана); Рашид-ад-дин, Джами'ат-таварих, рук. ИВАН № Д-66, л. 407а; Стамбульская рук., л. 653. — В русск. переводе А. К. Арендса термин «дах-йак» не сохранен.

[4] Например, Тарих-и алем ара, лит., стр. 609, цит. рук., ч. II, стр. 693а.

[5] Куб., док. №№ 7, 22.

[6] Куб., док. № 7. — Оба термина, и «дах-йак» и «дах-ним», упоминаются на рубеже XIII—XIV вв. в перечне податей Исфахана, см. в Переписке Рашид-ад-дина (Мунша'ат-и Рашиди), цит. рук., л. 19а.

[7] Хондемир, Хабиб-ас-сийяр, цит. изд., т. III, ч. 3, стр. 334; ч. 4, стр. 14.

[8] Сильсилят-ан-насаб, цит. рук., л. 163.

[9] См. Описание Шекинской провинции, составленное в 1819 г. Ф. Ахвердовым и Могилевским, Тбилиси, 1866.

5. Тафавут (ар., букв. «различие, разница») и тауфир (ар., букв. «увеличение, пополнение, излишек»). При Сефевидах мал у джихат (маль, бахра, харадж) делился на две основных части: мал-и асль, т. е. «коренной», «первоначальный», «основной» маль (мал у джихат), и «тафавут» («тауфир»), т. е. тот «прирост» или «излишек», который образовался благодаря постепенному увеличению размеров мал у джихата шахским правительством. Этот «прирост» записывался в податные реестры как отдельная статья обложения. Термины «тафавут» и «тауфир», как особая статья обложения пахотных земель Муганского края, противополагаемая «асл-и мал у джихат», т. е. первоначальной сумме этой подати, упоминается в цитированном нами фермане шаха Тахмаспа I 966 г. х. (1559 г. н. э.).[1] После смерти этого шаха, при шахах Исмаиле II (1576—1577) и Мухаммеде Худабендэ (1577—1587) тяжелое внутреннее положение шахской державы повело к новым увеличениям мал у джихата. Точные размеры этих увеличений неизвестны. Однако по сообщению Искендер Мунши о том, что при этих шахах по сравнению с «основой мал у джихата» («асл-и маль»), эта подать выросла на 1/5.[2] Этот рост мал у джихата следует понимать не как увеличение доли урожая, вносимой финансовым чиновникам и землевладельцам, но как увеличение общей стоимости хараджа, исчисленной в деньгах, но вносившейся, вероятно, целиком или частично в продуктах, частью вследствие прямого увеличения подати, частью вследствие падения курса денег.[3]

Шах Аббас I в 1598 г. вернулся к размерам обложения, указанным в «инструкции» (дастур-ал-'амаль) шаха Тахмаспа I. Однако это уменьшение размеров податей коснулось только центральных областей Ирана. Из источников не видно, чтобы эта податная реформа коснулась «окраинных» областей Кызылбашской державы — Азербайджана и Армении, служивших для шахского правительства объектом беспощадного ограбления. В фермане шаха Аббаса I 1009 г. х. (1600/01 г. н. э.) на имя шейха Абдал-бека Захиди, содержавшем инструкцию по управлению расположенными в южном Азербайджане имениями ардебильского святилища,

---

[1] Сильсилят-ан-насаб, цит. рук., л. 162, — текст см. в гл. IV.

[2] Тарих-и алем ара, лит., стр. 405; цит. рук., ч. II, л. 285.

[3] В цит. рукописи «Сафват-ас-сафа» ЛГПБ, датированной 1022 г. х. (1613/14 г. н. э.) на полях л. 28а имеется характерное примечание переписчика: «Каждый динар [времени автора «Сафват-ас-сафа», т. е. половины XIV в.] составлял семь с половиной нынешних (т. е. начала XVII в.) динаров».

снова упоминается «тауфират»[1] — мн. ч. от «тауфир» — «излишки», «приросты», образовавшиеся благодаря повышению размеров обложения в разное время. В том же фермане упоминается «тафавут-и иджарат» — «разница» (т. е. приращение) в арендной плате (доля урожая) с крестьян-издольщиков.[2]

6. Кесим (т. е. — «определенная цена», «такса»)[3] — постатейное обложение разных хозяйственных объектов.[4]

7. Мал-и баг (ар.-перс. — «подать с сада»); о ней как о подати, взимаемой в Ширване, упоминается в ферманах шаха Аббаса I 1015 г. х. (1607 г. н. э.)[5] и шаха Аббаса II 1060 г. х. (1650 г. н. э.)[6] на имя биби-эйбатских шейхов; судя по первому из указанных документов, этот сбор равнялся $^1/_{10}$ доле урожая плодов[7] и, без сомнения, идентичен с часто упоминаемым в «Описаниях» провинций Шекинской, Карабагской и Ширванской, сделанных в 1819—1823 гг., под именем «баг-башы» (аз., терм. значение то же).

8. Чобан-беги (аз. — букв. «[сбор в пользу] начальника пастухов», терм. — «подать за пастьбу скота», главным образом, баранов). Сбор этот, вероятно, идентичен со сбором «кубчур» (в значении подати со скотоводства), хорошо известным в эпоху монгольского владычества, и аналогичными сборами, взимавшимися при султанах Ак-койюнлу.[8] Подать эта взималась за пользование принадлежавшими казне летними (яйлаг) и зимними (кышлаг) пастбищами с полуоседлых крестьян, занимавшихся и скотоводством, и с тех кочевых племен, которые не числились му'афами и не были освобождены от этой подати.[9] Составитель «Хулясат-ас-сийяр» Мухаммед Ма'сум, состоявший везиром при беглербеге Ганджи и Карабага Муртаза-кули-хане Зийяд-оглы из племени каджар, рассказывает, что предок этого хана, «великий султан» (султан-и му'аззам) Шахверди-султан Зийяд-оглы каджар, бывший также беглербегом карабагским (40—60-е гг. XVI в.), желая удивить прибывшего к нему турецкого посла, потребовал к себе писцов, ведавших реестрами взимания чобан-беги,[1], и велел им представить «список исчисления баранов».[2] Писцы доложили, что «теперь в Карабаге без преувеличения и хвастовства есть в наличии сто тысяч стад баранов», при которых находилось будто бы 200 тысяч пастухов (чобан).[3] Цифра эта, по всей вероятности, фантастична. Однако указание на наличие особых чиновников по исчислению этой подати позволяет думать, что при развитом скотоводстве размеры поступления этой подати были значительны.

Шах Аббас I отменил в 1598 г. эту подать, но только в одном Ираке персидском;[4] в прочих областях шахской державы ее продолжали взимать попрежнему. Упоминания источников о чобан-беги довольно часты.[5] Аракел Тебризский рассказывает, что при шахе Аббасе I эта подать считалась одной из самых тяжелых. Сборщики являлись за сбором ежегодно, размеры подати постепенно росли, и оседлые крестьяне, не имея возможности уплатить эту подать и покрыть недоимки с нее, предпочитали продавать своих баранов, дабы избавиться от необходимости платить за них. Как пример, Аракел приводит селение Хуррамабад, по соседству с южным Азербайджаном. Крестьяне этого селения владели стадом 1500 голов баранов, кроме того, лошадьми, рогатым скотом рабочим и молочным, полями, виноградниками, мельницами и т. д. Благодаря тяжести податей, в частности, подати с баранов (кодав, т. е. чобан-беги), крестьяне обеднели и лишились своего скота и имущества: часть была продана для уплаты податей шаху, другая часть пошла в уплату долгов ростовщикам, третья часть была продана для покрытия других нужд крестьян. В таком же положении находились и многие другие деревни.[6] Подать чобан-беги была известна в период полунезависимых ханств под именем «чоп-башы» (аз.).[7]

---

[1] Сильсилят-ан-насаб, л. 172.

[2] Там же.

[3] От слова «кесмек» — «резать». См. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. II, стр. 128. См. также В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. II, стр. 1165.

[4] Куб., док. № 7. См. также Описание Карабагской провинции, сделанное полк. Ермоловым и ст. сов. Могилевским в 1823 г., Тбилиси, 1866. — Колониальная политика..., т. I, стр. 402, 403, 408.

[5] БЭ, № 3.

[6] БЭ, № 4.

[7] БЭ, № 3.

[8] Фарс-намэ-й Насири, цит. изд., стр. 82: «маваши ва мара'и» — букв. «четвероногие (скот) и пастбища», т. е. налог с них; V. Minorsky, op. cit, p. 955. — В Тарих-и алем ара, лит., стр. 94, цит. рук., ч. I, л. 192 эта подать также названа так. О кубчуре см. ценные выводы в статье А. А. Али-заде, Виды земельной собственности и налоговая система ильханов.

[9] Шереф-намэ, цит. изд., т. I, стр. 307, приводит пример освобождения от сбора за пользование яйлагами с 30 тысяч голов овец курдского племени махмуди.

---

[1] Хулясат-ас-сийяр, цит. рук., л. 124б.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Тарих-и алем ара, лит., стр. 405, цит. рук., ч. II, л. 285. — О том же см. у Аракела Тебризского, Coll., т. I, стр. 351—355. Аракел называет эту подать «кодав». Ирак персидский у Аракела — «Арагстан».

[5] См., например, БЭ, док. №№ 3, 4; Эчм., док. № 3/33, 3/75.

[6] Аракел, там же, стр. 353.

[7] Указы кубинских и карабагских ханов по поводу взимания подати за пастьбу баранов и скота см. АзЦАУ, ист. арх., ф. кубинского ко-

9. Джуфт-башы (перс.-аз.)[1] — сбор с каждого джуфта, т. е. с упряжки быков.[2]

10. Дастгах-башы (перс.-аз.). Подать эта упоминается в числе податей, взимавшихся, согласно обычаю, в Ширване, в ферманах шаха Аббаса II 1066 г. х. (1656 г. н. э.) и шаха Сулеймана 1078 г. х. (1667 г. н. э.), относящихся к биби-эйбатским шейхам.[3] В других документах нам не приходилось встречать упоминаний об этом налоге. Не говорится о нем и в ферхенгах. Характер его не вполне ясен. «Дастгах» — в одном из значений — ремесленная мастерская,[4] в частности, ткацкая мастерская. Возможно, поэтому, что дастгах-башы — сбор с кустарных промыслов, очень распространенный и в тот период в азербайджанской и армянской деревнях. Если это так, то этот сбор идентичен с мал-и мухтарифэ, податью с ремесла, известной во времена Сефевидов.[5]

11. Сальянэ (перс., в азерб. произношении «сальяна» — «годовое», «ежегодное») в Сильсилят ан-насаб упоминается как сбор в пользу должностных лиц, в данном случае вакфной администрации ардебильского святилища — гробниц Сефевидов.[6] У Искендера Мунши «сальянэ» упоминается как синоним термина «улуфэ» (см. ниже) — «провиант, паек, жалованье натурой» военных чинов, собираемое властями с податного населения.[7] В Карабагском ханстве во второй половине XVIII — начале XIX в. термином «сальянэ» обозначалась та часть мал у джихата (взимаемая в продуктах), которая взималась в пользу дивана; в этом значении «сальянэ» соответствует упомянутой уже нами малой бахре (бахрэчэ).[8]

12. Ихраджат (ар., мн. ч. от «ихрадж» — букв. «расходы, издержки»). Термин этот известен еще в эпоху монгольского владычества. В. Ф. Минорский указывает, согласно данным Джувейни,[9] значение его в то время — расходы на проезд должностных лиц и на содержание почтовых станций,

---

мендантa, д. 10, л. 5 об., 8, 9 об., 18 об.; тот же архив, ф. Бакинской бекской комиссии, д. 3, лл. 269, 318об.; ф. военно-окружного нач-ка, д. 47, л. 221.

[1] См. БЭ, док. №№ 7, 8.

[2] О термине «джуфт» см. в гл. IV.

[3] БЭ, док. №№ 7, 8.

[4] В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. III, стр. 1686.

[5] См. Тарих-и алем ара, лит., стр. 94, 225; цит. рук., ч. I, лл. 192, 380; Ордубадская надпись у Н. Ханыкова: Mémoires sur quelques inscriptions musulmanes du Caucase, texte pers., pp. 94—95.

[6] Сильсилят-ан-насаб, цит. рук., лл. 172, 173.

[7] Тарих-и алем ара, лит., стр. 444; цит. рук., ч. II, 340а.

[8] См. Описание Карабагской провинции, passim. — Колониальная политика, ч. I, стр. 202, 368, 439.

[9] Джувейни. Тарих-и джихан гушай, изд. G. M. S., т. I, стр. 23, 24.

а также отмечает новейшее терм. значение слова «ихраджат» — чрезвычайные расходы на содержание должностных лиц и их свиты.[1] Значение этого термина в XVI—XVIII вв. близко к этому определению: это были различные, точно фиксированные в особых реестрах, поставки натурой и повинности податного населения для нужд войска, знати и государственных чиновников, находившихся в данном округе (махал) или области (вилайет). Эти издержки не оплачивались казною. Тяжесть «ихраджат» для ра'ийятов заключалась именно в обилии этих статей обложения и в беспредельности (на практике) требований со стороны дивана, чиновников и военных людей. Еще Ахмед-падишах Ак-койюнлу во время своей неудачной налоговой реформы издал указ, чтобы чиновники «никого не тревожили (повинностями) ихраджат и шилтакат»[2] (см. ниже). Но после гибели этого султана в борьбе с мятежной военно-кочевой знатью «ихраджат» продолжали существовать. О них упоминают документы и XVI,[3] и XVIII[4] вв. Точнее раскрывает содержание этого термина ферман шаха Тахмаспа I на имя биби-эйбатского дервишеского шейха Буньяда, изданный в месяце мухарреме 954 г. х. (21 февраля — 22 марта 1547 г. н. э.).[5] Ферман этот, подтверждая право налогового иммунитета (му'афи) шейха Буньяда, между прочим, говорит: «Пусть никакая тварь[6] не противодействует (шейху) под предлогом (повинностей) ихраджат и хариджийят, (состоящих) из алафэ, улуфэ, коналга, улаг, улам, бигар и шигар и прочих шилтакат, под каким бы то ни было именем и на каком бы то ни было основании».[7] Этот текст показывает, что выражение «ихраджат» было при Сефевидах общим и собирательным обозначением для установленных особыми реестрами целого ряда сборов и повинностей, к рассмотрению которых мы перейдем ниже. «Ихраджат» не входили в счет доли урожая (бахра, мал у джихат), взимаемой диваном.

13. Алафэ (ар.-перс., в азерб. произношении «алафа») — «фураж», «корм» для верховых и вьючных животных войска или феодального ополчения, а также «провиант»,

---

[1] V. Minorsky, op. cit., p. 946.

[2] Хабиб-ас-сийяр, цит. изд., т. III, ч. 4, стр. 721; Ахсан-ат-таварих, цит. изд., перс. текст, стр. 19; Любб-ат-таварих, цит. рук., л. 146а.

[3] Сильсилят-ан-насаб, л. 163, цит. ферман шаха Тахмаспа I 966 г. х. (1559 г. н. э.).

[4] Куб., док. № 1.

[5] БЭ, док. № 1.

[6] Выше в том же тексте сказано: «никакая тварь из финансовых чиновников (уммаль), делопроизводителей дивана (мутасаддийян-и умур-и диван), старшин городских (калантаран) и квартальных (кедхудайян) Бадкубэ» (г. Баку).

[7] Там же.

18 Зак. 4397. Петрушевский.

«продовольствие», «пайки» для воинов, поставляемые ра'ийятами на свой счет по требованию властей.

Улуфэ (ар.-перс., в азерб. произношении «улуфа») — в смысловом и терм. значении синоним слова «алафэ». Об этом термине мы находим упоминание в источниках как XV,[1] так и XVIII в., когда он означал то фураж для животных войска,[2] то продовольственные пайки для воинов.[3] Искендер Мунши рассказывает, что во время турецкого владычества в Ширване (1588—1607) улуфэ поставлялось податным населением согласно особым реестрам (дафтар- и улуфэ). После взятия Шемахи кызылбашами реестры эти попали в руки шахских чиновников. Шах Аббас I потребовал от всех, кто был вписан в эти реестры, не только живых, но и умерших, внести для войска больше, чем было установлено в реестре, и больше того, что эти лица были в состоянии внести; за умерших и убитых во время войны должны были внести их наследники.[4]

14. Коналга[5] (старо-узб., букв. «ночлег»)[6] — терминологически «право постоя» иностранных послов, шахских гонцов, чиновников, знатных людей и военных чинов в домах ра'ийятов. При этом последние обязаны были кормить своих постояльцев, их свиту, слуг и лошадей. Еще в период монгольского владычества, по словам Рашид-ад-дина, эта повинность была одной из наиболее тяжелых для ра'ийятов. Рашид-ад-дин рассказывает, что крупные военные и гражданские сановники, останавливаясь в каком-нибудь городе или деревне, занимали для себя и своей свиты не менее 100—200 домов, непременно лучших и более зажиточных хозяев. Нукеры и слуги сановников хватали без стеснения все, что попадалось под руку в домах ра'ийятов, стреляли из луков в домашнюю птицу, и нередко стрелы попадали в детей ра'ийятов. По словам того же автора, чтобы избавиться от постоя, ра'ийяты нарочно держали свои дома в полуразрушенном состоянии, но это не всегда помогало.[7] При Сефевидах эта повинность не стала более легкой для ра'ийятов. Ха-

[1] Матла'-ас-садейн, цит. рук., л. 177б.

[2] Мухаммед Казим, цит. рук., т. III, л. 102б.

[3] Там же, т. II, л. 51а; Тарих-и алем ара, лит., стр. 538; цит. рук., ч. II, л. 430а.

[4] Тарих-и алем ара, лит., стр. 528; цит. рук., ч. II, л. 421б.

[5] В цит. фермане, БЭ, док. № 1 «киулга», — без сомнения, ошибка переписчика, следует читать «коналга».

[6] В. В Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. II, стр. 538.— Там же приведена характерная цитата из «Бабур-намэ», изд. Н. И. Ильминского.

[7] Рашид-ад-дин, Джами'ат-таварих, № Д-66, рук., лл. 422а—423а; Стамбульская рук., л. 681; см. также Матла'-ас-садейн, цит. рук., л. 176б, франц. перевод Катрмера, стр. 64.

сан-бек румлу рассказывает о притеснениях и насилиях над ра'ийятами размещенных на постой в их домах кызылбашских «газиев» («борцов за веру») из племени румлу, из которого происходил и автор. Воины эти при помощи истязаний и пыток вымогали у ра'ийятов деньги и ценные вещи.[1]

Насколько тяжела было постойная повинность, можно видеть и из рассказов европейских путешественников. Олеарий, проезжавший через Азербайджан в 1636 г. с гольштинским посольством к шахскому двору, пользовался постоем в домах жителей. В Низабаде, на берегу Каспия, местный кевха (кедхуда) доставил Олеарию и его спутникам 2 лошадей, 2 быков, 12 овец, 20 кур, 5 мешков пшеничной муки, 2 корзины яблок, 3 больших кувшина с вином и кувшин с чистой водой, редкой в той местности.[2]

С военным постоем в домах ра'ийятов, сопровождавшимся нередко вымогательствами, а то и насилиями воинов и нукеров над ра'ийятами и их семьями, иногда соединялась еще обязанность ра'ийята поднести квартировавшим у него воинам «подарок». Последний получил в народе насмешливое прозвание «диш-киреси» (азерб. «награда за зубы»), т. е. «награда» воинам за то, что они доставили себе труд есть даром чужой хлеб.[3]

Освобождение от права постоя давалось иногда шахом или местными ханами вместе с правом налогового иммунитета (му'афи).[4] Хотя привилегия му'афи давалась владельцу селения, но в данном случае она приносила облегчение и крестьянам, освобождая их от тягостей постоянной повинности.

15. Улаг (монг. и чаг.-узб.) — букв. «всякое домашнее животное, которое служит для перевозки тяжестей, для навьючивания и для возки телег»;[5] терм. — почтовые и курьер-

[1] Ахсан-ат-таварих, цит. изд., перс. текст, стр. 265—266.

[2] Олеарий, цит. изд., стр. 511.

[3] См. у Бакиханова, Гюлистан ирам, цит. изд., стр. 149. — У В. В. Радлова, Опыт словаря тюркских наречий, т. III, стр. 1774, под словом «диш», выражение «диш киреси» объяснено: «подать на содержание мелких чиновников».

[4] См. упомянутый нами ферман шаха Тахмаспа I 954 г. х. (1547 г. н. э.), БЭ, № 1. — Грамота аналогичного содержания была выдана тем же шахом Тахмаспом I селению Бабаратма в округе Шеки, составлявшем вакфное владение одного чтимого мазара (гробницы святого); и здесь запрещалось ставить служилых людей на постой и требовать для них «подарки» с крестьян. См. АзЦАУ, ист. арх., ф. Касп. палаты гос. имуществ, д. № 15.

[5] В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. I, стр. 1679. В ферхенге Бурхан-и Кати', стр. 75, выражение «улаг» объяснено: «...так называют гонца и посланца и лошадь, каковую в дороге предоставляют для гонцов».

ские лошади,[1] предоставляемые ра'иййятами по требованию начальников почтовой службы от одной почтовой станции (ям) до другой. Повинность эта существовала еще при монгольском владычестве. По словам Рашид-ад-дина, она была очень тяжела для ра'иййятов, так как гонцы загоняли и калечили верховых лошадей и вьючных животных, а иногда не возвращали их хозяевам.[2] В изучаемый нами период с этой повинностью соединялась также обязанность ра'иййятов предоставлять перевозочные средства своим владельцам (арбаб) во время их перекочевок на летние (йайлаг) и зимние (кышлаг) пастбища.

16. Улам — термин с довольно темной этимологией, не освещенной в достаточной мере словарями и ферхенгами. В. Ф. Минорский, разбирая налоговые термины, упоминаемые в сойюргальной грамоте царевича Касима Ак-койюнлу 903 г. х. (1498 г. н. э.), допускает, что в тексте «должно было стоять вместе «улам» — «ям» — «почтовые станции», «расходы на их содержание».[3] Однако и в цитированном нами фермане шаха Тахмаспа I 954 г. х. (1547 г. н. э.) на имя биби-эйбатского шейха Буньяда встречаем ясное чтение «улам», с огласовкой (дамма) над алифом.[4] Терминологически слово «улам», вопреки мнению В. Ф. Минорского, не вызывает особых сомнений.[5] «Улам», как повинность, должно означать оплату ра'иййятами издержек особо важных гонцов, курьеров и других должностных лиц, пользовавшихся казенной почтой.

17. Сурсат (осм. в одном из значений — «обязательная доставка провианта»).[6] В рассматриваемый нами период термин «сурсат» встречается в источниках в двояком смысле: 1) поставка ра'иййятами продовольствия и фуража уже не только для военных сил, расположенных в данной местности, снабжение (алафэ ва улуфэ) которых населением было установлено специальными реестрами (дафтарами), но и для главных сил армии, по мере надобности;[7] 2) доля мал у джи-

[1] В. В. Радлов, Опыт словаря..., т. I, стр. 1679; Л. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I, стр. 152; V. Minorsky, op. cit., p. 948.

[2] Рашид-ад-дин, Джами'ат таварих, цит. рук. № Д-66, лл. 395б—398а; Стамбульская рук., л. 635.

[3] V. Minorsky, op. cit., p. 948.

[4] БЭ, док. № 1.

[5] Бурхан-и Кати', стр. 75: «Улам... называют известие и грамоту, что доставляют из уст в уста и из рук в руки, и так же зовут доставляющего известие» («пейгам ресанендэ»).

[6] В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. IV, вып. I, стр. 771; Л. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I, стр. 643.

[7] См. у Мухаммед-Казима, цит. рук., т. III, л. 195б: — «сурсат для победоносного войска»; там же, лл. 80б, 233а.

хата (взимаемая зерном), предназначенная для казны (дивана). Последнее значение — местное, отмечается в Ширванском (Шемахинском) ханстве во второй половине XVIII — начале XIX в.[1]

18. Ихраджат-и шахзадэ (ар.-перс. «издержки царевича» или «царевичей»). По рассказу Исайи Хасан-Джалаляна (Есай-католикос), армяноязычного автора труда по истории Албании — северного Азербайджана (XVIII в.), сбор «шахзадэ-ихраджат» был введен в Азербайджане и Армении около 1701 г. шахом Хусейном,[2] при котором произошло общее увеличение числа налоговых сборов и размеров отдельных податей. Значение этого сбора, относившегося также к категории «ихраджат», легко расшифровывается: это дополнительный сбор с ра'иййятов, предназначенный на покрытие издержек по содержанию шахских сыновей. Нет никаких упоминаний о взимании этого сбора в полунезависимых ханствах второй половины XVIII в. Повидимому, его отменили или прекратили сбор его.

19. Хариджиййат (ар. мн. число от ар.-перс. «хариджи» — букв. «наружный», «внешний», «выходящий за пределы»). Значение этого термина в документах не поясняется, однако он упоминается обычно вместе с термином «ихраджат», значение которого нам уже известно, и в связи с ним.[3] Судя по смысловому значению этого слова, можно предположить, что если термином «ихраджат» обозначали установленные и зафиксированные (ихраджат-и мукаррари) в податных реестрах взносы ра'иййятов для покрытия издержек гражданских и военных чинов данной области, то термин «хариджиййат» прилагался к сборам такого же назначения, но не фиксированным, а экстраординарным, налагаемым на ра'иййятов от случая к случаю, по приказу начальства.

Повидимому, в том же значении употреблялся термин «шилтакат» (арабизованное мн. ч. от «шилтак»). Этимология этого термина не вполне выяснена. В. Ф. Минорский в цитированной статье производит его от монгольского siltaghan, siltaq — «повод», «причина», которое по аналогии с персидским «баханэ» получило значение «предлог», а позднее употреблялось в смысле «произвольное вмешательство», «притеснение».[4] В то же время В. В. Радлов приводит другое

[1] См. Описание Ширванского ханства, составленное в 1820 г., Тбилиси 1866 г., passim.

[2] Есай-католикос, Coll., т. II, стр. 204.

[3] БЭ, док. № 1: «ихраджат ва хариджиййат»; то же в фермане шаха Тахмаспа I 966 г. х. (1559 г. н. э.); Сильсилят-ан-насаб, цит. рук., л. 163.

[4] V. Minorsky, op. cit., p. 947; там же приведена ссылка на Замахшари. Мукаддимат ал-адаб, 1938, стр. 333, где монг. «шилтак» — баханэ.

значение слова «шилтак» в ряде тюркских языков.[1] Как бы то ни было, выражение «шилтакат» встречается в источниках в связи с выражением «ихраджат»[2] в значении сборов, не фиксированных податными реестрами и произвольно налагаемых на ра'ийятов местными властями. Хондемир, рассказывая о неудавшейся податной реформе Ахмеда Ак-койюнлу 1497 г., говорит, что этот падишах повелел везирам и чиновникам дивана (вузара ва диванийян), дабы они «никого не притесняли (повинностями) ихраджат и шилтакат».[3] Скорее всего, «шилтакат» обозначало то же, что и «хариджийят», т. е. сборы и повинности для покрытия издержек (ихраджат) местных чиновников и войск, но не установленных и фиксированных (мукаррари), а чрезвычайных и произвольного размера.

20. 'Авариз (ар., мн. ч. от «'аризэ» — в одном из значений — «случай», «случайное»; от этого мн. ч. «'авариз», получившего в перс. и азерб. языках значение ед. числа, образована новая арабская форма мн. ч. — 'аваризат; «'авариз», в живой азербайджанской речи изменилось в «эврез»). Этим именем в Кызылбашском государстве обозначались всякого рода чрезвычайные обложения и повинности работой, налагаемые местными властями на ра'ийятов.[4] В полунезависимых ханствах северного Азербайджана и Армении во второй половине XVIII — начале XIX в. термин «'авариз» = «эврез» получил еще более специальное значение. Вся деревня должна была работать сообща, всем сходом, в пользу землевладельца, сверх обязательных дней барщинной работы (бигар, см. ниже) в пользу того же владельца. На рубеже XVIII и XIX вв. в Азербайджане и Армении было в году от 3 до 6 дней барщины в пользу землевладельца и, сверх того, 2 дня эвреза ('авариз). Кроме того, эврез отбывался сельской общиной сообща в случае какой-либо чрезвычайной работы в пользу землевладельца — постройки дома для него, мельницы и т. д. В тот же период землевладельцы в некоторых районах, особенно не имевшие своих собственных пахотных

[1] В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. IV, вып. 1, стр. 1078: — «шилтак» (осм., старо-узб.) — «клевета, брань, ложь, нападение, разбойничий поход».

[2] V. Minorsky, цит. статья, перс. текст ярлыка Касима Аккойюнлу, стр. 930; ферман шаха Тахмаспа 954 г. х. (1547 г. н. э.), БЭ, док. № 1: «ихраджат ва хариджийят» (дальше идет перечисление видов этих сборов, см. выше).

[3] Хабиб-ас-сийяр, цит. изд., т. III, ч. 4, стр. 21.

[4] См. ферман шаха Аббаса I об освобождении г. Ордубада от податей и повинностей [1016 г. х. (1607 г. н. э.)] у Н. Ханыкова, Mémoires sur quelques inscriptions musulmanes du Caucase, texte pers., pp. 94, 95; БЭ, док. №№ 3, 4; ферман шаха Хусейна 1113 г. х. (1701 г. н. э.) у Ханыкова, Lettre à M. Dorn, MA, t. III, livr. 1, texte pers., p. 74; Куб. док. № 29, V. Minorsky, op. cit., pp. 930, 946, 947.

участков, заменяли эту повинность денежной платой. Эврез ('авариз) удержался вплоть до 1870 г.[1] Деление податей и повинностей на 2 группы — постоянных, точно фиксированных в податных реестрах (дафтарах) и непостоянных, чрезвычайных и нефиксированных, — обычно для изучаемой нами эпохи.[2]

21. Русум — ар., мн. ч. от «расм» — букв. «обычай», «правило», отсюда «установленное обычаем жалованье служилым людям», терм. — сбор с ра'ийятов (в продуктах или деньгами) в пользу финансовых и иных чиновников государственного аппарата.[3] В некоторых случаях шах, в виде особой милости, передавал право местным феодальным владетелям взимать «русум». До нас дошел ферман шаха Аббаса II 1060 г. х. (1650 г. н. э.), которым взимание подати «русум» на один год было пожаловано Баги, армянскому мелику Варанды, одному из 5 армянских меликов Карабага, из фамилии Шах-Назарян.[4] Конечно, в случае пожалования владельцу селения или округа права му'афи, к нему переходило и право взимать русум. В некоторых случаях этим именем обозначались обязательные повинности крестьян работой в пользу чиновников или владельцев (в случае передачи последним прав на русум); эти повинности могли быть, как и барщина, заменены денежным взносом. Так, в расписке, выданной Мамед-кули-беком, чиновником Шейх-Али-хана кубинского, крестьянам принадлежавшего лично хану селения Кильвар, в месяце шаввале 1215 г. х. (4 февраля — 2 марта 1802 г. н. э.), упомянута сумма в 10 туманов и 5 кранов (= 5 тысяч динаров), взысканная взамен «[повинностей] русум рабочих и служебных».[5]

22. Итлак (ар. мн. ч. «итлакат»). Известно обычное значение этого слова — «освобождение», «развод»; однако в рассматриваемую нами эпоху оно имело также терминологическое значение оплаты канцелярских расходов, возлагаемых на ра'ийятов.[6] В источниках термин этот нередко встречается рядом с термином «хавалэ» (мн. ч. «хавалят»), обо-

[1] Об эврезе ('авариз) в этом значении см. Описание Шекинского ханства, passim; Колониальная политика, т. I, стр. 108, 110; т. II, стр. 54, 57, 62, 65, 85, 87, 97.

[2] См., например, у Мухаммед Казима, цит. рук., т. III, л. 139а: «доходы постоянные и непостоянные с областей Азербайджана и Ирака. . .»

[3] См., например, Сильсилят-ан-насаб, цит. рук., л. 172.

[4] АзЦАУ, ист. арх., ф. военно-окружн. нач-ка, д. 14, л. 341.

[5] Куб., док. № 14.

[6] Куб., док. № 3: «итлак-и дафтари». — Фумени, цит. изд. перс. текста, стр. 210: «И от необдуманных, неодобренных и безосновательных обложений и итлаков их (везиров)... многие укрывались. . .».

значавшим государственную ассигновку, подлежавшую оплате из местных средств. [1]

23. Хакк-ат-таулийэ (ар.) терм. — сбор в пользу обладателя должности мутаваллия в вакфных имениях. Об этом сборе упоминается, например, в фермане шаха Аббаса I 1009 г. х. (1600 г. н. э.), выданном на имя шейха Абдала Захиди, мутаваллия ардебильского святилища Сефевидов. [2]

24. Даругэги (монг.-перс., от монг. «даруга») или даргалык (соответствующая монг.-аз. форма), терм. — сбор в пользу даруги. Термин «даруга», известный со времен монголов, [3] как известно, имел ряд значений. При Сефевидах это был высший представитель полицейской власти в округе, в полунезависимых ханствах второй половины XVIII — начала XIX в. — управитель имений хана или крупных феодальных владетелей. В последнем случае, поскольку собственное господское хозяйство у феодалов отсутствовало или было очень невелико, функции даруги сводились, главным образом, к собиранию ренты с ра'ийятов. За эти-то «труды» в пользу его вносился особый сбор, чаще всего натурой; [4] в Ереванском ханстве этот сбор был известен под именем «чиль-йак» (перс. — «одна сороковая» доля валового урожая).

25. Савери. Этимология этого термина не выяснена. Он упомянут еще в монгольский период у Рашид-ад-дина, передающего, что при Газан-хане (1295—1304) ханским посланцам (ильчи) и правителям (хуккам) запрещено было во время разъездов требовать «савери и тагар». [5] В XV в. при Тимуридах упоминания о «савери» довольно часты у Абд-ар-реззака Самарканди, [6] иногда вместе с термином «пишкеш» —

---

[1] Сильсилят-ан-насаб, цит. рук., л. 171: «И саркара священной гробницы (Сефевидов в Ардебиле) из [плательщиков] государственных ассигновок (хавалят) и канцелярских расходов (итлакат) пусть признают изъятым и исключенным». — Ср. БЭ, док. №№ 3, 4.

[2] Сильсилят-ан-насаб, лл. 172—173, 174.

[3] См. Б. Я. Владимирцов, цит. соч., стр. 140, 162, 166.

[4] См. Описания ханств Шекинского, Ширванского, Карабагского, Тбилиси, 1866, см. также Куб., док. №№ 2, 27.

[5] Рашид-ад-дин, Джами'ат-таварих, рук. Д-66, Стамбульская рук., л. 681.

[6] По словам Киракоса Гандзакского, Brosset, Deux historiens arméniens, SPb., 1870, стр. 182, тагар (в значении подати, а не меры веса) в странах Закавказья при монгольском государе Аргун-хане (1284—1291) состоял в обязанности ра'ийятов поставлять для нужд казны и войска по 100 литр пшеницы, 50 л. вина, 2 л. риса, по 2 веревки, по 1 стреле, по 1 лошадиной подкове и по 20 «белячков» (серебро). О монгольском термине «тагар» в двояком значении — натурального налога и меры веса см. «Примечания» Катрмера к Histoire des Mongols de la Perse, pp. 138, 139, note 17.

«подарок», «подношение» (перс.). [1] Катрмер переводит выражение «савери» — «добровольные дары». [2] По словам Хондемира, кызылбашский полководец Хулафа-бек, после взятия кызылбашами Баку в 1501 г. н. э., завладев казнохранилищами «султанов Ширвана» (ширваншахов), «взял у обитателей того места достойные савери и пишкеш и все те деньги и продукты велел отослать к порогу основания седьмого неба», т. е. ко двору Исмаила I Сефевида. [3] Под «савери» при Сефевидах понимались «подношения», фактически обязательные, ра'ийятов и вообще податного населения феодальным владетелям, чиновникам, военным людям.

26. Пишкеш (перс., «подношение», «подарок»), формально — «добровольное подношение», фактически обязательные для ра'ийятов сборы под видом «подарка» феодальным владетелям, чиновным людям и самому шаху. Последнему пишкеш представлялся, конечно, не непосредственно ра'ийятами, а эмирами и сановниками, собиравшими предварительно с населения средства, необходимые для приобретения подарков шаху.

В 1031 г. х. (1621/2 г. н. э.) Юсуф-хан, беглербег Ширвана, «с эмирами и знатными людьми той страны», представился шаху Аббасу I в Мазандаране и поднес ему «достойные дары» (пишкешхай-и лаик), состоявшие из юных рабов (гулямов), подобных Юсуфу, прекраснолицых гурий (т. е. рабынь), достойных Зулейхи, [4] быстроходных коней, двугорбых верблюдов, нагруженных деньгами, товарами и тканями из разных стран, кожами и т. д. [5] Легко можно представить себе, как дорого обошелся этот пишкеш крестьянам и горожанам Ширвана.

27. Байрамлык (ар.-аз. — «праздничное») — обязательные подношения ра'ийятов своему землевладельцу и местному правителю ко дням религиозных мусульманских праздников ('ид) и ко дню гражданского (солнечного) нового года (ноуруз, 21 марта). Байрамлык соответствует подношениям «иди» и «ноурузи», упоминаемым в сойюргальной грамоте царевича Касима Ак-койюнлу. [6] Из перечня податей и повинностей по селениям в официальных «Описаниях» ханств Шекинского, Ширванского и Карабагского, составленных

---

[1] Матла-ас-садейн, цит. рук., л. 176а: «савери и пишкеш»; там же, л. 175а.

[2] Quatremére, Notices et extraits, t. XIV, p. 60.

[3] Хабиб-ас-сийяр, цит. изд., т. III, ч. 4, стр. 31.

[4] Юсуф и Зулейха — библейские Иосиф и Пентефрия, герои одноименных поэм таджикского поэта Джами (XV в.) и азербайджанского поэта Физули (XVI в.).

[5] Тарих-и алем ара, лит., стр. 696, 697; цит. рук., ч. II, л. 896, 897.

[6] V. Minorsky, op. cit., pp. 930, 951.

в 1819—1823 гг., видно, что байрамлык был обязательной для ра'ийятов повинностью строго определенного размера. Например, байрамлык крестьян селения Кюкель, Падармского махала Шекинского ханства, в начале XIX в. состоял из I шекинского батмана (около 10 кг) масла и 5 руб. серебром на русские деньги.[1]

Интересны приведенные в изданной Институтом им. акад. Н. Я. Марра Грузинского филиала АН СССР (ныне Грузинской Академии наук) публикации указов кубинских ханов две расписки, выданные ханским даругою (ханским управителем) Мамед (Мухаммед)-кули-беком старосте (кевха) селения Кильвар, принадлежавшего лично хану, в приеме от крестьян байрамлыка: в 1216 г. х. («в год собаки», 1801/2 г. н. э.) к празднику «ид ал-фитр» (разговение поста в месяце рамазане) 75 туманов тебризских[2] и в 1217 г. х. («в год свиньи», 1802/3 г. н. э.) к бытовому празднику гражданского солнечного нового года (ноуруз) — 140 туманов тебризских.[3] Последняя сумма была распределена так: 100 туманов было передано Мамед-Кули-беком в виде пишкеша «рабам его высочества» (бендэган-и 'али),[4] т. е., по сути дела, самому Шейх-Али-хану кубинскому (1791—1806 гг. н. э.), 20 туманов было поднесено в пишкеш старшей жене хана («навваб-и 'алийэ» — «высокой особе») и 20 туманов отдано в пишкеш ханским мулязимам, т. е. приближенным хана.[5] В 1736 г. один из шахских финансовых чиновников, мирза Рази, собрал с жителей Нахчеванского округа более 1000 туманов (10 миллионов дин.) в виде пишкеша.[6] Из этих примеров видно, что отдельные подати, следовательно, отдельные статьи ренты-налога, взимались с крестьян и деньгами, хотя ведущей была все же рента продуктами.

28. Ш е ш д и н а р (перс. — «шесть динаров»). По рассказу католикоса Исайи Хасан-Джалаляна, сбор этот был введен шахом Хусейном около 1701 г.[7] Неясно, был ли он подушным или, вероятнее всего, посемейным налогом. По словам того же автора, этот дополнительный налоговый сбор был вскоре утроен. В период полунезависимых ханств его

---

[1] Описание Шекинского ханства, раздел «Падармский махал», по ведомости № 9.

[2] А вместе с податью «русум» (см. выше) всего принято было 855 000 динаров тебризских — Куб., док. № 14.

[3] Куб., док. № 15.

[4] Техническое выражение, о нем см. в гл. II.

[5] Куб., док. № 15.

[6] Авраам К р е т а ц и, Coll., т. II, стр. 321. По словам Авраама Кретаци, при поверке счетов оказалось, что с 32 селений (а всего в Нахчеванском округе в то время было 82 селения) этот мирза собрал 700 туманов пишкеша (там же, стр. 22).

[7] Е с а й католикос, Coll., т. II, стр. 204.

перестали взимать; по крайней мере, никаких упоминаний о нем в этот период нет.

29. С е р а н э (перс.) — поголовная (т. е. подушная) подать со взрослого мужского населения податных сословий;[1] в полунезависимых ханствах этому персидскому термину соответствовал азербайджанский термин «башпули» — «поголовная деньга».[2]

30. Ю р т а н э (перс.-тюрк., от т. «юрт» — «становище», «место кочевки» — «жилище», «дом»).[3] Термин этот встречается в перечне податей, взимаемых в Ширванской области, в сефевидских документах, выданных на имя биби-эйбатских шейхов.[4] Значение этого термина не разъясняется документами, но, судя по смысловому значению слова «юрт», это должна быть подомовная, т. е. подымная (с каждого «дыма», т. е. жилища или семейства) или посемейная подать. Частые упоминания о такой подати, взимаемой пшеницей и ячменем в пользу хана и обозначаемой азербайджанским выражением «отах-харджи», синонимичным «юртанэ», мы встречаем в полунезависимых ханствах второй половины XVIII — начала XIX в.[5]

31. Д ж и з ь я (ар.) терм. — подать с немусульман (как сельчан, так и горожан), существовавшая с I в. х. — VII в. н. э. В странах Закавказья она первоначально взималась как посемейная (подымная) подать,[6] но уже со времени второго халифа из династии Аббасидов Мансура (754—775 г. н. э.) превратилась в подушную.[7] При Сефевидах в странах Закавказья джизью продолжали взимать с христиан и евреев,[8] освобождая от нее, в виде особой милости, некоторые монастыри.[9] По словам католикоса Авраама Кретаци, Надир-шах, покровительствовавший армянскому купечеству и духовен-

---

[1] Сильсилят-ан-насаб, цит. рук., л. 162; З а к а р и я - с а р к а - в а г, Coll., т. II, стр. 87.

[2] Колониальная политика, т. I, стр. 205, 438; Описание Шекинского ханства, passim.

[3] У В. В. Р а д л о в а, Опыт словаря тюркских наречий, т. III, стр. 458: «двор со строениями», «весь дом». О тождестве значений терминов «юрт» и «отаг» ‖ «отах» в ряде тюркских языков см. примечания Катрмера к Histoire des Mongols de la Perse, préface, pp. 54—57, п. 72, под словом «yurt».

[4] БЭ, док. № 7, 8.

[5] См. Описание Карабагского ханства, passim; Колониальная политика, т. I, стр. 202, 437, 439.

[6] Б а л а з у р и, Футух ал-булдан, изд. de Goeje, стр. 201; то же в извлечениях П. К. Жузе, араб. текст, стр. 8, русск. пер. стр. 12.

[7] См. об этом у акад. А. Я. М а н а н д я н а, Народные восстания в Армении против арабского владычества, Ереван 1939, стр. 7—9.

[8] См. в фермане шаха Сулеймана, изданном в месяце джумаде I 1079 г. х. (7 октября — 5 ноября 1668 г. н. э.), Эчм., док. № 3/49: — «Так как та община — люди, платящие джизью, и ра'ийяты...»

[9] Эчм., док. №№ 3/29, 3/38.

ству, в 1736 г. освободил христиан от уплаты джизьи, по просьбе католикоса, обещав ему, что отныне мусульмане и христиане будут облагаемы налогами на равных основаниях.[1] Эта льгота, как и другие обещанные шахом тому же католикосу льготы, были подтверждены Надир-шахом в 7 указах (ракам), изданных им в лагере в Муганской степи в марте 1736 г. н. э.[2] Это известие находит подтверждение в том, что в упомянутых «Описаниях» Шекинского, Ширванского и Карабагского ханств, среди населения которых было много армян-христиан (особенно в Карабаге), в перечне податей и повинностей по селениям мы не находим никаких упоминаний о джизье и никаких указаний на то, чтобы подати ра'ийятов-христиан были выше податей ра'ийятов-мусульман. Повидимому, после Надир-шаха взимание джизьи, по крайней мере в некоторых ханствах, прекратилось.

32. Термины «мутаваджжихат-и дивани», «вудж у х а т», «джихат», «такалиф-и дивани» употреблялись в документах как общее обозначение всех податей и повинностей в пользу казны, кроме мал у джихата (хараджа) и вообще податей, основанных непосредственно на шари'ате ('ушр, джизья и т. д.).

33. Бигар (перс.). Этимология и смысловое значение этого слова не выяснены. Самый термин очень архаичен. Он восходит к последнему веку существования Сасанидской державы (VI — начало VII в. н. э.), судя по наличию соответствий этого термина в сасанидской Армении (=«Перс-Армении») этого периода.[3] Терм. значение слова «бигар» достаточно ясно. Это всякие повинности работой, налагаемые правителями и владетелями областей и округов на крестьян, для нужд государства: постройка крепостей и дворцов, доставка строительных материалов, прокладка дорог, проведение оросительных каналов, полевые работы на пашнях правителей и владетелей и т. д. В ферхенге Бурхан-и Кати' значение слова «бигар» объяснено так: «предписывать работу без наемной платы, то есть приказывают [делать] работу, а жалованья не дают».[4] В период монгольского владычества известия о по-

---

[1] Авраам Кретаци, Coll., т. II, стр. 278.
[2] Там же, стр. 306.
[3] Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, стр. 484, — термины (арм.) «кор'» и «бекар» — Попытка проф. Адонца вывести термин «бигар» из «бекар амадан» — «приходить на работу» не убедительна, так как основана на применении лексики новоперсидского языка к термину пехлевийского происхождения.
[4] Бурхан-и Кати', стр. 171. В азербайджанском яз. слово «бигар», сохраняя свое значение, видоизменилось в «бийяр» — «бейяр»; см. В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. II, стр. 1467 — «байар» (азерб., туркменск. казахск.) — «барщина». В Грузии это же слово в форме «бегара» получило значение ренты продуктами. См.

винности «бигар» многочисленны и хорошо разъясняют характер ее. Приведем некоторые из этих данных, поскольку бигар в полной мере сохранился и при Сефевидах.

По словам Джувейни, если в момент объявления бигара муж находился в отлучке, возложенную на него личную повинность (бигар-и нафси) должна была отбывать его жена.[1] Рашид-ад-дин говорит, что хотя монгольские государи строили дворцы в Алатаге (Армения), на озере Урмийя (южный Азербайджан) и дворец Мансурийэ в Арране (Карабаг), пытались и строить города, проводить каналы и восстанавливать земледелие, «но из-за этого многие области разорялись еще больше, тратились несметные средства и силою сгоняли много крестьян из других областей для бигара, но ни одно из мест не стало процветающим, и постройки не были доведены до конца, как мы и сами это видим».[2] Здесь дано ясное указание на непроизводительность бесплатного принудительного труда. Постройки ханов, предпринимаемые не столько ради развития производительных сил, сколько ради прославления памяти ханов-строителей, строились технически небрежно и не имели хозяйственного значения. Киракос Гандзакский рассказывает о постройке летней резиденции Хулагу-хана в Алатаге: «Он возложил на подданных повинность доставлять лес отовсюду для возведения домов и дворца в городе, предназначенного служить ему летним местопребыванием. Суровые и жестокие надсмотрщики. . . мучили людей и животных. Ибо сотни упряжек быков употребляли, чтобы везти отовсюду лес, который они тащили с трудом, по причине объема и тяжести бревен, а также отдаленности и трудности дорог через горы и реки. И люди, и животные изнемогали, ибо их притесняли беспощадно».[3]

При Сефевидах бигар (или его синоним «сухрэ», в азерб. и арм. произношении «сухра») как повинность крестьян упоминается нередко.[4] В каких широких размерах применялась она представителями шахского правительства на местах, можно судить по рассказам армянского хрониста XVII в. Закарии-саркавага. Этот автор вообще дает идеализованный образ бег-

---

Н. Бердзенишвили, Очерк из истории развития феодальных отношений в Грузии (XIII—XVII вв.), Тбилиси, 1938, стр. 17 и сл.
[1] Джувейни, цит. изд., т. I, стр. 22.
[2] Рашид-ад-дин, Джами'ат-таварих, рук. № Д-66, л. 420-а; Стамбульская рук., лл. 673, 678. — О работах при проведении каналов на Мугани еще до монгольского завоевания, по приказу везира Шереф-ал-мулька в 1225 г. см. Несеви, изд. О. Houdas, арабск. текст, стр. 174, франц. перев., стр. 290.
[3] Киракос Гандзакский, Brosset, Deux Historiens arméniens, p. 193.
[4] См., например, БЭ, док. № 1, Ерев., док. № 5.

лербега Амиргунэ-хана Каджара, беглербега ереванского в 1605—1624 гг. н. э., покровителя армянского высшего духовенства, рисуя его как «мужа храброго и выносливого, мужественного в войне, неустрашимого, строителя и друга христиан».[1] Но тот же автор вынужден признать, что Амиргунэ-хан увеличил повинности крестьян работой, которые Закария называет «сухра» (т. е. «бигар») или соответствующим армянским выражением «кор'».[2] В связи с предпринятыми этим беглербегом большими строительными работами в Ереванской области, сухра была увеличена в таких размерах, что по этому поводу рассказывали анекдот: если мужа уводили на «работу» (кор') во время беременности жены, то его освобождали и позволяли вернуться домой не прежде, чем его сын подрастал и заменял отца на этой «работе».

Стремясь обелить своего любимца Амиргунэ-хана, Закария-саркаваг пишет, что хотя «работа» была и тяжелая, но Амиргунэ-хан был настолько милостив, что выдавал хлеб людям, взятым на «работу»: «Напекши много хлеба и нагрузив лошадей, он сам отправлялся в поле и раздавал хлеб работавшим в поле».[3] Из этого видно, что под «сухра» (бигар) понимались также и полевые работы крестьян на пахотных государственных землях (дивани) и, вероятно, также и принадлежавших лично Амиргунэ-хану. Судя по тому, что выдача хлеба крестьянам, согнанным для бигара, рассматривалась Закарией-саркавагом, как какое-то благодеяние, можно думать, что такая выдача не была общим правилом и не применялась другими правителями.

Насколько широко применялся бигар в XVII в. в Армении, видно из того, что, по словам Закарии-саркавага, «переписчики душ», т. е. шахские чиновники, производившие перепись податного населения с целью его обложения, обращали большое внимание на здоровье и телосложение крестьян и даже их малолетних сыновей и приходили в ярость при виде слабых и больных, подозревая в них уклоняющихся от бигара. Закария-саркаваг приводит очень яркий эпизод из своих детских воспоминаний — перепись в своей родной деревне Канакер, произведенную при Тахмасп-кули-хане, беглербеге ереванском, сыне и преемнике Амиргунэ-хана. Дадим слово самому Закарии: «И прибыл он (чиновник по имени Аслан-ага. — *И. П.*) сперва в Канакер в зимний день и вызвал к себе крестьян, дабы они дали показания о числе своих голов. Пришел прежде всех мелик[4] Давид и привел 8 своих сыновей и сына дочери и показал

[1] Закария-саркаваг, Coll., т. II, стр. 32.
[2] Арм. «кор'» — букв. «работа».
[3] Закария-саркаваг, Coll., т. II, стр. 32, 33.
[4] В данном значении — волостной старшина.

Приходили все со своими сыновьями и вносились в книгу. А отец мой Мкртич меня, Закарию, посадил на плечи, а брата моего Хачатура толкнул вперед и вышел. Когда он (Аслан-ага) увидел нас малыми, хромыми и слабыми ногами, разгневался и сказал: «Здоровых сыновей твоих ты укрыл, а калек привел». И приказал повалить его (отца) на землю лицом книзу. И, принесши воду, вылили на него. Его облили с ног до головы и сели ему на голову и на ноги двое мужчин. И приказал (Аслан-ага) четырем воинам избивать его с обеих сторон. И били его до тех пор, пока кожа не сошла с тела, и пока он не потерял чувство. Считая его умершим, зарыли его в навоз. И у некиих мужей, по имени Барсега и Газара, содрали 20 ногтей их. Другого же мужа из Еревана, по имени Маруке, повесили за одну руку и избивали до тех пор, пока не вышли из сочленений все члены его. Так страх перед ним (Аслан-агою) и великий ужас охватил всех. Поэтому не осталось ни одного грудного младенца, которого не показали бы. И если приходили старики, он (Аслан-ага) приказывал расхаживать перед ним взад и вперед и наблюдал: если у кого голова была опущена, и обе руки он держал, прижав к себе, того не записывал, если же кто держал голову прямо и руки вперед, — записывал (в книгу людей, подлежавших отбыванию бигара. — *И. П.*). И никто не узнал об этом (т. е. о приемах Аслан-аги, по которым он определял работоспособность крестьян. — *И. П.*). Если же приходил юноша, он (Аслан-ага) брал веревку, обхватывал ею шею мальчика, оба конца веревки клал ему в рот и говорил, чтобы тот держал их зубами; сделав кольцо, снимал его через голову. Если кольцо проходило через голову, отсылал его, если же не проходило, тогда записывал».[1]

Этот рассказ показывает, что для бигара брали даже стариков, если они казались еще достаточно бодрыми и работоспособными, и подростков, если они казались возмужалыми и достаточно физически развитыми. Однако, в источниках XVI—XVIII вв. нет указаний на то, чтобы для бигара брали и женщин, как это практиковалось в период монгольского владычества. Конечно, широкие размеры применения бигара в пользу государства были возможны при условии развитого государственного землевладения.

Теми же терминами «бигар» (бийяр || бегар || кор') и «сухра» обозначались и барщинные работы крестьян в личном хозяйстве своего землевладельца, если такое хозяйство существовало. В период полунезависимых ханств такие барщинные работы существовали, повидимому, во всех ханствах. Засевалось определенное количество плужных участков пшеницы, ячменя или риса, принадлежавших лично беку. Бигар в пользу земле-

[1] Закария-саркаваг, Coll., т. II, стр. 45.

владельцев отбывался всеми семействами (дымами) сельской общины по очереди и составлял в разных местностях Азербайджана и Армении от 2 до 6 дней в году, не считая дней эвреза (авариз, см. выше). Кроме того, крестьяне должны были доставлять беку дрова, солому, дичь и т. д. Небольшие размеры и скромное место, какое занимал бигар в пользу землевладельца, или барщина в прямом смысле этого слова, по сравнению с другими повинностями крестьян, объяснялись незначительными размерами собственных хозяйств большинства беков и других землевладельцев. Все те работы в собственных хозяйствах беков, какие не могли быть выполнены в установленные барщинные дни, выполнялись трудом особой категории крепостных крестьян — ранджбаров (см. ниже). Так как многие ханы, султаны и беки вели кочевой или полукочевой образ жизни, то их ра'ийяты обязаны были предоставлять им перевозочные средства (арбы и т. д.) при перекочевках на яйлаги — высокогорные летние пастбища, отстоявшие нередко на 100 км и дальше от деревень данного бека, и на кышлаги — зимние пастбища на равнинах.

О барщинных работах крестьян накануне присоединения стран Закавказья к России дают представления русские архивные документы, в которых фиксированы исстари существовавшие в каждой местности повинности. В начале XIX в. брат последнего талышского хана Мир-Хасана (1814—1826) Мир-Хусейн-бек в двух своих селениях имел собственные пахотные земли, на которых засевались 139 семействами крестьян «разные произведения земли».[1] Кроме того, крестьяне обязаны были доставлять беку на своих вьючных животных дыни, арбузы, рыбу, фазанов, джейранов и давать конных и пеших проводников (при перекочевках) из Сальян.[2] Крестьяне ханского сел. Доммы в Карабаге обязаны были пахать для хана 9 джуфтами 2 дня и высеять на каждый день работы по $2^1/_2$ четверика ханских семян.[3]

В сел. Кюкель в Шекинском ханстве, принадлежавшем в начале XIX в. Аслан-беку, крестьяне обязаны были высеять 3 даругских тагара (30 пудов) риса (семена давал бек) и снять урожай; на работу наряжалось 8 джуфтов.[4] Крестьяне сел. Гюли-даг в Шекинском ханстве, принадлежавшем в конце XVIII в. Хейр-ан-ниса-ханум, жене Мамед-Хасан-хана шекинского (1784—1796), должны были засевать на земле владелицы 5 джуфтами 5 кайс (около $12^1/_2$ пудов) пшеницы и собрать урожай.[5] В деревнях б. Кубинского ханства, принадлежавших в первой четверти XIX в. полковнику русской службы Ага-беку Садыкову, крестьяне выполняли следующие повинности работой: с каждого двора доставляли беку по 2 арбы дров, с каждых 2 дворов — по 1 арбе самана (соломы) или сена, с каждых 10 дворов — по 1 работнику на барщину (полевые работы). Крестьяне обязаны были на своих вьючных животных доставлять собственный хлеб бека в город Кубу. Каждая из 8 деревень этого бека обязана была давать беку по 1 человеку домашней прислуги, по 1 конюху и по 1 ранджбару (см. ниже).[1] В сел. Малух в Шекинском ханстве крестьяне обязаны были засеять для даруги 5 кайс пшеницы и собрать урожай, а для владельца крестьяне должны были засеять одну полосу рису и снять урожай.[2]

[1] АзЦАУ, ист. арх., ф. Касп. палаты гос. имуществ, д. 46а, лл. 12—13.
[2] То же дело, л. 47-об.
[3] Описание Карабагской провинции, вед. № 1, сел. Домма.
[4] Описание Шекинской провинции, вед. № 9, сел. Кюкель.
[5] АзЦАУ, ист. арх., ф. Бак. бек. к-ии, д. 3, лл. 575—579.

34. Шигар (перс.). В документах этот термин обычно встречается рядом с термином «бигар».[3] В. Ф. Минорский предполагает чтение «шикар» — «охота» (перс.) и полагает, что в данном случае речь идет об участии крестьян в облавных охотах феодалов в качестве загонщиков зверя.[4] В данном случае с чтением «шикар» нельзя согласиться, так как в некоторых документах это слово по персидски пишется с долгим «и», т. е. явно предполагает чтение «шигар», — в том же сочетании с «бигар».[5] А значение слова «шигар» достаточно разъясняется ферхенгами, как синоним термина «бигар». В ферхенге Бурхан-и Кати' слово «шигар» объясняется так: «Шигар... по огласовке и значению подобно слову бигар, каковое есть — предписывать работу без поденной платы».[6]

Можно предположить поэтому, что обычное выражение документов «бигар и шигар» — обычный прием персидской литературной речи передавать одно понятие при помощи двух аллитерирующих слов-синонимов. Тем не менее, если терминологическое значение слова «шигар» и не вызывает сомнений, то этимология и первоначальное смысловое значение его остаются неясными. В ферхенгах и в западноевропейских словарях персидского языка мы находим попытку вывести слово «шигар» из «шах кар» (букв. «шахская работа»), которое будто бы пре-

[1] АзЦАУ, ист. арх., ф. Касп. палаты гос. имуществ, д. 2, л. 132.
[2] Описание Шекинской провинции, вед. № 16, сел. Малух.
[3] Сойюргальная грамота Касима Ак-койюнлу, V. Minorsky, op. cit., p. 930, перс. текст; БЭ, док. № 1.
[4] V. Minorsky, op. cit., p. 950.
[5] Например, в та'лике кубинского коменданта полк. Гимбута 1249 г. х. (1834 г. н. э.), ЦАУ Грузии, ист. арх., ф. Канц. наместничества кавк., д. 472, л. 3: — «После того в отношении бигара и шигара... и прочих повинностей диванских пусть обоих вышеупомянутых не стесняют» (перс.).
[6] Бурхан-и Кати', цит. изд., стр. 596. О тождестве терминов «шигар» и «бигар» см. также: Johnson, Dictionary persian, arabic and english, p. 775; Steingass, Persian-english dictionary, pp. 757, 776.

19 Зак. 4397. Петрушевский.

вратилось в «шакар», а затем в «шигар».[1] Слово же «шах кар», например, в ферхенге «Ноу бахар» объясняется так: «шах кар — предписывать работу без поденной платы, и это — работа, которая велась по приказу падишаха, а поденной платы не дают».[2] Но остается все же непонятным, как слово «шах кар» могло превратиться в «шигар»,[3] да еще с долгим «и». Вероятно, форма «шах кар» является созданием народной этимологии, поздней попыткой осмысления древнего термина «шигар», первоначальное смысловое значение которого давно утрачено.

Ошибка В. Ф. Минорского заключается лишь в чтении «шикар» в документе, где следует чтение «шигар» (в сочетании с «бигар»), но отнюдь не в трактовке охоты (шикар, с кратким «и») как феодальной повинности ра'ийятов. Такая трактовка подтверждается источником, и хотя охота (шикар), как особая повинность, в официальных документах эпохи и не упоминается, тем не менее такая повинность существовала (см. ниже).

35. Черик (монг.). Слово «черик» еще в эпоху монгольского владычества означало «войско», т. е. «феодальное ополчение».[4] Бурхан-и Қати' определяет черик как «войско, которое посылают на подмогу (действующей армии) из других областей».[5] Черик как повинность военной службы упомянута при общем перечислении податей и повинностей в вакфной грамоте султана Я'куба Ак-койюнлу 893 г. х. (1488 г. н. э.).[6] При Сефевидах повинность военной службы распространялась на кочевые племена и на му'афов, но не на массу феодально-зависимого оседлого населения — ра'ийятов. Последним феодальное государство, естественно, не могло довериться и дать в руки оружие. Ра'ийяты поэтому несли на себе тяжесть не непосредственной службы в войске, но снабжения его в виде различных поставок и повинностей, известных под общими названиями «ихраджат» и «хариджийят» (см. выше). Состоявший в основном из кочевников и му'афов черик собирался по

---

[1] О тождестве терминов «бигар», «шигар», «шакар» и «шахкар» см. Vullers, Lexicon Persico-Latinum etymologicum, t. IIa, p. 503, под словом «шигар»; Ферхенг-и Ноу бахар, т. II, стр. 520, под словом «шакар».

[2] Ферхенг-и Ноу бахар, т. II, стр. 523. То же объяснение см. Бурхан-и Қати', стр. 555 (под словом «shahkar»=«bigar»).

[3] Как известно, краткая форма «шэ» = «шах» допускается лишь в стихотворных размерах, а не в прозаической речи. Предположить поэтому, что «шах кар» превратилось в «шакар», как у Штейнгасса, стр. 757 («шакар»=«шигар»), трудно.

[4] См. Примечания Қатрмера к Histoire des Mongols de la Perse. II Partie, p. 380, note 177.

[5] Бурхан-и Қати', стр. 297.

[6] Фарс-намэй-и Насири, цит. изд., стр. 82.

мере надобности, по приказу шаха или местного беглербега. Племенные начальники поставляли в черик определенное число воинов из своих племен, которые и на войне продолжали группироваться по племенным объединениям.

Такой порядок сохранился и после создания при шахе Аббасе I регулярной армии. И при наличии регулярной армии роль феодального ополчения — черика — все же была значительна. Сейчас же после отвоевания Ширвана шахом Аббасом I у Турции в 1606/7 г. был созван черик этой области и направлен, под командованием беглербега ширванского Қюстандиль-хана (Константина, сына кахетинского царя Александра), для завоевания Грузии.[1] Черик нередко созывался для подавления мятежей местных феодальных владетелей и отдельных кочевых племен, а также крестьянских восстаний.

Так, в 1025 г. х. (1616 г. н. э.) в округе Салмаса вспыхнуло восстание курдов, послужившее причиной «рассеяния и смятения народа божьего». Для подавления «мятежа» беглербегом южного Азербайджана Пир-Будак-ханом Пюрнак из племени туркеман был созван «черик той области», состоявший «из эмиров и воинов тех пределов».[2] Когда в 1156 г. х. (1743/4 г. н. э. в округах Хой и Салмас, в ответ на резкое повышение размеров податей Надир-шахом, произошло мощное восстание курдского племени думбули, к которому примкнули азербайджанские ра'ийяты,[3] для подавления «мятежа» был созван черик областей южного Азербайджана, Ширвана, Ганджи и Еревана; главы кочевых племен и местные владетельные феодалы со своими кошунами (ополчениями) прибыли в распоряжение беглербегов своих областей.[4]

Около того же времени, готовясь воевать с Турцией (1155 г. х. — 1742/3 г. н. э.), Надир-шах определил черик закавказских владений Ирана в 60 тысяч человек;[5] эти силы составлялись из ополчений «Тебриза, Мараги,[6] Урмийи, Сулдуза, Соуджубулака, Думбули (т. е. округов Хойя и Салмаса, принадлежавших наследственным главам этого племени), Баргушета, Ахара Қарадагского, Ганджи, Қарабага, Берды, Самада (?), Еревана, племен армянских, жителей Туга и прочих,[7] Тифлиса (Тбилиси), всего Гурджистана (Грузии), Шир-

---

[1] Тарих-и алем ара, лит., стр. 467; цит. рук., ч. II, л. 360б.

[2] Там же, лит., стр. 635; цит. рук., ч. II, л. 760б.

[3] Об этом восстании подробно рассказывает Мухаммед Қазим, цит. рук., т. III, лл. 100а—104б.

[4] Там же, т. III, лл. 100б—101а.

[5] Там же, т. III, л. 6а.

[6] Дальше перечисляются наследственные феодальные владения (ханства).

[7] Там же (ополчения армянских меликов Нагорного Қарабага).

вана, Шемахи и Мугана и той окрестности и из кочевых племен афшар, мукаддам, байят, каджар, лезги (лезгины), туркеман, думбули, карабаги и прочих, описать которые перо бессильно».[1] Черик всей державы Надир-шаха тогда же был определен в 360 тысяч,[2] а на деле удалось собрать будто бы даже 375 тысяч. Доверять точности цифр этой статистики, конечно, не приходится, но то обстоятельство, что страны Закавказья должны были поставлять $^1/_6$ часть военных сил огромной державы Надир-шаха, показывает, каким бременем должна была быть военная служба для стран Закавказья, разоренных тридцатью годами войн, междоусобий и восстаний.

Приведенным нами перечнем податей и повинностей ра'ийятов и илятов не исчерпывались все их повинности. Были и такие повинности, о которых официальные документы не упоминают, но о существовании которых мы знаем из нарративных источников.

Из таких повинностей прежде всего следует упомянуть «охоту» (перс. «шикар»). Периодически назначаемые облавные охоты шахов и крупных феодалов прочно вошли в быт класса феодалов как своего рода маневры и военно-спортивные игры.

Подробные и напыщенные описания шахских охот и охотничьих подвигов шахов занимают видное место в трудах персидских историографов этой эпохи.[3] Эти охоты назначались шахскими указами, эмиры со своими кошунами и регулярные войска собирались для участия в шахских охотах в порядке несения службы в немалом количестве. Привлечение к участию в этих охотах крестьян, в виде повинности для них, было связано с обычным порядком таких охот. Охотники (эмиры с их нукерами и мулязимами), собиравшиеся на охоту по приказу шаха иногда в количестве 10 и более тысяч, окружали большой район, намеченный для охоты, особой цепью заграждения, дабы не дать зверям возможности вырваться из кольца окружения. Эта линия окружения, которая постепенно суживалась по мере продвижения охотников, называлась «джеркэ»,

[1] Там же.

[2] Военные силы остальных областей определялись так: Хорасан и восточные области Ирана поставили 65 тысяч человек, Ирак персидский с Иездом и Керманом — 45 тысяч, Фарс и Хузистан — 50 тысяч, Хамадан и Керманшах — 25 тысяч, Среднеазиатские области — 60 тысяч, Афганистан и области Индостана — 70 тысяч (там же). — О цифрах черика в начале XVIII в. см. выше в гл. III.

[3] См., например, Любб-ат-таварих, цит. рук., л. 160б; Ахсан-ат-таварих, цит. изд. перс. текст, стр. 182; Тарих-и алем ара, лит., стр. 312, 601, 665, 666, 697; цит. рук., ч. II, лл. 111—112, 687, 824—825, 897 и др.; Тарих-и Тахир-и Вахид, цит. рук., лл. 164а—166а, 166б—168а, 249а—250б, 253б—256а, 261а, 261б, 267б и др.

«нергэ»[1] или «камарга»;[2] термины эти были известны еще во времена монгольского владычества. И при Сефевидах в XVI — XVII вв. сохранились термины «джеркэ» и «камарга».

Во время шахской охоты в Мианкале, в лесах Мазандарана в 1028 г. х. (1618/9 г. н. э.) кольцо окружения зверей равнялось 3 фарсангам (18—20 км) в длину и $^2/_3$ фарсанга (4—$4^1/_2$ км) в ширину.[3] Перед началом большой охоты, во время которой истреблялись сотни и тысячи крупных зверей, в течение нескольких дней происходила загонка зверя в кольцо окружения. В качестве загонщиков зверя[4] привлекались нередко, помимо конных воинов, также «пехотинцы» (пийядэган) из ра'ийятов. Во время большой шахской охоты в лесах и чащах Гиляна весной 1002 г. х. (1594 г. н. э.), для загонки зверя в «джеркэ» было согнано около 10 тысяч крестьян из «людей Гиляна».[5] Относительно охот шахов и других феодалов в Азербайджане и Армении нарративные источники хотя и упоминают об этих охотах, но не приводят подробностей. Несомненно, и здесь применялись те же приемы загонки зверя при помощи крестьян.

Наряду с десятками упомянутых уже податей и повинностей нужно отметить одну своеобразную повинность, от которой больше всего страдало крестьянство, так как знать, духовенство и города, получившие от шаха привилегию налогового иммунитета (му'афи), освобождались от этой повинности так же, как и города и земли хассэ. Время от времени особые шахские указы обязывали население из податного сословия поставлять определенное число здоровых и красивых юношей и девушек. Юношей набирали главным образом из христиан — армян и грузин — и, принудительно обратив их в ислам, зачисляли либо в регулярный конный корпус гулямов,[6] реорганизованный шахом Аббасом I, либо в ряды дворцовых пажей. Девушки набирались и из грузинок и армянок-христианок, и из азербайджанок-мусульманок и поступали в шахский харем или

[1] О терминах «джеркэ» || «джиргэ» и «нергэ» см. Примечания Катрмера к Histoire des Mongols de la Perse, II partie, p. 165, note 33; p. 206, note 56; Примечания его же к франц. переводу Матла'-ас-садейн Абд-ар-реззака Самарканди, Notices et extraits, т. XIV, p. 493.

[2] О термине «камарга» см. Матла'-ас-садейн, цит. рук., л. 208а; франц. перев. Катрмера, Notices et extraits, t. XIV, p. 252; см. также примечание Катрмера к этому слову на той же странице.

[3] Тарих-и алем ара, лит., стр. 665, 666; цит. рук., ч. II, лл. 824, 825.

[4] Там же: «сейд афгенан».

[5] Там же, лит., стр. 337; цит. рук., ч. II, л. 158.

[6] Эти гулямы в начале своей службы юридически считались шахскими рабами, почему и командир корпуса гулямов именовался «куллар-агасы» (аз., букв. «начальник рабов»). Потом гулямы переходили на положение вольноотпущенников. В сборнике официальных документов (инша) Мирзы Мехди-хана Астерабади, литогр. изд. 1294 г. х., стр. 82, приведена специальная формула освобождения «высокого гуляма».

раздавались шахом в жены тем же гулямам и другим военным людям вместе с почетными халатами, конями и другими подарками. По сообщению Стрейса, в 1671 г. жителям (конечно, из податного сословия) Ширванской области был объявлен шахский указ: всем, имеющим дочерей в возрасте от 2 до 17 лет, представить их в недельный срок в г. Шемаху для осмотра и отбора самых красивых из них в харем молодого шаха Сулеймана (1667—1694). Отобранных в числе 500 отправили в Исфахан, где взрослые девушки попали прямо в харем, а малолетние должны были воспитываться при дворе. Население было в большом горе, и многие отцы спешили выдать своих дочерей замуж за знакомых молодых людей, чтобы избавиться от осмотра и набора.[1]

При шахе Хусейне (1694—1722) чиновники, чтобы угодить женолюбивому шаху, разыскивали наиболее красивых девушек и отправляли их в шахский харем.[2] В 90-х гг. XVII в., по словам Закарии-саркавага, был объявлен принудительный набор 7 тысяч девушек, предназначенных для раздачи в жены 7 тысячам узбекских воинов, перешедших из Средней Азии на службу к шаху Хусейну. Шахские чиновники отпускали домой за взятки дочерей зажиточных родителей, а дочерей бедняков отправляли по назначению. Фарз-Али-хан, беглербег ереванский, набрал в своей области 500 девушек, но большую часть их освободил, взяв деньги с их родителей, и только 40 девушек, родители которых были не в состоянии заплатить взятку, отправил по назначению.[3] Закария-саркаваг рассказывает о красивой дочери некоего Аствацатура Булбула из селения Канакер, мать которой едва не увели подобным же образом при шахе Аббасе II (1642—1667), и которую при шахе Хусейне вместе с другими девушками угнали в Исфахан, где шах отдал ее в жены одному из своих гулямов.[4]

Крестьяне, торговавшие хлебом, рисом, плодами и т. д. на базарах городов и крупных селений, уплачивали налоговый сбор с торговли (бадж) и дорожные пошлины (рахдари) таможенным досмотрщикам (рахдар). Сборы эти слишком хорошо известны, чтобы на них стоило останавливаться. Отметим, что, по словам путешественника Тавернье, дорожная пошлина в южно-азербайджанском городе Маранде уплачивалась в размере 13—16 аббаси с каждого верблюжьего вьюка и 8 аббаси с каждого ослиного вьюка (харвар).[5] Конечно, невозможно представить себе, чтобы все перечисленные нами подати и повинности взимались с ра'ийятов в полном объеме во всех без

[1] Стрейс, цит. изд., стр. 263, 264.
[2] Закария-саркаваг, Coll., т. II, стр. 147.
[3] Там же, стр. 147, 148.
[4] Там же.
[5] Тавернье, цит. изд., стр. 55, 310.

исключения местностях. В разных областях и округах заметно известное разнообразие в повинностях, как и различие в их терминологии. Но главные подати и повинности — мал у джихат, подушные и подымные сборы, бигар и ихраджат — взимались во всех областях и округах (в XVIII в. — в ханствах) Азербайджана и Армении, лишь под разными названиями.

Установить точно размеры тех или иных податей сборов на данном этапе изучения социально-экономической истории стран Ближнего Востока трудно. И общий перечень податей и повинностей, и их размеры часто изменялись, причем можно отметить, особенно со второй половины XVII в. до половины XVIII в., общую тенденцию к их повышению.[1] Если шах Тахмасп I (1524—1576) в XVI в. поражал азербайджанцев своей жадностью, то в XVII в. этот шах казался уже образцом умеренности, ибо при нем налоги не повышались иногда в течение 15 лет.[2] В XVII в. размеры податей медленно, но постепенно росли. Этот рост в значительной мере зависел и от произвола беглербегов и местных владетелей. При шахе Аббасе II беглербег ереванский Хосров-хан уменьшил размеры джизьи и отменил дорожные пошлины (рахдари). Последствием этой меры был рост производительных сил страны.[3] Но преемник этого беглербега Мухаммед-кули-хан (в 50-х гг. XVII в.) увеличил подати и восстановил дорожные пошлины, следствием чего был рост цен на зерно и другие товары. Он увеличил и бюрократический аппарат в Ереванской области, заведя специальных чиновников для исчисления и взимания пятины с полей (т. е. бахрэчэ, см. выше), податных сборов с баранов (т. е. чобан-беги), с виноградников (т. е. баг-башы) и поголовной подати.[4]

Резкое повышение податей отмечается в Азербайджане и Армении в 1698—1701 гг. при шахе Хусейне[5] и в 40-х гг. XVIII в. при Надир-шахе; прямым следствием последнего повышения были народные восстания Сам-мирзы в Ширване, Хаджи-челеби в области Шеки и племени думбули в южном Азербайджане.[6]

Тяжесть податей и повинностей усиливалась для крестьян благодаря приемам установления размеров обложения и злоупотреблениям и насилиям феодалов и финансовых чиновников. Мы уже приводили рассказ Закарии-саргавага, как перепись,

[1] См. об этом в гл. II.
[2] Аракел Тебризский, Coll., т. I, стр. 553, 554.
[3] Закария-саркаваг, Coll., т. II, стр. 83. — О дорожных пошлинах (рахдари) см. АКАК, т. II, дополнение II, №№ 15, 16, 17 (официальные документы начала XVIII в.).
[4] Закария-саркаваг, Coll., т. II, стр. 87.
[5] Есай-католикос, Coll., т. II, стр. 203—205.
[6] См. об этом в гл. II.

произведенная в целях налогового обложения в Ереванской области, сопровождалась истязаниями крестьян. «Так записал он (чиновник Аслан-ага), — говорит Закария-саркаваг, — все очень точно: людей, коров, лошадей, мулов, ослов, овец, мельницы, маслобойки, ремесла, рисовые мельницы, виноградники и все, что нашел, он записал и сделал подлежащим взиманию налогов».[1] Тот же хронист рисует фигуру опытного финансового чиновника — перса, который на-глаз точно определял в любом хозяйстве, сколько литр (манов) персиков можно собрать с такого-то дерева, сколько литр пшеницы находится в таких-то мешках, сколько голов баранов в таком-то стаде и т. д.[2]

При шахе Хусейне (1694—1722) беглербег ереванский Муртаза-кули-хан (в 90-х гг. XVII в.) из племени кенгерлю-устаджлу, сын Мухаммед (Мамед)-хана нахчеванского, изобретал различные новые способы ограбления кавказской Армении. Он, например, объявил, что им, якобы, получен шахский указ о запрещении изготовлять вино, которое здесь служило предметом вывоза, и разослал во все округа своих нукеров опечатать все винные погреба. «Так он поверг в бедствие страну, пока собрались главари волостей[3] и танутэры[4] и написали обязательство на большую сумму и отдали ему (хану) и получили разрешение на вино. И начальники округов написали всем селениям, и собрали они монету и отдали ему. Потом пришли те, которые опечатали карасы и кувшины, и они также взяли взятку, и лишь после того распечатали».[5] В Ширване выделился своими притеснениями и вымогательствами беглербег Мухаммеди-хан (1661—1664). Недовольство и раздражение ра'ийятов достигло таких размеров, что шах Аббас II счел необходимым назначить расследование действий этого беглербега, в результате чего он был лишен поста беглербега и подвергся заключению, а имущество его было конфисковано.[6]

Перепись населения в Азербайджане и Армении, предпринятая при шахе Хусейне в 1698 г. с целью нового обложения налогами, приняла характер массового бедствия. Везир Азербайджана Мирза Тахир прибыл из Тебриза в Ганджу с 1100 чиновниками и нукерами, которые, рассеявшись по селениям, приступили к проведению переписи. Перепись производилась так: в каждом селении брали старост, духовных лиц и почетных

[1] Закария-саркаваг, Coll., т. II, стр. 45.
[2] Там же, стр. 46.
[3] Вероятно — мелики, в данном случае старшины групп деревень (рустак).
[4] Арм. «танутэр» — синоним перс. термина «кедхуда», в данном значении «сельский староста».
[5] Закария-саркаваг, Coll., т. II, стр. 144, 145.
[6] Тарих-и Тахир-и Вахид, цит. рук., лл. 269б—270а.

людей, рассаживали их по разным помещениям и заставляли каждого из них порознь давать чиновникам сведения о людях и об объектах обложения в данном селении. Потом эти показания сличались. В случае несовпадения их сельчане, давшие, по мнению чиновников, неверные показания, подвергались избиению и пыткам.[1]

Насколько обычны были притеснения и вымогательства финансовых чиновников не только при переписи, но и при взимании податей, показывает тот факт, что предоставляемое временами в отдельных местностях право доставлять подати в диван не через чиновников, а через своих старост, рассматривалось как льгота. Об одном из беглербегов ереванских второй половины XVII в., Мухаммед-кули-хане, Закария-саркаваг сообщает: «И не посылал он сборщиков податей по стране, дабы они не притесняли простой народ (рамик), а сами [крестьяне через старост], собирая, платили по частям».[2]

На сельском старосте, если сбор налогов лежал на его обязанности, лежала также и ответственность за сбор денег и расход их. Закария-саркаваг приводит рассказ, как нелюбимый крестьянами староста (танутэр, т. е. кедхуда) его родной деревни Канакер, по имени Амирджан, не мог отчитаться в расходовании 60 туманов из суммы в 340 туманов, собранной с деревни. Беглербегский чиновник, по имени Гульназар, перс по происхождению, велел схватить Амирджана и, наложив ему на шею колодку, подвесить его на стене, а двум человекам избивать его, приговаривая: «Уплати 60 туманов!» Староста упросил крестьян внести за него 30 туманов, но оставалось еще 30 недоданных. Староста предложил отдать хану (беглербегу) в рабство 4 своих сыновей и красивую дочь, как цену своего освобождения. Гульназар отправился в Ереван передать хану предложение старосты. Хан отказался, говоря, что недоданы не его личные, а казенные деньги, и он не имеет права взять за них такую замену. По приказу хана Гульназар вернулся в Канакер и возобновил истязание Амирджана. Его избивали в течение 7 дней по ногам, сорвали ногти, и опухоль поднялась выше колен.[3]

Тот же автор приводит другой подобный случай. В 1691 г. н. э. староста (танутэр = кедхуда) армянского селения Шагкерт в Нахчеванском крае, по имени Малхаз, не мог отчитаться в находившихся у него на руках податных суммах, растраченных им. Староста предложил Мухаммед-аге (?), хану нахчеванскому, отдать свою красивую дочь, по имени Тамам («Совершенная»), в харем ханского сына,

[1] Есай-католикос, Coll., т. II, стр. 203, 204.
[2] Закария-саркаваг, Coll., т. II, стр. 145.
[3] Там же, стр. 61.

с тем, чтобы хан избавил его от ответственности и защитил от ярости крестьян, которым приходилось вторично платить податные суммы. Хан согласился. Сын хана, Муртаза-кули, находившийся в Ереване на службе у Зал-хана, беглербега ереванского, получив письмо отца, послал своих людей в селение Шагкерт, приказав им взять Тамам и доставить к нему. Девушку доставили в Ереван, но она убежала и укрылась в доме одного армянина в селении Егвард. Владелец селения Угурлу-бек приказал отправить девушку, куда она захочет. Но староста (танутэр) селения Егвард, по имени Саак, желая выслужиться перед ханом, поспешил отправиться в Ереван и доложить Муртаза-кули, что принадлежащая ему девушка находится в их селении. Муртаза-кули велел убить девушку, и староста Саак выполнил это приказание.[1]

Случаи, когда сельские старосты, дорожившие своими местами, выступали против крестьян на стороне феодальной власти, были нередки. Соединенные действия таких властей, как сборщик податей или заменявший его откупщик налогов,[2] ханский даруга и сельский староста, могли сделать жизнь крестьянина-азербайджанца или армянина невыносимой. К этому присоединялись насилия землевладельцев и взаимная борьба между феодалами, от которой страдали, в конечном счете, крестьяне.

Характерный пример такого рода, относящийся к последней четверти XVII в., приводит Закария-саркаваг. Крестьяне армянского селения Егвард в Ереванской области, страдавшие от недостатка воды, провели оросительный канал к своему селению. Владелец соседнего селения Кара-Йоран (иначе Сийяв-Авер), также населенного армянами, мусульманин Хапуш(?)-Касим, из кызылбашского племени каджар, послал своих крестьян, приказав им отвести канал к своей деревне, где он развел плодовые сады и цветники. Крестьяне селения Егвард явились к нему, прося не отнимать у них воду. Он избил их палкой и выгнал из своей деревни. Избитые егвардцы отправились жаловаться хану, т. е. беглербегу ереванскому.[3] Дабы склонить на свою сторону хана, егвардцы выставили аргумент, наиболее веский с точки зрения представителя шахской власти: деревня Егвард платит в казну большие податные суммы; 10 домов селения Кара-Йоран не платят столько податей, сколько платит один дом селения Егвард; Хапуш-Касим стремится уничтожить селение Егвард и тем нанести ущерб доходам ханской казны. Такой довод возымел действие. Хан написал Хапуш-Касиму письмо о том, что он не имеет права на эту воду; пусть он оставит воду течь туда, куда она должна течь — в Егвард. Егвардцы отнесли ханскую грамоту к Хапуш-Касиму, который разорвал грамоту, избил егвардцев палками и грубо обругал самого хана. Прогнанные палочными ударами, егвардцы снова явились с жалобой к хану, представив ему куски разорванной ханской грамоты. Оскорбленный и разгневанный хан приказал егвардцам итти всей общиной в селение Кара-Йоран, убить «эту собаку», т. е. Хапуш-Касима, перебить его людей, кто бы они ни были, мусульмане или христиане, разрушить их селение, занять их сады и уплатить подать с последних. Хан дал егвардцам письменный приказ, сопроводив его устными инструкциями. Тот из них, кто не исполнил бы приказа, должен был уплатить хану подати за 10 лет вперед.

Как ни неприятна была егвардцам навязанная им роль палачей, они не осмелились сопротивляться ханскому приказу. Их староста (танутэр) Аваг посоветовал им ограничиться избиением людей селения Кара-Йоран, но воздержаться от пролития крови. Чтобы застигнуть Хапуш-Касима врасплох, егвардцы подошли к его деревне веселой шумной толпой, с музыкой, песнями и плясками. Хапуш-Касим, не опасаясь этой толпы, не выслал против нее своих людей и был схвачен, избит и спасся от смерти только благодаря заступничеству танутэра Авага. Жены его разбежались. Священник селения Кара-Йоран также бежал, укрывшись в логовище лисицы. Крестьяне этого селения были захвачены, избиты и изранены, их имущество разграблено. Бежавший из селения и поставленный вне закона Хапуш-Касим решил отомстить егвардцам. Соединившись с разбойниками, тремя мусульманами и одним «лже-христианином» (армянином), он вместе с ними с наступлением ночи подошел к Егварду. Мусульмане остановились у окраины селения, а армянина послали в дом Авага просить его выйти из дома под тем предлогом, что некий друг-мусульманин хочет сообщить ему нечто важное. Поверив этим словам, Аваг вышел вместе с сыном и, попав в ловушку, был убит, а сын его успел бежать. Уведомленный об этом хан приказал разыскать Хапуш-Касима, но последний бежал в Ардебиль ко гробу «святого» шейха Сефи-ад-дина В ардебильском святилище Хапуш-Касим получил обычную разрешительную грамоту паломника, освобождавшую его от всякой ответственности,[1] и вернулся

---

[1] Закария-саркаваг, Coll., т. II, стр. 141, 142.

[2] Об откупах соли, нефти и податных сборов в Ширване в начале XVIII в. см. АКАК, т. II, дополнение 1, №№ 3, 4, 6 (русские казенные переводы документов времени шаха Хусейна).

[3] Имени его Закария не называет; судя по предыдущим главам, это был Зал-хан, омусульманенный грузин.

[1] О разрешительных грамотах, выдаваемых паломникам в Ардебиле сообщает Стрейс, цит. изд., стр. 293; Котов, цит. изд., стр. 5, 6.

в Ереван. Но следующей зимой он умер.[1] Этот рассказ показывает, как в распре между ханом и одним из местных землевладельцев больше всего пострадали крестьяне.

Неудивительно, что в XVII—XVIII вв. положение основной массы крестьян-общинников в обеих странах, — если не принимать во внимание деревенских богатеев и сельских старост, — было тяжелым, несмотря на плодородные почвы в районах ирригации и хорошие урожаи. О Ереванской области Закария-саркаваг писал около 1699 г., что «страна Араратская плодородна и обильна всеми произведениями, и все там дешево. Поэтому приходят отовсюду в Ереван и покупают, все что хотят, и возвращаются в места свои. Также прибыли из Давража (Тебриз) многочисленные караваны и купили рис, хлопок, масло, сыр, сало, масло подсолнечное, кожу и все, что хотели, закупили». Также и Шарден пишет о Ереванской области: «Произведения земли здесь получаются в изобилии, особенно вино, которое очень хорошо и дешево... Почва края производит всякого рода съестные припасы, и их отдают здесь по низким ценам. Две реки, протекающие рядом, и озеро, о котором будет сказано (Севан или Гокча), доставляют краю прекрасную рыбу, между прочим, замечательно вкусных форелей и карпов; они славятся на всем Востоке. Я сам видел их, трехфутовых. В Ереване едят также множество куропаток».[2] Но тот же автор говорит о бедности большинства крестьян кавказской Армении. «Бóльшая часть жилищ этих селений[3] — попросту землянки, ибо они вырыты в земле, и кровля их не достигает даже уровня поля. Другие выстроены из толстых бревен[4] до кровли, которая сделана в виде земляной насыпи, покрытой дерном. Они оставляют в средине [насыпи] отверстие, через которое проникает свет и выходит дым;[5] эту дыру затыкают, когда хотят... Зимою селения покрыты снегом настолько, что их можно распознать только находясь в них или по их дыму, который, однако, не заметен очень далеко...»[6] Речь идет о жилищах типа так называемого карадама (аз.), исстари распространенных в Армении и Азербайджане. О жилищах такого типа в Армении упоминает около 400 г. до н. э. еще Ксенофонт,[7] а в конце X в. н. э. арабский географ Макдиси

[1] Закария-саркаваг, Coll., т. II, стр. 133—136.
[2] Шарден, цит. изд., t. I, vol. III, p. 212.
[3] В районе Делиджана, в северной части кавказской Армении.
[4] Т. е. стены землянки были обшиты деревянным срубом, а кровля накрыта конической насыпью, похожей издали на холмик.
[5] Это же отверстие служило и для спуска людей в землянку.
[6] Шарден, цит. изд., t. I, vol. III, pp. 198, 199.
[7] Ксенофонт, Анабасис, книга IV, глава 5, § 25; Латышев, Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I, стр. 69.

говорит о таких же жилищах в округе Ардебиля в южном Азербайджане.[1] Карадамы, конечно, далеко не были жилищами большинства крестьян в Азербайджане и Армении в XVI—XVIII вв., однако и в этот период карадамы были еще распространены. Они сохранялись во многих местностях до периода коллективизации деревни (1929—1930 гг.). Только в советской колхозной деревне они, наконец, исчезли. Олеарий говорит о бедности крестьян в Ширване; здесь жилища во многих селениях были сделаны из камыша, обмазанного глиной.[2]

Свидетельства приведенных авторов относятся к XVII в., т. е. еще к периоду длительного мира: с 1639 до 1723 г. между Ираном и Турцией сохранялись мирные отношения, и на территории стран Закавказья не происходило военных действий. Первая половина XVIII в. была исключительно тяжелым периодом для стран Закавказья. Ряд восстаний против шахского правительства, особенно так называемые лезгинские восстания 1711—1712 и 1719—1721 гг., а также восстание армян Зангезура, Карабага и Нахчеванского края под предводительством Давит-бега (1722—1731), военные действия войск турецких, иранских и других на территории стран Закавказья, налоговые притеснения Надир-шаха, восстания против него и его карательные экспедиции в район Хой-Салмас и в северные районы Ширвана и Шеки, — все это довело азербайджанское и армянское крестьянство до крайней степени разорения.

Как жилось азербайджанским крестьянам в годы ирано-турецких войн, повествует надпись на персидском языке 1145 г. х. (1732/3 г. н. э.), высеченная над порталом мечети селения Ванаид в Нахчеванском крае.[3] Приведем наиболее интересную часть этой надписи: «Были крайний неурожай и скудость, так что ман[4] пшеницы стоил 400 динаров, рис — 800 д., масло — 2800 д., мед — 3200 д., виноградный сок (душаб) — 2400 д., сыр — 1600 д., сушеный виноград — 2400 д., ячмень — 350 д., абрикосы обыкновенные — 800 д., чеснок — 1200 д., хлопок — 400 д., арбузные семечки — 5000 д. [за ман] по весу тиляни... Был настоящий ад благодаря голоду и утеснению разными нуждами несчастливого времени, так что на протяжении одного года селение Ванаид и ближние соседи его три раза подвергались нападению и ограблению, и

[1] Макдиси, Ахсан-ат-такасим, изд. de Goeje, B. G. A., т. III, стр. 375.
[2] Олеарий, цит. изд., стр. 454, 468.
[3] Эта надпись приведена у Н. Ханыкова, Mémoires sur quelques inscriptions musulmanes du Caucase, перс. текст, стр. 96, 97, франц. перевод, стр. 97, 98. Приводимый русский перевод наш.
[4] Ман или батман нахчеванский — около 13 кг; тебризский ман = 3 кг.

многие правоверные — мужчины и женщины — были убиты и угнаны в неволю (асир гердидэ), а прочие рабы божии, рассеявшись и перейдя реку Арас (Аракс), поселились в деревнях того берега. И в те дни господства неблагоприятного сочетания планет торговля также была прекращена». [1]

Неурожаи и голод стали обычным явлением благодаря разорению крестьян и невозможности для них из-за военных действий оросить и обработать поля, а бедность не давала возможности бороться со стихийными бедствиями.

По рассказу католикоса Авраама Кретаци, в 1736 г. почти все районы и северного и южного Азербайджана голодали. Возвращаясь весною 1736 г. с курултая на Мугани (на котором Надир был провозглашен шаханшахом Ирана) к себе в Ереван, Авраам Кретаци, чтобы запастись продовольствием на дорогу для себя и своих спутников, должен был посылать за продуктами в Шемаху и в Нагорный Карабаг, так как на Мугани ни за какие деньги нельзя было купить ни хлеба, ни зерна. Недостаток хлеба ощущался также в округе Тебриза, в Дизаке (Карабаг), в Гандже, Казахе, на берегах «моря Гегамского» (озеро Севан или Гокча), в Лори, Иберии (восточная Грузия), в Капане (юго-восточная часть кавказской Армении), Нахчеване и Ереване. Повсюду пшеница и ячмень резко поднялись в цене. В Тебризе 1 литра (т. е. ман) зерна стоила 900 динаров. [2]

Иранские и турецкие войска, вторгаясь в Азербайджан и Армению, нередко угоняли в рабство мирных жителей, особенно жителей селений, не огражденных стенами. Из цитированной выше ванандской надписи видно, что чужеземные войска угоняли в рабство не только христиан (армян и грузин), но, вопреки шари'ату, и мусульман — азербайджанцев; последнее, впрочем, практиковалось как турками, так и кызылбашами еще в конце XVI — начале XVII вв. [3] Авраам Кретаци видел в иранском лагере на Мугани огромное количество невольников и невольниц, захваченных шахскими воинами в Азербайджане, Армении и Грузии из числа мирных жителей. Здесь были дети 6—10 лет, девушки и юноши 15—20 лет, было и много беременных женщин. Некоторых из невольниц Авраам Кретаци выкупил у хорасанских персов. Часть этих пленных была роздана Надир-шахом в рабство знатным людям и воинам, другая часть продана работорговцам. [4]

---

[1] Там же.
[2] Авраам Кретаци, Coll., т. II, стр. 308, 309.
[3] Тарих-и алем ара, лит., стр. 457; цит. рук. ч. II, л. 174.
[4] Авраам Кретаци, Coll., т. II, стр. 308. — Указанная Авраамом Кретаци (там же, стр. 304) цифра невольников — 700 тысяч—невероятна; ее следует уменьшить раз в десять.

У того же автора мы находим красочную картинку, изображающую жизнь деревни в 30-х гг. XVIII в. «Я прибыл, — рассказывает Авраам Кретаци, — в оба, или татарскую (т. е. азербайджанскую) деревню Хынцорек, [1] принадлежащую Курчи-беку Писианскому (?), расположенную среди великих каменистых гор, очень высоких, и мы спустились по узкой тропинке в долину, где увидели дивное зрелище. Мы прошли, опасаясь османов (турецких войск) и курдов племени карачорлу, через селение, расположенное в долине, а вправо и влево от нее, на головокружительной высоте в скалах, были вырыты мазары, или пещеры, обитаемые семьями, там поселившимися. Удивительно, что они поднимались и спускались при помощи кожаных ремней. Женщины держали своих детей привязанными за спиной, и там же были у них сосуды с водою и прочие нужные вещи. На вершину скалы поднимались тем же способом: ремень тянули вверх канатом, так что никто из чужеземцев не имел к ним доступа. Их дома (в селении в долине) были разрушены османами (турками), а также ворами и разбойниками — курдами-карачорлу. Из 500 семейств селения Хынцорек часть погибла от турецкого оружия, ибо паши предприняли против них не один поход, но не могли проникнуть к ним и после неоднократных битв удалились со стыдом. Все же с одной стороны, где они (турецкие воины) не встретили пещер, охраняющих одна другую, они могли взять добычу и предать лезвию меча женщин, детей и мужчин, после чего удалились. Те жители, которые остались, избежав неприятеля, — половина или скорее треть, — занимали пещеры, расположенные друг против друга, откуда они, на расстоянии ружейного выстрела, взаимно оберегали друг друга от нападающих. Раньше в этом селении выделывались большие и малые ковры, довольно ценные, теперь же едва можно найти здесь нескольких работающих старух». [2] Из этого рассказа видно, что в некоторых случаях азербайджанские крестьяне сопротивлялись иноземным завоевателям и даже успешно отражали нападения их карательных отрядов. Страны Закавказья были в 30—40-х гг. XVIII в. наполнены шайками разбойников, составленных в основном из беглых воинов и кочевников. [3]

После гибели Надир-шаха и начала новой полосы междоусобий (1747), ханства Азербайджана и Армении оказались фактически независимыми. В южном Азербайджане и ханствах Нахчеванском и Ереванском (кавказская Армения) Ирану удалось в известной мере восстановить свою верхов-

---

[1] Т. е. Хынзирак.
[2] Авраам Кретаци, Coll., т. II, стр. 315.
[3] Гюлистан-ирам, цит. изд., стр. 124.

ную власть при Керим-хане Зенде (около 1760 г.). Зато остальные ханства северного Азербайджана — Кубинское, Бакинское, Ширванское, Шекинское, Ганджинское, Карабагское — остались на положении полунезависимых государственных образований вплоть до новых вторжений иранских войск при Ага Мухаммед-хане Каджаре (1795 и 1797). Поступление податей в казну центрального правительства Ирана из этих ханств прекратилось надолго. Это повело к некоторому сокращению количества податей в ханствах северного Азербайджана: часть податей, относившихся к группе «ихраджат» (однако не все подати этой группы), не упоминаются в числе податей в упомянутых ханствах. Остальные подати попрежнему взимались в пользу местных ханов и землевладельцев (беков). Сохранилась практика, согласно которой одни и те же подати взимались то в пользу хана, то в пользу владельца селения, то в пользу того и другого в определенной пропорции, в зависимости от того, к какой категории землевладения принадлежало данное селение.

В ханствах северного Азербайджана под разными терминологическими названиями сохранялись более или менее сходные сборы и повинности с крестьян. Не останавливаясь на них подробно, перечислим лишь эти сборы в некоторых ханствах.

В Шекинском (Нухинском) ханстве в пользу землевладельца обычно взималась часть мал у джихата в размере $^1/_{10}$ доли урожая — пшеницей, ячменем и шелком; право на байрамлык и бигар также принадлежало владельцу селения. В пользу хана взималась остальная часть мал у джихата, составлявшая, как кажется, $^1/_5$ долю урожая; часть этой доли взималась зерном, а другая часть, носившая название тауджи [х] — деньгами. Даругалык и постатейные сборы — шелком, рисом, пшеницей, маслом, яйцами, птицей в раз навсегда установленном с данного селения размере, независимо от урожая, взимались то в пользу хана или его управителя (даруга), то в пользу владельца селения, если оно было частновладельческим. Разумеется, в селениях халисэ (т. е. мульк-и халисэ)[1] все подати поступали в пользу владельца, а в ханских селениях — в пользу хана и его даруги.[2] Кроме того, существовали сборы типа ихраджат: куллух (аз., букв. «рабская служба»), дырнахлык (аз., букв. «ногтяная подать») — подать в пользу ханских сборщиков податей, как бы за то, что при приеме податей они стирали себе ногти; сбор мякины для корма ханских лошадей, всего 5000 вьюков с ханства; так

[1] См. в гл. VI.

[2] См. Описание Шекинской провинции, passim.

называемый муста'мирный чалтык — сбор рисом в пользу хана; везирлык, или сбор в пользу ханского везира или главы финансового ведомства. Пишкеш хану представлялся курами, яйцами, баранами, сыром и маслом. В 1819 г. доход от пишкеша оценивался в 1112 руб. 30 коп. серебром русскими деньгами. Сбор с каждой сохи или упряжки быков (джуфтбашы) оценивался в 80 коп. серебром. Сбор с шелкомотальных станков взимался шелком.[1] О размерах бигара можно судить по тому, что для обработки только одних пахотных земель, расположенных по течению канала Мелик-архи и принадлежавших хану, хан назначал ежегодно 500 сох (джуфтов), 2484 жнеца и 2812 быков; так как в действительности требовалось вчетверо меньшее количество, то за лишних 1984 жнеца хан взыскивал 1831 руб. $38^1/_2$ коп., а за лишних 2000 быков — 936 руб. $92^1/_2$ коп. серебром на русские деньги. Всего податей в пользу хана поступило в 1819 г. 52 951 руб. $57^1/_2$ коп. серебром на русские деньги.[2]

В виде примера приведем перечень ежегодных податных поступлений с одного из шекинских ханских селений, Ахджабашы, составленный к моменту ликвидации ханства (1819 г.).[3] Мал у джихат составлял 10 даругских тагаров пшеницы, 5 даругских тагаров ячменя, 3 батмана шелку, что оценивалось в 630 руб. серебром на русские деньги. Тауджи[х] составлял 248 р. 80 коп. серебром. Хлебная подать (ихраджат) — 1 ханский тагар 16 чанахов пшеницы и ячменя, что составляло на русские деньги 65 руб. 68 коп. Даругалык составлял с 30 сох (т. е. джуфтов) по 1 кайсе ячменя и пшеницы. С 50 шелкомотальных станков взималось по $1^1/_4$ стиля шелку. Масла взималось 2 батмана. Вместо попоны и шаровар взималось 15 руб. серебра (пишкеш для хана). Байрамлыка взималось на 30 руб. серебра. Вместо поставки 40 быков для работы (бигар) взималось по 2 руб. за каждого быка, всего 80 руб. Сверх того, крестьяне обязаны были засевать для ханского даруги, которым состоял мирза Джалил, один тагар пшеницы семенами даруги и снять урожай, составлявший в среднем 8 тагаров в год. Весь доход с селения оценивался в 21 червонец 1470 руб. $59^1/_4$ коп. ханскими деньгами или 21 червонец 565 руб. $61^1/_3$ коп. «российским серебром».[4]

[1] См. Описание Шекинской провинции, passim.

[2] В Описании Шекинской провинции перечислены не все подати, а только те, которые вошли в окладное описание 1819 г. Об остальных податях по Шекинскому ханству см. Колониальная политика, т. I, стр. 402—407, 410—433.

[3] Описание Шекинской провинции, раздел «Алпаутский махал», ведомость № 8, селение Ахджабаш.

[4] Там же. Шекинский даругский тагар пшеницы — 9 пудов 10 фунтов, даругский тагар риса — 13 п. 35 ф., даругский чанах — 1 п. 20 ф.,

20 Зак. 4397. Петрушевский.

В Карабагском ханстве в пользу мулькдара взималась часть бахры в размере $^1/_{10}$ доли урожая пшеницей и ячменем, а также даругалык и байрамлык. В пользу казны (или, что то же самое, хана) взимались: часть бахры, носившая персидское название «сальянэ» («сальяна») — «годовой сбор» (см. выше), также пшеницей и ячменем; отах-харджы — подымный сбор зерном, иногда и деньгами, в раз навсегда установленном размере, независимо от урожая; баг-башы — сбор с виноградников вином. Эти сборы часто, в виде особой милости, уступались ханом по особым указам владельцу селения, если селение было частновладельческим. Затем шли разные сборы на содержание ханского двора, государственного аппарата и войска (точнее, феодального ополчения), относившиеся, следовательно, к категории «ихраджат»: кырх-хана-харджы (аз.-перс.-ар., букв. «сбор с каждых 40 домов») — сбор скотом, живностью, дичью и молочными продуктами на ханский стол; мирзайяна (мирзайянэ, перс.) — сбор на содержание мирзы — личного секретаря хана, бывшего одновременно и чем-то вроде первого министра; фарраш-пули (перс.-аз.) — сбор в пользу фаррашей — «ковро-расстилателей», т. е. ханских слуг; шербетчи-пули (перс.-аз.) — сбор в пользу заведующего напитками при ханском дворе; калантарлык — сбор в пользу калантара; ат-арпасы (аз. «ат» — «лошадь» и «арпа» — «ячмень») — сбор ячменя для ханских конюшен; катырчи (от аз. «катыр» — «мул», сбор этот заменялся деньгами).[1] На отдельные селения (не на все ханство) налагались еще особые сборы натурой на содержание ханских брадобрея, повара, хлебника и т. д.[2] Бигар, разумеется, существовал и здесь. Упоминается и «почтовая повинность» (т. е. улаг и улам).

Приведем в виде примера данные о податных поступлениях с одного из селений Карабагского ханства, по описанию, сделанному в 1823 г., после ликвидации ханства (1822).[3] Армянское селение Домма насчитывало всего 14 податных дымов и 13 освобожденных от податей дымов. Бахру с селения получал Бахрам-бек. Хану крестьяне вносили: сальяна — 6 четвертей пшеницы; отах-харджы — 6 червонцев на русские деньги; фарраш-пули — 30 руб. ханскими деньгами; мирзайяна — 1 четверть пшеницы; баг-башы — вина от 20 до 40 кувшинов, мерою в 5 грузинских тунг каждый;[4] крестьяне поставляли для ханского двора 20 ослиных вьюков дров; вместо почтовой повинности (улаг и улам) взималось 57 руб. 20 коп. серебром. Кырх-хана-харджы не взималась. Бигар состоял в том, что вся деревня обязана была пахать для хана 9 сохами (джуфтами) 2 дня в году и высеять ханскими семенами на каждый рабочий день по $2^1/_2$ четверика. Даругалык и байрамлык с селения по та'лике Мехди-кули-хана карабагского были пожалованы Мирза-Али-беку.

шекинский батман — $28^1/_2$ ф., шекинский стиль — $^1/_2$ ф., шекинский кайс — 32 ф.

[1] См. Описание Карабагской провинции, passim.

[2] См. там же в описаниях отдельных селений.

[3] АзЦАУ, ф. Бак. бек. к-ии, д. 2, лл. 704—710.

[4] Тбилисская тунга — 5 бутылок.

Пример другого распределения налоговых поступлений с селения между казною (ханом) и владельцем в том же Карабагском ханстве мы видим в податной ведомости сел. Лор в Татевском махале (Зангезур, на юго-востоке нынешней Армянской ССР). В этом селении при Мехди-кули-хане числилось 8 дымов, платящих подати, и 2 дыма, освобожденных от податей. В пользу хана с крестьян взыскивалась только сальяна в размере 12 четвертей пшеницы; кроме того, крестьяне доставляли хану 12 ослиных вьюков дров и платили ему же 15 червонцев в «дань». Дань в червонцах с 1805 г. уплачивалась карабагским ханом царскому правительству на основании договора о принятии ханом подданства России (т. е. вассальной зависимости от нее).[1] Дань эта была переложена ханом на своих подданных, в основном на крестьян. Как указано в примечании к податной ведомости, деревня Лор, на основании та'лики Мехди-кули-хана, была пожалована «в собственность», на правах мулька, армянскому мелику Погосу, считавшемуся потомком известной фамилии Орбелианов, бывших в конце XII — начале XV в. князьями всего Сюника (Зангезур). Тому же мелику Погосу Мехди-кули-хан пожаловал право взимать в свою пользу не только мал у джихат (точнее, ту долю его, которая следовала в пользу владельца), но и все остальные «доходы» с деревни: даругалык, калантарлык, отах-харджы и все прочие.[2] Как отмечает ведомость, «кроме сальяна, червонцев, в дань следующих, и дров, все прочие доходы принадлежали помещику».[3]

В Кубинском ханстве в XVIII — начале XIX в. рента-налог землевладельцу или хану вносилась крестьянами в основной своей части в продуктах: дах-йак и ним-йак пшеницей и ячменем. 'Ушр с рисовых полей, мал-и баг и сборы постатейного обложения вносились рисом, вином, шелком. Упоминаются также «ихраджат», однако без указаний, какие именно сборы входили в эту категорию, и «итлак-и дафтари», вносившиеся пшеницей, ячменем, рисом, живностью и дро-

[1] Текст этого договора см. в АКАК, т. II, № 1436.

[2] Описание Карабагской провинции, раздел «Татевский махал», ведомость № 6, селение Лор. — То же, см. АзЦАУ, ф. Бак. бек. к-ии, д. 3, лл. 447—454.

[3] То же дело, л. 448.

вами. Даругалык, байрамлык и пишкеш вносились в некоторых случаях и деньгами.[1] Бигар также упоминался в архивных документах, относящихся к Кубинскому ханству. Как и в других ханствах, в Кубе одни и те же сборы вносились либо целиком в пользу хана, либо целиком в пользу землевладельца,[2] либо делились между ними в определенной пропорции в зависимости от категории землевладения, к которой принадлежало данное селение.

Ра'ийяты, получавшие наделы от сельской общины, как мы отметили, вносили в диван хану и частным владельцам в виде мал у джихата (бахры, хараджа) от $^1/_5$ до $^1/_3$ своего урожая. Ра'ийяты, вносившие только бахру (ренту-налог), в ханствах Ереванском и Нахчеванском носили имя бахракеров. Несравненно хуже было положение довольно многочисленной группы малоземельных и безземельных крестьян, которые вынуждены были снимать землю на условиях кабальной аренды у казны, у ханов, мулькдаров и других землевладельцев. В аренду сдавались те земли, которые принадлежали дивану (казне), ханам, владельцам мульков, управителям вакфов, и находились в их непосредственном распоряжении, а не в пользовании сельских общин (джама'ат). Аренда такого рода, чаще всего превращавшаяся в наследственную, всегда была издольной.

Существование издольной аренды в прикаспийских странах, как и в других странах Ближнего и Среднего Востока, известно и в досефевидский период.[3] Рашид-ад-дин подробно говорит о ней в связи с мероприятиями монгольского государя Газан-хана (1295—1304 гг.), стремившегося заселить и обработать запустевшие и необработанные земли в областях, особенно пострадавших во время монгольского завоевания и в первые десятилетия монгольской державы; среди этих областей, между прочим, упомянуты Марага, Ардебиль, Берда, Ганджа, «некоторые области (вилайеты), что находятся между Дербендом и Ширваном» (т. е. Шемахой), Азербайджан (южный), как и многие области в Иране и Ираке.[4] Эти запустевшие земли Газан-хан велел сдавать на условиях издольной аренды всем желающим. Такие земли были разделены на 3 категории: 1) земли, засеваемые под дождь и не нуждавшиеся в наземных (арх) и подземных (кахриз) оросительных сооружениях, а также орошаемые земли в местностях, где оросительные сооружения не были разрушены и

[1] Об этих податях см. Куб., док. №№ 1, 2, 3, 7, 14, 19, 27.

[2] Куб., док. №№ 4, 6, 7, 19, 23.

[3] См. об этом у А. Ю. Якубовского, Об испольных арендах в Ираке, Советское востоковедение, т. IV.

[4] Рашид-ад-дин, рук. № Д-66, л. 420а; Стамбульская рук., лл. 673, 678; русск. перевод А. Арендса, т. III, стр. 308—309.

не требовали больших затрат и труда на их восстановление; к этой категории относились земли, дававшие хороший урожай; 2) земли средней урожайности, обладавшие неразрушенными оросительными сооружениями, но дававшими мало воды; 3) земли в местностях, где оросительные сооружения пришли в упадок и где восстановление обработки и плодородия требовало большой затраты средств и труда. Земельные участки, занятые и обработанные издольщиками на основании указа Газан-хана, можно было передавать по наследству и даже продавать, но покупатель должен был платить установленную указом сумму аренды в диван и владельцу земли, если она относилась к категории мульков.[1] Об издольщиках-берзигерах упоминает в XIII в. Насир-ад-дин Туси.[2] По данным Хамдуллаха Казвини, в некоторых местностях в 30-х гг. XIV в. издольщик (берзигер) $^1/_3$ урожая платил в диван, $^1/_3$ — владельцу земли (тани) и $^1/_3$ оставлял себе.[3] Существование издольной аренды в прикаспийских странах известно и в XV в.[4] и в XVI—XVII вв.[5]

В XVIII в. вносимая издольщиком владельцу доля урожая также колебалась от половины до трех пятых, редко (в шелковичных садах хана шекинского в конце XVIII в. — начале XIX в.) доходя до двух третей валового урожая, причем в это исчисление входили некоторые налоги в диван, однако не все; обычно не включались сборы типа «ихраджат». Размеры арендной платы колебались в зависимости от того, получал ли арендатор от владельца в пользование только землю или нередко и семена, инвентарь, рабочий скот.

Издольщиков можно было встретить во всех ханствах Азербайджана и Армении под разными названиями — акеры[6] (от ар. «аккар») в Талышском ханстве и в районе Ардебиля, ранджбары — в Шекинском и Ширванском ханствах,[7] ярыкеры — в Ереванском и Нахчеванском ханствах[8] и т. д. Расширение издольной аренды в XVIII в. связано с известным ростом ханского и мулькдарского землевладения за счет земель, находившихся в пользовании сельских общин. К тому

[1] Рук. № Д-66, лл. 420б—421б; Стамбульская рук., л. 675; русск. перевод А. К. Арендса, т. III, стр. 310—311.

[2] Трактат о финансах, цит. изд. перс. текста, стр. 763.

[3] Нузхат ал-кулюб, цит. изд. перс. текста, стр. 31.

[4] Захир-ад-дин Мар'аши, цит. изд., стр. 413.

[5] Сильсилят-ан-насаб, цит. рук., лл. 172, 178—179.

[6] См. о них АзЦАУ, ист. арх., фонд Талыш. вр. пр-ия, дд. №№ 2, 3, 5; ЦАУ Грузии, ист. арх., фонд Канц. нам-ка кавк., д. 34.

[7] О другом значении термина «ранджбар» см. ниже.

[8] См. о них УЦГАЛ, фонд М. Ф. по секр. ч., д. № 6, лл. 6—12. Доклад, составленный по приказанию главнокомандующего в Грузии ген. гр. А. И. Паскевича, по непосредственным показаниям секретаря сердара Хусейн-хана ереванского.

же упадок ирригационного дела в результате разорения страны хищнической эксплоатацией ее иранскими шахами и войнами первой половины XVIII в. уже во второй половине XVIII в. привел к относительному малоземелью в Азербайджане и Армении: земель было много, но при слабости оросительной сети и недостатке воды лишь немногие земли могли быть орошены и обработаны. В ханствах Шекинском и Ширванском во второй половине XVIII в. ханы, захватив множество крестьянских земель и шелковичных садов, превратили прежних крестьян-общинников в своих издольщиков-ранджбаров, плативших им две трети валового урожая.[1] Известны случаи, когда владельцы мульков, захватив земли прежде свободных сельских общин, превращали ра'ийятов в своих издольщиков.[2]

Наиболее частой формой издольной аренды была аренда за половину урожая. Арендаторы такого рода назывались в ханствах Ереванском и Нахчеванском ярыкерами (азер.), т. е. половниками, испольщиками. Ярыкеры сидели как на ханских, так и на мулькдарских землях.[3] Половничество встречалось и в других ханствах. В селении Койлюкаты в округе Ареша (Шекинское ханство) 28 семейств крестьян занимались шелководством в тутовых садах, принадлежавших землевладельцам, отдавая последним половину урожая шелка.[4] В Ширванском ханстве в начале XIX в. селение Басхал принадлежало Сафар-Али-беку.[5] Часть крестьян его числилась ранджбарами владельца и отдавала ему $^2/_3$ урожая, причем в это количество входили мал у джихат, джуфт-башы, баг-башы и ат-арпасы; остальные сборы шли в пользу хана.[6]

Положение илятов, т. е. кочевников, объединенных в племенные общины, до конца XVII в. было легче, нежели положение оседлых крестьян-земледельцев. Медленность процесса феодализации кочевых племен, многочисленные родовые пережитки внутри этих племен, застойные формы скотоводческого хозяйства[7] способствовали сохранению в этой среде

[1] См., например, АзЦАУ, ист. арх., фонд Верх. груз. прав-ва, д. 283 о ранджбарах Шекинской провинции.

[2] Нах., док. № 13.

[3] Половничество, также на землях мильк (мульк), существовало и в странах Средней Азии. Термину «ярыкер» здесь соответствовал узб. термин того же корня «ярымчи». См. у В. В. Бартольда, История культурной жизни Туркестана, 1927, стр. 194; П. П. Иванов, Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве, М. — Л. 1937, стр. 19, 20, 37 и сл.

[4] АзЦАУ, ист. арх., ф. Бак. бек. к-ни, д. 4, л. 226.

[5] По Камеральному описанию 1848 г., в селении Басхал числилось 258 дымов, селение принадлежало тогда Хасан-беку Мамед-бек-оглы и Шюкюр-беку Сафар-Али-бек-оглы.

[6] АзЦАУ, ист. арх., ф. Бак. бек. к-ни, д. 4, лл. 321об. — 322.

[7] См. УЦГАЛ, ф. Кавк. к-та, д. 7, 1836 г., прилож. 1.

тех отношений, которые товарищ И. В. Сталин охарактеризовал, как «полупатриархальные, полуфеодальные».[1] Знать кочевых племен, составлявшая очень значительную прослойку господствующего класса в закавказских ханствах, получала свои доходы в гораздо большей степени благодаря изыманию ренты с пожалованных им ра'ийятов-земледельцев, нежели благодаря непосредственной эксплоатации низшего слоя кочевой общины. К тому же, кочевники составляли главную силу феодальных ополчений (черик) и шаханшаха, и местных ханов. Попытка обложить кочевников всеми теми повинностями, которые платили и ра'ийяты-земледельцы, сделала бы их ненадежными с военной точки зрения. Не удивительно, поэтому, что многие племенные общины кочевников платили в шахскую казну, от которой зависели непосредственно, только подать чобан-беги, не платя ни мал у джихата, ни даругалыка, ни сборов категорий «ихраджат». Другие кочевые племена платили некоторые дополнительные сборы, но все же в значительно меньших размерах, нежели ра'ийяты-земледельцы. Конечно, не все кочевые племена находились в одинаковом положении. Различными привилегиями и свободой от податей в диван пользовались в XVI—XVII вв. племена, входившие в состав группы кызылбашских племен (таваиф-и кызылбаш), обеспеченные лучшими пастбищами и стадами: в Ереванской области — каджары-ахчалу, устаджлу, байят; в Нахчеванском крае — устаджлу-кенгерлю; в Азербайджанской области (южный Азербайджан) — туркеман, шамлу, карадаглу; в Урмийском крае — афшары (с начала XVII в.); в Карабагской области — каджары-зийядлу и других аймаков, зулкадар-шамсаддинлу (шамшадиль), казахлу; в Ширванской области — румлу, алпаут, байят и др. Внутри племен эксплоатация массы кочевников племенными главами (мир-и иль) и племенною знатью (агайян ва риш-сефидан) была прикрыта оболочкой патриархальных обычаев.

Привилегированное по сравнению с крестьянами-земледельцами кочевое скотоводческое население крайне медленно и небольшими группами переходило к оседлости и земледелию. Это и вполне понятно: кочевать было выгоднее, нежели влачить печальное существование ра'ийята-земледельца, бесправного и беззащитного, обложенного десятками податей и повинностей, систематически ограбляемого финансовыми чиновниками и землевладельцами различных категорий, в их числе той же кочевой знатью, выступавшей в качестве владельцев тиулов, сойюргалов и других пожалованных ей шахом обработанных земель с оседлым земледельческим насе-

[1] И. В. Сталин, Об очередных задачах партии в национальном вопросе (тезисы), Соч., т. 5, 1947, стр. 24, 25.

лением. К тому же переходу к оседлости препятствовал и относительный недостаток в орошенных землях. Поэтому только рост социального расслоения внутри кочевых племен мог побудить беднейшие слои кочевников, испытывавшие недостаток в пастбищах, захваченных кочевой знатью в свое исключительное распоряжение, и в скоте, переходить к занятию земледелием и полукочевому или оседлому образу жизни. В течение XVII и XVIII вв. некоторые племена превратились частично в полукочевников, занимаясь земледелием и в то же время откочевывая со стадами летом на высокогорные яйлаги. Таким рисуется нам во второй половине XVIII в. положение азербайджанского племени кенгерлю, ветви кызылбашского племени устаджлу, в Нахчеванском крае.[1]

После реформы шаха Аббаса I и создания им регулярного войска, о чем мы говорили уже в III главе, значение кызылбашских племен, как главной военной силы державы Сефевидов, падает, и эти племена утрачивают значительную долю своего прежнего влияния. К концу XVII в. положение массы рядовых кочевников заметно ухудшается. Увеличение размеров податей и повинностей при шахе Хусейне коснулось и кочевников. По словам католикоса Есая Хасан-Джалаляна, в это время подверглись обложению все виды хозяйственной деятельности, как у оседлых жителей, так и у тех, «которые жили в шатрах, каковы кочевые народы, называемые таракама».[2] Их стада крупного рогатого скота, бараны и овцы и все породы четвероногих были описаны и были обложены податью, удвоенной по сравнению с предыдущими годами».[3] При Надир-шахе в 1743 г. и в следующие годы податное обложение кочевников (разумеется, массы их, а не племенной знати) снова резко увеличивается.[4] При Надир-шахе имели место случаи, когда некоторых полукочевников-илятов записывали в число ра'ийятов и облагали ра'ийятскими податными сборами. О таких фактах упоминает про-

[1] См. Нах., док. №№ 7, 9. — В таких же приблизительно условиях происходило и медленное оседание на землю кочевых узбекских племен Средней Азии в XVI—XVII вв. См. об этом Н. Ханыков, Описание Бухарского ханства, СПб. 1843, стр. 66 и сл.; В. П. Наливкин, Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886, стр. 17—18; П. П. Иванов, Удельные земли Сейид Мухаммед-хана хивинского, Записки ИВАН, т. VI, Лгр. 1937, стр. 31 и сл.; П. П. Иванов, Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве, М.—Л., 1937, стр. 16—18.

[2] Или терекемэ (араб. мн. ч. от туркмен) — «туркмены»; это название служило терминологическим обозначением для всех вообще «тюркских» (т. е. азербайджанских) кочевых племен, в отличие от оседлых азербайджанцев, не знавших племенного деления.

[3] Есай-католикос, Coll., т. II, стр. 204.

[4] См. об этом у Мухаммед-Казима, цит. рук., т. III, лл. 100а, 173б и др.

шение начальника полукочевого аймака кечлю ветви племени (иль) кенгерлю-устаджлу шаху; в прошении содержится просьба снова перевести в категорию илятов население (полуоседлое) тех деревень, которые при Сефевидах входили в состав племени кечлю-кенгерлю и считались «племенным населением» (иль),[1] а при Надир-шахе были признаны ра'ийятами.[2]

О податях и повинностях илятов (курдских и азербайджанских племен) Ереванского ханства в конце XVIII — начале XIX в. дает представление интересный документ — «ведомость о денежных и хлебных сборах по Армянской области», составленная царскими чиновниками в конце 1828 г., т. е. немедленно после занятия Ереванского ханства русскими войсками.[3] Основная часть этой «ведомости» базируется на ханском (персидском) документе, составленном в 1826/7 г. «Ведомость», хранящаяся в УЦГАЛ, обнаружена в 1938 г. Н. Г. Богдановой, которой и опубликован (вместе со вступительной статьей) отрывок из этого документа, относящийся к податям и повинностям кочевых и полукочевых племен Ереванского ханства.[4]

Из этой ведомости видно, что курды племени зилан, насчитывавшие 2 тысячи семейств и владевшие 100 тысячами овец и баранов, платили ежегодно хану с каждой сотни баранов по 2 головы в год (чобан-беги) и по 5 харваров (ослиных вьюков) масла со всех стад. Кроме того, они поставляли хану полное снаряжение для 50 верблюдов, предоставляли хану, по требованию его по мере надобности, 1000 быков для перевозки тяжестей и доставляли 1000 вооруженных всадников (черик). Если принять во внимание, что общая численность племени может быть определена, примерно, в 10 тысяч человек (считая в среднем по 5 человек в семье), окажется, что $^1/_{10}$ племени несла военную службу, как обычно, со всеми расходами на нее.

Данный документ знакомит нас также и с другими повинностями кочевников. Хусейн-хан, сардар ереванский, отдавал племенам на выпаску свой собственный скот на условиях, превращавших рядовых кочевников в пастухов и хранителей ханского стада. Цитированный документ знает две формы

[1] Нах., док. № 7: — «Если будет установлено, что в дни Сефевидов это было племенное население, то пусть также и теперь они будут в составе упомянутого племени».

[2] Там же: «Кто поселился в Нахчеване, того (сделали) ра'ийятом и требуют подать (тауджих)...»

[3] УЦГАЛ, ф. Сената, Ревизия сенаторов гр. П. И. Кутайсова и Е. И. Мечникова, 11830, № 19, лл. 20—27.

[4] Н. Г. Богданова, К вопросу о феодальной эксплоатации кочевников в Закавказском крае в первой трети XIX в., Исторический архив, т. II, 1939.

этой повинности: 1) дишбедиш, когда хан, отдавая племенной общине определенное число овец и баранов на выпаску, мог в любое время потребовать возвратить ему то же количество овец и баранов, какое было отдано ханом, и в том же возрасте; с каждой отданной на выпаску овцы хан получал ежегодно по $^{1}/_{2}$ батмана масла и сыра и по одному стилю шерсти с каждого молодого барана, а приплод доставался кочевникам; 2) амани,[1] когда весь приплод и шерсть от отданного на выпаску скота принадлежали хану; кроме того, хан получал ежегодно с каждой отданной на выпаску овцы по $7^{1}/_{2}$ стилей масла, с каждой буйволицы — по 6 батманов, с каждой коровы — по 4 батмана масла в год. Кроме того, кочевники раз в год предоставляли весь свой скот под своз разных тяжестей при перекочевках хана. Ведомость отмечает, что выпаска ханского скота была для кочевников повинностью, а не делом свободного соглашения.[2] Данный документ говорит лишь о повинностях кочевников в пользу хана. Без сомнения, такие же повинности отправлялись в пользу племенной знати.

Персоязычные документы, относящиеся к азербайджанскому полукочевому племени кенгерлю-устаджлу, из серии «Нахичеванских рукописных документов», изданных Институтом имени акад. Н. Я. Марра ГрузФАН (ныне Грузинской Академии наук),[3] относящиеся к концу XVIII — началу XIX в., указывают на социальное расслоение внутри этого племени, различая в нем следующие группы: 1) племенную знать (главы подразделений племени, султаны, кедхуды и риш-сефиды);[4] 2) кочевников, обязанных военной службой (газии — букв. «борцы за веру», т. е. бойцы) в феодальном ополчении (черик) или в конвое (мулязиман-и ракаби) Кельб-Али-хана нахчеванского, являвшегося вместе с тем наследственным главою племени кенгерлю-устаджлу;[5] 3) «работники» (амалэ), т. е. полукочевники, занимавшиеся также и земледелием и обложенные повинностями, но призывавшиеся к военной службе лишь в случае крайней необходимости.[6]

Насколько военная служба была тяжелой повинностью для массы кенгерлинцев, видно из того, что в 1839 г., т. е. уже при царском владычестве, все племя кенгерлю насчитывало только 1270 семейств, т. е. около 6350 человек; большая часть кенгерлинцев в это время была «нисколько не завидного состояния», а 130 семейств, т. е. около 700 человек, находилось «совершенно в бедном положении».[1]

Таким образом, во второй половине XVIII — начале XIX в. племенное кочевое и полукочевое население (илят) в Азербайджане и Армении делилось на 2 категории: 1) му'афов, обязанных только службой в феодальном ополчении (черик) и в конвое своих племенных начальников;[2] 2) обложенных налогами и повинностями и в то же время несших и военную службу. Повинности кочевников второй категории сводились к следующим: 1) податной сбор скотом, маслом, сыром и шерстью за пользование пастбищами, находившимися в распоряжении ханов и племенных начальников; 2) подать со стад (чобан-беги), частью натуральная, частью денежная; 3) хранение и выпаска ханского скота на разных условиях; 4) предоставление хану и племенному начальнику вьючных животных для перевозки тяжестей при перекочевках; 5) военная служба в феодальном ополчении (черик). Эти повинности были облечены в форму патриархальных обычаев. Следует подчеркнуть, что тяжесть податей и повинностей несла на себе только масса рядовых кочевников. Племенная знать (султаны, беки, аги, риш-сефиды) были освобождены от всех податей и повинностей, кроме военной службы.

Наряду с повинностями и податями ра'ийятов и илятов, связанными с пользованием обрабатываемыми участками земли или пастбищами, можно проследить, как правильно замечает проф. Е. А. Пахомов,[3] и другую систему феодальных повинностей, вытекающую не из земельного держания, а из принадлежности данной крестьянской семьи к той или иной группе, обязанной определенным кругом повинностей. Это повинности, связанные с военной службой, со службой в качестве челядинцев у ханов и беков, с обработкой собственных хозяйств крупных феодалов, повинности, связанные с группами бекских нукеров и гулямов (челядинцев) и ранджбаров, лично зависимых от своих господ. Принадлежность к этим группам вытекала либо из наследственного положения, либо из ханского приказа. Упоминания о таких

---

[1] Амани (ар.-перс.) — «нечто, сданное на хранение», «вклад», «залог».

[2] Та же публикация, стр. 235, 236.

[3] Нах., док. №№ 1—7.

[4] Нах., док. № 1 — ферман Фатх-Али-шаха иранского, изданный в месяце зу-л-хиджже 1218 г. х. (13 марта — 11 апреля 1804 г. н. э.).

[5] Нах., док. №№ 3, 4 — указы Кельб-Али-хана, изданные в месяцах сафаре (20 апреля — 18 мая 1806 г. н. э.) и шаввале (2 декабря 1806 — 9 января 1807 г. н. э.) 1221 г. х.

[6] Нах., д. № 3, 4.

---

[1] Колониальная политика, т. I, стр. 153, Рапорт главноуправляющего Кавказом Е. А. Головина военному министру гр. А. И. Чернышову.

[2] Упоминания о кочевниках — му'афах в документах нередки. См., например, в Описании Карабагской провинции, в ведомости имений карабагских ханов под №№ 104, 106, 112 указаны селения кочевников (полукочевников), не платившие в казну никаких податей.

[3] Е. А. Пахомов, О сословно-поземельном вопросе в Азербайджане, Баку, 1926, стр. 4.

лично зависимых от знатных людей челядинцах можно встретить и в нарративных источниках [1] и в документах.

Характерной чертой местных ханств второй половины XVIII в. является обилие в них, особенно в указах кубинских и карабагских ханов, пожалований в личную зависимость бекам и ханским служилым людям не только селений, но и людей, без земли. В ферманах шахов Сефевидов и Афшаров нам не приходилось встречать такой формы пожалований. В изданной серии указов кубинских ханов о таких пожалованиях говорится в 10 указах (из общего количества 24). В некоторых документах речь идет о пожаловании бекам и другим лицам ранджбаров. Персидский термин «ранджбар», как мы отмечали, в разных ханствах Закавказья прилагался то к издольщикам, то к особой категории крестьян, занятых работой исключительно в личном хозяйстве своего господина (Кубинское, Карабагское ханства). Эти работы и назывались «ранджбарскими обязанностями» (умур-и ранджбари). [2]

Ранджбары (во втором значении) составляли наследственную группу, но кадры их пополнялись также из числа беглецов из других ханств или пленников, уведенных во время войн. [3] Согласно шари'ату, захваченный в плен мусульманин не мог быть обращен в рабство (хотя на практике с этим правом во время войн военные чины далеко не всегда считались). Но во всяком случае и шари'ат не препятствовал во время набега воинов одного ханства на земли другого ханства вывести оттуда пленников и обратить их в ранджбаров. В 1204 г. х. (1790) Ахмед-хан кубинский пожаловал Хаджи-Челеби-эфенди двух ширванцев — Мелика и Аскера. [4] Ширванцы в Кубанском ханстве могли быть либо беглыми, либо пленниками.

Но кадры ранджбаров (как особой категории крепостных крестьян) пополнялись не только из «чужестранцев» и наследственных ранджбаров. Простым приказом хана любой ра'ийят мог быть превращен в ранджбара и подарен тому или иному служилому человеку. В Кубинском ханстве ко времени присоединения его к России (1810) бек мог требовать с каждого принадлежавшего ему селения, по крайней мере,

[1] См., например, у Мухаммед-Казима, цит. рук., т. II, стр. 176: «И некоторые другие начальники нарядили каждый своего человека вместе с большими суммами и навьюченными мулами, дабы они (люди), закупив в тех пределах ткани, вернулись обратно»; там же: «Четверо человек, людей того хана (Зал-хана)»; там же, л. 196: «Несколько человек из гулямов своих (Имам-верди-хана)...»

[2] Куб., док. № 24.

[3] См. об этом АКАК, т. VII, № 373.

[4] Куб., док. № 8.

по одному семейству ранджбаров. [1] В Карабагском ханстве положение ранджбаров было приблизительно таким же. В 1227 г. х. (1812 г. н. э.) Мехди-кули-хан карабагский пожаловал крестьян Аллах-кули Абдулла Хусейн-Телу-оглы и Дельгек-Хусейна в ранджбары «высокопочтенному Карабеку», с тем, чтобы они «не выходили из его приказаний, касающихся польз его, и отбывали ему службу». [2] В 1235 г. х. (1820 г. н. э.) тот же Мехди-кули-хан пожаловал Зарифа и Баба из Испаханджика [3] в ранджбары Хасан-беку. [4]

В 1235 г. х. (1819/20 г. н. э.) тот же Мехди-кули-хан приказал сельскому старосте Сафар-юзбашы «нарядить 2 семейства ранджбаров и вручить их человеку высокопоставленному и известному своею преданностью нам Мирза-Али-беку, дабы они перенесли соху его в Испаханджик для распашки», [5] т. е. обрабатывали бы для него землю.

В отличие от ра'ийятов, ранджбары не входили в состав сельских общин (джама'атов); об этом прямо говорится в та'лике Шейх-Али-хана кубинского 1216 г. х. (1801/2 г. н. э.). [6] В отличие от ра'ийятов-общинников, которых можно было переселять только целыми общинами, ранджбаров владельцы могли переселять из одного селения в другое по своему усмотрению. Упомянутый уже указ Ахмед-хана кубинского 1789 г. н. э. представляет Хаджи-Челеби-эфенди право переселить (кучанидан) пожалованных ему двух ширванцев, куда ему будет угодно — в Алидж или в любое другое селение. [7]

Ханские указы, в сопоставлении с архивными документами XIX в., показывают, что ранджбары прикреплялись не к земле, а к личности своего владельца. Приведем в виде образца отрывок из одного из указов Шейх-Али-хана кубинского, сохранившихся в персидском подлиннике (месяц шав-

[1] Колониальная политика, т. I, стр. 458. Инструкция кубинского коменданта ген. Тихановского об обязанностях крестьян по отношению к бекам (18 июля 1817 г.).

[2] АзЦАУ, ист. арх., ф. военно-окр. нач-ка, д. № 47, л. 83.

[3] Селение, лично принадлежавшее Мехди-кули-хану.

[4] АзЦАУ, ист. арх., фонд Бак. бек. к-ии, д. № 2, л. 681.

[5] То же дело, л. 680, копия, перевод с персидского, подлинника в деле нет; ср. то же дело, л. 275 (та'лика Ибрахим-Халил-хана 1215—1800 г.); д. № 3, л. 275 (та'лика Мехди-кули-хана 1237 г. х. — 1821/2 г. н. э.), л. 325 (та'лика Мехди-кули-хана 1225 — 1810 г.).

[6] АзЦАУ, ист. арх., фонд Дерб. воен. губ-ра, д. № 19, л. 2.

[7] Куб., док. № 8: — «Согласно высокому указу, пусть он переселит обоих вышеупомянутых в любое селение и в любое место, захочет, хоть в селение Алидж, хоть в другое селение, поселив, пусть устроит их, дабы они, пребывая безмятежными, усердствовали в несении службы вышеупомянутому высокосановитому, отмеченному благородным титулом». — О праве господина переселять зависимых людей см. также Куб., док. № 21.

валь 1222 г. х. — 2—30 декабря 1807 г. н. э.): «Высокий указ последовал о том, что так как его высочество (букв. «рабы его высочества», т. е., по сути дела, сам хан. — *И. П.*) повелел пожаловать ранджбаров Мухаммеда ялафинца (из селения Ялафа) и Рахима и Ахмеда руклинцев (из селения Рук) высокосановитому, высокостепенному, известному преданностью Эльдар-беку, то выдана грамота (ракам), дабы они усердствовали и старались в отправлении ранджбарских обязанностей и требуемых ему служб... На этом основании мы приказываем и постановляем, дабы никто ни под каким видом и предлогом не касался людей вышеуказанного (Эльдар-бека)». [1]

В документах кубинской серии есть указание на то, что жалуемые в личную зависимость люди записывались в особые реестры лично-зависимых людей — дафатир-и убудийет (букв. «тетради рабского служения»). [2] Существование таких реестров подтверждается тем, что при царском владычестве, в 1824 г., по приказанию главнокомандующего генерала А. П. Ермолова, на основании старых списков была составлена ведомость ранджбаров Кубинской провинции (бывшего ханства); в ведомости перечислено 1353 семейства ранджбаров, т. е. около 6500 человек, около 10% населения провинции (б. ханства); семейства эти принадлежали более чем 200 владельцам. [3] Иногда (но не всегда) ранджбары освобождались от податей и повинностей в пользу дивана, «дабы они со спокойным сердцем усердствовали и прилежали в отправлении служб» своему беку, [4] иными словами дабы дать возможность беку эксплоатировать труд ранджбаров в полной мере.

В ряде указов кубинских ханов говорится о пожаловании людей в личную зависимость бекам для несения «службы» (хидмат) им, но не указывается, к какой социальной группе принадлежали подаренные люди. [5] Скорее всего, в большинстве таких случаев речь шла о пожаловании тех же ранджбаров, хотя они прямо и не названы этим именем. Такие же факты пожалования в личную зависимость имели место и в других ханствах — в Карабагском, Талышском. Мехди-кули-хан карабагский в та'лике от 1227 г. х. (1812 г. н. э.) писал: «Несколько семейств, находящихся в крепости Шуше, собственно мне принадлежащих, пожертвовал я Худадад-беку

[1] Куб., док. № 24.

[2] Куб., док. № 29.

[3] АзЦАУ, ист. арх., фонд Куб. к-та, д. № 5, лл. 4—17.

[4] Куб., док. № 21 — указ Шейх-Али-хана кубинского 1221 г. х. (1807 г. н. э.) о пожаловании Ма'сума из селения Сухта-Киля в личную зависимость Ибрахим-эфенди.

[5] Куб., док. №№ 17, 18, 21, 26.

и Бахрам-беку, [1] дабы они, разделив их между собою на две части, каждый, владея, пользовался своей частью». [2] В 1236 г. х. (1221 г. н. э.) Мехди-кули-хан пожаловал некоему Ахмед-аге одно семейство (детей Аллах-верди с землею, с тем чтобы они были освобождены от всех повинностей в пользу дивана и служили одному Ахмед-аге). [3] В1241 г. х. (1825 г. н. э.) Мир-Хасан-хан талышский пожаловал Имам-верди-беку в личную зависимость 13 семейств в городе Ленгер-Кунан (ныне Ленкорань), 3 семейства в селении Кызыл-Агач, 3 семейства в селении Джиль, 1 семейство — в селении Герматук. [4] Ранджбары больших шелковичных хозяйств, лично принадлежавших ханам шекинскому [5] и ширванскому, как и акеры в чалтычном (рисовом) хозяйстве хана талышского, [6] ранджбары шелковичных садов Муса-султана рудбарского, [7] ранджбары в Ереванском ханстве, [8] первоначально только крестьяне-издольщики, к концу XVIII в. находились в состоянии личной крепостной зависимости.

Некоторые указы говорят о пожаловании ханами своих мулязимов, т. е. военных слуг, гвардейцев-телохранителей, в зависимость чиновным людям вместе с ра'ийятами тех селений, где эти мулязимы проживали. [9]

[1] Из семьи Шах-Назарян — армянских меликов Варанды, вассалов хана карабагского. Повидимому, подаренные семейства были также армянами.

[2] АзЦАУ, ист. арх., фонд воен.-окр. нач-ка, д. № 14, л. 371. Перевод, подлинника в деле нет.

[3] АзЦАУ, ист. арх., фонд Бак. бек. к-ии, д. № 3, л. 442об.

[4] АзЦАУ, ист. арх., фонд Бак. бек. к-ии, д. № 4, л. 640.

[5] В личном хозяйстве хана Исмаил-хана шекинского, после его смерти и при переходе его имений в казну (1819 г.) оказалось в одном только Шекинском махале Шекинской провинции 168 шелковичных садов, обрабатывавшихся 168 семействами (800—850 человек) ранджбаров, с 959 753 шелковичными деревьями. См. АзЦАУ, ист. арх., фонд Верх. груз. прав-ва, д. № 262, лл. 37—50.

[6] О том, что акеры рассматривались как группа, вполне сходная с ранджбарами, см. АзЦАУ, ист. арх., ф. Бак. бек. к-ии, д. № 4, лл. 624 об.—625.

[7] АзЦАУ, ист. арх., ф. Ширв. ком-та, д. № 21, лл. 5—6. Опись 1926 г. шелковичных садов и ранджбаров беков Муганского и Рудбарского махалов.

[8] В 1819 г., следовательно, до присоединения к России, Хаджи Агалар-бек вывел из Шарура (в Ереванском ханстве) 16 семейств «природных тамошних жителей... собственных чалтычных рачпаров (т. е. ранджбаров, работавших на рисовых полях его. — *И. П.*) сардара эриванского». Вероятно, они были подарены ему сардаром Хусейн-ханом ереванским, и он поселил их в селении Гал близ Мегри в Зангезуре, «снабдив всем необходимым». См. АзЦАУ, ист. арх., ф. Бак. бек. к-ии, д. № 3, л. 400.

[9] Куб., док. № 5, указ Фатх-Али-хана кубинского 1175 г. х. (1761 г. н. э.) о пожаловании сельской общины Дэдэлу, состоявшей из мулязимов и ра'ийятов («äz rä'aya wä mulazim») и ранее пожалованной Муртаза-Али-беку, сыну последнего.

Приведенные примеры, — немногие из сохранившихся в фондах исторических архивов Грузии, Армении и Азербайджана, относительно правового положения ранджбаров, бекских нукеров и подобных им лично зависимых людей, думается нам, позволяют сделать вывод, что существование таких групп лично зависимых людей было явлением более или менее общим для всех закавказских ханств второй половины XVIII и начала XIX в., как и в период шахского владычества (XVI — первая половина XVIII в.).

Приведем цитату еще из одного документа, показывающего, что обращение ра'ийятов и илятов в лично зависимых людей и челядинцев беков могло быть результатом не только ханского указа, но и прямых насилий со стороны беков. Этот документ — прошение земледельцев и кочевников (ра'ийятов и илятов) Нахчеванского края правителю Ирана Керим-хану Зенду (1750—1779); даты на документе нет, но издатели сборника датируют документ, на основе сличения с другим аналогичным документом, 1182 г. х. (1768/9 г. н. э.).[1] Документ содержит жалобу на то, что «наши знатные люди[2] увели некоторых из ра'ийятов и илятов и обратили их в гулямов для себя, не позволяют им...[3] предаваться занятиям ра'ийятов и илятов»[4] (т. е. земледелию и скотоводству. — *И. П.*). Протестуя против насилий беков, жалобщики писали: «Никогда не бывало, чтобы ра'ийят становился гулямом».[5] Жалобщики просили Керим-хана «соблаговолить пожаловать правосудный указ, дабы впредь ра'ийятов и илятов не делали бы гулямами и мулязимами. Кто гулям, тот пусть будет или оставшийся от отца, или купленный за золото, или чужестранец».[6]

Итак, в ханствах Азербайджана и Армении мы находим господство одного способа производства (феодального), одни и те же уклады (патриархальный в стадии медленного разложения у горцев и многих кочевых племен, немногие пережитки рабовладельческого уклада), одни и те же феодальные институты — зависимую сельскую общину, мал у джихат, сойюргал, му'афи, тиул, мульк и т. д. Везде существовало несвободное состояние для значительной части крестьян с разными степенями зависимости, приближавшейся для основной группы зависимых людей к крепостному состоянию.

[1] Нах., док. № 9, перс. текст стр. 64, 65; перевод стр. 66, 67; комментарий, стр. 55—58.

[2] Там же, текст, стр. 64, 65; «бекзадэган-и ма», букв. «наши бековичи (бекские сыновья)»; в цит. издании переведено: «наши дворяне». В деталях перевода мы расходимся с переводом, приведенным в данном издании на стр. 66, 67.

[3] Одно слово в тексте не разобрано.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Там же. Термин «гулям» (ар., букв. «юноша», «молодец», терм. — «раб», «военный слуга») употреблен здесь в двояком значении: 1) челядинец, лично и наследственно зависимый человек; 2) раб — купленный на деньги или пленник (чужестранец). О существовании в Нахчеванском ханстве мулязимов — в данном значении «военных слуг», «конвойных» (=нукеров) — см. Нах., док. №№ 7, 20.

Утверждая сказанное, мы далеки от того, чтобы отрицать наличие особенностей в социальном строе Азербайджана и Армении и даже отдельных ханств, сложившихся в этих странах. Особенности, и притом довольно значительные, были: чисто местные институты (ранджбарство — в Азербайджане, сочетание тиула с мульком — в Армении), чисто местные подати, особенности местных адатов и феодальных обычаев. Иначе и быть не могло в условиях феодальной раздробленности, при господстве в основном натурального хозяйства и при существовании многих этнических групп и племен, не слившихся в единую нацию. Все эти особенности пока еще мало выявлены, еще меньше изучены. Однако и на данной стадии научной разработки вопроса мы можем сказать, что в общественном строе закавказских ханств черты единства выступают сильнее, нежели местные различия. В частности, эти черты единства преобладают в правовом положении зависимых крестьян и в их повинностях во всех ханствах.

История крестьянства стран Закавказья, составлявшего основное население этих стран, в XVI—XIX вв. еще ждет своих исследователей. Эта история есть история классовой борьбы крестьян с землевладельцами-феодалами и феодальным государством, эксплоатировавших крестьян при посредстве финансового аппарата. Борьба двух основных классов феодального общества, в сущности, никогда не прекращалась, хотя принимала разнообразные формы. Во все периоды классовая борьба выражалась в попытках уклонения крестьян от платежа податей и выполнения повинностей. Временами, в периоды кризиса феодальной сельскохозяйственной экономики, классовая борьба принимала форму массовых побегов крестьян с места приписки.[1] Временами эта борьба выливалась в форму активного или пассивного протеста, иногда под религиозной оболочкой. К антифеодальным движениям стран Передней Азии и Закавказья мы можем вполне закономерно применить характеристику, данную Энгельсом антифеодальной оппозиции западно-европейского позднего средневековья. «Революционная оппозиция против феодализма, — говорит Энгельс, — проходит через все средневековье. В зависимости от условий времени она выступает то в виде мистики, то в виде

[1] См. об этом выше, стр. 250—254.

открытой ереси, то в виде вооруженного восстания».[1] Мы уже говорили, что временами антифеодальная оппозиция находила себе выражение в некоторых (однако, далеко не всех) течениях суфизма (мусульманского мистицизма), пропагандистами которого были дервиши, выступавшие нередко руководителями антифеодальных движений. Что касается мусульманского сектантства, то в Азербайджане, как и в ряде других стран Передней Азии в X—XV вв., шиизм часто служил идеологией крестьянских движений.[2] В XV в. социальное лицо шиизма изменилось, о чем мы уже упоминали.[3] В XVI в. после создания Кызылбашской державы, на территории последней шиизм имамитского толка стал государственным исповеданием, после чего прежнее социальное значение его было окончательно утрачено. Крестьянские восстания в XVI—XVIII вв. были очень часты. Некоторые из этих восстаний происходили под руководством духовных лиц, сектантских главарей и отдельных местных феодалов, стремившихся использовать крестьянские восстания в своих интересах в борьбе против шахской власти или против других феодалов. Эти стихийные восстания, в которых выражалось растущее недовольство крестьянской массы, иногда смыкавшиеся с восстаниями ремесленников, не могли разрушить существовавшие тогда производственные отношения или хотя бы существенно улучшить хозяйственное и правовое положение крестьян. Но эти восстания представляют выдающийся интерес для исследователей, как наиболее яркие проявления внутренних противоречий и классовой борьбы в феодальном обществе.

Сообщения нарративных источников об этих восстаниях в общем довольно скупы, а частью еще не выявлены; притом, в этих сообщениях крестьянские восстания почти всегда освещены с классово-враждебных крестьянам позиций. Столь же скупо говорят нарративные источники и описания путешественников об экономике сельского хозяйства и о хозяйственном быте деревни данной эпохи. Это обстоятельство создает большие затруднения для исследователей. Многие крупные социальные движения XVI—XVIII вв. могут послужить предметом для специальных исследований. Пока мы вынуждены здесь ограничиться кратким экскурсом о крестьянских движениях в изучаемую эпоху.

Уже при создании Кызылбашского государства феодальная

---

[1] Фр. Энгельс, Крестьянская война в Германии, Собр. соч., т. VIII, стр. 128—129.

[2] См. у В. В. Бартольда, К истории крестьянских движений в Персии, 1923.

[3] См. И. Петрушевский, Государства Азербайджана в XV в., Известия АзФАН за 1944 г., № 7, стр. 92—101; то же, изд. 2-ое, ССИА, вып. 1, стр. 201—209.

верхушка кызылбашей, стоявшая на почве умеренного шиизма (имамитского толка), постаралась использовать в своих целях недовольство крестьянских масс прежними правительствами. Это побудило шаха Исмаила I предоставить крестьянам некоторые налоговые льготы, о чем есть намеки в источниках,[1] но существенного улучшения положения крестьян не произошло. Сейчас же после своей победы кызылбаши круто расправились со своими временными попутчиками, идеологами крестьянства, «крайними» шиитскими сектантами (гулат). Если вначале ожидали улучшения своего положения от победы кызылбашей, то вскоре должны были разочароваться. Неудивительно, что весь XVI в. наполнен крестьянскими движениями.

Крупное крестьянское движение в Ширване произошло незадолго до уничтожения государства ширваншахов кызылбашами, при последнем ширваншахе Шахрухе. Управлявшие от имени этого слабовольного юноши страной «эмиры ширванские» во главе с векилем (регентом) Хусейн-беком Лялэ своей жадностью и притеснениями вызвали восстание народных масс, о котором сообщают — очень скупо — персоязычные историки,[2] стоящие на феодальной и классово-враждебной восставшим точке зрения. Какие непосредственные причины вызвали восстание, мы не знаем. Искендер Мунши говорит лишь, что притеснения ширванских эмиров, т. е. высшей феодальной знати «вышли из границ» и достигли такой степени, что в Ширване не осталось «никакого порядка, и смятение и ужас в той стране стали явными».

Восстание произошло в начале зимы 944 г. х., т. е. в ноябре-декабре 1537 г. н. э.[3] Во главе восстания стал некий каляндар, т. е. дервиш, выдававший себя за Султана-Мухаммеда, одного из внуков умершего ширваншаха Шейхшаха. Дервиш собрал под свое знамя огромную массу народа. Сперва он занял г. Сальян на р. Куре, потом восставшие пошли к столице Ширвана, г. Шемахе. Эмиры растерялись, воины ширваншаха не пожелали сражаться с восставшими. Эмиры бежали в крепость Бугурд, захватив с собой ширваншаха Шахруха. Шемаха была занята восставшими. Однако они не сумели удержаться в городе и скоро отступили в Сальян. О причинах этого отступления мы, располагая лишь рассказом классовых врагов восстания, можем только догадываться. Искендер Мунши подчеркивает, что среди восставших не нашлось «ра-

---

[1] Хондемир, цит. изд., т. III, ч. 4, стр. 35, 94.

[2] Тарих-и'алем ара, лит., стр. 89—90; Хасан-бек-Румлу, цит. изд., перс. текст стр. 282; Тарих-и ильчий-и Низамшах, в Chréstematie Persane, т. II, перс. текст, стр. 60—61; Мир Мехди Ширази ZDMG, т. 45, перс. текст стр. 285—288.

[3] Тарих-и ильчий-и Низамшах, стр. 60.

зумного человека», т. е. способного организатора. Узнав об очищении восставшими Шемахи, укрывавшиеся в крепости Бугурд эмиры оправились от страха, заняли вновь столицу и пошли на Сальян. Здесь восставшие, не организованные и не располагавшие способными руководителями, были разбиты и рассеяны. Дервиш бежал, но был схвачен. Шейх Падар убил его ударом булавы, без всякого суда.

Источники не говорят прямо о социальном составе движения. Однако то обстоятельство, что восстание было вызвано притеснениями феодальной знати, и такие черты, как массовость и в то же время стихийность движения, участие дервишей и самозванца слишком напоминают обычную картину крестьянских восстаний в странах Передней и Средней Азии в XIII—XV вв., в эпоху, отмеченную общим ростом феодально-крепостнической эксплоатации, и заставляют нас не сомневаться, что и в данном случае мы имеем дело с крестьянским восстанием. Надо иметь в виду и то, что если бы здесь произошло восстание мелких и средних феодалов, хорошо обученных военному делу и располагавших организацией, оно не могло бы быть разгромлено верхушкой знати так быстро и почти без усилий. Легкость подавления восстания не помешала управлявшим Ширваном эмирам приступить к массовой и исключительной по своей жестокости расправе. По словам Искендера Мунши, эмиры проявили такое усердие в казнях и конфискации имущества, что «народ от притеснений тиранов Ширвана был доведен до отчаяния».[1] «Эмиры, — говорит Хасан-бек Румлу, — не советуясь с ним (Шахрухом), разрывают завесу чести [подданных] и военные люди (сипахи) без спросу берут все, что захотят».[2] Не только народные массы, но и часть знати, повидимому, мелкие феодалы, были недовольны и раздражены управлением эмиров.

После уничтожения государства ширваншахов (1538), население Ширвана долго не мирилось с установлением здесь кызылбашского владычества. Между 1549 и 1554 гг. здесь произошло четыре восстания против шахской власти, в которых приняли широкое участие крестьянские массы: восстания эти, однако, были использованы в своих классовых интересах старинными местными феодалами, стремившимися восстановить независимое государство ширваншахов.[3]

Новая серия народных восстаний в Азербайджане, как в северном, так и южном, началась с 70-х гг. XVI в. Увеличение податного бремени в последние два десятилетия пра-

[1] Тарих-и алем ара, цит. стр.
[2] Ахсан-ат-таварих, перс. текст, стр. 285.
[3] Подробнее об этих восстаниях см.: **И. П. Петрушевский**, Азербайджан в XVI—XVII вв., ССИА, I, стр. 269—271.

вления шаха Тахмаспа I[1] тяжело отразилось на положении народных масс Азербайджана и Армении. По словам Хасан-бека Румлу, среди ра'ийятов Азербайджана постоянно происходили военные действия,[2] т. е. феодальные междоусобия и народные волнения: в Армении своевольничали курдские эмиры. Аппарат центральной власти был сильно расшатан.[3] Средства государства были истощены, казна расхищена.

Самым значительным из народных движений этого времени было восстание ремесленников и городской бедноты в Тебризе, при поддержке окрестных крестьян в 981 г. х. = 1573/4 г. н. э., сопровождавшееся массовым избиением феодальной знати, преимущественно духовной.[4] В 985 г. х. = 1577/8 г. н. э. произошло новое народное восстание в Ширване: оно было подавлено, и 400 «неблагословенных голов» участников его было отослано «во дворец прибежища ислама» (т. е. шаха).[5] В 988 г. х. = 1580/81 г. н. э. вспыхнуло народное восстание в Талышском крае под предводительством некоего дервиша: восставшие двинулись на Ардебиль, но были разбиты.[6]

Когда страны Закавказья временно были захвачены османскими турками, — Армения в 1578 г., Азербайджан к 1588 г.,— османское султанское правительство сразу же приступило к ограблению этих стран. В конце XVI в. османская Турция переживала экономический упадок,[7] и османское правительство пыталось найти выход путем резкого повышения податей. Больше всего страдали от налоговой политики османской власти крестьяне, — безразлично, азербайджанцы, армяне, грузины, курды.[8] По словам Аракела Тебризского, из-за тяжести этих податей разбежалось три четверти жителей населенного армянами округа Дизак и Карабаге.[9] По рассказу Шереф-хана Бидлиси, округ Марага был обложен огромными налогами, составившими 15 харваров (ослиных вьюков) золотом. «И через год, — рассказывает историк, — ра'ийяты Ма-

[1] Д'Алессандри в «A narrative of Italian travels», стр. 218, 223—224.
[2] Ахсан-ат таварих, стр. 489.
[3] Там же, ср. Шереф-намэ, т. II, стр. 252.
[4] Ахсан-ат-таварих, стр. 455—457; Тарих-и алем ара, лит., стр. 90—91; д'Алессандри, стр. 224; см.: И. П. Петрушевский, Восстание ремесленников и городской бедноты в Тебризе.
[5] Ахсан ат-таварих, стр. 490—491.
[6] Тарих-и алем ара, лит., стр. 201.
[7] См. об этом: В. А. Гордлевский, Внутреннее состояние Турции во второй половине XVI в., в «Трудах Ин-та Востоковедения» (Московского), сборн. № 2, 1940; А. С. Тверитинова, Восстание Кара-Языджи, М. — Л., 1946.
[8] Аракел Тебризский, Coll., т. I, стр. 275.
[9] Там же, стр. 276.

раги разбежались, и она была так разорена, что эмиру санджака (правителю округа) не доставалось и одного червонного фельса, а и в [султанское] казначейство, кроме одного харвара золотом, ничего не поступало». [1]

Упадок сельского хозяйства в Османской державе повел к разорению мелких феодалов-ленников (сипахиев), несших военную службу и наделенных за то ленными держаниями (тимар). [2] Ревизия списков этих симахиев, при которой множество мелких тимариотов было исключено из рядов феодального ополчения и вместе с тем лишилось своих тимаров, вызвало грандиозное восстание, сперва в восточных областях азиатской Турции, под предводительством Кара-Языджи. Вскоре к восставшим тимариотам-сипахиям, иначе говоря, мелким феодалам-ленникам, примкнули крестьяне, кочевники, разные беглые и обездоленные люди. Это восстание сильно расшатало политическую мощь Османской державы (в 1599 и след. гг.). [3]

Восстание этих так называемых джелалиев [4] быстро распространилось и на территорию Курдистана, Армении и Азербайджана. Уже под 1011 г. х. = 1602/3 г. н. э. Искендер Мунши упоминает о поднявшихся в этих странах «черни и подонках» (аджамирэ ва оубаш) и «мятежниках» (бидоулетан). Движение быстро распространилось, так что в 1603 г., по словам того же автора, южный Азербайджан и Ширван находились «во власти сборища мятежников джелалиев». [5] Движение это напугало азербайджанскую и курдскую феодальную знать и армянское высшее духовенство и побудило их обратиться за помощью к Кызылбашской державе, [6] внутреннее положение которой при шахе Аббасе I заметно укрепилось. Между 1603 и 1607 гг. кызылбашское владычество в Азербайджане и Армении было восстановлено войсками шаха Аббаса I, встреченными с восторгом азербайджанскими феодалами и армянским духовенством и купечеством. [7] Но подавить крестьянские движения в странах Закавказья шаху Аббасу I не удалось. О политике шаха Аббаса по отношению к Ирану и к вновь

---

[1] Шереф-намэ, цит. изд. перс. текста, т. I, стр. 294.
[2] Османский тимар соответствовал кызылбашскому сойюргалу.
[3] Об этом восстании см. серьезное исследование А. С. Тверитиновой. «Восстание Кара-Языджи — Дели Хасана в Турции», М. — Л., 1946.
[4] В XVI в. в Малой Азии всех участников крестьянских восстаний именовали «джелали» по имени шейха Джелала, вождя одного из ранних народных восстаний (в 1518 г.) в районе Токата.
[5] Тарих-и алем ара, лит., стр. 440—442.
[6] Там же, стр. 441; Аракел Тебризский, Coll., т. I, стр. 276.
[7] Тарих-и алем ара, лит., стр. 515—516; Аракел Тебризский; Coll., т. I, стр. 276—285.

завоеванным «окраинам», в их числе Азербайджану и Армении, мы уже говорили. [1]

Антифеодальные движения, охватившие крестьянские массы Азербайджана, Армении и соседних стран, занимают почти весь XVII в. История этих движений совсем не изучена. Упоминания о них можно найти не у авторов исследований по истории стран Передней Азии этого периода, а непосредственно в первоисточниках, также мало изученных. Исключение представляет лишь упомянутое движение джелалиев, но и оно пока исследовано слабо, и то, главным образом, движение на турецкой территории. Поэтому пока невозможно дать ни законченной картины и анализа этих движений, ни даже полного перечня их. Можно, однако, отметить две основных полосы этих движений в XVII в. Одна из них относится к периоду, совпадающему с ирано-турецкими войнами (1603—1639) на территории стран Закавказья и связана с протестом крестьянства против разорявших страну чужеземных завоевателей и поддерживавших их группировок местной знати. Вторая полоса восстаний началась с 70-х гг. XVII в. и являлась ответом крестьянства на сильный рост налогового бремени и эксплоатации именно в это время. В этих движениях выявилось обострение противоречий между двумя основными антагонистическими классами.

Мы уже упоминали, что движение джелалиев, усилившееся после того как часть разбитых в Турции джелалиев в 1608—1610 гг. перешла в пределы Кызылбашского государства, распространилось и на Армению и Азербайджан. [2] Здесь движение, освободившись от своей верхушки — ленников-тимариотов, перешедших на службу к шаху Аббасу I, приняло чисто крестьянский характер. Джелалии разбились на множество разрозненных отрядов, ведших войну с шахскими беглербегами и знатью на территории Армении, южн. и сев. Азербайджана, особенно в Нахчеванском крае. Отряды состояли из азербайджанских крестьян, живших также и в Армении, и из беглецов из Турции, Курдистана и из внутреннего Ирана. Аракел Тебризский старается представить это движение чисто мусульманским, антихристианским и антиармянским. Но и он вынужден был признать, что «даже некоторые христиане (т. е. армяне), не боясь бога, видя то, что делали чужеземцы (джелалии), принялись им подражать». [3] Это понятно, ибо по существу это было антифеодальное движение, и религиозные мотивы для восставших не имели существенного значения. Зато армянские монастыри, являвшиеся крупными землевладельцами, сильно пострадали от джелалиев.

---

[1] См. выше, стр. 81—82.
[2] Тарих-и алем ара, лит., стр. 539—548, 556—558, 559—561, 566—569.
[3] Аракел Тебризский, Coll., т. I, стр. 310.

Среди вождей отрядов джелалиев были и азербайджанцы из Армении. Это ясно из приводимых Аракелом Тебризским имен этих предводителей, — например, Мамед (Мухаммед) Канакерлу, происходивший из сел. Канакер в Ереванской области.[1] Аракел Тебризский, настроенный враждебно по отношению к джелалиям, что вполне понятно для стоящего на церковно-феодальной точке зрения хрониста, все же признает, что «это были люди выдающиеся, счастливые и храбрые на войне, никогда не побежденные».[2] Аракел приводит имена 23 вождей отрядов джелалиев, насчитывавших по тысяче и более бойцов в каждом отряде.[3] Среди этих вождей в памяти народа особенно запечатлелись два имени. Аракел говорит о них: «Кёр-оглу — это тот, о котором сложено много песен, ныне распеваемых ашугами. Мустафа-бек Гзир-оглу с 1000 мужами, — это товарищ Кёр-оглу, часто упоминаемый в песнях».[4] Трудно сказать, однако, в каком отношении этот исторический Кёр-оглу стоит к герою народных сказаний. На протяжении трех столетий народными певцами — ашугами, слагаются песни, передающие яркую эпопею любимого народного героя, блестящих подвигов его с его конем Кырат, его ненависти к богачам и угнетателям, любви к обездоленным и угнетенным, красивые элегии, посвященные его смерти. Сказители эпопеи о Кёр-оглу широко известны в Азербайджане, Армении, Грузии; вместе с тем имя Кёр-оглу очень популярно в песнях тюркоязычных народностей и племен на широком пространстве от Малой Азии до Туркменистана. Существуют разные версии эпоса о Кёр-оглу, называющие разные местности Передней Азии родиной и ареной деятельности его. Свидетельство Аракела Тебризского указывает, что исторический Кёр-оглу действовал в Армении и в Азербайджане. Предания указывают на Нахчеванский край и на район Салмас-Хой (в южн. Азербайджане), как на места, где он действовал больше всего. Близ Салмаса показывают развалины замка, построенного по преданию Кёр-оглу. Возможно, что один из вождей джелалийского движения принял на себя имя Кёр-оглу, популярное благодаря сложившейся ранее легенде.

Аракел Тебризский так определяет пространство, охваченное народным движением джелалиев около 1610 г.: «от предместий Константинополя до города Еревана и от Багдада до Демир-Капу (Дербенда) и от Белого (Средиземного) до Черного моря». Восстание джелалиев не было вполне подавлено и в форме борьбы разрозненных отрядов продолжалось после смерти шаха Аббаса I. Закария саркаваг упоминает о джелалиях на территории Армении после 1630 г.[1]

[1] Аракел Тебризский, Coll., т. I, стр. 307.
[2] Там же, стр. 310.
[3] Там же, стр. 311.
[4] Там же.

В 1614 г. произошло восстание «черни», т. е. народных масс в Ширване под предводительством вождя одного из кочевых племен Делу-мелика. Восставшие заключили союз с восставшим кахетинским царем Теймуразом, взяли г. Ареш.[2] Раньше 1625 г. н. э. среди армянских крестьян сев. Азербайджана началось движение под религиозной оболочкой, нашедшее отклик и среди азербайджанцев. Как было сказано, армянские монастыри, как в Армении, так и в Азербайджане, были крупными землевладельцами и пользовались покровительством сефевидских шахов. Поддержка, оказанная армянскими монастырями и епископами войскам шаха Аббаса I, опустошившим страны Закавказья, не могла вызвать одобрения в народной массе. Протест против феодальной эксплоатации крестьян монастырями принял в среде армянского крестьянства форму протеста против официальной церкви и монастырского землевладения, форму религиозно-сектанского движения.

Об этом движении подробно рассказывает Закария саркаваг,[3] относящийся к этому движению резко враждебно. Во главе движения стал некий удин,[4] родом из Ганджи. Он постригся в Гандзасарском монастыре и был посвящен в сан архидиакона (авагсаркаваг). Но затем он усомнился в церковной вере и стал проповедывать против монахов и церковных богатств и против богатства вообще, призывая к возвращению к «евангельской бедности». Он нашел последователей не только среди христиан-армян, но и среди мусульман-азербайджанцев, ибо он, признавая Христа, признавал святым и пророком также и Мухаммеда. Несомненно, последователей привлекла больше всего социальная проповедь этого человека, настоящее имя которого не названо хронистом. За «гнусные и неприличные речи» католикос албанский тэр Оганнес лишил строптивого монаха сана. Монах бежал в Ганджу, где вначале ему оказал было покровительство беглербег Давуд-хан, усмотревший здесь только христианскую секту, близкую к мусульманству. Но вскоре классовое лицо нового учения выявилось вполне.

[1] Закария саркаваг, Coll., т. II, стр. 48.
[2] Тарих-и алем арай, лит., стр. 626—627.
[3] Закария саркаваг, Coll., т. II, стр. 33—37.
[4] Удины — мелкая народность в сев. Азербайджане — древней области Ути (в наши дни удины сохранились в 3 селениях в числе нескольких тысяч человек), говорящая на особом удинском языке, принадлежащем к дагестанским яфетическим языкам; удины были христианами, принадлежали к албанской, позднее армянской церкви.

Проповедник-удин стал ходить по деревням, собрал вокруг себя толпу до 500 человек верных последователей, состоявшую из армян и азербайджанцев и ходившую за ним из селения в селение. Кроме того, он избрал 12 «апостолов», «вложил в их руки бич и опоясал мечами». Он одевался в грубую шерстяную одежду, к которой около сердца было прикреплено два гвоздика, в воспоминание о гвоздях распятия Христа, почему азербайджанцы прозвали его Мехлу́-баба́, т. е. «старец с гвоздями».[1] Проповедуя против богатых и роскоши, Мехлу́-баба́ ни от кого не принимал подаяний для себя лично, а все делил между членами своей странствующей общины, говоря что «ученикам Христа не подобает получать золото и серебро, ни облачаться в богатые одежды, а подобает им одеваться в волосяную ткань и шерсть». Его последователями были «чернь» и «простонародье», но попадались среди них и «невежественные священники» (сельские) и даже «богатые именитые люди». В селениях, куда приходил Мехлу́-баба́, «невежественная чернь» валила к нему валом и слушала его проповеди с жадностью, даже девушки-затворницы выходили ему навстречу. Повидимому, Мехлу́-баба́ не признавал церковной обрядности, так как придя в селение, он входил в армянскую церковь и, усевшись на алтаре (престоле) и свесив ноги вниз, начинал проповедывать против богатства вообще и против богатства церкви и монахов в частности. «Кто убьет хоть одного монаха, — поучал Мехлу́-баба́ своих слушателей, — не спросятся с того грехи его, и отправится он в царство божие». Всюду, где он встречал монахов, он избивал и раздевал их до гола, а сопровождавшая Мехлу́-бабу толпа влекла с собою связанных монахов. Из районов Ганджи и Карабага движение докатилось до Арарата, и Мехлу́-баба́ с большой толпой своих последователей подошел к Еревану. Там его встретил беглербег Амиргунэ-хан каджар, покровитель армянского высшего духовенства. Он, указывая на толпу последователей Мехлу́-бабы, иронически спросил у него: «Куда собрался в поход с таким войском, на Эрзерум или на Карс?» Затем спросил: «Ты кто?» — «Черноголовый (т. е. монах), молюсь за тебя», — ответил Мехлу́-баба́. «Для этого довольно и их», — ответил хан, показывая рукой на стоявших в его свите армянского патриарха-католикоса и епископов. Хан устроил нечто вроде диспута между Мехлу́-бабо́й и армянскими епископами; когда католикос прочел место из Евангелия о том, что «появятся лже-христы и лже-пророки. . .», хан сказал: «Вот это истинно, а то (т. е. учение Мехлу́-бабы́) — ложь». Он велел бросить Мехлу́-бабу́ в бассейн, ограбил и раздел его 12 «апостолов» и 2 «тачиков» (азербайджанцев) и 1 армянина из числа сопровождавших его всадников и разогнал толпу. Мехлу́-баба́, правда, был помилован и извлечен из бассейна, но был изгнан из страны и, удалившись в турецкую Армению, пропал без вести.[1]

[1] От перс. «мих», в аз. произношении «мех» — «гвоздь».

В этом движении важным моментом было объединение армянских и азербайджанских крестьян против землевладельцев. Нет сомнения, что движение, если бы оно не было быстро подавлено, могло бы перерасти в вооруженное восстание.

Последствием подавления этих движений было укрепление власти военно-феодальной знати, рост закрепощения и эксплоатации крестьян. К этому присоединялся гнет чужеземных завоевателей, переложивших все бремя налогов и податей в основном на крестьянство. И так как рост феодальной эксплоатации был непропорционален росту производительных сил в сельском хозяйстве и крестьянин лишался не только прибавочного, но и части необходимого продукта, то последствием этого явления было заметное обеднение крестьянства и частые неурожаи и голодовки, которые вызывались невозможностью для обедневших крестьян справиться со стихийными бедствиями.

Была еще причина, благодаря которой положение крестьянской массы в конце XVII в. стало особенно трудным. Около этого времени стал заметен экономический упадок стран Передней и Средней Азии.[2]

Все указанные причины вызвали новую волну крестьянских движений. Движения этого периода пока совсем не изучены. Отметим здесь лишь, что одним из главных очагов антифеодальных восстаний в этом периоде становится Нахчеванский край. В начале 70-х гг. XVII в. в сев. Азербайджане был неурожай, причем особенно остро голод ощущался в Нахчеванском крае. Соседние ханы южн. Азербайджана, опасаясь распространения голода и на их округа, поспешили наложить запрет на вывоз зерна из своих округов. Голодающие крестьяне устремились в города, располагавшие запасами зерна, что вызвало скопление народа в городах. В ответ было подтверждено старое запрещение крестьянам покидать свои районы и уходить в города. Тогда в Нахчеванском крае вспыхнули голодные бунты и стихийные вспышки. Крестьяне громили склады зерна, принадлежавшие государству, знатным людям и купцам, нападали на армянские монастыри. Крестьянские волнения в Нахчеванском крае охватили весь период 70-х гг.

Около 1671 г. началось большое крестьянское восстание

[1] Закария саркаваг, Coll., т. II, стр. 37.
[2] См. об этом выше, стр. 83—84.

в Нагорном Карабаге, направленное как против местных феодалов, азербайджанских феодалов (главы кочевого джеваншир),[1] так и против армянских меликов. Восстание приняло форму борьбы крестьянских разрозненных отрядов, действовавших в горах и лесах, и растянулось почти на 20 лет.

Хозяйственный кризис конца XVII в. и сокращение доходов шахского правительства вызвали, как уже было отмечено выше,[2] новое и притом очень резкое повышение податей при шахе Хусейне, между 1698 и 1701 гг., о чем подробно рассказывает армянский хронист Есай Хасан-Джалалян. Была проведена новая перепись сельского населения и объектов обложения, сопровождавшаяся, как обычно в подобных случаях, истязаниями крестьян и сельских старост по подозрению в даче неправильных показаний об объектах обложения. Подушная подать была увеличена втрое, были введены новые подати («ихраджат-и шахзадэ», «шеш-динар»),[3] самые мелкие селения были обложены суммами по 20—30 туманов (200—300 тысяч динаров), более крупные селения — по 50—150 туманов (500—1500 тысяч дин.). Было повышено обложение кочевников.[4] Разоренные крестьяне оказались на грани нищеты.

В южн. Азербайджане между 1709 и 1715 гг. начались крестьянские восстания в районах Соуджбулака, Тебриза, на Мугани, направленные как против феодальной эксплоатации, так и против чужеземного гнета.[5] По словам русского посланника в Иране, известного Артемия Волынского, в районе Тебриза (1717) большинство «ребелизантов» (восставших) было «ис подлых», т. е. из эксплоатируемой народной массы. Тот же автор отметил, что у угнетенного шахским правительством народа не оставалось иного выхода, кроме восстания. «И сколько я видел, — писал Волынский, — то лутче те выиграли, которые чинят бунты, нежели которые по должности подданства себя содержат, понеже оные великими налогами отягчены и платят чрезмерные поборы».[6]

В 1711 г. в Дагестане началось так называемое лезгинское восстание против шахского владычества, под религиозной оболочкой защиты гонимого суннизма от притеснений шиитов. Движение, продолжавшееся с перерывами до 1722 г., быстро перебросилось на северные (суннитские) районы Азербайджана. На первом этапе этого движения к нему примкнули во множестве крестьяне. Восставшими крестьянами был, между прочим, убит Султан-Ахмед-хан кубинский (шиит, в 1711 г.). Но стоявшие во главе восстания представители суннитского духовенства (Хаджи Давуд) и дагестанские феодалы (Чулак-Сирхай-хан казикумухский и другие) подавили эти крестьянские тенденции, придав восстанию исключительно антииранский характер. На дальнейших судьбах этого восстания поэтому мы здесь не останавливаемся.[1]

Шахское правительство Ирана было не в состоянии справиться с восстаниями. Развал шахской державы в результате афганского вторжения вызвал военное вмешательство русского правительства в дела стран Закавказья (1722), а вслед затем и Турции. По Константинопольскому трактату 1724 г. состоялся раздел Закавказья таким образом, что, кроме узкой прибрежной полосы от Дербенда до Гиляна, все остальное Закавказье должно было отойти к Турции. Тяжелый гнет османско-турецких оккупантов[2] вызвал в Азербайджане и Армении ряд народных восстаний, направленных как против иноземных завоевателей, так и против присоединившихся к ним местных феодалов. Особенно упорна была героическая оборона не желавшего подчиниться османским туркам Тебриза (1724), который обороняли ремесленники, городская беднота и окрестные крестьяне.[3] Шейх Мухаммед-Али Хазин говорит, что везде, куда приходили турецкие войска, «ра'ийяты не покорялись и с румийцами (османами) не соединялись».[4]

Еще до вмешательства России и Турции, в 1722 г., против шахского владычества восстали грузины в Картии и армяне в Зангезуре и Нахчеванском крае, надеясь на помощь единоверной России. Но после Константинопольского трактата христианские районы Закавказья целиком отошли под власть Турции. Армянские повстанцы, основная масса которых состояла из крестьян, под предводительством Давид-бега, еще долго продолжали бороться с турецкими войсками в трудно доступных горных ущельях Кавказа, Зангезура и Нахчеванского края (район Акулис-Ордубад). Последним успехом Давит-бега было занятие Акулиса. В 1728 г. Давит-бег умер в своей резиденции, крепости Алидзор. Его заместил храбрый Мхитар. Однако раздоры в среде предводителей движения, среди которых было немало меликов, мелких землевла-

[1] См. о нем выше на стр. 136.
[2] См. выше, стр. 84, 295.
[3] О них см. выше стр. 277, 282.
[4] Есай-католикос, Coll., т. II, стр. 203—204.
[5] См. в извлечении из дневника Артемия Волынского, опубликованном Е. С. Зевакиным, Азербайджан в начале XVIII в., ИООИА, № 8, вып. 4, Баку, 1929.
[6] Там же.

[1] См. об этом восстании подробно у П. Буткова, Материалы по новой истории Кавказа, т. I.
[2] См. выше в главе II.
[3] Шейх Мухаммед-Али Хазин, цит. изд. перс. текста, стр. 149—150.
[4] Там же, стр. 151.

дельцев и священников, привели к тому, что в 1729 г. часть их во главе со священником тэр Аветисом вступила в переговоры с турецкими властями и сдала им крепость Алидзор, получив обещание амнистии. Обещание не было выполнено, сдавшиеся были перебиты, их жены и дети обращены в рабство. Тэр Аветис один получил свободу и позволение удалиться со своей семьей в Иерусалим. Мхитар продолжал борьбу, ему удалось еще взять г. Ордубад. В 1730 г. он был убит предателем, голова его была отослана к турецкому паше в Тебриз, ополчение его было рассеяно.[1] Так кончилось восстание, продолжавшееся 8 лет.

Восстановление владычества шахского Ирана в Азербайджане, кавказской Армении и Восточной Грузии (1735) и воцарение в Иране Надир-шаха (1736—1747) из династии Афшаров не привело к прекращению крестьянских восстаний в этих странах. В 1738 г. произошло восстание шести «лезгинских», по терминологии источников, в действительности аварских, «вольных обществ» (джама'атов — родоплеменных общин) Джарской области (на границе с Кахетией), созданных еще в XVI в. аварами, выходцами из Дагестана, не признавшими власти ни грузинских царей, ни азербайджанских ханов. В сражении с восставшими джарскими аварами близ селения Ках было разгромлено большое иранское войско, в состав которого входили и ополчения азербайджанских владетелей (ханов и султанов); при этом погиб сам главнокомандующий Ибрахим-хан, брат Надир-шаха осенью (1738).[2] Только в 1741 г. джарцы были усмирены Надир-шахом.

Из других крестьянских восстаний в Азербайджане, направленных как против шахского Ирана, так и против местных феодалов, следует отметить восстания в Ширване 1738 и 1743 гг., оба связанные с появлением самозванцев, выдававших себя за Сам-мирзу, мнимого сына шаха Хусейна (1694—1722) из низложенной Надир-шахом династии Сефевидов. Особенно крупным было восстание мнимого Сам-мирзы в 1743 г.[3] Непосредственной предпосылкой этого выступления было то, что в 1739 г. после победоносного похода в Индию, в котором была захвачена богатейшая добыча, Надир-шах освободил всех своих подданных от уплаты податей на 3 года, но потом сам же отменил эту льготу и с 1743 г. стал взыскивать подати за истекшие три года. Кроме того, с 1743 г. размеры податей были резко увеличены. Взимание податей сопровождалось истязаниями недоимщиков, урезанием носа и ушей, ослеплением и т. д.[1]

В восстании Сам-мирзы 1743 г. руководящую роль играла ширванская знать, но масса повстанцев состояла из «простонародья и черни».[2] Восставшие убили иранского беглербега Ширвана Хейдер-хана, взяли г. Шабиран, потом г. Ах-су — новую столицу Ширвана, основанную Надир-шахом. К восставшим присоединилась и часть войска, состоявшая из азербайджанских кочевых племен (муганлы — жители Муганской степи). Восставшие, однако, потерпели поражение в битве при Багишахе близ Ах-су 20 декабря 1743 г. Город Ах-су был взят и разграблен персами. Сам-мирза бежал в Картлию, присоединившись к грузинам, восставшим до того под предводительством Гиви Амилахвари, эристави ксанского; и это восстание было подавлено после битвы при Ахал-цихе 30 декабря 1743 г. Восстание в Ширване было подавлено иранским наместником Мухаммед-Али-ханом с исключительной жестокостью; достаточно отметить, что многие восставшие подверглись ослеплению, и 14 батманов (42 кг) выколотых глаз было взвешено на весах.

В том же 1743 г. в южном Азербайджане вспыхнуло восстание курдского племени думбули в округах Хой и Салмас после того, как сумма податей с этих округов, раньше составлявшая 3 тысячи туманов, была сразу увеличена до 100 тысяч туманов (столь резкая разница отчасти объясняется падением курса тумана). Восстание распространилось на значительную часть южного Азербайджана и было подавлено с трудом.[3]

В 1744 г. шахскими войсками, при помощи грузинских царей — Теймураза картлийского и его сына Ираклия кахетинского, было подавлено опасное для иранского владычества в странах Закавказья движение самозванца Сефи-мирзы, также мнимого сына шаха Хусейна, собиравшего на турецкой территории близ Карса ополчение, в котором было много азербайджанцев и грузин, для вторжения в подвластные Ирану страны Закавказья. В 40-х гг. XVIII в. наряду с крестьянскими восстаниями в странах Восточного Закавказья происходили и восстания местных феодалов против владычества шахского Ирана, как, например, восстание в Шеки в 1744 г.: и в этих восстаниях принимали участие крестьяне. Для усмирения стран Восточного Закавказья и Дагестана Надир-шах предпринял четыре похода. После гибели Надир-шаха в результате дворцового заговора (1747 г.) и насту-

[1] История Давит-бега, Coll., т. II, стр. 249—253.
[2] Мухаммед-Казим, цит. рук., т. II, лл. 337—357.
[3] Мухаммед-Казим, цит. рук., т. III, лл. 128а—132а.

[1] См. об этом выше, стр. 43, 85.
[2] Мухаммед-Казим, цит. рук., т. II, л. 128а.
[3] Там же, т. III, лл. 100а—104б.

падения новой полосы междоусобий в Иране, иранское владычество в странах Восточного Закавказья превратилось в номинальное. Сложившиеся здесь еще ранее ханства были на время предоставлены самим себе. Но уже при Керим-хане Зенде (1750—1779) иранское владычество было восстановлено в южном Азербайджане (1760 г.), вслед затем в Ереванской области. Иранское правительство все время старалось восстановить свою действительную власть и в ханствах северного Азербайджана. Это было достигнуто после походов в Закавказье Ага Мухаммед-хана (с 1796 г. — шаха) Каджара в 1795 и 1797 гг.

Почти сорокалетняя (1709—1747) война, феодальные междоусобия, турецкие и иранские вторжения, крестьянские восстания привели к огромному разрушению производительных сил во всем Восточном Закавказье. Во второй половине XVIII в. внешняя и внутренняя торговля сократилась до очень небольших размеров, города опустели. В конце XVIII в. ни один город северного Азербайджана не насчитывал свыше 6 тысяч жителей. Крестьянство доведено было до полного разорения и обессилено военными постоями и грабежами турецких и иранских войск, междоусобными войнами ханов и постоянными неурожаями и голодовками, с которыми обедневшие крестьяне не могли справиться. Классовая борьба крестьян с феодалами во второй половине XVIII в. приняла, главным образом, формы массовых побегов крестьян из одного ханства в другие, ибо, как мы уже раньше упоминали, ханы, нуждаясь в крестьянах для заселения опустевших земель и орошения и оживления последних, охотно принимали к себе на льготных условиях беглецов из других ханств, хотя в то же время старались не допускать побегов из своих ханств.[1] В этот период очень развилось также «разбойничество», по терминологии источников, т. е. деятельность разрозненных отрядов беглых крестьян и кочевников, боровшихся с местными феодалами.[2]

В последней четверти XVIII в. наметился, правда, некоторый относительный подъем в сельском хозяйстве отдельных районов (Ереван, Карабаг, Шеки, Куба), но результаты его не могли быть прочными в условиях феодальной раздробленности и постоянных феодальных междоусобий. Несмотря на некоторое сокращение размеров отдельных податных сборов, общее положение разоренного крестьянства во второй половине XVIII в. оставалось тяжелым. Внутренних сил для преодоления феодальной раздробленности, прочного выхода

[1] См. выше, стр. 258—262.
[2] Гюлистан-ирам, стр. 124 и след.

из хозяйственного кризиса в странах Закавказья не было.[1]

Самостоятельное существование закавказских ханств также было невозможно, и перед ними не было иного выбора, кроме подчинения отсталым и переживавшим хозяйственный и политический упадок Ирану или Турции, или же экономически и политически растущей России. Присоединение Грузии, сев. Азербайджана и кавказской Армении к России (между 1801 и 1828 гг.) оказалось для этих стран историческим выходом, открывавшим перспективы прогрессивного развития в будущем, в первую очередь благодаря ликвидации ханств, феодальной раздробленности и феодальной хозяйственной замкнутости, несмотря на политический и национальный гнет царизма и сохранение еще на долгое время феодально-крепостнических отношений.

[1] Данная И. В. Сталиным (Марксизм и национальный вопрос. Соч., т. 2, 1946, стр. 295) характеристика феодальной замкнутости княжеств Грузии в полной мере относится и к закавказским ханствам.

22 Зак. 4397. Петрушевский.

ПРИЛОЖЕНИЯ[1]

[1] Перс. тексты переписаны для клише А. А. Завистовичем.

340.

1

Союргальная грамота Кара-Юсуфа Кара-Койюнлу на имя эмира Шамс-ад-дина Рузеки, 10 раби I, 1820 г. х. = 27 апреля 1417 г. н. э.

Шереф-намэ, цит. изд., т. I, стр. 376—378

فرزندان اعزان ابقاهم الله تعالی و امراء الوسات

و تومانات و هزارجات و صدجات و سرداران

و حکّام و عمال و ارباب و کلانتران و اهالی و اعیان

و کدخدایان و ملکان کردستان عموماً و اصول و

معارف و مشاهیر و متوطنان و ساکنان بدلیس

و اخلاط و موش و خنوس مع توابع و لواحق

بدانند که چون کمال اخلاص و یکجهتی و نهایت

اختصاص و جانسپاری جناب امارت پناه

فرزندی اعزی امیر اعظم اعدل اعقل اکرام

امیرالامراء الاعجم امیر شمس الدین ابوالمعالی

نشان الله تعالی ایام دولته و نصرته و عزه
و اقباله الی یوم الدین و ثوق و اعتقاذ تمام
حاصل شد بر ذمت همت خسروانه مالازم و
متحتم کشت که بر قرار سابق امیر مشارالیه را
بانواع عواطف و سیورغالات بین الاقران
ممتاز و مستثنی کردانیم بنابرین آثار مراحم و
اشفاق پادشاهانه بر صفحات احوال اولایح و
واضح شده حالی عجالة الوقت راه حکومت و
امارت و ایالت و متصرّفی مال و جهات و
حقوق دیوانی بدلیس و اخلاط و خنوس و
موش و دیکر قلاع و توابع مع لواحق و مضافات

و منسوبات که قبل ازین در تصرّف امیر
مشارالیه بوده بتجدید بدوارزانی داشته بی
مداخلت و مشارکت غیری بدوارزانی داشته
بدان سبب این امر و حکم سعادت الله جمیع
الاقطار سمت اصدار یافت که بر قرار امیر مومی
الیه را امیر و حاکم و متصرّف بلوکات و مواضع
قشلاق و مزارع که پیشتر ازین بامیر مومی
الیه متعلق بوده مدخل نسازند و پیرامون
نکردند و مزاحم رعایا و مردمان وکسان او
نشوند و هرکس خلاف فرمان نماید در محل
خطاب و معرض جواب و بازخواست عظیم

خواهد بود وظیفه امراء و سرداران و اصول و
اعیان و ساکنان و متوطنان بدلیس و اخلاط
و موش و خنوس و مواضع و مزارع و کوتوالان
و مقیمان قلاع آنکه پیوسته کماشتکان جناب
امارت پناه فرزندی را امیر و حاکم خود دانسته
از سخن و صلاح و صوابدید ایشان انفراد
ننمایند و طریق اطاعت و انقیاد و جانسپاری
بتقدیم رسانند و جمیع قضایا و مهمات و
معاملات خودرا بکماشتکان امیر موسی الیه
مفوض و منوط دانند بهرجه رجوع کند مطیع و
منقاد باشند واز جوانب برینجمله روند و چون

بتوقیع رفیع اشرف موشح و مزین کردد
اعتماد نمایند تحریرا فی عاشر شهر ربیع الاول
سنه عشرین و تمانمایه

2

Ферман шаха Тахмаспа I о сойюргальном владении потомков шейха Захида землями Джура, Маджура и Урункад на Мугани, 20 джумады II, 966 г. х. = 30 марта 1559 г. н. э.

Сильсилят-ан-насаб, циг. рук., лл. 162—164

هذا الحکم فرمان همایون شد آنکه چون اصل
مالوجهات مزارعهٔ جوره و ماجوره واورنقاد
الکای مغانات حسب الحکم جهانمطاع در وجه
سیورغال اولاد عظام شیخ ربانی شیخ زاهد
کیلانی قدّس سرّه العزیز مقرر و مستمراست
و تغییری درآن نشده و چون توجه خاطر فیض

مآثر ما در باره ایشان بدرجهٔ اعلی است
بنابرین مقرر فرمودیم که برادر اعز ارشد کامکار
سلطنت شعار ابولفتح بهرام میرزا بقاالله
تعالی و وکلاء او و ملکان الکاء مذکور و مستاجران
مزارع مقانات اصلاً بعلت تفاوت و توفیر از
مزارع سیورغال ایشان طلبه ننمایند و سرانه
نگیرند و اگر تفاوتی داشته باشد در سنوات
گذشته و حال و آینده بدستور اصل بسیورغال
ابدی واحسان سرمدی ایشان مقرر دانسته
آنچه از آنجمله بتویل (sic) برادر اعزار شد
مشارالیه مقرر باشد باطل دانسته کیفیت آن
مشروحاً باز نمایند مستوفیان کرام دیوان اعلی

از تویل وضع کرده بموجب آن حکم بسیورغال
ایشان اعتبار نمایند و رعایت واجب دانسته
از تخلف که موجب عتاب عظیمست محترز
باشند داروغه و ملکان و توشمالان الکاء مزبور
برینموجب مقرر دانند بعلت اخراجات وخارجیات
و توجیهات تخفیفات مسدوده بهراسم ورسم
که باشد حوالتی ننموده قلم و قدم کوتاه وکشیده
دارند و پیرامون نگردند و اگر چیزی ستاده باشد
بازگردانند و بهیچ عذر موقوف ندارند درین
باب قدغن دانسته در [کار] سرکار ایشان
مدخل ننمایند و پیرامون نگردد واز مقاطعهٔ

ملکان و مستاجران مزارع مغانات مستثنی

داند تحریرا ۲۰ شهر جمادی الثانی سنه ۹۶۶

3

Ферман шаха Хусейна об утверждении Мухаммед-Касим-бека во владении сойюргалом в округе Дизмар, 1112 г. х. = 1700/01 г. н. э.

МА, 1857, т. III, вып. 1, стр. 71—74

بسم الله الرحمن الرحیم

الله الکبیر

یا محمّد یا علی

محمّد علی اسد الله

حسن حسین علی محمّد جعفر موسی علی

محمّد علی حسن محمّد

ابوالمظفر شاه سلطان حسین الحسینی

الموسوی الصّفوی بهادرخان بنده شاه

ولایت حسین سنه ۱۱۱۳

* حسبی الله جانب هرکه باعلی ننکوست *

* هرکه کو باش من ندارم دوست * هرکه چون

خاک نیست بردر او * کر فرشته است

خاک برسر او *

چون درین ولا امارت و حکومت پناه نظاما

الامارة والحکومة باینذر سلطان حاکم قراجه

داغ بعرض رسانید که مبلغ شش تومان و سه

هزار و نود و شش دینار و نیم از بابت مالوجهات

و وجوهات محال مذکوره ضمن دزمار باداء

خدمت و جانسپاریها بالیاس خلیفه عمّ والد

امارت پناه مشارالیه و بعد از فوت او بشش

الدین خلیفه ولد او شفقت شده بود که در اسفار
سانحه موازی هفت نفر مرد مکمّل و مسلّح حاضر
سازد و بعد از فوت شمس الدین خلیفه چون وارثی
او نمانده بوده و با والد امارت پناه مومی الیه
بنی عمّ بوده اثر سیورغال مزبور بدستور شمس
الدین خلیفه بوالد آمارت پناه مزبور شفقت شده
بوده و در ایّام حیات والد امارت پناه مشارالیه
الیاس خلیفه نامی بخلاف عرض نموده بود که ولد
شمس الدین خلیفه است و سیورغال مزبور از
والد مشارالیه قطع و در وجه الیاس مزبور مقرر و
بعد از فوت او ببرهان الدین خلیفه ولد او شفقت

شده بوده و الحال مشارالیه بتصدّق فرق
مبارک شده است و از او وارثی نمانده باینددر
سلطان استدعا نمود که سیورغال مذبور در وجه
نجابت و رفعت و معالی پناه سراجاً محمد قاسم بیک
ولد او عنایت شده بنابر شفقت بیغایت شاهانه
در بارهٔ مشارالیه از ابتداء سه ماه و نیم ییلان ئیل
و جهیرا که بسیورغال مرحوم محمود سلطان والد
امارت پناه مذکور مقرّر بوده واز او قطع و سیورغال
الیاس خلیفه و بعد از او در وجه برهان الدین
خلیفه مقرّر شده بوده و بلا عقب فوت شده
بدستور مرحوم محمود سلطان و الیاس خلیفه و

برهان الدین خلیفه حسب الظهر بسیورغال نجابت
پناه مزبور شفقت و مرحمت فرمودیم که مرد سفرکش
مقرّری سیورغال مذکوررا بدستور صاحبان سیورغال
سابقه در استنفار سانحه بجار و یساق شاهی حاضر
سازد کدخدایان و رعایای محال مزبوره رفعت و
معالی پناه مزبوررا صاحب سیورغال خود دانسته
سال بسال مالوجهات و وجوهات و حقوق دیوانی
خودرا بدستوری که بصاحبان سیورغال سابق مهم
سازی مینموده اند و اصل مشارالیه ساخته چیزی
قاصر و منکسر نسازند حکّام و عمّال الکاء مزبور
بخلاف و حساب دخل در سیورغال مشارالیه

ننموده قلم و قدم کوتاه و کشیده دارند و بعلت
اخراجات و عوارضات مسدود الابواب بمراسم
و رسم که بوده باشد مزاحمت بحال رعایای محال
سیورغال مشارالیه نرسانند و هر ساله حکم مجدّد
طلب ندارند و چون نشان بتوقیع همایون اعلی
مزیّن و محلّی گردد اعتبار و اعتماد نمایند تحریرًا
فی شهر ذی الحجة الحرام سنه ۱۱۱۳ ابرارالسلطنه
اصفهان

4

Из фермана шаха Аббаса I на имя биби-эйбатского шейха Гулям-Али, зу-л-ка'да 1015 г. х. = с 28 февраля по 29 марта 1607 г.

БЭ, Рукописн. отд. ИВАН, из архива, ф. 15, № 44/584, 8, док. № 3

زبدة المشایخ غلامعلی ولد شیخ بنیاد متولی

آستانهٔ متبرّکهٔ امام زاده واجب التعظیم والتکریم

و جماعت درویشان خدمهٔ آستانهٔ مزبوره ...

عرض اشرف رسانیدند که قریهٔ زق از اعمال

بادکوبه شیروان بموجب حکم اعلیحضرت جنّت

مکانی وقف سرکار آستانهٔ متبرّکه است و

مالوجهات آن بسیورغال و معافی آستانه

مزکوره مقرر بوده و استدعای معافی و سیورغال

قریهٔ مزکور و عشر سه حفرهٔ چاه که در حوالی

آستانهٔ مزبوره است باچوبان بیکی موازی

یکهزار و پانصد راس گوسفند متولی و

درویشان آستانهٔ مزبوره و رعایای قریهٔ زق

و مال باغ و عشریبه و زراعت غلّه که

درویشان در زمین دول دره می نمایند نمودند

5

Ферман шаха Аббаса II о сойюргальных владениях биби-эйбатских шейхов, зу-л-хиджжа 1066 г. х. = с 20 сентября по 19 октября 1656 г. н. э.

БЭ, рукописн. отд. ИВАН, из архива, ф. 15, № 44/584,8, док. № 7

فرمان همایون شد آنکه چون درینولا عجزه و

رعایای قریهٔ ذق (sic) بدرگاه معالی آمده بعرض

رسانیدند که قریهٔ مزبور مالاً و منالاً بسیورغال

آستانهٔ مقدّسهٔ منوّرهٔ متبرّکه مقرر است و

رعایا و عمّال بادکوبه هرسال مبلغی بعلت

جفت باشی و دستگاه باشی و یورتانه که در

الکای شیروان معمول نیست که از محال

سیورغال باز یافت شود و بخلاف حکم و حساب

از یشان باز یافت می نمایند و درین باب استرعای

حکم اشرف بعهدهٔ بیکلربیکی شیروان نمودند

بنابرین مقرّر فرمودیم که عالیجاه مشارالیه

بحقیقت مقدّمه معروضه رسیده هرگاه نموده

واقعی بوده رعایا و عمّال و تیولداران و داروغکان

بادکوبه را بهیچ وجه من الوجوه دخل و شرکت

ونسبتی در محلّ مزبور ندارند و وجوهات مزکور

در محال سیورغال معمول نبوده باشد واگر معمول

بوده بر رعایای بادکوبه نسبتی نداشته باشد مقرّر

دارد که متعرض احوال رعایای قریهٔ مزکور نشده

مزاحمت نرسانند و چنان نمایند که ازطرفین ستم و

خلاف حسابی براحدی واقعه نشود درین باب قدغن

دانسته و در عهده شناسند تحریرا فی شهر ذی حجّه الحرام سنه ۱۰۲۲

6

Указ Фатх-Али-хана кубинского о пожаловании селений Са'дан, Кушчи, Чираг, Угах и Чилган в тиул Хаджи-беку, мелику Будугскому, шавваль 1188 г. х. = с 5 декабря 1774 по 2 января 1775 г. н. э.

Куб., док. № 7

حکم عالی شد آنکه چون از ابتداء نه ماهه هزه

السّنه یونت ئیل تحویل شفقت و مرحمت

بی پایان بندکان عالی در بارهٔ عالی قدر رفیع

مقدار اخلاص شعار ملک حاجی بیک بدوقی

را بوده قرایای سعدان و قوشچی و چراق و اوقاح

و چلغان را در بارهٔ او شفقت فرموده ایم که در

تحت او بوده خدمت نمایند و هرچیزیکه از ده

یک و ده نیم و کسبیم و غیره دارند همه کیرا

بملک حاجی بیک مزبور کارسازی نمایند هیچ

کس در باب قرابای مزبوره رجوعی نباشد

متعرض مومی الیه نشوند رعایا و برایاء قرابای

مزبوره عالیقدر مذکور را تیولدار خودشان دانسته

از سخن و صلاح حسابی او تجاوز ننمایند امر

و مقرّر فرموده ایم که هیچ کس در هیچ باب

بقرابای مزبوره مانع و مزاحمت نرسانند

گذارند در تیول عالی قدر مزبور بوده در هر باب

و از هر جهات او را خدمت نمایند سرکار عالی

رقم مومی الیه را در دفتر ثبت هر سال حکم

مجدّد مطالبه ننمایند و در عهده شناسند

تحریرًا فی شهر شوال سنه ۱۱۸۸

7

Из указа Шейх-Али-хана кубинского о пожаловании селения Каджар в тиул Мухьи-ад-дин-беку, зу-л-ка'да 1220 г. х. = с 21 января по 19 февраля 1806 г. н. э.

Куб., док. № 19

... مصداق این مقال آنکه ذرّهٔ از مرحمت

بیکران عالی شامل و کافل احوال عالی شان و

معالی مکان اخلاص و عقیدت ارکان محی الدین

بیک ولد آقا افندی گردیده از ابتداء ده ماهه

هذه السّنه بارس ئیل فرخنده تحویل اهالی قریهٔ

قاجار را در بارهٔ عالیشان مذکور ... مرحمت و

مفوض فرمودیم که مال و جهات و وجوهات

آن را بازیافت نموده بصرف معیشت خود

مصروف دارد ...

Купчая грамота на продажу части селения Кушчи, зу-л-ка'да 1115 г. х. = с 7 марта по 5 апреля 1704 г. н. э.

Ерев., док. № 1/8

... امّا بعد بفروختند بمبایعه شرعیه غضنفر و
محمدیار و علیخان ولدان علیخان کشتاسف
لو و ولی و حضرة قلی ولدین میرزا و مسمّا کل
آغابنت علییار ولد علیخان مذکور هریک حصّهٔ
معیّنهٔ متفرّقهٔ خود را بر ینموجب عبارت از
دو دانک و نیم

حصّهٔ	حصّهٔ
اولاد علیخان مذکور	اولاد میرزاء مذکور
یک دانک و نیم	یک دانک

مُلک از جملهٔ شش دانک قریهٔ قوشچی من

قراء کشتاسف با حدود اربعه که در قبالچهٔ
اصل مسطور است الی جناب رفعت پناه
ملک امام ویردی بیک ولد رفعت و معالی
پناه معتبر الدّورانی اللّه ویردی بیک
کشتاسفی بمبلغ معیّن و هو شش تومان
نقد تبریزی رایج مسلوک نسفه مبلغ سه
تومان تبریزی تاکیدًا الاصل و او نیز مبیعه مزبوره
را بمبلغ مزبور بخرید و ابتیاع شرعی نمود
ایجاب و قبول فیمابین متعاقدین جاری و
واقع گردیده بعد الیوم من الایام بتصرف
مشتری مشارالیه در مبیعه مزبوره کتصرف

الملاک فی املاکهم و ذوی الحقوق فی حقهم

کیف شاء و اراده.

9

Ферман шаха Аббаса I о мульковых землях в округах Гуштасп и Капан, зу-л-ка'да 1029 г. х. = с 28 сентября по 27 октября 1620 г. н. э.

Ерев., док. № 1/6

چون معروض شد که حصص املاک معلومه

در کشتاسف و قبان من اعمال آذربایجان

حقّ شرعی ملک کنکان است و او در آن

تصرّف مالکانه دارد و جماعه معلومه مردم

آنجا بیجهة شرعیه مانع تصرّف او شوند

و مزاحمت غیر مشروعه بحال او میرسانند

بنابرین مقرّر شد که جماعه مذکوره

بخلاف شرع شریف مانع تصرّف مومی الیه

در حصص مذکوره که بعنوان ملکیّت

حقیقت در تصرّف او باشد نشده ....

و اگر حرفی شرعی دانسته باشند بشیخ

الاسلام و قاضی قراباغ رفع نمایند بعهده

حاکم آنجا که امداد شرعی نماید

10

Копия вакфной грамоты, составленной в мухарреме 854 г. х. = с 14 февраля по 15 марта 1450 г. н. э., приведенная в фермане шаха Сулеймана на имя армянского патриарха-католикоса Моисея III, изданном в рамазане 1082 г. х. = с 1 по 30 января 1672 г. н. э.

Эчм., док. № 3/15

... و وقفنامچه بتاریخ شهر محرّم سنه ۸۵۴

صادر شده خلاصه مضمون آنکه کدخدایان

و ملاکان و زارعین و ارباب شرکاء کلّهم

ساکن قریه اوچ کلیسیاه (sic) مذکور ناحیه

کربی من اعمال چخور سعد در محکمه شرع

شریف حاضر شدند و از روی رضا و رغبت

تمام وقف مؤبّد و حبس مخلّد می نمودند بر

وانك اوچ كليسياه مذكور بسنك چيده و لاين
عيسى عليه السلام همكى و تمامى شش دانك
قريه اوچ كليسياه ناحيه كربى من اعمال چخور
سعد با جميع توابع شرعيه و لواحق لمسه و
كل قريه مذكوره بتصرف معبد داده اند و توليت
موقوفات مذكوررا تفويض نموده اند بخليفه
ساكن معبد هر ايام كه بوده باشد باين نحو يكه
خليفه مذكور سال بسال حاصل و مداخل و
بهرچه قريه مذكوره را ضبط نموده صرف
معيشت خود و ساير كشيشان و سياه
كلاهان ساكن معبد نموده...

ЛИТЕРАТУРА

I. Труды классиков марксизма-ленинизма

Маркс, К., Капитал, тт. I—III, ГИЗ, 1930.
Маркс, К., Письмо к Энгельсу от 2 июня 1853 г., Соч., т. XXI, М. — Л., 1929.
Маркс, К., Хронологические выписки, тетради I—III, «Архив Маркса и Энгельса», тт. V—VII, ОГИЗ, 1938—1940.
Маркс, К. и Энгельс, Фр., Немецкая идеология, Соч., т. IV, Партиздат, М., 1937.
Маркс, К. и Энгельс, Фр., Национальности в Турции, Соч., т. II, М., 1933.
Энгельс, Фр., Анти-Дюринг, М., 1938.
Энгельс, Фр., Крестьянская война в Германии, Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, ГИЗ, 1930.
Энгельс, Фр., К истории раннего христианства, Соч., т. XVI, ч. II, Партиздат, 1936.
Энгельс, Фр., Письмо к К. Марксу от 6 июня 1853 г., Соч., т. XXI, Партиздат, М. — Л., 1929.
Ленин, В. И., Развитие капитализма в России, ОГИЗ, 1947.
Сталин, И. В., Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, Партиздат, 1933.
Сталин И. В., Марксизм и национальный вопрос, Соч., ОГИЗ, т. 2, 1946.
Сталин, И. В., Контрреволюционеры Закавказья под маской социализма. Соч., ОГИЗ, т. 4, 1947.
Сталин И. В., Об очередных задачах партии в национальном вопросе, Соч., ОГИЗ, т. 5, 1947.
Сталин, И. В., О диалектическом и историческом материализме, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, ОГИЗ, 1947.
История ВКП(б), Краткий курс, 1947.

II. Источники на разных языках[1]

Аббас-Кули-ага Бакиханов-Кудси, Гюлистан-ирам, Баку, 1926, изд. ООИА (русский перевод).
Абд-ал-Лятиф-эфенди, История шекинских ханов. Азербайджанский текст и русский перевод А. Дадашева, Баку 1926.
— То же у Б. Дорна, MQ, Theil IV (азербайджанский текст).
Абд-ар-реззак-бек ибн Неджеф-кули-хан Думбули, Маасир-и султанийэ, Тебриз 1241 — 1826 (перс. текст).
Абд-ар-реззак Самарканди, Матла'-ас-садейн ва маджма'-ал бахрейн, рук. ЛГПБ, персидская новая серия № 88 (перс.).
— Notice de l'ouvrage persan qui a pour titre Matla as saadein...

[1] Перечень архивных фондов см. в списке сокращений.

par M. Quatremère, Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du roi, t. XIV, Paris, 1843 (франц. перевод).

Абд-ал-Хамид, Гаджи Сеид Абдул Гамид. Родословная шекинских ханов и их потомков. Азерб. текст и русский перевод А. Субханвердиханова, Баку, 1930.

Абу-л-Гази Бахадур-хан, Aboul-Ghazi Behadour-khan, Histoire des Mogols et des Tatares, publiée, traduite et annotée par Desmaisons. SPb., 1871.

Августин Баджеци, Itinéraire du très révérend frère Augustin Badjetsi, traduit par M. Brosset, J. A., 1837.

Авраам Кретаци, Mon histoire et celle de Nadir, chah de Perse, par Abraham de Crète, catholicos. Traduite par M. Brosset, Coll., t. II, SPb, 1876.

д'Алессандри, Narrative of the most noble Vincentio d'Alessandri, в сборнике A narrative of Italian travels in Persia in the XV and XVI centuries, Hakluyt series, vol. 49, London, 1873 (англ. перевод).

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК), под ред. Ад. Берже, тт. I—III, Тбилиси, 1866 и сл. гг.

Али ибн Шамс-ад-дин Лахиджи, Тарих-и хани, Aly b. Schemseddin's Chanisches Geschichtswerk... Herausgegeben von B. Dorn. Persischer Text, MQ, II Theil, SPb., 1857.

Анонимный венецианский купец — в сб. „A narrative of Italian travels in Persia in the XV and XVI centuries", Hakluyt series, vol. 49, London, 1873.

Аракел Тебризский, Livre d'histoire par le vartabed Arakel de Tauris, traduit par M. Brosset, Coll., t. I, SPb, 1874.

Арсений Суханов, Проскинитарий, „Палестинский сборник", вып. 21, СПб., 1898.

Ата Мелик-и Джувейни, — см. Джувейни.

Ахсан-ат-таварих, — см. Хасан-бек Румлу.

Бартольд, В. В., акад., Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. I, Тексты, СПб., 1898.

Белокуров, С. А., Сношения России с Кавказом, вып. I (1578—1613 гг.), М., 1889.

Барбаро, И., Путешествие, БИПР, т. I, СПб., 1836.

Березин, И. Н., Ханские ярлыки, СПб., 1850.

Беннаи, Кемаль-ад-дин, Шаханшах-намэ, рук. ЛГПБ, каталог Дорна № 301 (перс.).

Веселовский, Н. И., Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией, тт. I—III, СПб., 1890—1898.

Волынский, А. П., Зевакин, Е. С., Азербайджан в начале XVIII в. (извлечение из дневника А. П. Волынского), ИООИА, № 8, вып. IV, Баку, 1929.

Гаджи Абдул Гамид, — см. Абд-ал-Хамид.

Гаффари, Ахмед ибн Мухаммед, Нигаристан, рук. ЛГПБ, каталог Ханыкова, № 69 (перс.).

Гербер, И. Г., Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря... народах и землях, Сочинения и переводы,.. изд. при Академии наук, 1760, июль — октябрь.

Гильденштедт, И. А., Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа, СПб., 1809.

Гмелин, С. Г., Путешествие по России для исследования трех царств естества, ч. III, СПб., 1771.

Давит-бега история, Davit-beg, trad. par M. Brosset, Coll., t. II, SPb., 1876.

Джемал, мирза, Тарих-и Карабаг, перевод Ад. Берже, „Кавказ", 1855.

Дженкинсон, Известия англичан о России во второй половине XVI в., Чтения ОИДР, 1884, III.

Джувейни, Ата Мелик, The Tarikh-i Jahan-gusha of Ala'u-d-Din Ata Malik-i Juwaini... ed. by Mirza Muhammed Qazwini, part I — III. G. M. S., vol. XVI/1—3, Leyden — London, 1912—1916 (перс. текст).

Доулетшах, The Tadhkiratu-sh-Shu'ara, ed. in the original Persian by E. G. Browne. London — Leide. 1901.

Дон Хуан Персидский, Relaciones de Don Juan de Persia. English translation by G. Le Strange, 1926.

Есай Хасан-Джалалян, католикос, Histoire d'Aghovanie par le catholicos Essai Hassan-Dchalaliants, trad. par M. Brosset, Coll., t. II, SPb., 1876.

Закария-саркаваг, Mémoires historiques sur les Sofis par le diacre Zacaria. Trad. par M. Brosset, Coll., t. II, SPb., 1876.

Законы Беки и Акбуги, Сборник законов царя Вахтанга VI, под ред. Д. З. Бакрадзе, Тбилиси, 1887.

Захир-ад-дин Мар'аши, Тарих-и Табаристан ва Руйян ва Мазандаран, Sehir-eddin's Geschichte von Tabaristan, Rujan und Masanderan. Persischer Text, herausgegeben von B. Dorn, MQ, I Theil, SPb., 1850.

Захир-ад-дин Мар'аши, Тарих-и Гилян ва Дейлемистан, изд. Рабино. Решт, 1330/1912 (перс. текст).

Зено Катерино, Travels in Persia by Caterino Zeno. „A Narrative of Italian travels in Persia in the XV and XVI centuries". Translated and edited by Ch. Grey, Hakluyt series, vol. 49, London, 1873.

Исмаила I шаха анонимный историк, The early years of Shah Ismail, founder of the Safavi Dynasty, by E. Denison Ross, IRAS, 1896 (перс. текст).

Искендер-бек Туркеман (Мунши), Тарих-и' алем арай-и Аббаси. Литографированное изд. перс. текста, Техран, 1314 г. х.; то же, рук. ИВАН, № С-444.

Киракос Гандзакский, Kirakos de Gantzak, Histoire d'Arménie. Deux historiens arméniens. Trad. par. M. Brosset, SPb., 1870.

Клавихо, Рюи Гонсалес, Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд. Текст, перевод и примечания И. Срезневского, Сборник Отделения русск. яз. и сл. АН, XXVIII, № 1, СПб., 1881.

Колониальная политика царизма в Азербайджане в 20 — 60-х гг. XIX в., ч. I и II (с терминологическим указателем). Подготовила к печати Н. Г. Богданова, под ред. И. П. Петрушевского, изд. ИИАН, М. — Л., 1936—1937.

Контарини, А., Путешествие. БИПР, т. I, СПб., 1836.

Котов, Ф. А., О ходу в Персидское царство, „Временник ОИДР", книга XV, М., 1852.

Ксенофонт, Латышев В. В., Известия древних писателей — греческих и латинских — о Скифии и Кавказе, т. I, СПб., 1893.

Лерхе, И., Путешествие 1733—1736 гг. из Москвы в Астрахань по странам, лежащим по западному берегу Каспийского моря. Новые ежемесячные сочинения, изд. АН, ч. 43, СПб., 1790.

Любб-ат-таварих, — см. Яхья ал-Хусейни.

Магакия инок, История монголов, перевод (с армянского) К. П. Патканова, СПб., 1871.

Макдиси, Descriptio imperii Moslemici auctore... Mokaddasi, ed. M. J. de Goeje, BGA, III, Lugdunum Batavorum, 1872 (араб. текст).

Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, Арабские и персидские источники, под редакцией А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского, изд. ИВАН. М. — О., 1939; т. II. Иранские, бухарские и хивинские источники, под ред. акад. В. В. Струве, А. К. Боровкова, А. А. Ромаскевича и П. П. Иванова, изд. ИВАН, М. — Л. 1938.

дю Ман, Рафаэль, Éstat de la Perse en 1660 par le p(ère) Raphael du Mans. Publié avec notes et appendice par Ch. Schéfer. Publications de l'ELOV, II série, vol. XX, Paris, 1890.

Мирза Мухаммед Мехди-хан Астерабади, Тарих-и Надири. изд. перс. текста. Техран, 1262/1846.
Мирза Мухаммед Мехди-хан Астерабади, Инша', литогр. изд. перс. текста, Тебриз, 1294.
Мир Мехди ибн-Хади Ширази — см. Тазкирэй-и шах-и Тахмасп.
Мирхонд, Раузат ас-сафа, литогр. изд. перс. текста, Лукноу, 1300/1883.
Мухаммед-Али Хазин, — см. Хазин, шейх.
Мухаммед-Казим, Алем-арай, рук. ИВАН, № Д-430, тт. II и III (перс.).
Мухаммед Ма'сум, — см. Продолжение Тарих-и алем ара.
Мухаммед Мехди-хан, — см. Мирза Мухаммед Мехди-хан Астерабади.
Мухаммед Нахчевани, — Дастур ал-катиб. Рук. ИВАН, из коллекции В. Тизенгаузена, без №. (перс.).
Мухаммед Несеви (Нисави), — см. Несеви.
Мухаммед-Садык Нами, Тарих-и гити гушай (с продолжениями мирзы Абд-ал-Керима и Акай-и Мухаммед-Ризай-и Ширази), изд. Нефиси, Техран, 1317 г. хиджры солнечной (перс. текст).
Мухаммед Тахир Вахид. Тарих-и шах-и Аббас-и сани. Рук. ЛГПБ, каталог Дорна, № 303/2.
Насир ад-дин-Туси, Nasir-al-Din Tusi on Finance, Persian text, English translation and commentary, ed. by M. Minovi and V. Minorsky, BSOS, vol. X., part. 3, 1940.
Нахичеванские рукописные документы, — см. Передняя Азия в документах.
Несеви Мухаммед, Mohammed en-Nesawi. Histoire du sultan Djelal-ed-din Mankobirti, prince de Kharezme. Texte arabe et traduction française, publié par O. Houdas, vol. I—II, Paris, 1891—1895.
Низам ал-мульк, Сийясет-намэ, изд. перс. текста сейида Абд-ар-рахима Хальхали, Техран, 1310 г. хиджры солнечной.
Низам-ад-дин Шами, Зефер-намэ, Histoire des conquêtes de Tamerlan intitulée Zafarnama par Nizamuddin Šami... Édition critique par Félix Tauer. T. I, texte persan du Zafarnama. Praha, 1937, Monographie Archivu orientalniho, vol. V.
Олеарий Адам, Подробное описание путешествия посольства в Москву и Персию, перевод Борисова, М., 1870.
Описание Карабагской провинции, составленное полк. Ермоловым и ст. сов. Могилевским в 1823 г., Тбилиси, 1866.
Описание Шекинской провинции, составленное генерал-майором Ф. Ахвердовым и ст. сов. Могилевским в 1819 г., Тбилиси, 1866.
Описание Ширванской провинции, составленное полк. Мадатовым и ст. сов. Могилевским в 1820 г., Тбилиси, 1866.
Передняя Азия в документах, Серия памяти проф. Ю. Н. Марра, кн. I. Нахичеванские рукописные документы XVII — XIX вв. Персидский текст, русск. перевод и комментарий под ред. Ю. Н. Марра, изд. Ин-та им. Н. Я. Марра ГрузФАН, Тбилиси, 1936. (Нах.).
Продолжение Тарих-и алем арай-и Аббаси. — Мухаммед Ма'сум, Хулясат ас-сийяр., рук. ЛГПБ, каталог Дорна № 303, ч. I (перс.).
Продолжение Тарих-и алем арай-и Аббаси. — Зейл-и тарих-и алем арай-и Аббаси, изд. перс. текста Сухейли Хансари, Техран, 1318 г. хиджры солнечной.
Равенди, The Rahat-us-sudur wa ayat us-surur... by Muhammad ar-Rawandi, ed. by Muhammad Iqbal, G. M. S., New series, vol. II, London, 1921 (перс. текст).
Рашид-ад-дин Фазлуллах Хамадани, Муншаат-и Рашиди (Переписка Рашид-ад-дина), рук. ИВАН № В-938 (перс.).
Рашид-ад-дин Фазлуллах Хамадани, Джами' ат-таварих, рук. ИВАН № Д-66 (перс.).

— То же. Рук. Института восточных рукописей АН УзССР (Ташкент), № 1620.
— То же, Стамбульская рук. (фотокопия ИВАН).
— Сборник летописей, соч. Рашид-Эддина, История Чингиз-хана от восшествия его на престол до кончины. ТВОРАО, т. XV, СПб., 1888 (перс. текст и русск. перевод И. Н. Березина).
— Djami'et-Tevarikh... par Fadl-Allah Raschid ed-Din. Tarikh-i moubarek-i Ghazani, histoire des Mongols. Editée par E. Blochet. T. II, contenant l'histoire des empereurs mongols successeurs de Tchinkiz-Khagan, G. M. S., Vol. XVIII/2, London, 1911 (перс. текст).
— Histoire des Mongols de la Perse, écrite en persan par Rashid-Eldin, publiée, traduite en français, accompagnée de notes et d'un mémoire sur la vie et les ouvrages de l'auteur par M. Quatremère, t. I. Paris, 1836 (перс. текст, франц. перевод и примеч. Катрмера).
— Сборник летописей, т. III, перевод с перс. А. К. Арендса, под ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса, А. Ю. Якубовского, изд. ИВАН, М. — Л., 1946.
Сафват-ас-сафа, — см. Таваккуль ибн-Баззаз.
Сильсилят ан-насаб-и-Сефевийэ, — см. Хусейн... Захиди.
Соймонов, Ф. И., Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, СПб., 1763.
Стрейс, Я. Я., Три путешествия, Соцэкгиз, М., 1935.
Таваккуль ибн-Баззаз, Сафват-ас-сафа, рук. ЛГПБ, каталог Дорна № 300 (перс.).
Тавернье, Ж. Б., Les six voyages de J. B. Tavernier, I—II, Paris, 1676.
Тазкират-ал-мулюк, Tadhkirat al-muluk, a manual of Safavid administration, by V. Minorsky. Part I — Persian text; Part. II — Englisch translation, Introduction, Commentary. G. M. S., New series, vol. XVI, 1943.
Тазкирэй-и шах-и Тахмасп, — в „Матла'-аш-шамс" Мухаммед-Хасан-хана Мараги Сани'-ад-доулэ, техранское литогр. изд. перс. текста 1302/1885, т. II, стр. 165—216.
То же — Die Denkwürdigkeiten (herausgegeben) von P. Horn, ZDMG, Bd. 45, 1891 в версии Мир Мехди ибн-Хади Ширази (перс. текст).
— Die Denkwürdigkeiten des Šah Tahmasp von Persien (herausgegeben) von P. Horn. ZDMG. Bd. 44, 1890 (перс. текст).
Тамары царицы анонимный историк, M. Brosset, Histoire de la Géorgie, I partie.
Тарих-и'алем ара, — см. Искендер Мунши.
Тарих-и ильчий-и Низамшах, — см. Хуршах ал-Хусейни.
Три документа по аграрному вопросу в Средней Азии. Записки ИВАН, II/2, Л., 1933 (перс. текст и русск. перевод).
Указы кубинских ханов, Перс. текст, русск. перевод и комментарий, изд. Ин-та им. Н. Я. Марра, ГрузФАН, Тбилиси, 1937 (Куб.).
Фумени, Тарих-и Гилян, Abd ul-Fattah Fumeny's Geschichte von Gilan. Persischer Text, herausgegeben von B. Dorn, MQ, III Theil, SPb. 1858.
Хабиб-ас-сийяр, — см. Хондемир.
Хазин, Мухаммед-Али, шейх, Тарих-и ахвал-и шейх-и Хазин, ки худ навиштэ аст. Ed. Belfour, London, 1836 (перс. текст).
Хамдуллах Мустоуфи Казвини, Нузхат-ал-кулюб, The geographical part of the Nuzhat-al-qulub, composed by Hamd — Allah Mustawfi of Qazwin, ed. by G. Le Strange. G. M. G., vol. XXIII/I, London — Leyden, 1915 (перс. текст).
Хамдуллах Мустоуфи Казвини, Тарих-и Гузидэ, Tarikh-e gozidé, ed. Gantin. Texte persan et traduction française, t. I. Paris, 1906.
— The Tarikh-i guzida of Hamdu'llah Mustawfi of Qazwin. Part I, containing the Reproduction in facsimile of an old MS, with Introduction by E. G. Browne, G. M. S. — vol. XIV, London — Leyden, 1910 (перс. текст).

24 Зак. 4397. Петрушевский.

Ханвей, An historical Account of the British Trade over the Caspia Sea. I — IV, London, 1753.

Ханыков Н. N. Khanykov. Mémoires sur quelques inscriptions musulmanes du Caucase. Paris, 1863 (перс. текст и франц. перевод).

Хасан-бек Румлу, Ахсан-ат-таварих, т. XII. — A chronicle of the early Safawis being the Ahsanu't-tawarikh of Hasan-i Rumlu. Vol. 1. Persian text. Ed. by C. N. Seddon, Gaekwad's Oriental series, № LVII, Baroda, 1931.

— То же, т. XI, рук. ЛГПБ, каталог Дорна, № 287 (перс.).

Хасан Фаса'и, Фарс-намэй-и Насири, литогр. изд. перс. текста, Техран, 1313/1895.

Хондемир, Гийяс-ад-дин ал-Хусейни, Хабиб ас-сийяр, литогр. изд. перс. текста, т. III, Бомбей, 1273/1857.

Хроника войн Джара, русск. перевод с араб. проф. П. К. Жузе, с примеч. проф. Е. А. Пахомова, Баку, 1930. Изд. АзГНИИ.

Хулясат-ас-сийяр, см. Продолжение Тарих-и алем ара.

Хуршах ибн-Кубад ал-Хусейни, Тарих-и ильчий-и Низам-шах (главы, относящиеся к Ширвану и Прикаспийским областям, периода шаха Исмаила I и шаха Тахмаспа I) — C. Schéfer, Chrestomatie persane, t. II, Paris, 1885 (перс. текст, стр. 55—104).

Хусейн ибн шейх Абдал Захиди, шейх, Сильсилят-ан-насаб-и Сефевиййэ, рук. ЛГПБ, каталог Ханыкова, № 92 (перс.).

Шарден, Voyages du chevalier Chardin en Perse et autres lieux, Tt. I — V, Paris, 1830.

Шереф-хан Бидлиси, Шереф-намэ — Chéref-nameh ou histoire des Kourdes par Chéref, prince de Bidlis, publiée... par V. Véliaminof-Zernof, Tt. I — II, Texte persan., SPb., 1860—1862.

Яхья ибн ал-Абд-ал-Лятиф ал-Хусейни ас-Сейфи ал-Казвини, Любб-ат-таварих, рук. ИВАН № В-660 (перс.).

Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга, Тюрк. текст и русск. перевод В. В. Радлова, ЗВОРАО, III, вып. 1—2.

Эзов, Г. А., Сношения Петра Великого с армянским народом. Документы... изд. АН. СПб., 1898.

III. Исследоаания и справочные издания на русском языке[1]

Авалиани, С. А., Крестьянский вопрос в Закавказье, ч. I — IV, Тбилиси. 1912—1920.

Али-заде, А. А., Виды [illegible]ной собственности и налоговая система ильханов в Азербай[illegible]е (XIII — XIV вв.). „Изв. АзФАН", 1942, № 4.

Али-заде, А. А., Земельная политика ильханов в Азербайджане (XIII — XIV вв.). Тр. Ин-та истории им. А. Бакиханова АН Азерб. ССР, т. I, Баку, 1947; 2-е изд. — ССИА.

Али-заде, А. А., К вопросу об институте икта' в Азербайджане при ильханах XIII — XIV вв., Изв. АзФАН, 1942, № 5; 2-е изд. — ССИА.

Али-заде, А. А., К вопросу об институте инджу. Изв. АзФАН, 1943, № 8; 2-е изд. — ССИА.

Али-заде, А. А., К истории рудников и монетного обращения в Азербайджане в XII — XIV вв., Изв. АзФАН, 1942, № 7.

Адонц, Н., Армения в эпоху Юстиниана, СПб., 1908, в серии „Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии", вып. XI, СПб., I, 1908.

Арутюнян, Б. М., Крупное монастырское хозяйство в Армении в XVII — XVIII вв., Ереван, 1940.

---

[1] Выражение „см. II..." означает: „смотри раздел II — источники".

Бакрадзе, Д. З., Заметки о Закатальском округе, Изв. Кавк. отд. Росс. географ. об-ва, кн. XIV, вып. I.

Бартольд, В. В., История изучения Востока в Европе и России, изд. 2-е, Л., 1925.

Бартольд, В. В., К вопросу о феодализме в Иране, Новый Восток, № 28, 1930.

Бартольд, В. В., К истории орошения Туркестана. СПб., 1914.

Бартольд, В. В., К истории крестьянских движений в Персии. В сб. „Из далекого и недавнего прошлого", в честь Н. И. Кареева, 1923.

Бартольд, В. В., Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира, Баку, 1925.

Бартольд, В. В., Отчет о командировке в Туркестан в 1902 г., ЗВОРАО, т. XV, вып. II — III.

Бартольд, В. В., Новый источник по истории Тимуридов, Записки ИВАН, V, Л., 1935 (стр. 5—22 — статья; стр. 23—42 — перс. текст).

Бартольд, В. В., Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче, Анийская серия, № 5. СПб., 1911.

Бартольд, В. В., Приложение к протоколу X заседания Отд. историч. наук и филологии Российской Акад. наук 17 сентября 1919 г., Изв. Акад. наук по Отд. общественных наук., ч. II, 1919.

Бартольд, В. В., Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, Исследование, СПб, 1899.

Беленицкий, А. М., К истории феодального землевладения в Средней Азии при Тимуридах (институт союргал), Историк-марксист за 1941 г., № 4.

Беленицкий, А. М., К вопросу о социальных отношениях в Иране, Сов. востоковедение, т. V, 1948.

Бердзенишвили, Н. А., Очерк из истории развития феодальных отношений в Грузии в XIII—XVII вв., Тбилиси, 1938.

Березин, И. Н., Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева, ТВОРАО, т. VIII., СПб., 1863.

Березин, И. Н., Путешествие по Дагестану и Закавказью, Казань, 1849.

Березин, И. Н., Путешествие по северной Персии, Казань, 1852.

Берия, Л. П., К вопросу об истории большевистских организаций Закавказья, Тбилиси, 1935.

Богданова, Н. Г., К вопросу о феодальной эксплоатации кочевников в Закавказском крае в первой трети XIX в., Исторический архив, т. II, изд. ИИАН, М. — Л., 1939.

Богданова, Н. Г. — см. II, Колониальная по[illegible]тика...

Болдырев, А. Н., Очерки из жизни гер[illegible] общества на рубеже XV—XVI вв., Труды Отдела Востока [illegible]. Эрмитажа, т. IV, 1947.

Будагов, Л., Сравнительный словарь тюрко[illegible]арских наречий, ч. I—II, СПб., 1869.

Бутков, П. Г., Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г., ч. I—III, СПб., 1869.

Владимирцов, Б. А., Общественный строй монголов, Монгольский кочевой феодализм, изд. АН, Л., 1934.

Генко, А. Н., Название плуга в северо-кавказских языках, Доклады АН СССР, 1930.

Гордлевский, В. А., акад., Из истории водопользования в Конии, Записки ИВАН, II, Л., 1934.

Гордлевский, В. А., Внутреннее состояние Турции во второй половине XVI в., Труды Московского Инст-та востоковедения, сб. № 2, М., 1940.

Гордлевский, В. А., Государство Сельджукидов Малой Азии, М. — Л., 1941.

Греков, Б. Д., акад. и Якубовский, А. Ю., чл.-корр. АН СССР, Золотая орда, изд. 2-е, Л., 1941.

Греков, Б. Д., акад. Крестьяне на Руси, изд. ИИАН, М. — Л., 1947.
Джавахов (Джавахишвили) И. А., Государственный строй древней Грузии и древней Армении, т. I. В серии «Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии», вып. VIII, СПб., 1905.
Джеваншир, О политическом существовании Карабагского ханства в 1747—1805 гг. Газета «Кавказ», Тбилиси, 1884, №№ 139, 150, 154, 161, 167.
Дубровин, Н., История войны и владычества русских на Кавказе, т. I—VI, СПб., 1871—1889.
Дубровин, Н., Закавказье в 1803—1806 гг., СПб., 1886.
Егиазаров, С. А., Исследования по истории учреждений в Закавказье, т. I, Сельская община, Уч. зап. Юридич. ф-та Казанского университета, Казань, 1889.
Егиазаров, С. А., О водовладении в Закавказском крае, Киев, 1896.
Ерицов, А. Д., Исторический очерк политических сношений России с кавказскими провинциями, газета «Кавказ», Тбилиси, 1875, №№ 88, 90, 97.
Ерицов, А. Д., Обзор податной системы Закавказья с 1800 г., газета «Кавказ», Тбилиси, 1875, №№ 9, 12, 13.
Жузе, П. К. — см. II, Хроника войн Джара.
Жуковский, В. А. — Рецензия на «Die Denkwürdigkeiten des Schah Tahmasp I... herausgegeben von P. Horn», ЗВОРАО, т. VI, 1892.
Заходер, Б. Н., История восточного средневековья (халифат и Ближний Восток), изд. Моск. Гос. ун-та, М., 1944.
Заходер, Б. Н., Хорасан и образование государства Сельджуков, Вопросы истории за 1945 г., № 5—6.
Зевакин, Е. С., Прикаспийские провинции в эпоху русской оккупации, ИООИА, № 5, Баку, 1928.
Зелинский, С. П., Объяснительный словарь татарских, грузинских и армянских слов, вошедших в СМИЭБ, Тбилиси, 1889.
Иваненко, В., Гражданское управление Закавказьем до наместничества великого князя Михаила Николаевича. Утверждение русского владычества на Кавказе, т. XII, Тбилиси, 1901.
Иванов, П. П., Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением. С предисловием акад. И. Ю. Крачковского, изд. ЛГПБ, Л., 1940.
Иванов, П. П., Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821—1825 гг. Источники и опыт их исследования, изд. ИВАН, М. — Л., 1937.
Иванов, П. П. Из истории среднеазиатской сельскохозяйственной терминологии, Изв. АН СССР по Отд. обществ. наук за 1935 г., № 8.
Иванов, П. П., Удельные земли Сейид-Мухаммед-хана хивинского, Записки ИВАН, VI, Л., 1936.
Иванов, П. П. — см. II, Материалы по истории туркмен и Туркмении.
Ивановский, А., В Макинском ханстве, Русские ведомости, 1897, №№ 314, 323.
Искандер-бек Гаджинский, Жизнь Фетх-Али-хана кубинского (1736—1789), газета «Кавказ», Тбилиси, 1847, №№ 48, 49.
Какабадзе, С. Н., Черты феодального строя в Грузии и ханствах Закавказья в новые века, Бюллетень Кавказского историко-археолог. ин-та АН СССР, № 8, Тбилиси, 1931.
Ковалевский, М. М., Закон и обычай на Кавказе, тт. I—II, М., 1890.
Козубский, Е. И., История города Дербента, Темир-Хан-Шура, 1906.
Крачковский, И. Ю. — см. П. П. Иванов.
Крымский, А. Е., История Персии, ее литературы и дервишеской теософии, т. III, вып. 1—2, ТВЛИВЯ, вып. XVI, М., 1914—1947.
Крымский, А. Е., История Турции и ее литературы от расцвета до начала упадка, ТВЛИВЯ, вып. XXIX, № 1, М., 1910.

Крымский, А. Е., Страницы из истории северного или кавказского Азербайджана — Кабала. В сб. «С. Ф. Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности», изд. АН, М. — Л., 1934.
Крымский, А. Е., Страницы из истории северного (кавказского) Азербайджана — Шеки, в Сб. памяти акад. Н. Я. Марра, изд. АН, М. — Л., 1938.
Кучаев, М. П., Феодализм и закрепощение в Закавказье, Русский вестник за 1893 г., кн. I—IV.
Левиатов, В. Н., Очерки из истории Азербайджана в XVIII в., Баку, 1948.
[*Легкобытов, В. С.*] — Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом и финансовом отношении, ч. I—IV, СПб., 1832—1836.
Линден, Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав. Исторический очерк, Тбилиси, 1917.
Линевич, И. П., Бывшее Елисуйское султанство, ССКГ, вып. VII, б. г. и.
Лэн-Пуль, Стэнли, Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями. Перевод с англ. с примеч. и дополн. В. В. Бартольда, СПб, 1899.
Манандян, Я. А., Народные восстания в Армении против арабского владычества, Ереван, 1939.
Марков, А., Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа.
Марр, Н. Я., АНИ, М.—Л., 1934.
Марр, Ю. Н., Документированный персидско-русский словарь, вып. I, литогр. Тбилиси, 1934.
Марр, Ю. Н. — см. II, Передняя Азия в документах.
Миклухо-Маклай, Н. Д., Труд Мухаммед-Казима и его значение для истории Туркмении, Изв. ТуркменФАН за 1945 г., № 5—6.
Миклухо-Маклай, Н. Д., Рукописи труда Искендера Мунши «Тарих-и алем ара» в собрании Института восточных рукописей АН УзССР, Бюллетень АН УзССР за 1947 г., № 1.
Миклухо-Маклай, Н. Д. О первом томе труда Мухаммеда Казима, Советское востоковедение, т. V, 1948.
Минорский, В. Ф., Отчет о поездке в Макинское ханство в 1905 г., Материалы по изучению Востока, СПб., 1909.
Молчанов, А. А. К характеристике налоговой системы в Герате эпохи Алишера Навои, Сборник статей об Алишере Навои, Изд. УзФАН, Ташкент, 1940.
Ованесов, С., Старые водопроводы в Нухе, ИООИА, № 6, Баку, 1928.
Патканов, К. П., Библиографический очерк армянской исторической литературы, СПб., 1880.
Пахомов, Е. А., Краткий курс истории Азербайджана, Баку, 1923.
Пахомов, Е. А., О сословно-поземельном вопросе в Азербайджане, ИООИА, № 1, Баку, 1926. — То же, отдельн. изд., Баку, 1926.
Пахомов, Е. А., Старинные оборонные сооружения Апшерона, Труды Ин-та истории им. А. Бакиханова, АН Азерб. ССР, т. I, Баку, 1947.
Петрушевский, И. П., Азербайджан в XVI—XVII вв., ССИА.
Петрушевский, И. П., Бешкениды-Пиштегиниды, грузинские мелики Ахара в XII — начале XIII вв., Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. VII, Изд. Ин-та им. Марра ГрузФАН, Тбилиси, 1937.
Петрушевский, И. П., Вакфные имения Ардебильского мазара в XVII в., Труды Ин-та истории им. А. Бакиханова АН Азерб. ССР, т. I, Баку, 1947.
Петрушевский, И. П., Внутренняя политика Ахмеда Ак-Койюнлу, Изв. АзФАН, 1942 г., № 2. — 2-е изд., ССИА.
Петрушевский, И. П., Восстание ремесленников и городской бедноты в Тебризе в 1573 г., Изв. АзФАН, 1942 г., № 3. — 2-е изд., ССИА.

Петрушевский, И. П., Иранские источники по истории Азербайджана в XVI—XVIII вв., Изв. АзФАН, 1942 г., № 8. — 2-е изд., ССИА.
Петрушевский, И. П., Государства Азербайджана в XV в. (в двух частях), Изв. АзФАН, 1944 г., №№ 2—3 и 7. — 2-е изд., ССИА.
Петрушевский, И. П., К вопросу об иммунитете в Азербайджане в XVII—XVIII вв., Исторический сборник, т. 4, Изд. ИИАН, М.—Л., 1935.
Петрушевский, И. П., К вопросу о прикреплении крестьян к земле в Иране в эпоху монгольского владычества, Вопросы истории, 1947 г., № 4.
Петрушевский, И. П., К вопросу о подлинности переписки Рашид-ад-дина, Вестник Ленингр. Университета, 1948, № 9.
Петрушевский, И. П., Персидские официальные документы как источник по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв., Проблемы источниковедения, кн. III, изд. ИИАН, Л., 1940.
Петрушевский, И. П., Хамдуллах Казвини как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья, Изв. АН СССР по Отд. обществ. наук за 1937 г., № 4.
Полиевктов, М. А., Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу, изд. Ин-та им. Марра ГрузФАН, Тбилиси, 1935.
Полиевктов, М. А., Экономические и политические разведки Московского государства в XVII в. на Кавказе, Тбилиси, 1932.
Провинция Нахичеванская, ЖМВД за 1831 г., ч. V.
Провинция Талышинская, ЖМВД за 1831 г., ч. V.
Пружановский, Путевые записки, КС, т. XXIII.
Радлов, В. В., Опыт словаря тюркских наречий, т. I—V, СПб., 1893.
Радлов, В. В. — см. II, Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга.
Ромаскевич, А. А., Иранские источники по истории туркмен XVI—XIX вв., Материалы по истории Туркмении и туркмен, т. II, изд. ИВАН, М. — Л., 1938.
Ромаскевич, А. А., Персидские источники по истории туркмен и Туркмении X—XV вв., Материалы по истории Туркмении и туркмен, т. I, изд. ИВАН, М. — Л., 1939.
Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т. I—V, Тбилиси, 1887 и след. гг.
Семенов, А. А., Очерк земельно-податного и налогового устройства бывшего Бухарского ханства, Ташкент, 1929.
Смирнов, В. Д., Кучи-бей Гомюрджинский и другие османские писатели о причинах упадка Турции, СПб., 1873.
Тверитинова, А. С., Восстание Кара-Язызджи — Дели-Хасана в Турции, М. — Л., 1946.
Тигранов, Л. Ф., Из общественно-экономических отношений в Персии. Сводка путевых материалов и наблюдений о землевладении, податной (маллиат) и административной системах, СПб., 1909.
Тер-Аветисян, С. В., Город Джуга. Материалы по истории торговых сношений джульфинских купцов, изд. Ин-та им. Марра ГрузФАН, Тбилиси, 1937.
Толстов, С. П., По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948.
Шопен, И., Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи, СПб., 1852.
Якубовский, А. Ю., член-корр. АН СССР, Восстание Тараби в 1238 г. (к истории крестьянских и ремесленных восстаний в Средней Азии), Доклады группы востоковедов на сессии АН 20 марта 1935 г., Труды ИВАН, т. XVII. М. — Л., 1936.
Якубовский, А. Ю., Ирак на грани VIII и IX вв. н. э. Труды первой сессии арабистов при АН, изд. ИВАН, Л., 1937.

Якубовский, А. Ю., Махмуд Газневи, К вопросу о происхождении и характере Газневидского государства, Сб. «Фердовси», изд. АН, Л., 1934.
Якубовский, А. Ю., Об испольных арендах в Ираке в VIII в., Советское востоковедение, т. IV, изд. ИВАН, М. — Л., 1947.
Якубовский, А. Ю., Сельджукское движение и туркмены в XI в., Изв. АН СССР по Отд. обществ. наук, 1937 г., № 4.
Якубовский, А. Ю., Тимур (опыт характеристики), Вопросы истории, 1946 г., № 8—9.
Якубовский, А. Ю., Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Вост. Европой в X—XV вв. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I, изд. ИВАН, Л., 1933.
Якубовский, А. Ю., Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои. Сб. статей «Алишер Навои», под ред. А. К. Боровкова, изд. ИВАН, М. — Л., 1946.
Якубовский, А. Ю. — см. Греков, Б. и Якубовский, А.
Эсадзе, С., Историческая записка об управлении Кавказом, т. I—II, Тбилиси, 1906.

IV. Исследования и справочные издания на западноевропейских и восточных языках [1]

Babinger, Fr. Marino Sanuto's Tagebücher als Quellen zur Geschichte der Safawijja. A volume of oriental studies presented to Edward G. Browne on his 60-th birthday, ed. by T. W. Arnold and R. A. Nicholson. Cambridge, 1922.
Babinger, Fr., Safi-ad-din. EJ, vol. IV.
Babinger, Fr., Schejch Bedr-ed-din. „Der Islam", 1921, X.
Barb, K. A., Ueber die unter d. Namen Tarich-el-Akrad bekannte Kurden-chronik von Scheref, Wien, 1853.
Barthold, W., Schirwan, EJ, vol. IV.
Becker, C. H., Steuerpacht und Lehnwesen in d. moslimischen Staaten. „Der Islam", Bd. V, Heft 1, 1914.
Belin, M., Du régime des fiéfs militaires dans l'islamisme, principalement en Turquie. JA, t. XV, 1870.
Bellan, L. L., Chah Abbas I, sa vie, son histoire. Série „Les grands figures d'Orient", III, Paris, 1932.
Beveridge, H., Khwandamir. EJ, vol. II.
Beveridge, H., The memoirs of Shah Tahmasp I, king of Persia, „Asiatic Rewiew", IV, London, 1914.
Brosset, M., Notice sur le diacre arménien Zacaria Gabontz. MA, VII.
Browne, E. G., A history of Persian Literature under Tartar dominion (A. D. 1265—1502), Cambridge, 1920 (во 2-м изд. то же под заглавием: A literary history of Persia, vol. III, Cambridge, 1924).
Browne, E. G., A history of Persian Literature in Modern Times (A. D. 1500—1924). Cambridge, 1924 (во 2-м изд. то же под заглавием: A literary history of Persia, vol. IV, Modern Times, A. D. 1500—1924, Cambridge, 1930).
Browne, E. G., Note on an apparently unique Manuscript History of the Safawi Dynasty of Persia, JRAS, July, 1921.
Boorhan-i Qati., A Dictionary of the Persian language Ketab-e Borkhan-e Qati, talif-e Mohammed-Hoseyn-e Borhan, Calcutta, 1233/1818 (на перс. яз.).

---

[1] Выражение „см. II" означает: „см. раздел II — Источники".

Dorn, B., Das Asiatische Museum, SPb., 1846.
Dorn, B., Geschichte Schirwans unter den Statthaltern und Chanen 1538—1820, SPb., s. a.
Erdmann, F. De manuscripto Persico Iskenderi Manesii, Kazan, 1822.
Erdmann, F., Iskender Munschi und sein Werk, ZDMG, Bd. 15, 1861.
Farhang-e now bahar, talif-e Mohammed 'Ali Tabrizi Khiabani, Tabriz, 1308 (на перс. яз.).
Gibb, History of Ottoman Poetry, vol. I — II.
Hammer, J., Histoire de l'Empire Ottomane, trad. de J. Hellert, vol. IV—XIV, Paris, 1836—1839.
Hammer, J., Geschichte der schönen Redekünste Persiens, Wien, 1818.
Hidayet Hosain, Hazin. EJ, vol. IV.
Hidayet Hosain, Iskander-bey Munshi. EJ, vol. II.
Huart, Cl., Bidlisi, EJ, vol. I.
Huart, Cl., Hurufi, EJ, vol. II.
Huart, Cl., Karabagh, EJ. vol. II.
Johnson, F. Dictionary Persian, Arabic and English. London, 1852.
Khanykov, N., Lettre de M. Khanykov à M. Dorn précedée d'un rapport de cet Académicien, MA, t. III, livraison 1, 1857.
Législation Ottomane, Récueil des lois, ordonnance, traités, capitulations et autres documents officiels, Paris, 1873—1876.
Lockhart, L., Nadir-shah. Critical study, based mainly upon contemporary sources, London, 1938.
Malcolm, J., Histoire de la Perse... Traduit de l'anglais par John Malcolm... Paris, 1821.
Massignon, L., Tarika, EJ, vol. IV.
Minorsky, V., Esquisse d'une histoire de Nader-chah, Paris, 1934.
Minorsky, V., La Perse entre Turquie et Venise en XV siècle, Paris, 1932.
Minorsky, V., A Soyurghal of Qasim b. Jahangir Aq-Qoyunlu 903/1498, BSOS, vol. IX, part 4, 1939 [перс. текст, англ. перевод сойюргальной грамоты 903 г. х.—1498 г. н. э. и статья].
Minorsky, V., A civil and military review of Fars in 881-1476. BSOS, t. X, vol. I, 1939.
Minorsky, V., Kubba, EJ, vol. II.
Minorsky, V., Kurds, EJ, vol. II.
Minorsky, V., Maragha, EJ, vol. III.
Minorsky, V., Schahsewen, EJ, vol. IV.
Minorsky, V., Tiyul, EJ, Supplements, livraison „M“ bis.
Minorsky, V., Urmiya, EJ, vol. IV.
Minovi, M. and Minorsky, V. — см. II, Насир-ад-дин Туси.
Monteith, Journal of tour through Azerbidjan, JRGS, III, 1833.
de Morgan, Mission sciéntifique en Perse, Études géographiques, I, Paris, 1894.
Nève, F., Étude sur Thomas de Medzoph et sur histoire de l'Arménie au XV siècle, Paris, 1855.
Plessner, Malik, EJ, vol. III.
Quatremère — см. II, Абд-ар-реззак, Самарканди, Notice de l'ouvrage... (notes de M. Quatremère).
Quatremère — см. II, Рашид-ад-дин, Histoire des Mongols de la Perse... (notes de M. Quatremère).
Rieu, Ch., Catalogue of the Persian Manuscripts in the British Museum, vol. I — III, London, 1895.
Rosen, V., Les manuscrits persans de l'Institut des langues orientales décrits par le baron Victor Rosen. SPb., 1886.
Самуэлян Хачик. История древнего армянского права. Ереван, 1940 (на армянском яз., с русск. резюме).
Schéfer, Ch., Notice sur l'ouvrage intitulé Histoire de l'ambassadeur de Hizam-chah. Chréstomatie persane, t. II (pp. 65—103), Paris, 1885.

Seddon, C. N., Hasan-i Rumlu's Ahsanu't Tawarikh, JRAS, 1927.
Shoukry Bidair, L'institution des biens dits Habous ou Wakf, Paris, 1924.
Steingass, Persian-English dictionary, 2-nd ed., 1930.
Storey, C. A., Persian literature. A bio-bibliographical survey. Section II, fasciculus 1, General history, Section II, fasciculus 2, Special histories of Persia etc., London, 1935—1936.
Sykes, Percy, History of Persia with maps and illustrations, vol. II, 2-nd ed. London, 1921.
Teufel, F., Schah Tahmasp und seine Denkwürdigkeiten. ZDMG, Bd. 37, 1883.
Wolkof, Notice sur l'ouvrage persan intitulé Schéref-namé. JA, VIII, 1826.
Vullers, J., Lexicon Persico-Latinum etymologicum, Tt. I—II, Bonnae ad Rhenum, 1855.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

I. Архивохранилища и архивные фонды

АзЦАУ, ист. арх. — Азербайджанское центральное архивное управление. Исторический архив.

Ф. Бак. бек. к-ии — Фонд Бакинской губернской комиссии по определению состава и прав бекского сословия, 1865—1880 гг.

Ф. Верх. Груз. пр-ва — Фонд Верховного грузинского правительства, 1811—1837 гг.

Ф. воен.-окр. нач-ка — Фонд военно-окружного начальника, 1817—1841 гг.

Ф. Дерб. воен. губ-ра — Фонд Дербентского военного губернатора, 1843—1861 гг.

Ф. Касп. нал. гос. имущ. — Фонд Каспийской областной палаты государственных имуществ, 1840—1848 гг.

Ф. Куб. ком-та — Фонд Кубинского провинциального коменданта, 1810—1840 гг.

Ф. Талыш. вр. пр-ия — Фонд Временного правления Талышского ханства, 1826—1840 гг.

Ф. Ширв. ком-та — Фонд Ширванского провинциального коменданта, 1820—1840 гг.

Ф. Эрив. бек. к-ии — Фонд Эриванской (Ереванской) губернской комиссии по определению состава и прав бекского сословия, 1865—1857 гг.

Арм. ЦАУ, ист. арх. — Армянское центральное архивное управление, Исторический архив.

Ерев. — Персидские официальные документы XVI—XVIII вв. Ереванского центрального архива Армянской ССР (ныне в Гос. хранилище Арм. ССР „Матенадаран“ в Ереване).

Эчм. — Персидские официальные документы XVI—XVIII вв. Эчмиадзинского архива Армянской ССР (ныне в Гос. хранилище Арм. ССР „Матенадаран“ в Ереване).

Груз. ЦАУ — Грузинское центральное архивное управление, Исторический архив.

Ф. канц. нам-ка кавк. — Фонд канцелярии наместника кавказского, 1845—1862 гг.

ПДГ — Персидские документы XVI—XVIII вв. Рукописного отделения Государственного музея Грузинской ССР, выявленные Ю. Н. Марром и В. С. Путуридзе.

Рук. отд. ИВАН — Рукописное отделение Института востоковедения Академии наук СССР.

БЭ — Персидские официальные документы XVI—XVIII вв., относящиеся к биби-эйбатским шейхам. Рук. отд. ИВАН, из архива, № 44/584/8.

УЦГАЛ — Управление центральных государственных архивов Ленинграда.

Ф. Кавк. к-та. МФ — Фонд Кавказского комитета, Министерство финансов.

ЛГПБ — Рукописное отделение Ленинградской Государственной Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

II. Серии публикаций источников, научные и другие периодические издания

АКАК — Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, XII тт., первые 10 тт. под ред. Ад. Берже, Тбилиси, 1866 и след.

БИПР — Библиотека иностранных путешественников по России.

ДАН — Доклады Академии наук СССР.

ЖМВД — Журнал министерства внутренних дел.

ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Российского археологического общества.

ИООИА — Известия Общества обследования и изучения Азербайджана.

КС — Кавказский сборник.

Колониальная политика — Колониальная политика царизма в Азербайджане в 20—60-х гг. XIX в., ч. I—II, М.-Л. 1936—1937, Труды Института истории Академии наук СССР.

Куб. — Указы кубинских ханов. Текст, перевод и примечания. изд. Грузинского филиала Академии наук СССР, Тбилиси, 1937.

Нах. — Передняя Азия в документах, ч. I. Нахичеванские рукописные документы XVII—XIX вв. Текст, перевод и примечания, изд. Грузинского филиала Академии наук СССР, Тбилиси, 1936.

ОИДР — Общество истории и древностей Российских при Московском университете („Труды“ и „Временник“).

ЗКОРГО — Записки Кавказского отделения Росс. Географического Общества.

СМИЭБ — Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказья.

ССИА — Сборник статей по истории Азербайджана, Изд. Азерб. АН, вып. 1, Баку, 1949.

ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах.

ТВЛИВЯ — Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков.

ТВОРАО — Труды Восточного отделения Российского археологического общества.

BSOS — Bulletin of the School of Oriental Studies (University of London).

Coll. — Colléction d'historiens Arméniens traduits par M. Brosset.

EI — Encyclopédie de l'Islam, франц. издание или параллельные издания на английском и немецком языках.

GMS — Gibb memorial series.

JA — Journal Asiatique.

JRAS — Journal of Royal Asiatic Society.

JRGS — Journal of Royal Geographic Society.

MA — Mélanges Asiatiques.

MQ — Muhammedanische Quellen zur Geschichte der südlichen Küstländer des Kaspischen Meeres, herausgegeben von B. Dorn, I—IV Theil.

Publications de l'ELOV — Publications de l'Ecole des langues orientales vivantes.

ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Leipzig.

III. Учреждения и издательства

Аз ГНИИ — Азербайджанский государственный научно-исследовательский институт; АзФАН — Азербайджанский филиал Академии Наук СССР (ныне Азерб. Акад. Наук); АН — Академия Наук СССР; ГИЗ — Государственное издательство; ГрузФАН — Грузинский филиал Академии наук СССР (ныне Грузинская Академия наук); ИВАН — Институт востоко-

ведения Академии наук СССР; ИИАН — Институт истории Академии наук СССР; Ин-т им. Марра — Институт истории, материальной культуры и языка имени акад. Н. Я. Марра (ныне Грузинской Академии наук СССР); НКИД — Народный комиссариат иностранных дел СССР; ООИА — Общество обследования и изучения Азербайджана; Партиздат — Партийное издательство Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков); Соцэкгиз — Социально-экономическое издательство.

IV. Разные сокращения

Л. — Ленинград; М. — Москва; СПб. — Санкт Петербург (место издания); П. — Петроград; аз. — азербайджанское слово, азербайджанский; ар. — арабское слово, арабский; ар.-п. — арабско-персидское слово (сложное слово, в котором первая часть арабского, а вторая — персидского происхождения); ар.-т. — арабско-тюркское слово; ар.-т.-п. — арабско-тюркско-персидское слово; арм. — армянское слово; груз. — грузинское слово; м. — монгольское слово; осм. — османское слово; перс. — персидское слово, персидский; п.-ар. — персидско-арабское слово; т. — тюркское слово (буквой т. обозначены слова, общие для ряда тюркских языков); чаг. — чагатайское слово; узб. — узбекское слово; букв. — буквальное значение (слова); терм. — терминологическое значение; ед. ч. — единственное число; мн. ч. — множественное число; г. х. — год хиджры; г. н. э. — год нашей эры; д. — дело (архивное); изд. — издание, издательство; л. — лист; лл. — листы; рук. — рукопись; ф. — фонд (архивный); лит. — литографированное издание; Сб. — Сборник; Изв. — Известия; ed. — editio, edidit, édition, édité (e) par... edited by...; MS — manuscrit, manuscript; MSS — manuscrits, manuscripts.

СОДЕРЖАНИЕ

